

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**НАРОДЫ ЮГА РОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЙНАХ**

**Материалы Международной научной конференции
(6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону)**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2012

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)
Н303

Программа фундаментальных исследований Президиума РАН
«Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона
в условиях роста напряженности»

*К 200-летию Отечественной войны 1812 года
и 70-летию начала битвы за Кавказ*

Редакционная коллегия:

академик **Г.Г. Матишов** (отв. редактор),
к.г.н. **Н.И. Голубева**, д.и.н. **А.В. Венков**, д.и.н. **Е.Ф. Кринко**
(зам. отв. редактора), к.г.н. **Е.Э. Кириллова**, **Т.Г. Курбат**

Н303 **Народы юга России в отечественных войнах:** материалы Международной научной конференции (6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. – 480 с. – ISBN 978-5-4358-0038-8.

Материалы сборника посвящены участию народов юга России в отечественных войнах. Значительное место уделено созданию на юге России вооруженных формирований, военной повседневности, боевым действиям, проблемам оккупации, сопротивления и коллаборационизма в данном макрорегионе, а также отражению данных событий в исторической памяти.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также всех заинтересованных читателей.

УДК 94(47).07/.08(470.6)(063)

ISBN 978-5-4358-0038-8

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2012
© ЮНЦ РАН, 2012

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC RESEARCH
AND HUMANITIES**

**THE PEOPLES
OF THE SOUTH OF RUSSIA
IN PATRIOTIC WARS**

**Proceedings of the International Scientific Conference
(6–7 September 2012, Rostov-on-Don)**

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2012

UDC 94(47).07/.08(470.6)(063)
P41

Programme of Basic Research of the RAS Presidium
“The Basic Problems of Poly-Ethnic Macro-Region Modernization
under the Conditions of Tension Growth”

*Dedicated to the 200-year anniversary of the Patriotic War of 1812
and the 70-year anniversary of the beginning of the Battle for the Caucasus*

Editorial Board:

Academician RAS ***Matishov, G.G.*** (Managing Editor),
PhD ***Golubeva, N.I.***, Dr (History) ***Venkov, A.V.***, Dr (History) ***Krinko, E.F.***
(Deputy Managing Editor), PhD ***Kirillova, E.E.***, and ***Kurbat, T.G.***

P41 Matishov, G.G. (Ed.) (2012). **Peoples of the South of Russia in Patriotic Wars.** Proceedings of the International Scientific Conference (6–7 September 2012, Rostov-on-Don). Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. 480 p. (in Russian). ISBN 978-5-4358-0038-8

The proceedings specifically consider the participation of the peoples of the South of Russia in patriotic wars. Significant focus is on the formation of armed units in the South of Russia, everyday military life, combat operations, problems and issues of occupation, resistance and collaborationism in the considered macro-region, and reflection of the indicated events in historical memory.

The publication is intended for researchers, university teachers, graduate and undergraduate students, as well as readers interested in the subject.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юг России на протяжении многих столетий оставался местом беспокойным, объектом устремлений разных политических сил и государств. Именно здесь, в непрестанной борьбе с захватчиками, в процессе расширения и укрепления границ России зародилось такое уникальное явление, как казачество.

Важными вехами в истории юга России, как и всей страны, стали отечественные войны – так называются справедливые войны в защиту Родины. Сразу несколько войн, которые вела Россия, считаются отечественными. Первой из них является Отечественная война 1812 г. Нашествие Наполеона на Россию стало огромным потрясением для страны, на борьбу с противником поднялись представители разных сословий. Было создано народное ополчение, начался сбор средств. Ценой невероятных усилий всего народа враг был в итоге разгромлен и уничтожен.

13 июня 1812 г., подписав манифест о войне с Францией, русский царь Александр I заявил, что не положит оружия, «доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем» [1]. 6 июля был издан правительственный Манифест о сборе земского ополчения. Следует учесть, что Россия вела одновременно войну с Ираном. Постоянно вспыхивали стычки и на Кавказской линии. Поэтому Черноморское казачье войско выставило против Наполеона только Черноморскую сотню лейб-гвардии казачьего полка и два черноморских полка – конный и пеший. Казаков Линейного войска на войну с Наполеоном и вовсе не взяли, они должны были охранять южную границу.

Тяжесть войны с Наполеоном легла на Донское войско, которое выставило больше казаков, чем числилось боеспособных на Дону. В ополчение решено было призвать «всех имеющих в наличии при войске служилых, отставных всякого сорта льготных и маловажными иногда должностями занятых штаб- и обер-офицеров, урядников и писарей, казаков и выростков до 17-летнего возраста, включая и оный, не изъемя ни единого могущего только носить воинское оружие, кроме весьма дряхлых, равно сущих калек и жестоко больных, совершенно не способных к походу». Кроме того, решено было отправить с ополчением рабочие полки донских казаков, набравшиеся на общих основаниях, но использовавшиеся для строительства Новочеркасска [2]. Всего было собрано в ополчение на Дону 26 казачьих полков, объединивших в своих рядах 3943 служилых офицера и казаков и 8752 поступивших добровольно отставных стариков и еще не служивших подростков. В целом в сражениях с Наполеоном участвовало 65 донских казачьих полков.

Свой вклад в борьбу с врагом внесли калмыки. Два конных полка калмыков Дербетской и Турутовой орд под командованием тайши Джамбы Тундутова и нойона Сербеджаба Тюменя воевали в составе 3-й русской армии и вместе с другими войсками дошли до Парижа. Ставропольский калмыцкий полк из крещеных калмыков воевал в летучем корпусе М.И. Платова. Там же, в корпусе М.И. Платова, сражались два крымских конно-татарских полка – Симферопольский и Перекопский – и Евпаторийский татарский.

Казачьи и другие конные полки, состоявшие из представителей народов юга России, внесли огромный вклад в разгром и фактически в уничтожение вторгнувшегося в Россию неприятеля. Наполеон жаловался, что казаки «разрвали» его армию. Империя Наполеона рухнула, расстановка политических сил в Европе и мире радикально изменилась, и русский царь долгое время считался «первым монархом Европы», «царем царей». Благодаря победе в Отечественной войне 1812 г. казаки, вступившие в Париж в 1814 г., приобрели европейскую славу.

Начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война была объявлена в России Второй Отечественной войной. 20 июля Николай II в Большом зале Зимнего дворца торжественно заявил, что не заключит мира до тех пор, «пока последний неприятельский воин не уйдет с земли нашей» [3]. В стране начался большой патриотический подъем, подтверждением которого стала явка на призывные пункты 96 % подлежащих призыву. Военный теоретик Н.Н. Головин отмечал: «Первым стимулом, толкавшим все слои населения России на бранный подвиг, являлось сознание, что Германия сама напала на нас... Угроза Германии разбудила в народе социальный инстинкт самосохранения» [4].

Термин «Вторая Отечественная» по отношению к войне 1914–1918 гг. не прижился. Война стала мировой, ее обоснованно называли Великой, но для России она закончилась трагически. Тем не менее казаки юга России и в этой войне в очередной раз продемонстрировали высокий уровень боеспособности. Все российское казачество выставило на фронт около 300 тыс. чел. Более 80 % составляли казаки юга России: 114 тыс. – донские, 107 тыс. – кубанские, 19 тыс. – терские, 2 тыс. – астраханские. Народы Северного Кавказа были освобождены от воинской повинности, но они выставили набранную из добровольцев Кавказскую конную туземную дивизию. Она состояла из 6 конных полков (Чеченского, Ингушского, 2-го Дагестанского, Черкесского, Кабардинского, Татарского). Эта дивизия считалась одной из храбрейших на фронте, а ее всадники – эталоном лихости и мужества. Еще два конных полка – Осетинский и Дагестанский – входили в состав 3-й Кавказской казачьей дивизии.

Великая Отечественная война – составная часть Второй мировой войны, самой тяжелой и кровопролитной из всех войн, которые велись человеком, – затронула наш регион непосредственно. В летнюю кампанию 1942 г. бассейны Дона, Нижней Волги, Кубани, Терека и предгорья Кавказа оказались в эпицентре сражений, в которых решился исход Великой Отечественной и всей Второй мировой войны. Советские воины выдержали страшный удар самой совершен-

ной на тот момент в мире военной машины. Коренной перелом в войне начался именно на юге в ноябре 1942 г., в предгорьях Кавказа и под Сталинградом. Истинному значению целого ряда кровопролитных военных операций (попыткам прорыва Миус-фронта и «Голубой линии», боям в большой излучине Дона, ногайских и калмыцких степях, на ростовском, моздокском, грозненском, орджоникидзевском и астраханском направлениях, действиям Каспийской военной флотилии) пока еще уделяется недостаточно внимания при оценке общего хода Великой Отечественной войны.

Свой вклад в победу в войне внесли представители всех народов юга России. Летом – осенью 1941 г. из Северо-Кавказского военного округа на фронт отправилось 17 кавалерийских дивизий, в том числе 9 кубанских, 5 донских, 2 ставропольских и 1 кубано-терская (всего более 50 тыс. чел.). В 1942 г. в состав РККА был зачислен сформированный на добровольческой основе 17-й казачий кавалерийский корпус, включавший 12-ю и 13-ю Кубанские, 15-ю и 116-ю Донские казачьи дивизии. Позже на его основе были созданы 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские казачьи кавалерийские корпуса. Элитным соединением Красной армии стала сформированная в 1943 г. 9-я гвардейская пластунская Краснодарская Краснознаменная дивизия.

Всего в годы войны в составе РККА действовали 70 казачьих соединений. Вместе с ними с врагом сражались 110-я Калмыцкая и 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийские дивизии, 255-й Чечено-Ингушский и 29-й Адыгейский кавалерийские полки, Дагестанский кавалерийский эскадрон и другие национальные части и соединения. Сотни тысяч жителей юга служили в стрелковых, кавалерийских, танковых, артиллерийских, инженерно-саперных и других частях и соединениях, в Военно-морском флоте и Военно-воздушных силах, сражались с врагом в партизанских отрядах и подпольных организациях, а также строили оборонительные рубежи, работали в тылу, снабжая фронт всем необходимым.

Однако были во время войны и случаи перехода к противнику представителей народов нашего региона. На стороне вермахта воевало около 70 тыс. казаков, 28 тыс. представителей Северного Кавказа, значительное количество других советских граждан. Их судьба стала еще одной трагической страницей нашей военной истории, тесно связанной с предшествующим периодом ее развития.

Разобраться в причинах сложных и трагических событий Великой Отечественной войны, Отечественной войны 1812 г. и других войн, которые вела Россия, – задача академической науки. Поэтому среди исследовательских направлений Южного научного центра РАН и входящего в его состав Института социально-экономических и гуманитарных исследований в последние годы одно из важнейших мест заняла военная история. В течение нескольких лет подряд проводятся научные конференции, вызывающие широкое внимание специалистов не только России, но и других стран [5]. Изданы фундаментальные научные труды, посвященные боевым действиям на юге России [6].

Опыт отечественных войн показывает, что юг России неизменно оставался верным оплотом Родины всегда, когда враг приходил на нашу землю. Изучение

героического прошлого нашего региона может и должно становиться важным вкладом в дело сохранения исторической памяти и воспитания молодежи. Надеюсь, что решить эти задачи удастся совместными усилиями.

Примечания:

1. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2007. С. 19.
2. Донские казаки в 1812 году. Сб. документов. Ростов н/Д, 1954. С. 169.
3. Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов н/Д, 2003. С. 57.
4. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // Военно-исторический журнал. 1993. № 9. С. 39.
5. Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: материалы Междунар. науч. конф. (28–29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог). Ростов н/Д, 2010; Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): материалы Междунар. науч. конф., 1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.
6. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010; 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011 и др.

Академик Г.Г. Матишов

РАЗДЕЛ 1

УЧАСТИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЙНАХ ЖИТЕЛЕЙ И ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ, СОЗДАННЫХ НА ЮГЕ РОССИИ

А.В. Венков

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В СУДЬБАХ ДОНСКИХ КАЗАЧЬИХ ОФИЦЕРОВ (по материалам ГАРО)

Отечественная война 1812 года, сыгравшая огромную роль в истории нашей Родины, стала очень важным этапом и в истории донского казачества. Война была выиграна благодаря невиданному напряжению сил всего народа. И в истории донского казачества это был этап уникального напряжения всех сил. В военной традиции донских казаков в XVII–XVIII вв. были так называемые «всеобщие походы», когда поднималось все боеспособное мужское население. Но такие походы были кратковременны, и ¼ часть боеспособных неизменно оставалась дома, чтобы защищать казачьи селения в случае неожиданного нападения врагов.

В первое десятилетие XIX в. Россия вела параллельно несколько войн – с Францией (1805–1807), Турцией (1806–1812), Ираном (1804–1813) и Швецией (1808–1809). Казачьи полки постоянно привлекались для участия в этих конфликтах. Всего в начале XIX в. казачьего населения на Дону числилось 320 тыс. чел. Если не считать женщин, детей и стариков, то мужского боеспособного населения на 1 июня 1812 г. насчитывалось 51 500 чел. Из них 41 300 чел. в это время уже находились в донских казачьих полках, на службе. Т.е. еще до наполеоновского нашествия Донское войско находилось как бы в состоянии «всеобщего похода» и имело на Дону боеспособных даже меньше, чем полагалось по традиции.

Но в разгар войны было дополнительно собрано в ополчение на Дону 26 казачьих полков, объединивших в своих рядах 3943 служилых офицеров и казаков и 8752 поступивших добровольно [1]. Т.е. войско выставило на войну еще больше казаков, чем официально числилось в качестве «служилых» и «бое-

способных». Казаки за всю свою историю не выставляли такого «поголовного» ополчения.

Между тем, для жизни и военной службы многих казаков Отечественная война 1812 года имела не столь существенное значение. Об этом свидетельствуют произвольно выбранные послужные списки 9 донских есаулов, составленные после Отечественной войны 1812 года и заграничных походов.

Так, послужной список Степана Максимовича Попова (1775 г.р.) содержит описание походов и боев в 70 строках, но участие в Отечественной войне описано в 10 строках, а заграничные походы 1813–1814 гг. еще на 16 строках. Послужной список Ивана Алексеевича Сысоева (1782 г.р.) включает 39 строк описаний боев и походов, при этом 13 строк посвящено Отечественной войне и еще 12 заграничным походам. Послужной список Ивана Прокофьевича Косоротова (1774 г.р.) – всего 31 строка, Отечественной войне и заграничным походам посвящено по 7 строк. Послужной список Трефила Ивановича Князева (1768 г.р.) содержит, соответственно, 45, 9 и 5 строк. Послужной список Василия Максимовича Дуткина (1785 г.р.) – 52, 20 и 9 строк. Послужной список Михаила Федоровича Малчевского (1885 г.р.) – 44, 14 и 12 строк. Послужной список его брата Николая Федоровича Малчевского (1789 г.р.) – 36, 13 и 10 строк. Послужной список Федота Андреевича Попова (1780 г.р.) – 63, 18 и 30 строк. Послужной список Севастьяна Денисовича Ситникова (1777 г.р.) – 46, 14 и 9 строк [2].

Есаул С.М. Попов участвовал в походах с 1792 г., имел два ордена за сражение с турками у Россевато в 1809 г. и за Лейпцигскую битву в 1813 г. Ни разу не был ранен, хотя *«за все продолжение всех компаниях был во многих перестрелках и партиях, где поступал как долг и звание расторопного и храброго офицера требовал»* [3]. И.А. Сысоев участвовал в боях и походах, начиная с 1794 г. (против поляков), но ни награжден, ни ранен не был, хотя только в 1812 г. участвовал в 16 боях. В отличие от других рассмотренных офицеров знал французскую грамматику и осознавал «серьезность момента» – в его послужном списке Отечественная война названа походом *«против совокупившихся народов и царств, вошедших в Россию»* [4].

Есаул И.П. Косоротов, хотя и начал свою боевую деятельность в 1788 г. со сражения под Анапой, тоже не был ни разу ранен, ни награжден, лишь в 1813 г. под Франкфуртом получил контузию в плечо и был досрочно произведен в есаулы. Т.И. Князев был ранен в 1806 г. под Пултуском *«насквозь брюха пулей навyleт»* и в той же кампании, но в 1807 г. награжден орденом и золотой саблей *«за храбрость»*. Больше наград не имел.

В.М. Дуткин еще до производства в офицеры заслужил Георгиевский крест за бои 1807 г. В 1812 году был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени за партизанские действия на дороге Минск – Вильно: *«бывши на оной с 12 казаками для разведывания о движениях неприятельских, отбил препровождавшихся в плену нынешнего генерала от кавалерии и кавалера барона Винцегороде, генерал-майора Свечина, нынешнего генерал-майора Нарышкина, войска Донского есаула Князева, взял препровождавших их французских чиновников, схватил двух курьеров и много набрал в плен, за что награжден орденом св. равноапостольного*

князя Владимира 4-й степени, под 8-е число ноября по повелению генерала от кавалерии графа Витгенштейна был послан с запиской его сквозь неприятельскую армию к адмиралу Чичагову бывшему около Минска, которую к нему, равно и от него Чичагова таковую ж к графу Витгенштейну доставил с большой опасностью и трудом исправно» [5]. Еще один орден – Св. Анны – Дуткин заслужил в 1813 г. под Гамбургом, а в сражении под Лаоном в 1814 г. был ранен в плечо осколком гранаты.

Есаул М.Ф. Малчевский был ранен в арьергардных боях в августе 1812 г. в ногу пулей навывлет, но в октябре уже участвовал в сражении под Тарутино. Орден Св. Анны получил за сражение под Гольберштадтом в мае 1813 г. Н.Ф. Малчевский получил Георгиевский крест, будучи урядником, за бои 1807 г. В 1812 г., в июле «28-го при местечке Мире, где по храбрости своей, врубаясь в неприятельские эскадроны, наносил им великий вред и, подавая собой пример другим, много служил в совершенном разбитии оного, причем тяжело ранен в голову два раза сабельными ударами и [в] обе руки по два раза, за что награжден орденом св. Анны 3 класса в сабле» [6]. Однако раненый герой быстро пришел в себя и участвовал в Бородинском сражении. В кампанию 1813 г. был ранен под Бельцигом пулей в правую ногу.

Есаул Ф.А. Попов еще до производства в офицеры, в мае 1807 г., под Гутштадтом был ранен в левый бок пулей навывлет и заслужил Георгиевский крест. В мае 1813 г. ранен штыком в левый бок, 17 февраля 1814 г. под Суасоном – саблей в левую руку. Награжден 2 русскими орденами и 1 прусским (без указания времени). С.Д. Ситников, участник Аустерлицкого сражения, за сражения при Рущуке в 1810 и 1811 гг. удостоился высочайшего благоволения и досрочного производства в есаулы. 11 ноября 1812 г. под Борисовым был тяжело ранен пулей в колено правой ноги. В боях смог участвовать лишь с декабря 1813 г. 8 марта 1814 г. в сражении при Арсис-сюр-Обе под Ситниковым был убит конь, но сам он награжден орденом Св. Анны.

Как видно из всех перечисленных наград лишь две гарантированно получены за бои 1812 г. Шесть из упомянутых наград получены до Отечественной войны и пять – во время заграничных походов. В 1812 г. три офицера получили ранения, среди них оба брата Малчевские – выходцы из Польши, записанные в казаки, причем один из них был изрублен в рукопашной схватке под Миром такими же поляками (случай для казачьего офицера очень редкий). Остальные офицеры пострадали в предыдущих или последующих кампаниях (в 1813–1814 гг. – 5 чел.) от ружейного и артиллерийского огня. Исключение составляет «георгиевский кавалер» Ф.А. Попов, раненный пулей, саблей и штыком.

Интересно, что с окончанием военных действий две трети указанных есаулов продолжали рутинную пограничную службу. Двое служили на австрийской границе, один – на Дунае, один – в Гродненской губернии, один – в Грузии, и еще один – тоже «в Грузии Бамбакской и Шурагельской провинциях у содержания между границами персидской и турецкой постов» [7]. Трое числились «при Войске», ждали направления в полки. Таким образом, Отечественная война 1812 года при всей своей значимости для истории России, для большинства

казачьих офицеров оставалась важным, но при этом рядовым и кратковременным эпизодом в их служебной карьере.

Примечания:

1. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 253.
2. Государственный архив Ростовской области. Ф. 344. Оп. 1. Д. 234. Послужные списки есаулов.
3. Там же. Л. 18.
4. Там же. Л. 20.
5. Там же. Л. 43.
6. Там же. Л. 208.
7. Там же. Л. 252.

А.В. Лазарев

**ДОНСКОЙ АТАМАНСКИЙ
ГРАФА М.И. ПЛАТОВА ПОЛК:
ГОД 1812-й**

Начало Атаманскому полку было положено так называемой «сотенной казачьей командой». Черкасские атаманы просили императрицу, чтобы им разрешено было иметь при себе постоянную команду для розысков и наказания виновных. Такая команда в сто казаков была учреждена при императрице Елизавете Петровне в атаманство Данилы Ефремова. Начальником ее был назначен походный есаул Семен Никитич Сулин.

5 мая 1775 г., по распоряжению князя Г.А. Потемкина-Таврического, войсковой атаман А.И. Иловыйский сформировал пятисотенный полк, получивший название войска Донского Атаманский полк, *«дабы оный, будучи всегда в особом присмотре и попечении Войскового атамана, исправностью своею во всех нужной казацкой службе оборотах, служить мог образцом для всех прочих полков»*. На этот же полк возлагались обязанности внутренней службы. Первым командиром полка был назначен полковник Андрей Степанович Дячкин [1]. В полк приказано было назначить лучших казаков со всех станиц, людей степенных и богатых. Делился полк на пять сотен, сотнями командовали есаулы, в каждой сотне было два младших офицера – один сотник и один хорунжий. Кроме того, в полку был один писарь и один квартирмейстер. Казаков было положено иметь 483 чел. По числу сотен в полку имелось 5 войсковых хоругвей, как и в других казачьих полках.

Всем чинам полка было положено жалованье. Полковник получал 300 руб., есаулы, сотники, хорунжие и квартирмейстер – по 50 руб., полковой писарь – 30 руб., казаки – по 1 руб. месяц. Каждый казак должен был иметь собствен-

ных двух верховых лошадей и все обмундирование и снаряжение. Первые атаманцы носили высокую баранью шапку из серой смушки с голубым суконным верхом, голубой суконный кафтан с прорехой под пазухой, подпоясанный малиновым кушаком, широкие шаровары голубого цвета. Сапоги у казаков были черные, у офицеров цветные. Кафтаны были оторочены желтой тесьмой. Холодным оружием была сабля и пика с красным древком; огнестрельным – ружье, один или два пистолета.

29 сентября 1802 г. было приказано увеличить в два раза численность людей в Атаманском полку, т.е. до 1 тыс. чел., которые делились на 10 сотен. В это время атаманцы носили уже однообразные мундиры и шаровары. 18 августа 1801 г. приказано было атаманцам вместо прежних длинных кафтанов носить чекмени из темно-синего сукна с голубыми выпушками по воротнику и обшлагам, шаровары с голубым лампасом, короткие сапоги, у офицеров и урядников со шпорами, у казаков без шпор. Шапки черные высокие, барашковые, с султаном из белых, а на корне черных и оранжевых перьев, с кистями из белого шелка. Чекмени подпоясывались белыми кушаками. Патронташи и портупей были черной кожи. В летнее время вместо чекменей носились куртки, заправлявшиеся в шаровары [2]. Полком в то время командовал майор Степан Федорович Балабин.

11 июня 1812 г. Наполеон перешел через р. Неман. Началась Отечественная война. Русские войска отступали вглубь России, к Москве. Отступление это прикрывал атаман Платов с казаками. Каждый день дрались атаманцы с французскими разъездами и головными частями, не допуская их приблизиться к нашим войскам. 27 июня Платов узнал, что три колонны кавалерии графа Турно намерены атаковать казаков. Донской атаман принял решение разгромить их. У деревни Мир он поставил большую часть своих полков и артиллерии, а двум сотням Атаманского полка приказал рассыпаться в лаву и заманить полки в засаду.

Казачья хитрость удалась. Противник потерял на поле боя свыше 600 чел. убитыми и ранеными. Это была первая наша победа над французами в войне, которая позволила за двое суток 2-й русской армии отдохнуть, подтянуть отставшие обозы, произвести перегруппировку сил и отступить на соединение с 1-й армией [3]. Почти все офицеры получили ордена, семь хорунжих за храбрость были, произведены в сотники, четверо урядников получили чин хорунжего.

2 июля атаманцы участвуют в разгроме авангарда французской армии при деревне Романово, 9 и 11 июля – при г. Могилеве; 27 июля – при деревнях Молево Болото и Лешни. 6 и 7 августа – на большой Смоленско-Московской дороге, при отступлении от города Смоленска, 9 августа – между деревней Пнева Слобода и селом Соловьево (Соловьева переправа), на правом берегу р. Днепр, 11 августа – между деревней Михалевка и селом Усвятье на Дорогобужской дороге; 12 августа – при городе Дорогобуже; 13 августа – за Дорогобужем; 15 августа – при селе Беломирском, на реке Осьме. С 16 по 23 августа в ежедневных арьергардных боях на большой Смоленско-Московской дороге, 24 августа – при Колоцком монастыре.

В этих боях отличились войсковые старшины Копылков и Янов и есаул Пантелеев, сотники Шершнев, Фомин и Быкадоров, хорунжие Свиридов, Девяткин и Протопопов, Акимов и Каймашников, урядники Копылков, Касаркин, Панкратов, Пухляков и Саринов. За два месяца отступления полк потерял убитыми и ранеными 300 чел. [4].

Особая страница истории полка – Бородинское сражение. В день Бородинского сражения полк был разделен на две части. Две сотни под командой есаула Пантелеева вошли в состав казачьего отряда Платова и должны были оберегать правый фланг нашей позиции, а остальные пять сотен с полковым командиром полковником Балабиным ушли на 15 верст в сторону, для охраны левого фланга (полк из-за убыли офицеров и казаков был рассчитан на семь сотен). На долю сотен Пантелеева выпало совершить поиск к обозам неприятеля, помешать Наполеону прорвать оборону русских войск. Наполеону донесли, что в тылу французских войск хозяйничают казаки. Это были атаманские сотни Пантелеева и казачьи полки М.И. Платова; они в разгар боя перешли вброд реку Колочу, опрокинули стоявший в лесу 84-й пехотный французский линейный полк и наскочили на обозы. Наполеон, не зная реальной численности казаков и кавалеристов Ф.П. Уварова, остановил наступление в центре и на правом фланге, и направил на поддержку Богарне две колонны численностью свыше 23 тыс. чел. Почти два часа потребовалось французам для выяснения обстановки, и только в 14 часов они начали третью атаку на Багратионовы флеши и село Семеновское. Однако время было упущено [5].

Целых три часа хозяйничали казаки в обозе Наполеона. Наконец пришло приказание вернуться за реку Колочу и быть готовым на случай атаки. Но атаки не было: Кутузов решил сохранить армию и отдать Москву, Наполеон побоялся жертвовать своими последними резервами. Темнота прекратила бой. Обе армии остались на занятых еще утром местах. В полночь русские войска поднялись с позиции и начали медленно отступать. Между ними и французами стали казаки.

Простояв около месяца в Москве, французы начали отступать. Казаки последовали за ними, окружив их армию плотным кольцом. Атаманский полк входил в отряд графа Орлова-Денисова. 6 октября казачий отряд подошел к реке Чернишне, где стоял биваком Мюрата, один из главных помощников Наполеона. Решено было атаковать Мюрата с трех сторон. С двух должна была идти пехота, а с третьей казаки. Атака должна была совершиться одновременно. Однако пехота заблудилась ночью в лесу и не пришла вовремя. Наступило утро, французы поднялись, повели лошадей на водопой, начали разводять огни.

Тогда Орлов-Денисов вызвал охотников, которые должны были начать атаку. Из Атаманского полка вызвались хорунжие Силкин, Еремкин, Егоров, Гульцов, Алешин, Шильченков, Иванков, Ульянов, Макаров и Нефедов, шесть урядников и более двухсот казаков. Они рассыпались лавой и с дружным гиком поскакали на лагерь. Французы поспешно расхватили ружья и стали в колонны. Часть кирасир и карабинеров вскочила на лошадей и встретила в беспорядке атаманцев. Артиллеристы развернули орудия против охотников. Офицеры-

атаманцы сами рубили неприятеля, подавая пример казакам. Они отбили два зарядных ящика и взяли нескольких человек в плен. Нестройные толпы кирасир были опрокинуты атаманской лавой и бежали. Часть казаков бросилась преследовать их, часть захватила батареи. Есаул Лосев с сотником Балабиным и сотней атаманцев врубились в пехотную колонну, опрокинули ее и добрались до артиллерии. Сотник Балабин, собрав свой взвод, отнял и увез под картечным огнем одно орудие. В другом конце сотники Чеботаров, Попов, Краснянский, Балабин и Каймашиников атаковали пехоту, которую после долгого сопротивления смешали, сбили и обратили в бегство, взяв два зарядных ящика.

Тем временем подоспела пехота. Мюрат поспешно отступил. 38 орудий и весь его лагерь достались казакам. Этот бой на реке Чернишне у деревни Тарутино было первым делом, где русские войска атаковали французов, а не наоборот. Почин этому, первый удар на французов, первое смятение среди них произвели атаманские сотни. Все офицеры полка получили за это дело ордена, пятеро были награждены золотыми саблями «за храбрость», шесть урядников, бывших в охотниках, произведены в хорунжие [6].

13 октября атаманцы едва не захватил в плен самого Наполеона. В то утро французский император отправился верхом с конвоем и с генералами Коленкурром и Раппом, осмотреть место бывшего 12 октября под Малоярославцем сражения. Не отъехав и версты от бивака своей гвардии, они увидели у деревни Городни выходящую из леса стройную колонну, которую приняли за французскую кавалерию. Но это были казаки. Эскадрон свиты Наполеона кинулся навстречу казачьим сотням и весь был уничтожен. Рапп, схватив под уздцы лошадь Наполеона, поскакал с ним от казаков. Ударом пика казак убил лошадь Раппа, она упала, прикрыв его собою. Только благодаря этому он и остался жив. Казаки не знали, что маленький, закутанный в маховую куртку человек – Наполеон, и дали ему уйти, а сами направились на бивак гвардейской артиллерии. Атаманцы взяли 40 орудий: 11 пушек успели увезти, а 29 испортить, так как были атакованы гвардейской конницей под командованием маршала Бессьера [7].

2 декабря атаманцы следом за французами прошли в город Ковно. 3 декабря в Ковенском городском соборе служили торжественный молебен по случаю освобождения России. Атаманцы присутствовали на этом молебне. Их осталось всего 150 чел. из 1 тыс. с лишним. Остальные 900 чел. полегли за Веру, Царя и Отечество. Одни убиты в бою, другие умерли от ран, от болезней, от мороза, даже от голода. Лишь бежавших с поля боя не было в этом числе. 1812-й год стал славнейшим годом в жизни Атаманского полка.

Примечания:

1. Краснов П.Н. Атаманская памятка. Краткий очерк истории Лейб-Гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1775–1900. Ростов н/Д, 2005. С. 6–7.
2. Там же. С. 8.

3. Харкевич В. Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 году. Кавалерийские бои при Мире и Романове. СПб., 1901. С. 13–16.
4. Краснов П.Н. Указ. соч. С. 13.
5. Агафонов А.И. Донские казаки. Грудь в крестах... Из истории пожалований, наград и знаков отличия донского казачества. XVI – начало XX вв. Ростов н/Д, 2009. С. 315.
6. Краснов П.Н. Указ. соч. С. 15–16.
7. Картины бывшего Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. Т. 2. М., 1992. С. 24.

Г.Г. Кислякова

ГЕРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ ГРАФ В.В. ОРЛОВ-ДЕНИСОВ

В Донском музее собрана уникальная коллекция портретов, личных и памятных предметов героев-казаков, участников Отечественной войны 1812 г. Наиболее интересны предметы из семьи Орловых-Денисовых. Эта двойная фамилия объединила два знаменитых казачьих рода Денисовых и Орловых. В начале XX в. потомок В.В. Орлова-Денисова Василий Петрович Орлов-Денисов передал Донскому музею большую коллекцию семейных реликвий. На сегодняшний день в Новочеркасском музее находится два мундира графа В.В. Орлова-Денисова: генерала Войска Донского и лейб-гвардии казачьего полка. Помимо мундиров в коллекции музея много личных и памятных предметов из семьи Орловых-Денисовых. Итогом многолетней работы научных сотрудников по изучению истории семьи Орловых-Денисовых и их предметов стала выставка «Казачий род Орловых-Денисовых в истории России», экспонировавшаяся в 2009–2010 гг. в рамках программы празднования 200-летия Отечественной войны 1812 г. и вызвавшая интерес у посетителей музея. В ходе подготовки выставки мы обратились к истории рода знаменитого героя Отечественной войны, а также к наиболее ярким эпизодам биографии и боевого пути Василия Васильевича Орлова-Денисова.

Род Денисовых старейший на Дону. Основатель рода Денис Ильич переселился на Дон во второй половине XVII в. во время гонения на старообрядцев, к которым, он и принадлежал, согласно преданию. Очень мало сведений дошло до наших дней о подвигах Дениса Ильича, известно только, что его прозвище было Богатырь, что принимал он у себя в Пятиизбянской станице Великого Петра, участвовал в штурме турецкой крепости Азов. Первой женой его была дочь знаменитого Стеньки Разина – Евгения, но чем-то не угодила она Денису, и по казачьему обычаю он развелся с ней на майдане. Имя второй жены история не сохранила, известно только отчество – Макарьевна, она родила Денису Ильичу двух сыновей, Петра и Федора.

Федор Петрович был вторым сыном Петра Денисовича. Он родился в 1738 г. В 18 лет женился на Марине Петровне Чернозубовой, дочери донского старшины станицы Трехостровянской. В 1769 г. в 30-летнем возрасте Федор Петрович пошел «охотником» на русско-турецкую войну (1768–1774) с Донским полком, где служил есаулом. В бою под Ларгой его заметил командующий русской армией генерал от инфантерии П.А. Румянцев. С этих пор началась известность Ф.П. Денисова, поставившая его в ряд славных полководцев царствования императрицы Екатерины II. Он участвовал во многих войнах, которые вела Россия во время правления Екатерины II, и был неоднократно ею отмечен. Ф.П. Денисов дослужился до чина генерала от кавалерии, получил награды: орден Св. Георгия 4-й, 3-й, 2-й степеней, золотую медаль с портретом Императрицы Екатерины II, орден Александра Невского, орден Св. Анны 1-й степени, орден Св. Владимира 2-й степени, бриллиантовое перо, большой крест Иоанна Иерусалимского, прусский орден Красного орла, польский орден Белого орла, две сабли, украшенные драгоценными камнями с вензелем Екатерины II и 1200 душ крестьян. В 1798 г. Ф.П. Денисов был назначен командиром лейб-гвардии казачьего полка. В том же году его первым среди донских казаков возвели в «графское Российской империи достоинство».

От брака с М.П. Чернозубовой Ф.П. Денисов имел единственную дочь Дарью, вышедшую замуж за Василия Петровича Орлова (1753–1801). В.П. Орлов происходил из казаков станицы Старочеркасской. Его дед, старшина Войска Донского Михаил Патрикеевич Орлов, был выходцем из Москвы, бежал отсюда от гнева Петра Великого во время волнения стрельцов. В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. участвовал в качестве походного есаула. Видимо, хорошо проявил себя, потому что ему было жаловано звание старшины и прощение царя. Об отце В.П. Орлова сведений не дошло.

В русско-турецкой войне 1787–1791 гг. В.П. Орлов был походным атаманом донских казачьих полков. В 1792 г. получил звание генерал-майора, а в 1797 г. назначен атаманом Войска Донского. От первого брака с Дарьей Федоровной Денисовой имел сына Василия и дочь Наталью (замужем за А.В. Машлыкиным). Остальные дети родились от второго брака с Екатериной Дмитриевной Иловайской.

В 1801 г., оставшись без наследника мужского пола, Ф.П. Денисов с Высочайшего разрешения Императора Александра I передал фамилию и титул графа единственному внуку Василию Васильевичу Орлову. Так на Дону появилась новая фамилия Орловых-Денисовых, объединившая две знаменитые фамилии.

Василий Васильевич Орлов родился 8 сентября 1775 г. (ст. ст.). Начал службу в 12 лет казаком в полку своего отца, в 13 лет в чине сотника находился в сторожевом отряде на турецкой границе у Черного моря. Через два года был переведен в разъездной полк в Санкт-Петербург, в 1791 г. произведен в есаулы, в 1792 г. в войсковые старшины. Дед граф Ф.П. Денисов ввел его в круг высшего общества Санкт-Петербурга. Но недостаток образования мешал юноше в общении с хорошо образованными новыми знакомыми. И, не стесняясь свое-

го 17-летнего возраста, В.В. Орлов-Денисов поступил приходящим учеником в частное училище около Анненской кирхи на Кирочной улице, где без отрыва от службы в течение трех лет приобрел знания по истории, географии, математике, французскому и немецкому языку. Стремление к образованию поддерживал и его новый друг поэт Г.Р. Державин, который искренне любил Орлова и даже посвятил ему свою поэму «Атаман». Державин познакомил своего любимца с крестницей фрейлиной Марией Алексеевной, дочкой первого министра финансов России графа Алексея Ивановича Васильева. Позже она стала женой графа Василия Васильевича.

В 1794 г. Орлов в составе Донского казачьего полка Краснова выступил в польский поход, в 1798 г. получил чин подполковника, а на следующий год – полковника. На Дон возвратился в 1801 г. В 1807 г. воевал в составе лейб-гвардии казачьего полка. За храбрость, оказанную в ходе кампании, графу Орлову-Денисову был пожалован чин генерал-майора, прусский орден «За заслуги», орден Св. Георгия 4-й степени.

В 1808 г. В.В. Орлов-Денисов был назначен командиром лейб-гвардии казачьего полка. Этот полк стал родным не только для него, его потомки считали за честь служить в данном полку. 12 июня 1812 г. непобедимая до этого времени армия Наполеона без объявления войны начала переправу через реку Неман, тогдашнюю границу России. Орлов-Денисов был с лейб-казаками в районе Ковно. Первым встретил врага разъезд лейб-казаков под командой штабс-ротмистра Рубашкина, тотчас пославшего донесение генералу Орлову-Денисову с вопросом: *«Не прикажет ли он ему атаковать и прогнать французов с Немана?»*. Лейб-гвардии казачий полк первым принял бой с французами. Граф Орлов-Денисов собрал свой полк и начал отступать, французы устремились за казаками. Заманив неприятеля в ловушку, казаки опрокинули французов. Граф первым передал императору Александру I известие о вторжении Наполеона в Россию.

В первые дни войны лейб-казаки находились в арьергарде главной русской армии. 14 июня казаки разбили 3 эскадрона французских гусар. 16 июля лейб-гвардии казачий полк, подкрепленный уланским полком, опрокинул неприятельскую конницу под Вильно. Под местечком Пovyверки граф Орлов-Денисов атаковал 6 неприятельских эскадронов. Было взято в плен более 100 чел. 10 июля во время очередной контратаки граф был контужен в шею, преодолевая боль, остался в строю. Под Витебском 15 июля лейб-гвардии казачий полк и черноморская сотня под командованием графа Орлова-Денисова атаковали французские полки и обратили их в бегство. Преследование было столь стремительно, что четыре лейб-казака вскочили на вражескую батарею, рядом с которой стоял Наполеон, приказавший приостановить наступление своей армии. Захваченные в плен казаки были представлены Наполеону, и по его приказу хорошо угощены. Позже казаки сбежали, прыгнув в Двину. За подвиг под Витебском граф Орлов-Денисов был награжден золотой саблей с алмазами с надписью «За храбрость».

Со своими лейб-гвардейцами граф В.В. Орлов-Денисов неоднократно отличился в ходе Отечественной войны 1812 г. Казаки прославили свое оружие под

Витебском, Смоленском, Колоцким монастырем, Бородино, когда они в составе корпуса Уварова совершили знаменитый рейд по тылам Наполеоновской армии.

После отступления от Москвы граф Орлов-Денисов находился в арьергарде под начальством генерала от инфантерии М.А. Милорадовича и отличился во время ряда атак. Во время двухнедельного бездействия в Тарутино, объезжая передовую цепь, встретил сотника Урюпинского, который с несколькими казаками побывал в тылу у французов, и увидел там стоявший без охраны лагерь французов. Убедившись в правдивости донесения своих казаков, граф Орлов-Денисов предложил генералу от кавалерии Л.Л. Беннигсену атаковать французский лагерь тремя колоннами. К утру 6 октября на исходные позиции вовремя вышла только первая колонна во главе с генерал-майором В.В. Орловым-Денисовым. Около 7 утра казаки атаковали французский лагерь. В ходе сражения авангард Мюрата потерял до 2080 чел. убитыми и ранеными, в плен было захвачено 1200 чел., обоз и штандарт 1-го кирасирского полка. Слава Тарутинской битвы неразлучна с именем графа Орлова-Денисова. Наградой ему был орден Св. Георгия 3-й степени.

Во время заграничных походов граф Орлов-Денисов командовал личным конвоем императора Александра I. Находясь безотлучно при его особе, в то же время участвовал в сражениях под Люценом, Бауценом, Дрезденом, Кульмом. Свидетель его доблести король Пруссии пожаловал ему орден Красного Орла 1-й степени, а Александр I чин генерал-лейтенанта. Под Лейпцигом 4 октября 1813 г. лейб-гвардейский полк совершил великий подвиг – казаки во главе со своим командиром спасли от пленения трех императоров, отбив атаку превосходившего по силе врага. Император Александр I благодарил графа Орлова-Денисова и наградил его орденом Св. Владимира 2-й степени. Император Австрии пожаловал ему в тот же день орден Марии Терезии.

Свой долг начальника конвоя императора и сопровождавших его высочайших особ граф Орлов-Денисов выполнял столь блистательно, что императоры неоднократно выражали свое восхищение. Василий Васильевич был участником второго похода русской армии во Францию. После войны принес еще много пользы Родине. Недаром же на его фамильном гербе девиз *«За службу и верность»*.

После смерти Александра I граф Орлов-Денисов сопровождал из Таганрога в Петербург бранные останки императора. В 1832 г. граф вышел в отставку и умер в своем имении в 1843 г. В 1911 г. его прах был перенесен в усыпальницу Войскового Собора Новочеркасска.

Граф В.В. Орлов-Денисов был кавалером орденов: Александра Невского, Св. Анны 1-й степени, Св. Владимира 2-й степени, большого креста Св. Георгия Победоносца 3-й степени, прусского Красного Креста 1-го класса, австрийского Марии Терезии 4-й степени, баварского Максимилиана 2-й степени, французского Св. Людовика 1-го класса, награжден золотой саблей с алмазами, многочисленными медалями. С 1904 г. его имя (как вечного шефа) носил 9-й Донской казачий полк.

ВОЙСКА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Война 1812 года потребовала напряжения всех сил Российской империи. Войска стягивались в центральные губернии с самых дальних границ империи. Не стала исключением и Кавказская линия. Ранее, в годы русско-турецкой войны 1806–1812 гг., она стала ареной ожесточенных боев. Горцы Северного Кавказа позиционировали себя как союзники Османской империи и *«весной 1807 г., когда спала вода в Кубани, на Линии начались нападения черкес самые чрезвычайные, какие они с таким усилением и успехами никогда ранее не производили»* [1]. Черкесы осмелели настолько, что собирая крупные силы, нападали на казачьи станицы. В частности, в мае 1807 г. несколько тысяч всадников напали на ст. Воровсколескую, несмотря на то, что в расположенном рядом Воровсколесском редуте находились команды 16-го Егерского и Нижегородского драгунского полков. И хотя подоспевшие основные силы драгун прогнали горцев, но потери среди жителей были очень велики, а 315 чел. были захвачены горцами в плен [2]. Нападения крупными силами продолжились и позднее. В ноябре 1809 г. 5 тыс. закубанцев напали на село Каменнобродское. Сотни человек были убиты и взяты в плен. На обратном пути горцы были разбиты генералом Булгаковым (одних черкесских князей и дворян было убито 55 чел.), но набеги не прекратились [3]. Боевые действия шли и против турок в Закавказье.

В результате, в 1809 г. на Кавказе были сосредоточены довольно значительные силы русских войск. На Кавказской линии находилась 19-я дивизия, куда входили Суздальский, Вологодский, Казанский, Белевский, Севастопольский мушкетерские полки и 16-й Егерский полк. Из конницы были Владимирский, Таганрогский, Нижегородский и Борисоглебский драгунские полки, 11 донских полков и линейные казаки. В Закавказье стояла 20-я дивизия: Херсонский и Кавказский гренадерские, Кабардинский, Саратовский, Тифлисский, Троицкий мушкетерские, 9-й, 15-й, 17-й Егерские полки. Ее прикрывали Нарвский драгунский и 8 донских казачьих полков. Общая численность войск составила 27 648 чел. пехоты, 15 886 чел. кавалерии [4].

Но следующий, 1810 г. стал поворотным в российской политике на Кавказе на ближайшее десятилетие. Александр I повелел развернуть меновую торговлю по Кавказской линии в соответствии с решением Комитета Министров от 6 июля 1810 г. Предполагалось таким образом *«приобрести доверие горцев»*. Прославленный генерал С.А. Булгаков, считавший, что горские народы, *«воинственные и хищные, вероломные и непонимающие никакого повиновения»* покорить можно только силой, был смещен с поста командующего войсками Кавказской линии. Его взгляды не соответствовали *«новым веяниям»*. Назначенный начальником Кавказской линии генерал-лейтенант Н.Ф. Ртищев решил снискать расположение горских народов посредством *«ласки, миролюбия, спокойного соседства и приучения горцев к гражданственности»* [5].

«Ласка» Ртищева к горцам вызвала даже конфликт с подчиненным ему генерал-майором С.А. Портнягиным. Получив известие о сборе черкесов, Портнягин приказал раздать русским крестьянам ружья, патроны и сабли. Ртищев, который был убежден в миролюбии горцев, объявил Портнягину выговор, а истраченные на порох деньги, приказал взыскать с генерала, говоря, что в «вооружении нет надобности» [6]. Вскоре Портнягин был отдан под суд за предпринятый по собственной инициативе поход за Кубань против «немирных горцев». Ему также ставилось в вину притеснение ногайцев по земельным вопросам и удаление от должности Султана Менгли-Гирея. Давлет-Гирей Лоов и другие северокавказские феодалы написали следственной комиссии во главе с генерал-майором Дельпоццо про «притеснения, терпимые ими от воровства казаков», и дело было решено в их пользу. Портнягин был смещен, а управление Кавказской линией было передано И.П. Дельпоццо, взгляды которого на горцев совпадали с таковыми у Ртищева. Не только Портнягин, но и другие командиры страдали от «примиренческой» политики Ртищева. Так, в январе 1813 г. 4 тыс. чеченцев собрались на Тереке, угрожая вторгнуться в пределы Кавказской губернии. Шеф Суздальского полка полковник князь Эрстов (впоследствии знаменитый покоритель Тавриза) предупредил их намерение и, перейдя за Терек, разбил их наголову. Но Ртищев не только отказал ему в награде, но и выразил неудовольствие за подобные экспедиции, находя, что нужно снискивать дружеское расположение горских народов не оружием, а ласковым обхождением.

Главная причина такой политики в 1810–1816 гг. довольно очевидна. В этот период Россия сначала активно готовилась к войне с Наполеоном, а потом ее вела. Пока шла война, части, стоявшие на Кавказской линии, не получали подкреплений – все рекруты шли на западную границу. В пехотных полках на линии некомплект доходил до 7 тыс. чел., донские полки имели большой некомплект в лошадях. Начиная с 1811 г. войска забирались с Кавказа, игнорируя даже продолжавшуюся войну с Турцией. Из всей регулярной конницы к 1816 г. на Кавказе остался один Нижегородский драгунский полк. С иррегулярными частями тоже были проблемы. В 1813 г. атаман М. Платов упрямил царя отпустить на Дон полки донцев, много лет воевавших на Кавказе из-за «небывалой убыли». После чего хоперских, кавказских и кубанских казаков пришлось призывать практически поголовно, начиная с малолеток 16 лет и заканчивая отставленными со службы за старостью [7].

В этой ситуации даже в 1814 г. Александр I продолжал писать Ртищеву «об искании дружбы и мирного соседства с горцами». Таким образом, война с Наполеоном обернулась для России 7–9 годами политики «задабривания» горцев ранее нехарактерной для нее на Кавказе. Известный историк Кавказской войны В.А. Потто признавал эти годы «роковой ошибкой», обернувшейся потом «горькими последствиями» [8].

Остается посмотреть, за что была заплачена такая цена. Надо сказать, что полки, отозванные с Кавказа, в Отечественной войне активного участия не приняли. Отозванные первыми Таганрогский и Владимирский драгунские полки

вошли в 8-ю кавалерийскую дивизию, которая всю войну простояла в Крыму. Только в 1813 г. Таганрогский полк принял участие в Заграничном походе русской армии. Борисоглебский драгунский участия в войнах с Наполеоном тоже не принял и стал знаменит только тем, что в 1815 г. был переформирован в первый в России жандармский полк. Нарвский драгунский полк весь Заграничный поход 1813–1814 гг. провел в составе Резервной армии, в действующую армию так и не попав. Таким образом, все полки, отозванные с Кавказской линии, обладавшие уникальным опытом боевых действий в предгорьях, в 1812–1815 гг. не принесли особой пользы России ни на Кавказе, ни на полях сражений с наполеоновскими армиями.

Примечания:

1. Короленко П.П. Материалы по истории Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1908. Т. 13. С. 49; Касумов А.Х., Касумов Х.А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX в. Нальчик, 1992. С. 61–62.
2. Потто В.А. История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Величества Государя наследника полка. СПб., 1893. Т. 2. С. 89–91.
3. Щербина Ф.А. Очерки борьбы русских с черкесами, исторические очерки. Екатеринодар, 1912. Вып. 1. С. 59–61.
4. Шишов А.В. Полководцы кавказских войн. М., 2001. С. 130–131.
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1888. Т. 6. С. 24–25.
6. Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: С древнейших времен до Ермолова. М., 1899. С. 563–657.
7. Щербина Ф.А. Т. 2. С. 206.
8. Потто В.А. Указ. соч. Т. 1. С. 476, 646.

А.Ф. Роменский

НАШИ ЗЕМЛЯКИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

За всю историю существования человечества только 300 лет были мирными, а в остальное время в разных уголках земли вспыхивали войны. Война – это естественное, хотя и очень страшное явление. Войну 1812 года у нас называли Отечественной. В этой войне наиболее полно и ярко проявился патриотический дух русских людей, ее выиграло не высшее общество, а народ. Конечно, были и в высшем обществе люди долга и отваги, но их насчитывались единицы.

Спасителем России стал М.И. Кутузов, понимавший, что Наполеона можно победить только хитростью. Когда Наполеон вступил на территорию России, наши войска встретили его у границы, но не давали генерального сражения и все время отступали. Он знал, что разбить наполеоновскую армию ему не удастся, и затягивал Наполеона вглубь России. И только когда возникла угроза Москве, Кутузов был вынужден дать генеральное сражение. До Бородинского сражения наши силы соотносились с французскими приблизительно как пять к шести, а после сражения – как один к двум. Благодаря мужеству и отваге наших солдат мы выиграли Бородинское сражение. Воодушевленный победой, Кутузов хотел отдать приказ к наступлению, но узнав о потерях армии, отменил свое решение. Русскими войсками под Бородином была одержана та нравственная победа, которая убеждает противника в превосходстве врага и своей бессилии. Это был решающий удар, который нанес смертельную рану французским войскам.

Наши войска отступали, и французы захватили Москву. Но Россия оставалась единственной страной, которая не покорилась Наполеону. После Бородинского сражения и сдачи Москвы война стала действительно Великой Отечественной, в которой раскрылся характер русского человека. Во всех губерниях и казачьих землях стали создаваться ополчения. В ряде мест в ополчения записывались «вольные» люди – рабочие парусных мануфактур, мещане и др. Это было поистине всенародное движение, охватившее всю Россию. Нужно упомянуть о такой форме участия народных масс в движении, как жертвование на содержание ополчений. Одни давали деньги, другие продовольствие, третьи пригоняли в армию лошадей и скот. Ополченские формирования сыграли крупную роль в ходе военных действий, во время «малой войны», в ходе контрнаступления. Особенно большую роль сыграли казачьи формирования, насчитывавшие более 50 конных казачьих полков (26 полков поставило Донское войско). Французы боялись молниеносных ударов казаков. М.И. Кутузов – первый русский полководец, который так широко использовал ополчение в войне.

Основатель слободы Мартыновка (в настоящее время – село Куйбышево) войсковой судья, генерал-лейтенант Дмитрий Мартинович Мартынов умер

в 1810 г., не дожив до Отечественной войны 1812 г. Его однополчанин М.И. Кутузов пережил его на три года. Мартынов и Кутузов вместе брали Очаков, штурмовали Измаил, воевали с турками. Однако дети, внуки, зятья, сваты основателя села принимали активное участие в Отечественной войне 1812 г. Об участии донских генералов, особенно атамана М.И. Платова в Отечественной войне 1812 г. написано много, но ряд других выходцев из нашего края остаются незаслуженно забытыми. Миусский округ с центром в Мартыновке не был казачьим, поэтому донские помещики призывались к составлению ополчения из принадлежавших им крепостных крестьян. Для скорейшего обсуждения вопроса о формировании земского (крестьянского) ополчений было решено пригласить в Новочеркасск всех дворян из ближних поместий. Дворянский съезд 26 июля 1812 г. вынес решение: из состоявших за донскими помещиками (по 6 ревизии) 76853 крестьян собрать в ополчение от каждых 100 душ по 4 человека в возрасте от 17 до 50 лет. (Ополчение составило около 3000 чел. – это 6 полков). Ратники в первую очередь должны были иметь пики, а также, по возможности, сабли, пистолеты, ружья. Каждый крестьянин-ополченец получал провиант на 6 месяцев (на один месяц продуктами, остальные – деньгами); одеть крестьян предлагалось по казацкому образцу: куртку и шаровары сшить из серого сукна. Общее командование донским крестьянским ополчением поручалось полковнику Степану Грекову 5-му. Однако Крестьянское ополчение, согласно манифесту Александра I от 18 июля 1812 г., осталось на Дону.

16 наших земляков, родственников основателя села Д.М. Мартынова, приняли участие в Отечественной войне 1812 г.:

1. Платов Матвей Иванович, зять
2. Платов Матвей Матвеевич, внук
3. Платов Иван Матвеевич, внук
4. Кирсанов Кирсан Павлович, внук
5. Мартынов Андрей Дмитриевич, сын
6. Мартынов Алексей Андреевич, внук
7. Мартынов Дмитрий Андреевич, внук
8. Мартынов Андрей Андреевич, внук
9. Мартынов Пётр Андреевич, внук
10. Миллер Фёдор Иванович, сват
11. Миллер Иван Иванович, сват
12. Миллер Александр Фёдорович, сват
13. Миллер Абрам Иванович, сват
14. Харитонов 7-й, зять
15. Н.В. Иловайский 5-й, зять
16. Тимофей Греков, зять

Расскажем о трех из 16 защитников Отечества.

Мартынов Андрей Дмитриевич родился в 1762 г. в станице Черкасской (Старочеркасской) Области Войска Донского, сын Д.М. Мартынова. 1 января 1770 г. был записан на службу в казачий полк своего отца, 14 мая 1772 г.

произведен в есаулы. В 1787–1792 гг. принимал участие в кампании с турками в должности командира казачьего полка своего имени, участвовал в штурме Очакова и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом, а 26 сентября 1789 г. получил чин полковника. Продолжая службу в Донском казачьем войске, А.Д. Мартынов 26 ноября 1795 г. был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени (№ 1209 по кавалерскому списку Григоровича – Степанова). В 1796 г. произведен в бригадиры, 27 января 1797 г. получил чин генерал-майора и с 30 октября 1799 г. находился в отставке. 7 декабря 1805 г. вернулся на службу и был пожалован в генерал-лейтенанты (по другим данным, вернулся на службу 15 января 1807 г.). В 1807 г. был назначен наказным атаманом Донского казачьего войска, на этой должности находился до конца 1808 г., когда был пожалован орденом Св. Анны 1-й степени.

В начале Отечественной войны 1812 г. А.Д. Мартынов находился на Дону и занимался подготовкой подкреплений для действующей армии. По прибытии в Тарутинский лагерь во главе новосформированных донских казачьих полков вошел в подчинение к генералу от кавалерии М.И. Платову и командовал в его корпусе авангардным отрядом. Принимал участие во многих боях с французами, в том числе при Малоюрославце, Вязьме, Красном, Борисове. 27 октября казаки под руководством генерал-лейтенанта Мартынова с ходу преодолели реку Выпь, разгромили неприятеля и захватили 23 орудия. Преследуя отступавших французов, корпус Платова двигался по Борисовской дороге. Сам атаман захворал и находился в обозе, а авангард возглавил генерал-лейтенант А.Д. Мартынов, приходившийся М.И. Платову шурином.

Кутузов планировал вести преследование следующим образом: по Борисовской дороге – авангард Милорадовича, справа – корпус Платова, слева – отряд Бороздина. Авангардом командовал генерал-майор Е.И. Чаплиц, вместе с ним двигались казачьи полки под командой генерал-лейтенанта А.Д. Мартынова. 21 ноября атаман Платов прибыл в авангард и приказал Чаплицу подчиняться старшему по чину Мартынову. 23 ноября казаки генерала Мартынова разбили французов у местечка Зембино и захватили более 30 орудий. В сражении при Молодечно А.Д. Мартынов он получил пулевую рану в правое плечо и был вынужден оставить армию. 25 марта 1813 г. он был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени (№ 282 по кавалерским спискам). Также за отличия против французов в 1813 г. был награжден орденом Св. Владимира 2-й степени, алмазными знаками к ордену Св. Анны 1-й степени и золотой саблей с надписью «За храбрость». 14 января 1815 г. его погребли в слободе Голодаевке (в настоящее время – село Куйбышево) «с приличною честью и 6-ю орудиями артиллерии».

Граф **Матвей Матвеевич Платов** является внуком основателя села. Родился около 1793 г. от второго брака М.И. Платова с Марфой Дмитриевной Мартыновой. Кавалер орденов Св. Георгия 4-й степени, Св. Анны 2-й степени с алмазами, Св. Владимира 4-й степени с бантом. Проходил службу: войсковым есаулом – с 1 января 1812 г., войсковым старшиной – с 21 фев-

раля 1812 г. С началом кампании 1812 г. в чине подполковника (по другим сведениям, в подполковники произведен 19 декабря 1812 г.) в составе Атаманского полка участвовал в военных действиях против французов, затем в заграничных походах русской армии. 5 февраля 1813 г. произведен в полковники; за отличия в сражениях при Сезане, Фершампенуазе и Арси в 1814 г. – в генерал-майоры. М.И. Платов 9 ноября 1812 г. в письме своей жене с теплотой и уважением писал: *«Матвей русское письмо знает хорошо и по-французски он у нас пишет хорошо, воином много раз отличался, даже пушки брал с казаками, и все его любят. Мне, как отцу, приятно и лестно это видеть, что мой сын полезен Отечеству. Наше дело молиться Богу о спасении его здоровья»*. Молитвы не помогли. М.М. Платов умер вскоре после возвращения из Парижа (3 февраля 1815 г.).

Кирсан (Хрисанф) Павлович Кирсанов – внук основателя села, сын штаб-офицера Войска Донского П.С. Кирсанова и М.Д. Мартыновой. Родился в 1777 г. и 10-летним мальчиком был зачислен в Екатеринославское казачье войско зауряд-есаулом. Когда большинство казачьих офицеров того времени кое-как умели читать и писать, К.П. Кирсанов обучался, как значится в его послужном списке, истории, арифметике, рисованию, французскому и немецкому языкам. Боевая служба К. П. Кирсанова началась с 1790 г., когда он принял участие в боях при Измаиле и Кили. В 1791 г. был произведен в поручики, а в 1796 г. в войсковые старшины и в 1801 г. переведен в Атаманский полк, с которым участвовал в оренбургском походе. В 1802 г. К.П. Кирсанов произведен в подполковники и в следующем году с порученным ему полком, выступил на службу в Петербург. Возвратившись на Дон, снова принял полк, с которым в 1805 г. двинулся к прусской границе, затем к Аустерлицу. В 1806 г. состоял в корпусе Эссена, участвовал в боях с французами при Домброве и Пултуске, за что был награжден орденами Св. Анны 4-го класса и Св. Владимира 4-го класса с мечами и бантом. По окончании войны и до ноября 1808 г. пробыл с полком в Молдавии, а затем до 5 мая 1809 г. состоял адъютантом у военного министра графа А.А. Аракчеева. С 1811 по 1812 гг. по выбору дворян занимал должность ассессора войсковой канцелярии, и за отличие по службе был произведен в полковники.

Во время войны с французами в 1812–1814 гг. К.П. Кирсанов состоял в Атаманском полку, командовал 5 сотнями казаков, а временно и всем полком, неоднократно участвовал в боях. За отличие в преследовании французов от Малого Ярославца до Ковно был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и Св. Анны 2-й степени, а за набеги на Мариенвердер – орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами и прусским орденом «За заслуги». В 1817 г. К.П. Кирсанов занимал должность дворянского депутата Миусского округа и в пребывание императора Александра I на Дону был награжден бриллиантовым перстнем. В 1819 г. был назначен командиром Атаманского полка, в 1826 г. произведен в генералы. В 1828 г. принял участие в русско-турецкой войне. В 1829 г. был уволен в отставку, а в 1847 г. скончался.

У.Б. Очиров

СТАВРОПОЛЬСКИЙ И 2-Й КАЛМЫЦКИЕ ПОЛКИ В СРАЖЕНИЯХ АВГУСТА – СЕНТЯБРЯ 1813 ГОДА

В период Отечественной войны 1812 г. и Заграничного похода 1813–1814 гг. в состав Российской армии с первого и до последнего дня входили три калмыцких полка: Ставропольский калмыцкий, сформированный на базе одноименного войска, расселенного в Среднем Поволжье вокруг крепости Ставропольна-Волге (ныне Тольятти), 1-й и 2-й калмыцкие, сформированные из жителей улусов бывшего Калмыцкого ханства. Отличившись в ходе кампании 1812 г., они активно действовали и в зимне-весенней кампании следующего года.

1-й Калмыцкий полк (командир – капитан Джамба-тайша Тундатов) после взятия Варшавы участвовал в блокаде крепости Модлин, сначала в составе 7-го корпуса И.Ф. Паскевича, затем 1-го резервного корпуса А.А. Клейнмихеля. После ее капитуляции остался в Польше.

2-й Калмыцкий полк (командир – майор Сербеджаб Тюмень) в составе корпуса Ф.В. фон дер Остен-Сакена участвовал в осаде крепости Ченстохова, а после ее капитуляции в преследовании 5-го Польского корпуса и взятии Кракова. В мае 1813 г. отряд Остен-Сакена выдвинулся на помощь Главной армии, но не успел прибыть в Силезию до начала перемирия.

Ставропольский калмыцкий полк (командир – подполковник Павел Диомидий) в январе 1813 г. вошел в состав корпуса генерал-лейтенанта Ф.Ф. Штейнгеля (с 22 января – генерал-лейтенанта Ф.Ф. Левиза), блокировавшего Данциг. С 2 февраля ставропольцы сражались в авангарде армии генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна, 20 февраля торжественным маршем вошли в освобожденный Берлин. С 1 марта полк в составе отряда генерал-майора Б.Б. Гельфрейха осаждал Кюстрин, а с 24 марта в составе отряда генерал-лейтенанта графа Э.Ф. де Сен-При – Глогау. В начале апреля в составе корпуса М.А. Милорадовича убыл в Южную (Силезскую) группу (командир – генерал от кавалерии Г.Л. Блюхер) российско-прусской армии. С 20 апреля по 22 мая Ставропольский полк участвовал в сражениях с возрожденной «Великой армией», в том числе в генеральных баталиях при Люцене и Бауцене [1]. За отличия в этой серии боев 6 офицеров, 5 урядников и 24 рядовых были отмечены орденами и знаками отличия [2].

С 23 мая до 4 августа действовало Плейсвицкое перемирие, и калмыцкие полки смогли отдохнуть и пополниться за счет вернувшихся из «гошпиталей». Например, в Ставропольском полку к началу августа было 349 чел. (в том числе 11 обер-офицеров, 18 урядников, 320 казаков) и 380 лошадей (в том числе 365 строевых). 1 штаб-, 1 обер-офицер, 7 казаков и 20 нестроевых числились больными при армии, 2 урядника и 14 казаков – больными вне армии, 1 обер-офицер и 30 казаков – в «отлучках дальних» [3]. Судьба ненадолго свела Ставропольский и 2-й Калмыцкий полки, сформированные из нижеволжских и средневолжских калмыков, в составе Силезской армии (главнокомандующий – генерал от кавалерии Г.Л. Блюхер).

Армия Блюхера состояла из трех частей: центральный 1-й прусский корпус генерал-лейтенанта Г.Д. Йорка, правофланговый 11-й российский корпус генерал-лейтенанта Ф.В. фон дер Остен-Сакена и левофланговая группировка российских корпусов (6, 8, 9, 10-го) генерала от инфантерии графа А.Ф. де Ланжерона. Российские пехотные корпуса были усилены отрядами регулярной кавалерии и иррегулярной конницы. В правофланговой группировке Остен-Сакена отряд кавалерии (командир – генерал-лейтенант И.В. Васильчиков 1-й) состоял из 6 полков драгунской бригады генерал-майора С.Д. Панчулидзева 2-го и 2-й гусарской дивизии генерал-майора С.Н. Ланского. Казачий отряд генерал-майора А.А. Карпова 2-го составили донские полки самого Карпова 2-го, генерал-майоров Д.Е. Грекова 1-го, П. М. Грекова 8-го, Г.Д. Иловайского 9-го, полковников Г.А. Луковкина 2-го, С.И. Семенченкова, И.Ф. Чернозубова 5-го (с 14 июля – войскового старшины С.С. Грекова 36-го), подполковника Ф.М. Кутейникова 4-го, 4-й Украинский, 2-й Волонтерский фон Боде, 2-й Башкирский и 2-й Калмыцкий полки. В левофланговой группировке Ланжерона регулярная кавалерия была сведена в корпус генерал-лейтенанта барона Ф.К. Корфа (восемь полков 1, 3-й и 4-й драгунских дивизий генерал-майоров Н.М. Бороздина 2-го, А.Н. Бердяева и Г.А. Эммануэля; пять полков 1-й и 2-й конно-егерских дивизий генерал-майоров И.Д. Панчулидзева 1-го и П.П. фон дер Палена 2-го). Казачий отряд генерал-майора П.М. Грекова 8-го составили 1, 2-й и 3-й украинские казачьи полки генерал-майора В.К. Витта, донские полки полковников И.И. Исаева 2-го, А.А. Кутейникова 8-го, подполковников И.В. Грекова 21-го, С. И. Семенченкова 2-го, майора С.М. Ежова 2-го и Ставропольский калмыцкий полки [4]. Ставропольский калмыцкий, полки Грекова 21-го и Ежова 2-го составляли бригаду подполковника П.И. Диомидия. Временно командующим Ставропольским полком назначили есаула В.А. Даржаева.

Август 1813 г., несмотря на проливные дожди, для калмыцких полков, как и для других частей российской армии, оказался жарким. Блюхер, не дожидаясь окончания перемирия, 3 августа атаковал корпуса маршалов М. Нея и О. Мармона, надеясь разбить их до подхода Наполеона. Французы, уклоняясь от сражения и ведя арьергардные бои, отошли за р. Бобр. В этих условиях большое значение имели действия конницы, причем основная тяжесть боев начала августа легла на фланговые авангарды. Ставропольский полк входил в состав летучего отряда генерал-майора П.С. Кайсарова и 6, 8, 9 и 11 августа отличился в боях под г. Лен. Есаул В.А. Даржаев был повторно награжден орденом Св. Анны 3-й степени, а урядник Ф.И. Кёдесенов произведен в хорунжие [5]. 2-й Калмыцкий полк вел бои на правом фланге Силезской армии: 6 и 7 августа под Лигницею (у деревни Фаленсдорф и Штейдниц), 7 августа у Кайзерсвальде и 9 августа у Бунцлау.

Нею и Мармону удалось продержаться до подхода войск Наполеона. Император, не знавший о переводе войск Барклая де Толли в состав Богемской армии, полагал Силезскую армию сильнейшей и выдвинул против нее большую часть своих корпусов. Блюхеру пришлось отступать в Силезию, переходя ряд рек, текущих с юга на север. Однако французские новобранцы на недостаточно хорошо выученных лошадях качественно проигрывали русским арьергардам,

и Силезская армия успела отойти за р. Кацбах. Наполеон, получив известие о наступлении Богемской армии на Дрезден (его основной базы в Германии), повернул обратно в Саксонию, оставив против Блюхера так называемую Бобрскую армию (3, 5-й и 11-й армейские и 2-й кавалерийский корпуса) под командованием маршала Э.Ж. Макдональда.

Из-за нехватки кавалерии у французов разведка была слабой, поэтому маршал полагал, что Блюхер по-прежнему отступает, и его корпуса форсировали Кацбах в разных местах. Из-за проливных дождей река вздулась, и перейти ее можно было лишь по наведенным переправам. Из-за нехватки мостов и ошибок в управлении корпусами на переправах создались заторы. Например, 3-й корпус большую часть времени потратил на марши от Лигницы и обратно, стояние в «пробках» и смог форсировать Кацбах только после битвы. Лишь 8-й пехотной дивизии 3-го корпуса удалось пробиться через заторы, но всю артиллерию она оставила на том берегу. 14 августа, форсируя Кацбах, французы неожиданно столкнулись с наступавшей Силезской армией. Корпуса Йорка и Остен-Сакена развернулись у Эйхгольца. Кавалерия Васильчикова 1-го и конница Карпова 2-го (в том числе 2-й Калмыцкий полк) находились в резерве за 11-м корпусом.

Макдональд, несмотря на невыгодную ситуацию, решил атаковать. Обе армии были примерно равны по численности (с учетом отделившихся частей), при этом его армейские корпуса были сформированы не из 17-летних новобранцев, а из более опытных воинов. 3-й корпус Ж. Суама (бывший М. Нея) был сформирован из «испанских» батальонов ветеранов и когорт Национальной гвардии. 5-й корпуса Ж.А. Лористона комплектовался из когорт Национальной гвардии и полка ирландских добровольцев. 11-й корпус Макдональда был создан из резервных дивизий, не участвовавших в кампании 1812 г. и избежавших окружения в Данциге. Маршал имел основания надеяться на то, что, подтянув 3-й корпус, сможет одолеть врага в генеральном сражении. Он обрушил значительную часть удара на левофланговый корпус Ланжерона, который отделил на охрану коммуникаций и флангов большую часть сил. В числе этих частей был и Ставропольский полк, который с 13 по 16 августа вел бои при Гиршберге и на переправе через Бобр.

Однако Йорк и Остен-Сакен, не колеблясь, перешли в атаку, причем местность была выгодной для действий кавалерии, в которой союзники превосходили французов. Проливные дожди намочили порох в ружьях, и войскам приходилось сражаться больше холодным оружием и артиллерией, большую часть которой французы оставили на том берегу Кацбаха. Кавалерия О.Ф. Себастьяни отчаянной атакой остановила движение прусской пехоты, а затем отбросила и прусскую конницу. В этот момент Остен-Сакен, сконцентрировав артиллерию на холме Таубенберг (возле Эйхгольца), обрушил на противника сильный огонь и бросил в атаку конницу. Гусары Васильчикова обрушились на Себастьяни во фронт и на открытый из-за отсутствия 3-го корпуса левый фланг. 6 иррегулярных полков (в том числе полк Тюменя) были брошены в глубокий обход: *«зайдя в тыл и фланг превосходной неприятельской кавалерии с неустрашимой храбростию ударили во онаю... бросались в неприятельской фронт и поражали*

бегуцаго до самой реки кацабах» [6]. Кавалерия Себастьяни побежала и смяла ряды пехоты.

Блюхер организовал активное преследование, и теперь уже французам приходилось спешно форсировать реки, текущие с юга на север: Бобр, Квейсс, Нейсе, Шпрее, Шварце Эльстер. Однако превосходство русской конницы не позволило Макдональду оторваться от преследования. Он понес еще большие потери, а 17-я дивизия Ж.П. Пюто была вынуждена капитулировать. Казачья бригада П.И. Диомидия (в том числе Ставропольский полк) вместе с харьковскими драгунами образовала отряд генерал-майора Д.М. Юзефовича, вступивший в бой в междуречье Шпрее и Нейсе. Полк Тюменя отличился 18 августа при Бунцлау и 23 – при Бауцене (см. таблицу 1).

Таблица 1. Потери полка в сравнении с другими частями авангарда [7]

	убиты		ранены		в плену		без вести пропали		итого	
	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>6 и 7 августа при местечке Лигниц, деревнях Феленсдорф и Штейдниц</i>										
Мариупольский гусарский		3		6	1				1	9
Александрийский гусарский		7		5				4		16
Донской Карпова 2-го		1		12						13
Донской Луковкина		4	2	14					2	18
Донской Чернозубова 5-го				2						2
Донской Грекова			1	11					1	11
2-й Калмыцкий				3						3
2-й Башкирский		4	1	6					1	10
<i>7 августа при селении Кейзерсвалд, 9 августа при Бунцлау</i>										
Александрийский гусарский		4	1	5				8	1	17
Мариупольский гусарский		13		15				14		42
Смоленский драгунский	2	2	1	7				2	3	11
Курляндский драгунский		3	4	25				17	4	45
Донской Карпова 2-го			4	8					4	8
Донской Луковкина				6						6
Донской Чернозубова 5-го				7						7
Донской Кутейникова 4-го				6						6
2-й Калмыцкий				5						5
<i>14 августа при деревне Эйхгольц, 18 августа при г. Бунцлау</i>										
Александрийский гусарский		2	1	9				2	1	13
Мариупольский гусарский		34	3	13					3	47
Ахтырский гусарский			3	3					3	3
Белорусский гусарский			1	1				3	1	4
Смоленский драгунский				4				1		5
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

Курляндский драгунский				1					1
4-й Украинский		4		5					9
Донской Карпова 2-го		1							1
Донской Чернозубова 5-го				5					5
Донской Семенченкова		2		11					13
Донской Грекова 1-го		1		5					6
Донской Иловайский 9-го		1		2					3
Донской Кутейникова 4-го		2	1	8				1	10
Донской Грекова				3					3
2-й Калмыцкий				4					4

Бобрская армия остановились за Бауценом, потеряв более четверти личного состава и более половины артиллерии. Однако 23 августа на помощь подошел Наполеон, одолевший под Дрезденом Богемскую армию, и Блюхер начал отступление, прикрываясь конницей. Уже 24 августа 2-й Калмыцкий полк вместе с другими частями 11-го корпуса сражался у Гёрлица и Рейхенбаха. За время августовских боев полк потерял 27 чел. убитыми и 33 – ранеными. 25 августа Северная армия разбила Берлинскую армию маршала Нея у Денневица, а Богемская армия вновь начала демонстрации на Дрезден, и Наполеон решил отойти. Арьергарды Блюхера вновь превратились в авангарды, в составе которых активно действовали калмыки. Например, ставропольцы с 28 августа по 1 сентября сражались при Лёбау и Хохкирхене, 3 сентября – при Пуцкау, где был ранен Диомидий (см. таблицу 2).

Таблица 2. Потери полка в сравнении с другими частями авангарда [8]

	убиты		ранены		без вести пропавшие		лошадей	
	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов	офицеров	нижних чинов	убито	ранено
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>в отряде генерала-майора Юзефовича под Штроувальдом 28 августа</i>								
Харьковский драгунский				5		2	7	
Донской Грекова 21-го		1		1				
Донской Ежова 2-го				1				
Ставропольский калмыцкий				1			4	
<i>в отряде генерала-майора Юзефовича под Штроувальдом 29 августа</i>								
Харьковский драгунский				1			1	
Ставропольский калмыцкий							2	
<i>в авангарде 1 сентября</i>								
1-й Украинский		3					2	4
Харьковский драгунский		5	1	37			32	42
Каргопольский драгунский		1	1	2			5	6

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Митавский драгунский		4	2	4		4	21	20
Новороссийский драгунский			1	12			17	15
Донской Грекова 21-го		1					3	1
Ставропольский калмыцкий				2			3	9
<i>в авангарде 3 сентября</i>								
Киевский драгунский			1					1
Донской Исаева 2-го								1
Донской Кутейникова 8-го				1			5	2
Донской Селиванова 2-го			1	6			3	2
1-й Украинский		2	1	8			14	19
Московский		1		4			4	2
Харьковский				3			3	7
Митавский			2	9			5	8
Каргопольский				1			4	3
Донской Ежова 2-го				1			2	1
Ставропольский калмыцкий		2	1	7			11	5

По итогам боев по представлению Остен-Сакена Тюмень был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а есаул Амха Намкаев, сотник Цаган-Халга Лузангов, квартирмейстер Улан-Неке Бохошев и хорунжий Му-Кукен Моников, служившие зауряд, были представлены к утверждению в офицерские чины (произведены в 14-й класс) [9]. За отличия в боях в Силезии А.Ф. Ланжерон выделил 2 знака отличия Военного ордена для Ставропольского полка, которые были выданы уряднику Андрияну Шармакову (№ 36093) и казаку Василию Егемелову (Эмгенову? № 36094), позже (10 ноября 1814 г.) отмеченных аналогичной наградой за весенние бои (№ 30342 и № 30349 соответственно) [10]. Однако по положению повторно эти награды не вручались.

Наполеон отвел войска к Дрездену, намереваясь отражать атаки армий коалиции, оперируя по внутренним линиям. Тогда союзники решили обойти позиции у Дрездене и перерезать в Лейпциге основную коммуникацию, связывающую Наполеона с Францией. В сентябре Блюхер, прикрываясь Эльбой, вышел на соединение с Северной армией, выстроив с запада конную завесу.

7 сентября 2-й Калмыцкий полк участвовал в бою при взятии местечка Пульсниц, 15 сентября – в серии ожесточенных схваток у Келина, а 16 сентября – в сражении под Мейсеном. За отличия в этих боях сотник Цаган-Халга Лузангов 20 апреля 1814 г. был произведен в есаулы. 17–18 сентября под Гроссенхайном 2-й Калмыцкий полк вместе с полком Луковкина, подойдя «к неприятелю в близкое расстояние... сделал удар в дротики, расстроив противу стоящего неприятеля, и с великим уроном поражал», захватил 30 пленных. За отличия в этом бою Тюмень был представлен к ордену Св. Анны 3-й степени (однако эту награду не получил), есаул Цебек Даржаев – к производству в 14-й класс, а урядник Боро (Цебеков?) – в следующий чин [11]. 23 сентября в бою у Эленберга полк Тюменя истребил два эскадрона драгун.

21 сентября объединенные силы Блюхера и принца Карла-Юхана (бывшего маршала Ж.Б. Бернадота) нанесли поражение войскам маршала М. Нея у Вартенбурга, после чего устремились к Лейпцигу. Ставропольский полк вместе с киевскими и харьковскими драгунами и 2 орудиями составил летучий отряд генерал-майора Д.М. Юзефовича, направленный 21 сентября в рейд к крепости Торгау. В первую же ночь отряд, будоража одну из дивизий неприятеля, захватил пленных. 22 сентября отряд атаковал редут у Долича и *«в тот же день овладел городом и редутом, принудив неприятеля положить оружие без условия»*. 23 сентября Ставропольский полк участвовал во взятии редутов у Пидны, Цинны и Запница. Благодаря захвату редутов, в которых было взято в плен 4 офицера и 300 нижних чинов, Юзефович окружил Торгау своими постами, а на Мейсенской дороге взял в плен двух курьеров из штаба Наполеона с секретными донесениями. 24 сентября посты на этой дороге засекли движение 3-го армейского корпуса Ж. Суама к Торгау и Вурсуену. Юзефовичу пришлось отойти к Эйленбургу и Кельчау, занятым пехотой численностью до 1,5 тыс. штыков. На заре 26 сентября Юзефович выбил пехоту из Кельчау и атаковал Эйленбург. Мост через реку был перекрыт палисадом, а по берегу шли укрепления. Тем не менее, артиллеристы, выскочив на прямую наводку, сбили часть укреплений, а конница форсировала реку вплавь и за час взяла Эйленбург штурмом.

27 сентября отряд Юзефовича сражался у Шильды, где по данным пленных, ей противостояли 1 и 2-й карабинерный, 1, 5, 8-й и 10-й кирасирские, 8, 9-й гусарские и 2 конно-егерских полка 2-го кавалерийского корпуса О.Ф. Себастьяни (8-й гусарский полк не входил в состав этого корпуса, видимо, его перепутали с 5-м гусарским или каким-то шеволежерским полком). Трех нашим полкам противостояли 2-я тяжелая и большая часть 2-й легкой кавалерийских дивизий. Противник решил обойти отряд Юзефовича с левого фланга и атаковать Пробстхайн. Остен-Сакен выслал на помощь курляндских и смоленских драгун с 2 орудиями конной артиллерии, который прикрыли левый фланг за Рейхенбахом. Получив подкрепление, Юзефович открыл огонь из замаскированных орудий и атаковал обходящие колонны, обратив в бегство 30 эскадронов. До 50 кирасир, конно-егерей и гусар попали в плен. Неприятель ввел в бой новые отряды кавалерии при поддержке 18 орудий и 6 тыс. пехоты, но драгуны и калмыки отступали под огнем вражеской артиллерии, сохраняя порядок [12]. Тот факт, что 4 драгунских и 1 калмыцкий полк неполного состава смогли противостоять 10 полкам кавалерии (из них 6 – тяжелой), свидетельствует о возрастании боевого духа ветеранских полков российской армии и ухудшении качества французских полков. За отличия в рейде Ланжерон представил сотника С.А. Медечиева к званию есаула, а урядника А.Д. Шармакова, который *«в аванпостах и в ударах был примером храбрости и деятельности»* (и уже трижды награжденного *«солдатскими Егориями»*) – к званию хорунжего [13] (оба представления отклонены).

28 сентября отряд Юзефовича присоединился к главным силам Силезской и Северной армий, прорывавшихся на соединение с Богемской и Польской армиями под Лейпцигом, навстречу великой «Битве народов».

Примечания:

1. Калмыки в Отечественной войне 1812 года: сб. документов. Элиста, 1964. С. 77–78, 107, 139.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 103. Оп. 208в. Св. 47. Д. 4(6). Л. 100; Св. 50. Д. 3. Л. 190–194.
3. Там же. Оп. 208г. Св. 8. Д. 35. Ч. 2. Л. 6об.–7.
4. Богданович М.И. История войны 1813 года за независимость Германии по достоверным источникам. СПб., 1863. Т. I. С. 672–678.
5. Прозрителев Г. Военное прошлое наших калмык. Элиста, 1990. [Ч. III]. Ставропольский полк. С. 44.
6. РГВИА. Ф. 103. Оп. 208а. Св. 0. Д. 29. Л. 244об.
7. Там же. Д. 107. Ч. 49. Л. 10–13.
8. Там же. Л. 3–5.
9. Там же. Д. 29. Л. 244об., 270, 474.
10. Там же. Д. 72. Л. 65, 68, 341, 343.
11. Там же. Д. 29. Л. 391–391об.
12. Калмыки в Отечественной войне 1812 года. С. 140–142.
13. Прозрителев Г. Н. Указ. соч. [Ч. III]. Ставропольский полк. С. 49, 50.

Н.А. Чугунцева, Е.Ю. Седой

**ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЮГА РОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЙНАХ 1812 И 1941–1945 гг.**

Народам России всегда были присущи чувства национальной гордости, достоинства и патриотизма, сложившиеся в многочисленных войнах минувших эпох с иноземными завоевателями. В народе жила память о Ледовом побоище, Куликовской битве, Полтавском сражении. В год двухсотлетия битвы под Бородино представляется необходимым провести некоторые исторические параллели. Перед угрозой порабощения и гибели национальной государственности народы России, преодолевая внутренние социальные и национальные противоречия, всегда вставали непреодолимой стеной на пути иноземных захватчиков, отдавая все на алтарь независимости и победы в борьбе за нее. В опыте предшествующих поколений защитников Родины черпало опыт и силы поколение победителей Великой Отечественной войны. Опыт организации патриотического подъема народов России 1812 г. в реальную противодействующую нашествию силу в полной мере был применен советской властью в суровые 1941–1945 гг.

12 июня 1812 г. численное превосходство неприятеля поставило вопрос о срочном пополнении армии. Но в России не было всеобщей воинской повинности, армия комплектовалась рекрутским набором. Александр I решился на необычный шаг. 6 июля он издал манифест с призывом создавать народное

ополчение. Позднее одобрил инициативу дворянства по поводу формирования военных отрядов и вооружения крестьян для борьбы с захватчиками. Набор в ополчение был объявлен 6 июля по 16 губерниям: формирование проходило в обстановке патриотического подъема. Крестьяне с воодушевлением шли в ратники, тем более что ходили слухи о том, что после войны ополченцы будут освобождены от крепостной неволи.

Общая численность ополчения составила около 200 тыс. чел. Из них около 140 тыс. чел. приняли участие в боевых действиях уже в Тарутинский период, блокируя наполеоновскую армию в Москве и прикрывая армию Кутузова, которая готовилась к контрнаступлению. Остальные сорок пять с лишним тысяч ополченцев, составившие резерв Кутузова, включились в боевые действия позднее, в период преследования вражеской армии.

В процессе формирования ополчения сплотилось братское содружество народов нашей страны. Дон под руководством атамана Платова выставил 26 полков конного казачьего ополчения и 6 орудий. 1 декабря 1812 г. при переправе через Неман донские казаки дали последний выстрел по неприятелю в Отечественной войне 1812 г. 15 казачьих полков были сформированы на Левобережной Украине, 4 полка – на Правобережной. В ряды ополчения вступило 16 тыс. полтавских, 26 тыс. черниговских крестьян. Украинский народ выставил в помощь русской армии в 1812 г. 74 тыс. бойцов. В отдельных уездах крестьяне сами принимали решение дать по 3 ополченца от каждых 100 дворов, взяв их снабжение на свой счет на срок до 9 месяцев. Ополчения формировались в Прибалтике, Поволжье и Приуралье. На Кавказе готовились к походу добровольческие отряды кабардинцев, осетин, черкесов и других народов. В боях с наполеоновскими захватчиками в составе российской армии действовал «корпус вольных конных и пеших егерей», сформированный из эстонских и латышских крестьян. Был проведен набор эстонских и латышских крестьян в лифляндское ополчение. Несмотря на слабое вооружение (зачастую одни лишь пики) и недостаточную выучку, они героически бились бок о бок с солдатами на полях сражений. В Бородинской битве мужество и храбрость проявили 10 тыс. московских ополченцев.

Крепостные крестьяне и работные люди стремились помочь русской армии в ее борьбе с вражеским нашествием, своим напряженным трудом преодолевая последствия упущений военного ведомства. Они кормили, одевали, обували и вооружали армию. Штаб Кутузова нередко подменял собой государственные учреждения империи, выполняя по существу их функции, особенно по линии организации тыла и снабжения действующей армии. Решающее значение имела всенародная помощь армии в Тарутинский период, накануне перехода в контрнаступление. Решительно все – от сухарей и сена до валенок и рукавиц – было заготовлено уполномоченными Кутузова при активнейшем содействии населения.

Самой яркой и героической формой борьбы народных масс против иноземных захватчиков стало партизанское движение. Оно стало возникать стихийно еще в первые дни войны под влиянием произвола оккупантов, чинимого ими грабежа, жестокой расправы с мирными жителями. После назначения главно-

командующим Кутузова партизанские отряды все чаще подключались к боевым действиям армии. После Бородинского сражения он стал формировать подвижные конные отряды из гусар, драгун и казаков для действий в тылу вражеской армии и поддержки партизан. Героическая борьба русских партизан, ослабляя вражескую армию, создавала благоприятные условия для перехода вооруженных сил России в контрнаступление.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. основной задачей государства являлось укрепление и усиление Красной армии, которая вела тяжелые кровопролитные бои с немецко-фашистскими захватчиками. 22 июня 1941 г. был обнародован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении», в соответствии с которым советы депутатов трудящихся обязывались оказывать полное содействие военным властям в использовании всех сил и средств данной местности для нужд обороны. Деятельность Государственного комитета обороны и городских комитетов обороны резко усилила военно-организаторскую функцию советов Северного Кавказа.

Во всех краях, областях, республиках Северного Кавказа в первые же дни войны состоялись заседания президиумов верховных советов, совнаркомов республик, исполкомов депутатов трудящихся, на которых обсуждались вопросы о неотложных задачах советских, хозяйственных органов, общественных организаций в новых экстремальных условиях войны [2]. Советы депутатов трудящихся совместно с партийными комитетами опубликовали обращения, в которых призывали народы Северного Кавказа стойко и мужественно защищать каждую пядь советской земли, оказывать всемерную помощь Красной армии, упорно трудиться на производстве, вступать в народное ополчение, истребительные батальоны и охранные дружины, создавать партизанские отряды и подпольные организации для борьбы в тылу врага.

Советы депутатов трудящихся, их исполкомы, военные комитеты исполкомов немедленно приступили к осуществлению военно-мобилизационных мероприятий, выполнению Указа Президиума Верховного Совета СССР о мобилизации военнообязанных. При активном содействии органов советской власти проводилось доукомплектование дивизий Северо-Кавказского военного округа, формировались новые воинские подразделения, шло непрерывное пополнение войск резервами, велась боевая подготовка резервов для действующей армии. Вся деятельность советов была направлена на преодоление превосходства агрессора в численности армии и вооружений, на достижение победы над гитлеровской военной машиной.

Исполкомы советов краев и областей Северного Кавказа при проведении мобилизации в отдаленных районах республик и областей направляли ответственных советских работников в качестве политуполномоченных. Они оказывали помощь призывным комиссиям и командованию в организованном проведении призыва запасного контингента, мобилизации транспорта для перевозки мобилизованных к железнодорожным станциям. На призывных и сборных пунктах политуполномоченные проводили лекции, выступали с докладами, организовывали митинги и собрания, которые выливались в волнующие

демонстрации сплоченности всего народа Северного Кавказа, его готовности с оружием в руках защищать свободу и независимость своей Родины. В результате проводимой работы сбор и передвижение мобилизованных от сельсоветов к райвоенкоматам проходил организованно [3].

Участие в формировании народного ополчения потребовало от советов больших организационно-массовых мероприятий. При районных и городских исполкомах были созданы комиссии для рассмотрения заявлений о вступлении в народное ополчение, в которые входили: председатель исполкома, военком, секретарь районного или городского комитетов ВЛКСМ, заведующий военным отделом райкома или горкома ВКП(б), участник гражданской войны. Командиры подразделений народного ополчения назначались военными комиссариатами и утверждались районной комиссией. Занятия проводились два-три раза в неделю. Комиссиями были разработаны и утверждены программы занятий [4].

Для руководства отрядами народного ополчения при районных и городских исполкомах были созданы штабы народного ополчения в составе председателя крайисполкома, секретаря горкома и райкома ВКП(б), начальника гарнизона (или военкома), председателя местного совета ОСОАВИАХИМа, начальника отдела НКВД и командира отряда народного ополчения [5]. Крупные отряды народного ополчения в первые месяцы войны были созданы в Ростове-на-Дону, Таганроге, Новочеркасске, Красном Сулине, Шахтах Ростовской области. В августе 1941 г. в станицах Дона приступили к формированию казачьего ополчения. В Дагестане в народном ополчении 1 октября 1941 г. насчитывалось около 12 тыс. чел., в Чечено-Ингушетии 24 июля – 17 тыс. чел., в Северной Осетии 22 октября – 5 батальонов. В июле-августе 1941 г. в рядах народного ополчения Адыгейской автономной области обучалось военному делу 1770 чел. В декабре 1941 г. в Краснодарском крае народное ополчение насчитывало уже 224 тыс. чел. [6].

13 августа 1942 г. состоялся антифашистский митинг народов Северного Кавказа. Он принял обращение ко всем народам Северного Кавказа, в котором говорилось: *«Мы клянемся, что горцы, казаки и все трудящиеся Северного Кавказа перед лицом тяжких испытаний будут достойными сынами нашей матери Родины, героическими борцами за честь, свободу и независимость... Пусть смятенным огнем запыляет наша ненависть к лобому врагу – проклятым немецким захватчикам. Все на борьбу против фашистских захватчиков!»* [7]

Орджоникидзевский комитет обороны принял постановление «О формировании отрядов народного ополчения для защиты города Орджоникидзе» 10 сентября 1942 г. С приближением фронта такие отряды создавались и в других городах и районах. В 1942 г. были сформированы полки народного ополчения в Нальчике, подразделения народного ополчения на предприятиях Урванского, Майского, Прохладненского районов Кабардино-Балкарии.

При комитетах обороны региона в октябре-декабре 1941 г. были организованы отряды обороны из числа советского и партийного актива. При Махачкалинском комитете обороны такой отряд насчитывал 300 чел., при Новороссийском коми-

тете обороны – 500 чел. В общей сложности отряды обороны насчитывали в своих рядах около 5 тыс. работников партийно-советского аппарата.

Массовое распространение в регионе получило патриотическое движение за создание добровольческих соединений для Красной армии. Их формирование началось в первые месяцы войны и продолжалось все военные годы. Особенно активно этот процесс протекал в первые два военных года. В регионе были созданы Донской и Кубанский казачьи кавалерийские корпуса, Краснодарская пластунская дивизия, 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, Дагестанский кавалерийский эскадрон, 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк и другие части. За первые шесть месяцев войны на Северном Кавказе было сформировано 16 стрелковых и 19 кавалерийских дивизий, 7 танковых и 16 отдельных стрелковых бригад, десятки других подразделений. Газета «Правда» писала в те дни: *«На берегах Терека, Баксана, в аулах Кабардино-Балкарии, станицах Сунжи, в горах Чечни и Осетии поднялись народы. Рядом с русскими встали черкесы, чеченцы, ингуши, осетины. На помощь им пришли грузины, азербайджанцы, армяне»* [8]. Перед лицом жесткого врага на защиту Отечества встали народы многонационального Северного Кавказа.

Народное ополчение, отряды самообороны, рабочие батальоны находились на полном обеспечении за счет местных ресурсов. Исполкомы советов организовали производство вооружения, обмундирования, снаряжения, проводили сбор продовольствия и предметов быта, необходимых каждому бойцу в его армейских буднях. Невиданные размеры военных действий и большие потери в войсках требовали все новых и новых пополнений. На обучение прибывавших на фронт бойцов не было времени, зачастую их с ходу направляли в бой. Плохо обученные, мало подготовленные резервы несли большие потери. Вопрос о военном обучении солдат в тылу становился все острее и насущнее. 17 сентября 1941 г. ГКО принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Организация и проведение всевобуча были поручены военным, партийным и советским органам. Эти организационные вопросы были рассмотрены на заседаниях исполкомов всех уровней советов депутатов трудящихся Северного Кавказа [9].

Исполкомы советов, постоянные оборонные комиссии участвовали в подборе начальников пунктов всевобуча, командного и политического состава, в оборудовании кабинетов, выделении для них помещений, изготовлении и приобретении пособий, учебного инвентаря. Военные комитеты исполкомов городских и районных исполкомов проводили совещания инструкторов всевобуча, на которых им разъяснялись задачи обучения, программа всевобуча, рассматривались и утверждались конкретные задания для каждой группы. В республиканской, краевой, областной, районной печати, в заводских многотиражках, радиопередачах выступали советские работники с информацией о всевобуче, о боевых успехах его воспитанников на фронтах Отечественной войны.

Усилиями исполкомов советов, депутатов, организаций ОСОАВИАХИМА за первые два года войны в Чечено-Ингушской АССР через систему военного обучения прошли 31 348 чел., из них 13 363 чеченца и ингуша. Кроме того, было

подготовлено 1775 снайперов, бронебойщиков и других военных специалистов. За семь месяцев войны, с середины 1941 г. по март 1942 г., организации всеобуча Дагестанской АССР подготовили свыше 3 тыс. специалистов для РККА. По программе бойца-стрелка было обучено 9057 чел. В Краснодарском крае с декабря 1941 г. было сформировано 8 отдельных батальонов, 163 роты и 236 взводов всеобуча. В течение второго полугодия 1943 г. в Ставропольском крае было обучено 11 560 специалистов. В Северо-Осетинской АССР на 7 августа 1941 г. всеобуч охватил 22 тыс. чел. За годы войны в системе всеобуча на Северном Кавказе прошли подготовку более 2 млн чел. Всего за годы войны провели семь очередей вневойсковой подготовки. За этот срок число граждан СССР, охваченных всеобучем, достигло 9862 тыс. чел. [10].

В военный период потребовалась огромная армия медицинских работников, особенно младшего и среднего медицинского персонала. Перед советскими органами и оборонными обществами встала задача за короткий срок подготовить тысячи дружинниц, санитаров-инструкторов, медицинских сестер. Эта ответственная работа выполнялась тоже организациями ОСОАВИАХИМа и Красного Креста. С 15 декабря 1941 г. в Ростове-на-Дону действовали 10 групп по подготовке медсестер. С 10 января 1942 г. в городах Шахты, Новочеркасск, Новошахтинск, Каменск, Азов, Сальск по сокращенной программе военного времени проводили подготовку медсестер и сандружинниц. В Ставрополе в сентябре 1941 г. была дополнительно организована подготовка медсестер с 2,5-месячным и 5,5-месячным обучением. Организация Красного Креста Северо-Осетинского республиканского совета ОСОАВИАХИМа с начала войны до конца 1942 г. подготовила в кружках 827 медсестер и 1080 санитаров. Всего за годы войны ОСОАВИАХИМ и Красный Крест дали фронту около 400 тыс. медсестер и сандружинниц [11].

Массовый размах в годы войны на Северном Кавказе, как и по всей стране, приняло движение трудящихся за создание общенародного фонда обороны, сбор средств на строительство боевой техники, сбор теплых вещей и подарков для воинов Красной армии. Основная тяжесть в организации этого патриотического движения в регионе легла на исполкомы советов, постоянные комиссии, депутатов, актив, квартальные комитеты. Именно они проводили огромную работу. Особенно много в этом направлении работали сельские и поселковые советы. Заместители председателей комиссий по сбору вещей и средств в фонд обороны, которыми были заместители председателей исполкомов советов, обеспечивали строгий учет всего, что поступало от трудящихся, его сохранность и контроль за правильным использованием. Исполкомы через депутатов устанавливали непосредственные прямые связи с Красной армией, что служило действенным средством укрепления единства армии и тыла. Представители трудящихся, возглавлявшиеся депутатами и работниками исполкомов, сами сопровождали вагоны с подарками для бойцов и доставляли их на фронт.

Трудящиеся, участвуя в создании фонда обороны, отправляли посылки и подарки бойцам и командирам, собирали для них одежду и другие предметы воинского быта, отдавали последнее. Говоря об этом, как о примере самоотвержен-

ности и патриотизма советских людей, было бы неправильно умалчивать о другой стороне всех этих движений и инициатив. В высшем эшелоне партийно-советского аппарата в годы войны была разработана система разверсток на призыв в Красную армию, строительство оборонных рубежей, сдачу средств в фонд обороны, организацию подарков и посылок бойцам в действующую армию. Разверстка спускалась в местные комитеты обороны, партийным и советским органам с указанием сроков выполнения. Не выполнить эти разверстки никто не имел права, поскольку существовала система репрессивных мер. Очень часто работникам низовых исполкомов советов при участии сотрудников отделов милиции приходилось все эти вопросы решать в принудительном порядке. Были и уклонявшиеся от выполнения различного рода «добровольных» разверсток. Все сказанное несколько не умаляет размаха, патриотического порыва, подъема миллионов трудящихся страны. Но во имя исторической правды мы должны знать и об этой стороне истории Отечественной войны, хотя все эти мероприятия были направлены для достижения одной великой цели – победы над фашистскими захватчиками.

Проведенные исторические параллели еще раз убедительно свидетельствуют о том, насколько актуально в современных условиях знание истории своей страны и умение использовать опыт предшествующих поколений.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 34. Л. 242.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 66; Центр документации новейшей истории Ставропольского края (далее – ЦДНИСК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 553. Л. 18; Центр документации новейшей истории Республики Дагестан (далее – ЦДНИРД). Ф. 1. Оп. 22. Д. 287. Л. 19; Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 1774. Оп. 1. Д. 1766. Л. 7.
3. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГАРД). Ф. Р-190. Оп. 11. Д. 77. Л. 113; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 726. Л. 49.
4. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 1760. Л. 1; Д. 1725. Л. 15; ЦДНИРД. Ф. 1. Оп. 22. Д. 16. Л. 220; ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 314. Л. 181–182, 184–188.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2176. Л. 8; Д. 2353. Л. 9; Д. 1423. Л. 256; Оп. 88. Д. 501. Л. 63.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 471. Л. 36.
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 494. Л. 1; Д. 490. Л. 13. Д. 505. Л. 34 (подсчет автора на основе фондов государственных архивов Северного Кавказа).
8. ЦДНИКК. Ф. 1774. Оп. 1. Д. 174. Л. 28–29; ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 316. Л. 14; ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 549. Л. 2–3; Социалистическая Кабардино-Балкария. 1942. 23 февраля.
9. ЦДНИРО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 318. Л. 319; ЦДНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 571. Л. 6.
10. Правда. 1943. 12 февраля; Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-1852. Оп. 1. Д. 156. Л. 4.

М.Ю. Горожанина

ВОЙСКОВОЕ ДУХОВЕНСТВО КУБАНИ В ВОЙНАХ XIX – НАЧАЛА XX вв.

История казачества неразрывно связана с историей войскового духовенства. К сожалению, до сих пор должным образом не оценен вклад войсковых священников Кубани в славные победы русской армии. Главная причина – скудность источниковой базы и ее разбросанность по различным фондам и архивам страны. Наиболее интересными для исследователей в данном отношении представляются два фонда Российского государственного военно-исторического архива: 14877 (Главный священник Кавказской армии) и ВУА (военно-учетный архив), а также три фонда Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК): 249, 353, 396. В них содержатся списки войсковых священников, краткая информация об их участии в боевых операциях, сведения о награжденных. Но описания самих подвигов встречаются крайне редко, в этом плане более информативна периодика. Поскольку первая кубанская газета вышла в свет в 1867 г., военные батальи начала XIX в. менее фундированы источниками, а военная кампания 1914–1918 гг., напротив, представлена наиболее полно.

История зарождения войскового духовенства своими корнями уходит в Запорожскую Сечь. Запорожцы издавна имели собственных войсковых священников. У них даже сложилось поверье, что присутствие священнослужителя во время сражения приносит удачу и является залогом успеха. Следуя этому правилу, казаки старались идти в поход лишь в сопровождении духовника. К середине XVIII в. у запорожцев сложилась традиция избирать войсковых священников. Сами казаки решали, может ли данный священнослужитель окормлять войско или нет. Кандидатура, назначенная епархиальной властью без ведома казаков, всегда вызывала у них неприятие. Поэтому высшее епархиальное начальство было вынуждено смириться с этой традицией, сохранившейся и у черноморских казаков.

Первым войсковым священником черноморцев в 1788 г стал И.Л. Ковалевский, которого казаки знали, как смелого воина более 30 лет. Накануне зачисления в духовное звание И.Л. Ковалевский был войсковым писарем. Сан священнослужителя принял в 1762 г., для чего специально ездил в Киев. Сохранились два аттестата И. Ковалевского, подписанные войсковым судьей А. Головатым и атаманом З. Чепигой, в которых отмечается его отличная служба и личное участие в морских битвах на Днепровско-Бугском лимане 1788 г., где отец Иван проявил мужество и героизм, спасая раненных. Нередко, видя смятение черноморцев, И.Л. Ковалевский, вспоминая свою боевую молодость, подымал казаков в атаку.

В конце 1788 г. по состоянию здоровья И.Л. Ковалевский оставил должность. На его место был назначен Р. Порохня, ставший протоиереем Черноморского казачьего войска в 1794 г. Третьим войсковым священником был Антоний

Донашевский, единственный из представителей черного духовенства, окормлявший Черноморское казачье войско с 1790–1793 гг.

30 июня 1792 г. Екатерины II особым указом узаконила статус войсковых священников: «*Войску Черноморскому иметь протопопа, священника и дьякона. С окладами соответственно 200 руб., 100 руб., 80 руб.*» [1]. Примерно в это же время шел процесс формирования приходского духовенства. Учитывая сложную военную обстановку, существенных отличий между приходскими и войсковыми священниками на Кубани тогда не существовало. Кроме того, именно войсковой протоирей курировал все белое духовенство, первоначально в основном комплектовавшееся из казаков. Таким образом, в данном регионе сложилась своя специфика формирования войскового духовенства.

1) Так как изначально священники черноморцев были представлены военным духовенством, проблема его формирования не стояла здесь так остро, как в центральных губерниях России.

2) Первоначально не требовалось дополнительного образования для будущих войсковых священников, так как их основная масса, будучи выходцами из казачьего сословия, хорошо знала военную службу.

3) По этой же причине черноморскому войсковому духовенству намного проще было выполнять свои обязанности, чем российскому, большинство представителей которого о военной службе знало лишь понаслышке и тяжело привыкало к жизни по воинскому уставу.

4) Вплоть до середины XIX в. священники носили статус войсковых, а не полковых, так как в отличие от других регионов России, в Черномории они прикреплялись не к конкретному полку, а ко всему войску и достаточно часто меняли место своей службы. Именно к войсковым священникам относилось и духовенство главного храма Черномории – Воскресенского собора, часто отправлявшееся на боевые позиции.

5) Между приходским и войсковым духовенством не существовало соперничества, они жили едиными проблемами и нередко замещали друг друга.

6) В отличие от российских губерний и Линейного казачьего войска, войсковые и приходские священники черноморцев подчинялись единой епархиальной власти.

7) Материальное положение как войскового, так и приходского духовенства (за счет войскового финансирования) выгодно отличалось от других российских регионов. Вместе с тем, это порождало его зависимость от войска, которое довольно часто вмешивалось в церковные дела. Православная церковь в Черномории, как правило, строила свою политику, исходя из войсковых потребностей.

Таким образом, войсковое духовенство черноморцев составляло единый духовный мир со своими прихожанами. Разделяя с казаками все тяготы и невзгоды военного времени, духовные пасторы мало чем отличались от своей паствы. Священник, лихо скакавший на лошади и великолепно владевший холодным оружием, был обычным явлением того времени. В начале XIX в. довольно часто войсковой священник заменял выбывшего из строя казака

и помогал не только словом, но и делом одерживать победу над неприятелем. Именно в этот период, когда Черноморья была сферой борьбы Османской Турции и России, наиболее полно раскрылась значимость деятельности войскового священника.

С древних пор на Руси православие и воинство было неразрывно связано. Именно православная церковь зарождала в человеке с самого рождения любовь к родной земле, формировала чувство долга и ответственности, пробуждала патриотические настроения в обществе. Осуждая насилие и кровопролитие, православие не признавало захватнических войн с целью обогащения и грабежа. Совершенно иначе оно подходило к защите Отечества. Согласно православной доктрине, спасение родной земли от неприятеля – это святое дело, поэтому долг каждый православного гражданина отдать все, даже собственную жизнь во имя защиты и спасения Родины. Среди святых, почитаемых Православной церковью, немало славных защитников Отечества: Дмитрий Солунский, небесный покровитель русского воинства Георгий Победоносец, великие русские полководцы святые благоверные князья Александр Невский, Дмитрий Донской и многие другие. Именно на героических примерах прошлого казаки воспитывали подрастающее поколение, и огромную роль в этом играло духовенство. Вплоть до октября 1917 г. в кубанских храмах существовал обычай: имена убитых на войне высекались на мраморных досках.

Священники даже смерть воина пытались превратить в воспитательный акт. Практически всегда в память об убиенном священник говорил небольшое поучение, подчеркивая, что умерший был верен своей клятве до последней капли крови, поэтому заслужил Царствие Небесное. *«Царствие Небесное да даст ему Бог! А нам, живым, да будет он одушевляющим примером»* [2]. Казаки искренно верили, что, умирая за Отечество, они заслуживают право на вечную жизнь. Поэтому презирали смерть и даже ранеными рвались в бой. Глубокая набожность казачества помогала ему одерживать победу в самых сложных условиях, вселяла надежду, давала силы. Поэтому войсковые священники стремились укрепить и поднять боевой дух воинства. Они лично знали все тяготы и невзгоды походной жизни.

Важное значение приобретала и деятельность войскового протоиерея, который окормлял не конкретный полк, а все казачье войско. Довольно часто он посещал боевые кордоны казаков, напутствуя их добрым словом и благословляя на новые подвиги. На войскового священника возлагалась большая ответственность: он должен был делить все невзгоды с солдатами, воодушевлять малодушных, утешать раненых, напутствовать умиравших, провожать в последний путь погибших. Неслучайно войсковые священники принимали присягу наравне с остальными казаками. Будущие пастыри произносили клятву перед всеми собравшимися, положила руку на Библию. *«Я клянусь всемогущей Троицей и славным Богом перед святой его Евангелией и животворящим крестом Спасителя нашего, что всем делом, к которому призван и которое будут с меня спрашивать, имею сказать Ему суищую правду, так правдиво как мне в том ответ даст пред Богом и пред его праведным судом. Сей моей клятвой целую святое слово*

Спасителя моего. Аминь» [3]. После этого начинались поздравления. Пожилые казаки за общим столом напутствовали молодежь, вспоминали боевые походы.

Вместе с казаками участвовали войсковые пасторы и во всех военных сражениях. Были они рядом в Отечественную войну 1812 г., в русско-турецких войнах и в Крымскую кампанию 1853–1856 гг. Последняя была особенно тяжелой: *«Кровь лилась повсюду. Опустошались берега в Новороссии, в Крыму на восточной стороне Черного моря, на Белом море и даже в Камчатке. Провиант истощался. Усилия врагов достигли размеров, какие считались невозможными. Сто тысяч ядер, бомбы, гранаты ежедневно летели в Севастополь. Никакая человеческая сила не могла держаться в нем»*. Но русские воины, поддерживаемые своими духовными пасторами, сдерживали натиск врага.

В те дни нередко встречалась такая картина: орудия разбиты, больше половины полка уже нет в живых. Уставшие до изнеможения воины из последних сил выполняли приказ командира, но вражеская пуля вывела из строя и его. Возникало смятение, враг торжествовал, предчувствуя скорую победу. И тогда раздавался раскатистый голос войскового священника: *«Братья казаки, что же вы?! Вперед! За мной! За веру православную! За Землю Русскую!»*. И, высоко подняв свой крест, увлекал в воинов в атаку. Превосходивший в численности враг бежал от неожиданного напора.

Так, в 1853 г. обер-священник Кавказского корпуса протоиерей Михайловский в одном из рапортов с грустью сообщал о героической гибели целого гарнизона Черноморской береговой линии, который защищал укрепление Св. Николая. Неся большие потери, казаки продолжали сдерживать натиск врага, в этом им помогал войсковой батюшка иеромонах Серафим Гуглинский, который личным примером укреплял их мужество и веру. Несколько раз, в крайне сложной ситуации, он подымал казаков в атаку. Утешал раненных, всячески стараясь облегчить их страдание, укреплял веру защитников в победу. Бесстрашный иеромонах вызывал злобу и ненависть у турок. Но, казалось, что даже смерть его боялась, раненый он оставался в строю и продолжал выполнять свою работу. Снова и снова обращался он к воинам: *«Братья, помните, что честная смерть лучше бегства и бесчестной жизни. Не пожалеем же себя за Веру Православную, за Матушку Россию»*. Когда турки овладели укреплением, они прежде всего решили расправиться с ненавистным пастором. Иеромонах Серафим, истекавший кровью, был без сознания, но еще жив. Турки, торжествуя победу, устроили о. Серафиму публичную казнь, после мученических пыток ему отпилили голову и, вонзив ее на копьё, показывали своим войскам.

В это время в соседнем гарнизоне другой войсковой священник, благословляя казаков на битву, говорил: *«Убийство противника на войне грехом не является. Однако неприятель – брат по плоти. Поэтому, убивая его, свою должность нужно исполнять без ожесточения. Поверженному противнику следует даровать пощаду. Грабеж и мародерство запрещаются. К иноверческим храмам противника нужно относиться с уважением, ибо ничто так не ожесточает неприятелей, как презрение к народной вере»*. Не в этом ли милосердии к побежденным заключается сила русского духа, которая не раз помогала воинам в трудную минуту?!

Уже ко второй половине XIX в. сложился четкий круг обязанностей полковых священников. Если до начала Крымской кампании основное внимание уделялось помощи раненым, духовной беседе и проповеди, то после на плечи войскового духовенства возлагалась и просветительская работа с личным составом. Священнослужители должны были не только совершать церковную службу и выполнять все необходимые церковные требы, но и обучать воинов основным молитвам, церковной истории и Закону Божьему. Так, в одном из рапортов по Кавказскому корпусу говорилось: *«Замечено, что некоторые нижние чины слабо знают догматы Святой веры и церковные постановления, и даже есть такие, которые не знают всех ежедневных молитв, Символа Христианской веры и 10-ти заповедей. Обязанность Полкового Священника научить нижних чинов всему вышесказанному, и притом излагать им вкратце Священную Историю, о чем неоднократно подтверждено по войскам, и предписано приказом по Корпусу»* [4].

К этому времени произошли заметные изменения и в управлении войскового духовенства. Образование в 1860 г. Кубанской области и создание Кубанского казачьего войска, объединившего черноморских казаков и значительную часть линейцев, требовало формирования единой системы управления. С 1867 г. все войсковое духовенство Кубани стало подчиняться единой власти, постепенно исчезли и существующие отличия между черноморским и линейным духовенством. К началу XX в. сформировалась четкая структура управления войсковым духовенством. Во главе стоял протопресвитер военного и морского духовенства, далее главные священники округов, затем дивизионные, бригадные, гарнизонные благочинные, полковые, госпитальные и тюремные священники.

Вместе с тем, именно в это время многие священнослужители отмечали заметный спад нравственности среди населения. В связи с этим полковые священники обязаны были уделять особое внимание воспитательной работе. В 1900 г. была принята специальная программа религиозно-нравственной работы в армии. Согласно этому документу полковые священники должны были еженедельно проводить с казаками занятия по Закону Божьему, следить за их поведением во время богослужения, как можно чаще исповедовать и причащать. Кроме того, следовало им установить обязательное пение хором всеми нижними чинами молитв: утренней, вечерней перед обедом и ужином. Полковые священники также должны были требовать соблюдения всех постов, бороться со сквернословием, не допускать в армии пьянства [5]. Следует подчеркнуть, что часто войсковое начальство вместо поддержки оказывало священникам противодействие. Так в 1904 г. удовлетворяя многочисленные просьбы командиров, наказной атаман Кубанской области Я.Д. Малама уведомлял начальника штаба Кавказского военного округа о невозможности соблюдения в воинских частях постов, а так же о нецелесообразности уделять слишком много времени воспитательной работе [6].

Вместе с тем, возникавшие противоречия не отражались на авторитете духовенства. Священники по-прежнему пользовались большим уважением в Кубанском казачьем войске. Начавшаяся Первая мировая война еще более сплотила духовенство и казачество. Примечательно, что уже в первый день

войны на имя наказного атамана поступило много прошений о зачислении в армию как от казаков, так и от кубанского духовенства. Вот лишь одно из них, от священника Павла Гладкова: *«Я прошу свое епархиальное начальство о зачислении меня священником на поля военных действий, но боясь остаться без удовлетворения, покорнейше прошу и Вас, Ваше превосходительство, помочь мне пойти с Российским победоносным воинством на защиту прав его Императорского Высочества, Великого нашего Государя, Веры Православной и Отечества. Я, как священник, имею особенно сильное желание послужить в рядах российского войска против врагов»* [7].

Всего в армию и флот в 1914–1917 гг. было зачислено свыше 5 тыс. войсковых священников. При этом накануне 1914 г. их насчитывалось не более 700 чел., а в русско-японскую войну – чуть больше 1 тыс. чел. [8]

Полковые священники Кубанского казачьего войска остались верны боевым традициям своих предков. Газеты часто сообщали об их награждении. Так, в марте 1916 г за проявленное мужество во время одной из битв к ордену Св. Анны 3 степени был представлен полковой священник 1-го Лабинского полка о. Федор Татаринов. Разделяя с казаками все тяготы войны, отец Федор не покидал свою паству и во время боя. Часто рискуя собственной жизнью, под сильным огнем противника выносил с поля боя раненых. В июле 1916 г. он был награжден. Повторно, а в октябре того же года за отличную службу пожалован камилавкою.

24 марта 1916 г. за отличную службу и труды во время боевых действий священник 1-го Екатеринодарского Кошевого атамана Чепиги полка о. Дмитрий Феденко был награжден орденом Анны 3 степени, а протоиерей 4-го Кубанского пластунского батальона Павел Бартанев – орденом Владимира 4 степени.

Доблестно выполняли свои обязанности и представители черного духовенства. С началом Первой мировой войны многие из них в качестве полковых священников добровольцами отправились в действующую армию. В конце 1916 г., отмечая особые заслуги иеромонаха Фотия (Герасименко), исполнявшего пасторские обязанности в Кубанском пластунском батальоне, войсковое начальство представило его к ордену Св. Анны 3 степени [9]. Среди особо отличившихся священнослужителей был и настоятель Екатеринодарского духовного училища о. Сергей Тихомиров. В январе 1917 г. за отличную службу он был пожалован золотым наперстным крестом. 5 июля 1917 г. за проявленный героизм и отличие в борьбе с неприятелем священника 8-го Кубанского пластунского батальона о. Сергея Тихомирова наградили орденом Владимира 4 степени [10].

Забываясь о нравственном климате в войске, священники много уделяли внимания работе с личным составом, пытались облегчить его участь. Нередко они выступали связывающим звеном между воином и его домом. Часто именно батюшка отсылал на Кубань весть родным о том или ином герое, он же читал неграмотным долгожданное письмо из дома. К началу 1917 г. дезертирство стало одной из острых проблем русской армии. Но это явление почти было неизвестно кубанцам, в чем, в первую очередь, была большая заслуга полковых священников.

Таким образом, Православная церковь играла важную роль не только в мирное время, но и в период войн. Войсковое духовенство Кубани внесло большой вклад в военную историю казачества.

Примечания:

1. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 253. Л. 7.
2. Цит. по: Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. М. 2000. С. 515.
3. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 507. Т. 2. Л. 343.
4. Котков В.М., Коткова Ю.В. Военное духовенство России. Страницы истории. СПб., 2005. С. 58.
5. ГАКК. Ф. 396. Оп.1. Д. 7973. Л. 13.
6. Там же. Л. 44.
7. Там же. Д. 10746. Л. 5
8. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк, 1954. С. 93.
9. Кубанский казачий вестник. 1916. № 18. С. 34
10. Там же. 1917. № 9. С. 21.

А.П. Скорик

36-й ДОНСКОЙ КАЗАЧИЙ ПОЛК И ЕГО УЧАСТИЕ ВО ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1914–1917 гг.

Впервые 36-й Донской казачий полк сформировали в 1801 г. В первой половине XIX в. полк существовал по имеющимся сведениям как самостоятельное воинское подразделение. 15 мая 1841 г. последовало назначение в 36-й полк есаула Я.П. Бакланова, будущего донского и российского генерала. Полк нес тогда службу в Царстве Польском и держал кордонную линию на границе с Пруссией. По возвращении на Дон после службы в 36-м полку, Я.П. Бакланов был произведен 18 октября 1844 г. в войсковые старшины [1].

Встречаются отдельные сведения о службе полка в 1847–1850 гг. В частности, согласно рапорту № 795 от 29 октября 1848 г. командира 36-го полка войскового старшины Трехсвоякова, казаки 2-й сотни под командованием хорунжего Черкесова рассеяли *«партию хищников до 9 человек»* по левому берегу Терека, когда несли службу на Терской кордонной линии в укреплении Магометовском [2]. В 1854 г. 36-й Донской казачий полк находился в составе русской кавалерии левого фланга Кавказской линии, которой командовал уже генерал-майор Я.П. Бакланов. В 1862 г. полк под командованием Дмитрова командировали с Дона в 1-ю русскую армию. Полк опять дислоцировался в Польше [3]. В 1870 г. полк получил простое знамя, а за русско-турецкую войну 1877–1878 гг. – Георгиевский штандарт с надписью: «За отличие в Турецкую

войну 1877 и 1878 годов» [4]. Этот Георгиевский штандарт (образца 1875 г.) полку пожаловали 17 апреля 1878 г. Навершие знамени образца 1867 г. было высеребренным, древко – темно-зеленым, с высеребренными желобками. Полотнище имело красные квадраты и серебряное шитье. Георгиевский штандарт использовался вплоть до 1917 г. Знамя бережно сохранялось казаками, но его дальнейшая судьба неизвестна.

С 1887 г. обязанность по комплектованию 36-го Донского казачьего полка возлагалась на 1-й Донской округ со штаб-квартирой в станице Константиновской. 36-й Донской казачий полк формировался в порядке 2-й очереди. В него призывали в те времена служить (наряду с другими здесь же комплектовавшимися донскими частями) казаков из станиц 1-го Донского округа: Романовской, Кумшацкой, Цымлянкой, Терновской, Филипповской, Баклановской, Чертковской, Нижне-Курмоярской, Иловайской, Кутейниковской, Ново-Алексеевской. С марта 1889 г. за полком уже прочно закрепился данный номер, и он постоянно существовал как третьеочередной льготный полк 2-го первоочередного Донского казачьего полка. В 1905 г. 36-й Донской казачий полк, как полк 3-й очереди, принял участие в подавлении волнений и выступлений при осуществлении полицейских операций в России. Казаки не очень были довольны такой незавидной ролью, но случаи дезертирства или перехода на сторону восставших оказались исключительно редки. Казачество оставалось верным правительству, о чем свидетельствует присланная на Дон 29 января 1906 г. Высочайшая грамота, в которой император Николай II благодарил войско Донское за службу *«верой и правдой Царю и России»*.

В начале XX в. 36-й Донской казачий полк как отдельная воинская часть комплектовался казаками 3-й очереди 1-го Донского округа Области Войска Донского. По существовавшему тогда на случай войны мобилизационному плану Генерального штаба полк предназначался для включения в состав 2-й русской армии. После официального объявления в 19 часов 10 минут 19 июля 1914 г. Германией войны России, в Области Войска Донского начались формирование казачьих частей и их отправка на фронт. На патриотической волне Войско Донское собрало и отправило на фронт 125 тыс. своих сынов [5]. 36-й Донской казачий полк мобилизовался 4 августа 1914 г. в штатном составе в станице Константиновской. Укомплектованием полка по мобилизационному плану занимался войсковой старшина Н. Кочетов, который стал командиром полка и прошел с ним все годы войны. Полк включал 26 офицеров, 875 строевых казаков и 85 нестроевых казаков [6].

8 августа 1914 г. 36-й полк выступил в поход в столицу донского казачества, к пункту отправки казачьих частей на германский фронт. До Новочеркаска полк выдвинулся походным порядком, а уже оттуда по железной дороге направился на театр военных действий. 18 августа полк прибыл в польский городок Остроленка Ломжинской губернии, где и вошел в состав 2-й (Наревской) русской армии Северо-Западного фронта (командующий – генерал от инфантерии Я.Г. Жилинский). Это произошло в трагический момент поражения 2-й армии

в Восточно-Прусской операции, и казаки полка выполняли разные задачи по несению сторожевой и разведывательной службы, обустройству линии обороны в районе городка Остроленка, помогали отступавшим из Восточной Пруссии частям армии отойти в тыл для последующего переформирования под общей командой генерал-майора А.Г. Ушакова [7].

26 августа 1914 г. после завершения сосредоточения 3-го Сибирского корпуса 36-й Донской казачий полк вошел в его состав и участвовал в боевых операциях до конца ноября, в разведке и стычках с немцами. В этих боях отличился хорунжий Наследышев, при преследовании противника с группой казаков неожиданно налетевший на пехотную заставу немцев и уничтоживший большую часть вражеских солдат [8]. Тогда же, 30 августа 1914 г. при атаке в конном строю до 70 немецких пехотинцев на велосипедах у деревни Кл. Ласкен казаки 5-й сотни 36-го полка под командованием есаула Макарова сумели захватить офицерскую сумку с важной перепиской и штабными картами, раскрывавшими для русского командования предполагаемый план действий и наступление германской армии от Лыка на Августов – Сувалки. Немцы спасались бегством, казаки отбили 3 велосипеда и несколько винтовок, но главным и уникальным трофеем донцов стали документы [9].

Урядник А. Хохлачев, будучи дозорным в разъезде сотника Чекина 18 сентября 1914 г., не растерялся при встрече с противником и один бросился на семерых немецких пехотинцев, взял двух из них в плен и доставил в штаб корпуса. За этот личный боевой подвиг он получил Георгиевский крест 4-й степени № 73042 [10]. Младший урядник А. Васильев 1 октября находился с разъездом для разведки дислокации противника, обнаружил две роты пехоты и полэскадрона кавалеристов. Для точного выяснения количества сил противника открыл по обнаруженным подразделениям врага стрельбу, чем вызвал огонь на себя, но успел сообщить нашей пехоте о продвижении противника. В результате умелых действий младшего урядника А. Васильева вражеские подразделения попали под фланговый огонь наших пулеметов. Донской казак за это боевое дело получил Георгиевский крест 4-й степени № 73944 [11].

5 ноября 1914 г. казаки 3-й сотни 36-го полка под командованием есаула Зеленкова устроили конному подразделению противника классический казачий вентерь у деревни Вейсунен (Венсулен) в районе городка Йоганесбурга, *«чтобы отучить немецких кавалеристов от безнаказанных прогулок»*. Немцев заманивала в засаду полусотня донцов под командованием подьесаула Болдырева и сотника Ускова, а затем *«четыре звена казачьей лавы по условному выстрелу»* моментально зажали в тесное кольцо 18–20 немецких всадников, основную часть из которых тут же изрубили, 5 чел. взяли в плен и отбили 7 лошадей. В этом деле, кроме вышеназванных офицеров, отличился вахмистр Григорьев [12], который лихо рубил *«немецкие головы под касками»*. Правда, немного подвели донцов *«казачьи маштаки [13], принятые при мобилизации полка, по военно-конской повинности»* и позволившие нескольким немцам все же выскользнуть из плотного казачьего вентерья [14].

Интересных боевых эпизодов для казаков 36-го Донского казачьего полка в военной кампании 1914 г. было немало. Мы восстановили по архивным документам лишь некоторые из них. С 24 ноября 1914 г. полк действовал уже в составе 2-го Кавказского армейского корпуса на участке фронта в районе Варшавы, в Галиции (на реке Любачевке), под Вильно (в районе Новые Троки). С июня 1915 г. 36-й Донской казачий полк вошел в состав 4-го армейского корпуса 2-й русской армии, и уже на Западном фронте продолжил свой боевой путь. С 5 августа 1915 г. полк входил в состав 13-й армии Северного фронта [15]. С 1 декабря 1915 г. полк в составе 6 сотен состоял при 2-м кавалерийском армейском корпусе и входил в состав 10-й армии (1 декабря 1915 г. – 16 апреля 1916 г., 4 июня 1916 г. – 1 января 1917 г.) и 4-й армии (16 апреля – 4 июня 1916 г.) [16]. Затем воевал в 1-й и 5-й русских армиях Северного фронта и 6-й русской армии на Румынском фронте.

В военной кампании 1915 г. казаки полка нередко использовались как ездившая пехота. Своими действиями полк связывал фланги отступавших подразделений русской армии, закрывал прорывы линии фронта, позволял арьергардными боями обеспечить отход отдельных частей, выполнял обязанности охранной службы. Так, 20 мая донцы помогли избежать полного окружения и уничтожения батальону Мингрельского пехотного полка в районе городка Любочева. Весь батальон во главе с командиром *«для облегчения сил снял с себя сапоги и бегом отходил»*. В этом деле особенно отличился хорунжий Сальников, своевременно обнаруживший угрозу окружения батальона противником, оперативно предупредивший мингрельцев и обеспечивший с группой казаков прикрытие отхода наших пехотинцев [17]. 5 июля очень удачно действовала в конном и пешем строю 6-я сотня 36-го полка под командованием есаула Наярникова, надежно прикрывшая прорыв между гренадерской дивизией и лейб-гвардии Волынским полком у деревни Рудка, а казачий офицер при этом проявил *«способность правильно оценивать обстановку, распорядительность и мужество»*. *«Командир сотни Есаул Наярников связав фланги нашей пехоты высланными разъездами и спешив сотню оттеснил неприятеля на ½ версты назад, занял опушку леса и имевшиеся там окопы, упорно удерживался на занятой позиции до наступления темноты против немецкой пехоты, накопившейся против него более чем роты»* [18].

8 июля 1915 г. в 11 часов утра в 36-м Донском казачьем полку *«было отслужено молебствование о даровании нам победы»*. После чего командир полка, полковник Кочетов и полковой священник выступили с торжественными речами, казаки по принятому обыкновению целовали крест и полковой Георгиевский штандарт. Полк прошел церемониальным маршем, и казаки разошлись с песнями по местам своего расквартирования [19].

Боевые дела казаков 36-го полка высоко оценивали военачальники ряда войсковых соединений русской армии, в составе которых воевали донцы. Так, в приказе № 20 от 19 ноября 1914 г. начальника Иоганнесбургского отряда генерал-майора В.З. Гудимы отмечалось: *«у меня явилась твердая уверенность, что куда-бы ни были посланы казаки, дело будет сделано добросовестно и акку-*

ратно. Устали казаки не знали» [20]. В июле 1915 г. начальник 51-й пехотной дивизии генерал Бенискул «свидетельствовал о мужестве и героизме казаков и способности их биться в спешном порядке наряду с хорошей пехотой. Начальнику участка Есаулу Малогину неоднократно выражал удовольствие и благодарность за находчивость и умелую оборону порученного ему участка и помощь в отражении противника при атаке на фланг его дивизии» [21].

С 1 декабря 1915 г. и в течение всего 1916 г. 36-й Донской казачий полк «исполняет службу связи, ординарческую и военно-полицейскую», его сотни распределялись по разным войсковым соединениям, затем вошел в корпусной резерв. С 8 сентября 1916 г. полк перешел на 5-сотенный состав, на его основе сформировались 4 казачьих конвоя для нужд армейских соединений, полковая команда связи, и даже появился свой «*один легко-грузовой ¾ тонный автомобиль, для обслуживания которого назначены один шофер и один помощник его*». 36-й полк также выделил и отправил в более чем годичную командировку с 28 ноября 1915 г. 10 нижних чинов в особый партизанский отряд поручика Кузьмина [22], который по тогдашней практике действовал в основном в ближнем тылу противника.

13 октября 1916 г. за отличия в делах против неприятеля были удостоены орденов: Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» прикомандированный к 36-му полку военный топограф штабс-капитан И. Крюков, поручик А. Суворов, сотник Г. Сохранов и хорунжий Черничкин; Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом штабс-капитан И. Крюков; мечей и банта к ордену Св. Анны 3-й степени подьесаул Г. Агапов [23].

С начала военной кампании до 1 января 1917 г. 156 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами, 403 казака получили Георгиевские медали, а один казак удостоился даже французской медали. Среди примечательных трофеев донцов значатся 1 автомобиль, 17 велосипедов и 37 лошадей [24]. Характерная деталь: офицеры и нижние чины 36-го Донского казачьего полка за период участия подразделения в военных операциях не совершили никаких противоправных деяний, никто из казаков не был предан военно-полевому и корпусному судам: «*Жалоб и претензий на полк и отдельно на чинов его не предъявлялось*» [25]. За первые полтора года участия в военной кампании донцы сэкономили по хозяйственной части 84312 руб. и потратили часть сэкономленных средств весьма разумно: 1291,5 руб. на фуражки для нижних чинов, 3679 руб. «*на покупку подков и штов*», до 600 руб. на брезенты для обозных повозок и походных кухонь [26].

В марте 1917 г. полк направился на формирование 8-й Донской казачьей дивизии, укомплектование которой происходило непосредственно на территории Области Войска Донского. В этом же году казаки 36-го полка отказались расстреливать демонстрацию рабочих. Казакам были «нелюбы» жандармские функции, которые им пытались навязать власть предрержащие. Летом 1917 г., а точнее с 12 июля, в течение короткого промежутка времени 36-м Донским казачьим полком командовал известный лидер Белого движения, казак станицы Новочеркасской Черкасского округа полковник А.П. Фицхелауров

(20.06.1878–7.03.1928). В январе 1918 г. по приказу Войскового правительства Дона две трети казачьих полков из-за преобладавших в них пацифистских настроений и поддержки действий Донского ревкома были расформированы, но 36-й Донской казачий полк остался в строю. В сложнейших условиях разворачивавшейся Гражданской войны 36-й полк в числе шестнадцати донских полков остался верен воинской присяге в 1918 г.

С началом процесса возрождения донского казачества в конце 1980-х гг. зародилась идея воссоздания исторически существовавших казачьих частей в тех же самых донских станицах, где они комплектовались в начале XX в. Штатное формирование воссоздаваемого 36-го Донского казачьего полка поручили офицеру запаса А.М. Упорникову и атаманам юртов В.Ф. Бокову, Г.И. Куренкову и В.Н. Кравцову. Полк практически с нуля восстановили в период с марта 1993 г. по 20 февраля 1994 г. Личный состав включал свыше 500 казаков-военнообязанных запаса и казаков старших возрастов из Морозовского, Милютинского и Тацинского районов, которых органы военнотерриториального управления планировали в перспективе привлекать для участия в мероприятиях гражданской и территориальной обороны. 20 февраля 1994 г. на Большом Круге в г. Морозовске 36-й Донской казачий полк принял воинскую присягу. Так казаки подтвердили свой добровольный долг служить вере православной, Дону и России.

Командиром полка по старинной казачьей традиции был избран есаул А.М. Упорников (майор запаса). Создание 36-го казачьего полка ВКО ВВД поддержали епархиальные власти Русской православной церкви. От их лица казаков благословил на богоугодное дело священник полка, настоятель Покровского храма отец Валерий. Он освятил по всем канонам Русской православной церкви казачье формирование. В своей проповеди он, в частности, отметил, что «все в этом мире возвращается на круги своя. Всему, что пытались уничтожить и искоренить в этой жизни враги России, русского православного народа, казачества суждено возродиться. И одну из вех этого возрождения мы видим сегодня». К формированию 36-го Донского казачьего полка удалось привлечь внимание военкомов и глав администраций районов Ростовской области. Главы трех районных муниципальных образований и военные комиссары Морозовского и Тацинского районов подписали специальный акт, фиксирующий создание 36-го Донского казачьего полка и определяющий основные направления деятельности органов его управления и порядок взаимодействия нового формирования с военными комиссариатами и органами местного самоуправления районных муниципальных образований. Формирование 36-го казачьего полка Всевеликого войска Донского способствовало консолидации казачьего движения на территории Морозовского, Милютинского и Тацинского районов Ростовской области. Полковая структура в течение пяти лет успешно обеспечивала развитие казачьего движения в Первом Донском округе. В соответствии с приказом № 1 от 15 января 2000 г. атамана Первого Донского округа войскового казачьего общества «Всевеликое Войско Донское», казачьего полковника Г.И. Шкодина завершилась реорганизация 36-го казачьего полка, на его базе

были сформированы казачий полк повышенной готовности, куда вошли казаки Константиновского, Тацинского, Морозовского, Милотинского юртов, и казачьи команды мобилизационной готовности из числа казаков Мартыновского и Усть-Донецкого юртов в рамках окружной структуры.

Таким образом, двухвековая история 36-го Донского казачьего полка вполне заслуживает самостоятельного рассмотрения. В ней отчетливо отразились героические и трагические страницы истории нашей страны, особенно исторические судьбы донского казачества. Наиболее весомым боевым сюжетом в истории 36-го Донского казачьего полка предстает Великая (Вторая Отечественная, в просторечии – «германская») война 1914–1917 гг. Казаки продемонстрировали столь массовое проявление казачьей удачи, военной сноровки, преданности Отечеству своему, четкого и инициативного выполнения приказов командиров и военачальников, что невозможно описать все их боевые дела, отложившиеся в архивных документах. За каждым орденом, Георгиевским крестом, медалью, приказом, рапортом стоит ратный подвиг достойного сына Дона. 36-й Донской казачий полк был одной из коренных частей русской армии, на плечах которой Россия вынесла все тяготы Великой войны 1914–1917 гг.

Примечания:

1. Богаевский Л.В. Бакланов Яков Петрович // Донцы XIX века. Ростов н/Д, 2003. С. 40.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 1330. Оп. 1. Д. 41. Л. 1.
3. Там же. Ф. 330. Оп. 55. Д. 1147. ПС за 1862 г.
4. Картины былого Тихого Дона: Краткий очерк истории войска Донского. Т. 2. М., 1992. С. 158.
5. Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д, 2005. С. 214.
6. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 91.
7. Там же. Л. 73.
8. Там же. Л. 75.
9. Там же. Л. 74, 77.
10. РГВИА. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.
11. Там же. Л. 31.
12. Позже вахмистр 3-й сотни Ф. Григорьев «за *отлично-усердную службу и труды понесенные*» был награжден серебряной шейной медалью на Станиславской ленте с надписью «За усердие» со старшинством с 1 января 1916 г. См.: РГВИА. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
13. Казачьи маштаки – лошади по третьему году (третьяки), т.е. молодые и недостаточно подготовленные к боевым делам, или же старые сильные кони, которых использовали, прежде всего, для хозяйственных нужд, а не для верховой езды, и еще это могли быть «некондиционные» лошади в разных вариантах (кастрированные, маленькие, толстые). См.: Большой толковый словарь донского казачества.

- М., 2003. С. 280. Вероятно, в данном случае казаки все же оседлали резвых молодых коней, но еще пока не готовых состязаться со строевыми лошадьми.
14. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 80–81.
  15. Там же. Л. 86.
  16. Там же. Л. 88.
  17. Там же. Л. 82–83.
  18. Там же. Л. 83.
  19. Там же. Л. 84.
  20. Там же. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.
  21. Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 86.
  22. Там же. Л. 88.
  23. Там же. Ф. 5090. Оп. 1. Д. 48. Л. 6.
  24. Там же. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 52. Ч. 2. Л. 91.
  25. Там же. Л. 74.
  26. Там же. Л. 75.

И.Г. Алмазов

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНГУШСКОГО КОННОГО ПОЛКА КАВКАЗСКОЙ ТУЗЕМНОЙ КОННОЙ ДИВИЗИИ (1914– 1917 гг.)

В августе 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, возникшей вследствие обострения противоречий Великобритании, Франции и России с одной стороны, и германо-австрийского военного блока – с другой, на Северном Кавказе приступили к формированию крупного воинского соединения из горцев – Кавказской туземной конной дивизии. В спешном приказе № 2885 от 8 августа 1914 г. (под грифом «секретно») Главное управление Генерального штаба Российской императорской армии сообщало: *«По обстоятельствам военного времени ныне признано необходимым сформировать на время настоящих военных действий путем набора охотников из туземцев Кавказа 5 конных полков и 1 пеший батальон... Вышеуказанные конные полки будут сведены в Кавказскую Туземную конную дивизию. На означенные формирования в 27-й день июля с.г. последовало Высочайшее соизволение...»* [1]

16 августа 1914 г. Высочайшим повелением были утверждены Положение о частях, формируемых из туземцев Кавказа на время настоящих военных действий [2] и штаты Кавказского туземного конного полка [3].

Позже штаты дивизии претерпели изменения. Этому обстоятельству способствовало обращение почетных старейшин ингушского народа к Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе генерал-адъютанту графу

И. Воронцову-Дашкову о формировании из ингушей отдельного конного полка в составе Кавказской Туземной конной дивизии. Наместник Кавказа, поддержав прошение представителей ингушского народа, обратился с ходатайством к императору. Излагая дальнейшее развитие дела Главное управление Генерального штаба в своем секретном приказе № 3072 от 20 августа 1914 г. «*О формировании из ингушей Кавказа особого Ингушского конного полка в составе Кавказской Туземной конной дивизии*» сообщало: «*Наместник Его Императорского Величества на Кавказе, в виду просьбы Ингушского народа о формировании из охотников его среды особого Ингушского полка, возбудил ныне ходатайство о формировании названного полка на тех же основаниях, кои приняты для полков новой Кавказской Туземной конной дивизии...*» [4]. 23 августа 1914 г. Главное управление Генерального штаба в дополнительном приказе № 3139 «*О формировании в составе Кавказской Туземной конной дивизии Ингушского конного полка и увеличении штата ее*» подтвердило, что «*ныне по обстоятельствам военного времени признано необходимым сформировать из кавказских горцев Ингушей еще Ингушский конный полк, каковой и включить в состав названной выше дивизии, придав ему Высочайше утвержденную 16-го сего августа организацию полков ее...*». [5]

Ингуши вновь получили право, образовав свой полк, вступить в ряды Российской императорской армии. Верные долгу и взятым перед Кавказом и Россией обязательствам они «*присягнули по своей вере и закону на верность российской службе*». Все полки Кавказской туземной конной дивизии получили названия по признаку этнической принадлежности личного состава. Кавказские полки были сведены в три конные бригады: Кабардинский и 2-й Дагестанский полки составили 1-ю бригаду; Татарский (Азербайджанский) и Чеченский полки – 2-ю бригаду; Ингушский и Черкесский полки – 3-ю бригаду.

С горячим, полным воинственного пыла энтузиазмом отозвались народы Кавказа на призыв императора. Весь цвет горской молодежи поспешил в ряды Кавказской туземной конной дивизии. Чуть ли не с первых дней своего существования она, в дополнение к официальному названию, получила и неофициальное – *Дикая дивизия*. Вначале в это название вкладывалось впечатление о своеобразном отношении ее всадников к военно-уставным требованиям. Но с первых дней пребывания в действующей армии и боевых отличий полков дивизии на фронтах войны ее неофициальное название наполнилось подлинным уважением соратников по оружию и столь же подлинным страхом и ужасом противника от ее яростных и лихих кавалерийских атак.

Вообще, формирование дивизии было продолжением практики создания воинских формирований из горцев Северного Кавказа, утвердившейся в Российской империи как системы еще в первой трети XIX в. Принцип формирования личного состава, как и во всех предыдущих войнах, был основан на добровольном призыве. Одновременно военной администрацией на Кавказе в этих же целях, согласно Высочайшему указу, объявлялась

амнистия всем без исключения абречествовавшим или по каким-либо иным причинам, преступившим закон горцам при условии их добровольного вступления в ряды формировавшихся горских военных частей. Этим не преминули воспользоваться многие горцы-абреки бывшие, в силу определенных обстоятельств, не в ладах с законами империи. Сам факт формирования Кавказской туземной конной дивизии стал также ярким и знаменательным событием в истории установления новых взаимоотношений России с кавказскими горцами. Ведь к 1914 г. прошло всего пятьдесят лет с того времени, как окончилась полувековая Кавказская война, которую российские правители вели на Кавказе, покоряя многие из его народов силой оружия. И то, что теперь целая горская дивизия, насчитывавшая более 3 тыс. всадников и офицеров, вливалась в состав русской армии, конечно же, говорило о том, что в сложившейся исторической обстановке горцы искренне шли на фронт, чтобы защитить от врага Родину, ставшую и для них общим с другими народами Отечеством [6].

Интересные заметки о горцах дивизии оставил в своих воспоминаниях бывший офицер Кабардинского конного полка Кавказской туземной конной дивизии корнет А.А. Арсеньев: *«Большинство горцев славной Дикой дивизии были или внуками, или даже сыновьями бывших врагов России. На войну они пошли за Нее, по своей доброй воле, будучи никем и ничем не принуждаемы. В истории Дикой дивизии нет ни одного случая даже единоличного дезертирства»* [7].

Главное ядро дивизии составляли, конечно, кавалеристы, но прельщенные экзотикой, красивой кавказской формой – черкеской, а также обаятельной личностью царственного командира, в дивизию пошли артиллеристы, пехотинцы и даже моряки, пришедшие с пулеметной командой 2-го экипажа Императорского Балтийского флота.

Об исключительном внимании Николая II и Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича к новой дивизии кавказских горцев свидетельствует тот факт, что командиром ее 23 августа был назначен младший брат императора, генерал-майор Свиты Его Величества Великий князь Михаил Александрович, блестящий офицер, интеллигент, спортсмен и лихой кавалерист [8]. Известный русский генерал А.А. Брусилов в своих воспоминаниях сказал о нем: *«Я очень его любил, как человека безусловно честного и чистого сердцем... стремившегося лишь к тому, чтобы жить честным человеком, не пользуясь привилегиями императорской фамилии... Он был храбрым генералом и скромно, трудолюбиво выполнял свой долг»* [9]. Всадники и офицеры дивизии также горячо любили своего царственного командира, называя его *«наш Михайло»*. Высочайшим приказом от 23 августа 1914 г. начальником штаба дивизии был назначен Генерального штаба полковник Я.Д. Юзефович [10].

Дивизия с первых дней своего существования стала стремительно приобретать черты одного из элитных и самых боеспособных соединений Российской императорской армии. Этим можно объяснить и присутствие большого количества представителей высшей российской, европейской, восточной и кавказской

знати в офицерском корпусе дивизии. По блеску громких и титулованных имен Кавказская туземная конная дивизия могла соперничать с любой элитной гвардейской частью, и многие офицеры в черкесах могли увидеть имена свои на страницах Готского альманаха.

Формирование Ингушского конного полка завершилось к октябрю 1914 г. Недостатка в добровольцах не было, и это потребовало довольно тщательного отбора всадников. Командиром Ингушского полка 1 сентября 1914 г. Высочайшим приказом был назначен полковник Григорий Алексеевич Мерчуле – лихой кавалерист и спортсмен, преподаватель Офицерской кавалерийской школы в Гатчине. В октябре 1914 г. состоялся первый парадный смотр всех полков сформированной Кавказской туземной конной дивизии во Владикавказе. На дивизионном смотре Ингушский конный полк стал единственной частью, вынесшей почетное Георгиевское знамя, полученное за боевые отличия и героизм в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., заслуженными офицерами и всадниками Ингушского конного дивизиона. Знамя олицетворяло собой яркое свидетельство доблести и отваги отцов и дедов офицеров и всадников Ингушского конного полка.

В войну Ингушский полк вместе с дивизией вступил в ноябре 1914 г. в составе 7-й армии на Юго-Западном фронте. В ноябре 1914 г. ингушские всадники, перейдя в районе г. Броды государственную границу России с Австро-Венгрией, углубились на территорию Галиции, по которой уже с боями продвигались русские войска. До конца войны Кавказская туземная конная дивизия попеременно входила в состав 2, 3-го и 4-го армейских конных корпусов. Большую часть войны дивизия провела в 9-й армии под командованием генералов П.И. Лечицкого и А.А. Брусилова на Юго-Западном фронте и лишь несколько месяцев на Румынском фронте в 1917 г. Подлинные архивные документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА) свидетельствуют, что с ноября 1914 г. по август 1917 г. офицеры и всадники Ингушского конного полка участвовали в более чем 700 боях и сражениях против германских и австрийских войск.

Говоря о блестящих боевых отличиях полков Кавказской туземной конной дивизии, необходимо отметить, что Ингушский конный полк также внес немалую лепту в ее боевую славу. Военная летопись дивизии сохранила для потомков интересные цифры. Так, за 1914–1917 гг. общее количество взятых полками дивизии в плен офицеров и солдат противника в семь раз (!) превысило ее собственный личный состав. В этот же период через службу в дивизии прошло более 7 тыс. всадников – уроженцев Кавказа (полки, понесшие потери в боях и сокращавшиеся за счет отчисления всадников по ранениям и болезням, четырежды пополнялись запасными сотнями). Современники, военные специалисты в первую очередь, давали очень высокую оценку боевым качествам полков Кавказской туземной конной дивизии. Особенно выделялся ими факт 16 (!) кавалерийских атак дивизии в одном только 1916 г., кстати, самом насыщенном боевыми победами русской армии за всю войну. Почти 5,5 тыс. всадников дивизии были награждены Георгиевскими крестами и Георгиевскими

медалями «За храбрость» различных степеней. В одном только Ингушском конном полку в конце войны было 26 полных Георгиевских кавалеров, больше всех по полкам дивизии [11].

Абсолютное количество офицерского корпуса Ингушского конного полка и дивизии были удостоены боевыми орденами, многие из них высшими боевыми наградами российского офицерства – орденами Святого Георгия и Золотым Георгиевским оружием «За храбрость». За бой 15 февраля 1915 г. у небольшой галицийской деревушки Цу-Бабино Ингушский конный полк был награжден почетными серебряными Георгиевскими трубами. В ходе этого скоротечного боя ингушские всадники наголову разгромили австрийские части, потерявшие только убитыми 320 нижних чинов при трех офицерах.

Но воины Ингушетии умели не только смело атаковать, но и упорно защищаться. Весной 1915 г., в результате Галицкого прорыва австро-германских войск, армии Юго-Западного фронта вынуждены были отступить. В арьергарде их, умело сдерживая наседавшего, численно превосходившего противника, вновь действовали лихие всадники Ингушского полка. Документы архивов свидетельствуют: *«Со 2-го Мая 1915 года на Ингушский конный полк Кавказской Туземной конной дивизии была возложена задача удерживать выдвинутую позицию на правом берегу реки Прут. Противник неоднократно пытался сбить окопавшихся ингушей с позиции, но всякий раз благодаря храбрости и мужеству всадников, а также инициативе и распорядительности командира Ингушского конного полка терпел неудачу. Так продолжалось до 25-го Мая, когда противник обошел правый фланг дивизии и полки 3-й бригады (Ингушский и Черкесский) получили приказ прикрывать отход наших сил на позиции у [реки] Днестра. На долю Ингушского полка выпало быть арьергардом прикрытия дивизии. Тут во всей мере проявил свою доблесть командир полка полковник Г.А. Мерчуле. 27 мая у села Ясенево-Польный, чтобы удержать противника, он лично повел дивизион ингушей в дерзкую атаку, которая настолько ошеломила неприятеля, что он приостановил наступление и дал другим частям дивизии возможность занять заранее подготовленные позиции на левом берегу реки Днестра... 28 Мая, когда передовые части австрийцев подошли к Днестру в районе линий Усечки – Залецики, которую охраняли сотни Ингушского полка, все попытки их переправиться на другой берег были отбиты ингушами, большей частью ударами в шашки. Полковник Г.А. Мерчуле, обходя позиции, ободрял теплым словом до крайности измученных и утомленных четырехдневными непрерывными боями людей. Являя собою неотрывное целое со своими всадниками, он также все четыре дня не отдыхал ни минуты... отдаваясь всецело бою».* Под стать своему командиру были и всадники Ингушского полка.

Особенно хочется отметить знаменитый бой Ингушского полка у селения Езержаны 15 июля 1916 г. В дни знаменитого летнего Луцкого (Брусиловского) прорыва русских армий полки Кавказской туземной конной дивизии, временно приданные в поддержку войскам 33-го армейского корпуса, находившимся

в авангарде наступавшей 9-й армии, вновь покрыли свои знамена неуязвимой славой. 14 июля 1916 г. части корпуса прорвали оборону противника. Но тот сохранил сильно укрепленные позиции в центре фронта корпуса у небольшого галицийского селения Езержаны. В ходе двух атак, не добившись успеха и понеся большие потери, отступили полки 2-й Заамурской пехотной дивизии. После очередной неудачи замурцев начальник штаба дивизии полковник П.А. Половцов решил бросить в фронтальную атаку на германцев свой последний резерв – ингушей. Командир 3-й бригады кавказцев генерал-майор князь А.В. Гагарин получил приказ выйти незаметно на рубежи атаки и внезапно атаковать противника. После короткой рекогносцировки сотни Ингушского конного полка выдвинулись для атаки на рубежи. На флангах ингушей должны были поддерживать черкесы.

Цитируем изложение хода этого знаменитого боя из «Описания подвига полковника П. Половцова»: *«15-го июля 1916 года Кавказская Туземная конная дивизия в составе 1-й и 3-й бригад, согласно приказа 41-го армейского корпуса, сосредоточилась к 7 часам утра в деревне Обертъны, составляя корпусной резерв. С развитием боя к 15 часам 3-я бригада по инициативе Начальника Штаба Генерального штаба полковника Половцова была лесами выдвинута к деревни Хоцимеж, откуда по его распоряжению Командир 3-й бригады генерал-майор князь Гагарин выдвинул два дивизиона Черкесского конного полка: 1-й дивизион в д. Пузники в район 74-й пехотной дивизии для преследования противника, другой для разведки по направлению дд. Грушки – Тлумач, связавшись с пехотными начальниками, занимавшими боевой участок перед д. Езераны (к югу от нее). Полковник Половцов, непрерывно наблюдавший за противником и лично убедившись, что противник отходит от д. Езераны по направлению на Тлумач, от имени начальника дивизии генерал-лейтенанта князя Багратиона, приказал командиру 3-й бригады генерал-майору князю Гагарину подтянуть к высоте весь Ингушский конный полк. В это время было получено приказание, что атака пехоты на Езераны предполагается в 19 ч. 30 мин. Полковник Половцов быстро решил, что теперь настал момент действовать коннице и нанести удар пехоте противника. Предложил генерал-майору князю Гагарину три сотни ингушей развернуть лавой и двинуть их на Езераны, указав им направление и фронт атаки, давши ему на поддержку, в случае надобности, с разрешения Начальника дивизии в резерв две сотни кабардинцев».*

Далее в указанном труде приводится описание самой атаки: *«Под несмолкаемые крики “ура” нашей пехоты ингуши проскакали мимо наших цепей и дружным ударом в шашки атаковали германцев, защищавших Езераны. Противник защищался отчаянно, но не выдержал натиска и рубки ингушей. Захватывая пленных, ингуши, проскакали Езераны, продолжая рубить германцев, упорно защищавших свои позиции и тяжелые батареи. Доблестные ингуши сломали последние силы упорного врага, захватив 5 тяжелых германских орудий. Разведывательный дивизион Черкесского конного полка в то же время при д. Грушки захватил одно тяжелое германское орудие. Генерал-майор князь Гагарин, находившийся при 4-й ингушской сотне, в 20 часов 30 минут прискакал в Езераны, где всадниками-*

ингушами было захвачено 109 германцев, при одном офицере. Пленные принадлежали к двум ротам 48-го и 56-го германских пехотных полков. Обе эти роты по показаниям пленных, кроме них, были уничтожены ингушами.

Ингуши потеряли в этой лихой атаке смертельно раненого Командира 4-й сотни поручика Базоркина, ранеными прапорщиками Божко и Попова. Всадников убито 18, ранено 36 и выбито лошадей 60. Это славное дело, руководимое полковником Половцовым в непосредственном участии генерал-майора князя Гагарина, завершило успех Кавказской Туземной конной дивизии и 41-го армейского корпуса в течение дня, и разрушило последнюю надежду противника на возврат потерянных позиций, заставив его отойти на новоукрепленные позиции к востоку от Глумача. 6 тяжелых германских орудий украсили список трофеев Кавказской Туземной конной дивизии и 41-го армейского корпуса...» [12].

Атака Ингушского полка явилась, пожалуй, самым громким успехом не только Кавказской туземной конной дивизии, но и одним из заметных дел русской кавалерии в Первой мировой войне.

В заключении хотелось бы отметить, что высокие боевые качества войск, сформированных из представителей горских народов Северного Кавказа, личная преданность абсолютного большинства горской аристократии и военной интеллигенции (офицерства) российским монархам во многом были обусловлены продуманной, гибкой политикой российской администрации, проводившейся на Северном Кавказе в XIX–начале XX вв. Добровольческие воинские формирования, сформированные из горских народов Северного Кавказа, внесли неопределимый большой вклад в защиту общего Отечества – России, вписали славные страницы в боевую летопись Российской императорской армии и Кавказа в целом.

Примечания:

1. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 955. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–9об., 10.
2. Там же. Л. 20–21.
3. Там же. Л. 22–23об.
4. Там же. Д. 10. Л. 11–11об.
5. Там же. Д. 6. Л. 15–15об.
6. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914–1917 гг. Возвращение из забвения. Нальчик, 2007. С. 12.
7. Арсеньев А.А. Кавказская Туземная конная дивизия // Военно-исторический вестник. Париж, 1958. № 12. С. 7.
8. Опрышко О.Л. Указ. соч. С. 11.
9. Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 260.
10. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. 409. п/с. 144–165 (1917).
11. Алмазов И.Г. Ингуши – Георгиевские кавалеры. XIX–XX вв. Нальчик, 2012.
12. РГВИА. Ф. 3530. Оп. 1. Д. 150. Л. 390–390об.

ФЕНОМЕН ОБЕСЦЕНИВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В СОЗНАНИИ СОЛДАТ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последние 15–20 лет в отечественной историографии Первой мировой войны появилось множество различных статей и монографий, нацеленных на изучение массового сознания и поведения русской армии в 1914–1917 гг. Однако число публикаций, посвященных исследованию деструктивных явлений, по-прежнему не велико. В связи с этим изучение процесса ожесточения и обезценивания человеческой жизни в сознании рядовых солдат под влиянием Первой мировой войны представляется во многом актуальной проблемой.

К 1914 г. русская армия, по свидетельству ряда офицеров, обладала *«твердым, послушным и храбрым солдатом»* [1], который при этом был *«сметлив, чрезвычайно вынослив, крайне неприхотлив и вполне дисциплинирован»* [2]. Столь же в целом высокого, но более сдержанного мнения о русском солдате было и германское верховное командование [3]. Следует добавить, что большая часть русских солдат (более 80 %) состояла из крестьян или из рабочих, не порвавших со своим крестьянским прошлым. Мировоззрение этой категории населения Российской империи и стало доминировавшим в среде рядовых солдат, и, соответственно, во всей армии. Для него была характерна своя собственная логика, набор ценностей и поведенческих механизмов, взращенных и развитых в условиях патриархальной сельской общины [4]. Более того, оказавшись внутри армейского коллектива, бывшие крестьяне, несмотря на всю свою архаичность, успешно приспосабливались к новым реалиям солдатской жизни. Крестьянскую общину, в известной мере, заменяло полковое братство, барина – офицер, приходского священника – полковой батюшка, а семейно-крестьянские праздники сменялись на пышные парады, учения и смотры. При этом сохранялась привычная сезонность и обрядовость крестьянской жизнедеятельности. Дополнительный эффект оказывали молодость солдат (и проистекавшая от этого легкость психологической адаптации к новым условиям) и «врожденный» фатализм, позволявший крестьянам со смирением и покорностью принимать перемены в своей жизни. Со свойственным им смирением крестьяне принимали и казарменную грубость, рукоприкладство офицеров и другие «темные» стороны тяжелой солдатской лямки. Несмотря на это, русский солдат продолжал оставаться солдатом верующим, солдатом православным, стремившимся к соблюдению заповедей, в том числе и одной из основополагающих заповедей христианства – «не убий».

Особенно остро вопрос о соблюдении данной заповеди встал для верующих солдат с началом Первой мировой войны. Косвенным успокоением для них должно было стать дарованное церковью благословление и напутствие на ратный подвиг. Но, несмотря на эту меру, солдат продолжали терзать мысли о греховности войны, вынуждавшей их нарушать заповедь «не убий». Рядовые

солдаты задавались вопросом: «...к чему это, Богу что ли все это надо, но для чего он тогда дал заповедь – “не убий”» [5]. Они недоумевали: «Не пойму я... как это бог войну допускает?» [6]. Один из солдат позже вспоминал: «Странно было слышать слова священника, воодушевлявшего на новые победы христиан, которые должны любить своих врагов» [7]. Русский солдат, вышедший из патриархальной крестьянской среды, нуждался в понятном только ему нравственном оправдании своих действий и объяснении того, каким образом сочетать выполнение долга и наставлений Христа. От конфликта нравственного идеала (библейских заповедей) и жесткой реальности (необходимости убивать) сознание верующих солдат приходило в состояние тяжелейшего психологического диссонанса и фрустрации. Непредсказуемость жизни на войне, когда любой день мог оказаться последним, а невиданная доселе жестокость пугала и закаляла душу, с одной стороны, приводила к обострению религиозности среди рядовых солдат, но с другой – притупляла ее и постепенно исторгала из самосознания солдата, порождая неверие в Бога. Рядовой артиллерийской батарее К.М. Гребенкин спустя годы признавался: «В трудные минуты фронтовой жизни молился господу богу до одури. Война и жизнь начали вносить свои поправки, и [я] начал сомневаться в могуществе всевышнего бога. Что же он, всемогущий и всеведущий, без воли которого не упадет ни один волос с головы человека, в уме ли? Допускает, что сотнями тысяч гибнут люди. Во имя чего бьют их такими средствами, которыми не бьют ни одного зверя? В чем же дело?» [8].

В условиях войны, которая велась по новым правилам, понятие смерти приобрело в сознании солдат несколько новое звучание. Наблюдая за тем, как их товарищи сотнями гибли от пулеметных очередей, взрывов снарядов и клубов газа, у солдат складывалось особо обостренное чувство неизбежности самой смерти. Она неотступно шла за солдатами и всегда была рядом. Особенно это чувство усиливалось на территории противника. Вступая на вражескую землю, солдаты переговаривались: «Ну, теперь, братцы, смерть поблизу нас ходит» [9]. Смерть была неотвратимой и одной на всех. Жизненный и военный опыт подсказывал им, что от смерти не спасет ни чин, ни звание, ни деньги, ни награды. «Смерть не наследство, от нее не откажешься», – сокрушался один из солдат [10]. Другой вторил своему сослуживцу, проводя параллель между войной и смертью: «От войны, как от смерти, не спрячешься» [11]. Но тон этих высказываний полон не молодецкой удали, а тоски и обреченности перед неминуемой смертью: «Может, мы завтра все упокойниками будем. Смерть ровно сон: глаза прикроет – сладкий сон наведет» [12]. В своих песнях солдаты непосредственным образом связывали между собой категории «смерти» и «судьбы»: «А как всем людям здесь судьба одна, / Как судьба одна, смерть – страшна война» [13]. Следовательно, по мнению солдат, их судьбой на непонятной и абсурдной войне была смерть. Подобные мысли могли привести к тому, что в сознании рядовых солдат зарождалась следующая установка: поскольку смерть была ассоциативным отражением судьбы, то что бы солдат ни делал, конец был один и был неизбежен – смерть. Вследствие этого, солдат освобождался от ответственности за свои действия, поскольку его в любом случае ждала смерть. И, тем не менее,

в сознании солдат, впервые попавших на фронт, страх и трепет перед смертью только усиливался своим поражающим масштабом и откровенной бессмысленностью приносимых на алтарь победы жизней. Вместе с тем, напрасная жертвенность и массовость человеческих смертей привели к глубокой деформации психики рядовых солдат. В их сознании смерть стала восприниматься как нечто само собой разумеющееся, а жизнь потеряла всякую ценность. Эта эволюция во взглядах на смерть стала возможной потому, что, являясь в гражданской жизни, она была горем, порой неожиданным и непредсказуемым, а на войне смерть стала горькой обыденностью, ежедневное созерцание которой до неузнаваемости искажало психологию человека.

Дополнительным фактором в постепенном ожесточении русского солдата стали первые случаи сознательного членовредительства с целью уклонения от участия в боевых действиях. Однако сам феномен «палачничества» и факт его существования в русской армии весьма значим в несколько иной плоскости: для части рядовых солдат стала актуальна логика «меньшего из зол», то есть спасение жизни за счет увечья. Подобным солдатам было легче выстрелить в себя или сослуживца, нарушая этим поступком не только присягу, но и нормы православной морали, поскольку корыстное самоувечье было также порицаемо церковью, как и самоубийство. Более того, феномен самострельства притуплял в сознании человека страх перед направленным в его сторону оружием, а, следовательно, и перед смертью. Сознательное членовредительство стало очередным шагом по дискредитации самой ценности человеческой жизни. Самонанесение ран с определенным расчетом привело к пренебрежительному отношению к собственной жизни и исказило понятие о целесообразности применения оружия: человек, нацеливший его на себя, мог применить его в любой ситуации. Оружие стало символом избавления от власти закона и способом достижения желаемой цели. И неслучайно некоторые солдаты 1917 г. с веселой озлобленностью, как бы предупреждая, пели в своих частушках: *«Я домой поворочу, / Пулеметик захвачу»* [14].

И все же рост жестокости среди солдат был естественным итогом их участия в военных действиях, но неестественным стало его глубокое укоренение в их сознании и поведении. После нескольких месяцев войны, кровопролитных атак на вражеские пулеметы и рукопашных боев до изнеможения, вынужденная жесткость постепенно входила у солдат в привычку: *«Я хорошо привык: ни своего, ни чужого страха больше не чувю. Вот еще только детей не убивал. Однако думаю, что и к тому привыкнуть можно»* [15]. Другие солдаты, описывая своебесправие и произошедшие с ними изменения, замечали: *«Прикажут – мы и станем по народу стрелять. Братья, сестры, отцы, матери – все нам нипочем»* [16]. Поражала солдат легкость смерти (*«Ровно траву молодую, людей косили»* [17]), кардинально менявшая их сознание (*«Как всадил с рукою штык в брюхо – словно сняло с меня что-то»* [18]). Состояние боя и кровопролития настолько впечатывалось в сознание отдельных солдат, что и по окончании сражения они замечали за собой невозможность выхода из сложившейся модели поведения (*«Удержу нет, рука разнуздалась... Только и поглядываю, как бы подраться...»*

[19]). Постепенно в сознании солдат зарождался и развивался посттравматический военный синдром, характерной чертой которого является замыкание личности на том эмоциональном состоянии, которое сложилось под влиянием боя. Пережив атаку противника или наступление своей армии, солдат и по прошествии долгого времени оставался под впечатлением увиденного на поле боя. Надрывные крики раненных, громоподобные разрывы артиллерийских снарядов, дикий свист пуль и на фоне всего этого кажущиеся абсурдными приказы офицеров сливались в его сознании в чудовищную какофонию конца света. Все было подчиненно одной цели – убивать и сеять смерть.

После боя солдат оказывался наедине со своими мыслями, тревогами и опасениями. Проповеди полковых батюшек крайне редко могли принести ощутимое душевное облегчение. Офицеры же оставались чаще равнодушны к переживаниям солдат, а разговоры в кругу сослуживцев мысленно возвращали на поле боя. Каждая атака или разведывательная вылазка, уносившая жизни десятков и сотен тысяч людей, ложилась вечным грузом на душу солдата. Это вело к тому, что в эмоциональном плане солдат со временем оказывался менее восприимчивым к психологической травме. Однако это не означало, что очередной бой проходил совершенно бесследно для его психологического состояния. Моральное и эмоциональное накопление тяжкого груза уже не приносило тех метаний и переживаний, оно шло под давлением уже полученного опыта. Участие в кровавых сражениях воспринималось солдатом как рутинное выполнение своих обязанностей, а ежедневная смерть и жестокое насилие приводили к признаниям: *«Я теперь очень даже просто кровь человеку пишу»* [20]; *«Такой штыка в брюхо всадить – и то грех не велик»* [21]. Крестьянин Я.Д. Драгуновский позже признавался в своих воспоминаниях: *«В минуты раздумий я стал замечать за собой, что начинаю звереть... Жалость к человеку исчезла»* [22]. Теперь психологию солдата-крестьянина определяли не религиозно-нравственные ценности, а его способность *«вгрызаться ближнему под ребра»* [23]. Для таких солдат уже не существовало прежних нравственно-психологических довоенных приоритетов. Их поведение, мысли и жизненные цели соответствовали тому, с кем они себя чаще всего ассоциировали. Если в начале войны солдаты отождествляли себя с *«богатырями»*, *«воинами»* и *«защитниками»* [24], то по прошествии некоторого времени, успев ожесточиться к людям и очерстветь к горю, разуверившись в боге и разочаровавшись в родине, они начинали сравнивать себя со *«зверьми»*, *«свиньями»* и *«псами лютыми»* [25].

Подобное самоуничтожение сочеталось с постепенным ростом тоскливого безразличия к собственной жизни: *«Нет во мне ни страха, ни радости. Мертвый я будто... И не надо мне ни жены, ни детей, ни дому... Ни смерти не жду, ни боя не боюсь»* [26]. Данные слова удивительным образом по лексическому построению и эмоциональной тональности перекликаются с записью, сделанной С.З. Федорченко: *«Ни домой не хочу, ни новости не жду, ни смерти не боюсь, ни бою не радуюсь»* [27]. Зачатки депрессивного состояния были опасны для боевого духа армии, и основная нагрузка по удержанию нормальной психологической атмосферы ложилась в этих условиях на военных священников

и офицеров. Полковые батюшки прибегали к испытанным средствам: молитва, исповедь и проповедь. Однако их воинственные призывы накануне сражения и примирительные строки из Святого Евангелия казались кощунственным абсурдом и не располагали к доверительным беседам. Старшие офицеры, для того чтобы отвлечь солдат от безделья и мрачных размышлений и поддержать боеготовность своих частей, устраивали учения, парады, т.е. муштровали солдат с полной выкладкой. Солдаты же воспринимали это как бессмысленное и жестокое издевательство, сопровождавшееся не столько физическим измождением, сколько авторитарным подавлением личности солдата. В своих письмах они не раз жаловались на муштру и бесконечные учения [28]. Но, вместе с тем, солдаты тяготились и окопным периодом войны. Постоянное ожидание крупного наступления и пребывание в положении, когда нет ни спокойного ясного мира, ни обычной понятной войны угнетали солдат, погружая их в состояние апатии и тихого стресса, которые накапливались и не находили выхода. Рано или поздно дружное молчание солдат должно было стать не менее дружным и громким требованием мира, а так же всего того, что не смогло дать им царское правительство.

Глубинная разрушительная апатия, охватившая часть рядовых солдат, сочеталась в их сознании с постепенным ожесточением. Подобное состояние характеризуют слова одного солдата из воспоминаний Л.Н. Войтоловского: *«Обмокла кровью душа... нет во мне добра к людям»* [29]. В письмах солдаты признавались, что *«страдания сначала потрясали нас, а потом они чуть трогают нас, а наконец чувства наши притупляются до того, что мы делаемся совершенно деревом... Нами владеет одно отчаяние»* [30]. Состояние постоянного стресса – ожидание смерти – также подавляло настроение солдат: *«... думать о том, что вот-вот меня убьют, ужасно надоело, с каждым часом всё больше апатии к жизни»* [31]. Более того, под воздействием бессмысленной войны и мрачного отчаяния в письмах, воспоминаниях и заметках участников Первой мировой войны стали появляться редкие высказывания о самоубийстве [32]. Большинство из них можно условно свести к разговору двух солдат из воспоминаний Л.Н. Войтоловского: *«Хоть бы скорее всем сдохнуть! – Такой жизни и беречь не для ча»* [33]. Современные исследования также позволяют говорить о постепенном росте суицидальных настроений в солдатской массе [34]. При этом процитированные слова и мысли солдат о суициде больше похожи не на твердое намерение покончить с жизнью, а на дополнительный прием по описанию своего тяжелого психологического состояния. И, тем не менее, пусть и эфемерные, мысли о самоубийстве могут являться наглядным показателем того, насколько за годы войны деформировалось сознание православных солдат-крестьян и их представление о ценности человеческой жизни.

Психотравматическая ситуация бессмысленной и кровопролитной войны, ежедневного риска собственной жизнью и прямого участия в массовом насилии и смертоубийстве до неузнаваемости искажала довоенные представления солдат о ценности человеческой жизни. При этом солдаты, чувствовавшие себя обманутыми, испытывавшие на войне все немыслимые прегрешения, более уже

не ощущали на себе каких либо религиозно-нравственных запретов и сдерживающих механизмов довоенной морали. Более того, подобное психологическое состояние рядовых солдат, усугубленное притоком неподготовленных великовозрастных ополченцев, стало благодатной почвой для развития в их среде радикальных настроений, вылившихся в 1917 г. в волну погромов и самосудов над «внутренним врагом». Их обращение к силе оружия как к последней инстанции и низведение человеческой жизни до уровня разменной монеты стало своеобразной компенсацией за долгие годы войны и бесправия и закономерным итогом постепенного обесценивания человеческой жизни.

Примечания:

1. Раупах Р.Р. фон Facies Hippocratica (Лик умирающего): Воспоминания члена Чрезвычайной Следственной Комиссии 1917 года. СПб., 2007. С. 144.
2. Деникин А.И. Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 144.
3. Drang nach Osten: Из секретной докладной записки германского большого Генерального штаба. 1913 г. // Родина. 1993. № 8–9. С. 14–15.
4. Более подробно о крестьянской ментальности на рубеже XIX–XX вв. см.: Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996; Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М., Тамбов, 2004; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
5. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С. 32.
6. Войтоловский Л.Н. По следам войны. Походные записки. 1914–1917. Л., 1927. Т. 2. С. 250.
7. Из бумаг Якова Дементьевича Драгуновского. В кн.: Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е гг. М., 1989. С. 337.
8. «Была бы справедливость, о большем и не мечтали». Воспоминания солдата Первой мировой войны // Исторический архив. 2007. № 4. С. 57.
9. Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Л., 1925. Т. 1. С. 10.
10. Там же. С. 50.
11. Там же. С. 33.
12. Там же. С. 10.
13. Федорченко С.З. Народ на войне. М., 1990. С. 70.
14. Там же. С. 109.
15. Там же. С. 70–71.
16. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 66.
17. Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 239.
18. Федорченко С.З. Указ. соч. С. 71.
19. Там же.
20. Там же. С. 79.

21. Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 53.
22. Из бумаг Якова Дементьевича Драгуновского. В кн.: Воспоминания крестьян-толстовцев. 1910–1930-е гг. М., 1989. С. 335.
23. Федорченко С.З. Указ. соч. С. 72.
24. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 17–20.
25. См.: Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 86,72; Федорченко С.З. Указ. соч. С. 71, 75.
26. Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 74–75.
27. Федорченко С.З. Указ. соч. С. 71.
28. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 46–48.
29. Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 75.
30. Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 25.
31. Там же. С. 77.
32. Федорченко С.З. Указ. соч. С. 82; Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 70; Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. С. 68; Солдатские письма в годы мировой войны // Красный архив. 1934. № 4–5 (65–66). С. 140.
33. Войтоловский Л.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 62.
34. Асташов А.Б. Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну. В кн.: Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 274.

О.М. Морозова

ОФИЦЕРСКАЯ ФРОНТОВАЯ ПЕРЕПИСКА 1914–1917 гг. О ЖЕЛАННОЙ ПОБЕДЕ И ПРЕПЯТСТВИЯХ НА ПУТИ К НЕЙ

Частная переписка продолжает оставаться недооцененным источником. Она не только содержит сведения о бытовой стороне жизни разных слоев общества, характере дружеских и внутрисемейных отношений, но и дает возможность анализировать их с помощью дискурсивного метода для выяснения скрытой информации о ценностных ориентирах и мотивах поступков людей. В личном фонде генерал-майора Василия Александровича Ажинова в Государственном архиве Ростовской области (далее – ГАРО) сохранилась его переписка с сослуживцами по 1-й Туркестанской стрелковой бригаде (с марта 1916 г. – дивизии) за 1914–1917 гг. [1]. Круг авторов писем, офицеров и нижних чинов – до 10 чел., упоминаемых лиц – несколько десятков. Это дает возможность выявить наиболее характерные типы реакций на события и доминировавшие настроения.

Поводом для начала переписки был отъезд одного из офицеров в тыл в связи с отпуском, ранением или командированием по приказу командования. Знакомые офицеры, служившие в разных частях, также обменивались письмами. Ажинов – артиллерист, но активно общался и с пехотными офицерами. Из контекста писем ясно, что находиться в тылу было не только непрестижно,

неприлично, но и неинтересно. Отъезд с фронта даже для выполнения задания командования назывался потерянным временем. Считалось правильным отказываться от назначения в тыл, даже в учебную команду, что рассматривалось как понижение. Если такое назначение и принималось, то с условием, что оно временное [2]. Пойти в «штабные» на время зимнего затишья было допустимым, но с весной – опять в передовые окопы. Офицеры объясняли свою любовь к боям еще и тем, что в это время на них не насаждают с бумагами – проектами на случай наступления или обороны [3]. Это было характерно не только для начальных этапов войны, когда царил шапкозакидательская эйфория, но и для 1916 г.

Одной из черт неформального общения офицеров между собой был обмен мнениями о непосредственном командовании. Известно, чем отличался хороший начальник от негодного: он должен был учитывать существование офицерских представлений о справедливости в распределении отпусков, чинопроизводстве и участии в боевых действиях. В ноябре 1916 г. полковник А.Н. Карабчевский писал Ажинову: *«Твоему правящему никаких поклонов не передам, ибо никаких частных дел с ним иметь не желаю. Это братец мой фрукт почище нашего “моржа” [прозвище генерала Моржицкого, предыдущего командующего дивизией – О.М.]. До окопов “не охочь” – за 2 месяца дальше резервных частей нигде не был, считает себя “головой, каких мало в России”, а гадостей в частности мне, уже успел натворить»*. Здесь намек на то, что новый командующий заблокировал продвижение Карабчевского по службе, которое ему было положено по существовавшим правилам.

Этикет, признававшийся кадровым офицерством, требовал особого отношения командования к его мнению: офицер должен был иметь возможность его высказать и получить одобрение на реализацию своих замыслов. Этот принцип служил подтверждением существования офицерской корпорации и не считался противоречившим армейской субординации. Когда стала происходить замена кадровых на офицеров военного времени, отмечались их безликость и безгласность, усилился диктат вышестоящего начальства по отношению к нижестоящим: *«Вообще теперь все сильно изменилось. Прежде командиры батарей имели свои лица. Теперь это три пещки безо всякого значения»* (Ал. Омельянович, 15.11.1916) [4]. Кадровые офицеры считали себя оскорбленными недоверием, росло недовольство начальством и новоприбывшими офицерами. Членами корпорации их не считали, что подтверждается и другими источниками.

Русское офицерство было многонациональным, но размежевание по профессиональному и национальному признаку отсутствовало, основанием для неприязни выступали человеческие и профессиональные качества. Признаками достойного офицера были бесконфликтность в отношениях с товарищами и отвага в бою [5]. Дружеский круг подполковника Ажинова состоял из артиллеристов – штабс-капитанов Ал. Омельяновича и Афонина, офицеров Б.Ф. Тидемана, Аурениуса, Василия Борисовича Альтрейха, Азаматбека Худоярхана, потомка правителей Коканда, Алексея Андреевича Никонова – офицера-пехотинца; старшего дивизионного врача Мартина Никитича Тер-Давыдова. В то же время письма содержат отрицательные отзывы о ряде офицеров из-за их «непорядоч-

ности», но что скрывалось за этим не всегда ясно. Судя по косвенным признакам – чрезмерная требовательность, не обеспеченная соответствующим личным опытом начальника. Стремясь не потерять лицо, он возлагал вину за просчеты на подчиненных, углубляя трещину в отношениях с ними.

Офицеры с немецкими фамилиями никак не выделялись из товарищеской среды. Хотя шпиономании окружение Ажинова не избежало, считая, что шпионы были в столице, в тылу, но не в своей части, где каждый как на ладони. Инородчество и иноверие не мешали общему антигерманскому настрою. Примером может служить письмо Азаматбека Худоярхана: *«Недавно ко мне приезжал из Ташкента брат пристав и я его водил на передовые позиции показывать живых немцев; вообще теперь характер позиции так изменился, часто приходится видеть красные немецкие морды на расстоянии 70–200 шагов»* (16.11.1916) [6].

Тональность товарищеских писем обычно имела мажорно-патетический оттенок, сочетавшийся с желанием слыть острословом. Это позволяло скрывать психические перегрузки, которым подвергались люди на фронте. Уже в марте 1915 г. у подъесаула Н. Попова вырвалось: *«Дай Бог, чтобы война скорее закончилась – нервы поиздергались в конце»* [7]. А весной 1916 г. с сыном Ажинова Василием произошло *«нелепое событие»*. Он участвовал в боях с октября 1914 г. сразу по выпуску из училища. Зимой 1914–1915 гг. простудился в Карпатском походе, получил несколько контузий (удар прикладом в грудь и разорвавшимся снарядом в голову и ногу). Получил три боевые награды, был представлен к Владимиру с мечами и бантом. В январе 1916 г. вновь заболел воспалением легких. Не оправившись от болезни, вернулся в полк, и *«под влиянием острого нервного психоза заболел душевно и, оставив свою сотню, пошел, куда глаза глядят»*. Он был арестован военным патрулем на значительном расстоянии от части как дезертир. Несколько месяцев по этапу следовал в Новочеркасск, совершенно больной попал в лазарет. Озабоченные его состоянием товарищи отца писали тому, что арест произвел на Василия удручающее впечатление, и что врачи опасаются нервного срыва, грозящего самоубийством. В.А. Ажинов писал даже наследнику как атаману всех казачьих войск. Дело удалось не довести до трибунала [8].

Штатские лица в письмах на фронт стремились проявить свои чувства патриота в более выраженной форме, чем военные. Один житель Новочеркаска писал: *«Ну, как в данную пору обстоит дело снабжения и пополнения армии? Готова ли она к наступательным действиям и можно ли уповать на разгром гнусного врага? Разобраться нам, тыловым, в доходящих слухах, взаимно исключаящих друг друга, задача весьма трудная. Хотелось бы знать истину от непосредственного... участника. Учитывая мощь противника, колоссальность укрепленных им позиций, все мы здесь знаем какой грандиозный труд и жертвы должны понести наша армия для одоления зазнавшегося немца. Жду от Вас ответа на вопрос, имеются ли шансы, что все эти жертвы компенсируются победой. Ведь в предстоящей схватке как нами, так и врагом все, решительно все, ставится на карту; как мы, так и он будет драться до последнего ногтя, зуба, вдоха. Чья же карта будет бита?! Вдали от “Берт”, “чемоданов” наши переживания все же идут в унисон с вашими и с трепетным ожиданием[,] гадаем об*

исходе борьбы. Получается кошмарное для всей Европы состояние, если немец не будет сокрушен. Разите же его!!!» (6.05.1916) [9].

С нижними чинами полагалось поддерживать отношения, окрашенные в патерналистские тона. И те тянулись к командирам, стремились следовать с ними в случае перевода в другую часть. А встреча в лазарете нынешнего подчиненного своего бывшего командира вызывала подлинную радость. Бомбардир А. Хромцов, проходивший в 1897–1901 гг. в Туркестане службу под началом Ажинова, помня всегданнее доброжелательное отношение, попросил в письме карточку, «дабы глядя на ваше изображение я мог вспоминать о своем добром отце командире» (14.12.1916) [10].

Далеко не всегда легкий стиль дружеских писем может обмануть читателя. Описания фронтовых будней – многочасовых, а иногда многодневных пребываний на наблюдательных пунктах, вылазок к нейтральной полосе для планирования артиллерийских обстрелов, химических атак – показывают реалии войны из передового окопа.

К началу осени 1916 г. в дивизии установилось боевое настроение, в воздухе витало ощущение успеха. Штабс-капитан Афонин в сентябре 1916 г. с удовлетворением писал, что начальство стало до ужаса требовательным, начиная с командующего армией; обходит окопы, позиции, хотя боев еще нет: «Здесь убедился в желании работать со стороны всех чинов. Мы стоим на фронте одного второочередного полка каждый день как будто бы лучше, чем наши. Командир полка каждый день заглядывает ко мне на наблюдательный пункт находящийся в окопе одной из рот его полка. Смотрит в стереотрубу, знакомится с участком. Хорошо стрелять по окопам – проволока находится всего в 500 шагах от наблюдательного пункта. Что выйдет из этого трудно сказать, но относительно способа ведения войны многое уже не то, что было раньше» [11]. Артиллеристы отмечают обилие поставляемых боеприпасов, теперь они их пускали без счета, не то, что раньше.

Но в ноябре 1916 г. произошел резкий перелом в настроениях. Ал. Омелянович писал: «Живем, дорогой Василий Александрович, тем же, чем живете и Вы и чем живет вся Россия. Питаемся белыми столбцами газет. Но ведь эти белые столбцы тоже красноречивы» (15.11.1916)» [12]. Примечательно, что военная цензура пропустила письмо, содержавшее намек на то, что цензура запретила печатать речь П.Н. Милюкова «Глупость или измена?», произнесенную в Государственной думе 1 ноября 1916 г.

Под влиянием прессы улетучивалось настроение скорого успеха, все вокруг воспринималось в мрачных тонах, удручало всевластие командования, на многие его действия следовала реакция как на произвол и попрание справедливости. Особенно много недовольства высказывалось по поводу очередности отпусков. Общественное мнение, недавно рассматривавшее отъезд в тыл как неприличный поступок, обратилось к другой иерархии ценностей. «На днях собираюсь поехать в отпуск. Но теперь у нас все по-другому. Александр Владимирович [личность командира установить не удалось – О.М.] настолько властен, что ни очередь, ни обычай значение не имеют. Хотя очередь и моя, но я еще не уверен я поеду или кто-нибудь другой» (Ал. Омелянович) [13]. «Очередь ведется как-

то странно[,] некоторые ездили по 3 и 4 раза и + еще неофициально. Я же и еще несколько не ездили ни разу. Был дома 2 раза только во время ранения, а ездят в отпуск почти одни и те же» (штабс-капитан Петухов, 22.11.1916) [14].

У самого Ажинова неуверенность в единении армии и верховной власти в желании победить противника отразилась в черновике примечательного письма. Адресат не назван, но очевидно, что оно адресовано царю и написано в последнюю неделю перед началом волнений в Петрограде. Оно начинается с вопроса о беспорядках на железной дороге, когда отпущенные в трехнедельный отпуск офицеры тратили на путь домой по 18–19 дней. Причину он видел в недобросовестном небрежном отношении высшей железнодорожной администрации к своим обязанностям. Другая же причина «*в немецком веянии*». Основная часть письма содержит почти прямые обвинения царя в измене и в желании заключить с вековым врагом России сепаратный мир: «*Одним из главных поборников которого являетесь Вы – совместно с ненавидимыми и презираемыми в армии гг. Щегловитовым, Питиримом, Штормером, Марковым 2-м, дворянином фон-Павловым и прочими высоко поставленными лицами. Я лично отказываюсь этому верить – и если позволил [себе] Вам писать то исключительно по чувству верноподданного и преданного воинскому долгу солдата и безгранично любящего Родину, для защиты и спасения которой я проведу всю кампанию в окопах – смею утверждать что вся армия живет и страдает и готова на неимоверные лишения и подвиги – и уверена в победе, если не будут ей мешать там в тылу и в особенности в Петрограде. А между тем последние события ужасно уже подействовали на армию – от генерала до простого рядового. Армия живет настроениями и нервами своей Родины. Армия уверена в необходимости и безграничной пользы работы Государственной Думы, Городских и Земских Союзов*».

Далее автор писал: «*Если бы Вы могли видеть и знать то бодрое радостное настроение и [нрзб] которые охватили всю армию при открытии Государственной Думы, Вы могли бы тогда понять то подавленное тяжелое настроение, которое охватило армию, когда 12 и 13 января посланные из разных частей [нрзб] ординарцы за много верст на ближайшиe к позициям ж[елезно] д[орожные] станции за газетами и телеграммами об открытии Думы возвратились обратно с известием открытие Думы отложено. Ко дню отложения открытия Думы 14 февраля снова армия оживилась и вдруг ужасная весть[,] что Дума закрыта[,] отразилась крайне тяжелым настроением и армия за все это винит исключительно Вас, и если бы Вы знали сколько ненависти, грозного рычания неслось со всех сторон по Вашему адресу – Я видел ужасное впечатление – которое произвело это от устроенного Вашей поездкой в Ставку роспуска Государ[ственной] Думы особенно офицерам преданным высшему Долгу, испытанных храбрых офицеров – бесстрашно и спокойно не раз встречавшими смертельную опасность – которые узнали о роспуске Думы – они доходили до иступления, а другие чуть ли не рыдали от огорчения и твердили – это позор[,] это измена. Что и на меня старого солдата произвело потрясающее впечатление. Заметьте, что Вам пишет не экзальтированный юноша, а седой полковник, не раз выдавший смерть, не однократно раненный – и награжденный всеми боевыми отличиями до Георгиевского креста и оружия» [15].*

Трудно сомневаться, что В.А. Ажинов с его юношеским увлечением народничеством с восторгом встретил Февральский переворот. Но он очень быстро почувствовал издержки этого события. Находясь в отпуске в Новочеркасске, он при возвращении в часть на вокзале в Киеве подвергся агрессии со стороны солдат, но эйфория от произошедшего, несмотря ни на что, еще долго владела его сознанием. В 1917 г. он как большой любитель писать в газеты сочинял статьи, которые должны были наставить солдатскую массу в правильном понимании смысла революции. Его пример не уникален. Подпрапорщик Скрипник в письме Ажинову жаловался на то, что был выдворен солдатами из батареи, в которой прослужил без прерывно 12,5 лет, за свою прошлую строгость, но не преминул заметить, что *«не только нас смертных убирали, но убирали и таких, которые и недумали, чтобы их убирали, зато будут знать, что такое солдатская свобода»* (1.07.1917) [16].

Импульсивный и нуждавшийся в существовании идейного ориентира человек, Ажинов вскоре нашел новую опору в своей казачьей идентичности. В письме атаману А.М. Каледину он, *«жаждавший с юных лет этой желанной свободы»*, охарактеризовал свое состояние как неистовое горение, а февральские события как *«радостное пережитое»* [17]. Он выразил желание быть зачисленным кандидатом на должность начальника артиллерии Войска Донского. Был вновь внесен в войсковой реестр (будучи изгнанным из казачьего сословия после осуждения по процессу 193 народовольцев, более 25 лет казаком не считался). Однако продолжал оставаться в армии до момента ее расформирования и вернулся на Дон. Оказавшись в составе Донской армии, стал белым генералом (в этот чин был произведен приказом Временного правительства в июле 1917 г.). Противником большевиков его сделал не только этот факт, но и то, что именно на них он возложил ответственность за солдатский беспредел и развал армии. Судьба его сослуживцев сложилась по-разному. Столь несимпатичный ему «Морж» (генерал Моржицкий) служил в Вооруженных силах Юга России, а боевой товарищ Худоярхан стал красным командиром и кавалером ордена Красного знамени.

Наработанные в годы войны с Германией навыки опознавания работали и позже, хотя и будучи трансформированными под влиянием событий. Он с охотой развивал мысль о большевиках как шпионах германского генерального штаба, но когда встал вопрос о помощи двум немецким офицерам в дороге на родину, хорошо понимал, что их движение через советскую территорию будет крайне опасным. В этот момент сработало корпоративное чувство и здравый смысл. В странах Антанты продолжал видеть союзников и относился к ее резидентам на Юге с большим трепетом. Гордился тем, что, исполняя роль дипломатического представителя Донского правительства, получает от них знаки внимания. Существование подобных лично окрашенных отношений, по-видимому, и повлияло на то, что у него ни разу не проявилась обида за отношение стран Антанты к России, весьма распространенная среди офицеров-добровольцев и сочувствующих Белой идее. Примером служат высказывания вешнего переговоры с Антантой генерала И.Г. Эрдели [18].

Осенью 1919 г. Ажинов получил из Парижа письмо некоей дамы, чье имя установить не удалось [19]. Женщина эвакуировалась из Одессы в апреле 1919 г.

во время панического отступления из города. Она получила тяжелое осколочное ранение ноги. Обездвиженная, с искалеченной ногой, она все равно хотела вернуться в Россию: *«Очень изболелась душа здесь за Родину[,] когда увидела всю правду. Не на кого надеяться... И нет правды[,] нет дружбы, нету высоких идеалов – нет ничего»*. Она была возмущена, что в шествии в честь победы над Германией под Триумфальной аркой пронесли все флаги, даже польский, но русского не было. Ее гнозила обида, что забыты заслуги России: *«А русская кровь? 3 года держали фронт... еще после переворота 8 месяцев лилась кровь[,] удерживали какую немецкую силу грудью русскою!.. Так о России даже не вспомнили!»*. Ее беспокоило распад страны и то, что Россию как ослабевшего гиганта пинали все, кто раньше и посметь не мог: *«Estonie Letonie (Литва), Letuanie (Латвия), Georgiennes (Грузия), Armenienes, Bessarabie Rouman, Ucrainienes[.] Мерзавцы[,] в особенности Ucraines предательская!.. И болит душа... Ведь должна же быть Россия Великая! Огромная целая нераздельная! Ведь мощь же и краса какая. Ведь пигмеи же все. Вся Европа крикливая. Кичливая[,] честная ли?.. А России не хотят помочь? Крепче встанет[,] сама пойдет! Скажите: Да? Вы верите? Я хочу верить и не могу не верить»*.

Как видим, перелом настроений и появление антидинастических чувств в письмах офицеров относится к ноябрю 1916 г., что особенно неожиданно на фоне улучшения снабжения армии. К этому времени офицерство стремилось превратиться в закрытую корпорацию тем сильнее, чем активнее оно размывалось. Чтобы сохранить уважение к себе, оно часть своих задач возлагало на другие слои, как и вину за неудачи. После 1917 г. и окончания мировой войны механизм политической ориентации офицеров-фронтовиков продолжал испытывать влияние опыта 1916–1917 гг.

Примечания:

1. В.А. Ажинов командовал 3-й батареей 1-го Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона.
2. ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 3. Л. 29, 32, 37об.
3. Там же. Л. 31.
4. Там же. Л. 38об.
5. Там же. Л. 30об.
6. Там же. Л. 40.
7. Там же. Л. 4.
8. Там же. Д. 1. Л. 24об. Д. 3. Л. 4, 11.
9. Там же. Л. 70–70об.
10. Там же. Л. 48.
11. Там же. Л. 23–24.
12. Там же. Л. 38.
13. Там же.
14. Там же. Л. 43.
15. Там же. Л. 8–9.

16. Там же. Л. 52.
17. Там же. Л. 71об.
18. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 12. Оп. 3. Д. 1312. Л. 17, 55, 95, 97.
19. ГАРО. Ф. 841. Оп. 1. Д. 3. Л. 91–104.

Г.А. Нагаева

ЖЕНЩИНЫ ЧЕРНОМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В годы Первой мировой войны российские женщины участвовали в многочисленных общественных организациях, большей частью благотворительных, оказывали медицинскую и другую посильную помощь фронту и пострадавшему гражданскому населению. В данной статье предпринята попытка анализа деятельности женщин в помощь фронту в годы Первой мировой войны на примере Черноморской губернии.

В первый год войны в Черноморской губернии необыкновенно выросло количество благотворительных организаций. Наряду с ранее существовавшими, имевшими свою историю и опыт работы (Российское общество Красного Креста, Комитет в пользу детских трудовых артелей, Российское общество Зеленого Креста, Общество оказания трудовой помощи и др.), как указывает исследовательница А.П. Зорина, возникло много новых. Они ставили задачи оказания помощи семьям лиц, призванных на войну, больным и раненым воинам, находившимся в плену русским военнопленным, пострадавшему от войны населению [1]. Война усилила женскую активность, вызвала к жизни новые формы ее организации.

Распоряжением городского головы Новороссийска П.К. Калинина была начата заготовка белья для больных и раненых воинов, прибытия которых в Новороссийск ожидали с первых дней военных действий на Западном фронте. Кройка и шитье белья происходили в Городском доме, куда приходили многие горожанки, предложившие для этого свой безвозмездный труд. В работах принимали участие и девочки – ученицы школы кройки и шитья. В течение 2–3 недель было изготовлено постельного белья на 300 кроватей, по 2 и по 3 смены соответственно [2].

Председательница Новороссийского комитета Красного Креста Л.В. Барановская организовала устройство лазарета и шитье белья для раненых [3]. 21 сентября 1914 г. в 4 часа дня состоялось освящение лазарета Красного Креста в доме М.Е. Певуна, расположенного на улице Серебряковской [4].

В военные годы во многих городах России создавались лазареты для раненых воинов. 12–14 сентября 1914 г. в Тифлисе состоялся съезд городских голов городов Кавказа. В Новороссийске было предложено оборудовать койки на 2 тыс. чел., в том числе 70 за счет общества Красного Креста. Часть раненых воинов расположили в городской больнице [5].

Многие женщины Черноморской губернии стали работать в больницах и лазаретах в качестве сестер милосердия. В Новороссийском обществе Красного Креста в 1914–1915 гг. работала Лариса Васильевна Кича. Она родилась 8 февраля 1890 г. в Новороссийске в семье землемера Василия Ивановича Тюменева. В 1906 г. окончила Новороссийскую Александровскую гимназию. С 1909 по 1914 гг. училась в Петербургской консерватории, а после ее окончания вернулась в Новороссийск, где начала самостоятельную педагогическую деятельность. В годы войны Лариса Васильевна окончила курсы сестер военного времени Красного Креста в Новороссийске. В удостоверении, выданном заведующей хирургическим отделением 7 января 1915 г., записано, что «*Лариса Васильевна Кича исполняет обязанности сестры милосердия в хирургическом отделении Новороссийской городской больницы с 20 июля 1914 г., причем в круг ее обязанностей, главным образом, входили подготовка к операции и ассистирование во время операции. Л.В. Кича выполняет свою работу безукоризненно с полным знанием своего дела. Отношение к больным было в высшей степени гуманным*» [6].

О деятельности сестер милосердия на фронте в Первую мировую войну известно немного. Большинство предшествующих войн было описано спустя какое-то время после их окончания, а события Первой мировой войны заслонила начавшаяся революция. Дошедшие же до нас сведения весьма неполны и малоинформативны.

Известно, что к 1915 г. в России существовало 115 общин, находившихся в ведении Общества Красного Креста. В 1916 г. по официальным спискам на фронт отправились 17 436 сестер, которые обслуживали более 2 тыс. полевых и тыловых учреждений Красного Креста: 71 госпиталь, рассчитанный на 44 600 чел., этапные и подвижные лазареты, 11 санитарных поездов, передовые отряды, санитарные транспорты, питательные и перевязочные пункты, дезинфекционные камеры, рентгеновские и летучие хирургические отряды, два плавучих госпиталя на Черном море, три бактериологические лаборатории, шесть полевых складов. Средствами передвижения для нестационарных учреждений служило около 10 тыс. лошадей и 800 автомобилей [7].

Сестры милосердия Черноморской губернии и соседней Кубанской области самоотверженно служили на фронтах Первой мировой войны. Истинное мужество проявили А.Ф. Стрига и И.И. Катерно, которые с августа 1914 г. по ноябрь 1915 г. оказали медицинскую помощь свыше 12 тыс. раненым [8]. Первым Георгиевским кавалером среди женщин-медсестер Северо-Западного фронта стала кубанская казачка Матвеева. Будучи сестрой милосердия Елизаветинского госпиталя, она только за один бой вынесла с поля сражения около 30 раненых [9].

Женщины Черноморской губернии шли на фронт добровольцами. Среди них и одна из дочерей управляющего виноградарским имением И.П. Кулешевича в Широкой балке Станислава Стефановича Бялецкого – Вероника. Уйдя на фронт добровольцем, она погибла в Галиции в 1916 г., при обстреле с немецкого самолета [10].

Для сбора средств в помощь фронту устраивались благотворительные концерты. В Городском доме Новороссийска в 1914 и 1915 гг. проводились концерты в пользу воинов. Собранные средства шли на оборудование лазарета, выдачу денежных пособий прибывавшим в Новороссийск на лечение раненым и больным фронтовикам (с декабря 1914 г. по январь 1916 г. было выдано 646 руб.), на закупку продовольствия и предметов первой необходимости для армии [11].

В марте 1915 г. Новороссийское общество экономического возрождения России создало комитет по строительству первого бесплатного санатория для больных и раненых. Председателем этого общества был К.М. Мазурин, членами комитета Я.М. Карзинкина, Е.А.Успенская, С.Н. Коншина [12]. Поставщица молока в городскую больницу Анастасия Осиповна Гейдук обратилась в городскую управу с отказом от повышения цены на молоко, так как в ней находились раненые воины [13].

В 1915 г. в Новороссийске активно работал Дамский Благотворительный комитет при Департаменте Таможенных Сборов по оказанию помощи воинам и их семьям. Его председательница Н.Г. Шателен в своем докладе от 29 декабря 1915 г. сообщала, что «*в течение ноября и декабря сего года пожертвованной поступило 4500 рублей*» [14]. Общество пособия бедным под председательством Л.В. Барановской имело специальный фонд помощи семьям запасных воинов [15].

Несмотря на суровые военные годы, женщины продолжали оказывать помощь детям. Летом 1915 г. Попечительный совет Никольской общины сестер милосердия в память княгини С.С. Щербатовой и доктора О.П. Гааза организовал шестинедельный отдых детской колонии в Новороссийске. В сентябре 1915 г. он также обратился с просьбой к Председателю Новороссийской городской управы об устройстве детской колонии в городе [16].

1 марта 1916 г. при Новороссийском комитете Союза городов помощи больным и раненым воинам был создан местный отдел помощи военнопленным. Уполномоченным отдела единогласно избрали супругу начальника 39-й ополченческой бригады генерал-майора Соколовского – Екатерину Федоровну Соколовскую [17].

Итак, женщины провинциальной России работали в обществах по оказанию помощи раненым и больным, бедным и сиротам, поддерживали развитие образования и просвещения, жертвовали значительные суммы на благотворительность. Ведь именно милосердие, благотворительность во все века помогали поддерживать в обществе внутреннее равновесие, позволявшее выживать слабейшим и обездоленным, и не терять человеческого облика сильнейшим, власть и средства имущим.

Примечания:

1. Зорина А.П. Общественные организации в помощь фронту, действовавшие в Новороссийске в годы I Мировой войны // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 3. Новороссийск, 1999. С. 173.
2. Там же. С. 178, 181.
3. Черноморская газета. 1914. 23 августа. С. 1.

4. Там же. С. 3.
5. Управление архива Муниципального образования г. Новороссийск (далее – УАМОГН). Ф. 2. Оп. 1. Д. 566. Л. 443.
6. В 1920 г. Л.В. Кича создала в Новороссийске оперную студию. С 1926 по 1929 гг. работала в Краснодарском музыкальном техникуме. С 1929 г. преподавала в Ленинградской государственной консерватории. Умерла в 1966 г. Подробнее см.: Женщины в истории Новороссийска. Век XX / Справочно-публицистический сб. Новороссийск, 2003. С. 6.
7. Постернак А.В. Очерки по истории общин сестер милосердия. URL: www.krotov.info/lib_sec/16_p/pos/ternak.htm. Дата обращения 12.06.2007.
8. Оспищева Л.Е. История благотворительных организаций на Кубани (конец XIX – начало XX века): опыт изучения. Майкоп, 2003. С. 99.
9. Тончу Е. Общественные организации и общественное движение на Кубани // Настольная книга женщины. Женщины Кубани. СПб., 1998. С. 114.
10. Шубникова Т.Н. Фотографии из семейного альбома. // Исторические записки. Исследования и материалы. Вып. 4. Новороссийск, 2003. С. 276.
11. Зорина А.П. Указ. соч. С. 183.
12. УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 726. Л. 74. Автору не известно о том, насколько успешным было это предприятие.
13. Черноморская газета. 1914. 23 августа. С. 3.
14. УАМОГН. Ф.5. Оп.1. Д.187. Л.14.
15. Зорина А.П. Указ. соч. С. 189.
16. УАМОГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 726. Л. 283. В организации постоянного санатория для детей было отказано Государственной Думой.
17. Зорина А.П. Указ. соч. С. 186.

В.П. Трут

МАССОВАЯ БОРЬБА С ВРАГОМ И СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН С ОККУПАНТАМИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В годы Великой Отечественной войны возникло два диаметрально противоположенных по своему внутреннему содержанию общественных явления: массовое добровольное движение советских граждан по борьбе с захватчиками (проявившееся в добровольческом вступлении в Красную армию, борьбе партизан и подпольщиков во вражеском тылу) и пособничество врагу. Эти принципиально разные по своей природе, сущности, политической, военной и общественной значимости социальные явления можно условно сопоставлять, исходя исключительно из внешней формы – принципа добровольности действий их участников. Она обуславливалась различными причинно-следственными факторами, в частности, мировоззренческими установками, личными политико-

идеологическими воззрениями, морально-нравственными принципами, а зачатку и социально-психологическими аспектами и даже сугубо бытовыми обстоятельствами, что, естественно, ни в коей мере не позволяет ставить их в один предметно-содержательный ряд. С одной стороны, добровольцы, исключительно по зову своего сердца и личной инициативе изъявившие желание идти на фронт, отдать все свои силы и даже жизнь для защиты Родины, а с другой, наоборот, в основной своей массе изменники, спасавшие свои жизни путем предательства. К сожалению, в последние два десятилетия наряду с позитивными процессами научно обоснованного, объективного и всестороннего изучения недостаточно раскрытых процессов и событий отечественной истории, особенно сложного и противоречивого исторического процесса XX в., в силу самых разных причин, в том числе и весьма далеких от исторической науки как таковой, на первый план вышли второстепенные вопросы. Следствием этого стало, среди прочего, и явно неоправданное смещение интереса исследователей от добровольческого движения, действительно массового общественного явления периода Великой Отечественной войны, в сторону изучения различных аспектов так называемого «советского коллаборационизма». Зримым подтверждением этого может служить сравнение научных исследований периода 1990–2000-х гг. по одной и другой проблемами.

Одним из социальных феноменов в период Великой Отечественной войны стало поистине невиданное в истории, беспрецедентное по своим масштабам, социальному и половозрастному составам массовое добровольческое движение по вступлению в РККА. Добровольчество – способ комплектования вооруженных сил путем зачисления на военную службу добровольцев. В период Великой Отечественной войны добровольчество проявилось как массовое патриотическое движение.

В изучении истории добровольчества и добровольческих формирований периода Великой Отечественной войны сделано далеко не все. В годы войны в Красную армию добровольно вступило более 4 млн чел. Причем уже летом и осенью 1941 г. около 2 млн чел. из их общего числа сражались с врагом на различных участках советско-германского фронта. Всего же в период войны в различные советские, партийные органы и военные комиссариаты было подано, по разным данным, от 5 до 10 млн заявлений от советских граждан, добровольно изъявивших желание идти на фронт. Наиболее часто в литературе встречается цифра в 5 млн заявлений добровольцев. Практическое отсутствие точных данных об общем количестве добровольцев и численности ушедших на фронт, не говоря уже об анализе их социального, возрастного и полового составов, весьма красноречиво свидетельствует о недостаточности исследования данного вопроса.

Несмотря на то, что большую часть добровольцев составляли мужчины призывного возраста, данное обстоятельство ни в коей мере не умаляет значения их высокого морально-нравственного порыва и совершенного гражданского подвига. Из их числа формировались различные части и соединения, получавшие наименования «добровольческих». Другую часть добровольцев составляли не

подлежавшие призыву на законных основаниях категории военнообязанных граждан, имевшие официальные отсрочки или освобождения от призыва (так называемую «бронь»), ввиду важности их профессиональной деятельности, из-за плохого состояния здоровья, не достигшие или, наоборот, превысившие призывной возраст граждане из числа мужского населения, а также женщины, за крайне небольшим количеством военнообязанных, в основном, медицинских работников. Тем не менее, все они, также сугубо добровольно, выразили желание идти на войну. Из представителей данных категорий населения, в основном на самом тяжелом первом этапе войны, формировались особые воинские части и целые воинские соединения – полки и дивизии народного ополчения. Наибольшую известность приобрели части московского и ленинградского народного ополчения, формирование которых началось буквально сразу же после начала войны. В результате уже к 7 июля в Москве и области было сформировано 12 дивизий, в Ленинграде – 10 дивизий народного ополчения. Широко известны и казачьи добровольческие дивизии и полки народного ополчения в частности, 10, 12-я и 13-я Кубанские, 15-я и 116-я Донские казачьи кавалерийские добровольческие дивизии, составившие основу прославленного 17-го казачьего кавалерийского корпуса. На его основе в августе 1942 г. был образован 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус, а в ноябре того же года 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус.

Отдельную категорию добровольцев составляли также, за очень небольшим исключением, не являвшиеся военнообязанными и, естественно, не подлежавшие призыву в армию, женщины. Однако добровольцев-женщин в Красную армию пришло без малого 1 млн чел.

К особой категории добровольцев по нашему мнению можно отнести и сражавшихся во вражеском тылу партизан и подпольщиков, также исключительно добровольно пошедших на смертельную битву с врагом. Учитывая карательную политику беспощадного уничтожения оккупантами советских партизан и подпольщиков, это была в полном смысле слова смертельная борьба. Как известно, таких народных героев насчитывалось более 1 млн чел.

Трудовой подвиг в советском тылу совершали также добровольно пришедшие на заводы и фабрики на замену ушедших на фронт мужчин, миллионы женщин, стариков и подростков. При этом не стоит забывать о поистине сверхнапряженном характере их труда – ненормированный рабочий день, отсутствие выходных и отпусков, скудное продовольственное и материальное обеспечение.

С другой стороны линии фронта часть советских граждан, в силу самых разных причин и обстоятельств, пошла на непосредственное сотрудничество с неприятельской армией и оккупационной администрацией. Мы сознательно не употребляем ставший распространенным в последнее время термин «коллаборационизм», означающий измену, предательства Родины и сотрудничество с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны. Примечательно, что сам термин «коллаборационизм» обозначавший в то время только предательство и измену, употреблялся еще в годы

Первой мировой войны. При этом тогда он использовался отдельно от понятия «сотрудничество», ввиду незначительности данного явления. На оккупированных немцами советских территориях, несмотря на их значительные размеры и проживания там порядка 76 млн советских граждан, таких масштабов пособничества и сотрудничества с врагом не было. Поэтому во многом чисто механическое перенесение «на советскую почву» термина «коллорабационизм», подразумевающего сотрудничество с оккупантами большинства местного населения и местных органов власти и управления, как это было в Европе, нам представляется некорректным как с точки зрения объективности, морально-этических норм, так и с позиций собственно научного похода к характеристике данного явления.

На временно оккупированных советских территориях часть граждан также стала пособниками германских военных и оккупационных структур. К ним можно отнести бывших советских военнопленных и гражданских лиц, по разным причинам вступивших в немецкую армию, полицейские, охранные и вспомогательные части, лиц, работавших в различных учреждениях оккупационной администрации, а также на предприятиях. В последнем случае необходимо учитывать вынужденные обстоятельства привлечения их на работу под угрозой репрессий, а также, что было характерно для городских жителей, необходимостью зарабатывать средства существования для себя и своих детей. Не стоит забывать, что, например, простая неуплата налогов в срок или невыход на различные общественные работы карался, как правило, отправкой в концлагерь или даже расстрелом.

Вместе с тем, необходимо обратить особое внимание на один очень важный аспект – весьма ограниченные масштаб, и, что особенно важно в условиях напряженного военного противоборства, конкретные военные, политические и экономические результаты, полученные противником от использования в своих интересах различной деятельности пошедших на сотрудничество с ним бывших советских граждан. О крайне низких итоговых результатах от действий пособников оккупантов в военной и политической сферах известно достаточно хорошо и данный факт, несмотря на продолжающиеся в историографии дискуссии по данному вопросу, в целом не оспаривается. Что же касается экономической выгоды, полученной оккупантами, то по данному аспекту в историографии вплоть до настоящего времени отсутствуют не только какие-либо всесторонне обоснованные итоговые заключения, но даже полномасштабные фактологические наработки. При этом факт захвата врагом больших материально-технических, продовольственных и сырьевых ресурсов в оккупированных областях СССР, как правило, не оспаривается, что, в принципе, верно. Но вот вопрос о том, а какую экономическую, особенно промышленно-производственную выгоду получили оккупанты от использования оказавшегося у них в руках потенциала занятых советских областей, в научной литературе рассмотрен, к сожалению, далеко не полностью. А он в плане объективного и всестороннего анализа рассматриваемой проблемы имеет, по нашему мнению, важное и принципиальное значение.

Весьма примечательным и во многом показательным, по нашему мнению, является факт представления рейхсминистром вооружения и военной промышленности гитлеровской Германии Ф. Тодтом 29 ноября 1941 г. доклада Гитлеру, в котором, среди прочего, констатировалось, что «в военном и военно-экономическом отношении война уже проиграна, необходимо политическое урегулирование». Обратим внимание на дату этого доклада, немецкая операция «Тайфун» по захвату Москвы успешно достигала своей высшей точки, немецкие войска практически достигли пригородов советской столицы. И вдруг – «война проиграна». Почему? Достаточно вспомнить, что этот вывод сделал не военный и политик, а крупный хозяйственный и экономический руководитель, который весьма критически оценивал перспективные возможности использования хозяйственно-экономического потенциала занятых советских территорий. Очевидно, что одной из основных причин этого стало именно сознательное нежелание, несмотря на грозящие жестокие репрессии захватчиков, подавляющего большинства как городских, так и сельских жителей оккупированных советских территорий сотрудничать с оккупационными властями. О поистине массовом характере борьбы советских граждан с врагом на фронте и во вражеском тылу, что и определило отечественный характер войны, очень хорошо известно. Какого-либо массового и что важно плодотворного хозяйственно-экономического сотрудничества советских граждан с оккупантами практически не было.

Как верно отметил Б.Н. Ковалев, формами сотрудничества советских граждан с оккупантами могли быть различные виды военного, административного, идеологического, экономического, интеллектуального, духовного, национального, детского и полового коллаборационизма. По его мнению, причины, толкнувшие наших сограждан на сотрудничество с оккупантами, имели сложный и неоднозначный характер, были порождены разными обстоятельствами бытового, психологического и мировоззренческого порядка. При этом сотрудничество советских граждан с оккупантами, или употребляемый в литературе термин «гражданский коллаборационизм», по большей части носило вынужденный характер, так как у мирных жителей, особенно в городах, как правило, просто не было других способов добывания средств существования. А вот с утверждениями ряда авторов, в том числе того же Б.Н. Ковалева, что и у военнопленных в 1941 г. также практически не было выбора, согласиться нельзя.

Уголовное преследование пособников врага осуществлялось на основе различных нормативно-правовых документов, устанавливавших конкретные нормы уголовного наказания. Приказ Генерального прокурора СССР от 15 мая 1942 г. «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» содержал нормы, в соответствии с которыми советские граждане, перешедшие на службу к оккупантам, а также выполнявшие указания немецкой администрации по сбору продовольствия, фуража и вещей для германской армии, провокаторы, доносчики, уличенные в выдаче партизан, коммунистов, комсомольцев, советских работников и их семей, участвовавшие в деятельности немецких карательных органов, подлежали уголовной ответственности по статье 58 пункта 1 «а» УК РСФСР

(измена Родине, шпионаж, переход на сторону врага) и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик. В соответствии с положениями Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. данные лица окончательно были отнесены к субъектам ответственности за военные преступления. При этом, в соответствии с 1-й статьей данного указа, за убийства и истязания советских граждан они подлежали уголовному преследованию наравне с гитлеровцами, а по 2-й статье, квалифицировавшей действия пособников немецко-фашистских захватчиков из представителей местного населения, уличенных в оказании содействия фашистским злодеям в совершении расправ и насилий над гражданским населением и пленными красноармейцами, эти лица должны были наказываться осуждением на каторжные работы сроком от 15 до 25 лет.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 г. «Об образовании Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков» устанавливал перечень тяжких преступлений, за которые виновные в них представители германского политического руководства, командование армией и их сообщники должны были нести полную и суровую уголовную и материальную ответственность. В специальной инструкции к данному указу, вышедшей 31 мая 1943 г., говорилось об ответственности за названные преступления конкретных физических лиц из числа представителей германских вооруженных сил и оккупационной администрации, устанавливались признаки, характеризовавшие конкретных соучастников военных преступлений в зависимости от их роли: организаторы, подстрекатели, исполнители и пособники.

В современной литературе присутствуют разные цифровые выкладки о численности пособников врага – советских граждан (приводимые данные варьируются от 200 тыс. до 1,2 млн чел.). Наиболее распространенны сведения об около 900 тыс. пособников, более 600 тыс. из которых выполняли различные вспомогательные и хозяйственные работы в частях армии и в тылу и не имели оружия. С.И. Дробязко считает, что из 1–1,2 млн сотрудничавших с гитлеровцами человек до 290 тыс. составляли прибалтийцы и до 250 тыс. представители тюркских и кавказских народов. По его мнению, половина из общего количества сотрудничавших с противником принадлежала к вспомогательному персоналу вермахта, не имевшего оружия.

По окончании войны бывшие советские граждане, служившие в вермахте или в различных военизированных формированиях других ведомств фашистской Германии и принимавшие непосредственное участие в военных действиях и карательных акциях, общей численностью более 220 тыс. чел., были осуждены и за исключением приговоренных к высшей мере наказания за особо тяжкие преступления были направлены в лагеря для отбывания полученных сроков заключения. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», оставшиеся сроки заключения данных осужденных, за исключением карателей, принимавших участие в убийствах и истязаниях советских граждан, сокращались в два раза.

Таким образом, несмотря на то, что массовая борьба с врагом и сотрудничество с оккупантами советских граждан в годы Великой Отечественной войны проявлялись со стороны советских граждан в одно и то же время, их внутренняя природа, сущность, причины возникновения, масштабы, общественно-политическое и военное значение являлись диаметрально противоположенными. В этой связи вызывает сожаление и недоумение тот факт, что данные социальные явления получили несоизмеримое по своему сравнению освещение в современной научной и историко-публицистической литературе. Необходима глубокая и всесторонняя масштабная исследовательская работа по осуществлению строго объективного научного сравнительного анализа сущности и значения данных социальных явлений.

Р.Г. Тикиджьян

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ДОНСКИХ КАЗАКОВ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Профессиональная воинская служба в Российской императорской армии представляла собой один из важнейших компонентов жизнедеятельности донских казаков. Воинское искусство и военно-патриотические традиции донцов, в очередной раз продемонстрировавших свои высокие качества в годы Первой мировой, а позднее Гражданской войны, оказались востребованы и в первые десятилетия существования советского государства. Донские казаки проходили службу в рядах Красной армии на протяжении 1920–1930-х гг., несмотря на всю сложность данного периода, в рамках которого взаимоотношения казачьих сообществ и правящей коммунистической партии нельзя было назвать дружественными.

Анализ современной (постсоветской) историографии показал, что проблемы военной службы донских казаков в Красной армии в 1920–1930-х гг., в предвоенный период и первые годы Великой Отечественной войны получили отражение в работах Г.Л. Воскобойникова, Д.К. Прилепского, В.Д. Батырева, Я.А. Перехова, Е.Ф. Кринко, А.И. Козлова, С.А. Кислицына [1]. В последние годы данная проблематика была конкретизирована и обобщена в специальных очерках В.П. Трута и Г.Н. Куркова, А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна, других исследователей [2]. Тем не менее, процесс научных исследований в данном направлении пока еще весьма далек от завершения. Так, до настоящего времени не получил удовлетворительного освещения целый ряд важных вопросов: вовлечение казаков в командный состав РККА, их взаимоотношения с военнослужащими из других социальных групп советского общества (рабочих, крестьян, служащих), специфика допризывной подготовки в казачьих станицах, сохранение и использование дореволюционных и формирование элементов новых советских (красноармейских) военных традиций.

Порядок прохождения донскими казаками военной службы в частях Красной армии на протяжении 1920-х – начала 1940-х гг., конечно, мало чем напоминал казачью воинскую повинность в императорской России. Принципы организации и комплектования вооруженных сил советской республики существенно отличались от досоветских аналогов. В данном случае сыграли свою роль не столько большевистские теоретические построения об «отмирании» армии, как одного из институтов государства, сколько сложившаяся по итогам Гражданской войны настоятельная потребность в реформировании РККА. Разоренная войной Советская Россия, определяя «нэповскую» стратегию выхода из острого политического и экономического кризиса, уже не могла содержать большую армию периода «военного коммунизма» (до 3,5 млн чел.). Сложности международной обстановки, враждебное капиталистическое окружение диктовали потребность создания такого механизма, который бы в случае вражеской агрессии позволил быстро увеличить численность вооруженных сил за счет обученных резервистов. Поэтому в РСФСР, а затем и в СССР началось формирование особой территориально-милиционной армейской системы.

Специфика данной системы заключалась в том, что Красная армия состояла из кадровых и милиционных (переменного состава) частей, причем первых было заметно меньше, чем вторых. Красноармейцы кадровых частей РККА проходили полный срок военной службы непосредственно в их расположении. Иначе обстояло дело в милиционных формированиях, которые состояли «из кадра и переменного состава» [3]. Ядром милиционных частей являлись красноармейцы и командиры кадровой службы, но основная масса военнослужащих относилась к переменному составу. Красноармейцы-переменники (или «терармейцы», то есть проходившие службу в милиционно-территориальных подразделениях) приписывались к милиционным частям, но постоянной службы не несли, на казарменном положении не находились, а только проходили периодические и кратковременные (как правило, 1,5–2 месяца) военные сборы. Призывники в возрасте 16–18 лет должны были пройти предварительную подготовку к службе, которая заключалась «в физическом и элементарном военном воспитании молодежи» под общим руководством военного ведомства, но силами и средствами гражданских организаций на местах. Затем, с 19 лет, молодые граждане РСФСР (СССР) проходили курс допризывной подготовки.

Источники позволяют в полной мере согласиться с выводом историка В.С. Сидорова, полагавшего, что «утверждение, будто казачество до 1936 г. было лишено права нести воинскую службу... мягко выражаясь, не соответствует действительности» [4]. В 1920-х гг. представители партийно-советского и военного руководства ничего не имели против их службы в Красной армии. В советской прессе небезосновательно указывалось: «казацкое войско – это есть природная милиционная армия, потому, что каждый казак с детства хороший наездник и лихой боец. Казак, не бывая еще в казармах, уже солдат» [5]. Правда, лидеры партии и советского государства критически относились к допущению в состав вооруженных сил тех казаков, которые имели неблагоприятное (с точки зрения большевиков) социальное происхождение или не отличались должной

лояльностью к большевистскому режиму в годы Гражданской войны и после ее завершения. Но здесь нельзя усмотреть и прямой дискриминации по сословному признаку, так как высший командный состав армии был закрыт для всех вообще граждан советского государства, чье происхождение или общественно-политическая позиция не устраивали коммунистов.

В принципе не возражая против несения «трудовым казачеством» военной службы в составе РККА, представители партийно-советского руководства решительно способствовали искоренению традиционного порядка казачьей службы. В отличие от армии императорской России, в вооруженных силах советского государства в 1920–1930-х гг. принципиально не создавались обособленные казачьи кавалерийские (или, реже, пехотные) части. В данном случае большевики были верны принципам «расказачивания», т.е. десословизации казачьих сообществ, их постепенного растворения в массе сельского населения. Теперь казаки на общих основаниях призывались и в пехоту, и в кавалерию, они проходили военную службу в территориальных частях бок о бок не только со своими станичниками, но и с крестьянами, рабочими. Так, немало донских казаков было приписано в качестве красноармейцев-переменников к 9-й Донской стрелковой дивизии. На апрельском 1925 г. пленуме ЦК РКП(б) первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян, подчеркивая факт отсутствия в составе войск Северо-Кавказского военного округа специфически казачьих подразделений, говорил: *«У нас на Северном Кавказе имеются территориальные кавалерийские и пехотные формирования... Среди них не только казаки, но и иногородние. Поэтому название «казачьи» неправильно, ибо там принимают участие не только казаки»* [6]. Отношение к военной службе самих донских казаков не было однозначно положительным или прямо отрицательным. Массив документов позволяет с достаточной долей уверенности утверждать, что большинство представителей казачьего сообщества Дона (а также Кубани и Терека) в целом традиционно положительно относились к необходимости служить либо в кадровых, либо в территориальных частях.

Подобный выбор определялся несколькими обстоятельствами. Прежде всего, в 1920-х гг., да и спустя многие десятилетия, у сельских юношей, и особенно молодых казаков, в отношении военной службы практически не было выбора. По оценке А.Ю. Рожкова, «во многих селениях, особенно в казачьих станицах, юноша, не служивший в армии, традиционно считался *неполноценным*» [7]. Служба в армии привлекала молодых крестьян и казаков также возможностью повысить свой образовательный уровень, расширить кругозор, обрести или упрочить профессиональную специализацию и гражданскую позицию. Большинство же донских казаков определяли свое отношение к службе в Красной армии, исходя не из политических лозунгов, а из веками складывавшейся традиции служения Родине. Многие донцы в 1920–1940-х гг., как и ранее, видели в военных занятиях и войне свое предназначение. Нередко для таких казаков служба в армии являлась едва ли не последним средством самоидентификации, чуть ли не единственным оставшимся способом доказать свою особость, непохожесть на крестьян или рабочих.

Наконец, в качестве еще одного фактора, стимулировавшего доброжелательное отношение казаков к службе в частях Красной армии, следует назвать произошедшее в советский период облегчение военно-мобилизационного бремени. По сравнению с досоветской эпохой, представители казачьих сообществ стали проводить на службе гораздо меньше времени и тратить на это намного меньше собственных материальных средств. Так, на прошедшей 11 октября 1925 г. в станице Митякинской Тарасовского района Северо-Кавказского края беспартийной казачьей конференции один из докладчиков подчеркивал явное превосходство советской мобилизационной практики над ее досоветскими аналогами: *«при царском строе казаки, как будто не несли налоговой тяжести в той форме, как сейчас, но зато они несли значительные материальные расходы в связи с обязательной военной службой и целым рядом общественных повинностей. Теперь служба в Красной армии не связана почти ни с какими материальными затратами. В чем придется в том и принимают раньше же не то: справь седло, купи лошадь да не абы какую, а хорошую»* [8].

Показателем позитивного отношения казачьей молодежи, да и вообще большинства казаков, к службе в Красной армии являлись военные сборы и призывные кампании, которые, как правило, протекали в казачьих районах Дона без особых осложнений. Ярким примером в данном случае выступает призывная кампания, проходившая осенью 1925 г. в Вешенском районе Донецкого округа Северо-Кавказского края. Большинство новобранцев принадлежали к казачьему сообществу, поскольку население района почти сплошь состояло из казаков: по данным переписи 1926 г., из 52,7 тыс. местных жителей 44,9 тыс. (85,2 %) причислили себя к донскому казачеству [9]. Призывники явились на сборные пункты *«своевременно и полностью в соответствии с призывных списков за исключением 2-х человек»*; однако эти двое вряд ли могли быть причислены к дезертирам, так как один из них умер, а другой находился где-то за пределами района. Из личных бесед с призывниками члены райкома заключили, что они готовы *«защитить совправительство»*, а на вопрос *«как относятся Ваши отцы к необходимости проходить службу»*, ответ был один: *«отцы не возражают против призыва, но вот если бы только в кавалерию»* [10].

Прослеживается в этот период и процесс сочетания казачьих традиций с советскими новациями в призывной кампании, подмеченный членами Вешенского райкома РКП(б). *«Небезынтересно отметить, – докладывали они в Донецкий окружком, – старотрадиционные явления. В старое время, видимо, призываемые устраивали качку атаманов, что проделано и в настоящий момент»*. Но, поскольку атаманов при советской власти уже не было, *«призывники левобережной части р. Дона после митинга в ст. Вешенской стали качать ПредРИКа, секретаря Райкома и др. завотделами РИКа, после чего стали собирать деньги из качающих сколько кто даст»*, и *«в результате было ими собрано 55 рублей»*. Попытались призывники получить некоторую сумму и с секретаря райкома, но главный коммунист Вешенского района оказался *«парень не промах»* и вместо денег вручил казакам-новобранцам *«Красный флаг, выражающий настроение призывников и новые традиции»*; тем самым секретарь и деньги

сохранил, и внес в процесс проводов необходимый элемент большевистской идеологии. *«Собранные деньги, думалось, пойдут на пропой, но оказывается их поделили между собой на табак и папиросы»*, что свидетельствовало, по мнению членов райкома, об отсутствии *«пьяных и рекрутских замашек»* и, следовательно, еще раз выгодно подчеркивало дисциплинированность казаков-призывников [11]. Поясним, что т.н. *«рекрутские замашки»*, о которых упоминали сотрудники Вешенского райкома РКП(б), представляли собой весьма распространенное в 1920–1930-х гг. неумеренное потребление алкоголя призывниками и их пьяные выходки, т.е. *«буйство с массовой попойкой, драками “стенка на стенку”, погромами винных лавок и базарных рядов»* [12]. Хотя большинство донских казаков в 1920–1930х гг. положительно относилось к необходимости прохождения военной службы в Красной армии, казачье сообщество Дона в данном вопросе все же не было монолитным. Некоторая часть донцов весьма критично, а то и резко негативно воспринимала обязанность *«дежурить всему населению СССР 2 года»* в кадровых частях или хотя бы проходить краткосрочные военные сборы при территориальных формированиях [13]. Здесь нужно подчеркнуть, что повод для критики имелся даже у тех казаков, которые были не против «послужить». Даже донцы, готовые честно защищать границы РСФСР (СССР), просили и требовали у партийно-советского и военного руководства зачислять их, по традиции, в определенный род войск, а именно – в кавалерию. Представители власти неоднократно признавали: *«казачество не довольно, что его зачисляют в пехоту... у всех казаков имеется большое желание служить в кавалерии и артиллерии»* [14]. На казачьей беспартийной конференции в станице Митякинской Тарасовского района Северо-Кавказского края, прошедшей 11 октября 1925 г., выступавшие казаки высказывали *«пожелание чтобы воинский дух и врожденные склонности казаков к наездничеству были использованы Советской властью при призыве казачьего населения в воинские части»* [15].

Однако многие казаки не просто выражали недовольство тем, что их не направляли в кавалерию, а вовсе не желали служить в РККА. Отчасти недовольство донцов порождалось негативными чертами армейского устройства или же прямыми злоупотреблениями командного состава, инструкторов и пр. В частности, в конце 1922 г. в одном из населенных пунктов Верхне-Донского округа имело место избиение *«допризывников инструкторами»* [16]. Более же всего, судя по свидетельствам источников, казаков, как и других сельских жителей, не устраивали сроки проведения военных сборов в территориальных частях. Дело в том, что сборы приходились на весенне-летний период, то есть на время напряженных сельскохозяйственных работ. Как раз тогда, когда в семьях хлеборобов была необходима каждая пара рабочих рук, государство требовало от молодых (и, значит, наиболее трудоспособных) крестьян и казаков на два – три месяца оставить хозяйственные дела и заняться военным обучением. Это не могло пройти бесследно для крестьянско-казачьих хозяйств, и вовсе не безосновательны были жалобы хлеборобов о том, что *«терсборы в летнюю рабочую пору убыточны»* [17]. Доходило до того, что призывники

старались либо уклониться от сборов, либо дезертировали из своих подразделений, как о том писал один из сельских корреспондентов «Крестьянской газеты» с юга России в 1925 г. [18].

Отрицательное отношение к военной службе в РККА демонстрировали те донцы, которые либо не поддерживали советскую власть, либо подвергались дискриминации со стороны большевистского режима по социальным или политическим критериям. Масштабные репрессии в отношении представителей казачьей верхушки («кулаков» и «подкулачников», бывших офицеров, атаманов и пр.) начались в последней трети 1920-х гг., в преддверии очередной сталинской модернизации в ходе «великого перелома» и сплошной коллективизации сельского хозяйства. В ответ казаки-«лишенцы» активно выражали свое нежелание служить в армии, защищавшей советскую власть и новый колхозный строй.

В конечном итоге правительство советского государства пошло навстречу пожеланиям казаков и стало направлять их преимущественно в кавалерийские части. Однако ни о каком возврате к досоветской практике создания «чисто казачьей конницы» здесь речи не шло, ибо это противоречило общему курсу большевиков на «расказачивание» и десословизацию казачества. И все же кавалерийские части переменного состава к исходу 1920-х гг. были созданы уже во всех казачьих округах Северо-Кавказского края, в том числе на Дону. Указанная тенденция возобладала после завершения сплошной коллективизации на Дону и Северном Кавказе и практики репрессивного «раскулачивания-расказачивания». С принятием сталинской конституции ЦИК СССР и Наркомат обороны СССР уже в апреле 1936 г. официально приняли решения о восстановлении казачьих кавалерийских дивизий и корпусов. В итоге в 1936–1940 гг. в ходе развернувшейся компании «За советское казачество» и очередной реформы РККА, по подсчетам историков, были созданы 91 кавалерийская дивизия и 18 корпусов, большинство из которых (соответственно, 75 и 13) непосредственно приняли активное участие в военных действиях в ходе начавшейся Второй мировой и Великой Отечественной войны.

Таким образом, в 1920–1930-х гг. правительственные и военные органы власти Советской России, несмотря на обусловленное коммунистической идеологией неприятие казачьих сообществ и стремление к их «расказачиванию» и десословизации, не только вполне доброжелательно относились к привлечению «классово-близких» советских казаков (особенно колхозников) в Красную армию, но считали это уже объективно необходимым.

Далеко не все казаки юга России, в том числе и донцы, в массе своей доброжелательно относились к службе в Красной армии, расценивая ее как одну из форм поддержки критиковавшейся ими советской власти, что с еще большей силой проявилось в период сплошной коллективизации в 1929–1934 гг. Однако все же большинство донцов, кубанцев и терцев при всех различиях и нюансах в их отношении к большевистскому режиму и советской модернизации аграрного сектора, изъявляли желание проходить военную службу, осо-

бенно в кавалерии и артиллерии. Тем самым военная служба в 1920-х, а затем во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг., в определенной степени примирля советское государство, правящую партийно-советскую элиту и казаков, позиции которых в иных областях жизнедеятельности были во многом различны, а зачастую противоположны и непримиримы. Эта ситуация отразилась в итоге и на участии различных групп казачества в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Примечания:

1. Перехов Я.А. Власть и казачество. Поиск согласия (1920–1926 гг.). Ростов н/Д, 1997. С. 108–109; Донское казачество в XX веке. Ростов н/Д, 2006; Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке. Ростов н/Д, 2007. С. 306–308 и др.
2. Воскобойников Г.Л., Батырев В.Д. Советская власть и казачество (1921 – июнь 1941). М., 2003; Трут В.П., Курков Г.Н. Военная реформа в СССР в 1920–30 гг. XX века и место казачьей кавалерии в ней // Военная энциклопедия казачества. М., 2009. С. 80–114; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920 годах. Очерки истории. Ростов н/Д, 2010.
3. Реформа в Красной Армии. Документы и материалы. 1923–1928 гг. В 2 кн. Кн. 1. М.–СПб., 2006. С. 34.
4. Сидоров В.С. Комментарии к сборнику казачьих писем // Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I. Ростов н/Д, 1994. С. 258.
5. Збруч Б. Военные задачи казачества // Голос трудового казачества. 1920. 25 июня.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 174. Л. 50.
7. Рожков А.Ю. «Казарма хуже тюрьмы». Жизненный мир красноармейца 1920-х годов // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2005/2006. Актуальные проблемы изучения. М., 2006. С. 259.
8. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 570. Л. 271об.
9. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 3.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 36. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
11. Там же.
12. Там же. Л. 8а.
13. Рожков А.Ю. Указ. соч. С. 263.
14. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1198. Оп. 1. Д. 154. Л. 115.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 904. Л. 86.
16. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 570. Л. 275об.
17. ЦДНИРО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 901. Л. 199.

ОПОЛЧЕНЧЕСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В 1941–1942 гг.

В истории Российского государства немало периодов, когда мирное население бралось за оружие, чтобы остановить и уничтожить агрессора. Одной из важных форм единства тыла и фронта, армии и народа в годы Великой Отечественной войны также стало создание в тылу ополченческих формирований. Весть о том, что в Смоленске, Ленинграде, Москве создаются ополченческие отряды, вызвала волну положительных эмоций у различных социальных групп населения региона. В резолюциях, принятых на собраниях горняков и машиностроителей, металлургов и нефтяников, геологов и транспортников, сельских жителей изъявлялось горячее желание изучать военное дело, приобретать боевые навыки и применять их на практике.

Для руководства ополченческими структурами были созданы областные, краевые и республиканские штабы во главе с известными населению партийными или советскими работниками. Под знамена ополченческих формирований приходили мужчины и женщины, юноши и девушки, ветераны. Основой этих частей являлись рабочие и служащие промышленных и транспортных предприятий. Многие подразделения создавались непосредственно на фабриках и заводах, в учреждениях.

Запись добровольцев велась зачастую прямо на митингах и собраниях. Заявления патриотов были похожими по содержанию и лаконичными, часто написанными карандашом на тетрадном листке. Работница Сулинского металлургического завода Д. Резникова писала в своем заявлении: *«Мне 54 года. Я записываюсь в народное ополчение и сделаю все, что в моих силах для защиты Родины»*. Токарь Г. Казаков и фрезеровщик А. Хоперский в числе первых таганрогцев стали ополченцами. Они написали одно заявление на двоих: *«Мы пришли в ряды народного ополчения для того, чтобы выполнить свой священный долг»* [1]. Подобные заявления подавали тысячи патриотов и в других населенных пунктах Северного Кавказа. Местные власти принимали по поводу организации ополченческих формирований специальные решения, уточнявшие назначение, характер, количество подразделений, создававшихся по производственному и территориальному принципам, назначали ответственных лиц за вооружение создающихся отрядов, их экипировку, размещение, за военную учебу.

Формирование ополченческих полков проходило весьма оперативно, количество добровольцев росло по мере приближения врага к региону. Ростовский обком партии принял 5 июля 1941 г. постановление «О народном ополчении в Ростовской области», в котором потребовал от местных органов ускоренного создания добровольческих формирований. Таганрогский, Шахтинский, Новочеркасский горкомы ВКП(б) направили для этой цели работников аппарата на предприятия, стройки, в колхозы, совхозы и МТС, в транспортные организации [2].

Ростовский полк народного ополчения был создан уже 10 июля 1941 г. Командиром полка был назначен заместитель директора автосборочного завода М.А. Варфоломеев. Большое количество ополченцев записались на «Ростсельмаше» во главе с директором завода Титаренко. На небольшой фабрике имени Микояна в ополчение записался 551 работник [3]. К началу августа в списках добровольцев числилось 100 тыс. чел. Военное обучение проводилось по программе, подготовленной штабом Северо-Кавказского военного округа. Программа была рассчитана на три месяца и предусматривала проведение занятий без отрыва от производства по четыре часа ежедневно [4].

Во время первой обороны Ростова командование Южного фронта доверило ополченцам боевой участок от «Ростсельмаша» до Черепяхинской балки. Личный состав Ростовского полка насчитывал 803 чел., из них 595 рядовых. Транспортное обеспечение составляли 10 автомобилей, 40 конных повозок, 129 лошадей [5]. 2-й и 3-й батальоны, состоявшие в основном из рабочих и служащих железной дороги, приняли неравный бой с прорвавшимися 300 немецкими автоматчиками, переодетыми в красноармейскую форму и 10 танками. Несколько вражеских атак захлебнулось, не раз ополченцы поднимались в штыковые атаки и отгоняли гитлеровцев, неся большие потери. В ожесточенных боях под Ростовом воины 56-й Отдельной армии, конники донских добровольческих казачьих дивизий, ополченцы уничтожили до 3 тыс. вражеских солдат и офицеров, до 15 артиллерийских батарей, подбили около 200 танков и столько же автомашин.

Защитники Ростова в ходе боев тоже понесли значительные потери. Донские ополченцы первыми в южном регионе приняли боевое крещение и сумели выстоять в противоборстве с отборными воинскими частями противника. Командование Южного фронта наградило орденами и медалями многих патриотов, а затем удовлетворило просьбу бойцов и комсостава о включении ополченцев в кадровый состав 56-й армии.

Краснодарский крайком ВКП(б) и крайисполком 3 июля 1941 г. приняли совместное решение о создании отрядов народного ополчения [6]. На Кубани по спискам в отрядах народного ополчения числилось 224 тыс. чел., в том числе 37 тыс. коммунистов и комсомольцев, 56 тыс. женщин [7]. Однако на самом деле гражданских людей, способных с оружием в руках защищать регион, было значительно меньше.

Все ополченцы Кубани принимали присягу, в которой говорилось: *«Я, гражданин Великого Советского Союза, сын героического и свободолюбивого советского народа, вступив в ряды народного ополчения, клянусь, что буду с оружием в руках бороться за Родину, честь и свободу, до полного и окончательного разгрома германского фашизма... Я обязуюсь беспрекословно выполнять приказы командиров и политработников, строго соблюдать воинскую дисциплину, быть смелым, храбрым и отважным воином народного ополчения, неустанно повышать свои воинские знания, работать на производстве и в колхозе только по-ударному. Я клянусь скорее умереть, чем сложить оружие в священной борьбе против фашистских извергов...»* [8]. Как видим, в тексте присяги проведена идея единения фронта

и тыла. Ополченцы заверяли, что не только будут полноценными воинами, но и отличными производственниками. Подобные взгляды выражали ополченцы Орджоникидзе, Нальчика, Грозного, Махачкалы и других городов региона.

Кампания организации отрядов народного ополчения развернулась во всем Северо-Кавказском регионе. В автономных республиках отбор добровольцев в ополченческие структуры был достаточно строгим, списочные составы ополченцев внимательно проверялись управлениями и отделениями НКВД.

В Кабардино-Балкарии насчитывалось 16 тыс. военнообязанных [9]. Согласно «Положению о порядке организации народного ополчения в Кабардино-Балкарской АССР», принятому правительством автономной республики 15 июля 1941 г., отряды создавались во всех населенных пунктах местными советами и руководителями промышленных предприятий и учреждений. Заявления добровольцев рассматривались специальными комиссиями, созданными при советах всех уровней и обязанными подобрать боеспособных людей, а также оградить подразделения от враждебных элементов. В комиссии входили председатели местных советов, военкомы, представители партийных и комсомольских организаций.

Следует отметить, что партийные органы и руководители силовых структур стремились подбирать на должности командиров подразделений опытных военных, преимущественно, из числа отставников. В Нальчике во главе батальона назначили Векшина [10]. Для бойцов и командиров систематически проводились политические занятия, которые вели, как правило, лекторы пропагандистской группы обкома ВКП(б). Тематика политических занятий была стандартной: «Великая Отечественная война Советского народа», «Фашизм – злейший враг человечества», «Выше революционную бдительность» и т.д. В программу занятий входили приемы ведения боевых действий в лесной местности, в горах, в степной полосе. Городской комитет обороны Нальчика подробно и взыскательно обсудил 14 ноября 1941 г. вопрос о ходе формирования, состояния боевой подготовки ополченческих отрядов. Ответственным работникам было строго указано на недоработки и просчеты и даны короткие сроки на их устранение [11].

Специальные комиссии для отбора претендентов в ополченческие отряды существовали в Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. Коммунистический батальон из 500 бойцов был создан в сентябре 1942 г. в Грозном. Это подразделение несло патрульную службу, охраняло важные производственные и военные объекты, воевало с диверсантами. Спустя месяц батальон был включен в состав Закавказского фронта и участвовал в оборонительных боях [12].

Женщины региона тоже не остались безучастными к ополченческому движению. Около тысячи горянок Дагестана подали заявления о вступлении в ополчение. В процессе формирования ополченческих подразделений выявилась и определенная специфика. Более 20 экипажей морских и речных судов записались в Волжско-Каспийскую флотилию народного ополчения, созданную в Астрахани. Командиром флотилии был назначен начальник местного флота А.А. Поздняков. Усиленно готовился к уличным боям сухопутный рабочий полк, созданный на добровольцев астраханских судоремонтных и судострои-

тельных предприятий. В порту Туапсе нес службу специальный полк, сформированный из моряков. В его задачу входила защита береговых укреплений и охрана военных объектов. Ополченческие подразделения, действовавшие в Туапсе и Новороссийске, постоянно находились в боевой готовности и совершенствовались в военных навыках. К этому их обязывала оперативная обстановка.

После стабилизации фронтальной линии в районе Ростова-на-Дону ополченческие отряды постепенно стали самораспускаться. Причины самороспуска были и объективными, и субъективными. Поскольку реальной военной угрозы многие не видели, уменьшался добровольческий ажиотаж. Кроме того, значительная часть населения эвакуировалась в тыл, многие были призваны в вооруженные силы. Если в первые месяцы войны ополченческие подразделения насчитывали по неполным данным свыше 300 тыс. чел., то летом и осенью 1942 г. количество ополченцев сократилось более чем на две трети.

Если в Северной Осетии в первые недели войны записались в ополчение 2420 чел., которые были распределены по трем батальонам, то спустя полгода местным властям пришлось расформировать эти подразделения и создать районные боевые дружины по 10–15 человек в каждой, подчинив их местной милиции. Самороспуск отрядов народного ополчения происходил во всех территориальных образованиях Юга России.

Эту тревожную тенденцию попытались изменить местные комитеты обороны. Но полностью восстановить количественный и качественный состав подразделений так и не удалось. Основой восстановленного ростовского полка народного ополчения продолжали оставаться рабочие крупных предприятий и прежде всего железнодорожники, которые после отгремевших боев занялись поисками оружия на полях сражений и его ремонтом в специально созданной для этой цели мастерской. За два месяца вооружение полка пополнилось на 10 ручных пулеметов, 55 винтовок и карабинов, 3 миномета. Командование объявило благодарность Р.Г. Иванову, Д.Я. Шишкину, Д.М. Суслову, Г.М. Хроменко, А.П. Болдыреву [13]. Руководители Управления СКЖД создали из управленцев роту самообороны. На закрытом партсобрании 27 июня 1942 г. коммунисты были вынуждены признать, что военное обучение фактически не проводится, отдельные бойцы не владеют оружием. Собрание обязало партийное бюро в течение суток пересмотреть состав роты и укомплектовать её бойцами, обеспечить подразделение учебным оружием и организовать военную подготовку [14].

Спустя несколько дней добровольцам пришлось вновь занять оборонительные рубежи. После кровопролитных боев подразделения полка потеряли убитыми и ранеными 64 чел., 95 чел. пропали без вести, 9 чел. дезертировали [15]. Вместе с воинами 56-й армии противостояли вражеским полчищам краснодарские ополченцы. В ходе боев более 100 тыс. чел. вступили в ряды Красной армии.

В июле 1942 г. была создана Северо-Осетинская сводная бригада народного ополчения из 1280 чел. Ополченцы охраняли транспортные магистрали, ущелья, перевалы, ведущие к Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам. По решению Орджоникидзевского комитета обороны 31 октября 1942 г. бригада была преобразована сначала в полк, а затем в батальон, состоявший из 619 чел.

Ополченцы принимали непосредственное участие в обороне Северной Осетии, в прорыве фронта в районе селения Дзагипбарз, защищали Военно-Грузинскую магистраль [16].

Самоотверженно сражались против немецко-фашистских войск ополченцы Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чечено-Ингушетии, Дагестана, Астраханского округа. Орджоникидзе, Грозный, Астрахань, Туапсе выстояли во многом благодаря негибаемой стойкости регулярных воинских частей и ополченческих полков.

Специфическими воинскими подразделениями на Северном Кавказе являлись добровольческие казачьи части. Уже в середине июля 1941 г. началось формирование Донской ополченческой дивизии. Местные органы власти придирчиво подбирали командирские кадры, требовали от руководителей промышленных и транспортных предприятий, колхозов и совхозов обеспечения добровольцев ободно-вещевым имуществом, оружием, лошадьми, продовольствием. Оснащение казачьих частей всем необходимым осуществлялось за счет местного бюджета и предприятий. Коренные жители вступали в ополченческие подразделения трудовыми коллективами, семьями, хуторами, станицами. Казачье ополчение явилось основой 15-й и 116-й Донских кавалерийских дивизий. Впоследствии они вошли в 17-й казачий, а затем в 5-й Донской гвардейский казачий кавалерийский корпус, прошедший боевой путь от предгорий Северного Кавказа до Эльбы.

Всестороннюю поддержку получили от местных властей казаки Кубани, Ставрополя, Терека, решившие объединиться в ополченческие части. Ставропольский крайком ВКП(б) обязал местные партийные органы провести собрания бывших красногвардейцев, участников Гражданской войны и создал комиссию из руководителей края для проработки вопроса о создании Орджоникидзевской кавалерийской дивизии [18]. Ополченцы дополнили 4-й Кубанский гвардейский казачий кавалерийский корпус, 2-й Ставропольский корпус и 30-ю кавалерийскую дивизию, 97-ю Орджоникидзевскую дивизию, Дагестанскую 271-ю и 416-ю стрелковые дивизии, ряд подразделений 37-й армии. В ноябре 1941 г. по призыву генерала Л. Доватора в Ставропольском крае сформировали добровольческий казачий полк, который спешно направили на оборону Москвы. В ожесточенных боях ставропольские казаки освобождали от врага Московскую и Калининскую области, позднее Белоруссию и Польшу. Слава казачьих воинских частей, сформированных из добровольцев южного региона, никогда не померкнет в памяти потомков.

В процессе формирования национальных воинских частей командование и местные власти сталкивались с определенными трудностями. В Чечено-Ингушетии, например, в кавалерийском полку и резервном дивизионе имели место случаи дезертирства. Учитывая это, в марте 1942 г. военкоматы временно приостановили призыв вайнахов в армию. Из-за подобных проблем, возникших в полку народного ополчения, Грозненский комитет обороны решил 24 августа расформировать его и доукомплектовать отряд особого назначения. Заметим, что к этому времени опасность вторжения вражеских войск в Чечено-

Ингушетию была, как никогда, реальной. В конце августа чеченцев и ингушей вновь стали призывать в армию. Всего до мая 1943 г. в этой автономной республике прошло три мобилизации представителей местных этнических групп. По неполным данным, в период войны из Чечено-Ингушетию были призваны в Вооруженные Силы СССР чуть более 18,5 тыс. чел.

Национальные воинские части создавались и в других автономных республиках. Кавалерийский полк, сформированный в Калмыкии при участии генерал-инспектора О. И. Городовикова, воевал в составе 56-й армии под Ростовом-на-Дону. Коренное население республики составляло основу 349-й стрелковой дивизии, 59-го стрелкового полка и других частей. За восемь первых месяцев войны Калмыкия направила в Красную армию более 20 тыс. чел.

Свыше 20 воинских формирований создали трудящиеся Дагестана, Северной Осетии, Чечено-Ингушетию, Калмыкии, Карачая, Черкесии, Адыгеи. Многие из них стали гвардейскими, снискали себе вечную славу. Участие национальных воинских частей в боях позволяло командованию в ряде случаев более успешно выполнять стратегические замыслы, создавало новые боевые традиции, способствовало укреплению межнациональных связей, взаимовыручки, дружбы.

Примечания:

1. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 5. Д. 839. Л. 50.
2. Там же. Оп. 1. Д. 306. Л. 11. Оп. 4. Д. 314. Л. 180.
3. Там же. Оп. 4. Д. 314. Л. 129, 130.
4. См.: Селюнин В.А. Трудовой Дон – фронту. Ростов н/Д, 1985. С. 44.
5. ЦДНИРО. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.
6. Военно-исторический журнал. 1971. № 2. С. 85.
7. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 88. Д. 60. Л. 93–94.
8. Кубань за 50 советских лет. Краснодар, 1967. С. 40.
9. Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 340. Л. 5–11.
10. Там же. Д. 374. Л. 2.
11. Кабардино-Балкария в годы Великой отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Нальчик, 1975. С. 90.
12. Селюнин В.А. Промышленность и транспорт юга России в войне 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1997. С. 223.
13. ЦДНИРО. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 3. Л. 203.
14. Там же. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1. Л. 64–65.
15. Там же. Ф. 1885. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.
16. Тедтоев А.А. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Орджоникидзе, 1968. С. 26–30.
17. Центр документации новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 2. Д. 147. Л. 9.

РОЖДЕННАЯ В НОВОРОССИЙСКЕ: БОЕВОЙ ПУТЬ 353-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

На фоне 157-й стрелковой дивизии, принимавшей участие в боях за город-герой Одессу, на подступах к городу-герою Севастополю, дважды защищавшей город-герой Керчь, а за оборону города-героя Сталинграда ставшей 76-й гвардейской, история 353-й стрелковой дивизии осталась в тени. Между тем, эта дивизия, как и ее знаменитая предшественница, была сформирована в Новороссийске летом 1941 г. Она включала 1145, 1147-й и 1149-й стрелковые полки, 902-й артиллерийский полк, 449-ю зенитную артиллерийскую батарею, 574-й минометный дивизион, 401-ю разведывательную роту, 619-й саперный батальон, 790-й отдельный батальон связи, 424-й медико-санитарный батальон, 417-ю отдельную роту химзащиты, 167-ю автотранспортную роту, 193-ю полевую хлебопекарню, 767-й дивизионный ветеринарный лазарет, 503-ю полевую почтовую станцию и 794-ю полевую кассу Госбанка. Командиром дивизии стал полковник Григорий Филиппович Панченко, комиссаром – полковой комиссар Ф.М. Антипов, начальником штаба – подполковник С.А. Лосик-Савицкий, начальником политотдела – батальонный комиссар С.П. Громов [1]. Рядовой состав дивизии призывался из жителей Новороссийска и Верхнебаканского района, а командиров направляли как из запаса, так и из соединений Северо-Кавказского военного округа.

В конце сентября 1941 г. 1-я танковая группа вермахта нанесла удар по частям 12-й армии и сумела окружить 9-ю и 18-ю армии [2]. Путь на Ростов-на-Дону оказался открыт. Для его защиты была срочно сформирована 56-я Отдельная армия под командованием генерал-лейтенанта Ф.Н. Ремезова. В эту армию вошла и не закончившая свое формирование 353-я стрелковая дивизия. Поднятая по тревоге, она оставила в Новороссийске некоторые тыловые части, клуб и библиотеку [3].

К исходу 16 октября 353-я стрелковая дивизия заняла позиции под Ростовом на участке Генеральское – Султан-Салы. Левый сосед – 343-я стрелковая дивизия – флангом упиралось в побережье Азовского моря, поселок Хопры. Обе дивизии составили оперативную группу под командованием генерал-майора П.М. Козлова, образовав самый южный фланг советско-германского фронта. Войска 56-й армии остановили наступление противника

5 ноября началось немецкое наступление на стыке 18-й и 9-й армии, но к 9 ноября выдохлось. Это не помешало разработке командованием Юго-Западного направления плана контрнаступления. 56-я Отдельная армии должна была прочно удерживать Ростовско-Новочеркасский район. 17 ноября, в день начала наступления войск 37-й армии, командующий 56-й армией Ф.Н. Ремезов приказал группе П.М. Козлова, усиленной танковым батальоном 6-й танковой бригады, нанести контрудар и уничтожить прорвавшиеся части противника в районе сел Большие Салы и Несветай. На подготовку контрудара отводилось меньше суток. С утра 18 ноября советские войска перешли в наступление [4].

Командование 56-й Отдельной армии не сумело вскрыть переброску 3-го моторизованного корпуса противника, который в то же день 18 ноября перешел в наступление. Войскам 353-й стрелковой дивизии пришлось принять встречный бой. В боях с танками противника за села Большие Салы и Красный Крым погибло 484 бойца и командира дивизии, но остановить танки она не смогла [5]. Во второй половине 19 ноября немецкие танки прорвались к северо-восточным районам Ростова-на-Дону, а к концу 21 ноября захватили город. Воины 353-й дивизии вели упорные уличные бои и вынужденно отходили. Им удалось удерживать плацдармы у наплавного и железнодорожных мостов и обеспечить отход основных сил армии. Закрепившись на левом берегу Дона, армия не допустила переправы противника через Дон [6].

24 ноября Ставка Верховного Главнокомандования директивой № 005 128 приказала войскам Южного фронта освободить Ростов. 353-я стрелковая дивизия, вошедшая в Восточную группу 56-й армии, с утра 27 ноября перешла в наступление, а к исходу дня ворвалась в Аксайскую. 29 ноября войска 56-й армии освободили Ростов. С 5 декабря фронт армии стабилизировался по восточному берегу реки Самбек. 353-я стрелковая дивизия занимала позиции западнее села Курлацкое [7].

После стабилизации фронта 353-ю стрелковую дивизию передали 18-й армии «с целью усиления ее наступательных возможностей» и перебросили в район Дебальцево. 25 декабря, на католическое Рождество, дивизия перешла в наступление. Началась Чистяковская наступательная операция 9-й и 18-й армий по освобождению Донбасса (Чистяково – ныне Торез). Однако советские войска столкнулись с заранее подготовленной обороной противника. Все атаки дивизии, наступавшей на Петропавловку и Рассыпную, были отбиты, и она отошла на исходные позиции. Линия фронта стабилизировалась и проходила по рекам Северский Донец и Миус [8].

После стабилизации фронта дивизия была выведена в резерв армии в район Фашеевки, где пополнялась личным составом. Затем заняла позиции в районе сел Астахово и Марьевка Свердловского района Донбасса, где и находилась в обороне по 20 июля 1942 года. В мае командиром дивизии был назначен полковник Федор Самойлович Колчук [9]. В протоколах заседания Новороссийского горисполкома за 1941–1942 гг. не имеется упоминаний о шефстве над 353-й стрелковой дивизии, что понятно. Новороссийск являлся центром снабжения Севастополя, а с 1942 г. и Крымского фронта [10]. Поэтому пополнение 353-й дивизии получала из других областей. После боев за Ростов-на-Дону и Донбасс в ней осталось очень мало новороссийцев.

Майское наступление советских войск под Харьковом закончилось неудачей. Противник сумел его остановить, перейти в контрнаступление и к исходу 15 июля прорвать оборону советских войск. Командование 18-й армии получила директиву на отступление. 353-я дивизия отступала последней, прикрывая армию. 24 июля при переправе через Дон 353-я и 395 стрелковые дивизии были оставлены в полосе между станцией Маньчской и селом Кагальник «для предотвращения возможного форсирования реки передовыми частями противника» [11].

После отхода 18-й армии 353-я дивизия была передана 12-й армии, которая отходила с боями на рубеж рек Ея и Куго-Ея и далее, подойдя к 4 августа на рубеж реки Кубань в районе Армавира. Здесь 353-я дивизия, перекрыв дорогу на Майкоп и Туапсе, героически сражалась с противником. 29 сентября 12-ю армию расформировали, передав войска 19-й и 56-й армиям [12]. 353-я стрелковая дивизия вернулась в 56-ю армию, которой командовал генерал-майор А.И. Рыжов, находившуюся в центре Черноморской группы войск. С 3 октября дивизия вела кровопролитные бои на рубеже станиц Ставропольской, Крепостной, Азовской. В ночь на 12 октября 1942 г. она, по приказу командующего фронтом, была срочно переброшена под Туапсе в район сел Георгиевского и Анастасиевки, вошла в состав 18-й армии и заняла оборону на внешнем обводе Туапсинского оборонительного района – на участке Казачий – Анастасиевка и на высотах 1103,1 и Два Брата.

Остановив наступление врага, 18-я армия 23 октября сама перешла в наступление. Части 353-й стрелковой дивизии захватили гору Семашхо и закрепились на ней. До 10 ноября шли непрерывные бои. Частям дивизии пришлось воевать в чрезвычайно тяжелых условиях осенней распутицы. Дул холодный порывистый ветер, шли морозящие дожди, валил крупными хлопьями снег, окопы и землянки наполнялись водой. По ночам начались заморозки, и к утру все покрывалось ледяной коркой, у бойцов не было возможности обогреться и обсушиться. Уже в первые дни боев погибли почти все лошади. Доставку на передовую боеприпасов, продуктов питания и воды выполняли бойцы, которых выделяли из подразделений. Они несли все имущество на себе, карабкаясь по обмерзшим склонам гор. На каждый рейс приходилось тратить до 12 часов. Для заправки станковых пулеметов топили в котелках снег [13].

26 ноября, вслед за войсками Сталинградского фронта, войска 18-й армии перешли в наступление. 353-я стрелковая дивизия на горе Семашхо и юго-восточнее на безымянных высотах упорными и настойчивыми действиями систематически и последовательно уничтожала противника, выбивая его из укрытий в скалистых горах. Только 3 декабря части дивизии отразили 13 вражеских контратак. К 17 декабря в результате решительных действий частей 353-й и 383-й стрелковых и 83-й горнострелковой дивизий и 165-й стрелковой бригады семашхская группировка противника была ликвидирована, а ее остатки отброшены за реку Пшиш. Была устранена угроза прорыва немецко-фашистских войск к Туапсе [14]. За боевые успехи на Туапсинском направлении более 350 бойцов, командиров и политработников дивизии были награждены орденами и медалями, а 1149-й полк – орденом Красного Знамени [15].

12 января 1943 г. противник начал отводить свои войска с Северного Кавказа. Обнаружив это, части 18-й армии немедленно начали преследование. 353-я стрелковая дивизия наступала в направлении на станцию Хадыженскую – ключевой транспортный узел, которую освободила 24 января. К 26 января соединения 353-й стрелковой дивизии и 40-й мотострелковой бригады при взаимодействии с 46-й армией освободили Нефтегорск, Апшеронск и Майкоп [16]. К 4 февраля бойцы 353-й дивизии вышли к реке Кубань. Немецкие саперы

во многих местах взорвали ледяное покрытие реки. Бойцы переправлялись на берег реки по непрочному льду небольшими группами и сходу вступали в бой за Старокорсунскую. Только после переправы всех частей дивизии станица была освобождена [17].

Дальнейшее наступление 18-я армия повела на Краснодар. 353-я дивизия освобождала поселки Энем и Яблоновский. После освобождения Краснодара 11 февраля 1943 г. 18-ю армию расформировали и 353-ю дивизию вернули в 56-ю армию [18]. Перед 56-й армией была поставлена задача по освобождению станицы Абинской. 353-я дивизия должна была наносить удар на правом фланге армии между станицами Троицкой и Абинской. В результате двухдневных боев прорвать оборону противника в районе Абинской не удалось. Начались долгие и упорные бои по прорыву «Голубой линии» [19].

30 мая 1943 г. Ф.С. Колчук, ставший генералом, покинул дивизию. Его сменил полковник А.И. Мельников, а с 19 июня дивизией стал командовать полковник П.И. Кузнецов. В августе 1943 г. дивизию перебросили на Юго-Западный фронт, с 20 октября 1943 г. – 3-й Украинский, в состав 46-й армии. Она принимала участие в Донбасской стратегической операции, в боях под Мерейфой, южнее Харькова. В селе Магдалиновка Днепропетровской области на братской могиле был установлен мемориал павшим при ее освобождении воинам 353-й стрелковой дивизии. Знамя дивизии хранится в Днепропетровском историческом музее им. Д.И. Яворницкого [20]. В боях в Донбассе и на Днепропетровщине дивизия пополнялась местными жителями, перенесшими оккупацию. Времени для их подготовки не было, молодых бойцов бросали в атаку наравне с обстрелянными бойцами. Многие погибли в нескольких километрах от своего дома.

В октябре 1943 г. 353-ю стрелковую дивизию ввели в состав 6-го гвардейского стрелкового корпуса, переданного 46-й армии из 1-й гвардейской армии. Дивизия была выведена на плацдарм у села Аулы под Днепродзержинском. 23 октября она начала наступление на Днепродзержинск, а 195-я стрелковая дивизия одновременно – переправу через Днепр, окружая город. 25 октября Днепродзержинск был освобожден. Приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 25 октября 1943 г. 353-й дивизии было присвоено наименование Днепродзержинская. В 22 часа в Москве прозвучал салют *«нашим доблестным войскам, освободившим города Днепропетровск и Днепродзержинск, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий»* [21].

После освобождения Днепродзержинска 353-я дивизия продолжила наступление, продвинувшись в течении ноября и первой половины декабря на 75 км от города, захватила восточную часть села Софиевка, но была остановлена противником. Фронт стабилизировался до 1 февраля 1944 г. В этот день началась Никопольско-Криворожская операция. 353-я дивизия наступала из района села Софиевка на Апостолово и далее на Кривой Рог, выйдя к нему к 21 февраля. Воинам дивизии пришлось преодолевать упорное сопротивление войск 58-го танкового корпуса врага, отбивая многочисленные танковые атаки противника.

22 февраля Кривой Рог был освобожден. В этот же день войскам, участвовавшим в его освобождении, приказом ВГК была объявлена благодарность и в их честь дан салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий, а 353-я стрелковая дивизия была награждена орденом Красного Знамени [22].

В ходе дальнейшего наступления 6-й гвардейский корпус форсировал реку Ингулец и трое суток вел тяжелые бои по удержанию плацдарма. Первой в новое наступление перешла 353-я дивизия. 11 марта корпус овладел городом Ингул и был временно передан 8-й гвардейской армией для прикрытия правого фланга конно-механизированной группы под командованием генерала И.А. Плиева. Вместе с кавалеристами бойцы дивизии освобождали Николаевскую область, города Новый Буг и Новую Одессу. 21 марта 353-я дивизия была подчинена 37-й армии и в ее составе находилась до конца войны. С 19 ноября 1944 г. и до конца войны ею командовал полковник Н.З. Карманов. Дивизия форсировала Южный Буг, участвовала в Яско-Кишиневской операции, освобождала Одесскую область, Молдавию и Румынию и вышла в Болгарию, где и завершила свой боевой путь [23].

Примечания:

1. 353 стрелковая дивизия. URL. <http://bdsa.ru/divizia/divizii-strelkovqie/s-300-sd-po-399-sd/353-strelkovaya-diviziya.html> (дата обращения 14.03.2012).
2. Восемнадцатая в сражениях за Родину. Боевой путь 18-й армии. М., 1982. С. 51–53.
3. Подобед И.М., Комский Б.Г. Когда гремели бои. М., 1983. С. 14–15.
4. Мощанский И.Б. Остановить танки! Битва за Ростов. Операции Южного и Юго-Западного фронтов (29 сентября – 2 декабря 1941 года). URL. <http://lib.rus.ec/b/279415/tead> (дата обращения 5.05.2012).
5. Потеря И. Ростовчанин поднял восстание в лагере смерти, а мама ректора ЮФУ спасала раненых. URL. <http://rostov.kp.ru/daily/24486/642723/> (дата обращения 24.02.2012).
6. Афанасенко В.И. Правда о батареях Оганова. URL. http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m7/0/art.aspx?art_id=155. (дата обращения 14.03.2012).
7. Мощанский И.Б. Указ. соч.
8. Ольховатка декабрь 1941 г. Битва за Донбасс. URL. http://olkhovatka-online.ru/publ/olkhovatka_dekabr_1941g_bitva_za_donbass/1-1-0-166 (дата обращения 19.04.2012).
9. Неожиданным и страшным было сообщение о начале Великой Отечественной войны для жителей нашего города и района. URL. <http://svk.gov.ua/ru/news/view/caption/nachalo-voyni> (дата обращения 19.04.2012).
10. Новороссийский городской архив. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 674, 675.
11. Восемнадцатая в сражениях за Родину. С. 107–109.
12. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967. С. 69, 74, 154.
13. Матвеев Ф.С. На рубежах Семашко // В боях за Туапсе. Краснодар, 1988. С. 127.
14. Гречко А.А. Указ. соч. С. 168.
15. Матвеев Ф.С. Указ. соч. С. 132.

16. Салов Г. Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. URL: <http://www.tuapsenews.ru/newspaper/detail/4705/page/3> (дата обращения 15.03.2012).
17. Бодяев Ю. Хроника освобождения динского района от фашистских захватчиков. Пламенные дни и ночи <http://www.tribuna-neo.ru/newspaper/category/44/detail/1381> (дата обращения 17.03.2012).
18. Восемнадцатая в сражениях за Родину. С. 118, 120.
19. Гречко А.А. Указ. соч. С. 330.
20. Днепропетровский исторический музей имени Д.И. Яворницого. Путеводитель. URL: <http://www.virtlibrary.dp.ua/page/histmuseum/histmuseum8.htm> (дата обращения 10.05.2012).
21. Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза: Сб. М., 1975. С. 65–66.
22. Они сражались на Николаевщине. Боевой путь дивизий, защищавших и освобождавших Николаевскую область в 1941, 1944 годах. Николаев, 1995.
23. Там же.

С.Г. Некрасов

33-я ГВАРДЕЙСКАЯ: СЫН ОТВЕЧАЕТ ЗА ОТЦА (две книги об одной дивизии)

В 2015 г. Россия будет отмечать семидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне. В прошлом году мы вспоминали трагическое начало Великой Отечественной – 22 июня 1941 г., а также Ростовскую стратегическую наступательную операцию (17 ноября – 2 декабря 1941 г.), начало советского контрнаступления под Москвой (5 декабря 1941 г.) и другие важные события войны. 2012 г. – это год начала Сталинградской битвы (17 июля 1942 г.), перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом (19 ноября 1942 г.). Несомненно, эту дату будет вспоминать вся страна. Но для жителей Южного федерального округа (особенно Волгоградской и Ростовской областей) данное событие имеет особое значение.

Десятки воинских соединений и объединений принимали участие в данной операции. О многих из них написаны воспоминания военачальников и исторические труды. Каждый из этих трудов несет на себе отпечаток эпохи, в которую он был опубликован. Спустя столько лет после Сталинградской битвы количество работ на данную тему не уменьшается. В настоящей статье рассматриваются две книги, авторы которых никак не связаны и не взаимодействуют между собой: «Моя война» Г.Н. Чухрая [1] и «33-я гвардейская стрелковая дивизия. 1941–1945» Н.А. Курченко [2]. Обе книги посвящены одному воинскому соединению – 33-й гвардейской стрелковой Севастопольской ордена Суворова дивизии. Она одной из первых 17 июля 1942 г. встретила своим передовым отрядом (ПО) части 6-й полевой армии вермахта и приняла бой. Этот бой и положил начало Сталинградской битве [3].

Книги рисуют перед нами не только ход боевых действий, но и показывают поведение человека на войне. Мы видим обычного солдата в бою и во время отдыха в перерывах между сражениями. Также показано взаимодействие солдат и гражданского населения (в большей степени это видно из книги Г.Н. Чухрая «Моя война»).

Авторы описываемых книг связаны с легендарным воинским соединением по-разному. Г.Н. Чухрай является непосредственным участником Великой Отечественной войны и воевал именно в рядах прославленной дивизии. У Н.А. Курченко отец также сражался в годы войны в составе данного соединения, а после ее окончания передал сыну материалы и записки, которые сам не успел опубликовать. Содержание и структуры книг также разнятся. «Моя война» написана скорее в исповедальном стиле и похожа на сборник очерков, посвященных солдатским будням. Содержание очерков часто может быть полемичным, написаны они очень эмоционально (но разве можно отказать в этом такому творческому человеку, как Чухрай?) и вполне способны дать представление о мировоззрении автора книги: *«Рождение в Советской России – не заслуга, но и не грех, в котором нужно покаяться. Это судьба»* [4].

Работа Н.А. Курченко имеет более четкую структуру и опирается на исторические источники. Именно поэтому она может быть названа научным трудом, несмотря на то, что ее писал человек, к науке как таковой не относящийся: *«Книга основана на документах Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО), мемуарах военачальников, исследованиях как советских, так и российских и зарубежных историков. Особое место отводится в книге воспоминаниям ветеранов дивизии – своеобразной коллективной памяти»* [5].

Отчасти противоречит заявленной в вышеназванных книгах точке зрения работа В.М. Домникова под названием «В наступлении гвардия» [6]. Оговорка «отчасти» не случайна. Вопреки появившемуся за последние двадцать лет мнению о том, что труды советской военно-исторической науки и мемуары советских военачальников носят идеологически ангажированный характер, эта работа, как и многие другие, имеет определенную историческую ценность.

Работа Н.А. Курченко в основном акцентирует внимание на боевом пути соединения на юге России. Отчасти это сделано по субъективным причинам – при третьей попытке прорыва Миусс-Фронта, в феврале 1943 г. был тяжело ранен и впоследствии комиссован отец автора книги. Для него война закончилась, но именно с этого времени он стал делать записки, собирать рассказы ветеранов дивизии о военных событиях. В воспоминаниях Г.Н. Чухрая много места (практически 50 % книги) отведено описаниям боев под Сталинградом, при этом показаны и такие острые темы, как предательство, коллаборационизм. Необходимо добавить, что большинство эпизодов даны в пересказе самого автора (повествование о пирожках со стеклом [7], казачьем хуторе, батальная сцена под Раздорами [8]).

Здесь следует вспомнить воспоминания В.М. Домникова: официальная советская историография тоже умела признавать неудачи. В частности он описывает тяжелейшие бои в районе станиц Маньчской и Самодуровки: *«Особенно*

сильно пострадал 84-й полк, переходивший с левого на правый фланг дивизии. Предпринятая 91-м и 84-м полками в ночь на 1 февраля атака не дала результатов. Батальоны, освещенные ракетами, под сильным вражеским огнем залегли, а затем отошли в исходное положение» [9].

Обе рассмотренные книги, написанные фронтовиком и сыном фронтовика, позволяют еще раз взглянуть на отдаленные от нас события с учетом трансформировавшихся под воздействием социальных и культурных перемен последних четверти века сознания и памяти авторов. Несмотря на это, они не изменили своим принципам и представлениям о правде войны. Хорошей основой для продолжения изучения данной темы можно считать воспоминания ветеранов 33-й гвардейской стрелковой дивизии и их потомков (детей, внуков, правнуков), включенные отдельными главами в книгу Н.А. Курченко [10].

Примечания:

1. Чухрай Г.Н. Моя война. М., 2001.
2. Курченко Н.А. 33-я Гвардейская стрелковая дивизия. 1941–1945. Волгодонск, 2010.
3. Самсонов А.М. Сталинградская битва. 4-е изд., испр. и доп. М., 1989. С. 161–162.
4. Чухрай Г.Н. Указ. соч. С. 5.
5. Курченко Н.А. Указ. соч. С. 5.
6. Домников В.М. В наступлении гвардия: очерк о боевом пути 2-й Гвардейской армии. М., 1971ю
7. Чухрай Г. Н. Указ. соч. С. 186.
8. Там же. С. 187.
9. Домников В.М. Указ. соч. С. 122.
10. Курченко Н.А. Указ. соч. С. 169–172, 173–179.

Н.Ф. Бугай

КУБАНСКИЕ КАЗАКИ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ¹

Развитие железнодорожного транспорта в Краснодарском крае в 1941–1945 гг. относится к актуальным проблемам истории Великой Отечественной войны. Однако историография данной проблемы крайне скудна. О ней содержатся упоминания в ряде работ обобщающего и специального характера [1]. В последние годы внимание к проблеме снизилось, так как трудовой подвиг

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

советского народа в годы Великой Отечественной войны перестал привлекать внимание исследователей. Указанные вопросы затрагивают лишь отдельные исследователи, изучающие события 1941–1945 гг.

Имеющиеся в распоряжении исследователей источники носят разнообразный характер. В основном, это постановления Государственного комитета обороны и Совета народных комиссаров СССР, касающиеся преобразований на транспорте в условиях военного времени и строительства новых участков железных дорог и другие документы с грифом «Секретно».

Накануне войны у советского руководства сложилось понимание необходимости освоения различных регионов страны, включая и Краснодарский край. Многие его районы, особенно в северо-западной части, нуждались в соединении с железнодорожной магистралью, соединявшей юг с центром страны. Это существенно расширило бы их связь с индустриальными центрами, а также улучшило общее стратегическое положение. В 1941 г. начались подготовительные работы по прокладке железнодорожного пути по территории Таманского полуострова в направлении порта «Кавказ». Руководить созданием насыпной дамбы для железнодорожного полотна по рекомендации Темрюкского районного совета депутатов трудящихся был направлен управляющий 6-го отделения колхоза «Красный Октябрь», по происхождению кубанский казак Василий Прокофьевич Стрижак. Основную массу рабочих составляли жители предполагаемых железнодорожных станций – достаточно крупных по численности населения казачьих станиц Старотитаровской, Вышестеблиевской, Фонталовской, Тамани. Ежедневно станция Старотитаровская отправляла на земельные работы 130–150 мужчин и женщин. В их числе были известные в станице казаки и представители иногородних – Г. Коваленко, Я.Т. Голуб, Н.Н. Маслов, Н. Сирота и многие другие. Самыми распространенными инструментами на строительстве являлись лопата, лом и кирка.

Постепенно возведение дамбы превратилось в ударную стройку. Подготовленный проект был полностью реализован, но до морского порта Кавказ оставалось еще большое расстояние. Группа строителей под руководством В.П. Стрижака подготовила проект продолжения работ. Объединенная комиссия, состоявшая из опытных работников-строителей железных дорог из Москвы, Краснодара и Темрюка, высоко оценила проект и проделанную работу. За проявленную смекалку, находчивость и трудовой энтузиазм многие участники были премированы драгоценными подарками, а коллектив строителей удостоен Красного Знамени. В.П. Стрижак был награжден Почетной грамотой и получил в качестве премии 10 пар хромовых сапог, 5 пар галош, 100 м вельвета и 100 м батиста. Ему предложили отправиться на учебу в Москву.

В казачьем музее станицы Старотитаровской сохранились несколько фотодокументов о строительстве железнодорожной ветки Крымск – Кавказ, возводившейся фактически руками казаков станиц полуострова. Начало войны поломало все планы, и строительство приостановилось. Однако вскоре правительство вернулось к этому вопросу. ГКО 13 апреля 1942 г. принял специальное постановление о продолжении строительства железнодорожной ветки

длиною в 165 км от станции Крымской к Керченскому проливу. Но реализовать его не позволили стремительно развивавшиеся события военного времени. Уже к концу сентября 1941 г. Северо-Кавказская железная дорога стала прифронтовой, а с октября 1941 г. по сентябрь 1943 г. она частично действовала в условиях немецкой оккупации. Тем не менее, в 1942 г. был сдан в эксплуатацию участок Кизитеринка – Батайск в 17 км, построено 48 км дороги Адлер – Бзыбь. Все эти участки имели стратегическое значение, и Ставка Верховного Главнокомандования держала под своим контролем их строительство.

В период оккупации противником Кубани немецкое командование мобилизовало на строительство железной дороги на Таманском полуострове жителей казачьих станиц района, особенно молодежь. Варвара Петровна Образ вспоминала: *«Мы же все тогда были молодыми, сколько мне было – только 25 лет. Нас всех в основном женщин, мужчины были ведь на фронте, и молодых парней, оставшихся в станице, сгоняли на эту стройку. Неявка могла закончиться расстрелом. Все были запуганы... Вот так строилась эта дорога»* [3].

Железная дорога, соединившая станицу Старотитаровскую с другими транспортными артериями страны в апреле 1943 г., стала составной частью разветвленной сети военно-полевых дорог противника. Был спроектирован и мост через Керченский пролив, доставлены необходимые для него конструкции, но установить их не удалось. В октябре 1943 г. немцы под ударами Красной армии покинули Таманский полуостров. После освобождения Таманского полуострова и Керчи мост все же установили, однако инженерные ошибки привели к тому, что он был уничтожен стихией.

Уходя с Кубани, захватчики нанесли большой ущерб Северо-Кавказской железной дороге. В 1944 г. была введена в эксплуатацию железнодорожная ширококолейная линия Крымская – Старотитаровская. Подвижной состав дороги насчитывал: 23 паровоза, 86 тепловозов, 598 четырехосных и 513 двухосных вагонов. В 1944 г. были также ведены в строй 129 км дороги Крымская – Тамань – Кавказ. Железнодорожное сообщение между отдельными населенными пунктами на самом полуострове осуществляли главным образом узкоколейки: Варениковская – Старотитаровская – Тракторный – Фонталовская – Ильич – Кавказ; Тракторный – Тамань; Фонталовская – Темрюк. Общая протяженность железнодорожных путей к 1945 г. составила 212 км.

Полностью восстановить разрушения удалось лишь в годы четвертой пятилетки (1946–1950). В 1947 г. восстановительные работы были завершены, а в 1949 г. вошла в строй новая железнодорожная ветка, которая соединила Темрюк с магистралью Краснодар – Порт Кавказ. Позже, в 1954 г. вступил в число действующих и участок железной дороги от Старотитаровской до Кавказа. Узкоколейки в послевоенное время пришли в полную негодность. В 1956 г. железнодорожная ветка была частично «перешита», узкоколейки разобраны самим населением.

До этого, по указанию Совета Министров СССР, были разработаны технический проект и смета строительства моста через Керченский пролив. Существовало несколько его вариантов. Северный проходил от станции Кавказ

через мыс Фонарь на станцию Маяк. Южный (Тузлинский) предусматривал прокладку коммуникаций от мыса Гадючий до мыса Ак-Бурун на Керченской стороне. Была проложена даже часть железнодорожной ветки к станции Тамань, но стройку вскоре пришлось прекратить. Предпочтение было отдано Еникалинскому варианту создания паромной переправы. Железнодорожная станция Старотитаровская в этой ситуации рассматривалась как базовый, тыловой пункт обеспечения фронта работ.

В начале февраля 1948 г. заместитель Председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия доложил И.В. Сталину об окончательном решении. Для реализации проекта требовалось 35 млн руб. Были улажены все противоречия, возникшие в ходе обсуждений проектов и начала работ, установлены их сроки. В короткие сроки в проливе сооружались два острова. 18 мая 1949 г. Совет Министров СССР принял секретное постановление № 1935–728 с «О строительстве моста через Керченский пролив» в котором обязал Министерство финансов СССР выделить дополнительно 50 млн руб. Крымский обком, Краснодарский крайком ВКП(б) и исполкомы обязывались оказывать Министерству путей сообщения СССР всемерную помощь в строительстве моста через Керченский пролив как одной из важнейших строек [2].

Однако судьба подготовленного проекта и его воплощение в жизнь складывались неудачно. Реализация столь дорогого сооружения для государства была отодвинута на длительное время. Продолжалась эксплуатация имевшейся дорожной магистрали. Весной 1955 г. была открыта железнодорожная переправа. На крымском берегу, северо-восточнее Керчи, построена железнодорожная станция Крым, а на Кавказском берегу, на косе Чушка, сооружена железнодорожная станция Кавказ. В результате заметно улучшились транспортные связи между Украиной и РСФСР, Краснодарским краем и Крымом.

С начала 1990-х гг. в связи с прекращением функционирования паромной переправы через Керченский пролив, железнодорожное пассажирское сообщение постепенно прекратилось вследствие изношенности портового оборудования и самих средств перевозки – паромов. В конце 1990-х гг. был озвучен новый грандиозный проект о строительстве железнодорожной ветки Темрюк – Туапсе – Новороссийск. Это было связано со сложными переговорами между Россией и Украиной об условиях пропуска судов через Керченский пролив. Однако участок Анапа – Тоннельная оказался весьма сложным (решение о прокладке железнодорожной ветки на этом участке рассматривалось впервые еще в 1915 г.).

Таким образом, начатое накануне Великой Отечественной войны строительство транспортных железнодорожных коммуникаций было продолжено в сложной экстремальной обстановке военного времени. В 1941–1945 гг. на Северо-Кавказской железной дороге формировались воинские эшелоны с оружием, боеприпасами, продовольствием, продолжали строиться новые участки, в том числе и в Краснодарском крае. В послевоенное время строительство продолжилось. В нем неизменно участвовали кубанские казаки. Многие из жителей казачьих станиц района в послевоенное время работали на железной

дороге, стали путейцами, прокладчиками и ремонтниками, окончили курсы водителей паровозов, действовавших тогда марок и систем. С 1940-х гг. в Старотитаровской сложились целые рабочие династии железнодорожников А. Беленцова, П. Гордеева, А.В. Заики и многих других.

Примечания:

1. Материалы по истории Северо-Кавказской железной дороги. Ростов н/Д, 1957; Юфит М.В. Трудовой подвиг железнодорожников Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 1975; Куманев Г.А. Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938–1945 гг.). Дисс... д-ра ист. наук. М., 1978; Ковалев И.В. Транспорт в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. М., 1981; Косович С.С., Филимонов А.М. Советские железнодорожники: военно-исторический очерк. М., 1984; Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1987; Селюнин В.А. Промышленность и транспорт юга России в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Дисс... д-ра ист. наук. Ростов н/Д, 1997; Железнодорожный транспорт. Энциклопедия. М., 1994; Серебряков Н.В. Железные дороги войны. М., 2005 и др.
2. Довгая Л. Когда ветер подует с востока, с головы он косынку сорвет... URL: http://www.bmw2.ru/kogda-veter-poduet-s-vostoka_0.html.
3. ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 53. Д. 572. Л. 28–29.

В.И. Чуцков

НАРОДЫ-ПОБЕДИТЕЛИ В БОЯХ НА ТЕРРИТОРИИ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В дни нападения фашистской Германии и ее союзников на СССР 22 июня 1941 г. все население страны объединилось в единое сообщество – советский народ. К этому времени в стране сформировалась политическая система, при которой все народы советского государства становились братскими с едиными правами и обязанностями.

Адольф Гитлер, обрушив всю мощь германской армии на СССР, рассчитывал получить активную поддержку националистических сил внутри нашей страны. Оккупационные власти на захваченных территориях стремились к созданию национальных воинских, полицейских подразделений из числа лиц, симпатизировавших новой власти и подвергавшихся репрессиям со стороны большевистского режима. Есть факты, подтверждающие существование таких воинских частей и подразделений. Но все они имели единичный характер и не могли существенно повлиять на ход боевых действий.

Опираясь на мощную идейно-политическую систему, советское руководство во главе с Иосифом Сталиным смогло сплотить все народы СССР для борьбы

с внешним врагом. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал единым для всех. Национальное и социальное единство всех наций и народов СССР, всех социальных групп, классов, слоев советского общества в борьбе с Германским фашизмом является одним из основных источников Победы. Основными составляющими компонентами массового сознания и общественных настроений основной части советского общества были беспримерный патриотизм всех социальных слоев, героизм на фронте и в тылу, интернационализм, отсутствие любых проявлений ксенофобии, взаимопомощь, милосердие, гуманизм.

Развернувшиеся сражения Великой Отечественной войны на Северном Кавказе, в том числе и на территории Ростовской области, показывают примеры героизма и самопожертвования представителей различных народов советского государства. Так, в годы войны в Матвеево-Курганском районе Ростовской области шли жестокие сражения с фашистскими захватчиками. Сейчас на высотах и в селах много обелисков в честь воинов-героев. Они возведены из бетона, стали, мрамора. Но есть в тех местах памятник, на который не затрачено ни грамма металла, ни копейки денег. Он живой, зеленый. Издали в поле возле села Рясное было видно развесистое дерево. Оно стояло у застывшего старого окопа, окруженного оградой. На ограде табличка «Солдатское дерево снайпера 1137-го Ростовского полка 339-й стрелковой дивизии Хамзета Капова. Охраняется пионерами села Рясное».

Восточнее села до войны была каменоломня. Весной и летом 1942 г. в ней занимала оборону рота автоматчиков. Часто завязывались схватки с гитлеровцами. Все вокруг было разворочено, перепахано снарядами и минами. Среди бурого каменного крошева зеленел лишь один ветвистый куст, он рос левее окопа бойца-черкеса Хамзета Капова. По листьям Капов определил: это шелковица, такие росли и в его ауле. Ночами Капов пробирался к ручью, протекавшему в балке, которая простреливалась. Возвращался всегда с котелком воды и выливал ее на куст.

Капов в роте был снайпером. Лучшей позицией считал он бугорок у куста: с него хорошо просматривались брустверы немецких окопов. Около двух десятков гитлеровцев уничтожил Капов, получил благодарность командования пока. Был награжден именной снайперской винтовкой. Но однажды противник обнаружил позицию снайпера. С того дня бугорок с деревом буквально засыпало минами, а рядом находился командный пункт, строился из сборных деталей дот, хранились боеприпасы. Куст как бы притягивал к ним вражеский огонь. Командир приказал подрезать саперной лопатой шелковицу, чтобы убрать этот ориентир для противника. Но боец Капов, пожалев дерево, не срубил его, а низко пригнул и заложил камнями. Для фашистов оно стало обычным бугорком, похожим на множество соседних.

Позднее начались бои за Ростов. Капова тяжело ранило, он был отправлен в госпиталь. После войны Хамзет Лялулович жил в Черкесии, в ауле Старокувинском, работал чабаном, а в дни праздников Победы приезжал с однополчанами в места, где воевали на Миусе, под селом Рясное, и здесь их встречала фронтовая знакомая – шелковица.

Шло время, учащиеся школы села Рясного к 65-летию со дня Великой Победы решили посадить молодую шелковицу, сделали оградку и табличку. И вновь стоит живой зеленый памятник в честь воинов-героев Великой Отечественной войны, сражавшихся на Миусской земле.

В этих же местах в 1942 г. в составе 7-й роты 71-го стрелкового полка 30-й Иркутской дивизии воевал политрук Григорий Иванович Гардеман, еврей по национальности. Его рота ворвалась в линию вражеских окопов. Противник всячески пытался вернуть утерянные позиции. Из роты Гардемана в живых оставалось 13 чел. Немцы бросили против них 9 танков при поддержке пехоты. Не имея артиллерии, бойцы гранатами и бутылками с зажигательной смесью остановили 3 танка. Когда к окопу Гардемана подошел немецкий танк, он последней гранатой подорвал его и сам получил смертельное ранение. Указом от 31 марта 1942 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В составе сводных поисковых отрядов «Рысь» (руководитель – А.Л. Жуков) и «Миус-Фронт» (руководитель – А.Ю. Кудряков) автору довелось лично участвовать в поисковой вахте в районе бывшей каменоломни у села Рясное. Везде на прилегающих полях виднелись осколки от немецких снарядов и мин. В окопах, где держали оборону наши солдаты, находилось очень много пустых ящиков из-под патронов, и совсем не было целых боеприпасов. Это говорит о том, что наши солдаты сражались здесь до последнего патрона. Во время проведения поисковой вахты памяти в этих местах, обильно политых кровью наших бойцов, настоятель прихода св. Георгия Победоносца г. Ростова-на-Дону протоиерей Валерий Волощук совершил молебен по погибшим воинам.

В марте 1942 г. у села Ряженое в Таганрогской наступательной операции участвовал житель г. Ростова-на-Дону армянин Яков Еремович Джелаухов. В должности командира отделения пулеметного взвода он со своими солдатами прикрывал атаку курсантов мореходных училищ на Миусские высоты. В этих боях был ранен, получил контузию. Войну закончил в Австрии. Во время личной встречи при посещении Донского военно-исторического музея ветеран поделился своими воспоминаниями о тех трагических днях.

В августе 2008 г. в Куйбышевском районе Ростовской области в ходе поисковых мероприятий были обнаружены останки немецких солдат с явными признаками гибели от снайперского огня. Обследуя прилегающую местность, поисковики нашли огневую точку нашего бойца. В одиночном окопе лежали останки красноармейца, рядом с ним была найдена снайперская винтовка с оптическим прицелом. По найденной при нем медали «За отвагу!» удалось выяснить, что ей был награжден рядовой Меркулов Василий Яковлевич. Русский по национальности, он был призван на фронт из Рязанской области. Участвовал в Сталинградской битве, где в одном бою уничтожил 18 военнослужащих противника. Здесь, на Миусских высотах, прикрывая наступление 148-го гвардейского стрелкового полка, сделал около 100 выстрелов из одной стрелковой ячейки. О количестве убитых врагов можно только догадываться. Три немецких мины попали в его окоп. Поисковиками были найдены родственники героя, и он был с честью погребен у себя на родине – в Рязанской области, рядом с могилой жены, которая ждала его до самой смерти.

По фактам из жизни снайпера В.Я. Меркулова Донским военно-историческим музеем (директор – И.Ю. Стреляев) была проведена военно-историческая реконструкция, создан документальный фильм; мною написана песня «Баллада о снайпере»; украинским поэтом Константином Фроловым-Крымским – Обольшое стихотворение «Миусский рубеж»; учащимися средней общеобразовательной школы села Куйбышево создана тематическая презентация. На средства фирмы ООО «Родос» (директор – Ю.Д. Сыркин) при поддержке общественных организаций был установлен поклонный крест недалеко от места гибели героя с перечислением всех воинских частей, участвовавших в прорыве Миус-фронта на этом рубеже.

При проведении военно-патриотических мероприятий, на творческих встречах в рамках программы «Вахта памяти воинской славы», организуемых Ростовским духовно-патриотическим центром св. Георгия Победоносца в учебных заведениях, воинских частях, трудовых коллективах подробно рассказывается о подвигах наших воинов в годы Великой Отечественной войны. Жизни этих людей сложились по-разному. Кто-то погиб на полях сражений, кому-то довелось дожить до Победы, но судьбы всех этих людей объединил Миус-фронт, бои на Донской земле. Подвиг, совершенный нашими солдатами и офицерами, защищавшими Родину от врага, служит для нас примером тесной братской дружбы всех народов нашей страны – великой многонациональной России.

Ю.Г. Бич

ВОЕННО-ПРИКЛАДНЫЕ ТРАДИЦИИ КАЗАЧЕСТВА ЮГА РОССИИ НА РАТНОЙ СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

Защита России всегда была одной из основных обязанностей казачества. Казачьи подразделения прославили себя во всех Отечественных войнах. После создания в 1860 г. Кубанского казачьего войска и включения его в общую систему организации всей русской армии, были установлены и определенные требования в отношении форм и методов военного обучения казаков. Хорошая физическая подготовка этой части российского населения являлась жизненно необходимой. В приказе командующего Кавказской армией за 1854 г. говорилось: *«Малолетков как можно ранее приучать владеть оружием, смело скакать и джигитовать; едва выходя из детского возраста, они пусть заблаговременно обзаводятся надежными лошадьми и исправным оружием»* [1].

Все это нашло отражение в обрядах жизненного цикла казачьего населения Кубани. Уже на сороковой день после рождения отец сажал казачонка на коня и цеплял на него саблю, а возвращая матери, приговаривал:

«*Вот тебе казак*» [2]. С 3 лет мальчика обучали верховой езде. С 7 лет дети занимались выпасом лошадей. Скачки со стрельбой были непременным атрибутом казачьей свадьбы. Зачастую в праздничных станичных скачках принимали участие не только юноши, но и девушки, которые демонстрировали высокие силовые способности, замечательные навыки в верховой езде и джигитовке.

Начиная с 1909 г., когда атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант М.П. Бабыч утвердил проект казачьих состязаний, в станицах Кубани стали проводить регулярные скачки молодежи. В них участники соперничали в джигитовке, рубке, военизированном беге с преодолением препятствий: канавы, земляного рва, плетня и дощатого забора [3].

К началу XX в. джигитовка, как военно-прикладной вид, достигла расцвета. В энциклопедическом словаре данный термин определяется следующим образом: «джигитовка (от тюркского «джигит» – искусный и отважный всадник) – упражнения на скачущей лошади у народов Кавказа, Средней Азии, Казахстана, у донских казаков» [4]. В 1898 г. в практическом пособии по джигитовке для казачьих войск Российской империи отмечалось: «*Джигитовка кроме смелости дает уверенность в себе, приучает к находчивости; она делает кавалериста легким... это лучшая школа для развития не только тела кавалериста, но главное – духа*» [5]. Популяризации джигитовки на Кубани способствовали регулярные контакты с адыгами. «Черкесская джигитовка постепенно входила в станичный быт», – писал дореволюционный историк К.К. Абаза [6]. На станичных скачках – от Тамани до Баталпашинска во время джигитовки казаки рубили лозу, глиняные чучела, пронзали острием кольцо на столбе, стреляли из огнестрельного оружия по мишеням и подкидываемым вверх предметам.

После революционных событий в станицах долго обсуждался вопрос о казачьих традициях. Вместе с устаревшими, обусловленными сословной замкнутостью, были отброшены и хорошие, полезные военно-прикладные традиции казаков. Первым на защиту казачьих традиций стал М.И. Калинин. В 1920 г. он заявил: «*Трудовая казачья масса таит в себе огромный запас... тех самых качеств, которые более всего нужны трудовому населению в наше трудное для строительства нового общества время. Поэтому желательным является... сохранение бытовых привычек казачества способствующих выработке таких качеств*» [7].

В 1920-х гг. кавалерия оставалась ведущим родом войск. Нелегко было служить в ней призывникам Вятки, Новгорода, Петрограда, Тамбова, Астрахани. Они «сбивали коням холки от неудалой посадки, отхватывали им уши шашками при учебной рубке лозы, падая, всадники ломали себе ребра» [8]. Именно поэтому С.М. Буденный потребовал призвать в кавалерию молодняк казачьих областей. В 1925 г. он посетил Уманские лагеря – старый военный учебный центр конницы Кубанского казачьего войска. В 1920–1930-е гг. здесь находилась база советской конницы: на военные сборы каждый год съезжались на своих конях в полной форме молодые казаки. Под руковод-

ством кадровых военных проходили месячные учения, молодежь готовилась к кавалерийской службе. Буденный провел смотр 12 эскадронов, придирчиво проверил боевую и политическую подготовку и подвел итог на митинге: «*Территориальное строительство конницы на Северном Кавказе несомненно живо*» [9].

Неминуемость предстоящих военных действий заставила правительство вспомнить о славном российском казачьем воинстве. В 1936 г. был восстановлен воинский хор казаков. В апреле того же года сняты ограничения по службе казаков в РККА, созданы Донская и Кубанская казачьи дивизии. Летом в Ростове-на-Дону состоялся грандиозный праздник советского казачества, с конными играми на ипподроме. В Белоруссии проведены военные маневры всех родов сухопутных войск, где казачьи дивизии учились современной войне.

На Северном Кавказе всячески поощрялся интерес молодежи к конному спорту. Комсомольско-молодежные бригады вышли с инициативой организации движения «Ворошиловских кавалеристов». В 1935–1936 гг. в Азово-Черноморском крае было создано 600 конноспортивных кружков, в которых занимались более 3 тыс. чел. В Ставропольском крае было организовано более 100 комсомольских учебно-строевых подразделений кавалерии при советах ОСОАВИАХИМа промышленных предприятий, МТС и совхозов, не менее 400 конноспортивных кружков при первичных организациях Осоавиахима. Руководителями кружков становились демобилизованные красноармейцы-кавалеристы. Между клубами «Ворошиловских кавалеристов» и военно-спортивными кружками устраивались соревнования.

Весной 1936 г. в Пятигорске прошел грандиозный народный праздник в честь приезда казаков Дона и Кубани. В Наурском районе летом состоялся специальный конноспортивный пробег и стрелковые соревнования, в которых участвовало 420 чел. [10]. Газета «Большевицкая смена» в 1937 г. опубликовала обращение ко всем кавалерийским клубам: «*Казаки Дона и Кубани! Подготовим 10 тысяч ворошиловских всадников*». Молодежь откликнулась на этот призыв. Интересный опыт накопили комсомольские организации Калниболотского района. Для подготовки резерва кавалерийских частей в станциях создавали конные группы, которые затем объединили в сотню 112 всадников. В селе Джигута на Ставрополье развернули соревнование за выращивание боевого коня и подготовку всадников среди молодежи края. К 1 января 1940 г. было подготовлено 2 200 всадников [11].

По инициативе комсомольцев колхоза «Донской скакун» началось движение «Ворошиловских кавалеристов» в Ростовской области. Результатом большой работы по возрождению традиций конного спорта стали победы в спортивных соревнованиях. На всех всесоюзных спортивных состязаниях в 1936, 1939 и 1940 гг. команды краев и областей Северного Кавказа занимали лучшие места и награждались переходящими красными знаменами Центрального совета Осоавиахима. В 1940 г. команда Краснодарского края завоевала 8 первых, 6 вторых и 6 третьих индивидуальных призов.

В довоенное время развитие физической культуры шло в рамках оборонно-массовой работы. Развивались прежде всего прикладные виды спорта, такие, как стрельба, плавание, конный и авиационный спорт. В стране удалось создать привлекательный образ воинской службы для молодого поколения. Этому способствовала пропаганда боевых традиций, как русской, так и советской армии периода Гражданской войны и интервенции, воспитание чувства гордости за Отечество. Все это в целом поднимало дух советских людей в тяжелое противоречивое довоенное время. На Кубани широко распространились патриотические рассказы о кубанской «кавалер-девице Дуровой» – Елене Чоба, которая ушла воевать в казачьей одежде вместо погибшего мужа, о летчике Ткачеве, блестящих офицерах русской армии, воевавших на Кавказе, о декабристах, сосланных на Кавказ и др.

В работе по подготовке кавалеристов удачно сочетались исторически сложившиеся традиции кубанского населения и потребности Красной армии в достойном пополнении. Поэтому казаки Северного Кавказа, во взаимодействии с другими родами войск, проявляли высокий патриотизм, стойкость и мужество в годы Великой Отечественной войны. Взятый в плен под хутором Чернышевым в октябре 1942 г. немецкий офицер заявил: *«я вижу, что мы не поняли душу русского казака и не учли тех двадцати пяти лет, которые сформировали характер новых казаков»*. В найденном под Москвой дневнике немецкого офицера говорилось: *«Перед нами стоят казаки, это не люди, а черти. И кони у них стальные. Живым отсюда уже не выбраться»* [12]. Свидетельства врага как нельзя лучше характеризует патриотизм советского казачества, проявленный в борьбе по защите Родины.

Есть надежда, что на современном уровне возродится оригинальная и самобытная система воспитания российских казаков. Вот, например, какой физической подготовленностью должен обладать современный казак-воин: преодолеть кросс в 10 км, 50 раз отжаться и около 20 раз подтянуться на перекладине. 30 июня 1990 г. образован Союз казаков России, принят его Устав, избран атаман. Своей целью Союз провозгласил «возрождение политической, культурно-просветительской, духовной и хозяйственной самобытности казачества» [13]. Самобытность казачества не мыслится без хорошей спортивно-физической подготовки.

Примечания:

1. Ламонов А.Д. Исторический очерк о заселении станицы Кавказской Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1914. С. 29.
2. Абаза К.К. Казаки: донцы, уральцы, кубанцы, терцы: Очерки из истории и стародавнего казацкого быта для чтения в войсках, семье и школе. СПб., 1891. С. 26.
3. Берлизов А. На сажень быстрее ветра. Краснодар, 1989. С. 45.
4. Энциклопедический словарь. М., 1982. С. 384.
5. Цит. по: Александров С.Г. Физическое воспитание детей и молодежи Кубанского казачества (середина XIX – начало XX вв.). Краснодар, 1999. С. 51.

6. Абаза К.К. Указ. соч. С. 35.
7. Берлизов А. Указ. соч. С. 45.
8. Там же. С. 29.
9. Буденный С.М. 1-я Конная. М., 1938. С. 36.
10. Рубан М.Л. История физической культуры и спорта на Кубани. Краснодар, 1994. С. 21.
11. Документы и материалы по истории Краснодарской организации ВЛКСМ. Краснодар, 1978. С. 85.
12. Признание врага. Разгром немцев под Москвой. М., 1943. С. 47.
13. Голощанов Б.Р. История физической культуры и спорта. М., 2001. С. 215.

РАЗДЕЛ 2 БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ, ОККУПАЦИЯ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ПРОТИВНИКУ НА ЮГЕ РОССИИ

С.В. Януш

О ВОПРОСАХ ОККУПАЦИИ, СОПРОТИВЛЕНИЯ И КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМА, ВОЗНИКАЮЩИХ В ИЗУЧЕНИИ БИТВЫ ЗА КАВКАЗ

Сложность написания истории Великой Отечественной войны состоит в том, что она чрезвычайно многомерна, противоречива. Поэтому бессмысленно устанавливать какие-то пропорции негативного и положительного в ее изображении. История войны не должна писаться с жестко заданных идеологических, тем более с националистических позиций. Только объективный подход позволяет раскрыть не только героизм и мужество партизан, но и факты коллаборационизма на Северном Кавказе. Нельзя отрывать от военных событий и акции по высылке ряда народов региона в Сибирь и Казахстан.

В.М. Молотов в выступлении по радио 22 июня 1941 г., а И.В. Сталин в обращении к народу 3 июля 1941 г. призвали превратить страну в единый военный лагерь, развернуть всенародную борьбу в тылу врага. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 июля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу германских войск» определило характер и содержание всенародной борьбы, наметило меры по организации партизанского движения [1].

Северный Кавказ уже с осени 1941 г. находился в прифронтовой зоне. В течение первого года войны здесь формировались резервы, создавались группы самообороны для борьбы с возможными парашютными десантами противника, сооружались новые оборонительные рубежи. О том, как формировались партизанские отряды в Орджоникидзевском (в настоящее время – Ставропольском) крае, можно судить на основании докладной записки секретаря крайкома партии М.А. Сулова в ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1942 г. [2]. В ней сообщалось: «*Большое внимание крайком ВКП(б) уделил подготовке*

к развертыванию партизанского движения. План организации партизанского движения был разработан и принят крайкомом 22 июля 1942 года [а части 40-го танкового корпуса вермахта вошли в Ворошиловск (в настоящее время – Ставрополь) 3 августа 1942 г. – С.Я.]. В этом плане было предусмотрено организовать партизанские отряды в каждом районе и городе. Помимо этого началось комплектование диверсионно-разведывательных групп и выделение коммунистов и комсомольцев для подпольной работы в тылу врага.

Географические условия края (степь) потребовали особо тщательного подхода к выбору партизанских баз, неуязвимых для оккупантов. Такие базы были намечены в северо-восточных районах края, районах Карачаево-Черкесской области и Кизлярском округе. Для практического осуществления намеченного крайкомом плана размещения партизанских баз, было проведено несколько кустовых совещаний с первыми секретарями РК ВКП(б) и начальниками РО НКВД» [2].

К лету 1942 г. Ставка ВГК поручила первому секретарю Орджоникидзевского крайкома партии М.А. Суслову возглавить подполье и партизанское движение края. Под его руководством Ставропольский комитет обороны создал опорные базы в горах Карачая. Однако продвижение фашистских войск было столь молниеносным, что регулярные воинские части не могли оказать сопротивление немцам и отдали им все перевалы южной стороны Главного Кавказского хребта. Территория Ставропольского края, в том числе Карачаевской автономной области, была оккупирована немецкими войсками.

За несколько дней до вторжения немцев на территорию Ставрополя крайкому партии удалось создать 40 партизанских отрядов численностью 2011 чел. Отряды были разделены на три группы: северная – 11 отрядов (686 чел.), южная – 13 отрядов (441 чел.) и западная – 16 отрядов (834 чел.). Западная группа (6 отрядов Карачаевской автономной области, 6 отрядов Черкесской автономной области и 4 отряда Ставропольского края – Изобильненский, Ново-Александровский, Егорлыкский, Труновский) должна была действовать в горах и лесах Карачая, рельеф которой больше подходил для партизанской борьбы [3].

Будучи руководителем штаба краевого партизанского движения, Суслов находился за пределами дислокации партизан Ставрополя, в городе Кизляре. Естественно, что в этих условиях его роль была скорее символической. Непосредственное руководство партизанскими отрядами осуществляли штабы, созданные крайкомом партии. Группой партизанских отрядов, базировавшихся в Кизлярском округе, руководил штаб во главе с секретарем крайкома ВКП(б) Золотухиным и подполковником Лисицыным. Штаб партизанских отрядов, находившихся в Карачаевской автономной области, возглавлял секретарь крайкома ВКП(б) Храмков. Краевой комитет ВКП(б) также был тесно связан с партизанскими отрядами Кизлярской группы, руководил их деятельностью, привлекал к этому штаб 44-й армии, а связь с партизанскими отрядами в Карачае не была налажена [3].

Необходимо отметить, что партизаны оказались, в прямом смысле слова, в капкане: с одной стороны – Главный Кавказский хребет, где все перевалы

были заняты немцами, с другой – оккупированные противником населенные пункты. Активный участник боев в горах партизан Хамид Лайпанов вспоминал: *«Боевая обстановка в горах была очень сложной. Фашисты стали стягивать крупные силы к подступам Марухского перевала – в долины Аксаут и Маруха. Враг намеревался атаковать Марухский перевал с направления ущелья Маруха и Морх-Баши. В случае если захватчики укрепятся в ущелье Морх, у подножия Марухского перевала и захватят высоты Морх-Баши (последние господствующие над Марухским перевалом склоны), то тогда почти невозможно будет отстоять Марухский перевал»*. Поэтому командование приняло решение занять подступы к Марухскому перевалу. 27 августа 1942 г. приказы по штабам 808-го и 810-го стрелковых полков РККА определили их основные боевые задачи: во-первых, внезапно занять Морх-Баши и укрепиться здесь. Во-вторых, занять в Аксаутской долине Шеелитовый рудник. В-третьих, отдельным подразделениям наступать по Тебердинской долине и занять Гоначхир. По словам Х. Лайпанова: *«Многие воины погибли в этих боях»* [4].

Уникальность ситуации заключалась в том, что партизанам зачастую приходилось действовать в прямой досягаемости нашей фронтовой разведки, и партизанские разведчики добывали сведения о противнике не только для партизанских штабов, но и для воинских частей. По заданию командования Красной армии партизаны Прохладненского района Кабардино-Балкарской АССР под руководством П.П. Гриция в конце августа 1942 г. произвели разведку на Эльбрусе, установили количественный состав и расположение войск 1-й немецкой горнострелковой дивизии («Эдельвейс»). Эти сведения помогли воинам 37-й армии уничтожить прорвавшиеся на Эльбрусский перевал подразделения противника [5].

Партизанские отряды были созданы во многих оккупированных районах Орджоникидзевского края и Кабардино-Балкарии. Бойцы в основном были вооружены винтовками, лишь в некоторых отрядах имелись пулеметы, противотанковые ружья, минометы. Боеприпасами, судя по документам, отряды были более или менее обеспечены [6].

Партизаны провели ряд успешных боевых операций. 26 сентября 1942 г. Ипатовский, Левокумский, Петровский, Дмитриевский, Апанасенковский отряды совершили рейд в тыл противника. Группа комсомольцев отряда «Буря» из станицы Ахтырской Краснодарского края в ночь на 7 ноября 1942 г., преодолев три ряда колючей проволоки и минные поля, взорвала склад с нефтепродуктами и забросала нефтяные вышки бутылками с горючей жидкостью. В течение трех суток полыхало пламя пожара на Ильских нефтепромыслах. За эту смелую операцию комсомольцы Е.А. Медведюк, Б.Г. Рубайло и А.Х. Эфимиади были награждены орденом Красной Звезды [7].

19 ноября 1942 г. на бюро Ставропольского крайкома обсуждался вопрос «О действиях партизанских отрядов Восточной группы края». При этом отмечалось, что происходит укрепление партизанского движения. Вместе с тем, в качестве главного недостатка в деле развертывания партизанского движения в крае отмечалось, что оно не охватило еще широких масс населения оккупированных

районов. Партизанские отряды имели скромный счет истребленных гитлеровцев. Отдельные отряды (Кумская группа) не провели ни одной боевой операции [8].

В начале декабря 1942 г. особое значение приобрела железная дорога Краснодар – Сталинград, по которой противник перебрасывал войска с Северного Кавказа для создания в районе Котельниково ударной деблокирующей группировки. Нарушая вражеские коммуникации, партизаны Краснодарского края подорвали 14 эшелонов с войсками и грузами, взорвали 20 железнодорожных и 37 шоссейных мостов, привели в негодность 72 км телефонно-телеграфных проводов полевого кабеля, уничтожили 206 автомашин с войсками и военными грузами, 8 бронемашин, 1 танк. [9].

Серьезный урон партизанскому движению наносили недостатки в организации, слабое вооружение, нехватка продовольствия, а также случаи предательства. Уже после войны, в 1975 г., командир партизанского отряда, действовавшего в районе Марухского ледника, старший лейтенант Н.Т. Луценко рассказал о предательстве У. Кочкарова, бывшего заместителя начальника краевого управления НКВД, который в конце 1942 г. перешел на сторону фашистов и выдал планы дислокации и боевых действий Западной группы партизанских отрядов Ставропольского края. По приговору Военного трибунала в июне 1944 г. Кочкаров был расстрелян [10].

Заключительный этап партизанского движения на Северном Кавказе был связан с участием отрядов в освобождении территории региона. Приказом № 1 Ставропольского краевого штаба от 30 декабря 1942 г. были сформулированы задачи Северной и Кумской групп партизанских отрядов. Приказом № 2 от 30 декабря 1942 г. поставлены задачи Южной группе партизанских отрядов. Приказом № 3 от 31 декабря 1942 г. определены действия партизанских отрядов Карачая и Черкессии [11]. В связи с началом наступления Красной армии на Кавказе было дано указание отрядам выдвигаться вглубь края, на оккупированные территории.

Партизанские отряды Краснодарского соединения сражались вместе с советскими частями за освобождение Краснодара, Абинской, Ахтырской, Пашковской, Новотатаровской, Смоленской, Усть-Лабинской и других кубанских станиц. Партизаны отряда им. братьев Игнатовых в январе 1943 г. 28 раз переправлялись через реку Афипс, доставляя воинским частям, сражавшимся за освобождение Краснодара, боеприпасы и продовольствие [12].

Итоги партизанского движения в регионе были подведены в докладе о боевой деятельности партизанских отрядов за период с августа 1942 по февраль 1943 гг., направленном в конце 1943 г. начальнику Центрального штаба партизанского движения при Ставке ВГК П.К. Пономаренко. В документе сообщается, что на территории Орджоникидзевского края на 1 января 1943 г. действовало 27 партизанских отрядов с общей численностью в 922 чел. За время боевых действий они уничтожили 30 офицеров и 970 солдат противника, 100 изменников Родины, захватили и уничтожили 25 автомашин, 6 танков, 3 бронемшины и 1 самолет [13]. Среди партизанских формирований, наиболее успешно действовавших в тылу врага, названы отряды, воевавшие в районе Моздока –

Ачикулака, и Кисловодский отряд, который *«произвел неоднократные налеты на гарнизоны фашистов. На счету отряда до трехсот уничтоженных гитлеровцев. Отряд ликвидировал несколько бандитских групп в Карачае и Кабардино-Балкарии. Отобрал у них 4 тыс. голов скота и перегнал через перевал»* [14].

Чтобы затруднить формирование партизанских отрядов, их связь с местным населением, оккупанты терроризировали и запугивали жителей городов и сел. Как отмечалось в одном донесении: *«враг сколотил в каждом населенном пункте несколько десятков вооруженных бандитов по борьбе с партизанами. Фашисты дорого платили за каждую партизанскую голову. Они давали за предательство несколько голов крупного рогатого скота или большую сумму денег»* [15]. Оккупанты расстреливали всех, кто оказывал содействие партизанам. Так, в июле 1942 г. был расстрелян директор Михайловской школы Ростовской области, который призывал колхозников вступать в ряды народного ополчения, идти в партизанские отряды. Вступив в хутор, нацисты арестовали патриота и расстреляли его как партизана [16].

Для борьбы с партизанами нацистское руководство вынуждено было пересмотреть свои установки об использовании местного населения. В оккупированных областях Северного Кавказа газеты призывали добровольцев вступать в немецкую армию: *«Германская армия воюет не против русского народа, а против советского режима... Каждый военнослужащий Красной Армии, добровольно перешедший на сторону Германской Армии или освободительных отрядов, не считается военнопленным. Добровольно перешедшие обеспечиваются особыми, улучшенными условиями быта: лучшим питанием, обмундированием, добавочным снабжением»* [17].

В коллаборационистские соединения вступали донские, кубанские и терские казаки, калмыки, карачаевцы, кабардинцы, балкарцы, ингуши и чеченцы. В Черкессии из добровольцев был создан «батальон смерти». Еще на территории Германии из числа кавказских эмигрантов был сформирован батальон «Бергман» («Горец») под командованием Т. Оберлендера. В августе 1942 г. батальон в составе 1200 чел. прибыл на Кавказ, понес большие потери под Моздоком. За счет националистов из Карачая, Черкессии и Кабардино-Балкарии было сформировано три кавалерийских эскадрона [18].

Немецкие оккупационные власти прилагали немало усилий, чтобы завербовать в добровольческие соединения казаков. На Дону, Кубани и Тереке распространялось воззвание «Казаки в армию!», в котором жителей станиц призывали вспомнить прежнюю казачью вольницу. Вербовка казаков осуществлялась специальным штабом, состоявшим из бывших казачьих офицеров. Некоторая часть казачества откликнулась на призыв оккупантов. Им удалось завербовать как кубанских, так и терских казаков из станиц Горячеводской, Ессентукской, Кисловодской, Бургустанской, Бекешевской и Суворовской. Казаки этих станиц сформировали 1-й Волгский казачий полк [19].

Однако политика гитлеровцев *«завоевать Россию руками русских»* не удалась. Это вынуждено было признать и немецкое руководство. В секретном документе Оперативного штаба вооруженных сил Германии от 2 ноября 1943 г.

говорилось: «Вопрос о вербовке иностранных граждан для несения боевой службы следует, однако, изучать не только с максимальным вниманием и осторожностью, но и с известной долей скепсиса. Было такое время, когда на восточном фронте был пущен в обращение лозунг: “Россию могут завоевать только русские”. Во многих головах забродила хмельная идея крупной армии Власова. В это время мы создали более 160 русских батальонов. Наш опыт в этом отношении приносил неплохие плоды, но лишь до тех пор, пока мы сами вели успешные наступательные операции. Но все стало совершенно иначе, когда наше положение изменилось, и мы были вынуждены отступить. Сегодня мы располагаем только 100 русскими батальонами, но на востоке нет ни одного» [20].

Потерпев сокрушительное поражение под Сталинградом, а позже под Курском, оставляя Кавказ, нацисты от наступательной стратегии перешли к обороне. Грубо нарушая международные нормы ведения войны, Гитлер отдал приказ «О порядке отхода и оставления местностей» на фактическое использование тактики «выжженной земли». Он требовал уничтожения всего оружия, автомашин, которые не могут быть взяты с собой; разрушения всех объектов, зданий, представляющих ценность для противника [21]. Отступая, фашисты беспощадно истребляли ни в чем не повинных мирных жителей: женщин, стариков, детей, разрушали города и станицы. Оккупанты нанесли жесточайший урон промышленности и сельскому хозяйству, разрушили дороги и мосты, линии и средства связи, коммунальное хозяйство городов и станиц, сожгли больницы и школы, разграбили и уничтожили культурные ценности [22]. Только быстрое наступление советских войск спасало население оккупированных территорий от издевательств и ограбления захватчиков.

Завершая краткий анализ проблемных вопросов периода Великой Отечественной войны на Кавказе, нельзя не коснуться участи тех народов, которые были репрессированы. Некоторые факты участия представителей калмыков и горских народностей в добровольческих формированиях после освобождения Северного Кавказа были использованы сталинским руководством для депортации целых народов в Сибирь, Урал и Среднюю Азию. Насильственному переселению были подвергнуты чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы и калмыки. Официальной причиной явилось стремление ослабить этническую напряженность в этом регионе, стабилизировать политическую обстановку, наказать за пособничество фашистам и выступление против советской власти. Известный английский историк Дж. Хоскинг в качестве главных причин депортации северокавказских народов называет «упорное сопротивление в 1930-х гг. политике советизации и попытку Сталина превентивно сокрушить любую попытку сопротивления в послевоенный переходный период» [23].

Таким образом, немецкое вторжение на Северный Кавказ в 1942–1943 гг. серьезно нарушило экономическую жизнь региона. Многие колхозы и совхозы были разорены, промышленные предприятия демонтированы. Немецкие оккупационные власти предприняли попытку восстановить сельскохозяйственное и промышленное производство, поставив его под германский контроль. Стремление гитлеровцев преобразовать социально-экономическую

структуру Северного Кавказа, ассимилировать местные народы из-за скоротечности успеха не принесло. Десятки тысяч мирных жителей были отправлены в Германию в качестве рабской силы. Многие стали жертвами нацистского террора. Жестокость немецко-фашистских оккупантов стала мощным фактором, побуждавшим народы Северного Кавказа делать для победы все, что возможно. Защита Отечества от гитлеровских захватчиков стала священной обязанностью. И все попытки нацистов «заигрывать» с горскими народами, создавать национальные военные соединения были обречены на провал. Сокрушительное поражение вермахта под Сталинградом и на Кавказе, партизанская борьба ускорили освобождение региона.

Примечания:

1. Война в тылу врага. О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф. 69. Оп. 1. Д. 66. Л. 8.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 35.
4. ГАНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 14. Л. 2.
5. ГАСК. Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 36.
6. Ставропольский краеведческий музей. Ф. 341. Оп. 1. Д. 16–18.
7. Гречко А.А. Годы войны. 1941–1943. М., 1976. С. 216.
8. ГАНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 66. Л. 4–5.
9. Гречко А.А. Указ. соч. С. 216.
10. ГАНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 62. Л. 1–20.
11. Там же. Д. 1. Л. 1–5.
12. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17а. Л. 58.
13. ГАНИСК. Ф. 69. Оп. 1. Д. 66. Л. 35.
14. Там же. Л. 36–37.
15. Там же. Д. 419.
16. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-3613. Оп. 1. Д. 447. Л. 7.
17. Утро Кавказа. 1943. Июль. № 26.
18. Ибрагимбейли Х.М. Крах гитлеровского оккупационного режима на Кавказе // Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 276–277.
19. Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. С. 183.
20. Цит. по: Ширер У. Берлинский дневник // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 207.
21. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 6598. Оп. 725168. Д. 1173. Л. 176.
22. Гречко А.А. Указ. соч. С. 227.
23. Хоскинг Дж. История Советского Союза. 1917–1991. М., 1994. С. 298.

КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ВОЙНЫ (1941– 1943 гг.)

Уже с первых межгосударственных войн возникает такое явление, как коллаборационизм. Этот французский термин означает сотрудничество с врагом или оказание ему помощи. На юге России в годы временной оккупации (1941–1943 гг.) коллаборационизм проявлялся в различных формах и сферах – от военно-политической до социально-экономической, административной и идеологической. Причины сотрудничества советских людей с оккупантами были, по мнению российских исследователей, различными. Одни считали, что переход на сторону нацистов происходил по политическим мотивам для борьбы с советским режимом. А. Назаров утверждает, что в период Великой Отечественной войны была продолжена гражданская война между сторонниками советского режима и его противниками [1]. Данное утверждение больше подходит для казачества и горцев юга России, часть которых была недовольна советским режимом власти. По свидетельству гитлеровских солдат и офицеров 1-й танковой армии, население, которое состояло из коренных кавказцев, было настроено дружелюбно и приветствовало немцев как освободителей. При этом целые общины и села записывались в добровольцы и были готовы участвовать в борьбе против Красной армии [2].

Другая группа исследователей, том числе С.И. Линец, Н.А. Кирсанов и С.И. Дробязко, считают, что среди коллаборационистов все же преобладали люди, которые шли на сотрудничество с врагом вынужденно с целью выживания, в условиях немецкой оккупации [3]. Действительно, большая часть населения региона, оказавшись не по своей вине в оккупации, проявляла вынужденную лояльность и взаимодействовала с оккупантами ради выживания, не причиняя вреда своей Родине. При этом в начальный период оккупации наблюдался процесс перехода от взаимодействия к сотрудничеству населения с оккупантами и лагерь коллаборационистов расширялся. Это было обусловлено рядом факторов: во-первых, последствиями советской политики предвоенного периода в отношении казачества и горских народов; во-вторых, победами гитлеровских войск на южном участке советско-германского фронта летом-осенью 1942 года; влиянием нацистской пропаганды. В конце временной оккупации наблюдался обратный процесс отказа от сотрудничества с оккупантами и перехода части коллаборационистов на сторону советской власти. В то же время не все смогли включиться в этот процесс, понимая, что прощения не будет, и уходили с оккупантами на Запад. Исторический интерес вызывают свидетельства очевидца этих событий Е.Б. Польской, которая в конце 1943 г. вместе с колонной беженцев ушла вслед за отступающими частями вермахта. Она отметила, что с Северного Кавказа с отступающими немцами ушли тысячи советских подданных. Уходили и те, кто действовал, и те, кто понимал, что

само их пребывание на оккупированной территории уже чревато Сибирью в будущем [4].

Политический коллаборационизм на оккупированной территории СССР сознательно ограничивался немецким руководством. Так, всего несколько дней просуществовала «самостийная» Украинская держава, провозглашенная во Львове 30 июня 1941 г. После 43 дней было разогнано «национальное» правительство Латвии [5]. Однако на юге России политический коллаборационизм имел достаточное место. В советский период эта тема не исследовалась, так как противоречила принципу морально-политического единства советского общества. В постсоветский период она стала предметом научного исследования в работах С.В. Кудряшова, Н.М. Раманичева, М.И. Семиряги, И.Г. Ермолова.

С.В. Кудряшов одним из первых, определяя основные формы коллаборационизма, выделил политическую форму сотрудничества населения с оккупантами, отмечая при этом, что коллаборационизм в политической сфере сознательно ограничивался германским командованием [6]. Н.М. Раманичев охарактеризовал политическое сотрудничество с оккупантами как деятельность национальных комитетов, претендовавших на роль правительств [7]. Известный историк М.И. Семиряга, выделяя военно-политический коллаборационизм, квалифицировал его как измену Родине [8]. И.Г. Ермолов к политическому коллаборационизму относит инспирирование и создание политических партий и организаций, а так же различных комитетов, призванных играть роль альтернативных правительств [9].

Нацисты в своих планах оккупации юга России делали ставку на многонациональный состав его населения, рассчитывая на лояльное отношение казачества и горцев к оккупационному режиму. Исходя из этого, они допускали, что в этом регионе можно разрешить многие общенациональные группировки, т.е. местные национальные правительства. В связи с этим в регионе начали формироваться национальные комитеты и марионеточные правительства. Так, в ноябре 1942 года в Кабардино-Балкарии создано представительство интересов кабардинского и балкарского народов, выполнявшее фактически роль национального правительства. В его воззвании к кабардинскому и балкарскому народу отмечалось, что *«германская армия под предводительством фюрера великого германского народа Адольфа Гитлера, изгнала из пределов Кабардино-Балкарии большевистские банды»*. Правительство было создано с целью упразднения в Кабардино-Балкарии советской власти, ликвидации колхозного строя и возобновления богослужения [10].

Для привлечения на свою сторону населения, которое было в основной массе верующим, правительство приняло постановление о проведении мусульманского всенародного праздника «Курман» в честь освобождения Кабардино-Балкарии от «жидо-большевизма» [11]. Свой вклад в развитие коллаборационизма и оказание помощи нацистской пропаганде в решении этой проблемы внес религиозный руководитель Кабардино-Балкарии Хаджи Козе Хотекоев. Он обратился с воззванием к мусульманам, в котором отметил, что *«германский народ дал нам свободу и вернул нам исконные права на свободное исповедание*

религии Аллаха...Эти светлые дары германского народа нужно суметь удерживать в своих руках. Беритесь, мусульмане, за священную войну, за Газават, под знаменем Ислама». [12].

Данные политические процессы коснулись и Карачаево-Черкесии. В период оккупации был создан Карачаевский национальный комитет, в который вошли бывшие белогвардейцы, кулаки, местная интеллигенция. Главным критерием подбора руководителей комитета оккупанты считали их антисоветскую деятельность и классовое происхождение. Идеологическим рупором Карачаевского национального комитета была оккупационная газета «Свободный Карачай». По решению комитета на праздник Ураз-Байрам в Кисловодск было приглашено немецкое командование во главе с генералом Клейстом. В конце праздника он произвел смотр эскадрона карачаевцев, добровольно вступивших в немецкую армию [13]. Кроме того, комитет объявил программу упразднения в Карачае колхозного строя и перехода с 10 ноября 1942 г. к единоличному землепользованию. Однако реализовать программу не удалось, не хватило времени, и большая часть населения к концу оккупации не желала сотрудничать с нацистами [14].

Карачаевский национальный комитет уделял внимание оказанию помощи оккупантам в борьбе с партизанами. В специально выпущенной листовке содержалось обращение к населению о действиях партизан в Карачае, давалась соответствующая оценка партизанскому движению осенью 1942 г. Из текста листовки видно, что гитлеровцы и местные коллаборационисты были хорошо информированы об организации партизанских отрядов в Карачае. Для борьбы с ними формировались отряды из местных жителей, имевших опыт борьбы с местной советской властью [15].

В оккупированной Черкесии нацисты создали еще одно марионеточное правительство – Черкесскую управу. Она проводила коллаборационистскую политику осуществления экономических и пропагандистских мероприятий в интересах немецкой оккупационной власти, боролась с партизанами, выявляла и передавала в руки гестапо коммунистов и работников НКВД [16].

Политический коллаборационизм был характерен и для казачества юга России. Так, в Новочеркасске по указанию германского командования официально был оформлен орган управления донского казачества – штаб Войска Донского. В Ростове-на-Дону и Каменске организовались его представительства [17]. При Ростовском представительстве с разрешения немецкого командования была создана комиссия по казачьим делам. Ее постоянными членами являлись: 1) В.М. Одноралов (председатель) – бывший регент, полковник, глава Ростовского представительства; 2) М.А. Миллер – казак из обрусевших немецких колонистов, бывший крупный помещик, профессор Ростовского университета; 3) В.В. Богачев – казак, дворянин, один из лидеров донского дворянства, профессор-геолог, заслуженный деятель науки; 4) А.М. Иванов – профессор богословия, заведующий отделом по делам религиозных культов Ростовского бургомистерства; 5) С.М. Попов – инженер-строитель, планировался редактором донской казачьей газеты «Донская волна»; 6) А.М. Чаусов (секретарь); 7) М.Б. Краснянский – казак, инженер-геолог, бывший царский чиновник,

судимый за антисоветскую деятельность; 8) И.Н. Фомин – юрист, консультант по государственно-правовым вопросам [18].

Как видно, в состав комиссии вошли представители старой казачьей интеллигенции, в прошлом связанной с казачьим генералом П.Н. Красновым. Прежде всего, комиссия согласовывала с немецким командованием вопрос о созыве в феврале-марте 1943 г. Малого войскового круга для избрания войскового атамана. В комиссии было решено выставить кандидатуру генерала П.Н. Краснова. Кроме того, выдвигались предложения избрать А. Гитлера почетным атаманом Войска Донского с поднесением ему избирательной грамоты и казачьего знамени, а начальника Ростовского немецкого гарнизона генерала Киттеля – почетным казаком Ростовской станицы [19].

Комиссия по казачьим делам призвала к созданию казачьего сословно-буржуазного государства под протекторатом фашистской Германии, ставя перед немецким командованием вопросы включения в единое государство Донской, Кубанской и Терской казачьих областей, а также присоединения соседних районов – Таганрогского и Сталинградского. В целях объединения казачества для борьбы с советской властью комиссия широко рекламировала как будущего главу казачьего сословно-буржуазного государства белого генерала П.Н. Краснова, находившегося в то время в Берлине. В оккупационных газетах были опубликованы его письма на имя начальника штаба Войска Донского С.В. Павлова, содержавшие призывы к усилению борьбы против советской власти под руководством фашистской Германии и ряд конкретных указаний. *«Не сказочная Казакия, – указывал он в одном из писем, – а союз Дона, Кубани, Терека и Кавказа, прочно связанный с Германией, будет образован на Юге России»*. Входивший в состав комиссии М.Б. Краснянский на одном из допросов после освобождения Ростовской области от немецко-фашистских захватчиков признался, что приход на Дон немцев воскресил в нем желание на возрождение казачества по программе бывшего донского атамана белого генерала П.Н. Краснова [20].

Комиссии по казачьим делам удалось провести три заседания. При этом члены комиссии считали, что возрождение казачества могло произойти только на базе русского национал-социализма, под руководством фашистской Германии, при ее военной помощи. Более того, предлагалось, что донской национал-социальный зародыш разовьется настолько, что русский национал-социализм восторжествует на территории бывшей России. При этом захватнические цели германского фашизма всем были понятны. Однако входивших в комиссию буржуазных националистов это вполне устраивало, и они ориентировались на немецкую вооруженную силу, которая давала возможность рассчитывать на политическую, хотя и ограниченную, но все же власть. В комиссии было решено принять два проекта: о красно-белом казачьем знамени с изображением в центре фашистской свастики и о знамени для Ростовского казачьего полка с девизом *«Станичники, с нами Бог: вперед на освобождение Москвы от большевиков»*. В декабре 1942 г. комиссия подготовила заявление от имени донских казаков, в котором они призывали к беспощадной борьбе с большевиками и обещали

верно служить Гитлеру, активно участвовать в создании фашистского нового порядка [21].

Донские казачьи лидеры оказались в плену иллюзий собственной значимости в условиях немецкой оккупации и считали себя полноправными союзниками фашистской Германии. Под влиянием этого 15 ноября 1942 г. в Новочеркасске появилась «Декларация Войска донского», в которой говорилось, что «*Донское войско просит германское правительство признать суверенитет Дона и вступить в союзные отношения с Донской республикой для борьбы с большевиками*» [22].

Эта декларация осталась без ответа со стороны нацистского руководства, так как в его планы не входило создание Донской республики и признание ее суверенитета. В тоже время в период оккупации для привлечения на свою сторону казачества нацисты все же допускали проведение эксперимента с казачьей независимостью, оговаривая, что окончательные решения по этим вопросам будет принято после войны. Так с 1 октября 1942 г. начал функционировать «Казачий круг» (1-й Уманский показательный отдел), включавший в себя территорию шести районов нижней Кубани с общим населением в 160 тыс. чел. В отличие от других оккупированных территорий, атаманы станичного и районного звена подчинялись только атаману округа, но не германскому командованию [23].

Под контролем Восточного министерства Розенберга был сформирован Калмыцкий национальный комитет. Калмыцким националистам было обещано создать после войны самостоятельное государство под протекторатом Германии. В докладной записке заместителя наркома внутренних дел СССР В. Меркулова И. Сталину от 18 марта 1943 г. отмечалось, что оккупанты были намерены сформировать правительство Калмыкии, после взятия немецкими войсками Астрахани и Сталинграда [24].

Группа бывших белогвардейцев г. Таганрога обратилась к ортскоменданту с предложением о создании антисоветской корпорации Союза офицеров и казаков по примеру города Новочеркаска и города Ростова-на-Дону. При этом целями организации являлись: единение всех антибольшевистских сил, борьба с партизанами, подготовка и формирование добровольческих частей [25]. Политическую активность в условиях оккупации проявляла часть гражданского населения. Так, в Ставрополе был создан армянский организационный комитет, который вел активную агитацию среди армянского населения г. Ставрополя за оказание помощи оккупантам в борьбе с большевиками [26] Такой же комитет был создан в Нальчике с целью оказания материальной и духовной помощи германской армии, сражавшейся на Кавказе за уничтожение большевизма [27].

Таким образом, политический коллаборационизм имел достаточное место на юге России в период временной оккупации. При этом практически все горские народы, казачество, калмыки, армяне, проживавшие в регионе, получили возможность с разрешения немецкого командования создать свои коллаборационистские комитеты, комиссии и марионеточные правительства, основной задачей которых была активная поддержка германской армии в ее борьбе с большевизмом взамен на создание после войны национальных государств под протекто-

ратом Германии. Однако все эти правительства, комитеты и комиссии оказались недолговечными. Они просуществовали ровно столько, сколько сохранялся на территории юга России оккупационный режим. Однако в случае успешного для нацистов завершения войны предусматривалось создание рейхскомиссариата «Кавказ», где не было места для национальных государств и правительств.

Примечания:

1. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943). Ростов н/Д, 2003. С. 299.
2. Карел П. Дорога в никуда: вермахт и Восточный фронт в 1942 г. / Пер. с нем. М., 2003. С. 341.
3. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Национальные добровольные формирования по разным сторонам фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 68; Линец С.И. Указ. соч. С. 385.
4. Польская Е.В. Это мы, Господи, предстали перед тобой. Невинномыск, 1995. С. 14, 17.
5. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 65.
6. Кудряшов С. «Предатели», освободители или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 87, 97.
7. Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 293.
8. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 11.
9. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. URL: <http://lib.rus.ec/b/304376/read/p.98> (дата обращения: 25.02.2012).
10. Управление центрального государственного архива архивной службы Кабардино-Балкарской республики (далее – УЦГА АС КБР). Ф. Р-290. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
11. Там же.
12. Там же. Л. 1.
13. Историческая справка краеведа Л.Н. Никитина. Архив Пятигорского музея краеведения. 1975. С. 6; Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Ростов н/Д, 1998. С. 110.
14. Линец С.И. Указ. соч. С. 325
15. Там же. С. 324
16. Койчуев А.Д. Указ. соч. С. 110.
17. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 3983. Оп. 1. Д. 126. Л. 3, 4, 6.
18. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Ростовской области. П-48771. Т. 1. Л. 1–6.
19. Там же. Л. 8–9.
20. Там же. Л. 10–12 об.

21. Там же. Л. 24–24 об.
22. Крикунов П.Н. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. М., 2005. С. 262.
23. Там же. С. 263
24. Война 1941–1945. М., 2010. С. 226.
25. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-619. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–2.
26. Война 1941–1945. С. 228
27. УЦГА АС КБР. Ф. Р-220. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

О.В. Ратушняк

КАЗАКИ НА СТОРОНЕ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Вторая мировая война явилась одной из трагичных страниц в истории кубанского казачества. Как и в годы Гражданской войны, казачество вновь оказалось расколотым на два противостоящих друг другу лагеря.

Осенью 1941 г., когда стало ясно, что «блицкриг» увенчался провалом, а войска понесли значительные потери, командиры воинских частей германской армии стали самостоятельно формировать части из военнопленных и сочувствующих лиц. В сентябре 1941 г. офицер армейской контрразведки Х. фон Клейст предложил командованию 18-й немецкой армии для более эффективной борьбы с партизанами использовать казаков. В октябре 1941 г. данная инициатива получила продолжение в официальном разрешении командующим тыловыми районами формировать вспомогательные воинские подразделения (в том числе и казачьи) из числа военнопленных и местного населения [1].

Первая казачья часть была сформирована в октябре 1941 г. в Могилеве во главе с донским казаком И.Н. Кононовым, офицером Красной армии, добровольно перешедшим на сторону немцев. Дивизион Кононова формировался преимущественно из казаков, находившихся в германском плену.

Успешное использование казаков на фронте и острая необходимость в восполнении потерь личного состава привели к тому, что в апреле 1942 г. Гитлер лично дал разрешение на официальное использование казачьих воинских подразделений. Летом 1942 г. центром формирования казачьих частей из советских военнопленных стала Украина (Винница, Славута, Шепетовка). К весне 1943 г. было сформировано около 15 казачьих полков общей численностью 15–20 тыс. чел. [2] Основной упор при создании казачьих частей из военнопленных и сочувствующих был сделан на использовании их для охраны стратегически важных объектов (склады, железные дороги, мосты) и борьбы с партизанами. Достаточное количество казаков, желавших сотрудничать с германской армией, привело к тому, что в скором времени стали формироваться части по войсковому признаку: донские, кубанские, терские...

Необходимо учитывать и тот факт, что многие казаки из числа военнопленных, давая согласие на переход в воинское подразделение, стремились, прежде всего, избежать тяжелой жизни, а порой и смерти, в немецких лагерях. Стремясь вырваться из лагерей, некоторые военнопленные, не будучи казаками, выдавали себя за таковых. Неслучайно, что во время боев с партизанами и частями Красной армии многие из них переходили обратно. Этим переходам способствовало и знакомство воочию с «новым немецким порядком» и жестокостями оккупантов.

В свою очередь, убежденные противники советской власти проявили себя с точки зрения немцев с лучшей стороны. Так, 82-й казачий эскадрон под командованием кубанского казака М. Загородного был принят полностью на немецкое довольствие и проявил себя как надежный союзник в качестве разведывательного отряда немецкой боевой группы. Интересно, что первоначально отряд Загородного был сформирован из советских военнопленных для конвоирования их в тыл германской армии, но, справившись с поставленной задачей, казаки выразили желание принять участие в боевых действиях на стороне немцев [3].

Из крупных частей казаков, принимавших активное участие в войне на стороне фашистских захватчиков, надо отметить казачий конный полк им. атамана М.И. Платова под командованием майора Э. Томсена, казачий пластунский полк майора Рентельна, полки Леманна, Вольфа и полк под командованием полковника И. фон Юнгшultzца, состоявший из двух эскадронов (один – из немцев, другой – из казаков). Каждый полк насчитывал в среднем около 2 тыс. бойцов [4].

К 5 сентября 1942 г. германские войска оккупировали территорию Кубани. В силу целого ряда причин и, в первую очередь, в силу политики, проводившейся советской властью в 1920–1930-е гг. (рассказывание, репрессии казаков), часть населения казачьих областей встречало немцев как освободителей от большевистского ига.

Уже в сентябре 1942 г. в районе Краснодара началось формирование 7-й добровольческой казачьей дивизии. До января 1943 г. казаки дивизии участвовали преимущественно в операциях против партизан. Позже дивизия приняла участия и в боях против частей РККА. В станице Крымской под руководством М.М. Шаповалова проходило формирование еще одной казачьей части под названием «Свободная Кубань». Однако в ее состав были зачислены только около 400 чел., когда данной части пришлось принять участие в боях с наступающими советскими войсками [5].

Несомненно, что в казачьих землях находились и активные защитники Родины от фашистских оккупантов, свидетельством этого явилась развернувшаяся партизанская война и подпольная деятельность на оккупированных территориях. Так, только в районе Краснодара действовало 87 партизанских отрядов, многие из которых состояли из казаков [6]. Но были и те, кто с первых же дней прихода фашистов выразил свою готовность к тесному сотрудничеству с ними.

Осенью 1942 г. в Краснодаре была образована инициативная группа возрождения Кубанского казачьего войска во главе с Г.П. Тарасенко и И.И. Белым.

Вскоре при ней были созданы штаб и канцелярия в качестве основных рабочих органов. Группа старалась организовать регистрацию казаков, наладить связь со станицами и руководством военного командования германской армии на Северном Кавказе. Однако особых успехов группа не добилась. С одной стороны, это было связано с противоречивой политикой германских властей на оккупированных территориях. Немцы, порой, сами не знали, на кого делать ставку при организации социально-экономической жизни жителей Кубани. С другой стороны, вскоре проявились все «прелести» оккупации, и многие жители Кубани, в том числе и казаки, постепенно стали понимать сущность «немецкого порядка».

Если сравнивать степень лояльности к оккупантам, то на Дону, судя по всему, она была выше, чем на Кубани. Это проявилось в частности и в том, что формирование казачьих подразделений на Кубани проходило менее централизованно и менее массово.

Заигрывая с казаками немецкое руководство пошло на восстановление в казачьих землях казачьего самоуправления в лице окружных и станичных правлений и атаманов. Более того, на северо-западе Кубани был создан автономный казачий округ, включавший 6 районов Краснодарского края с населением около 160 тыс. чел. В нем практически полностью было восстановлено казачье самоуправление и выстроена вертикаль власти от станичного до верховного атамана. В компетенцию атаманов входило обеспечение социально-экономической жизни населения округа, включая развитие хозяйства, образования, культуры, поддержание порядка силами организуемой из жителей полиции и т.п. Главная же задача, которая возлагалась на жителей округа и его атаманов, заключалась в создании вооруженных отрядов для борьбы с большевиками. Речь шла не только о борьбе с партизанскими отрядами, но и об их участии в войне на стороне фашистских захватчиков.[7]

В декабре 1942 г. при Министерстве по делам оккупированных восточных территорий было создано Казачье управление Дона, Кубани и Терека во главе с Н.А. Гимпелем. Среди прочих задач Казачье управление ставило подготовку организации временного казачьего правительства за границей. Оно было создано 31 марта 1944 г. в форме Главного управления казачьих войск во главе с П.Н. Красновым. Одним из членов Главного управления казачьих войск был и кубанский атаман генерал В.Г. Науменко, который в своем приказе отмечал, что одной из главных задач, возложенных на Главное управление казачьих войск, является «сбор и организация казаков, отошедших с германскими войсками, находящихся в тылу Восточного фронта и в разных государствах Европы» [8].

Одним из главных свидетельств тяжелого положения Третьего рейха и изменения его отношения к казачеству стала декларация от 10 ноября 1943 г., подписанная начальником штаба германского верховного командования В. Кейтелем и имперским министром восточных областей А. Розенбергом. В декларации казаки признавались верными соратниками и союзниками германской армии. За ними признавались различные права и привилегии. В случае невозможности проживания в родных краях германское руководство обещало устроить

«казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера», обеспечив их всем необходимым [9].

Весной 1943 г. в районе г. Млава (Польша) началось формирование первой крупной регулярной воинской части – 1-й казачьей кавалерийской дивизии, состоявшей полностью из казаков, под командованием немецкого полковника Г. фон Паннвица (в скором времени произведенного в генерал-майоры). В состав дивизии были введены казачьи полки под командованием Вольфа, Томсена, Юнгшульца и дивизион Кононова. Все командные должности в дивизии занимали немцы. Исключением являлся И.Н. Кононов, возглавивший 5-й донской казачий полк. Позже Г.фон Паннвиц сформировал конвойную сотню, преимущественно из казаков-участников Гражданской войны [10]. Осенью 1943 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия была направлена в Югославию, преимущественно для борьбы с местными партизанами.

Заигрывание с казаками было в значительной степени связано с резким ухудшением положения германской армии на Восточном фронте и с начавшимся отступлением гитлеровских войск. Отступление оккупантов вызвало и уход с родных земель определенного числа местного населения. Особенно большой процент уходящих был среди казачества (большой, по сравнению, с другим населением, но в целом количество ушедших было несравненно меньше численности оставшихся). Очередной исход казаков стал новой трагичной страницей истории кубанского казачества. Основными причинами ухода были опасения новых репрессий, вызванных сотрудничеством с фашистами во время оккупации, и нежелание оставаться в государстве, которое на протяжении более чем 20 лет перемалывало казачество как мощные жернова бездушного устройства. Многие уходили с семьями, так как ясно представляли, что ждет родных и близких ушедших с врагом, а также потому, что, в отличие от эмиграции 1920 г., понимали, что уходят навсегда, и назад дороги уже не будет.

К весне 1943 г. большинство ушедших были сосредоточены в различных частях Украины. Скопление громадной массы людей требовало определенной ее организации. Первоначально появилось много различных атаманов и руководителей, претендовавших на руководство казаками, создавались казачьи правления, штабы и т.п. Отчасти этому способствовали и командиры немецких частей, пытавшиеся поддержать всех, кто мало-мальски подходил на роль организатора казачьей массы. Однако споры и ссоры между этими «атаманами» вносили еще большую сумятицу и заставили оккупантов создать в конце ноября 1943 г. так называемый Казачий стан во главе с походным атаманом С.В. Павловым.

В соответствии с Декларацией германского правительства от 10 ноября 1943 г., казакам для расселения была выделена территория в Каменец-Подольской области. С.В. Павлову поручалось организовать размещение и существование казачьих станиц, организацию и содержание казачьих частей. С созданием весной 1944 г. Главного управления казачьих войск Казачий стан был подчинен генералу П.Н. Краснову.

В Каменец-Подольской области казаки пробыли меньше полугода. Стремительное продвижение советских войск принудило казаков продолжить

свой отход на запад. Новым местом размещения казаков стала Белоруссия (район г. Новогрудок). Здесь была создана стройная система гражданского и военного управления. Казаки, принадлежавшие к одному войску, селились своими станицами, которые объединялись в отделы и округа. Строевые казаки были объединены в составе 11 казачьих полков [11]. Здесь была создана и своеобразная Казачья епархия, которую возглавил протоиерей В. Григорьев [12]. В июне 1944 г. в одной из стычек с партизанами был убит Походный атаман Казачьего стана С.В. Павлов. В скором времени Казачий стан возглавил Т.И. Доманов.

В июле 1944 г., когда возникла угроза окружения, казаки из Белоруссии стали прорываться на территорию Польши. Однако и в Польше казаки надолго не задержались. В августе 1944 г. германским руководством было принято решение о переброске Казачьего стана и казачьих частей в Северную Италию (область Фриули). По-видимому, одна из причин переброски казаков в данный район было стремление немецкого командования обеспечить здесь, как и в Белоруссии, силами казаков порядок. Северная Италия, как и Белоруссия, была наводнена партизанами, чему в немалой степени способствовали и местные условия (в Белоруссии – леса, в Северной Италии – горы). Стратегически данная территория была важна для германского командования, так как обеспечивала определенную связь между Балканами и Центральной Европой и находилась на пути англо-американских войск, продвигавшихся с юга Апеннинского полуострова.

Здесь, в Северной Италии, произошло своеобразное воссоединение казаков, оказавшихся в эмиграции в 1920 г., с казаками, ушедшими за границу вместе с отступавшими фашистскими войсками. Было даже несколько случаев воссоединения семей. Расположение казаков было по-прежнему организовано по войсковому принципу. Поселившись в Северной Италии, казаки перенесли сюда не только свои обычаи и традиции, но и свои названия. Так, села Олессио, Каваццо и Тразагис стали называться Новочеркасском, Краснодаром и Новороссийском (соответственно) [13]. Практически все казаки в возрасте от 18 до 45 лет находились в составе воинских частей. Более старшие казаки (от 45 до 70 лет), способные носить оружие, несли караульную службу по охране своих станиц в составе специального охранного батальона. Молодые казаки (16–17 лет) проходили подготовку в учебной военной школе и юнкерском училище. Казаки-подростки (14–16 лет) обучались и трудились в созданной военно-ремесленной школе [14].

Ухудшение положения на фронте, катастрофическая нехватка военных кадров привели к созданию Резерва казачьих войск для мобилизации всех казаков, проживавших на территории Третьего Рейха. Казачий резерв возглавил генерал А.Г. Шкуро (кубанский казак), которому в сентябре 1944 г. было поручено организовать сбор казаков и уроженцев казачьих земель для формирования Казачьего освободительного корпуса [15]. Формировать корпус было решено на базе 1-й казачьей кавалерийской дивизии Г.фон Паннвица. Уже к середине сентября 1944 г. в столице Третьего рейха были созданы вербовочный штаб, комендатуры, этапный лагерь для приема мобилизованных. 17 сентября 1944 г. вышел приказ начальника Главного управления казачьих войск генерала

П.Н. Краснова «О формировании Казачьего корпуса и задачах Казачьего Стана» [16]. В Казачий корпус зачисляли всех желавших казаков, годных к строевой службе. Его основу, помимо 1-й казачьей кавалерийской дивизии, составляли военные подразделения казаков, перебрасывавшиеся с различных участков фронта. В тоже время в корпус зачислялись казаки-эмигранты, казаки-военнопленные и казаки, находившиеся в Германии на различных работах.

25 февраля 1945 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия была официально преобразована в 15-й кавалерийский корпус войск СС. Общая численность корпуса составила около 25 тыс. чел. [17]. В апреле 1945 г. командир корпуса Г. фон Паннвиц на собрании делегатов полков корпуса был избран Походным атаманом казачьих войск. В скором времени после предварительных переговоров казачий кавалерийский корпус был включен в состав Русской освободительной армии генерала А.А. Власова [18].

Практически с самого момента своего создания казакам 15-го корпуса приходилось вести тяжелые бои, преимущественно сдерживая натиск Народно-освободительной армии Югославии и болгарских войск. Под давлением превосходивших сил противника в мае 1945 г. было принято решение об отводе 15-го корпуса в Австрию, которая стала своеобразным местом сбора всех казаков. Сюда был направлен не только Казачий стан, но и казачьи части Русского корпуса, а также вообще казаки-эмигранты, разбросанные по территории Третьего Рейха и сопредельных с ним государств.

Практически все казаки (Казачий стан, 15-й казачий корпус и другие казачьи соединения) капитулировали перед английскими войсками и были расположены в районе Лиенца. Большинство из них, конечно же, страшила перспектива возвращения в СССР. Однако, в соответствии с договоренностью между представителями «большой тройки», достигнутой еще в феврале 1945 г. в ходе Ялтинской конференции, союзники должны были вернуть в СССР всех его бывших граждан.

28 мая 1945 г. большинство казачьих офицеров (половина из которых относились к эмиграции 1920 г.) под предлогом проведения совещания были вывезены англичанами из лагерей и переданы представителям НКВД и советского военного командования. Среди выданных был и командир 1-й казачьей дивизии (позже – 15-го казачьего корпуса) генерал Г. фон Паннвиц. Как гражданин Германии, он мог остаться среди пленников англичан и тем самым спасти свою жизнь. Однако за годы совместной службы с казаками он настолько сблизился с ними, что посчитал необходимым разделить судьбу своих подчиненных. Сам Паннвиц заявил так: «Я делил со своими казаками счастливое время, я останусь с ними и в несчастье» [19].

История сохранила достаточно много свидетельств о тех трагичных днях, когда проходила выдача казаков. Англичанам пришлось пустить в ход все средства, включая оружие и танкетки. Выдача казаков проходила вплоть до середины июня 1945 г. Естественно, зная, что их ждет при возвращении в СССР, многие казаки готовы были идти на все, чтобы не вернуться. Однако значительное количество казаков были возвращены в СССР.

Примечания

1. Крикунов П. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 333–334.
2. Там же. С. 379.
3. Там же. С. 354–356.
4. Ланнуа, де Ф. Казаки Паннвица. 1942–1945. М., 2006. С. 17.
5. Черкасов А.А. Предисловие // Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы. Сб. документов. Сочи, 2003. С. 10–11.
6. Крикунов П. Указ. соч. С. 216.
7. Там же. С. 261–263.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 27.
9. На казачьем посту. Берлин. 1943. № 14. С. 2.
10. Крикунов П. Указ. соч. С. 467.
11. Там же. С. 437–438.
12. Шкаровский М.В. Казачий стан в Северной Италии и его церковная жизнь // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международ. науч. конф. М., 2006. С. 191–192.
13. Баутдинов Г. Казаки в Италии // Новое время. 1992. № 45. С. 29.
14. На казачьем посту. Берлин. 1945. № 42. С. 10–11.
15. ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 13. Л. 134.
16. Крикунов П. Указ. соч. С. 505–507.
17. Там же. С. 513–515.
18. Ланнуа, де Ф. Указ. соч. С. 64.
19. Цит. по: Стеенборг С. Власов. Мельбурн, 1974. С. 236.

П.В. Кириллов

ВВС РККА НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И МЕРЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ИХ СОСТОЯНИЯ

В сборнике «1941 год – опыт планирования и применения Военно-Воздушных Сил, уроки и выводы» (1989) впервые приводится общая численность самолетного парка авиационной группировки, созданной СССР у западных границ к 22 июня 1941 г. [1]. В частях ВВС пяти приграничных военных округов (Западного особого, Киевского особого, Ленинградского, Прибалтийского и Одесского) было 7133, в дальнебомбардировочной авиации – 1339, в авиации Военно-морского флота – 1445 боевых самолетов. Всего около 10 тыс. (9917) боевых самолетов. В первой половине 1941 г. на 16 авиационных заводах Наркомата авиационной промышленности СССР был произведен и принят военной приемкой 3901 самолет, из них 2413 истребителей,

1 488 бомбардировщиков и штурмовиков, в том числе самолетов нового типа: 2009 истребителей, 752 бомбардировщика и штурмовика.

Однако между приемкой самолета военным представителем на заводе и его фактической поставкой – большая разница. От даты приемки самолета на заводе до даты его ввода в боевой состав может пройти значительное время. Учет фактической поставки самолетов строевым частям находился в компетенции Управления формирования, комплектования и боевой подготовки ВВС РККА, которое возглавлял первый заместитель командующего ВВС РККА генерал-полковник авиации А.В. Никитин. Согласно его документам, всего в строевых частях советских ВВС к началу войны находилось 706 боевых самолетов нового типа, на которых переподготовку прошли 1354 летчика, из них истребителей: 407 МиГ-3, 142 Як-1, 29 ЛаГГ-3; 128 пикирующих бомбардировщиков Пе-2. В том числе в ВВС западных приграничных округах – 304 истребителя и 73 Пе-2, всего 377 самолетов нового типа. Таким образом, строевые части ВВС РККА к началу войны имели не 2739 боевых самолетов нового типа, как принято считать, а 706 или в 3,8 раз меньше. В пяти западных пограничных округах насчитывалось всего 377, а не 1540, как считается, т.е. в 4 раза меньше, всего 5,5 %, а не 20 % от общего количества боевых самолетов этих округов (6781).

Основным тормозом в развитии нашего самолетостроения было низкое качество авиамооторов. Авиамооторостроение является наиболее наукоемкой и высокотехнологичной отраслью машиностроения, требующей специальных высокопрочных и жаростойких сталей и сплавов, а также высокоточного металлообрабатывающего станочного парка. К сожалению, СССР в полной мере всем этим перед войной еще не располагал. Наши авиаконструкторы проектировали самолеты под моторы, которых не было (они находились в стадии разработки или в опытном производстве, в лучшем случае – в малой серии, но еще не были полностью испытанными).

На боевых самолетах нового типа накануне войны непрерывно велись различные доработки по устранению выявлявшихся конструктивно-производственных и эксплуатационных недостатков. Поэтому трудно было подготовить эти самолеты для проведения необходимых эксплуатационных испытаний и испытаний на их боевое применение, в процессе которых были бы исключены случаи чрезвычайных происшествий. Строевые части ВВС остро нуждались в соответствующих инструкциях по новым самолетам. Таким образом, наши боевые летчики начали войну на неготовых полностью самолетах нового типа, не имея необходимых знаний и навыков по их боевому применению и эксплуатации в воздухе.

К тому же самолеты нового типа не были обеспечены надежно работающей радиосвязи, а истребители МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3 по существу ее вообще не имели. Если на некоторых из них и стояли радиостанции (на одном из 15 самолетов они устанавливались на заводе), то летчики не могли ими пользоваться из-за больших помех радиоприему, создававшихся системой зажигания мотора и другими самолетными источниками, а на первой тысяче Як-1 радиостанции заводом вообще не устанавливались. Кроме того, у советской авиации

был низкий уровень средств наземного обеспечения самолетовождения, а для самолетов-истребителей этих средств вообще не было. Отсутствие на наших самолетах радиоспецоборудования, а на земле специальных средств наземного обеспечения самолетовождения значительно ограничивало тактические и боевые возможности советских ВВС, особенно истребительной авиации. Крайне снижалось маневрирование групп самолетов, сосредоточение их в нужных направлениях, отыскание целей, исключалось организованное ведение групповых воздушных боев, отсутствовала связь с наземными войсками, обеспечивать продвижение которых должна авиация и т.д. Такое положение с радиоспецоборудованием и специальным наземным оборудованием сложилось в силу того, что радиотехническая промышленность в СССР накануне войны находилась только в стадии становления и не могла обеспечить советскую авиацию всем необходимым.

В то же время в Германии в результате испытаний в НИИ ВВС всех закупленных боевых самолетов (Me-109E, Me-110, Ю-88, До-215) отмечалось, что немецкий самолет не мыслится без радиостанции, радиоконписа, оборудования для слепой посадки и других приборов, обеспечивавших его боевое применение. При проектировании и постройке немецких самолетов большое внимание уделялось максимальному облегчению их эксплуатации в полевых условиях и удобству для летного состава выполнения боевых задач. С этой целью в конструкции самолета был предусмотрен ряд автоматов, облегчавших работу летчика при боевом применении средств поражения, пилотирования и самолетовождения, автоматическом регулировании параметров работы мотора и др. Все немецкие самолеты, состоявшие на вооружении, резко отличались от советских большими запасами устойчивости в полете, что значительно повышало безопасность полета и живучесть, упрощало технику пилотирования и освоения самолета летчиками. Испытания в НИИ ВВС немецкого истребителя Me-109E, показали, что его летные данные практически были такими же, как и у наших истребителей МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1. По максимальной скорости Me-109F превосходил наши истребители нового типа (МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1) на 36–69 км/ч и имел ряд других преимуществ, особенно в автоматизации управления самолетом, силовой установкой и в радиоспецоборудовании.

Опыт Великой Отечественной войны, особенно первого и части второго периодов, показал, что мы терпели неудачи в основном из-за технического отставания нашей истребительной авиации, которое оказывало существенное влияние на действия сухопутных войск. К началу войны мы имели в пяти западных пограничных округах 304 истребителя нового типа, находившихся в стадии доработок и испытаний, и 3156 истребителей устаревшего типа: так называемые «маневренные» истребители И-15, И-153 и «скоростные» истребители И-16. Максимальная скорость Me-109F превышала скорость И-153 на 162 км/ч, а И-16 – на 123 км/ч. По немецким данным, люфтваффе сосредоточили против СССР 1233 истребителя, из них: 593 Me-109F, 423 Me-109E, 217 Me-110. Всего 2604 боевых самолета нового типа. Из приведенных данных видно, что люфтваффе имели полное превосходство над ВВС РККА, особенно в истребительной авиации.

В первый день войны в результате внезапного нападения авиации противника было уничтожено на аэродромах 800 и в воздухе 400 наших самолетов. Фашистская авиация завоевала стратегическое господство в воздухе. Однако за первые шесть месяцев войны она потеряла на всех театрах военных действий 4643 боевых самолета, из них на советско-германском фронте 3827 самолетов (82,4 % всех потерь), что превосходит количество боевых самолетов, выпущенных Германией за тот же период.

Наши потери были еще более значительными. За тот же период советские ВВС потеряли 20 159 самолетов, из них 16 620 боевых, что в 2,4 раза больше количества боевых самолетов, отправленных на фронт заводами НКАП. Тот факт, что хваленой авиации люфтваффе советскими ВВС был нанесен ощутимый урон, говорит о высоких морально-боевых качествах и достаточной летной и тактической подготовке летного состава и их командиров. Подавляющее количество самолетов было устаревшего типа, которые не могли оказывать противодействие истребительной авиации люфтваффе. Истребители Як-1 и ЛаГГ-3 также уступали Me-109F.

Как и в предвоенные годы, советская истребительная авиация вновь оказалась в положении отстающей/догоняющей. Как и тогда, когда Me-109E, появившийся в Испании, оставил позади скоростной, по тому времени, истребитель И-16. К 1940 г. советская промышленность создала истребители нового типа, и это отставание до некоторой степени было ликвидировано. Правда, бронированные штурмовики Ил-2, пикирующий бомбардировщик Пе-2 и серийно выпускавшийся с первых месяцев 1942 г. пикирующий бомбардировщик Ту-2 имели полное превосходство над самолетами люфтваффе подобного типа, а Ил-2 вообще не имел аналога в мировом самолетостроении.

Повышение летно-тактических данных советских истребителей требовало времени, большого объема научно-исследовательских работ и опытно-конструкторских разработок и, следовательно, значительных материальных затрат. На первых порах было принято решение для улучшения летных данных серийных истребителей ЛаГГ-3, Як-1 и Як-7 повысить мощность установленных на них моторов путем их форсирования. В результате совместных контрольных испытаний ВВС РККА и НКАП в июне 1942 г. было установлено, что самолеты ЛаГГ-3, Як-1 и Як-7 с форсированными моторами М-105ПФ по летным данным практически приблизились к Me-109F и их серийный выпуск начался с июня 1942 г. Кроме того, в апреле-мае 1942 г. были проведены совместные испытания ВВС РККА и НКАП модифицированного самолета ЛаГГ-3 с более мощным мотором воздушного охлаждения М-82. Самолет был рекомендован в серийное производство и стал выпускаться серийно с июля 1942 г. Контрольные испытания серийного самолета, получившего наименование ЛаГГ-3, а затем Ла-5, показал, что его максимальная скорость практически равна скорости Me-109F.

Однако в таком положении наша истребительная авиация находилась недолго. В воздушных боях под Сталинградом у немцев появились новые модифицированные истребители Me-109G-2 с более мощными моторами DB605A/1 и со значительно усиленным стрелково-пушечным вооружением: 3 пушки

калибра 20-мм и 2 пулемета калибра 7,92-мм (на ударном самолете) и 1 пушка калибра 20-мм и 2 пулемета калибра 7,92-мм (на прикрывающем). Эти истребители имели полное превосходство над Як-1, Як-7, ЛаГГ-3 с форсированными моторами М-105ПФ и Ла-5 с М-82, как по максимальной скорости и вертикальному маневру, так и по мощности огня. Истребители противника располагали преимуществом в выборе позиций для атаки, они меньшей группой сковывали численно превосходившую группу советских истребителей.

Летный состав строевых частей, вооруженных истребителями Як-1 и Як-7, считал, что для успешного исхода воздушного боя под Сталинградом на каждый немецкий истребитель необходимо было иметь два советских «Яка». Таким образом, истребительная авиация люфтваффе опять ушла вперед. Для исправления положения ГКО принял много важных решений, в первую очередь, об увеличении выпуска самолетов-истребителей. В октябре 1942 г. постановлением ГКО и приказом НКАП увеличился выпуск истребителей за счет сокращения производства штурмовиков Ил-2 и пикирующих бомбардировщиков Ту-2. По решениям ГКО были развернуты работы по дальнейшему совершенствованию советских истребителей и их летно-тактических данных путем аэродинамических улучшений по рекомендациям Центрального аэрогидродинамического института (самолеты Як-1, ЛаГГ-3, Ла-5, Ил-2 и Пе-2 в натуральную величину продувались в большой аэродинамической трубе ЦАГИ), снижение полетного веса (массы) истребителей. На Ла-5 устанавливали форсированные моторы М-82Ф и М-82ФН. К концу 1943 г. на всех советских истребителях были установлены подвижные части фонарей кабин с аварийным сбросом. Кроме того, была усовершенствована кинематика уборки хвостового колеса. Оно стало убираться в полете, что тоже дало некоторую прибавку скорости. Были проведены и другие работы по улучшению летных характеристик, особенно самолетов Ла-5, но они не дали требуемых результатов. Советские истребители по-прежнему уступали истребителям противника.

Кардинально эта проблема удалось решить только в 1944 г., когда были запущены в серийное производство и начали выпускаться с апреля-мая истребители: Ла-7 – модификация Ла-5 с М-82ФН со значительным улучшением аэродинамики и с меньшим полетным весом, с серийным мотором АШ-82ФН; Як-3 – модификация Як-1 с М-105ПФ с меньшими габаритами крыла и меньшим полетным весом, с мотором ВК-105ПФ2; Як-9У – модификация Як-9 с М-105ПФ с более мощным мотором новой модификации ВК-107А. Советские ВВС, наконец, получили самолеты-истребители, которые по своим летно-тактическим данным не только достигли, но и превосходили все новые типы немецких истребителей.

Однако с испытаниями и внедрением в серийное производство новых истребителей Ла-7, Як-3 и Як-9У сложилось трудное положение. Так, при государственных испытаниях в НИИ ВВС самолета Ла-5 было произведено из 44 полетов всего 9. За время испытаний удалось определить лишь некоторые летные данные. Однако самолет показал высокую скорость (680 км/ч на высоте 6250 м), был запущен в серийное производство и стал выпускаться с обычным вооруже-

нием – 2 пушками калибра 20-мм. В связи с внедрением в серийное производство в 1944 г. самолетов новых модификаций в строевых частях к концу войны с каждым месяцем выявлялись все новые и новые дефекты. Происходило наслонение новых дефектов на ранее выявленные, но еще не устраненные. Поэтому к концу войны во фронтовой авиации количество неисправных самолетов возросло до 17,8%. Между тем, по Постановлению ГКО от 13 февраля 1943 г. доля неисправных самолетов должна была составлять не более 10–15 %. Несмотря на имевшиеся недостатки и дефекты, истребители Ла-7 и Як-3 войсковые испытания на боевое применение выдержали, превосходя истребители противника Me-109G-2 и ФВ-190 всех модификаций по летно-тактическим данным.

Воздушные бои показали, что самолеты Ла-7 и Як-3 с большим успехом могли вести бои с истребителями противника, даже если последние имели количественное превосходство. Наши летчики на Ла-7 и Як-3 внесли некоторые изменения в практику воздушного боя: отпала необходимость прикрывающей (сковывающей) группе находиться с превышением над ударной группой (в «этажерке»), так как самолеты Ла-7 и Як-3 в случае необходимости успевали быстро набрать необходимую высоту и занять выгодную позицию для атаки. Боевые полеты на самолетах, как правило, происходили в строю пар (в звене 4 самолета – 2 пары) общим числом от 2 до 12 самолетов.

Перелом в борьбе за стратегическое господство в воздухе для нашей авиации начался с контрнаступления советских войск под Сталинградом, был усилен в воздушных сражениях на Кубани и окончательно завершён на Курской дуге летом 1943 г. Командный и летный состав советских ВВС с первых дней войны вынужден был овладевать искусством управления авиацией, особенно истребительной в воздушном бою. Эта задача облегчалась введением в действие в 1940 г. боевых уставов: истребительной и бомбардировочной авиации (БУИА-40 и БИБА-40). В начальный период войны, когда советские истребители практически не имели радиосвязи, летчики на земле перед вылетом договаривались об эшелонировании по высотам, кто будет в ударной, а кто в прикрывающих группах, место и время встречи, порядок выхода из боя и т.д. Но при выполнении боевых заданий эти договоренности, достигнутые на земле, в воздухе зачастую нарушались. Зрительной связи между экипажами на таких расстояниях даже в ясную погоду было недостаточно, взаимодействие групп истребителей не получалось.

Однако и в таких условиях от действий советской авиации (в основном, истребительной) только в период с 1 мая по 30 ноября 1942 г. люфтваффе потеряли на советско-германском фронте 7410 самолетов (70,3 % общих потерь), что превосходило их производство на 11 %, т.е. они стали невосполнимыми для Германии. Следует отметить, что весной 1942 г. в организационную структуру ВВС РККА были внесены коренные изменения. Вся авиация общевойсковых армий и фронта сводилась в одно оперативное объединение – воздушную армию, которая подчинялась командующему фронту. Это позволяло централизовать управление всеми силами авиации фронта, используя их там, где требовалась обстановка. Кроме того, в результате роста производства самолетов и нача-

ла внедрения радиосвязи, для повышения мобильности и усиления воздушных армий в августе 1942 г. началось формирование корпусов резерва Верховного Главнокомандования (РВГК).

Успеху советской авиации способствовали новые способы борьбы с немецкими истребителями, улучшение радиосвязи, шире применявшееся уже под Сталинградом эшелонирование, вертикальный маневр, разделение групп истребителей на ударные и прикрывающие (сковывающие), полеты парами, управление самолетами с наземных пунктов наведения по радио. Но в воздушных сражениях на Кубани наша истребительная авиация еще не смогла полностью завоевать господства в воздухе. На Курской дуге в воздушных боях продолжалась работа по слетанности пар истребителей, были широко использованы все новые способы борьбы. После перехода советских войск в контрнаступление была активно использована радиосвязь для управления боевыми порядками с наземных командных пунктов наведения, а также связь между экипажами самолетов. И советская авиация завоевала стратегическое господство в воздухе. К концу 1943 г. наша радиотехническая промышленность смогла обеспечить ВВС, помимо обычных приемно-передающих радиостанций, специальными установками радиобнаружения самолетов, оказавшими неоценимую помощь командному и летному составу в управлении и боевом применении авиации. В 1944 г. стали выпускаться истребители Ла-7, Як-3 и Як-9У, превосходившие на боевых высотах лучшие образцы истребителей люфтваффе. Стратегическое господство в воздухе советскими ВВС было завоевано окончательно. В связи с этим, а также значительным снижением потерь производство боевых самолетов в СССР, начиная с октября 1944 г., стало превосходить их потребности.

Примечания:

1. 1941 год – опыт планирования и применения Военно-Воздушных Сил, уроки и выводы. Материалы военно-науч. конф. руководящего состава ВВС (к 70-летию СА и ВМФ). М., 1989. С. 33.

В.В. Гришин

ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ БОЕВОЙ АВИАЦИИ НА ЮГЕ РОССИИ (1941–1942 гг.)

За два дня до Великой Отечественной войны началось формирование Военно-воздушных сил Южного фронта из состава Военно-воздушных сил Московского и Северо-Кавказского военных округов. Первым командующим ВВС фронта стал генерал-майор авиации П.С. Шелухин. Ему были подчинены ВВС 9-й и 18-й армий, несколько авиационных дивизий и полков. Против ВВС фронта (827 боевых самолетов, до 80 % которых были устаревшими) действовал 4-й воздушный флот люфтваффе (до 1600 боевых самолетов). Тем не менее,

ВВС Южного фронта уже в первый день войны оказали упорное сопротивление захватчикам. Поставленная противником задача уничтожить авиацию Южного фронта на аэродромах не была выполнена. Из 16 летчиков, совершивших воздушные тараны 22 июня, 3 чел. являлись воспитанники ВВС СКВО – М.П. Жуков, С.И. Здоровцев, П.Т. Харитонов, ставшие первыми Героями Советского Союза.

В связи с неблагоприятной обстановкой войска Южного фронта вынуждены были отступать. Авиация фронта прикрывала и поддерживала сухопутные войска на рубеже р. Прут, на подступах к Кишиневу, на р. Днепр, в ходе оборонительных боев за Каховку, Запорожье, Днепропетровск, Донбасс и Ростова-Дону. Чтобы противостоять врагу в воздухе, по инициативе командующего ВВС СКВО генерала С.А. Красовского была сформирована сводная армейская авиационная группа, в состав которой вошли 248-й и 762-й истребительные авиационные полки, укомплектованные в значительной степени за счет летчиков-инструкторов Сталинградского и Краснодарского авиационных училищ (командир – полковник Я.И. Гиль).

Нехватка самолетов, недостаточно высокие тактико-технические данные восполнялись замечательными морально-боевыми качествами советских летчиков. Это помогало им выходить победителями в боях с численно превосходящими силами противника. Так, 6 ноября 1941 г. 12 вражеских самолетов пытались штурмовать Кулешовский аэродром. 5 истребителей 2-й эскадрильи 248-го истребительного авиаполка под командой лейтенанта А.И. Новокшенова вступили в бой и сумели поджечь 2 самолета противника. Эскадрилья лейтенанта В.Т. Кулагина из того же 248-го истребительного авиаполка за три дня упорных боев сбила 8 бомбардировщиков. 28 ноября 3 летчика эскадрильи во главе с Кулагиным вступили в бой с 12 «юнкерсами» и 6 «мессершмитами» и сбили 3 вражеских самолета. Прославилась в боях под Ростовом 6-я отдельная эскадрилья капитана Куманцева, который победил в бою с 6 «мессершмитами», сбив 2 самолета противника. Остальные, не достигнув цели, ушли на свой аэродром. Мощные бомбовые удары по врагу наносили летчики-бомбардировщики 366-го бомбардировочного полка.

В ноябре 1941 г. авиация Южного фронта принимала участие в первой крупной наступательной операции в районе Ростова по разгрому 1-й танковой армии Клейста, являвшейся основной силой противника на южном крыле советско-германского фронта. В ходе этой операции был освобожден Ростов, а противник с большими потерями отброшен к Таганрогу. В неблагоприятных метеоусловиях (10-балльная облачность, местами туман), авиация фронта произвела 3800 вылетов, уничтожила и повредила 140 танков, 2500 автомашин, 76 самолетов и большое количество живой силы.

С 27 ноября по 5 декабря авиация фронта произвела 2230 самолетовылетов, уничтожив 65 танков, 49 самолетов, 1600 автомашин, 30 орудий, около 6000 солдат и офицеров противника. В районе Кирпичево 6 И-16 во главе с лейтенантом П.С. Середой нанесла штурмовой удар по вражеской колонне и уничтожила 5 автомашин с боеприпасами, до взвода пехоты. 9 «мессершмитов» не смогли сковать действия нашей группы. Штурман 298-го истребительного авиаполка

майор В.Г. Семенишин, возглавляя 7 самолетов, нанес внезапный и точный удар по немецкому аэродрому, расположенному вблизи Таганрога, при этом было уничтожено 7 бомбардировщиков противника. Храбро дрались с врагом командир эскадрильи 55-го истребительного авиаполка В.А. Фигичев и летчик-штурмовик лейтенант И.П. Мосьпанов. Впоследствии все они стали Героями Советского Союза.

Опыт боевых действий в 1941 – начале 1942 гг. показал, что распыление авиации по общевойсковым армиям затрудняло управление, концентрацию сил на главном направлении и быстрый маневр по фронту, снижало ее боевые возможности. Поэтому в мае 1942 г. авиация фронта была объединена. 22 мая 1942 г. по решению Ставки Верховного Главнокомандования была сформирована 4-я воздушная армия. В ее состав вошли 216, 217, 229-я истребительные, 230-я штурмовая, 219-я бомбардировочная и 218-я ночная бомбардировочная авиационные дивизии, а также 7 отдельных смешанных авиационных полков. К концу мая воздушная армия имела 208 самолетов и 437 летных экипажей. В начале июня 1942 г. она пополнилась 588-м ночным легкомобильным полком, ставшим в советских ВВС первой женской авиационной частью (командир – Е.Д. Бершанская). В феврале 1943 г. полк был преобразован в 46-й гвардейский, а в октябре того же года удостоен собственного наименования – Таманский. 23 девушкам-гвардейцам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Первым командующим 4-й воздушной армии стал генерал-майор авиации К.А. Вершинин. Штаб был сформирован из личного состава Управления ВВС Южного фронта и частично пополнен офицерами и генералами из соединений и частей ВВС фронта. Формирование воздушной армии осуществлялось в ходе ожесточенных боевых действий. Фашистское командование свой основной удар летом 1942 г. решило нанести на южном крыле советско-германского фронта. Для поддержки своего летнего наступления гитлеровцы сосредоточили на юге более половины своей авиации (1875 самолетов). Войска противника к моменту отступления советских войск имели почти трехкратное превосходство. Наступление немецко-фашистских войск с целью захвата Сталинграда и овладения Кавказом началось почти одновременно. Противник стремился окружить и уничтожить советские войска между Доном и Кубанью и выйти к нефтяным месторождениям Кавказа.

Боевые действия авиации в оборонительных операциях на кавказском направлении начались 21 июля с ударов по войскам противника, выдвигавшимся к Дону, затем по переправам на участке от станицы Цимлянской до Азовского моря. Войска противника поддерживал 4-й воздушный флот (более 400 истребителей и бомбардировщиков, в то время как в 4-й воздушной армии насчитывалось всего 130 самолетов).

Подавляющее превосходство противника привело к отступлению советских войск. За период с 26 июля по 17 августа войска фронта отошли на 500–600 км. Совершая ежедневно по несколько вылетов, летчики очень часто после выполнения очередного задания совершали посадки на новые аэродромы, поскольку

прежние оказывались в зоне боевых действий сухопутных войск. Несмотря на сложную обстановку, соединения армии вели воздушную разведку войск противника, принимали активные действия по их уничтожению. Только в период с 21 июля по 17 августа 1942 г. было произведено до 10 тыс. самолетовылетов. Непрерывные действия авиации сыграли значительную роль в замедлении наступления противника и в срыве замысла по окружению советских войск в предгорьях Кавказа. В ноябре 1942 г. наступление врага было остановлено, прорваться в Закавказье противнику не удалось.

К этому времени советские войска стали получать подкрепление и соотношение сил начало меняться в их пользу. Северная группа войск Закавказского фронта начала готовиться к наступательным действиям по освобождению Северного Кавказа. Перед ней стояла задача разгромить 1-ю танковую группу противника и выходом на побережье Азовского моря отрезать пути к отступлению немецкой группе армий «А». В период подготовки наступления 4-я воздушная армия проводила активные действия против вражеской авиации, нанося удары по аэродромам. В результате резко снизилась активность немецкой авиации (с 570 самолетовылетов в день в начале ноября, до 140 к концу месяца).

Наступление началось 3 января 1943 г. Противник поспешно отступал на Ставрополь и Армавир. Несмотря на непогоду (сплошную облачность, туманы, снегопады и дожди), летчики наносили чувствительные удары по врагу. Боевые задачи выполнялись небольшими группами, парами и одиночными самолетами. Дороги, по которым отходили войска вермахта, находились под постоянным воздействием советской авиации.

В конце января 1943 г., когда войска Южного фронта, выйдя в район Батайска, отрезали пути отступления противнику на Ростов, гитлеровское командование остатки своей разгромленной группировки начало отводить на Кубань. С этого времени все соединения 4-й воздушной армии были нацелены на поддержку войск Северо-Кавказского фронта, созданного в середине января на базе Северной группы войск Закавказского фронта. Помимо уничтожения боевой техники и войск противника на поле боя и нанесения ударов по колоннам на дорогах, перед летчиками была поставлена задача вести борьбу с плавсредствами в Керченском проливе и транспортной авиацией противника, с целью срыва переброски фашистских войск с Тамани в район Крыма и Донбасса. Совершив в феврале 300 самолетовылетов, штурмовики и бомбардировщики армии потопили 10 барж с войсками, разрушили 6 причалов. В ходе ударов по аэродромам было выведено из строя 60 самолетов и 17 грузовых планеров, сбито в воздухе 87 транспортных самолетов.

В марте германское командование приняло решение любой ценой удерживать низовья Кубани и Тамань. Эвакуация войск прекратилась, части начали получать пополнение живой силой и техникой. На аэродромы в южной части Украины, Крыма и Таманского полуострова враг перебросил до 1000 самолетов 4-го воздушного флота, что составляло до 38 % авиации противника на советско-германском фронте. Были привлечены лучшие истребительные соеди-

нения люфтваффе: эскадры «Удет», «Мельдерс», «Зеленое сердце» и другие, а также специальная группа ассов для борьбы с истребителями.

20 апреля 1943 г. был утвержден план авиационного наступления ВВС Северо-Кавказского фронта, в состав которых вошли 4-я и 5-я воздушные армии, усиленные 3 авиакорпусами и 2 авиадивизиями, оснащенными новыми самолетами. В общей сложности советская авиация насчитывала около 950 самолетов. Первое воздушное сражение произошло 17–24 апреля в ходе боев на Малой земле в районе Мысхако. В нем участвовало около 600 самолетов противника и 500 советских самолетов. Последующие сражения происходили в районе станиц Крымской (29 апреля – 10 мая), Киевской и Молдавской (26 мая и 7 июня), длились непрерывно многие часы с широким наращиванием сил сторон. В отдельные дни на сравнительно узком участке в 20–30 км происходило до 40 групповых боев с участием 50–80 самолетов с обеих сторон. Одновременно советская авиация наносила удары по аэродромам противника.

В ходе воздушного сражения на Кубани были продемонстрированы высокая боевая готовность авиационных соединений частей, мастерство летного состава и командных кадров, хорошо налаженное управление и взаимодействие. Зародились новые способы ведения воздушного боя и управления им: вертикальный маневр, эшелонирование по высоте боевых порядков, ввод в сражение резервов, управление групповым воздушным боем с наземных пунктов управления и др. Советские летчики продемонстрировали мужество, смелость, изобретательность. 52 летчикам было присвоено звание Героя Советского Союза.

В мае 1942 г. из авиации Юго-Западного фронта была создана 8-я воздушная армия во главе с генерал-майором авиации Т.Т. Хрюкиным в составе 10 дивизий (5 истребительных, 3 бомбардировочных, 2 штурмовых). Она включала 454 самолета (в том числе 80% старых и неисправных) против 1200 самолетов противника. В июле – августе 1942 г. армия, получив пополнение, прикрывала небо Сталинграда. А в начале 1943 г. в составе 2-го смешанного авиационного корпуса и 8 авиационных дивизий, в которых насчитывалось 640 боевых самолетов (из них 220 исправных), поддерживала наступление войск Южного фронта. Бомбардировщики и штурмовики уничтожали танки и живую силу противника в боевых порядках и в местах сосредоточения, препятствовали выдвиганию вражеских войск к линии фронта. Истребители прикрывали наземные войска от ударов с воздуха, сопровождали группы бомбардировщиков и штурмовиков. Дневные бомбардировщики и штурмовики, действуя преимущественно мелкими группами, часто внезапно появлялись над вражескими войсками и наносили им ощутимый урон. Штурмовики во время атак снижались до бреющих высот, делая по 5–7 заходов на цель.

Стремясь ослабить авиацию противника, командование 8-й воздушной армии уделяло большое внимание нанесению ударов по его аэродромам. 9 января был совершен успешный налет на аэродром в Сальске, где скопилось до 150 вражеских самолетов. Штурмовики и истребители, сделав шесть заходов,

уничтожили и повредили 72 транспортных самолета на земле, сбили 2 вражеских самолета в воздухе. 7 Ил-2 с командиром эскадрильи 806-го штурмового полка капитаном С.И. Лобановым совершили успешный налет на вражеский аэродром в районе Таганрога. Было уничтожено 11 самолетов Хе-111. Два Хе-111 и один Ю-52 успели взлететь, но были сбиты в воздушном бою. Ударам подверглись и другие аэродромы. Активную помощь наступающим частям оказала авиация юго-западнее Зимовников, где была разгромлена сосредоточенная для контрудара крупная вражеская танковая группировка.

Получив большой опыт в боях под Сталинградом, авиаторы смело вступали в воздушные схватки с численно превосходящим противником и выходили из этих боев победителями. 27 января 4 Як-1 31-го гвардейского истребительного полка, прикрывая свои войска, встретили 7 Ю-88 и 4 Ме-109. Первую атаку наше звено произвело внезапно со стороны солнца, затем парами атаковало бросившихся врасыпную «юнкерсы». В этом бою гвардии капитан Л.М. Решетов и гвардии лейтенант Н.Е. Глазов сбили по одному бомбардировщику, которые упали и сгорели в районе станицы Мечетинская.

Подвиг совершил в боях на подступах к Ростову летчик-штурмовик лейтенант Г.А. Жовтоножко. 21 января 1943 г. летчики 622-го штурмового авиаполка Жовтоножко и Думенко вылетели на штурмовку танковых и механизированных колонн противника в районе хутора Усьман на западном берегу Маныча. При выходе на цель их атаковала 4 «мессершмитов». Лейтенант Жовтоножко приказал ведомому Думенко, прикрываясь облачностью, уходить на свой аэродром, а сам вступил в бой с истребителями противника. Скоро Ил-2 был подбит, но летчик сумел посадить свой самолет на заснеженное поле у хутора Тузлуков. К самолету направились 2 немецких бронетранспортера с автоматчиками. Огнем из авиапушки Жовтоножко сумел подбить оба бронетранспортера, а когда боекомплект закончился, поджег самолет и, отстреливаясь из пистолета от вражеских солдат, попытался скрыться в лесополосе. Но прорваться сквозь вражеский заслон не удалось. Последнюю пулю Г.А. Жовтоножко пустил себе в висок.

7 февраля части и соединения Южного фронта развернули решительное наступление на участке от Новочеркасска до Батайска. В ходе ожесточенных боев авиация 8-й воздушной армии осуществляла непосредственную поддержку наземных войск и прикрывала их от ударов с воздуха. От захватчиков были освобождены города Батайск, Азов, Шахты, Новочеркасск, а затем и Ростов-на-Дону. Враг был вынужден отойти на заблаговременно подготовленные рубежи. Попытки наступавших войск Южного фронта прорвать Миус-фронт с ходу успеха не имели, 18 февраля они перешли к обороне. В целом, за период Ростовской наступательной операции части и соединения 8-й воздушной армии совершили свыше 5900 самолетовылетов, провели 125 воздушных боев, уничтожив 78 самолетов, большое количество техники и живой силы противника.

Бомбардировочная авиация противника, действуя с аэродромов Донбасса и Крыма, пыталась нарушить железнодорожные коммуникации фронта. Она неоднократно совершала налеты на Батайск и Ростов-на-Дону, где сходились

пути из Сталинграда, Баку и Краснодара. За десять последних дней марта гитлеровцами произведено 6 массированных налетов, в которых участвовало свыше 250 бомбардировщиков и 90 истребителей. Нелегко пришлось в этих условиях советским истребителям. 25 марта произошло 15 воздушных боев, в которых было сбито 18 самолетов противника. В этот день летчик 9-го гвардейского истребительного полка гвардии старший лейтенант П.П. Коровкин пошел в лобовую атаку на бомбардировщик и таранил его. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны I степени. В воздушных боях над Ростовом и Батайском только 9-й гвардейский истребительный полк уничтожил 16 самолетов врага. Всего за март и апрель частями армии было произведено 15900 боевых вылетов, произведено 105 воздушных боев, сбито 98 самолетов.

Чтобы ослабить противодействие авиации противника, части 8-й воздушной армии в мае нанесли несколько ударов по аэродромам гитлеровцев. На одном из них, расположенном вблизи Иловайска, было уничтожено 14 самолетов, а в районе Сталино летчики 270-й бомбардировочной дивизии разрушили летное поле и уничтожили 19 самолетов. Успешные боевые действия в тылу противника вели истребители, организовавшие «свободную охоту». За 7 дней «охотники» выполнили 256 самолетовылетов, сбили 7 самолетов, уничтожили 29 автомашин, повредили 7 паровозов, потопили 3 катера.

Если в апреле противник сделал 1 840 самолетовылетов на Ростов-на-Дону и Батайск, то в мае – уже более 3000. В отдельные дни в небе над этими городами одновременно находились до 150 вражеских самолетов. С большим напряжением действовали в этих условиях советские авиаторы. Всего в мае части и соединения 8-й воздушной армии произвели 2510 боевых вылетов, в том числе 1366 днем и 1144 ночью. Отважно сражались и летчики-девушки. 6 вражеских самолетов сбита летчица 73-го гвардейского истребительного полка гвардии лейтенант Е.В. Буданова. Она сражалась над Сталинградом, Ростов-на-Дону и в Донбассе. Правительство наградило ее орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени. В этом же полку воевала комсомолка Л.В. Литвяк, на боевом счету которой 12 сбитых самолетов.

Борьба над Миус-фронтом носила крайне ожесточенный характер. В июле летчики армии провели 273 воздушных боя, сбили 243 самолета противника. Было произведено 9395 боевых вылетов, повреждено и уничтожено 290 танков, 122 орудия, 830 автомашин и выведено из строя свыше 2,4 тыс. вражеских солдат. Несмотря на то, что оборона немецко-фашистских войск на Миусе не была прорвана, наступление сыграло немалую роль. Активными действиями Южный фронт сковал крупную группировку в Донбассе, не позволив ему снять отсюда войска и перебросить их под Курск, где решалась судьба летне-осенней компании 1943 г. Более того, для действий против Южного фронта противник перебросил значительные силы из-под Харькова. Враг понес существенные потери в живой силе и технике, в том числе в результате активных действий 8-й воздушной армии, которая на протяжении всего периода с февраля по август 1943 г. вела непрерывные бои, произведя 29770 самолетовылетов.

Н.Г. Кашеварова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОПЕРАТИВНОГО ШТАБА РЕЙХСЛЯЙТЕРА РОЗЕНБЕРГА В ОБЛАСТИ СБОРА И ИЗУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР (1941–1945 гг.)

К малоизученным страницам истории Второй мировой войны относится противостояние в сфере идеологии и пропаганды. Достаточно важным для оккупантов был процесс сбора информации о захваченных территориях, в первую очередь с целью более успешного их порабощения и эксплуатации, а также подтверждения отдельных идеологических постулатов нацизма, например, о расовой чистоте немецкого народа и роли германских племен в формировании народов и государственных образований в Восточной Европе. В отличие от официальных нацистских структур, ведавших сферой идеологии и пропаганды на государственном уровне, некоторые немецкие организации пытались подвести под этот процесс научную основу. Довольно масштабной в данной области оказалась деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg, далее – Штаб), осуществлявшего массовые конфискации и перемещение культурных ценностей на оккупированных нацистами территориях.

Согласно ряду распоряжений высшего руководства рейха, в том числе известному приказу Гитлера от 1 марта 1942 г., главным заданием Штаба была борьба с «большевизмом, еврейством и масонством», которые считались главными идеологическими врагами национал-социализма. Это давало право Штабу конфисковать различные материалы и использовать их в научных и идеологических целях. Они должны были служить источником разнообразной информации об оккупированных территориях, прежде всего, о СССР, как для самого Штаба и его структур, так и для различных нацистских служб. При этом вопросами ведения пропаганды на территории оккупированных стран Штаб не занимался. Они пребывали в сфере компетенции органов оккупационной власти – отдела пропаганды Верховного командования вермахта в зоне военной администрации и отдела прессы и пропаганды Имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий в зоне гражданской администрации, который должен был координировать свои действия с Имперским министерством народного просвещения и пропаганды и определять политику соответствующих отделов рейхскомиссариатов. При необходимости Штаб предоставлял им интересующую их информацию.

При создании Штаба предусматривалось, что он будет действовать только в годы войны, собирая идеологические и научные материалы, с перспективой их полноценного изучения и использования после завершения военной кампании в Восточной Европе. Предполагалось также, что изучению оккупированных территорий будет способствовать создание Восточной библиотеки Розенберга, которая должна была стать основным книжным собранием по истории российского, украинского и белорусского народов и центром исследования большевизма, системы учреждений Высшей школы – будущего партийного университета, задум-

манного Розенбергом, в которую входил целый ряд научно-исследовательских институтов. Именно для них предназначалась значительная часть научных источников и культурных ценностей, вывезенных с территории Украины, Белоруссии и России, прежде всего книжных и архивных коллекций.

Определенное исключение составляли материалы специализированных собраний военного и хозяйственного значения, необходимые оккупантам для текущего ведения войны, например, документы военного происхождения. Штаб мог конфисковать их для обеспечения сохранности, но впоследствии должен был передать филиалу Военного архива (г. Данциг-Олива) и Хозяйственному штабу «Восток». На данный процесс также влияла конкуренция, существовавшая между Штабом и другими службами: военными, СС и «Аненербе», зондеркомандой Кюнсберга министерства иностранных дел и многими другими, хотя официально право на конфискации вышеупомянутых ценностей принадлежало именно Штабу.

Постепенно сформировалось отдельное широкое направление работы Штаба согласно его задачам в сфере идеологии – одновременно с конфискациями собраний музеев, библиотек, архивов, научных учреждений и учебных заведений с целью их сохранения, описания и научного изучения при Штабе была развернута деятельность по написанию работ научного и информационно-аналитического характера. Чаще всего они готовились в форме статей, очерков, обзоров. Немцы называли их «разработками» (нем. «Ausarbeitungen»), они были посвящены самым различным вопросам, связанным с оккупированными территориями. Среди других целей – обеспечение полученной информацией других нацистских служб, например, путем предоставления книг из Восточной библиотеки, материалов, поступивших в Управление штаба в Берлине (фотографий, кинофильмов и пр.), «разработок» из архива при отделе использования Управления штаба [1]. Конфискованные материалы использовались также при проведении выставок, показов советских кинофильмов, культурно-образовательных вечеров, на которые приглашались представители различных нацистских оккупационных структур: военных частей и служб, органов гражданского управления, прессы и др.

Информация об этом направлении деятельности Штаба содержится в его документах. Прежде всего это распоряжения высшего руководства рейха об идеологических заданиях Штаба; инструктивные материалы и распоряжения Управления штаба в Берлине и руководства главных рабочих групп на местах, отчеты структурных частей о проделанной работе, сами «разработки», переписка с другими учреждениями, обращавшимися в Штаб о предоставлении нужных им материалов. В отдельную группу выделяются документы так называемых особых штабов (Sonderstäbe), которые работали при Оперативном штабе, но формировались партийными ведомствами А. Розенберга как Уполномоченного фюрера по делам наблюдения за общим духовным и идейным обучением и воспитанием в НСДАП. Эти ведомства курировали отдельные направления: история, наука, фольклористика, идеология и др. (всего около 15). Среди документов особых штабов – отчеты и донесения, а также рабочие поручения для сотрудников. Самостоятельным источником информации могут служить и личные дела научных сотрудников Штаба.

Немаловажным в рамках вышеуказанного направления было создание и пополнение так называемого Архива разработок. Он представлял собой структурную единицу при отделе использования Управления штаба в Берлине, хотя сведений в документах о нем как о самостоятельном подразделении немного, очевидно потому, что он не функционировал обособленно и не создавал своей исходящей документации.

«Разработками» при Штабе называли все виды научных и информационных работ: монографии, статьи, обзоры, очерки на различные темы и самого разного характера, информационно-аналитические материалы, подборки информации, подготовленные для Оперативного штаба. Объем их был разным: от нескольких страниц до трудов в нескольких томах. В процессе расширения и углубления работы в категорию «разработки» включались не только отдельные самостоятельные работы, но и особые донесения различной тематики, в первую очередь научных сотрудников Штаба и т.п.

К оригинальным работам, а не трудам компилятивного характера предъявлялся целый ряд научных требований. Среди них: обязательная ссылка на источники, использованные при подготовке работы, как в целом, так и при цитировании; наличие библиографии, сопровождение текста приложениями, например, документальными; а также требование избегать личных, субъективных оценок в основном тексте. Для интерпретаций и личных оценок отводилась отдельная часть работы [2]. Для внешнего оформления таких трудов была разработана специальная унифицированная форма подачи текста.

Процесс подготовки шел, в основном, при главных рабочих группах, действовавших на территории Восточной Европы: Главной рабочей группе «Украина» (с центром в Киеве, в 1941–1943 гг.), Главной рабочей группе «Остланд» (с центром в Риге), Главной рабочей группе «Центр» (в Белоруссии и прилегающих к ней областях России, с центром в Минске). Последняя отделилась от Главной рабочей группы «Остланд» в мае 1943 г. Здесь подобные работы создавались, в основном, в рамках планов по изучению большевизма (план «Восток» [3], «план Прокша» [4]).

Согласно этим планам, большая часть «разработок» была посвящена истории, идеологии и системе государственного управления, экономике, социальной политике, здравоохранению, образованию и культуре, науке СССР. Так, план «Восток» охватывал 50 тематических направлений, в значительной мере дополнявший его по части сферы государственного управления «план Прокша» (по имени сотрудника Штаба) – около 30. Затронуты были почти все сферы жизни в СССР. Кроме того, нацистов интересовали расовые исследования, связи народов Восточной Европы с германскими народами в историческом аспекте и др. Во второй половине 1943 г. количество разработок в Архиве Штаба составляло 3 тыс. [5], на рубеже 1944–1945 гг. – 5 тыс. [6]. Их общий объем сложно подсчитать, лишь в 1944 г. общее количество хранившихся в Архиве разработок возросло на 1087 общим объемом около 16 тыс. страниц.

Кроме этого, в общем архиве Штаба есть информация о работах, подготовленных при его главных рабочих группах, работавших в Западной и Юго-Восточной

Европе (Париж, Брюссель, Белград). Их гораздо меньше по количеству (в пределах нескольких десятков) и посвящены они, в основном, вопросам масонского движения, истории еврейского народа, несколько работ – обычаям и верованиям балканских народов [7]. Например, за три месяца, в период с 1 июля по 30 сентября 1943 г. в отдел использования, который тогда назывался отделом учета и контроля, поступило 515 разработок: 132 – из Риги, 114 – из Минска, 110 – из Киева, 13 – из Белграда, 13 – из Парижа, 12 – из Брюсселя, 2 – из Франкфурта, 119 – из Берлина [8].

Источниками «разработок» служили книжные и архивные собрания оккупированных областей, нормативно-законодательная база, документация местных учреждений, материалы местной прессы, приветствовались также личные воспоминания, особенно советских граждан о жизни в СССР. Среди авторов были как немцы – сотрудники Штаба, специалисты в различных областях, так и местные сотрудники, как правило, ученые, преподаватели, учителя, журналисты, специалисты различного профиля, например, инженеры, статистики, врачи и др. Подобное сотрудничество осуществлялось на добровольных началах, выплачивалось вознаграждение, что было важно для ученых, которые в условиях оккупации оказались в тяжелом материальном положении. Уровень подобных работ был различным, как и степень информативности и объективности. По данным бюро переводов, существовавшего при Управлении штаба, например, предположительно за июль 1944 г. при Штабе было переведено с русского языка на немецкий язык 328 работы с 2 184 страницами машинописного текста. Из них 136 работ представляли собой сложный научный текст, а 156 – тексты среднего уровня сложности.

Процесс подготовки работы на местах включал в себя несколько стадий: работа с источниками (для сотрудников Штаба), написание работы согласно тематическому плану, предложенному руководством, перевод на немецкий с местного языка, машинописный набор и оформление. Концентрировались работы в Управлении штаба в Берлине, откуда во второй половине лета – осенью 1943 г. в связи с угрозой бомбардировок Берлина отдельные структуры Управления штаба, в том числе и отдела учета и контроля, переехали в Силезию, в г. Ратибор [9]. Впоследствии работа проходила рецензирование, при котором помимо новизны и информативности работы оценивались также перспективы ее использования, давались рекомендации, какие имперские службы данная работа может заинтересовать. Однако эта последовательность не была строгой, например, работы на более актуальные темы могли сразу пересылаться в Берлин, в отдел использования. Каждой работе присваивался шифр, по которому впоследствии ее можно было найти в архиве. Шифр, как правило, состоял из двух рубрик – тематической и географической. Например, работа с названием «Значение исследований древней истории в Остланде» имела шифр 600/71, где «600» означало «древняя история», а «71» – «Остланд» (т.е. территорию Прибалтики) [10].

Процесс выдачи работ для использования шел параллельно с пополнением Архива, особенно со второй половины 1943 г. и до начала 1945 г. включительно. Например, состоянием на 1944 г. в использовании пребывало около 1800 разработок [11]. Сохранились списки учреждений, которые обращались за инфор-

мацией как в Управление Штаба в Берлине, так и к руководителям главных рабочих групп Штаба на местах. Среди основных потребителей этой информации (общей численностью до 80) были различные службы А. Розенберга как Уполномоченного фюрера по делам наблюдения за общим духовным и идейным обучением и воспитанием в НСДАП; вермахт и работающие при нем структуры; учебные заведения рейха, от школ до вузов, научно-исследовательские учреждения, различные научные и культурные общества и др. [12]. Восточная библиотека в конце 1944 г. имела уже 150 тыс. закаталогизированных и готовых к выдаче книг, вывезенных с оккупированной территории СССР. Общее же их количество по приблизительным оценкам составляло около 1 млн [13].

Таким образом, в 1941–1942 гг. основная деятельность Штаба на оккупированных территориях СССР была связана с разворачиванием здесь своих структур, осмотром библиотек, музеев, архивов, научных учреждений, учебных заведений; оценкой их состояния, как самих зданий, так и их собраний и коллекций, имеющих на месте (некоторые собрания или их части были вывезены в эвакуацию или пострадали от военных действий), а также определением их культурной или научной ценности и перспектив использования в будущем. После этого производился отбор ценностей для вывоза в рейх, сортировка собраний, которые оставались на месте, например, книг, в том числе учебных, и фильмов. Всего, по данным Штаба, его сотрудники провели работу на 2265 объектах, среди которых 921 находился на территории Прибалтики, 311 – на территории Белоруссии и соседних с ней областей России, 1035 – на Украине, территории Юга России и Кавказа. Из этих объектов 375 составляли архивные фонды, 957 – книжные собрания, 531 – собрания институтов, 402 – музеев [14]. Однако по имеющимся данным сложно установить точное количество учреждений, с собраниями которых работал Штаб. Согласно его инструкциям подобным «объектом» могло выступать как одно учреждение со всеми его собраниями, так и отдельная специализированная коллекция [15]. Определенную ясность может внести дальнейшее изучение отчетов рабочих групп за разные промежутки времени и так называемая «картотека Z» [16], но она сохранилась не полностью.

В 1943 г. в работе Штаба преобладал вывоз культурных и научных ценностей, в том числе и в связи с приближением линии фронта. Несмотря на это, значение подготовки разработок возрастало – в 1944–1945 гг. внушительная часть сотрудников Штаба в Ратиборе (около 150 чел.) сосредоточилась на работе над конфискованными материалами информационного и научного содержания. Они редактировали их, описывали, систематизировали, проводили каталогизацию, рецензирование, перевод на немецкий язык, машинописный набор, а также предоставляли эти работы заинтересованным структурам.

К сожалению, на данный момент нет сведений о том, сохранился ли Архив разработок Оперативного штаба в своем полном составе. Известны лишь отдельные работы, как правило, это небольшое количество оригиналов и копии, сохранившиеся в составе двух наибольших частях общего архива Оперативного штаба, а именно в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины) (фонд 3676) и в

Федеральном архиве в г. Берлине (фонд NS 30). Общее количество сохранившихся работ в совокупности по предварительным подсчетам составляет около сотни. Почти все сохранившиеся работы уже в машинописном виде и на немецком языке, однако, встречаются работы на русском и украинском языках, которые, видимо, не успели перевести. Сохранились списки работ за разные промежутки времени с основной информацией о каждой работе, где были указаны: название, автор, ответственный редактор (сотрудник Штаба), количество страниц, иногда – уже присвоенный работе шифр, этап, на котором она находится (редактирование, перевод, набор), дата поступления. Благодаря этому можно приблизительно реконструировать состав Архива разработок. Сами по себе они не имеют высокой научной ценности, но могут в значительной мере предоставить новые данные о собирательской и научной деятельности Штаба, что, в свою очередь, обогатит знания о значении оккупированных стран для Третьего рейха и его политических целях.

При Управлении штаба также функционировала и фотолаборатория, благодаря работе последней был сформирован отдельный архив фотографий. По данным 1945 г. фотолабораторией было изготовлено 6 тыс. снимков, сделанных, в основном, на оккупированных территориях Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, России, а также 10 тыс. увеличенных фотографий для различных целей [17]. На них сотрудниками Штаба были запечатлены виды городов в оккупации, зафиксирован ущерб, причиненный военными действиями, отображена жизнь населения в оккупации, а также отдельные мероприятия самого Штаба – совещания, рабочие моменты, поездки. Фотоархив сохранился не полностью, но его часть в количестве минимум около 2 тыс. кадров можно найти в ЦГАВО Украины (фонд 3676), где сохранилось несколько десятков пленок (по 30–36 кадров в каждой), распечатанных в виде фотопозитивов, также часть их хранится в Федеральном архиве в Берлине.

Таким образом, изучение деятельности Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга позволяет раскрыть малоизученные аспекты идеологической составляющей политики нацистской Германии в отношении оккупированных территорий и проживающего на них населения, механизмов изучения истории, экономики, политики поработенных стран. Ее целью являлась превращение данных территорий в колониальную ресурсную базу рейха, организация системы управления, эксплуатация материальных и природных ресурсов, уничтожение исторической памяти проживавших там народов.

Примечания:

1. «Abteilung Auswertung» дословно переводится как «отдел оценивания» или «отдел использования», был неоднократно реорганизован, с 1943 года носил название «отдел учета и контроля» («Abteilung Erfassung und Sichtung»).
2. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 63 а. Л. 1–1 об.
3. Там же. Д. 63. Л. 80–94.
4. Там же. Д. 26 а. Л. 158–160.

5. Bundesarchiv (далее – BArch), NS 30/1/58. См.: http://startext.net-build.de:8080/barch/MidosaSEARCH/NS30_25600/index.htm (дата обращения 12.05.2012).
6. Там же. NS 30/211/222. Цифровую копию онлайн см. http://startext.net-build.de:8080/barch/MidosaSEARCH/NS30_25600/index.htm (дата обращения 12.05.2012).
7. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 155–158, 165, 171.
8. Hartung, U. Verschleppt und verschollen: eine Dokumentation deutscher, sowjetischer und amerikanischer Akten zum NS-Kunstraub in der Sowjetunion (1941–1948). Bremen. 2000. S. 191.
9. Ратибор – немецкое название польского города Рацибуж.
10. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 31. Л. 432–437.
11. BArch, NS 30/211/222. См.: http://startext.net-build.de:8080/barch/MidosaSEARCH/NS30_25600/index.htm (дата обращения 12.05.2012).
12. Hartung, U. Op. cit. S. 194–196.
13. Себга, Т. М. Оперативний штаб рейхсляйтера Розенберга та його про бібліотечна діяльність в Україні: джерелознавчий аналіз // Бібліотеки Києва у період нацистської окупації (1941–1943). К. 2004. С. 137.
14. BArch, NS 30/1/58/59. См.: http://startext.net-build.de:8080/barch/MidosaSEARCH/NS30_25600/index.htm (дата обращения 12.05.2012).
15. ЦГАВО Украины. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 59. Л. 342.
16. Картоотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг»: Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белорусии 1941–1942. М. 1998. 352 с.
17. BArch, NS 30/211/226. Цифровую копию онлайн см. http://startext.net-build.de:8080/barch/MidosaSEARCH/NS30_25600/index.htm (дата обращения 12.05.2012).

К.Н. Максимов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭМИГРАЦИИ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ КАЛМЫКОВ В СОЮЗНИКИ НАЦИСТОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

В результате Октябрьской революции 1917 г. российское общество впало в бифуркационное состояние. Естественно, такое положение вызвало в стране Гражданскую войну, которая провела трагическую черту между противоборствующими сторонами. Конечным ее последствием стала для «красных» победа, для «белых» – поражение, определившее дальнейшую их сложную судьбу. В водовороте этих драматических событий оказались и калмыки, представленные в военных действиях против красных несколькими полками – донскими 3-м Калмыцким и 80-м Зюнгарским, двумя «тундутовскими» астраханскими полками, а также отдельными группами в донских казачьих полках. В бра-

тоубийственной войне фатальной неизбежностью явился вынужденный исход части калмыков на чужбину в составе первой волны русской эмиграции.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. калмыцкие эмигранты расселились уже во многих странах Европы. Значительная их часть оказалась во Франции, где они в 1928 г. создали общественно-политическую организацию «Хальмэг Тангчин Туг» (ХТТ) – «Знамя калмыцкого народа» и учредили печатный орган «Ковыльные волны», руководителями которых стали Ш.Х. Балинов и С.Б. Балыков. Задача ХТТ состояла в «*посильной защите национально-политических прав*» калмыков зарубежья. Кроме этого, президиум организации выдвигал более отдаленную, обширную национальную задачу – освобождение и возрождение своего народа [1]. Тем самым, калмыцкие эмигранты, расставаясь с иллюзиями о возвращении в Россию, вынуждены были искать пути самоорганизации. Основная цель социальной организации калмыков в эмиграции заключалась в адаптации к условиям зарубежья, сохранении самоидентичности. Следует отметить, что калмыцкие эмигранты в эти годы устанавливают связь с Обществом ревнителю казачества. Активисты калмыцкой эмиграции, солидаризуясь с идеями казачества, видели будущее своего народа в составе государства «Казакия» в качестве его автономной части. Идея создания Казакии принадлежала Союзу казаков-националистов и одобрялась Обществом ревнителю казачества. Поэтому «Ковыльные волны», поддерживая названные казачьи объединения, вели полемику со сторонниками воссоздания единой России после падения большевизма. Так, Ш. Балинов, защищая концепцию государственности Союза казаков-националистов, считал казачество особым народом, задачей которого является обретение в ходе войны национальной и государственной независимости. Он заявлял, что в Советском Союзе под красным флагом осуществляется старый русский империализм. Стремление русской эмиграции отстаивать целостность страны он рассматривал исключительно как «*борьбу с освободительным движением угнетенных народов*» [2].

Начавшаяся Вторая мировая война заставила калмыцких эмигрантов искать более приемлемые условия для жизни и деятельности, а также политически активизироваться. С увеличением потребностей рабочей силы в Германии многие калмыцкие эмигранты перебрались туда. Война внесла раскол в калмыцкую эмиграцию по политическим, идеологическим мотивам. Одна часть эмигрантов выступила против фашизма, и включилась в вооруженную борьбу с гитлеровцами, а другая – заняла активную позицию на стороне нацистов с возгоревшейся иллюзией о возвращении в Россию с помощью Гитлера. Эту группу возглавили Шамба Хачинович Балинов и Саран Балданов. Вскоре они были замечены нацистскими властями, и Восточное министерство Германии их направило в сентябре-октябре 1942 г. во временно оккупированную Элисту. Основная цель поездки заключалась в изучении положения в Калмыкии, организации пропагандистской работы, в попытке привлечь местное население на сторону немцев. Ш. Балинов, сетуя на кратковременность пребывания в Элисте (три недели), в докладе, представленном 3 февраля 1943 г. в Остминистерии, ограничился анализом обстановки в оккупированной части Калмыкии и настроения

ее населения: *«По вопросу об отношении к советской власти, большевистскому режиму калмыки делятся на две неравные части: а) старое поколение, примерно, люди старше 35 лет, почти без исключения резко антибольшевистски настроено; б) младшее поколение такой вражды к советской власти не имеет, а в некоторой своей части ей даже сочувствует»*. В заключительной части доклада он писал: *«Твердо верю в военную победу Германии. Но я молю Бога, чтобы она победила и политически. Необходимо решить вопрос об их дальнейшей форме бытия. Недостаточно сказать: мы освобождаем вас от большевиков, а надо сказать, что будет на другой день после освобождения, после окончания войны»* [3].

С усложнением ситуации на Восточном фронте в 1943 г. нацисты, надеясь на достижение коренного перелома в войне, активизировали деятельность национальных политических организаций, находившихся под опекой Министерства пропаганды. Для более тесного сотрудничества с Третьим рейхом, лелея надежду возвратиться в Россию победительницей, калмыцкая эмиграция, переехавшая из Франции в Германию, весной 1943 г. скорректировала устав и возобновила работу Калмыцкого национального комитета (КНК) – Kalmukischen Aushoss, действовавшего под контролем ведомства А. Розенберга и фашистских спецслужб. Главное назначение этой организации, по признанию ее руководителя Ш. Балинова, заключалось в содействии победе Германии для того, чтобы осуществить мечту эмигрантов о возвращении на родину [4]. По свидетельству начальника высшей разведывательной школы «Арбайтсгемайншафт Туркестан» («Рабочее объединение Туркестан») гауптштурмфюрера СС Райнера Ольшца, на начальном этапе организации в руководстве Калмыцкого национального комитета не было единства. Одна группа тяготела к «Туркестанскому комитету», вторая во главе с Ш. Балиновым стояла на платформе полной самостоятельности [5].

Ш. Балинов, излагая цели только что созданной организации, писал: *«Имперскими властями великой Германии признан и утвержден Калмыцкий национальный комитет, как национальный общественно-политический представительный орган калмыцкого народа»*, который *«всю свою надежду возлагает на Германию, всю свою ставку делает на нее. Безоговорочно и без оглядки судьбу своего народа связывает с Германией, веря в ее благородное покровительство»* [6]. Поэтому КНК, вплетаясь в государственный механизм нацизма, видел свою цель в том, чтобы *«представительствовать свой народ перед имперскими властями; говорить о форме, необходимых и возможных рамках самоуправления Калмыкии, как о предпосылках национального возрождения в сфере влияния Германской империи в новой Европе; об общественном строе, в основу которого ляжет, несомненно, идея национал-социализма, как наилучшая база единения народа, как основа его государственности, как противоядие коммунизму, интернационализму и ложному, лицемерному демократизму»* [7].

Для выполнения главной задачи КНК – *«собрание и сложение наших сил»* и достижения поставленной цели учреждался печатный орган – ежемесячный журнал «Хальмэг» («Хальмэг Тангэчин комитетин судар» – журнал «Калмык» КНК), первый номер которого вышел в мае 1943 г. в Берлине. Редактором нового журнала был утвержден Ш. Балинов, администратором – П. Джевзинов.

Фактически издание находилось в подчинении и под контролем Дюлфера, ответственного редактора печатных органов всех Национальных комитетов кавказских народов, и Брауна, руководителя Немецкого национального издательства. Журнал стал одним из многочисленных пропагандистских рупоров нацизма, поскольку его учредитель выдвинул на первое место задачу писать о гитлеровской Германии и войне, *«бороться за ликвидацию остатков большевизма в сознании, в общественном мнении народа, в трудовой деятельности людей»*, а затем уж *«стремиться к восстановлению лучших традиций, обыкновенных и добрых общественных и хозяйственных качеств нашего народа»* [8].

Основная задача этого идеологического печатного органа предельно ясно излагалась в статье Араши Борманжинова «Значение происходящих событий», опубликованной во втором номере журнала. В ней говорилось: *«для победы, нам, калмыкам, необходимо принять активное участие в борьбе против жидокоммунизма, в его свержении... Мы, калмыки, горячо желаем победы национал-социалистической Германии и ее союзников, так как в победе Германии – наше спасение»* [9]. Эта идея настойчиво звучала почти во всех номерах журнала. Белая эмиграция, не имея абсолютно никакой связи с калмыками России, ни политической, ни социальной опоры в ней, все время пыталась говорить и выступать от имени всего народа.

Однако КНК и его журнал «Хальмэг», ставя иные цели, в отличие от национальной общественно-политической организации «Хальмэг Тангчин Туг», выступили пронацистским инструментом в государственном механизме фашистской Германии. Стремясь привлечь к себе внимание, показать свою «бурную деятельность», члены КНК не гнушались публиковать и лживые сообщения. Так, в № 3/4 журнала (июль – август 1943 г.) была помещена абсолютно не соответствовавшая действительности информация: *«По занятии Калмыцкой территории германскими войсками, все калмыки, способные к эвакуации, ушли с немецкими войсками, большинство калмыков, находившихся в рядах Красной армии, перешло на сторону Германии»*. А в № 6 журнала (октябрь 1943 г.) дополнялось: *«калмыки [в России] лишены были права занимать пост даже низшего командира, а все калмыки, учившиеся в военных школах, оттуда были изгнаны, как предатели»*. Эта ложная информация была взята из отчета, представленного 3 февраля 1943 г. в Восточное министерство Германии Ш. Балиновым о поездке в октябре 1942 г. во временно оккупированную Элисту.

Между тем в течение 1942 г. из воевавшего против фашистов 13 021 воина-калмыка в Красной армии остались 5 906 чел. (остальные погибли, умерли в госпиталях, попали в плен), в том числе 469 офицеров (из них 104 политработника), 656 сержантов. В конце 1943 г. на полях Великой Отечественной войны сражались против фашистов 11 415 калмыков из числа призванных в 1941–1943 гг. 25 747 чел. Остальные в течение 1941–1942 гг. погибли, умерли в госпиталях от ран, попали в плен. В 1944 г. в составе Красной армии, несмотря на снятие с фронта по национальному признаку, продолжал воевать против фашистов 6891 калмык, из них 590 офицеров, 921 сержант, 5159 рядовых, а в военно-учебных заведениях учились 221 чел. [10].

Вскоре после учреждения журнала «Хальмэг» по инициативе министерства пропаганды Германии в июле 1943 г. при его восточном отделе была создана калмыцкая редакция на радио Берлина. Она подчинялась непосредственно структурному подразделению «Винета». Редактором был назначен П. Джевзинов, сотрудниками редакции – С. Степанов, Б. Бембетов, Д. Чурюмов, С. Аршинов, С. Балданов. Активное участие в организации работы и подготовке передач по радио принимали служащие Калмыцкого отдела Восточного министерства, руководимого Ш. Балиновым, – С. Далантинов, Д. Ремелев, С.-Р. Меньков, А. Борманжинов, Х. Чурюмов, С. Кульдинов, С. Кульдинова, С. Бадминов, Н. Нембриков и др. Подобные редакции и отделы в указанных германских министерствах имели также осетины, татары, туркестанцы, грузины, армяне и представители других народов, а казаки при Восточном министерстве – управление.

Первая передача вышла в эфир на калмыцком языке уже 3 августа 1943 г., которую калмыцкая диаспора восприняла как историческое событие: впервые калмыцкая речь прозвучала по радио в центре Европы. В первые же месяцы вещания редакция радио выступила с обращением к калмыкам СССР, призывая вступать в ряды немецкой армии, ускорить ее победу. В нем ложно утверждалось, что *«все калмыки, способные к эвакуации, ушли с германскими войсками. Большинство калмыков, находившихся в рядах Красной Армии, перешли на сторону Германии»* [11]. Однако никакого эффекта от этого обращения не получилось, поскольку оно носило явно дезинформационный характер, а с начала войны у населения СССР были изъяты все радиоприемные устройства, зарубежные радиопередачи контролировались и заглушались.

В это же время начал свою деятельность Калмыцкий отдел Восточного министерства, ставивший перед собой задачу освобождать калмыков из лагерей военнопленных и вывозить их из положения «остарбайтеров», оказывать калмыкам-беженцам материальную, юридическую помощь, в обеспечении жильем. Отдел предпринимал меры к организации подготовки, на случай возможного возвращения в Элисту временного калмыцкого правительства, а также к усилению влияния на руководство так называемого Калмыцкого кавалерийского корпуса (попытки инспектирования, оказания помощи в обеспечении обмундированием, вооружением, комплектовании личного состава).

Наконец, отдел брал на себя задачу установления связей с эмигрантскими организациями, национальными подразделениями Восточного министерства Германии для координации действий в антибольшевистской борьбе. С этой целью заведующий Калмыцким отделом Восточного министерства Ш. Балинов, он же руководитель КНК, с согласия лидеров КНК, ХТТ и Калмыцкого кавалерийского подразделения, в октябре 1944 г. имел встречу с будущим председателем Комитета освобождения народов России (КОНР) генералом А. Власовым. На аудиенции Ш. Балинов сказал А. Власову, что он хорошо информирован о начинаниях и задачах генерала, о согласии германских властей поддержать его в общей антикоммунистической борьбе народов России. В связи с этим он попросил Власова включить в это движение и Калмыцкий национальный комитет. Генерал, искренне поблагодарив за готовность к сотрудничеству, предложил

Балинову вступить в формируемый общенациональный комитет. Так Шамба Балинов оказался в числе 37 членов и кандидатов в члены КОНР, учрежденного 14 ноября 1944 г. в Праге. В тот же день на торжественном собрании КОНР был принят манифест, который подписали представители 15 народов СССР, в том числе и калмыцкий общественный деятель в эмиграции Ш. Балинов [12].

Ш. Балинов, обосновывая необходимость вступления ХТТ в КОНР, в ноябрьском номере «Хальмэг» в 1944 г. писал: *«Перед лицом наивысшей большевистской опасности все должны объединить свои силы... и без всяких условий включиться в освободительное движение»*, возглавляемое генералом Власовым, которое *«может превратиться в мощного политического и вооруженного тарана, способного разложить и уничтожить нашего общего врага»*. Таким образом, «Хальмэг Тангчин Туг» под руководством Ш. Балинова делал третий выбор возможной реализации своей политической идеи о возвращении, национальном развитии, самоопределении калмыцкого народа теперь уже в концепции новой государственности народов России, предложенной генералом А. Власовым. Следует отметить, что все эти калмыцкие эмигрантские организации не имели никаких ни структурных, ни политических, ни идеологических связей с калмыками России, Калмыцкой АССР. Их идеи были не только чужды калмыцкому народу, но они просто не доходили до пределов республики. Абсолютное большинство калмыков даже не знали об их существовании и потугах лидеров эмиграции.

Для достижения тесного сотрудничества и получения эффективной поддержки и помощи от немцев руководство КНК, выступая от имени калмыцкого народа, стремилось приобрести статус их союзников. Для этого Балинову необходимо было добиться осуществления главного условия – КНК, как политическая и представительная организация, должна была иметь свои вооруженные силы. Поэтому КНК с целью подчинения Калмыцкого кавалерийского подразделения предпринимал в 1943–1944 гг. неоднократные усилия к установлению контактов с его руководством – доктором Доллем и Б. Цуглиновым, провозглашенным «президентом калмыцкого народа».

Лишь после таинственного исчезновения в июне 1944 г. доктора Долля (тайно покинул калмыцкое подразделение и после войны, изменив фамилию, жил в Восточной Германии – К.М.) и Б. Цуглинова (судьба неизвестна) КНК удалось подчинить себе это подразделение бригадного типа под командованием немецкого подполковника Бергена (вскоре его сменил подполковник фон Эрстен). КНК, взяв политическое руководство бригадой, организовал издание военной газеты «Хальмэг даач» («Калмыцкий воин»). Теперь КНК вполне мог претендовать на роль союзника фашистов, которые накануне краха, потеряв настоящих союзников, стали цепляться и за фиктивных.

КНК, претендуя на роль союзника, в июле 1944 г. направил Е. Лукьянова своим представителем в «Добровольческое войско» генерала от кавалерии Кестринга [13]. Однако с образованием Комитета освобождения народов России в его вооруженные силы были переданы формирования восточных добровольцев вермахта, выведенные из состава германской армии. 606-й Калмыцкий пехотный полк, сформированный из остатков двух полков, в феврале 1945 г.

был подчинен 15-му Казачьему кавалерийскому корпусу, который уже в марте вошел в состав Русской освободительной армии А. Власова, под командованием группенфюрера, генерал-лейтенанта войск СС Гельмута фон Паннвица [14].

Калмыцкий пехотный полк, пройдя последние месяцы войны вместе с 15-м Казачьим кавкорпусом, сдавшимся 12 мая 1945 г. в плен англичанам, разделил его участь. Вопреки всему этому в вышедшей уже двумя изданиями энциклопедии необоснованно указывается, что «*калмыки первыми из всех восточных союзников Германии официально получили признание, и немцы придали калмыцким формированиям статус союзной армии*» [15]. Каким «калмыцким формированием»? Почему во множественном числе, когда в энциклопедии речь идет об одном подразделении – калмыцком легионе батальонного звена?

Таким образом, Калмыцкая эмиграция с представительным органом якобы всего народа, так и не добившись статуса союзника фашистской Германии, и с разгромом ее окончательно рассталась с иллюзиями о возвращении в Россию победителями. В связи с этим вполне можно согласиться с утверждением, изложенном в письме от 9 мая 1945 г. Верховному командованию британских войск известного германского генерала Гельмута фон Паннвица о том, что казаки и калмыки не являлись союзниками немцев [16].

Примечания:

1. Борисенко И.В., Горяев А.Т. Очерки истории калмыцкой эмиграции. Элиста, 1998. С. 99–102; Ковыльные волны. 1943. № 13–14. С. 34.
2. Балинов Ш. Русское «оборончество» и казачье «пораженчество» // Ковыльные волны. Париж, 1936. С. 3, 11, 24–25.
3. Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road»: История, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб., 2004. Приложение 2. С. 293, 295, 302.
4. Хальмэг. 1943. № 1. С. 3.
5. Ямпольский В.П. «... Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008. С. 284, 286.
6. Хальмэг. 1943. № 1. С. 3.
7. Там же.
8. Там же.
9. Хальмэг. 1943. № 2. С. 13.
10. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 13А. Оп. 3029. Д. 130. Л. 33, 37, 41, 45; Д. 227. Л. 1–1 об., 2–2 об., 7–8, 14–14 об., 30.
11. Хальмэг. 1943. № 3/4. С. 24, 25.
12. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 183.
13. Хоффманн Й. Немцы и калмыки. 1942–1945. Фрайбург, 1974. С. 138.
14. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 309, 314.
15. Энциклопедия «Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943». Волгоград, 2007. С. 180.
16. Ланнуа Ф. Казаки Паннвица. 1942–1945. М., 2007. С. 183.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ У СТАНИЦЫ АКСАЙСКОЙ в 1941–1943 гг.

Судьба станицы Аксайской (в настоящее время – город Аксай) в 1941–1943 гг. была неразрывно связана с боевыми действиями под Ростовом-на-Дону. Летняя катастрофа Красной армии в 1941 г. привела к тому, что уже 17 октября 1941 г. части вермахта заняли Таганрог и вышли на подступы к Ростову [1]. Германское командование считало его «воротами Кавказа». От исхода борьбы за Ростов зависело, получит ли Гитлер кавказскую нефть, доступ к житницам Дона и Кубани. Противник рассчитывал обойти Ростов с севера и северо-востока, окружить и уничтожить войска 9-й и 56-й армий, а затем прорваться на Кавказ. Для этой операции немецкое командование выделило 1-ю танковую армию под командованием генерала Э. фон Клейста [2].

17 ноября вермахт пошел на штурм Ростова, а уже 19 ноября начались бои непосредственно у станицы Аксайской. Оборону здесь занимал 1177-й Анапский стрелковый полк с приданными подразделениями. Он был сформирован в Краснодарском крае во второй половине сентября – начале октября 1941 г. по сокращенным штатам. Потеря огромного количества людей, оружия, техники, эвакуация военных заводов привели к тому, что сформированные в это время полки и дивизии имели меньше личного состава и, особенно, вооружения по сравнению с аналогичными частями и соединениями довоенной поры. В результате по своей огневой мощи они значительно уступали немецким полкам и дивизиям.

1177-й полк вошел в состав 347-й Краснодарской стрелковой дивизии. Все полки этой дивизии получили собственные названия. 1175-й стрелковый полк стал Майкопским, а 1179-й – Нефтегорским. Поскольку основу личного состава 1177-го полка составили жители станицы Анапской и прилегавшего к ней района, он и получил данное название [3]. Офицерский состав был частично призван из запаса, а частично прибыл из Одесского пехотного училища. Командир 1177-го полка майор Федор Георгиевич Рыбкин был одним из немногих офицеров, кто уже имел боевой опыт. За годы Великой Отечественной войны он был дважды ранен, представлялся к званию Героя Советского Союза, но так и не получил его. Уже после войны, в 1975 г. стал почетным гражданином Аксая.

Весьма короткие сроки, отведенные на формирование и обучение, конечно же, не позволяли добиться высокой боевой выучки и взаимодействия личного состава. Но суровая военная реальность вносила свои коррективы. После формирования 347-я стрелковая дивизия была переброшена под Ростов-на-Дону и находилась в резерве. А когда обстановка обострилась, два полка заняли оборону на окраине Ростова у поселка Орджоникидзе, а 1177-й стрелковый полк и 2-й дивизион 907-го артиллерийского полка – на рубеже северо-восточнее станиц Аксайской и Александровской. Ширина фронта 1177-го полка протянулась на 12 км. Полк имел задачу: не допустить врага к занятым рубежам и переправам [4]. Боевое кре-

шение 1177-й стрелковый полк получил 19 ноября 1941 г. В этот день анапчанам пришлось отбивать атаки подразделений 60-й моторизованной дивизии, которой командовал генерал-майор Эберхард. Дивизия имела хорошую техническую оснащенность, подготовленный личный состав и эффективно проявила себя в боях [5].

Помогала Анапскому полку 5-я батарея 734-го зенитно-артиллерийского полка. На повороте, у кургана Гиреева могила, расположилось 37-мм зенитное орудие, которым командовал лейтенант Крапивный. Наводчиком являлся кадровый военнослужащий РККА Любченко. Вторая зенитка стояла под колхозным амбаром, третья – возле кладбища на окраине Аксайской. 19 ноября всем им также пришлось отбивать немецкие атаки. Примерно в 15 часов в бой вступило орудие лейтенанта Крапивного, находившееся вместе с машиной и трактором в лесопосадке. Немецкие танки двигались со стороны аэродрома практически прямо на хорошо замаскированное орудие, не замечая его. Когда расстояние сократилось до 40 м, командир орудия приказал открыть огонь. Головной танк удалось подбить с первого выстрела. Затем был подбит второй танк. Третий повернул назад, но очередной снаряд настиг и его. После этого противник открыл огонь по лесополосе, в результате была разбита машина. К вечеру того же дня немецкие танки показались уже со стороны высоковольтной линии. Не заметив орудие, они вновь подошли на близкое расстояние. В ходе скоротечного боя еще один танк был подбит.

На следующий день бои продолжились. Остальные орудия 5-й батареи также вели интенсивный огонь. У 3-го расчета даже отказало орудие, не выдержав нагрузки [6]. В ночь на 21 ноября немцы разорвали оборону Анапского полка и стали продвигаться в станицу. Командир полка получил приказ командира 347-й дивизии отвести подразделения на левый берег. Но отойти удалось не всем. 21 ноября оказались в окружении остатки противотанковой батареи и 2-й расчет 5-й батареи. Им пришлось прорываться мелкими группами и поодиночке. Но вырваться удалось немногим. В итоге подразделения 60-й моторизованной дивизии захватили Аксайскую [7].

Однако захват Ростова и пригородов, сопровождавшийся для противника большими потерями, лишил его сил для дальнейшего наступления. Отошедшие на левый берег Дона части РККА приводили себя в порядок, получали пополнение и готовились к наступлению. К тому же еще 17 ноября начала контрнаступление северная группировка советских войск в составе 9-й и 37-й армий, огибая части противника в Ростове-на-Дону.

27 ноября 1177-й стрелковый полк, получив приказ, перешел в наступление по открытой, ровной местности – пойме Дона – под артиллерийским и минометным огнем противника. 1-му батальону хорошо помогли разведчики полка под начальством лейтенанта Арещенко. Еще в темноте они вышли к правому берегу у водокачки и уничтожили находившуюся там пулеметную точку [8]. Благодаря этому 1-й батальон перешел Дон и атаковал противника в станице Александровской. Начался затяжной бой, который шел весь день, не принеся ощутимых результатов. К тому же полковая артиллерия не смогла переправиться по тонкому льду и осталась на левом берегу, ведя огонь с закрытых позиций.

В тот же день 3-й батальон лейтенанта Воробьева атаковал Аксайскую и также завязал упорные бои. Немцы умело создали сеть опорных пунктов, на которых держалась их оборона. К вечеру 27 ноября 1-й батальон вынужден был отойти на исходные позиции, не добившись успеха. Вперед выдвинулась и приняла бой 16-я стрелковая бригада с задачей прорываться через Аксайскую на окраину Ростова, в поселок Фрунзе. Утром 28 ноября противник начал обстрел позиций 1-го батальона на правобережных холмах над Доном. Вскоре появилась и вражеская авиация, нанеся бомбовый дар по холмам и кромке льда в Дону, чтобы затруднить сообщение переправившихся подразделений с основными силами полка [9].

Ощутимую помощь нашим пехотинцам оказал бронепоезд № 2 «За Родину». Десантная рота бронепоезда перешла в подчинение пехотных командиров и заняла места в окопах. Командир бронепоезда капитан Бондаренко, адъютант штаба и командир взвода управления организовали наблюдательный пункт в траншеях пехоты. Через несколько часов была готова схема оборонительных сооружений противника. По команде капитана Бондаренко загрохотали орудия бронепоезда. Два дня подряд продолжались огневые налеты, пока, наконец, пехота вошла в Аксайскую. Действиям бронепоезда посвящена мемориальная доска на здании железнодорожного вокзала Аксая [10]. В итоге активных действий советских войск, к утру 29 ноября станция Аксайская была полностью освобождена от противника.

Новый этап боев на аксайской земле начался в июле 1942 г. Развернувшиеся в это время драматические события до сих пор являются почти не изученным вопросом. В фондах Аксайского военно-исторического музея имеется, в основном, материал об аксайской переправе, которая действительно сыграла важную роль в июле 1942 г. Возле станции Аксайской работал паром, действовали железнодорожный и плашкоутный мосты через Дон и небольшой наплавной мост через реку Аксай. Временным комендантом аксайского железнодорожного моста являлся впоследствии известный актер Владимир Абрамович Этуш, оставивший свои воспоминания о горячих июльских днях [11].

Прикрывала аксайскую переправу 7-я батарея 485-го зенитно-артиллерийского полка. Начиная с июня, немецкие бомбардировщики, совершали свои налеты на переправу. С утра на большой высоте проходила группа «Хейнкель»-111 и бомбила переправу и батарею. Затем или сразу без «хейнкелей», прилетали от 30 до 40 «юнкерсов» и, разделившись, пикировали. 23 июля была разбита последняя пушка 7-ой батареи, ранен в голову командир батареи Б.Д. Яловкин. После этого была уничтожена аксайская переправа [12]. А 25 июля подразделения 22-й танковой дивизии вермахта вошли в станцию. Началась вторая оккупация, продлившаяся более шести месяцев.

Зимой 1943 г. войска Южного фронта перешли в наступление. 7 февраля на левобережье Дона были освобождены от фашистских оккупантов Старочеркасская и Ольгинская станции. В тот же день советские воины разгромили батайскую группировку врага и освободили Батайск. 5-я ударная и 2-я гвардейская армии, наступавшие на Ростов с востока и севера, освободили город

Шахты. Засевшим в Ростове гитлеровцам угрожало окружение. Наступавшие в первом эшелоне части 3-го гвардейского механизированного корпуса намеревались форсировать Дон и овладеть станицей Аксайской. Предвидя это, противник взорвал все шесть мостов на Ольгинской дамбе и держал под сильным артиллерийским огнем и огнем шестиствольных минометов всю пойму.

В Аксае основные силы немцы сосредоточились по улицам Набережной и Советской. По всей железнодорожной линии был выставлен плотный пулеметный заслон. Главные очаги сопротивления сосредоточились в районе железнодорожного моста, стекольного завода, у моста на переправе, у вокзала и пристани. В районе улиц Буденовской и Пушкинской располагалась зенитная батарея, у стекольного завода, около бойни и в районе нынешней остановки «Колодезная» находились орудия и минометы. Зенитные батареи также находились в поселке геофизиков, артиллерийские батареи – в саду Мухина и на нынешней территории «Сельхозтехники», а на кладбище и в районе дач – шестиствольные минометы. Они простреливали все левобережье Дона [13].

С 7 по 10 февраля части первого эшелона 3-го гвардейского механизированного корпуса и 87-й стрелковой дивизии тщетно пытались овладеть станицей Аксайской. Находившаяся в станице Ольгинской 126-я стрелковая дивизия приводила себя в порядок и пополнялась. С 9 февраля усилилась активность авиации противника. Уже на следующий день, воспользовавшись густой облачностью, немцы произвели массированный налет на Ольгинскую и с небольшой высоты бомбили ее кварталы. В последующие дни активность авиации противника возрастала. Тем не менее, в ночь на 11 февраля 126-я дивизия получила приказ выйти в первый эшелон и вместе с частями 3-го механизированного корпуса и 87-й стрелковой дивизии наступать на Аксайскую. Передовой наблюдательный пункт дивизии расположился на барже, стоявшей на причале у острова напротив станицы.

С рассветом началась артиллерийская обработка Аксая, но противник не отвечал. Когда же цепи стрелковые советских полков, наступавшие по левую и правую стороны Ольгинской дамбы, подошли к пятому мосту, немцы открыли огонь из всех видов оружия. Советские бойцы залегли. Появилась вражеская авиация, и все последующие попытки овладеть Аксайской 11 и 12 февраля успеха не имели. 12 февраля, к концу дня, был получен приказ, по которому части 3-го гвардейского механизированного корпуса и 87-й стрелковой дивизии отводились с переднего края, а Аксайский рубеж принимали 76-й укрепленный район и части 126-й стрелковой дивизии.

По решению командира 126-го стрелковой дивизии полковника Сычева все части были выдвинуты на передний край и заняли оборону: на правом фланге 550-й, в центре 690-й стрелковые полки. Отдых для бойцов 87-й стрелковой дивизии оказался кратковременным, а некоторые ее подразделения так и остались на передней линии. В 23.50 12 февраля в разведку отправились бойцы учебного батальона. Пробравшись через Дон, они дошли почти до Большого Лога, где обнаружили слабые места в обороне врага и вернулись. Ушли в разведку в Аксайскую и другие группы бойцов, которым активно помогали местные

жители. Так, разведчикам 87-й стрелковой дивизии рассказали о расположении огневых точек противника подростки Александр Иевлев, Евгений и Василий Кривцовы, а Василий Гонта провел их в хутор Большой Лог. В ходе разработки план наступления было решено предпринять обходной маневр [14].

Соединения 2-й гвардейской армии, в состав которой входила 3-я гвардейская стрелковая дивизия, закрепившаяся под Большим Логом, после многокилометрового марша пошли в атаку на северной окраине Новочеркасска. 13 февраля город был очищен от фашистов. Не давая врагу опомниться, советские войска освободили станицу Грушевскую, вышли на рубеж населенных пунктов Родионово-Несветайская – Волошино – Каменный Брод, охватывая Ростов с северо-запада. Ночью 13 февраля разведка обнаружила, что противник начал отвод своих войск из Аксая. Прикрывая отход сильным артиллерийским и минометным огнем, враг пытался ввести наши войска в заблуждение, оставив сильные заслоны в станице. До глубокого вечера шли ожесточенные бои, а ночью наши основные силы пошли в атаку.

К утру 14 февраля 1943 г. станица Аксайская была полностью освобождена от врага. На рассвете в станицу приехал командующий 51-й армией генерал Г.В. Захаров. Командиры соединений получили новые боевые задачи и затем продолжили наступление дальше на Ростов [15]. Война пошла дальше на запад.

Примечания:

1. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941 г. 1942/1943 гг. Ростов н/Д, 2010. С. 10.
2. Живи в веках, Великая Победа! Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны Аксайского района Ростовской области. Ростов н/Д, 2010. С. 17.
3. Малявко И. Ворошиловск, январь 1943 г. // Ставропольская правда. 2002. 21 января. С. 5.
4. Аксайский военно-исторический музей (далее – АВИМ). Фонд документов. Воспоминания Ф.Г. Рыбкина.
5. Бишоп К. Дивизии панцергренадеров. М., 2009. С. 124–128.
6. АВИМ. Фонд документов. Воспоминания А.Г. Архипова.
7. Живи в веках, Великая Победа. С. 20.
8. Гладченко В.Д. Сила первого удара // Победа. Газета Аксайского района. 1985. 21 января. № 14. С. 2.
9. АВИМ. Фонд документов. Воспоминания Ф.Г. Рыбкина.
10. АВИМ. Фонд документов. Альбом «Бронепоезд № 2/10 “За Родину”».
11. АВИМ. Фонд документов. Воспоминания В.А. Этуша.
12. АВИМ. Фонд документов. Воспоминания Т.Я. Зиборовой.
13. Живи в веках, Великая Победа! С. 33.
14. АВИМ. Фонд документов. В.Д. Гладченко. «Станица Аксайская и аксайский район в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (машинописный текст). С. 15–17.
15. Гладченко В.Д. Свидетельствуют документы // Победа. 1988. 13 февраля. С. 4.

О.И. Столбовская

ФРОНТОВОЙ БЫТ НА МИУСЕ (1941–1943 гг.) ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

В начале декабря 1941 г. обстановка на южном крыле советско-германского фронта стабилизировалась. Линия фронта протянулась по реке Миус, от Самбека на юге до Саур-Могилы на севере. Поселок Матвеев Курган при этом фактически оказался в нейтральной полосе, в зоне перекрестного обстрела своей и вражеской артиллерии. Ключом всей обороны противника стала Волкова гора, в военных сводках отмечавшаяся как высота 105,7. Немецкие войска, занимая высоты на западе, господствовали на местности, а советским войскам приходилось штурмовать их с низины, через широкую, ровную пойму реки Миус.

Матвеев Курган к этому времени был почти полностью сожжен отступавшими фашистами, почти не осталось пригодных для жизни домов и подвалов возле железнодорожной станции, подвергавшейся постоянным бомбардировкам. Однако здесь также продолжали жить люди, не числившиеся в списках войск, в основном, дети и женщины. Их принято называть мирным населением, но до мира было очень далеко, и они на своих плечах несли все тяготы жизни на фронте, не получая за это никаких наград, подвергаясь, так же, как солдаты, смертельной опасности каждую минуту своего существования.

Проходит время, забирая от нас очевидцев тех страшных лет. Уже детям военного времени перевалило за 70 лет, и нужно спешить записать их воспоминания, дополняющие картину фронтовой жизни. То, что для солдат казалось обыденным, не достойным упоминания, дети воспринимали по-другому. Нам удалось найти свидетелей, которые уезжали из поселка в эвакуацию всего на несколько дней и, возвращаясь затем домой, видели все, что здесь происходило в то жуткое время. Многие, рассказывая, удивляются: как вообще живы-то остались!

Мария Яковлевна Бобкова вспоминает: *«Стоял Миус-фронт. Мы копали окопы, где старый мост. Было страшно, копали ночью, немцы обстреливали сильно. Так мы хитрили – выкопаем по колено, присядем, как будто глубокий окоп вырыли, нас отпустят домой. А вечером опять тот же окоп докапывать приходится. Мы все были на списках, нас находили, отказаться было нельзя»* [1].

Окопы по улицам поселка были вырыты в полный рост человека, в них сидели солдаты. Кухни находились за поселком у второй, а то и третьей линии советской обороны, там же переформировывались войска. Еду солдатам готовили в селе Поповка, в 10 км от передовой. Ясно, что доставка питания часто срывалась. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: *«Сварит повар, везет на лошади еду на фронт, кормить солдат. Немцы заметят с горы, начнут бросать десятки снарядов, пока не разобьют ее. Лежит в стороне убитая лошадь, повар убит, разбросана каша. Солдаты снова голодные. Им*

приходилось воровать у жителей. Так, ночью без спроса увели нашу корову, зарезали ее и принесли маме варить мясо. Мама догадалась, спросила у них об этом. Они молчат. Молчит и мама, со слезами на глазах готовила им еду. Война есть война» [2].

Выживая с трудом сами, жители помогали, как могли, бойцам и командирам Красной армии. Из воспоминаний Антонины Алексеевны Ниценко: «Мы жили у железной дороги, и нам было видно всю передовую, и наши окопы, и немецкие. Сосед наш, когда наши в октябре уходили, нагреб добра всякого колхозного, в том числе и сани у него стояли во дворе. Была у него и корова яловая. Мама и предложила командиру, взять у соседа сани и эту корову, а дать справку, что будет возвращено после войны. Мы стали для солдат готовить на нашей кухне из этого мяса и носили на позицию. Воду брали в Миусе, и немцы в нас не стреляли. Бойцы говорили: “Осторожнее, немцы будут задирать – не отвечайте, набирайте быстро воды и уходите”. Еще мы жарили семечки и носили бойцам. Висел список на кухне, кто сегодня жарит» [3].

Труд женщин был востребован не только на кухне, хотя оплачивался он, в основном, именно питанием из солдатского котла. Вспоминает Надежда Петровна Саломашенко: «Старшина предложил стирать белье солдатам. Мама и соседка стирали, я гладила на высоком сундуке. Было два утюга, один грелся на печи, вторым гладила. Очень тяжело было так целый день работать, утюги тяжелые, руки все время на весу, голодные сидели. Все были голодные, в том числе и солдаты. Рядом за домом соседней стояла кухня. Я видела, что там готовили. Чистили мелкую-премелкую картошку, как лесной орех, потом и чистить ее перестали – так, помоят немного и в суп. Туда еще немного крупы, и все, никакого жира. Была такая жидкость серого цвета. Поэтому и солдаты иногда траву, как и мы, ели по весне» [4].

Большинство жителей вспоминают, как радовались нашим войскам, как хотели помочь, как солдаты их защищали и делились этой скудной едой, особенно с детьми. Из записок А.Г. Шелковниковой: «Однажды мы стояли в очереди за кашей к солдатской кухне с подружкой Ниной. Нам солдаты не отказывали, но мы всегда становились сзади, чтобы сначала все солдаты поели. Получив еду в котелок, пожилой солдат подошел к нам и сказал: “Идемте, детки, я вам дам кушать”. Мы пошли с ним. Он нам положил каши в чашки, дал по ложке, гладил нас по голове и любовно приговаривал: “Кушайте, кушайте. У меня дома осталось трое деток, как они там?”. Мы поели, поблагодарили его, и ушли в подвал» [5].

Особенно востребованы были в прифронтовой полосе руки пятнадцатилетних подростков. Петр Егорович Журенко вспоминает: «Николай Павлович Зевин пришел с фронта без руки, ноги и глаза зимой 1941–1942 года. Он собрал из мальчишек 13–15 лет “истребительный отряд” и стал готовить нас к службе. Учил военному делу, саперным премудростям. Мы думали, что, если хорошо будем работать, нас раньше в армию заберут. В армию все хотели, даже если кто-то болен был. Мы по ночам ходили копать окопы на хутор Несветай на берег реки Миус. Копали также могилы на кладбище для погиб-

ших солдат, на позиции возили боеприпасы, делали все, что скажут. Нас было человек 20 ребят, нас сильно все уважали. Мы были сплоченные, друг за друга стояли. Солдаты нас кормили, с котелками мы бегали на кухню и нам никогда не отказывали» [6].

Жители Матвеева Кургана, в том числе и дети, трудились для фронта, как могли, вносили свой вклад в победу, а не просто отсиживались в погребах, пережидая страшное время. Мирные жители участвовали в строительстве оборонных сооружений. Были мобилизованы женщины с 16 до 55 лет, мужчины с 16 до 60 лет, всего в районе 2 тыс. чел., причем со своим инвентарем и постельными принадлежностями [7].

Фронтальная жизнь имела свои законы. В 1941–1943 гг. в поселке размещались разные войсковые части, штабы, госпитали. Практически на протяжении всего времени, как стоял фронт, продолжались бомбежки – бомбили немецкие самолеты, днем, большими группами. Противник вел огонь с Волковой горы, тяжелые пушки стреляли по любой движущейся цели. Особенно сильно обстрел ощущали в центре поселка на единственной замощенной улице Московской, где во время распутицы сосредотачивались войска, а также во второй линии обороны на восточной окраине Матвеева Кургана. Даже выйти за водой к колодцу или за топливом из подвала здесь было опасно. Поэтому питались всухомятку. Иногда кормили солдаты, особенно жалели детей. Выжить в этих условиях было очень трудно. Даже на первой линии обороны у реки было легче, туда меньше была тяжелая немецкая артиллерия, опасавшаяся попасть по своим позициям.

Весь поселок у немцев был разбит по квадратам. Если видели с горы какое-то движение (солдат пройдет или даже собака пробежит) – снаряды сразу летели туда. Из записок А.Г. Шелковниковой: *«5 батарей стояло рядом с нашим сгоревшим домом. Расположились батареи открыто, без укрытия. Однажды утром рано наши солдаты вышли к батарее. Не успели они поднести снаряды к батареям, как выстрелили немецкие орудия. Снаряд прямым попаданием попал на пушку, разворотил ее, а тело солдата, работающего у орудия, даже не нашло. Только куски шинели висели на ветке дерева» [8].* П.Е. Журенко вспоминает: *«День и ночь нас бомбили, а те с горы стреляют, только солдат где появится. Мы с Николаем Гавриловым были у него дома, по улице Кооперативной. И тут начался обстрел, когда по улице перебежками бежали наши солдаты. Одного разорвало на куски и повесило на фронте дома. На каждом углу можно было увидеть покойника» [9].*

Работа госпиталя хорошо запомнилась детям, в чьих домах располагались пункты оказания первой помощи, а сами они при этом жили рядом в подвалах и землянках. Вспоминает Иван Григорьевич Столбовский: *«Ранней весной 1942 г. в нашем доме и в доме соседей был полевой госпиталь. Мы в погребе жили. Здесь была вторая линия обороны, окопы шли извилисто, дальше в степи был блиндаж. Сюда приносили и привозили на повозках раненых с передовой линии и со всего поселка. В нашем доме жили и работали врач и три медсестры. В нем было всего две комнатки и кухня, так что в самом доме размещали*

только тяжелораненых и офицеров. А солдат раненых размещали в окопы, где они ждали, когда их отсюда куда-нибудь отвезут. Часто умирали, потому что их было очень много, а медсестрички с ног валились, не успевали всех посмотреть и оказать помощь. Они же и мертвых хоронили, привлекая солдат и жителей. У каждого солдата был медальон, похожий на патрончик с его данными. Медсестры их собирали у мертвых и тела хоронили здесь же, в окопах, и дальше по степи, используя одиночные окопы. До кладбища под бомбежками было не добраться. Так что здесь под домами и по огородам на нашей улице много мертвых лежит, никто их не перезахоранивал, так здесь и остались.

Однажды налетели немецкие самолеты – 46 штук, мы с братом Михаилом считали, со стороны Ряженого. Бомбили весь Курган, а у нас раненые в окопах, перевязаны белыми бинтами, их издали видно. Одна медсестра в доме соседней выводила раненого из дома, тут бомбежка, одна бомба упала рядом. Она успела его оттолкнуть за угол дома, а самой ногу пробил. Сгоряча девушка прибежала через пустырь, здесь метров 100, ввалилась к нам в погреб, а дальше стать на ноги не смогла. Так у нас и осталась. Три дня она сильно кричала, видно нерв был задет, только потом ее смогли отправить отсюда на повозках, которые сюда привозили снаряды, а увозили ночью раненых. Мы часто ее вспоминали, жива ли она?

А еще одна бомба попала в щель, где было много солдат, напротив нас в “Пункт сборного донесения” (что это, я не знаю, так краской на доме было написано). Дневальный крикнул: “Воздух!”. Все выскочили и попрятались в щель. А бомба упала прямо в нее, погибло человек 15. Так и стала там могила, одна на всех. Их потом перезахоронили, нашли, когда строили молокозавод и копали котлован под котельную где-то в 1964–1965 годах» [10].

Эти бомбардировки видела и Надежда Ивановна Панченко: «Летят немецкие бомбардировщики низко, по 15–20 самолетов, бомбят наши окопы. Между нашим домом и Столбовских был пустырь, на нем были окопы и блиндажи. Прицельно немцы кидали бомбы, гибло много людей, страшно сказать, сколько! Одни воронки от бомбы были по 10–15 метров в диаметре, окоп сразу становился братской могилой» [11].

Еще об одном видимо крупном захоронении нам рассказала Валентина Васильевна Сверчкова: «Дедушка жил по улице 1-й Пятилетки. У них в огородах квартала была воронка. Во время особенно крупных бомбежек там хоронили людей, и солдат, и мирных жителей, кто недалеко погиб, когда на кладбище было не попасть. Там, наверное, не один десяток людей похоронен. После никто эту могилу не трогал, не до того было» [12].

Жители поселка участвовали в захоронении погибших. Известен подвиг сестер Московых – Ольги, Марии и Евдокии, спасших 163 советских воинов [13]. Г.К. Пужаев называет также Нину Андриенко, Наталью и Евдокию Коробчанских, Марию Куленко [14]. Вспоминает Екатерина Григорьевна Добрица: «Московские возили раненых с поймы Миуса, а мы мертвых хоронили, когда были большие бои. Часто приставляли отрезанные головы к телам, так немцы издевались над мертвыми. Часто прямо там их и закапывали, там их были сотни. Но все равно еще много оставалось непохороненных» [15].

Сельсовет мобилизовал жителей, в том числе подростков, на захоронения погибших. Об этом нам рассказал Николай Платонович Моисеенко. В захоронениях в парке участвовал его друг Михаил Еловенко, которому тогда было 15 лет. Здесь, в 1941 г. в результате взрыва 500-килограммовой авиабомбы образовалась очень глубокая воронка, диаметром около 10 м. Примерно столько же метров была ее глубина. Во время бомбежек, когда до кладбища было не добраться, хоронили погибших воинов, а также моряков, погибших в атаке 8 марта 1942 г. Позже сюда же закапывали и погибших мирных жителей, а также вообще всех мертвых, в том числе и немцев. Просто обрушивали края воронки, присыпая тела землей, и кидали в яму новых погибших [16]. После войны здесь поставили памятник, позже установили мемориал. В его паспорте сказано, что «похоронено 45 офицеров, 400 солдат, сержантов и старшин» [17]. Но в действительности мертвых здесь значительно больше.

Однако захоронения велись и на кладбище. Там работал П.Е. Журенко и ребята из «истребительного отряда» подростков. Они копали там могилы, хоронили доставленных мертвых солдат. Вспоминает Н.П. Саломашенко *«Видела, как с поля боя везли полные телеги с трупами. Пятки одного солдата... такие грязные... На кладбище их укладывали как поленицы дров, каждая с метр высотой... Мы стояли полдня, а их все везли и везли. Никаких почестей, никаких гробов. Просто в ямы клали, и все»* [18]. Николай Иванович Бондаренко вспоминает: *«Когда наших морячков побило на берегу, мы с другом (нам было лет по 6–7) на тачках возили мертвых на кладбище. Найдем где в поселке или за рекой мертвяка, погрузим на тачку – сначала голову грузим, потом ноги – и везем на кладбище. Многие уже раздетые были – местным тоже во что-то одеваться надо было. За один рейс давали рубль, хоть одного привези на тачке, хоть двух. Могли заработать за день пять – семь рублей, на четверть булки хлеба. А вшей на мертвых было! Крупные такие. Мать придет с работы (ее тоже куда-то посылали), выварит одежку от вшей, высушит, а утром опять идем. Голодные были, а тут какой-то заработок»* [19]. Трудно представить современного первоклашку за таким занятием – собирать мертвых и отвозить на кладбище за рубль под бомбежкой и обстрелами. Как тяжело и страшно было это делать маленьким детям!

Проводя с учениками исследования, мы узнали, что весь наш поселок, сегодня такой чистый, красивый и родной, фактически стоит на костях. На могилах без крестов, без звезд и без памятных плит. На могилах, о которых все забыли, не только советских солдат, но и мирных жителей, немцев, румын, казаков-предателей. Перезахоронений было относительно немного, только когда что-нибудь строили и натыкались на кости. Особенно нас потряс рассказ Елены Николаевны Белошенко. Показывая на асфальт под ногами возле ворот своего дома, она сказала, что во время бомбежки зимой 1942 г. здесь погиб неизвестный солдат прямо на ее глазах. Люди, которые находились рядом, его не знали, медальона не было. Его похоронили здесь же, в воронке, просто присыпали камнями и комьями мерзлой земли. С тех пор он тут так и лежит, на центральной улице поселка [20]. Мы знаем теперь, что где-то рядом под ногами его могила.

А ведь у него, вероятно, остались родные, которые никогда не узнают, где покоится близкий им человек.

Таким образом, воспоминания жителей, в детском возрасте ставших очевидцами событий 1941–1942 гг., являются важным историческим источником о фронтовом быте советских войск на Миусе. Особенно ценными эти свидетельства становятся при организации воспитательной работы в школе, позволяя наполнить сухие факты из учебников живым эмоциональным содержанием и «достучаться» тем самым до подрастающего поколения.

Примечания:

1. Информатор М.Я. Бобкова, 1925 г.р., записана О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в ноябре 2004 г.
2. Воспоминания А.Г. Шелковниковой, 1931 г.р., записаны для занятий с членами клуба «Поиск» МОУ Матвеево-Курганской СОШ № 1 в 1982 г.
3. Информатор А.А. Ниценко, 1929 г.р. записана О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в ноябре 2004 г.
4. Информатор Н.И. Саломашенко, 1924 г.р., записан О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в ноябре 2004 г.
5. Воспоминания А.Г. Шелковниковой.
6. Информатор П.Е. Журенко, 1927 г.р., записан О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в ноябре 2004 г.
7. Пужаев Г.К. *Кровь и слава Миуса* (военно-исторический очерк). Таганрог, 1998. С. 64.
8. Воспоминания А.Г. Шелковниковой.
9. Информатор П.Е. Журенко.
10. Информатор И.Г. Столбовский, 1930 г.р., записан О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в августе 2004 г.
11. Информатор Н.И. Панченко, 1927 г.р., записан О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в мае 2004 г.
12. Информатор В.В. Сверчкова, 1932 г.р., записана О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в августе 2004 г.
13. Беликов Н.Д. *У нас, на Миусе*. Ростов н/Д, 1969. С. 21.
14. Пужаев Г.К. *Указ. соч.* С. 26.
15. Информатор Е.Г. Добрица, 1922 г.р., записан О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в августе 2004 г.
16. Информатор Н.П. Моисеенко, 1929 г.р., записан О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в сентябре 2004 г.
17. Матвеево-Курганский краеведческий музей. Паспорт памятника «Мемориал воинской славы».
18. Информатор Н.И. Саломашенко.
19. Информатор Н.И. Бондаренко, 1937 г.р., записан О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в октябре 2004 г.
20. Информатор Е.Н. Белошенко, 1928 г.р. записана О.И. Столбовской в п. Матвеев Курган Ростовской области в сентябре 2004 г.

БОИ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ХАРЬКОВЩИНЫ В 1942 г.

Освобождению Харьковского промышленного района советское правительство придавало большое значение. К тому же освобождение Харькова – первой столицы Советской Украины – играло не только стратегическую, экономическую, но и политическую роль. Недаром для освобождения области в 1942–1943 гг. было осуществлено семь военных операций: Барвенковско-Лозовская (18–31 января 1942 г.), Харьковская (12–29 мая 1942 г.), Воронежско-Харьковская стратегическая наступательная (13 января – 3 марта 1943 г.), Харьковская оборонительная (4–25 марта 1943 г.), Изюм-Барвенковская наступательная (27–37 июля 1943 г.), Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция «Румянцев» (3–23 августа 1943 г.) и Донбасская наступательная (13 августа – 22 сентября 1943 г.). О напряжении боевых действий свидетельствует тот факт, что семь населенных пунктов области освобождались от захватчиков четыре раза, 30 – трижды и 115 – дважды (в том числе и Харьков).

Первая попытка освободить Харьковщину от немецко-фашистских захватчиков была сделана уже в 1942 г. После успешного контрнаступления Красной армии под Москвой Государственный комитет обороны СССР планировал весной 1942 г. закрепить успех и добиться перелома в ходе войны. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение осуществить силами Южного и Юго-Западного фронтов Барвенковско-Лозовскую операцию. Ее целью было окружить и ликвидировать донбасско-таганрогскую группировку группы армий «Юг» противника и ликвидировать ее на побережье Азовского моря. Одновременно части Юго-Западного фронта получили приказ наступать на Красноград и освободить Харьков. Основной удар поручалось нанести 6-й и 57-й армиям.

Операция началась 18 января 1942 г. в условиях низкой температуры (мороз достигал -30°C) и глубокого снежного покрова (до 80 см). В ходе жестоких боев через две недели советским войскам удалось овладеть 21 населенным пунктом области (включая райцентры Алексеевку, Близнюки, Сахновщину, Барвенково, Лозовую), перерезать железнодорожный путь Харьков – Запорожье. В боях отличились войска под командованием генерал-майора А.М. Городнянского, генерал-лейтенанта Д.И. Рябышева и генерал-лейтенанта А.А. Гречко. Но основная цель операции не была достигнута.

В результате линия фронта образовала печально известный Барвенковско-Лозовской выступ – большой плацдарм, с которого советские войска могли наносить удары по флангам и в тыл вражеских харьковской и донбасской группировок. В ходе операции погибли около 41 тыс. советских бойцов и офицеров из почти 1 млн чел., принимавших в ней участие. 27 февраля 1942 г. Военный совет Юго-Западного фронта (командующий С.К. Тимошенко, член военного совета Н.С. Хрущев, начальник штаба И.Х. Баграмян) решил воспользоваться

успехом и организовать новое наступление на этом направлении без необходимой подготовки. 6-я и 38-я армии с балаклеевско-чугуевского выступа стремились окружить и ликвидировать немецкие части, освободить Харьков.

Операция началась 7 марта 1942 г., но в ходе боев удалось лишь отгеснить врага на левый берег Северского Донца, а небольшие плацдармы, захваченные на правом берегу реки, не оправдывали понесенных жертв. Этого и следовало ожидать: дивизии были укомплектованы только на 60–70 %, а штабы армий и фронтов плохо знали оборону противника. Поставленная перед войсками задача не была выполнена.

Трагические события на Харьковщине развернулись в мае-июне 1942 г. Штаб Юго-Западного направления разработал план освобождения Харьковского промышленного района. Главная роль отводилась 6-й армии генерал-лейтенанта А.М. Городнянского и армейской группировке генерал-майора Л.В. Бобкина. 6-я армия должна была прорвать оборону противника с юга и продолжить наступление на Харьков; армейская группировка прикрывала фланги 6-й армии и продвигалась на Красноград. Кроме того, 9-я армия генерал-майора Ф.М. Харитонова и 57-я армия генерал-лейтенанта К.П. Подласа получили приказ держать оборону на южном участке Барвенковско-Лозовского выступа и тем самым обеспечить главный удар по врагу. После овладения Харьковом советские войска должны были продолжать наступление в направлении Днепропетровск – Синельниково.

10 апреля в 1942 г. вопреки доводам офицеров Генерального штаба о рискованности этой операции И.В. Сталин согласился на ее проведение. За пять дней до этого, 5 апреля А. Гитлер подписал директиву № 41 содержащую военный план летней кампании 1942 г., согласно которому первоочередным заданием являлось уничтожение частей РККА на южном участке Восточного фронта западнее Дона. Далее гитлеровское командование планировало перейти через Кавказский хребет и захватить нефтеносные районы на Кавказе. Для этого планировалось провести операцию «Фридрикус-1» с целью ликвидации Барвенковско-Лозовского выступа.

План операции «Фридрикус-1» выглядел так: нанести стремительный удар в направлении Барвенковского и Долгенького (где размещался командный пункт 9-й армии), окружить советские части и уничтожить их по отдельности. На завершающем этапе операции предусматривалось форсировать Северский Донец в районе Изюма – Петровского и двигаться к Балаклею на соединение с 6-й армией Ф. Паулюса. Вследствие этого вся группировка советских войск на Барвенковско-Лозовском выступе должна была оказаться в плотном кольце. В операции все было рассчитано на внезапность нападения и недостатки в обороне советских войск. Наступление советских войск планировалось начать 12, а немецких – 18 мая. Так случилось, что именно под Харьковом в мае 1942 г. противостояли не только войска, но и стратегические планы двух государств. Состоявшееся на землях нашей области сражение вошло в историю как страшная катастрофа для СССР. В современной украинской историографии этот период назван «черным летом».

Юго-Западный фронт в начале операции превосходил противника в живой силе в 1,6 раза, по количеству пушек и минометов – в 2, а танков – в 1,8 раз. Красной армии помогали партизанские отряды. Перед началом наступления они порвали в нескольких местах телефонную связь между опорными пунктами вермахта в районе Змиева. 12 мая отряд под командованием Я.А. Брехунца принимал участие в боях за освобождение сел Сухая Гомольша, Казачка, Тарановка и др. Уничтожали фашистов и партизанские отряды, которыми командовали Герой Советского Союза И.И. Копенкин, С.О. Лыба, И.С. Любченко, Я.И. Пузииков, А.М. Салов и др.

И все же, несмотря на массовый героизм солдат и партизан, инициативу многих командиров, итоги первых дней боевых действий оказались хуже, чем предполагалось – оборона гитлеровцев была прорвана только на глубину 20–30 км. Разведка 9-й армии своевременно определила сосредоточение гитлеровской группировки Э. Клейста в районе Краматорска. К сожалению, командование Южного и Юго-Западного фронтов решило, что положение советских войск на южном фланге Барвенковско-Лозовского выступа надежно, и противник не сможет здесь действовать активно. Тем временем враг в течение четырех дней передислоцировал значительные силы перед линией обороны 9-й армии. И снова ничего не насторожило командование Юго-Западного направления. Сведения, полученные от пленных, данные авиационной разведки игнорировались и в высшие штабы не передавались.

Всего за период операции гитлеровское командование подтянуло из резерва и ввело в действие под Харьковом 12 пехотных и одну танковую дивизии. О появлении многих из них советское командование узнавало непосредственно на поле боя. Напротив, гитлеровцы были хорошо осведомлены о наступлении Красной армии. Об этом свидетельствует дневник погибшего командира батальона 294-й пехотной дивизии, оборонявшей село Песчаное. В нем говорилось, что его подчиненные уверенно ждали начала наступления русских.

15 мая командование Юго-Западного направления рапортовало в Генеральный штаб, что операция проходит успешно, созданы все условия для ее форсирования. Уже в этот день противник завершил перегруппировку своих войск и подготовку мощного контрудара. Его должны были нанести хорошо укомплектованные и вооруженные два армейских и один моторизованный корпуса. Они превышали советские войска по количеству батальонов в 1,7 раза, орудий – в 7,4, танков – в 6,5 раза.

17 мая на рассвете противник неожиданно перешел в наступление в районе Славянска – Краматорска. Основные его силы были нацелены против 9-й армии генерала Д.И. Рябышева. В четыре часа утра началась мощная огневая обработка советского переднего края. В то же время самолеты бомбили штабы дивизий, узлы связи и переправы на Северском Донце. В течение часа не стихали взрывы снарядов и бомб. Затем появились танки с черными крестами, за ними – мотопехота. Следом за первым эшелоном в таком же порядке вступал в бой второй.

Первые колонны немецкой мотопехоты, поддержанные танками и авиацией, обходя советские опорные пункты, пытались прорваться как можно дальше на

север. Фланги и тылы частей Красной армии оказались под серьезной угрозой. Подразделения гитлеровцев, входившие во второй эшелон, приступили к ликвидации очагов сопротивления.

В самом начале бомбардировки немцы разрушили вспомогательный командный пункт и узел связи штаба 9-й армии. Также была нарушена связь с 57-й армией и штабом фронта. Таким образом, советские войска в этот критический момент оказались без общего руководства и вынуждены были действовать изолированно. Уже в 8 часов утра противник прорвал оборону 9-й армии на двух направлениях, преодолев за сутки расстояние до 20 км. Немецкое командование наращивало силы и огневую мощь передовых групп. Не считаясь с потерями, гитлеровцы стремились прорваться в глубокий тыл советских армий.

Враг захватил Барвенково. Части 57-й армии оказались в тылу противника и держали оборону в очень невыгодных условиях. Отбивая атаки, красноармейцы с тревогой прислушивались, как за их спинами нарастает оружейная стрельба. Ожесточенные бои продолжались и в полосе 9-й армии. Во второй половине дня 19 мая стало понятно, что советским армиям на правом берегу Северского Донца угрожает полное окружение. Только тогда С.К. Тимошенко принял решение прекратить наступление на Харьков и организовать отпор врагу. Но было уже поздно. Для выполнения этого задания нужно было провести соответствующую подготовку, в том числе и передислокацию частей. Однако времени на это практически не осталось. Обескровленные дивизии 9-й армии вынуждены были отойти за Северский Донец. Помешало войскам сосредоточиться и быстрое продвижение группы Э. Клейста. Части Красной армии вступали в бой разрозненно, без артиллерийской и авиационной подготовки, что обрекало их на поражение.

Враг шел напролом, не считаясь ни с чем. Для советских частей выход был один: немедленно прекратить наступление и бросить все силы против атаковавшего противника. С таким предложением Генеральный штаб дважды обратился к И.В. Сталину, но получил отказ. И три армии вместе с подвижными войсковыми группами, истекая кровью, как и раньше, пробивались на запад, загоняя себя в расставленную ловушку. Когда же все-таки войска получили разрешение на отход, было поздно. 23 мая немецкие войска группы Э. Клейста и 6-й армии Ф. Паулюса соединились в 10 км южнее Балаклеи. Пути отхода за Северский Донец оказались отрезанными. Советские войска оказались в плотном кольце. Части Красной армии, оставшиеся западнее Северского Донца, спешно объединились в группу «Юг» под командованием генерал-лейтенанта Ф.Я. Костенко. С 23 по 29 мая в условиях полного окружения продолжались ожесточенные и кровопролитные бои.

Окруженные решили не сдаваться. Они отчаянно пробовали вырваться из кольца. Но для многих желаемых результатов эти попытки не принесли. Успеха красноармейцы смогли добиться только в полосе обороны 38-й армии. Командарм К.С. Москаленко поставил задачу – ударом из района Савинцева прорвать фронт и помочь окруженным частям выйти из вражеского кольца. Форсировав Северский Донец, стрелковые части внезапной атакой завладели населенным пунктом Чепиль. Командиры отдельных дивизий 38-й армии по

собственной инициативе посылали за линию фронта разведчиков и смельчаков-добровольцев. За ночь они должны были найти и собрать разрозненные группы бойцов и вывести их к передовой линии. Таким образом было спасено многих военнослужащих. Количество бойцов и офицеров, появившихся тогда на сборных пунктах, неизвестно. Есть только отдельные свидетельства. Большинство же окруженных погибли или попали в плен. По официальным данным из окружения вышло лишь 22 тыс. красноармейцев.

29 мая вечером бои на правом берегу Северского Донца стихли, сохранились только небольшие очаги сопротивления, да и те вскоре перестали существовать. Общие последствия битвы были настолько трагичными, что о них даже известно Совинформбюро. В сообщении говорилось, что во время боев наши войска потеряли до 5 тыс. убитыми и 70 тыс. пропавшими без вести. В это же время гитлеровцы сообщали, что взяли под Харьковом только в плен 300 тыс. солдат и офицеров. Причем они хвастались, что в плен попал и сам С.К. Тимошенко. Если советские цифры были занижены, то немецкие – преувеличены. Только в 1990-х гг. была обнародована более точная численность жертв харьковской трагедии: в плен попало 214–229 тыс. чел.

Официально с 12 до 29 мая в 1942 г. безвозвратные и санитарные потери (убитые в бою, умершие от ран, раненные и контуженные, эвакуированные из района боевых действий и пропавшие без вести) составляли 277 190 бойцов и командиров. Таким образом, ежедневные потери в харьковской операции составляли до 15 400 воинов, или почти две дивизии. Это один из самых высоких показателей ежедневных потерь за годы Великой Отечественной войны. О жестокости боев говорят потери не только среди рядового и офицерского состава. Среди погибших и попавших в плен оказалось 18 военачальников, офицеров высшего состава. В бою погиб командующий 6-й армией генерал-лейтенант А.М. Городнянский. Окруженный фашистами возле села Малая Камышеваха, застрелился командующий 57-й армией генерал-лейтенант К.П. Подлас, не желая сдаваться в плен врагу. Также застрелился генерал-майор А.Ф. Анисов. Рядом с селом Лозовеньки от тяжелых ран умер командующий армейской оперативной группировкой генерал-майор Л.В. Бобкин. В Тигровой Балке недалеко от Барвенково от взрыва вражеского снаряда погиб командир 270-й стрелковой дивизии З.Ю. Кутлин, которого очень любили подчиненные, с гордостью называвшие себя «кутлинцы». На Майдановой горе вблизи села Чепиль погиб смертью храбрых командир отдельного 79-го пограничного полка войск НКВД полковник С.И. Грахов. Также погибли генерал-майоры Ф.Г. Маляров, Д.Г. Егоров, Г.И. Кузьмин, А.Б. Борисов (Шистер), П.И. Матькин, генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко. Попали в плен генерал-майоры Г.И. Тхор, Г.И. Зусманович и некоторые другие военачальники. Ощутимыми были и материальные потери наших войск: 5060 пушек и минометов, 775 танков.

Главной причиной сокрушительного поражения советских войск военные историки считают недооценку опасности, которая сложилась на Юго-Западном направлении, где не были сосредоточены необходимые резервы. Была нарушена взаимосвязь между фронтами. Игнорировались разведданные, поэтому доволь-

но часто о появлении новых сил противника советские командиры узнавали непосредственно на поле боя.

Вторым этапом стала операция «Фридрикус-2», начатая 22 июня 1942 г. Из Чугуева был направлен основной удар на Купянск, а вспомогательный – на Изюм. Через две недели гитлеровцы полностью оккупировали Харьковскую область. В это время немецкое командование поделило группу армий «Юг» на две группы армий: «А», которая должна была продвигаться на Кавказ, и «Б», которая наступала на Сталинград.

Таким образом, бои на Харьковском направлении в 1942 г. поставили Советский Союз на грань катастрофы. Это заставило Государственный комитет обороны, Генеральный штаб и лично И.В. Сталина принять жесткие меры по улучшению ситуации на фронте. Среди этих мероприятий было принятие печально известного приказа № 227 от 28 июля 1942 г., получившего в народе название «Ни шагу назад». Соотношение сил на южном фланге советско-немецкого фронта изменилось в пользу противника. Это обеспечило немцам прорыв в направлениях на Волгу и Кавказ.

В.И. Афанасенко

К ВОПРОСУ О СИЛАХ И СРЕДСТВАХ ВОЙСК ГРУППЫ АРМИЙ «А» В ОПЕРАЦИИ «ЭДЕЛЬВЕЙС» (июль – сентябрь 1942 г.)

В советской историографии уже более полувека устойчиво «кочуют» одни и те же цифры общей численности личного состава и боевой техники группы армий «А» вермахта в битве за Кавказ на 25 июля 1942 г.: 167 тыс. чел., 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. самолетов. Указывается и конкретный состав группы армий «А», задействованный в операции «Эдельвейс», при этом в данном вопросе мнения разных авторов расходятся. Согласно А.А. Гречко, она включала 25 дивизий: 13 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованные, 3 кавалерийские [1]. В пятом томе «Истории второй мировой войны 1939–1945» говорится, что в группе армий «А» было 41 дивизия и две бригады [2]. В.В. Бешанов указывает 40 дивизий: 18 пехотных, 4 танковые, 3 моторизованные, 6 горнострелковых, 3 легкопехотные, 4 кавалерийские и 2 охранные [3].

Получается, что в среднем на одну дивизию группы армий «А» на 25 июля 1942 г. приходилось на котловом довольствии от 6680 до 3976 солдат и офицеров. Во всех изданиях подчеркивается, что к началу летнего наступления (28 июня 1942 г.) противник довел численность личного состава дивизий группы армий «Юг» до 90–100 % от штатного (13–17 тыс. чел.). В состав каждого танкового полка танковых дивизий был введен третий батальон, в состав моторизованных дивизий – по танковому батальону (53–55 танков). Потери группы армий «Юг» (с 8 июля – групп армий «А» и «Б») в течение месяца (с 28 июня по 25 июля)

составили около 33 тыс. чел., из них до 10 тыс. чел. убитыми и пропавшими без вести. В расчете на одну дивизию – 344 чел. (в том числе 104 чел. – безвозвратных) – чуть более 2 % личного состава. В результате 25 дивизий группы армий «А» 25 июля 1942 г. не могли иметь 167 тыс. чел. личного состава, а, как минимум – 375–380 тыс. чел. Сколько же войск было летом 1942 г. у командующего группой армий «Юг» генерал-фельдмаршала В. Листа на самом деле?

На 28 июня 1942 г. в состав группы армий «Юг» входили:

- 2-я полевая армия (генерал-полковник М. фон Вейхс) – 175 209 чел.;
- 4-я танковая армия (генерал-полковник Г. Гот) – 141 013 чел.;
- 6-я полевая армия (генерал-лейтенант Ф. Паулюс) – 320 929 чел.;
- 1-я танковая армия (генерал-полковник Э. фон Клейст) – 170 515 чел.;
- 17-я полевая армия (генерал-полковник Р. Руоф) – 167 521 чел.;
- 11-я полевая армия (генерал пехоты, с 1 июля – генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн) – 166 010 чел.

Итого в группе армий «Юг» насчитывалось 1 141 197 чел. [4]. Советские и российские источники указывают иную численность личного состава – 900 тыс. чел. Войска противника имели 1263 танка, 17 035 орудий и минометов, 1640 самолетов [5].

7 июля 1942 г. группа армий «Юг» была разделена на две: группу армий «А» и группу армий «Б». Группа армий «Б» (генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок) включала 2-ю и 6-ю полевые, 4-ю танковую немецкие, 2-ю венгерскую (генерал-полковник Г. Яни) и 8-ю итальянскую (генерал армии И. Гарибальди) армии. Ее численность в августе 1942 г. составляла: 2-я полевая армия – 268 126 чел.; 6-я полевая армия – 256 500 чел.; 4-я танковая армия – 105 792 чел.; 29-й немецкий армейский корпус (в составе 8-й итальянской армии), имел две пехотных дивизии и корпусные части общей численностью 29 675 чел. Общая численность немецких войск составила 660 093 чел. 2-я венгерская армия (3, 4, 7-й армейские корпуса и 1-я танковая дивизия) имела 205 тыс. чел. личного состава, 107 легких танков, 90 боевых самолетов. В 8-й итальянской армии (Альпийский, 2-й и 35-й армейские корпуса), занявшей в августе полосу в 180 км, от Павловска до Вешенской, насчитывалось 229 тыс. чел., 2065 орудий и минометов, 75 танков и САУ, 64 боевых самолетов. Общая численность войск группы армий «Б» составила 1 094 983 чел.

В группу армий «А» в августе 1942 г. входили: 1-я танковая армия – 155 848 чел.; 17-я полевая армия – 202 040 чел., 11-я полевая армия (42-й немецкий армейский корпус в составе 46-й и 50-й пехотных дивизий и румынский корпус из 10-й и 19-й пехотных, 3-й горнострелковой дивизий) – 102 527 чел. Итого – 460 415 чел. [6].

При этом не учтена численность 3-й румынской армии генерала П. Думитреску, четыре пехотные дивизии которой воевали в составе 4-й танковой армии под Котельниково, а кавалерийский корпус (5, 6-я и 9-я кавалерийские дивизии) – в полосе 17-й полевой армии на Таманском полуострове. В составе 17-й, а затем 1-й танковой армии воевала 2-я румынская горнострелковая дивизия численностью более 12 тыс. солдат и офицеров, а в составе 57-го

танкового корпуса 17-й полевой армии – Словацкая подвижная дивизия, имевшая свыше 8,8 тыс. чел.

Согласно журналу боевых действий группы армий «А» за август 1942 г., среднесуточная численность немецких войск и войск союзников составляла около 500 тыс. чел. личного состава. К 30 июля группа 17-я полевая армия (генерал-полковник Р. Руоф) включала 5-й армейский корпус (генерал пехоты В. Ветцель) в составе 125-й (генерал-лейтенант В. Шнеккенбургер) и 198-й (генерал-майор А. Букк) пехотных дивизий; 49-й горнострелковый корпус (генерал горных войск Р. Конрад) в составе 1-й (генерал-лейтенант Г. Ланц) и 4-й (генерал-майор К. Эгльзеер) горно-егерских, 9-й (генерал-лейтенант Э. фон Шлейниц) и 73-й (генерал-лейтенант Р. фон Бюнау) пехотных дивизий. В оперативном подчинении генерал-полковника Р. Руофа находились соединения 3-й румынской армии генерал-полковника П. Думитреску – 1-й армейский корпус (2-я румынская горнострелковая, 298-я немецкая пехотная (генерал-лейтенант А. Желински), 9-я румынская кавалерийская дивизии), а также кавалерийский корпус в составе 5-й и 6-й румынских кавалерийских дивизий. Таким образом, в конце июля 1942 г. в 17-й полевой армии было 11 немецких и румынских дивизий.

В подчинении командующего 1-й танковой армии генерал-полковника Э. фон Клейста находились: 40-й танковый корпус (генерал танковых войск Л.Г. фон Швеппенбург) – 3-я (генерал-майор Г. Брейт) и 23-я (генерал-майор Э. Макк) танковые дивизии; 44-й армейский корпус (генерал артиллерии М. де Ангелис) – 97-я (генерал-лейтенант Э. Рупп) и 101-я (генерал-лейтенант Э. Дистель) легкопехотные дивизии; 3-й танковый корпус (генерал кавалерии Э. фон Макензен) – 13-я танковая (генерал-майор Т. Герр) и 16-я моторизованная (генерал-лейтенант Э. Хенрици) дивизии; 57-й танковый корпус (генерал танковых войск Ф. Кирхнер) – 5-я СС «Викинг» (группенфюрер СС Ф. Штайнер) и Словацкая (генерал-майор М. Туранец) моторизованные дивизии; 52-й армейский корпус (генерал пехоты О. Отт) в составе 111-й (генерал-майор Г. Рекнагель) и 370-й (генерал-майор Э. Клеппа) пехотных дивизий – всего 10 дивизий.

В сумме в 17-й полевой и 1-й танковой армиях насчитывалась 21 дивизия, а также 444-я (генерал-лейтенант В. Руссвурм) и 454-я (генерал-лейтенант Г. Вильке) охранные дивизии. В ночь на 3 сентября начали переправу через Керченский пролив 46-я немецкая пехотная и 3-я румынская горнострелковая дивизии, вступившие в бой через несколько дней. Итого получается 25 дивизий, но никак не 40 и не 42.

К началу операции «Эдельвейс», к моменту наступления с рубежа реки Дон на Кавказ, самым весомым аргументом генерал-фельдмаршала В. Листа были подвижные соединения. На 25 июля восемь танковых и моторизованных дивизий (3, 13, 14, 23-я танковые, 16, 29-я, 5-я СС «Викинг», Словацкая моторизованные дивизии) группы армий «А» насчитывали 425 танков. К 30 июля 4-я танковая армия повернула вдоль железной дороги на Котельниково – Сталинград, имея в составе 48-го танкового корпуса 14-ю танковую и 29-ю моторизованную

дивизии, в которых накануне наступления насчитывалось соответственно 102 и 58 танков (всего 160).

В моторизованной дивизии «Великая Германия», которую также вывели из состава группы армий «А» 29 июля и отправили в Германию, насчитывалось 45 танков. В 22-й танковой дивизии, отправленной после боев за Ростов-на-Дону в группу армий «Б», сохранилось до 130 танков. Если суммировать все танки – 565 в 3, 40-м и 57-м танковых корпусах 1-й танковой армии; 160 в 48-м танковом корпусе 4-й танковой армии и 175 в 22-й танковой дивизии и моторизованной дивизии «Великая Германия», то получится в итоге ровно 900 танков, но никак не 1130, как указывается в советских и российских исследованиях и мемуарах. Из них непосредственно участвовали в наступлении на Кавказ 565 танков и четыре десятка САУ «Штурм-3» в составе 197-го и 203-го отдельных дивизионов штурмовых орудий. Ровно вдвое (565, а не 1130) меньше танков, но зато втрое (500 тыс., а не 167 тыс.) больше солдат и офицеров.

287-е специальное соединение (корпус «Ф» генерала авиации Г. Фельми) имел танковый батальон, в который входило три роты чехословацких и рота немецких танков Т-3 с короткоствольной 50-мм пушкой. С учетом данного соединения парк боевых машин в трех танковых (3, 13, 23-й) и трех (5 СС «Викинг», 16-я, Словацкая) моторизованных дивизиях группы армий «А» к началу наступления на Кавказ составил 643 танка и САУ (см. таблицу 1) [7].

Таблица 1. Танковый парк группы армий «А»

Тип танка	3 ТД	13 ТД	23 ТД	5 МД СС	16 МД	Сл. МД	Корпус «Ф»	Всего
Т-2	25	15	27	12	10			79
LT-38, LT-40						32/ 21	38	91
Т-3 (L-42)	66	41	50	12			12	181
Т-3(L-60).	40	30	34	24	35			163
Т-4 (L-24)	21	12	17	4				54
Т-4(L-43).	12		10		8			30
Командирские		5		1				6
САУ «Штурм-3»		15			14			29
ИТОГО:	164	118	138	53	67	53	50	643

Авиация люфтваффе на южном крыле советско-германского фронта, от Орла до Ростова-на-Дону, была представлена 4-м воздушным флотом из двух авиакорпусов общей численностью до 1 тыс. боевых самолетов. По мере необходимости командование люфтваффе концентрировало истребители, бомбардировщики и штурмовики Ю-87 на основных направлениях: под Воронежем, Ростов-на-Дону, Сталинградом или на Северном Кавказе. Непосредственно на всем тысячекилометровом фронте, от Ростова-на-Дону до Махачкалы, в августе-октябре 1942 г. действовал до 230–250 самолетов противника, треть из которых составляли истребители.

Приведенные данные позволяют существенно пересмотреть численность группировки противника на Северном Кавказе летом 1942 г., а значит, иначе оценить эффективность действий войск РККА и вермахта и вместе с этим общий итог боев на юге России в их самый сложный, переломный момент.

Примечания:

1. История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 5. М., 1975. С. 201.
2. Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967.
3. Бешанов В.В. Год 1942 – «учебный». Минск, 2002. С. 362.
4. URL: <http://www.vif2ne/nvk/forum/0/archive/1807/1807787.htm>.
5. Сталинградская битва. Хроника. Факты. Люди. Кн. 1. М., 2002. С. 17.
6. URL: <http://www.vif2ne/nvk/forum/0/archive/1807/1807787.htm>.
7. Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2010. С. 38.

С.А. Раздольский

**КОРРЕСПОНДЕНТ НА ВОЙНЕ.
ОЖЕСТОЧЕННЫЕ БОИ НА ДОНУ В ИЮЛЕ 1942 г.
(по материалам газеты «Красная Звезда»)**

В годы Великой Отечественной войны для военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии издавалось около 1 тыс. газет, 15 журналов, для военнослужащих Рабоче-крестьянского Красного флота – 143 газеты и 4 журнала. Кроме того, выходило 110 газет на языках народов СССР. Газета на фронте выступала не только средством информации, но и мобилизации читателей на решение определенных задач. Через военную печать партийные и государственные органы направляли деятельность бойцов и командиров в окопах, на огневых позициях, в морских походах, с партизанами и населением оккупированных территорий страны. Также велика заслуга военных газет в боевом обучении и подготовке воинов. Журналисты содействовали бойцам и командирам в обмене передовым опытом. На страницах газет часто печатались учебно-методические статьи, различные советы бывалых воинов, велись публикации в рубрике так называемой «Трибуны боевого опыта». Фронтовые журналисты готовили и публиковали материалы о новом вооружении и тактике врага.

Существенное значение для улучшения работы военных газет и журналов имела директива ЦК ВКП(б) от 9 августа 1941 г. «О работе на фронтах специальных корреспондентов». Эта директива обязывала политические органы всемерно содействовать журналистам в освещении боевой жизни войск. Не меньшую роль в улучшении работы военной периодической печати имела другая директива ЦК ВКП(б) – от 24 мая 1943 г. «О реорганизации структуры

партийных организаций в Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет». ЦК ВКП(б) указал на недооценку значения газет на войне, потребовал от политических органов улучшать качество изданий, всемерно повышать роль печати в политическом, военном и культурном воспитании личного состава Красной армии и Красного флота, сделать газеты важнейшими центрами партийной и политической работы.

Ведущим печатным изданием для военнослужащих являлась «Красная звезда» – центральный орган Наркомата обороны СССР, выходившая с 1924 г. С июля 1941 по сентябрь 1943 гг. редакцию газеты возглавлял писатель, редактор и журналист Д.И. Ортенберг, привлечший в качестве корреспондентов немало известных авторов. В газете постоянно печатались П. Павленко, А. Сурков, В. Гроссман, К. Симонов, А. Толстой, И. Эренбург и многие другие советские поэты и писатели. Всего за годы Великой Отечественной войны вышло 1,2 тыс. номеров «Красной звезды». Тесные связи газета поддерживала с Генеральным штабом, Ставкой Верховного Главнокомандования, получая там по мере надобности ценные консультации. Не последнюю роль играли и личные контакты ее редактора и других сотрудников с крупными военачальниками, нередко установившиеся еще на Халхин-Голе и во время советско-финляндской войны [1].

Немаловажную роль играли и военные корреспонденты, которых не случайно называли политбойцами газетных строк. Они находились в центре событий, писали по горячим следам. Для того чтобы написать заметку или статью, корреспондент вместе с солдатами участвовал в атаке позиций противника, совершал рейды с танкистами по вражеским тылам, ходил на кораблях и подводных лодках, высаживался с десантом.

В данной связи вызывают определенный интерес статьи специальных корреспондентов «Красной звезды» из действующей армии, посвященные ожесточенным боям в середине лета 1942 г. на Дону. Они оказались в самом центре важнейших событий войны, от которых прямо зависел не только итог кампании второго года войны, но и ее исход в целом. В это сложное время военные журналисты в многочисленных заметках и статьях убедительно объясняли бойцам и населению, что отступление – это временное явление, что необходимо время для наращивания адекватной военной мощи, что победа все равно неизбежна (*«наше дело правое и победа будет за нами»*). Фронтовики помнят, как передовые страницы газеты призывно пестрели патриотическими лозунгами – заголовками: *«Смерть или победа!»*, *«Защищать Родину до последнего дыхания, до последней капли крови!»*, *«Умирать, но не сдавать врагу родной земли!»*, *«Не дадим перейти фашистам Волгу!»* и др.

Так, 12 июля в «Красной звезде» была опубликована статья «Ожесточенные бои в бассейне реки Дон». В ней отмечалось: *«На подступах к Воронежу противник перебросил через Дон большие силы. Несмотря на огромное количество танков, авиации и живой силы, брошенных немцами в наступление, наши части все же не пропускают врага к городу. Нужна величайшая стойкость, нужно исключительное упорство, умелые действия всех бойцов и командиров, чтобы*

отразить вражеские атаки, отбросить противника на запад». Завершалась статья призывом: «Крепче оборону, сильнее удары по немецкофашистским оккупантам! Ни шагу назад!» [2].

Через 10 дней появилась новая статья «Задержать врага!», в которой говорилось: «Немцы не прекращают свой натиск. Подтянув свежие силы, врагу удалось вновь продвинуться вперед к Дону. Наши войска, ведя упорную борьбу с противником, вынуждены были отойти на новые рубежи. Сейчас бои развернулись в районах Цымлянская, Новочеркасск». Несмотря на всю серьезность происшедших событий, в частности, превосходство германской авиации, автор стремился подчеркнуть, что советские войска всеми силами стремятся противостоять врагу на земле и в воздухе: «Прошлой ночью удары с воздуха по немецким резервным частям продолжались. Совершая каждую ночь по несколько десятков вылетов, наши ночные бомбардировщики обрушивают на вражеские колонны, пытающиеся двигаться под покровом темноты, огромное количество фугасных и осколочных бомб, одновременно подвергая нападением с воздуха останавливающиеся на ночлег немецкие части. Удары с воздуха по тактическим и оперативным резервам немцев наносят им большие потери, являются действенной помощью нашим наземным частям. Заняв новые, более выгодные рубежи, наши войска могут и обязаны задержать врага и наносить ему жестокие потери» [3].

О возрастании напряжения в боях на Дону свидетельствовало повышение интенсивности посвященных им публикаций и изменение их тональности и содержания. 24 июля майор П. Слесарев сообщал о ходе боевых действий в статье с красноречивым названием: «Угроза Ростову-на-Дону» и подзаголовком «Бои в районе Цымлянская, Новочеркасск, Ростов». Автор писал: «Начав наступление на юге, немцы бросили в бой большое количество танковых дивизий. Под ударами наших войск враг потерял уже немало танков. Однако на этом участке у немцев имеется еще значительное количество танков. Используя свое численное превосходство в технике, враг сумел потеснить наши части в районе Новочеркасска. Бои распространились на новую территорию – район Ростова-на-Дону. Угроза Ростову-на-Дону усилилась. На воинах Красной Армии лежит сейчас великая ответственность за судьбу Северного Кавказа, Ростова. Защитники юга, с величайшей самоотверженностью отстаивайте свои рубежи, не давая продвигаться врагу!» [4]. Следует отметить, что в данной ситуации газета несколько запаздывала: темпы наступления противника были слишком велики и обстановка менялась гораздо быстрее. В момент выхода номера бои шли уже в самой донской столице, а к 5.30 утра 25 июля Ростов-на-Дону был уже захвачен войсками вермахта. Части и соединения Южного фронта отошли за Дон [5].

На следующий день в «Красной Звезде» была опубликована статья о борьбе за донские переправы. Батальонный комиссар В. Коротеев сообщал в ней: «Особенно напряженная борьба идет за переправы. Едва немцы возводят переправы через Дон, как наши летчики и артиллеристы разрушают их. Немцы глубоко зарываются в землю, строят инженерные укрепления, усиливают свои пехотные полки противотанковой артиллерией. Так, пехотные полки 57й и 168й немецких дивизий усилены сейчас дивизионной артиллерией. Кроме полевых

пушек, неприятель подтянул некоторое количество тяжелых орудий. Он ввел также в действие 611й противотанковый полк. Ведя непрерывную разведку, наши части своевременно обнаруживают противотанковые орудия немцев» [6].

В том же номере была опубликована статья полковник К. Бурана, посвященная воздушным сражениям на юге. Появление ее нельзя считать случайным. Прорыв немецких войск к Дону и переправа на его южный берег осуществлялись при подавляющем господстве в воздухе авиации люфтваффе. Немецкие бомбардировки наносили огромный урон колоннам отступавших войск Красной армии и эвакуированных мирных жителей. Но автор статьи сообщал не об этих тяжелых потерях, а об успешном налете советских летчиков на базу транспортной авиации противника: *«Налет был выполнен силами пикировщиков и штурмовиков, которые шли к цели в сопровождении истребителей. Нападение начали пикировщики. Они подошли к цели на высоте около 4000 метров и с пикирования положили на аэродром первые бомбы. Вслед за пикировщиками пошли «ИЛы», которые с малых высот подвергли аэродром штурмовому удару. После этого пикировщики и штурмовики произвели второй заход. В результате налета было уничтожено 28 «Юнкерсов52» с горючим и боеприпасами»*. Далее он сообщал: *«При возвращении наших машин немцы сделали попытку перехватить их, выслав более десятка истребителей. В упорном воздушном бою наши летчики сбили четыре вражеских машины, не потеряв ни одной своей. Значительное количество подвижных средств борьбы, действующих на равнинной местности, обуславливает быстрые изменения обстановки. При этом неизмеримо возрастает роль нашей авиационной разведки, которая по существу является сейчас основным средством осведомления командования о передвижении наземных войск противника»*.

Таким образом, корреспондент стремился своей статьей вернуть веру в свои силы бойцам Красной армии, показать, что на отдельных участках фронта советская авиация действовала более успешно. Трудно судить, насколько была эффективной такая пропаганда в условиях быстрого продвижения немецких войск к Волге и на Кавказ. Лишь в конце статьи отмечалось: *«Бои распространяются на новые участки местности. Неприятельские войска выходят к бережью нижнего и частью среднего Дона. Советская авиация сосредоточивает сейчас свои главные усилия на том, чтобы предотвратить попытки врага перебросить переправы на южный берег Дона»*. [7].

Другие корреспонденты «Красной звезды» сообщали о вводе в бой 75-й пехотной дивизии вермахта, которая находилась до этого в резерве, а также тяжелого артиллерийского полка. Перебравшихся на восточный берег реки немцев поддерживали артиллерийские батареи и минометы, расположенные на высоком западном берегу Дона. Противник сумел укрепиться на захваченном плацдарме, угрожая советским войскам. Операция по ликвидации немецкого плацдарма длилась несколько дней. Противник сопротивлялся с исключительным ожесточением, но советские части были полны решимости *«драться до победы и уничтожить хорошо укрепившегося врага»*. Эту, трудную задачу они *«выполнили благодаря умело организованному взаимодействию пехоты, танков, артиллерии и авиации»*.

26 июля батальонный комиссар Т. Лильин сообщил подробности разгрома 75й немецкой дивизии: *«Немцам, потеснившим наши войска на западном берегу Дона, южнее Воронежа, в районе одного населенного пункта, удалось стремительным налетом перебраться на восточный берег и одной ротой зацепиться там. Чего только ни делали немцы, чтобы отразить ожесточенные атаки советской авиации. Тринадцать прожекторов, трассирующие снаряды, плотный заградительный огонь – все, казалось, предприняли фашисты, чтобы сорвать наше бомбометание, но успеха они не добились. Советские летчики исправно сбрасывали бомбовый груз, нанося врагу большой урон и деморализуя его солдат». По словам автора статьи: «Последний бой, начавшийся утром 20 июля, закончился к двум часам дня полным разгромом немцев. Яростно дрались пехотинцы, уничтожая ненавистного врага, и даже раненые не покидали поля боя». Т. Лильин отмечал, что в ходе боя: «Сам командир полка дважды был ранен, но продолжал руководить своими подразделениями. Точно так же и комиссар полка старший политрук Чувашов, несмотря на два ранения, не вышел из строя и продолжал воодушевлять бойцов». В конце статьи следовал вывод; «Восточный берег Дона после овладения этим укрепленным рубежом был полностью очищен от немцев на участке N соединения. 75я дивизия разгромлена» [8]. В то же время о разгроме десятков соединений советских войск в газете почти ничего не сообщалось.*

После упорных боев советские войска оставили Новочеркасск и Ростов-на-Дону. В эти тяжелые дни «Красная звезда» выходила с призывами самоотверженной борьбой остановить врага, преградить путь немецким захватчикам на Северный Кавказ: *«Оставив Ростов, наши части ведут с противником тяжелые бои. Немцы стремятся развить успех наступления и прорваться на Северный Кавказ. Это серьезная опасность. На одном участке им удалось потеснить наши части. Борьба становится все более трудной. Достаточно указать на то, что немцы имеют на этом направлении многократное превосходство в силах. Это ставит наши войска в весьма невыгодные условия»* [9].

Подполковник М. Черных в своей статье писал: *«В одном месте неприятель сумел переправить через реку группу танков. Завязался бой, в результате которого N соединение нанесло врагу немалые потери. Немцы потеряли несколько машин и больше ста человек убитыми. Остальные немецкие танки отступили. Но вскоре они получили подкрепление. Их поддержала авиация. Вновь разгорелся бой. Он продолжается и принимает все более упорный характер». Очень коротко сообщалось о действиях на другом участке, в районе станицы Цимлянской, где «бои между нашими частями и противником идут третий день. Успех переходил неоднократно то на одну, то на другую сторону». Наступление 29-й мотопехотной дивизии здесь сдерживали части 51-й армии РККА. По словам автора: «Создав в одном направлении крепкий кулак, наши части сегодня предприняли контратаку. Немцы оказали сильное сопротивление, но оно вскоре было сломлено. Противник понес большие потери и отступил. Позже неприятель подтянул резервы и вновь атаковал наши позиции. Обороняющиеся советские части напрягают все силы, чтобы удержать занятый рубеж».*

Особенно сложной была ситуация к югу от Ростова-на-Дону: *«На южном участке Дона также идут упорные бои. После оставления Ростова наши части усилили сопротивление врагу. Однако обстановка здесь остается по-прежнему напряженной. Бои перенесли в район Батайска»* [10].

В конце июля майор Б. Глебов писал об обороне укрепленных рубежей на Дону: *«На одном участке фронта враг для прорыва нашего оборонительного рубежа сосредоточил свежую немецкую дивизию, только что переброшенную из Франции. Замысел фашистов сводился к следующему: сковывая нашу стрелковую часть в центре, основными силами обрушиться на ее фланги и добиться прорыва на каком-либо из стыков. Первыми приняли на себя яростные атаки врага наши подразделения, находившиеся на левом фланге. Система заграждений перед передним краем обороны прикрывалась мощным, заранее подготовленным огнем, что во много раз усиливало каждое воздвигнутое препятствие. Например, благодаря этому немцы неизменно терпели тяжелый урон при многократных попытках преодолеть противотанковый ров. В частности, весьма эффективен был на этом рубеже огонь удачно расположенных фланкирующих пулеметов»*.

Далее автор сообщал: *«Однако положение осложнялось. Враг вводил в бой последующие эшелоны, наращивая силу удара. Постепенно ему удалось вклиниться в расположение одной нашей стрелковой роты. В этот напряженный момент командир части бросил в контратаку свой резерв под командой тов. Сокола. Действуя при поддержке танков, а частично и в качестве танкового десанта, контратакующие подразделения отбросили врага за проволочные заграждения. Удар был настолько решительным и быстрым, что фашисты побежали, бросая оружие»* [8].

Описания тяжелых июльских боев 1942 года корреспондентами «Красной звезды» получали соответствующие интерпретации, продиктованные условиями боевых действий и требованиями военной цензуры. Не обо всем разрешалось писать в самой массовой газете военного времени. Перед корреспондентами ставились задачи повысить боевой дух народа, как важнейшего условия достижения Победы над врагом, не допустить распространения паники, препятствовать распространению слухов. Выполняя поставленные задачи, военные корреспонденты рисковали жизнью вместе с другими фронтовиками. Всего за годы войны погибло более 1,5 тыс. военных корреспондентов. Среди них были и сотрудники газеты «Красная звезда».

Примечания:

1. Ортенберг Д.И. Июнь-декабрь сорок первого. М., 1984; Его же. Год 1942. Рассказ-хроника. М., 1988.
2. Крайнов П. Ожесточенные бои в бассейне реки Дон // Красная Звезда. 1942. 12 июля. № 162.
3. Денисов Н. Задержать врага! // Там же. 23 июля. № 171.
4. Слесарев П. Угроза Ростову-на-Дону. Бои в районе Цымлянская, Новочеркасск, Ростов // Там же. 24 июля. № 172.

5. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д, 2011. С. 99.
6. Коротеев В. Борьба за переправы на Дону // Там же. 25 июля. № 173.
7. Буран К. Воздушные сражения на юге // Там же.
8. Лильин Т. На берегу Дона // Там же. 26 июля. № 174.
9. Черных М. Ожесточенные бои на Дону // Там же. 28 июля. № 175.
10. Глебов М. Оборона укрепленного рубежа на Дону // Там же. 30 июля. № 177.

Д.Н. Титаренко

ОРГАНИЗАЦИЯ РАДИОПРОПАГАНДЫ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ СССР В ПЕРИОД НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (ЗОНА ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ)

На оккупированной территории Советского Союза одной из стратегически важных задач для нацистов стало создание системы пропагандистской обработки местного населения. Одну из ключевых ролей в арсенале средств, которые были в распоряжении органов пропаганды, играло радиовещание. В определенной степени некоторые особенности радиопропаганды на оккупированной территории СССР уже были предметом анализа исследователей [1]. Однако специфические черты радиовещания в зоне военной администрации, которая характеризовалась непосредственной близостью фронта, сосуществованием разных структур, ответственных за организацию и ведение радиопропаганды, требуют более детального рассмотрения.

В целом, вопросами организации пропаганды на оккупированной советской территории занимались структуры Министерства просвещения и пропаганды, Министерства оккупированных восточных областей, вооруженных сил Третьего рейха. При этом на территориях, входивших в состав зоны военного управления, ключевая роль принадлежала военным и, соответственно, органам пропаганды вермахта [2].

В зависимости от времени оккупации, степени удаленности от линии фронта, задачи организации радиопропаганды на население были возложены на роты пропаганды и отделы пропаганды (в ряде случаев они фигурируют под названием «батальонов пропаганды»): В («Балтика»), W («Беларусь»), U («Украина»), К («Кавказ»), D («Дон») [3]. Роты пропаганды занимались организацией пропаганды непосредственно в зоне боевых действий и оперативном тыловом районе армий, в зону ответственности отделов пропаганды входили тыловой район групп армий и оперативный тыловой район армий. Каждый из отделов пропаганды имел в своей структуре несколько команд, так называемых «пропаганда-штафель» (Propaganda-Staffel). Так, в частности, отдел пропаганды U имел в своем распоряжении 6 таких команд, которые имели порядковую литерную нумерацию от U 1 до U 6. В то же время в ряде случаев названия этим пропа-

гандистским единицам давались по месту дислокации («Пропаганда-штафель Мариуполь», «Пропаганда-штафель Сталино», «Пропаганда-штафель Харьков», «Пропаганда-штафель Славянск», «Пропаганда-штафель Ворошиловград» и т.д.) [4].

С первых же дней оккупации населению предписывалось сдать все радиоприемники, которые могли оставаться у него на руках, в местные комендатуры (впервые требование об обязательной сдаче радиоаппаратуры было озвучено советской властью еще в начальный период войны, до оккупации, однако выполнили его не все жители). Первоочередной целью этого мероприятия было ограничение возможности для советской пропаганды оказывать влияние на население. В дальнейшем собранные у населения радиоприемники могли использоваться с целью удовлетворения нужд солдат и офицеров вермахта во время расквартирования в населенных пунктах.

Оптимальным вариантом для оккупантов было использование с целью пропагандистского воздействия проводной радиосети. Несмотря на значительные разрушения, причиненные коммунальному хозяйству и, в частности, радиокоммуникациям, во время боевых действий либо при отступлении советских войск, проводное радиовещание было возобновлено в ряде крупных населенных пунктов на оккупированной территории, в частности в Сталино, Харькове, Ворошиловграде, Мариуполе. Только в Мариуполе в мае 1942 г. насчитывалось 10 388 абонентских точек [5]. Правда, количество радиоточек не было стабильным и могло в течение всего периода оккупации существенно меняться, что вызывалось в первую очередь разрушениями, причиненными радиосети во время бомбардировок советской авиации, дефицитом аппаратуры и материалов для осуществления ремонтно-восстановительных работ.

При помощи располагавшихся в Риге, Киеве, Днепрпетровске, Харькове и других городах оккупированной территории Советского Союза радиостанций осуществлялся прием и ретрансляция программ, подготовленных в Берлине отделом «Восток» и специальной службой информации «Винета» Министерства пропаганды. В целом, «Винета» готовила вещание на 16 языках (русском, украинском, белорусском, эстонском, литовском, грузинском, армянском, азербайджанском и иных) общей продолжительностью приблизительно 16 часов в сутки [6]. Учитывая то, что в ряде случаев население, владевшее немецким языком, имело возможность слушать оригинальные сообщения немецкого радиовещания, сопоставлять эту информацию с той, которая распространялась для населения оккупированных областей, особое внимание руководство пропагандистских структур Третьего рейха уделяло вопросам адаптации сообщений немецкого радио, созданию выпусков немецких новостей специально для оккупированных восточных областей [7].

Определенную роль в составлении программ радиовещания в городах, заполнении эфирного времени играли также радиостанции вермахта, в частности «Харьков», осуществлявшая вещание из Харькова, «Урсула» и «Густав», дислоцировавшиеся в Ворошиловграде, «Гизела», располагавшаяся в Сталино, «Дон», размещавшаяся в Ростове и ряд иных, которые по мере продвижения линии

фронта далее на восток меняли места своей дислокации. И хотя, как отмечал в своих воспоминаниях бывший руководитель отдела пропаганды вермахта генерал Хассо фон Ведель, так называемые «солдатские радиостанции» испытывали дефицит средств и необходимого для организации радиопропаганды на местное население персонала, им, все-таки, достаточно часто «импровизируя», удавалось организовать вещание для населения [8]. Мнение Веделя косвенно подтверждали отчеты с мест: так, использование радиостанций вермахта имело следствием, как отмечалось в информации таганрогского филиала «Пропаганда-штафель Мариуполь», «*существенное обогащение собственных программ*» [9].

В тех случаях, где это позволяли условия, могло осуществляться также транслирование через радиосеть подготовленного на местах органами пропаганды материала. Так, с 1 мая 1943 г. «Пропаганда-штафель Сталино» дважды в неделю по радио передавала обзор прессы, который с 24 мая стал транслироваться ежедневно под названием «*Политический обзор*». Летом 1943 г. через проводную радиосеть города транслировался ряд передач, агитировавших за вступление во власовскую армию [10].

В условиях близости линии фронта, сложностей со своевременной доставкой актуальных печатных пропагандистских материалов, предназначенных для распространения среди местного населения, радио играло важную роль и в качестве источника обеспечения необходимой информацией периодических изданий на оккупированной территории. При помощи службы «Винета» была организована трансляция специальных программ на русском и украинском языках, содержавших предназначенные для публикации в прессе информационные сообщения. Для того, чтобы редакции местных газет могли конспектировать, записывать под диктовку передававшуюся информацию и впоследствии ее использовать, трансляции такого рода шли в замедленном темпе [11].

Особое внимание оккупационные структуры уделяли расширению аудитории слушателей, увеличению количества потенциальных реципиентов информации. Как позволяет судить письмо доктора Тауберта, руководителя отдела пропаганды «Восток» Министерства пропаганды Третьего рейха министру Геббельсу, уже в сентябре 1941 г. была начата работа с целью создания так называемых «обществ для прослушивания», предназначенных для населения оккупированных восточных областей. В рамках этих «обществ» при помощи радиоаппаратуры, находившейся в распоряжении вермахта, органов управления, военно-хозяйственных структур предполагалось обеспечить возможность прослушивать транслируемые немецким радиовещанием передачи для жителей оккупированных областей. При этом автор письма делал акцент на значительном влиянии информации радио при регулировании вопросов обработки земли во время организации посевных работ либо же при борьбе с «партизанской угрозой». В немецких фронтовых газетах и в предназначенных для солдат и офицеров оккупационных войск радиопередачах приводились время и частоты планировавшихся для местного населения трансляций на языках народов СССР [12]. Военнослужащим вермахта предлагалось заранее, ко времени трансляции, выставлять приемники в публичных местах, в частности в кинотеатрах [13].

В соответствии с распоряжением командующего тыловым районом группы армий «В» от 5 сентября 1942 г. относительно деятельности и задач отдела пропаганды U, было предусмотрено также использование в организованных оккупационными властями читальнях либо в рамках «обществ для просушивания» и конфискованных у населения либо захваченных в качестве трофеев радиоприемников [14]. Однако имеющиеся в наличии источники не позволяют, к сожалению, определить степень распространенности и масштаб влияния этой организационной формы осуществления радиопропаганды на оккупированной территории.

Справедливости ради следует отметить, что в ряде случаев сами солдаты и офицеры по собственной инициативе либо же по просьбе местных жителей предоставляли им возможность слушать радиопередачи советских радиостанций [15]. Очевидно, ключевым фактором, который побуждал немецких военнослужащих идти на нарушение официальных предписаний, регламентировавших отношение к местному населению, было их желание узнать об его настроениях и отношении к военно-политическим событиям на основе альтернативной информации. Безусловно, такого рода действия облегчали процесс межличностной коммуникации местного населения и оккупантов.

В определенной степени средством получения информации для жителей было также использование радиоприемников расквартированных в их домах немецких солдат, офицеров, служащих военно-хозяйственных и административных структур в тех случаях, когда те оставляли аппаратуру без надлежащего надзора [16]. Явления такого рода были далеко не единичными, что, безусловно, снижало эффективность немецкой пропаганды, подрывало к ней доверие. Именно этим, вероятно, объясняется издание распоряжений командования, направленных на устранение такого рода случаев [17].

Учитывая то, что для обслуживания радиосетей и радиоаппаратуры привлекались технические специалисты из числа местного населения, которые теоретически имели возможность прослушивать «враждебные станции», руководством отдела «Восток» Министерства пропаганды предусматривалось оборудование ретрансляционных станций на местах специальными блокирующими устройствами. Эту инициативу отдел «Восток» выдвинул в августе 1942 г. [18], хотя о степени реализации и эффективности этой меры информации нет.

В тех случаях, когда в силу объективных причин возобновление работы радиосети было невозможно (решение технических деталей, обеспечение самой возможности трансляции входило в сферу компетенции войск связи вермахта), пропагандистскими структурами применялись специально оборудованные автомобили с радиоприемниками и звуковоспроизводящей аппаратурой. В целом, для нужд пропагандистских структур, действовавших на оккупированной территории СССР, ежемесячно производилось и ремонтировалось около 20 машин с громкоговорителями [19]. Использование этих технических средств было наиболее целесообразным в условиях работы с целевой аудиторией – в частности, во время проведения пропагандистских кампаний, направленных на привлечение молодежи на работу в Германию, в условиях взаимодействия

с иными заинтересованными структурами, действовавшими на оккупированной территории. Достаточно яркий пример сотрудничества такого рода приводился в отчете за октябрь 1942 г. «пропаганда-штафель» U2. Так, во взаимодействии с WIKDO 9 (от нем. Wirtschaftskommando – военно-хозяйственная команда) при помощи машины с громкоговорителем в ряде населенных пунктов Краснодарского и Свердловского районов Ворошиловградской области были проведены акции, цель которых заключалась в мобилизации 3 тыс. безработных горняков для работы на угольных предприятиях Сталино [20]. Машины с громкоговорителями и заранее записанными текстами широко применялись и с целью осуществления пропагандистских акций против партизан.

Рассмотрение вопроса о степени влияния средств радиопропаганды на население в зоне военной администрации представляется достаточно сложным в связи с дефицитом источников, касающихся данной территории. В этих условиях целесообразным представляется использование косвенных источников, в частности отчета о влиянии радиопрограмм на население Беларуси за подписью сотрудника Министерства пропаганды доктора Куртса от 25 февраля 1942 г. Так, по его мнению, в зоне гражданского управления на территории Беларуси, где было организовано радиовещание, население симпатизировало партизанам значительно меньше, нежели в районах, которые располагались на востоке и относились к тыловому району группы армий «Центр» [21]. С высокой долей вероятности можно предположить, что подобного рода тенденции наблюдались и на остальной оккупированной советской территории.

Период нацистской оккупации стал временем острой пропагандистской и контрпропагандистской борьбы обеих противоборствующих сторон. Определенные попытки оказать влияние на местное население при помощи средств радиопропаганды предпринимались и из-за линии фронта. Эффективность ее влияния зависела не только от самой возможности получения информации потенциальной аудиторией слушателей, но и от времени оккупации. Так, в частности, в соответствии с отчетом о деятельности за февраль 1942 г. «пропаганда-штафель» U 3 отдела пропаганды U «усиленная пропагандистская деятельность врага при помощи сбрасывания листовок и радиовещания не достигла никакого значительного успеха» [22]. Однако очевидно, что в дальнейшем, по мере роста масштабов подпольно-партизанского движения, использование информации, полученной при помощи нелегальных радиоприемников, стало важным средством для осуществления пропагандистской антифашистской работы.

Безусловно, эффективность нацистской радиопропаганды, осуществлявшейся в зоне военной администрации на оккупированной территории СССР, зависела от ряда факторов. В частности, от степени активности различных пропагандистских структур, технических возможностей для налаживания работы радиосети, различий в информации, предназначенной для населения оккупированных восточных областей и немецких слушателей, состояния дел на фронтах, деятельности советской пропаганды в конечном итоге. В то же время с учетом устойчивости сформировавшихся у местного населения в период оккупации

представлений и стереотипов, которые фиксировались советскими спецслужбами даже после освобождения, ее, как впрочем, и всю нацистскую пропагандистскую машину, вряд ли можно оценивать как неэффективную.

Примечания:

1. Волковский Н.Л. История информационных войн. В 2 ч. Ч. 2. СПб., 2003. С. 194–198; Михайлюк М. Нацистська радіопропаганда в Україні періоду окупації // Історія слов'янських народів: дослідження актуальних проблем. Вип. 8: Україна і Польща в горнілі Другої світової війни. К., 2005. С. 309–320; Салата О. Формування німецького інформаційного простору в Рейхскомісаріаті України та в зоні військової адміністрації (червень 1941–1944 р.). Донецьк, 2010. С. 149–156.
2. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы: в 2 т. Т. 2. М., 1973. С. 196; Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg) (далее – ВА-МА). RW 4/253. (Betr.: Weisungen für die Tätigkeit der Propaganda-Abteilungen und Staffel im besetzten Gebiet der Sowjet-Union).
3. Wedel, Hasso von. Die Propagandatruppen der Deutschen Wehrmacht. Neckargemünd, 1962. S. 77.
4. В советской и постсоветской историографии отсутствует устойчивый и общепринятый перевод этого термина с немецкого языка. Так, в работах исследователей по проблеме этот термин может переводиться как «отдел пропаганды», «отделение пропаганды», «команда пропаганды», «отряд пропаганды».
5. Государственный архив Донецької області (далее – ДАДО). Ф. Р-1876. Оп.1. Д. 15. Л. 2.
6. Bundesarchiv (Berlin) (далее – ВА). R 55/1310. Bl. 110.
7. ВА. R 55/1288. Bl. 161–163.
8. Wedel, Hasso von. Op. cit. S. 78–79.
9. ВА-МА. RH 20–6/301. Bl. 105.
10. ВА-МА. RH 20–6/300. Bl. 106.
11. Buhbender O. Das tödende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im zweiten Weltkrieg. Stuttgart, 1978. S. 35.
12. ВА. R 55/567. Bl. 85–86.
13. ВА-МА. RH 22/27. Bl. 171.
14. ВА-МА. RH 22/205. Bl. 62.
15. Личный архив автора. Интервью с В.Г. Деменковым, 1928 г.р., (г. Донецк, апрель 2004 г.). Интервью с Н.И. Касторной, 1931 г.р. (г. Константиновка, декабрь 2004 г.).
16. Интервью с Чепик З.А., 1929 г.р. (г. Донецк, февраль 2005 г.). Транскрибированная аудиозапись. Личный архив автора.
17. ВА-МА. RH 21–1/162. Bl. 8.
18. ВА. R 55/1288. Bl. 95.
19. ВА. R55/1290. Bl. 88.
20. ВА-МА. RH 22/206. Bl. 246.
21. ВА. R 55/1289. Bl. 66.
22. ВА-МА. RH 22/22. Bl. 102.

М.Ю. Макаренко, Ю.В. Вшивцева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ НА КУБАНИ (1942–1943 гг.)

Основной массив территорий образованного в 1937 г. Краснодарского края с конца лета 1942 г. до зимы 1943 г. находился в оккупации. Хроника событий, судя по сохранившимся документам, нередко не содержит четких дат – детали ее зафиксированы в большинстве случаев постфактум в актах Краснодарской краевой комиссии по установлению и расследованию «злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Эпизоды развития ситуации прослеживаются в данных разведывательных и оперативных сводок, которые составлялись в южном и краевом штабах партизанского движения и в краевом управлении НКВД. События оккупационного периода истории Кубани отражены в разрозненных документах органов местного самоуправления и предприятий, работавших на оккупантов; приказах, объявлениях и листовках оккупационных властей; газетах, издававшихся ими на Кубани.

Лояльность, поначалу демонстрируемая оккупационными властями к местному населению, определялась директивой из «Зеленой папки» Геринга о том, что на Кавказе *«с населением следует поддерживать хорошие отношения, в особенности с рабочими нефтяной промышленности. Противоречия между туземцами (грузины, армяне, татары и т. д.) и русскими следует использовать в наших интересах»*.

В августе 1942 г. бургомистром г. Краснодара был избран адвокат М.А. Воронков, создаются городская и четыре районные управы. М.А. Воронков занимал должность до 9 сентября 1942 г., его сменил С.Н. Лященко, спустя три месяца – 8 декабря 1942 г. бургомистром Краснодара становится В.А. Смыков [1]. Ввиду невозможности получить доступ к личным делам лиц, находившихся на посту бургомистра, сложно судить о том, по какой причине их сменяемость стала частым явлением.

После формирования городских управ во главе с бургомистрами им передавалось управление экономической жизнью городов, при контроле военной администрации. В больших городах в структуру городских управ входили промышленные, хозяйственные, технические и строительные отделы [2]. Одним из основных составляющих экономической жизни оккупированных регионов были биржи труда. С декабря 1942 г. по приказу бургомистра Краснодара все население в возрасте от 14 до 60 лет должно было зарегистрироваться на бирже. Гражданское население использовалось на рытье окопов. Рабочий день длился 10 часов, выходных не было, работающим давали 250 г хлеба, впоследствии норму выдачи сократили до 150 г.

20 декабря 1942 г. на проведенном в Краснодаре краевом земельном съезде объявлен «новый порядок землепользования», упразднявший колхозы и устанавливавший в качестве переходного этапа к единоличному хозяйству «общинное хозяйство» (впоследствии – «десятидворки»). До раздела земли

на «десятидворные» группы все работы и пользование земель производилось «земельными общинами» [3].

«Все колхозы с момента опубликования Нового Земельного порядка должны называться земельными общинами с присвоенным номером по району», – говорилось в разъяснениях оккупационных властей по поводу реформ землепользования. – *Порядок руководства земельной общиной, производство работ, начисления за работу, учет работы и прочее остаются прежними до издания специальных распоряжений».* Оккупанты объявили кубанскую землю, совхозы и МТС собственностью германского государства. На «общинников» возлагалась ответственность за полную уборку урожая и своевременную сдачу сельхозпродукции оккупационным властям [4]. Все законы, декреты и постановления советского правительства, касавшиеся создания, управления и ведения колхозных хозяйств, упразднились, колхозы преобразовывались в «общинные хозяйства». Приусадебные участки, находившиеся в пользовании членов «общинного хозяйства», объявлялись их частной собственностью и освобождались от налогов. Было также объявлено о возможности увеличения данных участков при подаче соответствующего заявления. В первую очередь, данным правом наделялись старожилы той или иной местности, показавшие себя хорошими работниками [5]. На улицах Краснодара были развешаны портреты А. Гитлера и плакаты с изображением улыбающегося крестьянина и надписью *«Фюрер дал мне землю»* [6].

В крае при поддержке немецкого командования стали выходить газеты на русском языке – «Кубань», «Майкопская жизнь», «Новое время». Газета «Кубань» стала официальным печатным органом бургомистра г. Краснодара, проводившим в массы политику новых властей. Советская власть на страницах «Кубани» обвинялась в развязывании войны, демографических проблемах и во многих других «грехах». Через нее оккупационные власти известили местное население о характере и масштабах всех разрушений, учиненных отступавшими советскими войсками и спецгруппами НКВД. Материал был помещен в первом номере газеты на первой странице, в него входили текст и фотографии уничтоженных предприятий с обозначенными суммами ущерба.

Для упрочения «нового порядка» в Краснодарском крае фашистское руководство пыталось проводить активную социальную политику. В материалах Государственного архива Краснодарского края (далее – ГАКК) отмечается, что в период оккупации были предприняты попытки создания упорядоченной системы здравоохранения, которая включала платные и бесплатные услуги медицинской помощи. В Краснодаре было открыто 6 поликлиник, 4 консультации для детей до 3 лет; начали работать родильный дом, семь аптек и малярийная станция [7].

Но данные меры не смогли в полной мере наладить приемлемого функционирования медицинских учреждений. В докладе врача Ушакова говорилось: *«в основном в районах введена платная медицинская помощь, как амбулаторно-поликлиническая, так и стационарная (лишь некоторые категории больных пользуются медицинской бесплатной помощью, а именно инфекционные больные, больные малярией и венерическими заболеваниями, дети до 3-х лет*

и особо неимущая часть населения со справками станичных и сельских старост), учреждения содержатся на самокупаемости» [8]. В конъюнктурном обзоре за декабрь 1943 г. по Белореченскому району указывалось, что основная часть медикаментов (бинты и марля) достались из остатка перевязочных средств при железнодорожном санитарном участке. Оказание лечебной помощи населению стало платным, а источниками финансирования лечебных учреждений являлась их самокупаемость [9].

В регионе часто возникали ситуации, когда не было лекарств и медицинских инструментов. Из доклада врача Ушакова: «хирургических инструментов, даже в хорошо оснащенных в прошлом больницах совершенно недостаточно, большинство учреждений не имеет шприцев, что отражается на проведении профилактических мероприятий. В основном снабжение медикаментами и перевязочными материалами поставлено в исключительно тяжелое положение, а именно перевязочный материал в аптеках совершенно отсутствует» [10].

У населения не хватало средств на покупку медикаментов. Подтверждения тому находим в документе, сохранившемся в ГАКК: «Областному врачу, профессору Мелких [в период оккупации Краснодарского края он находился на посту начальника Крайздраотдела – М.М., Ю.В.]: прошу дать указания, как быть в таких случаях: ребенок болен дифтерией, сыворотка 10 000 единиц стоит 50 руб. есть контактные дети, которым нужно с целью профилактики ввести дифтерийную сыворотку. У матери средств нет на покупку сыворотки. Амбулатория бесплатных сывороток не имеет. Больница также. Мать ребенка от госпитализации отказалась» [11].

В период оккупации существовала острая проблема обеспечение населения продуктами питания. «Плановое снабжение» населения продовольствием по карточкам обеспечивало только полуголодное существование. Работавшие получали по 600 г, а иждивенцы – по 200 г хлеба в неделю [12]. Критическая нехватка сельскохозяйственных продуктов, дефицит белков и витаминов в рационе, снижение калорийности питания отрицательно отражались на состоянии здоровья людей. Широкое распространение в годы войны получили разнообразные заменители, до войны, категорически запрещенные санитарным законодательством: финнозное мясо, солодовое молоко, мясорастительная колбаса, сахарин. В результате резко участились случаи пищевых отравлений. В целом по СССР их число в период войны выросло в 3,5 раза.

Ответственно оккупационные власти подходили к регистрации населения в городах и сельской местности края. Фашисты могли держать жителей, оставшихся на оккупированных территориях, под постоянным контролем, пресекая любые враждебные действия в отношении «нового порядка», так как обладали полной информацией о них. Регистрация помогла выявить грамотных специалистов, которые направлялись в учреждения, организации и на предприятия, работавшие в условиях оккупационного режима. Зарегистрированное население, кроме того, являлось своеобразной базой данных для отбора граждан, отправляемых на работу в Германию [13].

Немецкое командование серьезно относилось к вопросу подбора кадров для управленческих структур. Полицейские органы, служба безопасности и различные карательные учреждения были неотъемлемой составной частью всего оккупационного аппарата управления. В них входили как немецкие военные сотрудники специальных служб, так и представители местного населения. В станице Пашковской Краснодарского края всех жителей немецкие власти разделили на 4 категории. Из сообщений партизанской разведки известно, что: *«Первая и вторая категории – рабочие, крестьяне и служащие без особых подозрений, допускающиеся в органы управления; третья группа – советские работники, не участвовавшие во взрывах и репрессиях, могут, якобы, везде работать, но не могут быть допущены в органы управления; четвертая группа – евреи и активные советские работники, которые якобы, могут быть допущены только на черновые тяжелые работы»* [14].

В краевом центре по указанию оккупационных властей в декабре 1942 г. городская и районные управы составили 3 списка жителей города. Граждан, которые проживали в краевом центре с довоенного времени, регистрировали в списке № 1. Исключение составляли политически неблагонадежные элементы. Лица, поселившиеся в Краснодаре после 22 июня 1941 г., включались в список № 2. Список № 3 открыто нигде не оглашался. В него заносились все данные о гражданах, которые подлежали аресту и уничтожению карательными оккупационными структурами [15].

Экономическая политика оккупационных властей была направлена на привлечение местного населения к сотрудничеству с оккупантами. Необходимо отметить, что в отношении большей части кубанцев она являлась более мягкой и, как следствие, более результативной (особенно, в начале оккупации), чем в других регионах СССР. В августе–сентябре 1942 г. с помощью привлечения населения оккупационным властям в кратчайшие сроки удалось восстановить и наладить производственный процесс на не подвергшихся разрушению и мало пострадавших заводах и фабриках городов края.

Немцы производили ремонт и сборку танков на заводе измерительных приборов в Краснодаре. Здесь работали военнопленные и часть мужского населения города. Всех трудящихся немцы в целях безопасности разместили на территории завода и не выпускали в город. Выюки для фашистской армии производились на заводе имени Седина. 10 тыс. таких выюков были направлены в середине октября 1942 г. в части немецкой армии, воевавшие на Кавказе [16]. Предназначались они для горнострелковых и егерских дивизий, ведущих бои с советскими войсками на перевалах.

Донесения агентурной разведки краевого управления НКВД предоставляют возможность судить о темпах восстановительных работ важнейших объектов Краснодара. В августе 1942 г. советские разведчики докладывали, что в краевом центре не работали водопровод, электросеть и трамвайная линия. В сентябрьских сводках (т.е. спустя всего несколько недель) сообщается о работающем водопроводе и возобновленном трамвайном движении [17]. Оборудование для быстро восстанавливающейся электростанции краевого центра завозилось из Новороссийска [18].

Оккупационные власти широко применяли труд местного населения для быстрого проведения восстановительных работ и ввода в строй важных народнохозяйственных объектов. Проводилось это чаще всего через мобилизацию трудоспособного населения. Разъяснялась необходимость данных работ, прежде всего, для самих жителей оккупированной территории, с помощью газет и радио. Пресса не скупилась на похвалы в адрес рабочих и служащих, которые ударно трудились при восстановлении важнейших объектов народного хозяйства. Новая власть активно награждала передовиков, демонстрируя готовность поощрять тех, кто готов к преданному сотрудничеству. Граждане Краснодара, оставившие свои рабочие места без разрешения оккупационных властей, подвергались наказанию.

Остается дискуссионным вопрос о количестве заводов и фабрик, работавших на оккупированных фашистами территориях. З.В. Бочкарева, основываясь на архивных данных, сообщает о том, что в четырех городах Юга России: Ставрополе, Пятигорске, Таганроге и Краснодаре действовало более 100 заводов и фабрик [19].

Ключевыми целями германского руководства при захвате Кавказа стали богатые продовольственные ресурсы и нефть. В «Зеленой папке» Геринга было указано: *«Использование подлежащих оккупации районов должно проводиться в первую очередь в области продовольственного и нефтяного хозяйства. Получить для Германии как можно больше продовольствия и нефти – такова главная экономическая цель кампании... Среди мероприятий, не относящихся к продовольственному снабжению, все вопросы, связанные с добычей и вывозом нефти, должны во всех случаях стоять на первом месте»* [20].

Попытки немецких инженеров воссоздать нефтяные скважины советские эксперты сочли «неграмотными». По их мнению, это объясняется тем, что немецкие специалисты располагали устаревшими характеристиками скважин. Также неудача немцев обусловлена акциями саботажа со стороны нефтяников. За отказ выйти на восстановительные работы на нефтепромыслах в станице Ильской Северского района Краснодарского края немцами было расстреляно около 200 рабочих [21]. Окончательно все попытки начать добычу нефти свели на нет постоянные партизанские диверсии.

Оккупационные власти на подконтрольных им территориях проводили политику, направленную на привлечение местного населения к сотрудничеству. В Краснодарском крае, в первую очередь, это касалось казаков (социальной страты, наиболее пострадавшей в период репрессий). С этой целью проводилась агитационная работа – активное поощрение станичников, рабочих и служащих, дисциплинированно и добросовестно трудившихся под контролем немецких властей. Данная политика по-разному воспринималась жителями Кубани в зависимости от их отношения к политике советской власти 1920–1930-х гг., что вызвало сосуществование коллаборационизма и движения сопротивления.

В начале периода оккупации активно проводились мероприятия медико-санитарной направленности, поскольку захватчики опасались возникновения очагов эпидемий. По этой причине немецким командованием был осуществлен

ряд мероприятий социально-экономического характера, ориентированных на поддержание жизни местного населения на приемлемом для военного времени уровне. Таким образом, один из начальных фрагментов (именно фрагментов, поскольку процесс неоднократно прерывался) модернизации смертности [22] на оккупированных территориях региона пришелся на конец лета – осень 1942 г. Впоследствии уже советское государство стало осуществлять мероприятия по борьбе со сложившейся в регионе эпидемиологической ситуацией.

По мере осознания того, что вскоре они будут вынуждены покинуть регион (рубеж 1942–1943 гг.), вектор активности гитлеровцев кардинально трансформировался – проводились мероприятия, направленные на создание условий для распространения эпидемий (ропуск контингента концлагерей, в котором очень много было переносчиков болезней, расселение бывших узников среди местного здорового населения).

Население Кубани за годы Великой Отечественной войны значительно сократилось, размеры его убыли превысили удельный вес потерь Первой Мировой и Гражданской войн в 1914–1922 гг. И в первом, и во втором случае объективно благополучный регион (традиционная житница страны) пострадал в гораздо большей степени, чем большинство российских территорий.

Действия немецких властей в социально-экономической сфере по-разному оценивались местными жителями: доказательства тому – наличие и движения сопротивления, и примеров сотрудничества с оккупационными властями. Основную массу коллаборационистов составили пострадавшие от репрессий и раскулачивания: казаки в 1920-е гг. имели возможность свободно вести хозяйство на земле, в 1930-е гг. они ее утратили. Нередко сотрудничали с оккупационными властями бывшие белогвардейские офицеры. Что же касается основной массы населения Кубани то, она придерживались позиции вынужденного сотрудничества. Естественным желанием человека было выжить, стараясь приспособиться к «новому порядку».

Примечания:

1. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: рассекреченные документы. Хроника событий: в 3 кн. Краснодар, 2003. Кн. 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 459.
2. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации. (Состояние и особенности развития, июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дисс... д-ра ист. наук Пятигорск, 2003. С. 241.
3. ГАКК. Ф. Р-1324. Оп. 1. Д. 3. Л. 189.
4. Там же. Л. 189–190, 195–197.
5. Там же. Л. 190.
6. Екатеринодар–Краснодар: Два века города в датах, событиях, воспоминаниях. 1793–1993: Материалы к летописи. Краснодар, 1993. С. 597.
7. Кубань. 1942. 26 сентября.
8. ГАКК. Ф. Р-807. Оп. 1. Д. 18. Л. 16.

9. Там же. Л. 14
10. Там же. Л. 16.
11. Там же. Л. 15.
12. Журавлев Е.И. Оккупационная политика фашистской Германии на юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха // Научная мысль Кавказа. № 1. 2001. С. 42.
13. Линец С.И. Указ. соч. С. 233.
14. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945... С. 514.
15. Екатеринодар–Краснодар... С. 596.
16. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Пятигорск, 2009. С. 175.
17. Кубань в годы Великой Отечественной войны... С. 460, 508.
18. Там же. С. 599.
19. Бочкарева З.В. Некоторые аспекты состояния промышленности Северного Кавказа в период фашистской оккупации // Из истории народов Северного Кавказа. Вып. 2. Сб. науч. ст. Ставрополь, 1998. С. 142.
20. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Пятигорск, 2009.
21. Там же. С. 180.
22. К сожалению, немногочисленность и хронологическая разрозненность сохранившихся документов не позволяют полноценно проанализировать динамику структуры смертельных исходов, модернизационные изменения в которой (снижении значения экзогенных факторов, повышении роли эндогенных) ряд авторов (А. Омран, В.А. Исупов, В.Г. Семенова) считает началом демографического перехода.

С.И. Линец

**ГОСПИТАЛЬНАЯ БАЗА ГОРОДОВ-КУРОРТОВ
КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД
ПРИ НЕМЕЦКОМ ОККУПАЦИОННОМ РЕЖИМЕ
(август 1942 г. – январь 1943 г.)**

В первых числах августа 1942 г. немецкие войска из состава 1-й танковой армии генерала Клейста приступили к захвату городов Кавказских Минеральных Вод. Советские войска после непродолжительных боев были вынуждены отступить дальше на восток. Города-курорты вскоре были оккупированы гитлеровцами. Результатом прошедших боев стали отдельные разрушения и повреждения, которые получили санатории и пансионаты, другие лечебные учреждения, в которых до начала августа 1942 г. функционировали эвакуогоспитали.

В частности, во время вступления в Пятигорск 9 августа 1942 г. и в ходе боев в городе, которые продолжались до 10 августа, артиллерийскими снарядами

была повреждена грязелечебница. На здании оказалась пробитой в нескольких местах крыша, были повреждены и верхние перекрытия грязевой лаборатории и котельной. Кроме того, в первый же день оккупации Пятигорска немецкие солдаты, ворвавшиеся в помещение и грязелечебницы, разорвали и унесли с собой почти все запасы белья, перевязочного материала и хирургического инструментария. Эти повреждения и грабежи вывели грязелечебницу из строя примерно на две недели. Затем немцы отремонтировали здание, навели в нем порядок и использовали в последующие месяцы для лечения своих солдат и офицеров [1]. Подтверждение этому можно найти в местной оккупационной газете «Пятигорское эхо» от 29 сентября 1942 г. На первой странице газеты был помещен фотоснимок, на котором изображен внутренний холл грязелечебницы. Под снимком надпись: «Солдаты и офицеры Германской армии в ожидании принятия ванн».

Во время оккупации Пятигорска немецкими войсками, т.е. в период с 9 августа 1942 г. до 11 января 1943 г., в городе-курорте действовало организованное оккупационной властью Управление главного врача. В его ведении находились все медицинские и бальнеологические учреждения, в том числе и грязелечебница [2]. Из имевшихся в городе Пятигорске зданий серных ванн два самых удобных и хорошо оборудованных – Тиличевские ванны и нижний корпус Пушкинских ванн – были заняты гитлеровцами для размещения своих воинских подразделений. Немецкие солдаты за время своего пребывания в этих зданиях сожгли все деревянное оборудование и имущество. Кроме того, они сняли бензиновые моторы, которые использовались для обогрева зданий ванн, и вывезли их из города. Правда, оккупационная власть затем сделала попытку использовать Тиличевские и Пушкинские ванны в лечебных целях, но потерпела неудачу. Ее причина заключалась в том, что немецкие специалисты самостоятельно не смогли наладить процесс заполнения ванн минеральной водой, а бывших работников ванн, знавших всю технологию этого дела, оккупантам найти так и не удалось.

В городах Кавказских Минеральных Вод, располагавших мощной бальнеологической базой и разветвленной системой санаторно-курортных учреждений, новая власть развернула сеть госпиталей для лечения немецких солдат и офицеров. Часть госпиталей дислоцировалась в тех же зданиях, где до оккупации находились советские эвакогоспитали. Их эвакуация в начале августа 1942 г. проходила столь поспешно, что значительная часть оборудования, медицинской аппаратуры, медикаментов, белья была оставлена и оказалась захваченной немцами. Оккупанты использовали в своих интересах, правда, лишь в незначительной степени, минеральные источники и грязелечебницы. В отдельных санаториях и пансионатах городов Кавминвод на отдыхе находились гитлеровские солдаты и офицеры. Приведем любопытный факт: в одном из госпиталей в Ессентуках с начала ноября 1942 г. в течение четырех недель лечился от малярии Эрих Хартман. Военные историки Германии и других западных стран считают его лучшим асом второй мировой войны. На Восточном фронте за период с осени 1942 г. и до мая 1945 г. Хартман сбил 352 самолета [3]. В Кисловодске

в зданиях санатория имени Дзержинского, где до оккупации находился эвакогоспиталь № 2439, немецкое командование открыло Дом отдыха для своих выздоравливавших солдат и офицеров. Тяжелое «наследие» они оставили после себя: повредили все окна в зданиях санатория, водосточные трубы, внутреннюю отделку, штукатурку. Была разморожена система отопления, выведены из строя водопровод и канализация, расхищено все оборудование и белье [4].

Вместе с тем следует отметить, что немецкая оккупационная власть далеко не полностью использовала в своих интересах все значительные возможности и мощности Кавминводской курортной зоны для размещения здесь своих госпитальных учреждений. Об этом свидетельствуют конкретные факты. Так, сразу же после захвата Пятигорска в течение трех дней, т.е. 9–11 августа 1942 г., немецкие солдаты и офицеры разграбили все имущество и материальные ценности эвакогоспиталя № 2171. Затем оккупационные власти устроили в его помещениях общежитие для немецких офицеров. Буквально за несколько часов перед отступлением из Пятигорска немецкие саперы взорвали и подожгли здание санатория № 5, в котором ранее размещался эвакогоспиталь № 2171 [5]. В гостинице «Гранд-отель» города Кисловодска немцы разместили комендатуру, хотя до оккупации здесь находился эвакогоспиталь № 3175. С наступлением зимних холодов сотрудники комендатуры стали сжигать мебель, чтобы обогреть помещения. Одновременно в здании гостиницы была собрана вся медицинская аппаратура, госпитальное оборудование и имущество. Все это гитлеровцы затем вывезли из Кисловодска [6].

В Пятигорске немецкие оккупанты перед отступлением в первые дни января 1943 г. подготовили к взрыву несколько корпусов городской больницы. Они вошли в перечень важнейших зданий города-курорта, которым немецким командованием была уготована участь быть уничтоженными. Однако благодаря самоотверженной деятельности и мужеству главного врача больницы Д.С. Шельшова взрывы всех корпусов больницы были предотвращены [7].

Во всех оккупированных городах Кавказских Минеральных Вод гитлеровцы за весь период существования оккупационного режима так и не сумели в должной мере использовать богатые гидроминеральные ресурсы курорта. К примеру, в Пятигорске они проникли только в одну из штолен – соляно-щелочного источника № 4, которая была расположена рядом с нижним корпусом Пушкинских ванн. Здесь, однако, оккупанты не собирались изучать возможности использования минеральной воды для лечения своих солдат и офицеров. В штольне они устроили коптильню для изготовления окороков и колбас [8].

Вся хранившаяся в верхних корпусах Пушкинских ванн мебель, полученная перед самым началом Великой Отечественной войны с Дагомысской мебельной фабрики, оккупантами частью была вывезена из города, а частью использована для устройства своих различных штабов и учреждений. 10 января 1943 г., когда гитлеровцы стали взрывать и поджигать в Пятигорске самые ценные объекты и здания, серьезно пострадали помещения Лермонтовских ванн. Вначале немецкие саперы попытались их взорвать, но, потерпев неудачу, подожгли их. Когда и эта акция не привела к позитивным для фашистов результатам, в зда-

ния Лермонтовских ванн были направлены солдаты. Вооруженные большими молотами, они с немецкой педантичностью стали разбивать ванны, раковины, сантехнические установки, отопительные радиаторы, мебель и даже лепные украшения, десятки лет бывшие гордостью этого старинного здания [9].

На знаменитом пятигорском «Провале», являвшемся до лета 1941 г. средоточием городских здравниц, а в первый год Великой Отечественной войны местом дислокации нескольких эвакогоспиталей, немецкое командование разместило свои воинские части. За пять месяцев оккупации все помещения были здесь загажены до неузнаваемости. Перед отступлением из города специальные команды минеров взорвали несколько зданий, все их имущество до этого было расхищено, мебель приведена в негодность [10].

Центральный курортный парк «Цветник», признанное место отдыха, в том числе и выздоравливавших военнослужащих, с первых же дней существования в Пятигорске оккупационного режима был превращен гитлеровцами в мастерскую по ремонту военной техники и автомашин. «Цветнику», таким образом, была уготована участь превратиться в мусорную свалку.

В период существования в Пятигорске немецкой оккупационной власти продолжали свою деятельность некоторые структурные подразделения Бальнеологического института. Однако их научный и медицинский потенциал гитлеровцы практически не использовали для лечения своих раненых. Согласно сообщениям местной оккупационной газеты «Пятигорское эхо», в поликлинике Бальнеологического института были открыты различные профильные медицинские кабинеты. Врачи осуществляли в них лечение местных жителей на платной основе. В частности, прием у врача стоил 5 руб. [11] В местной оккупационной прессе изредка публиковались также заметки на медицинские темы о научных разработках Бальнеологического института, проведенных еще в довоенное время. К примеру, в газете «Кавказский вестник» 11 декабря 1942 г. давались рекомендации по лечению свинцового отравления серными минеральными водами.

В Кисловодске еще 7 августа 1942 г. отступавшие советские войска и сотрудники НКВД взорвали все важнейшие городские объекты промышленного назначения и жизнеобеспечения. Город остался без воды, электричества, хлеба. Вслед за отходившими из Кисловодска подразделениями Красной армии потянулась вереница повозок и редких автомашин, на которых уходила из города в эвакуацию часть его жителей. В их числе были семьи партийных и советских работников, сотрудников НКВД, евреев, членов ВКП(б). Одновременно в городе начались грабежи. «Предприимчивые» люди стали растаскивать белье и мебель из санаториев и пансионатов, ценное имущество из государственных учреждений. Группы мародеров стали взламывать двери магазинов и складов и выносить оттуда продукты и промтовары. Разграблению подверглись взорванные корпуса городского холодильника и хлебозавода [12].

С утра 11 августа жизнь в Кисловодске замерла: молчали радио и телефон, прекратилось движение поездов, власть отсутствовала. Город был брошен на произвол судьбы вместе со своими жителями. Рано утром 12 августа над Кисловодском появились немецкие самолеты, обстрелявшие город из пулеметов

и сбросившие бомбы на его центр. Здесь было разрушено два жилых дома, под обломками которых погибло несколько граждан. Других разрушений в городе-курорте не было. Следовательно, все здания санаториев, пансионатов и домов отдыха не пострадали. По свидетельству очевидцев, небольшие передовые отряды немецких войск появились на улицах Кисловодска вечером 12 августа 1942 г. Они расклеивали приказы оккупационных властей, в том числе с требованием ко всем служащим вернуться на свои рабочие места и приступить к исполнению обязанностей [13].

Затем по приказу оккупационных властей в конце августа 1942 г. бургомистром города Кочкаровым было создано Медико-санитарное бюро. В его ведении находилась вся курортная зона Кисловодска со всеми санаториями и пансионатами, курортными парками и предприятием «Кавминрозлив». Однако реально Бюро санаторным хозяйством не управляло. Об этом в своих воспоминаниях пишет Б.Я. Бородаев, который 23 августа 1942 г. приказом бургомистра Кисловодска был назначен заместителем начальника Медико-санитарного бюро по хозяйственно-экономической и финансовой части. Он, в частности, отмечает, что *«надзора за санаториями нет. Мародеры рыщут по зданиям и растаскивают ценное имущество. В парке началась вырубка деревьев, во дворах санаториев вырубались декоративные насаждения. Бургомистр Кисловодска – карачаевец Кочкаров занялся устройством своего материального благополучия, а затем открытием ресторанов, кафе, кино и пр. До курорта, до нарзана, до лечебных учреждений никому не было дела»* [14].

И в Железноводске оккупанты также не полностью использовали возможности курорта по прямому назначению. К примеру, в помещениях санатория «Ударник», где в первый год войны размещался эвакогоспиталь № 2164, гитлеровцы устроили конюшню [15].

Во время оккупации городов Кавказских Минеральных Вод гитлеровцы проводили политику геноцида по отношению к еврейскому населению. В сентябре 1942 г. под предлогом переселения евреев на свободные земли на Украине они расстреляли несколько тысяч граждан еврейской национальности. Среди них были медицинские работники, работавшие в эвакогоспиталях городов-курортов до начала августа 1942 г. Они не успели своевременно эвакуироваться и погибли от рук нацистских палачей. Так, в числе расстрелянных были 117 известных врачей из Кисловодска и членов их семей: профессор Баумгольц, доктор Чацкий с семьей, доктор Шварцман, врачи Соколовские, доктора Меренес и Дробинский и другие. В нескольких еврейских семьях было принято коллективное решение покончить жизнь самоубийством. Так поступили доктор Виленский с женой, доктор Бугаевская, медсестра Покровская. Доктор Файнберг, его жена и дочь также предприняли попытку покончить с собой. Они перерезали себе вены и приняли морфий. Однако гитлеровцы не дали им умереть и, отправив в больницу, спасли всю семью Файнбергов от смерти. Затем, излечив их, цинично расстреляли [16].

Согласно сведениям, содержащимся в архивных документах, от рук немецких палачей в Пятигорске погибли 25 медицинских работников, в основном

еврейской национальности [17]. Нескольким медицинским работникам-евреям удалось спастись во время оккупации. Одних с риском для своей жизни прятали местные жители, другие воспользовались послаблениями оккупационного режима в первые недели его существования. Стоматолог Г.В. Трумфельдорф после освобождения Пятигорска от гитлеровцев указывал: *«Я уцелел благодаря русской женщине, которую выдал за свою жену (вначале смешанный брак оккупантами не преследовался). Но при отступлении немцы стали уничтожать всех евреев. Последние дни пребывания немцев в Пятигорске я скрывался»* [18].

Подводя итоги, отметим, что санаторно-курортные учреждения городов Кавказских Минеральных Вод в период немецкой оккупации частично были использованы гитлеровцами для лечения своих раненых и больных солдат и офицеров. Однако в полном объеме воспользоваться мощным лечебным и материальным ресурсом региона немецкое командование так и не смогло. Оккупанты находились здесь менее полугода и поэтому из-за нехватки времени не успели провести все необходимые на этот счет мероприятия. При отступлении из городов-курортов в начале января 1943 г. они попытались уничтожить санаторно-курортную базу, однако быстрое наступление советских войск Северной группы Закавказского фронта сорвало их планы.

Примечания:

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. Р-2836. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
2. Там же. Л. 4.
3. Толивер Р.Ф., Констебль Т. Дж. Лучший ас второй мировой войны. М., 2000. С. 82.
4. ГАСК. Ф. Р-2739. Оп. 2. Д. 262. Л. 126, 129.
5. Пятигорский городской архив. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.
6. ГАСК. Ф. Р-2739. Оп. 2. Д. 262. Л. 47.
7. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя (1918–2005 гг.). Ставрополь, 2007. С. 212.
8. ГАСК. Ф. Р-2836. Оп. 1. Д. 5. Л. 13.
9. Там же.
10. Там же.
11. Пятигорское эхо. 1942. 6 ноября.
12. Пятигорский городской архив. Ф. 1748. Оп. 1. Папка «Личный фонд Пащенко Б.А.».
13. Там же.
14. Там же.
15. Бучко А. Железноводск на пороге 175-летия // Кавказская здравница. 1985. 26 апреля.
16. Павлов М. Операция «Украина». По следам злодеяний фашистских варваров // Кавказская здравница. 1965. 8 мая.
17. ГАСК. Ф. Р-2836. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.
18. Пятигорский городской архив. Ф. 1748. Оп. 1. Д. 5. Л. 92.

ОККУПАЦИЯ ТАГАНРОГА (1941–1943 гг.): ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для населения СССР. Быстрое продвижение врага привело к тому, что огромное количество территорий оказалось в оккупации. Традиционно принято считать, что одной важнейших задач оккупантов было снижение численности советского населения посредством сведения его потребностей к минимуму. Однако провал «блицкрига» заставил гитлеровцев пересмотреть свои взгляды. Продолжение войны потребовало проведения определенных мероприятий в социальной сфере, призванных улучшить отношение населения к оккупантам и создать массовую поддержку среди мирного населения повсеместно устанавливаемому «новому порядку». Эти меры нашли свое отражение в архивных документах, которые позволяют по-новому рассмотреть деятельность оккупационного режима на советской территории.

17 октября 1941 г. немецко-фашистские войска вошли в Таганрог, оккупация которого продлилась до 30 августа 1943 г. – значительно дольше, чем всех других городов юга России. Именно в Таганроге социальная политика оккупантов приобрела наиболее законченный и планомерный характер, что и обуславливает особый интерес к рассматриваемой проблеме. Первым шагом ортскомендатуры и местной городской администрации стало обеспечение населения продовольствием. 26 октября 1941 г. при городском бургомистерстве было создано торгово-продовольственное управление, а 31 октября вышло распоряжение № 2 «О снабжении населения хлебом». В нем предписывалось «во всех государственных домовладениях и домах предприятий и учреждений» в течение 2 дней выбрать заведующих домами, которые должны были предоставить списки жильцов, проживавших в доме и записанных в домовое управление. Эти сведения отправлялись в Карточное бюро торгового отдела Городского управления. Первые карточки стали выдаваться с 6 ноября 1941 г. главам семей под расписку. Регулярная выдача продовольствия в Таганроге началась с 19 декабря 1941 г. В изданном накануне распоряжении № 19 были прописаны нормы выдачи продовольствия для населения города. На каждого взрослого жителя выдавался 1 кг, а на каждого ребенка до 14 лет – по ½ кг в неделю. При отсутствии хлеба выдавалась мука, но в меньших количествах: на каждого взрослого в неделю – 700 г, а на каждого ребенка до 14 лет – 350 г в неделю [1]. Распоряжение гарантировало, что все население города будет обеспечено мукой и хлебом. П.И. Литвиненко, которому в 1941 г. было 13 лет, вспоминал: «А потом начали нас кормить горелым просо. Вот горелое молили и пекли хлеб. И нам дали карточки по 300 г что-ли. Его вот так придавишь, и вода течет» [2]. Из-за отсутствия запасов продуктов зимой 1942 г. жители города полностью зависели от поставок продовольствия, которые осуществляли оккупационные власти [3]. С весны 1942 г. нормы выдачи хлеба по карточкам были увеличены

и дифференцированы: рабочие получали по 330 г, а дети и иждивенцы – по 130 г в день. Данный шаг со стороны оккупантов прямо противоречит приказу генерал-фельдмаршала фон Рейхенау от 10 октября 1941 г., в котором говорилось: «*Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью*» [4].

Оккупационные власти обязывали все население работать на заводах и фабриках города. Работу и продовольственные карточки можно было получить, только зарегистрировавшись на бирже труда [5]. С введением трудовой повинности обеспечение продуктами питания стало нормированным. Все население города было поделено на три группы: работавшие и ремесленники; иждивенцы работавших и ремесленников, проживавших с ними в одной квартире; и «*все прочее население*». Стоит отметить, что в инструкции по выдаче продовольствия не давалось объяснения, какая именно часть населения относилась к последней категории.

Оккупационная власть строго контролировала продовольственные запасы города. Для получения новых карточек или перерегистрации заведующие домами должны были предоставить сведения по каждой семье, которые фиксировались в специальных тетрадях и могли быть проверены властями города. За правильность предоставления сведений несли ответственность как заведующие домами, так и главы семей. Жесткий и тщательный контроль со стороны оккупационных властей исключали в большинстве случаев предоставление неправильной информации.

Работавшие горожане делились на три категории: 1) «*работающие*» (как правило, неквалифицированные работники или ученики); 2) «*тяжело работающие*»; 3) «*особо тяжело работающие*» и обеспечивались продовольственными карточками через бухгалтерию непосредственно по месту работы. К четвертой категории относились иждивенцы. Норма выделения продуктов питания для них оставалась единой.

В подлежащих выдаче рабочим карточках имелось 30 талонов на получение хлеба и 20 талонов – на получение продуктов. «*Иждивенцы работавшего*» также имели право питаться в столовых предприятия, на котором работал член их семьи.

Строго регламентировалось получение продовольственных карточек работавшими на иждивенцев – детей до 15 лет, а также старше этого возраста – обучавшихся в ремесленных училищах, жен и родителей (женщин до 50 лет, мужчин до 60 лет), членов семьи – пенсионеров, имевших пенсионные книжки и инвалидов. Если ребенок направлялся в детский сад от учреждения, то работавший родитель не получал на него продовольственной карточки. Продовольственные карточки не выдавались и на иждивенцев, проходивших лечение в больницах города. В случаях, когда муж и жена работали на предприятиях города, карточки на иждивенцев получал муж [6].

Каждые полгода проходила замена продовольственных карточек. Для их замены заведующие домами вновь предоставляли списки жильцов. Для получения продуктов население города прикреплялось к магазинам, в которых

оно могло отоваривать продовольственные карточки. В отчете бургомистру Таганрога от 13 мая 1942 г. указывалось, что в городе до 1 мая «Пищеторг» имел 24 хлебных магазина, «Рыбторг» – 16 хлебных магазинов и «Траноторпит» – 5 хлебных магазинов. Всего начитывалось 63 хлебных магазина на 159 тыс. выданных продуктовых карточек [7].

Тяжелым потрясением для каждого жителя оккупированного Таганрога была утрата продовольственных карточек. Их также изымали при увольнении с работы, а по вновь выданным можно было получить лишь минимальное количество продовольствия, которое не удовлетворяло потребностей нормальной жизнедеятельности [8].

Об эффективности системы продовольственного снабжения Таганрога свидетельствуют воспоминания жителя города: *«На каждом углу сидят с протянутыми руками. Смертность очень велика, в особенности пожилых людей... Людей, опухших от недоедания, по городу 50 %. У немецких кухонь толпится масса детей, женщин и старух, чтобы им раздали оскребки или забракованную врачом пищу, многие этим только и живут»* [9].

Изначально в планах нацистов развитие системы образования для населения оккупированных территорий не предусматривалось. Однако 1941–1942 гг. во многих оккупированных городах и селах были открыты школы. В предвоенные годы в Таганроге насчитывалась 31 школа: 6 начальных, 7 семилетних, 18 средних с общим числом учащихся в 23 963 чел.; 6 техникумов и педагогическое училище с общим числом учащихся около 4 тыс. учащихся и 2 института, в которых проходило обучение 1173 учащихся. Всего в городе работало 878 учителей [10]. В период оккупации в городе действовало лишь 10 школ, так как большинство школьных зданий было занято частями вермахта. Первые 6 школ при оккупантах были открыты 1 апреля 1942 г., а ближе к концу года еще 4 школы. По данным газеты «Новое слово», в момент открытия школ в них занималось 1875 детей, работал 91 учитель [11]. Также в городе работало сельскохозяйственное училище с животноводческим и растениеводческим уклоном для молодых людей с 16 лет, имевших образование не менее 8 классов средней школы, женское ремесленное училище, были открыты курсы немецкого языка и музыкальная школа.

Учебный процесс контролировал отдел школ и благотворительных учреждений, в обязанности которого входили организация занятий, выполнение учебных программ, обеспечение школ и училищ топливом в зимнее время, а учеников – горячими завтраками. Обучение проходило по советским учебникам, в которых вычеркивались имена и портреты руководителей коммунистической партии и т.п. Каждую неделю бургомистру города предоставлялся отчет о посещаемости школ учениками с указанием причин их отсутствия на занятиях. Среди них можно отметить наиболее часто встречающиеся: холод и инфекционные болезни.

Обучение в школах было платным. Родители должны были заплатить в месяц 40 руб., или 4 оккупационные марки, исключением были дети в возрасте с 7–8 до 13 лет, которые получали образование бесплатно. Для поступления в школу нужно было предоставить: документ об образовании (для тех, кто уже

учился в школе) и метрическое свидетельство о рождении для вновь поступавших. Для тех, у кого не было документа об образовании, вводились испытания по русскому языку и математике по пройденному материалу.

Школы города работали по принципу самоокупаемости. В результате нередко возникали проблемы с их финансированием. Так, например, в обращении к бургомистру города начальник отдела школ указывал, что при открытии высших начальных училищ было набрано только 2 класса. Поэтому училище не могло получить достаточных средств для своего существования, так как деньги, внесенные уже принятыми учениками, не покрыли всех необходимых расходов. В некоторых случаях образовательные учреждения частично финансировались из бюджета города.

Обязав молодежь города посещать учебные заведения, оккупационные власти стремились решить проблему детской безнадзорности так как чисткой обуви, спекуляцией на рынках или просто «болтались без дела». Отделом школ совместно с городской милицией проводились рейды по городским улицам для установления безнадзорных детей, незаписанных в школу.

Еще одним направлением деятельности отдела школ и благотворительных учреждений стала ликвидация проблемы беспризорности детей. Для реализации этого в Таганроге было создано 2 детских приюта. До войны в городе существовала школа-интернат для глухонемых детей, которая и стала первым приютом. 28 декабря 1941 г. там находилось 9 глухонемых детей и 2 здоровых ребенка, а сам приют был рассчитан на 40 чел. Причины, по которым дети попадали в приют, были различны. Многие остались без родителей в результате карательных мероприятий или в результате угона родных на работу в Германию, некоторые пришли в город из соседних сел, часть детей прибыла в Таганрог вместе с беженцами.

О жизни детей в приютах города можно судить по «Акту об обследовании учреждений, относящихся к отделу Благотворительных учреждений». Дети в приюте размещались лишь в 3 небольших комнатах, так как $\frac{2}{3}$ помещения была отдана на расквартирование немецких военных частей. Из-за недостатка помещений дети, больные открытой формой туберкулеза (1 ребенок) и чесоткой (2 ребенка), не были отделены от здоровых детей. Постельное и нательное белье менялось еженедельно, но было в плохом состоянии, детей также купали еженедельно. Питание воспитанников детского дома было удовлетворительным, на 1 чел. выделялось 400 г хлеба в день. Однако с детьми не проводилось никакой культурной, воспитательной и ремесленной работы. Из данного акта следует, что второй детский приют на момент организации испытывал еще большие материальные трудности. Выделенное для него помещение требовало ремонта, кроме того, *«не было перспектив на приобретение и завоз кровати, постельного и нательного белья и прочего инвентаря»*. Красной линией через все документы проходят просьбы руководителя приютами о выделении питания, чтобы не допустить голода среди детей.

Для защиты интересов детей, не достигших совершеннолетия, 12 апреля 1942 г. в городе был создан опекунский совет [12]. Он занимался назначением

опекунов и контролем над их деятельностью. Опекуны должны были следить за имуществом несовершеннолетнего, возбуждать дела по утверждению сирот в правах наследства и подавать гражданские иски по делам опекаемых и т.п. Опекунами могли быть отчимы, ближайшие родственники или *«посторонние лица, заслуживающие доверия»* опекунского совета. Опекун должен был регулярно отчитываться в своей деятельности перед опекунским советом, а в случае установления злоупотребления своим положением привлекался к ответственности.

Еще одним направлением социальной политики в Таганроге стала выплата пенсий и пособий *«гражданам, лишившимся нормальной трудоспособности, населению, пострадавшему от большевистского насилия и беднейшему населению»* города. Пособия делились на постоянные и временные. Право на постоянное пособие получали: инвалиды (стойкая нетрудоспособность), семьи, потерявшие кормильцев, и одинокие старики. Пособия по инвалидности выдавались лицам, утратившим трудоспособность вследствие несчастного случая, войны, *«большевистского насилия»*, профессионального заболевания, связанного с работой по найму. Степень инвалидности устанавливалась врачебной комиссией. Инвалиды I группы получали 125 руб. в месяц, а II группы – 100 руб. в месяц. Пособие по потере кормильца выплачивалось семье, которая находилась на его иждивении, если имелись братья, сестры, дети до 16 лет, а также, если они по достижении данного возраста были нетрудоспособны, нетрудоспособные родители и супруги. Семьи с одним ребенком до 16 лет получали 75 руб., а с двумя детьми – 100 руб., нетрудоспособные взрослые получали также по 100 руб. Пособия по старости назначались одиноким старикам обоего пола: мужчинам по достижению 60 лет, а женщинам – 55 лет [13].

Кроме постоянных пособий существовали временные выплаты по причине временной нетрудоспособности и по случаю стихийных разрушений (войны и т.п.). Пособие по болезни выплачивалось работнику по месту его работы в размере полного заработка трудящегося. Пособия по несчастному случаю выплачивались одновременно отдельным гражданам, пострадавшим от стихийных бедствий, войны и т.п. Средства на выплаты пособий изыскивались из заработной платы всех предприятий и учреждений города. Данный шаг со стороны оккупационных властей, несомненно, носил пропагандистский характер и имел цель показать заботу о населении города.

Не имели права на получение пособия евреи, коммунисты и их семьи, *«семьи эвакуированных с большевиками»*, а также семьи работников НКВД и добровольцев Красной армии и Военно-морского флота. Данная категория граждан была практически обречена на голодную смерть.

В довоенных планах нацистского правительства организация системы здравоохранения на оккупированной территории не предусматривалась. Наоборот, *«для ненемецкого населения в занятых восточных областях ни в коем случае не должно вводиться немецкое медицинское обслуживание. Не может быть и речи, например, о прививках и подобных профилактических мерах для ненемецкого населения»* [14]. Но на практике это оказалось невозможным по многим причинам. Одной из них было то, что на всем протяжении оккупации Таганрог являлся как

прифронтовым, так и тыловым городом для немецко-фашистских вооруженных сил, которые часто отводились сюда для отдыха и доукомплектования. Немецкие солдаты постоянно находились в тесном контакте с горожанами, проживали в их домах, а порой и питались с одной кухни, и поэтому было важно не допустить распространения заболеваний среди местного населения. Вследствие этого одним из крупнейших учреждений бургомистра являлся медицинский отдел. К июлю 1943 г. в его подчинении находилось 5 городских больниц, 5 поликлиник, карантинный пункт, вендиспансер и тубдиспансер, санитарная станция, дезстанция, инвалидный дом на 120 чел., детская поликлиника, женская консультация и дом ребенка [15]. Лечение в больницах для местного население было платным. Кроме того, часть врачей города имела право на частную практику, а оплата за предоставленные услуги утверждалась бургомистром города. Городские врачи не имели права лечить немецких солдат, поэтому в городе существовали отдельные медицинские учреждения и больницы для таганрожцев и для солдат вермахта. В последних лечение было лучшего качества.

В довоенных планах германского руководства не предусматривалось проведения специальных мероприятий для удовлетворения элементарных потребностей местного населения СССР [16]. Но Таганрог на всем протяжении оккупации играл важную роль для немецко-фашистских захватчиков. Он не только обладал экономическим потенциалом, но и являлся стратегически важным объектом, а также «зоной отдыха» для солдат вермахта, приходивших с фронта. В связи с этим оккупационным властям было необходимо обеспечить порядок в городе и не допускать волнений среди населения. Но предпринимаемые меры в реализации различных направлений социальной политики не могли быть очень эффективны уже в силу тех разрушений, которым подвергся Таганрог в ходе боевых действий, а также недостаточного выделения средств для развития социальной сферы.

Примечания:

1. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ТФ ГАРО). Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 2. Л. 22.
2. Воспоминания Петра Ильича Литвиненко 1928 г. р., записаны Т.Г. Курбат 22 февраля 2011 г. в Таганроге.
3. Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог, 2008. С. 150.
4. Зверства, грабежи и насилия немецко-фашистских захватчиков. Л., 1942. С. 34.
5. Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Миус-фронт в Великой Отечественной войне. 1941/1942 гг. 1943 г. Ростов н/Д, 2010. С. 103.
6. ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 17. Л. 13.
7. Там же. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 61. Л. 78.
8. Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 1. Л. 85.
9. Таганрогский дневник: Жизнь в оккупации глазами рабочего Николая Саенко // Известия. 2005. 3 марта.

10. Емельянов С.Н. Таганрог в годы Великой Отечественной войны: как это было. URL: <http://www.proza.ru/2008/05/12/189> (дата обращения 8.04.2011).
11. ТФ ГАРО Ф. Р-604 Оп.1. Д. 14. Л. 66.
12. Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.
13. Там же. Ф. Р-600. Оп. 1. Д. 61. Л. 27.
14. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Пятигорск, 2009. С. 200.
15. Волошин В., Ратник В. Указ. соч. С. 153.
16. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000. С. 111.

В.Ф. Семистяга

МОЛОДЕЖНОЕ АНТИНАЦИСТСКОЕ ПОДПОЛЬЕ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» (г. КРАСНОДОН): ПРИЧИНЫ ПРОВАЛА И ГИБЕЛИ

О действовавшем во время немецко-нацистской оккупации Украины на юге Луганщины и частично территории Ростовской области Российской Федерации подполье «Молодая гвардия» написано столько, что едва ли какая иная подпольная организация молодежи периода Второй мировой войны удостоилась такого внимания. Среди авторов – оставшиеся в живых молодогвардейцы, их родители, краеведы, историки, социологи, писатели, журналисты, публицисты, ветераны-фронтовики, а то и просто любители. Не секрет, что их публикации использовались и продолжают использоваться различными политическими силами для удовлетворения собственных амбиций. Но чем дальше мы удаляемся от тех событий, тем больше возникает вопросов о деятельности подполья, остающихся без ответов. Никто не задумывается над тем, что Краснодонский район под немецкой оккупацией находился немногим более полугода, а подполье после своего организационного оформления действовало около трех месяцев. По административному делению того времени территория района занимала площадь в два раза меньшую, чем сегодня. В силу этого и ряда иных причин судьба Сталинграда никоим образом не могла зависеть от активности краснодонской молодежи в тылу врага, как это пытаются утверждать некоторые местные исследователи.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о причинах провала и гибели подпольщиков. Был ли провал закономерным следствием и гибель молодежи неизбежным явлением? Каковы причины того, что глубоко законспирированное подполье рухнуло в одночасье? Что же на самом деле произошло в Краснодоне на рубеже 1942/1943 гг.? Чтобы ответить на эти и им подобные вопросы необходимо комплексно проанализировать большой массив документов в государственных и ведомственных архивах Украины и Российской

Федерации. Особенно это касается архивов спецслужб, чьи документы практически недоступны для всестороннего изучения и анализа, а также сравнения с ранее выявленными и уже известными историкам. Вместе с тем, накопленная исследователями документальная база достаточна, чтобы поставить под сомнение официальную версию о предателях и предательстве.

Ее суть сводится к следующему. После «разгрома» 28 декабря 1942 г. оставленного без присмотра в центре Краснодона фургона с рождественскими подарками и почтой для фронтовиков вермахта молодоговардейцы повели себя неосмотрительно. Часть экспроприированных сигарет попала на местный рынок. В результате проведенной полицейской облавы на рынке задержали подростка, который, не выдержав избиений и угроз, рассказал, что сигареты для продажи получил от заведующего клубом им. Горького Е. Мошкова и других. Вследствие проведенного обыска было найдено похищенное. Ранним утром 1 января 1943 г. полиция арестовала Е. Мошкова, В. Третьякевича, И. Земнухова. Так как они не сознавались в содеянном, начальник окружной полиции В. Соликовский, не зная о том, что перед ним подпольщики, приказал выпороть «воров» и отпустить их. Но тут из жандармерии поступил письменный донос молодоговардейца Г. Почепцова. Он видел, как полицейские везли арестованного Е. Мошкова. Испугавшись за собственную жизнь и безопасность родных, он под нажимом отчима В. Громова (агента гестапо) написал письмо начальнику шахты № 1-бис Д. Жукову о том, что является членом молодежного подполья и готов к сотрудничеству. Подписав письмо-донос задним числом и передав его Д. Жукову, который якобы сотрудничал с оккупантами, Г. Почепцов преследовал двойную цель. В случае передачи Жуковым письма-доноса в жандармерию или полицию он обезопасил бы себя тем, что вовремя заявил на подпольщиков. Если бы Жуков не передал донос оккупантам, то все и так могло пройти.

Жизнь Г.П. Почепцова и В.Г. Громова (который не был полицейским осведомителем, а подразделение гестапо вообще не базировалось в Краснодоне) оборвалась 19 сентября 1943 г. По приговору военного трибунала войск НКВД Ворошиловградского гарнизона их расстреляли в Краснодоне на том же месте, куда для казни полицейские свозили молодоговардейцев.

Опровергнуть эту устоявшуюся официальную версию чрезвычайно сложно. Хотя бы потому, что передопросить в правоохранительных органах Почепцова и Громова невозможно по причине их смерти. И если обвиненные в предательстве, но оставшиеся в живых краснодонцы добились пересмотра своих дел органами прокуратуры и были реабилитированы в судебном порядке, то защитить Почепцова и Громова сегодня могут только высококвалифицированные юристы с подачи историков.

О чем же свидетельствуют доступные к изучению архивные документы? Возможно ли на основании данных ретроспективной информации объяснить до сих пор невиданный феномен массовой измены и предательства по отношению к молодым подпольщикам, действовавшим в тылу врага, а следовательно выявить круг лиц, причастных к их провалу и гибели? Насколько правы в своих

изысканиях исследователи, разрабатывающие типологию изменника и предателя «Молодой гвардии»? Возможно, существуют иные причины провала и гибели молодогвардейцев? Тогда почему возник вопрос об изменниках и предателях? Чем объяснить тот факт, что в этой преступной деятельности обвинены более 30 краснодонских юношей и девушек, хотя к подпольной организации они не имели ни малейшего отношения? И, наконец, насколько объективны и убедительны выводы Межрегиональной комиссии по изучению истории организации «Молодая гвардия» (1993) о причинах гибели молодогвардейского подполья? [1].

Вопросы об изменниках и предательстве подпольщиков возникли едва ли не в первый день после бегства оккупантов из Краснодона. На основании циркулировавших в районе слухов подразделения СМЕРШа, Краснодонский райотдел НКВД, местный райком и Ворошиловградский обком комсомола разработали ряд обширных бездоказательных версий – кто и почему их выдал врагу. Вскоре они превратились в официоз, не требовавший аргументации и доказательств, а равно и опровержений. С подачи государственно-политических структур эти версии тиражировались и цементировались в литературно-художественных и документальных произведениях, пропагандистской литературе, научных изысканиях и т.п. До сих пор тиражируется роман А.А. Фадеева «Молодая гвардия», где под собственными именами и фамилиями выведены изменницы, предавшие молодогвардейцев за немецкие марки З. Вырикова и О. Лядская. Хотя в действительности к молодежному подполью они не только не имели ни малейшего отношения, но даже ранее друг друга не видели и не знали. И все же органами НКВД были арестованы и репрессированы. Причем О. Лядской (Бондаренко) реально угрожала смертная казнь, впоследствии замененная на долгие годы лагерного заключения.

Не ожидая окончательного расследования событий, происходивших в оккупированном немцами Краснодоне, Ворошиловградский обком комсомола проинформировал ЦК ВЛКСМ, что молодых подпольщиков предали М. Бобровный, С. Полянская, И. Асташенко [2]. В постановлении «О подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» (19 июля 1943 г.) предателями уже фигурировали Г. Почепцов, О. Лядская, З. Вырикова и С. Полянская [3]. Еще дальше пошли работники аппарата ЦК ВЛКСМ А.В. Торицын и Н.А. Соколов. В докладной записке в секретариат ЦК ВЛКСМ они не только упомянули Почепцова, Лядскую, Вырикову и Полянскую, но и конкретизировали, сколько каждый из них предал молодогвардейцев. По их мнению, Г. Почепцов выдал врагу 13, О. Лядская – 17, а С. Полянская – 20 подпольщиков. Со ссылкой на следственные органы был записан в предатели погибший от рук врага организатор и руководитель «Молодой гвардии» В. Третьякевич [4]. Они рекомендовали провести в Краснодоне показательный процесс над лицами, предавшими «Молодую гвардию» [5].

8 сентября 1943 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Н. Михайлов обратился с письменным запросом за № 01/587-М к Прокурору СССР В. Бочкову в котором говорилось, что «по нашим данным и материалам наркома НКВД Украины

т. Сергиенко, а также УНКВД Ворошиловградской области предателями («Молодой гвардии») оказались: Почепцов Г.П., Лядская О.А., Кулешов М.Е., Громов В.Г., Вырикова З.А., Полянская С.Ф.». В связи с чем просил установить, осуждены эти лица или нет.

5 сентября 1943 г. (документ поступил в ЦК ВЛКСМ 23 октября 1943 г.) заместитель Главного военного прокурора РККА генерал-майор юстиции И. Красников сообщил, что приговором военного трибунала войск НКВД Ворошиловградской области от 18 августа 1943 г. Г.П. Почепцов, В.Г. Громов и М.Е. Кулешов осуждены к расстрелу. 19 сентября 1943 г. приговор приведен в исполнение публично в присутствии нескольких тысяч рабочих г. Краснодон. Кроме того, сообщалось, что О.А. Лядская была арестована Краснодонским райотделом НКГБ 7 апреля 1943 г. и 10 мая направлена для продолжения следствия в г. Соликамск. С.Ф. Полянская была арестована Краснодонским райотделом НКГБ 18 марта 1943 г. и 8 апреля для продолжения следствия направлена в г. Бугульма [6]. 29 апреля 1944 г. он же дополнительно сообщил, что приговором военного трибунала Уральского военного округа от 25 декабря 1943 г. О.А. Лядская, 1926 г. рождения, осуждена за измену Родине сроком на 10 лет лишения свободы [7].

Как уже упоминалось, все «основные» оставшиеся в живых после вынесения приговора изменники и предатели на сегодняшний день реабилитированы ввиду отсутствия состава преступления, за исключением расстрелянных В. Громова и Г. Почепцова. Официально считается, что это и есть те «нелюди», из-за которых погибла подпольная организация. Луганская областная прокуратура и областной суд 9 декабря 1992 г. объявили о правомерности вынесенного приговора и невозможности пересмотра их уголовного дела. При этом не учитывалось, что даже начальник участковой полиции в п. Сорокино (Первомайский), а впоследствии заместитель начальника Краснодонской окружной полиции В. Подтынный не знал, каким образом была раскрыта «Молодая гвардия». На следствии 16 апреля 1959 г. он показал, что по всем данным на его след напал начальник уголовного отдела окружной полиции Захаров [8]. Именно под руководством Захарова в поселке и проводились аресты лиц, причастных к распространению антинемецких листовок. В его списке фигурировали фамилии 12 комсомольцев [9]. Несколько позднее, в августе 1965 г. член «Молодой гвардии» Н. Иванцова, ссылаясь на свидетельства своей матери и подпольщицы Н. Соколовой, которые находились в застенках полиции совместно с молодогвардейцами, заявила комиссии ЦК КПСС о том, что «никакого предательства» не было. Да и сам Подтынный утверждал, что после жесточайших избиений и пыток в застенках полиции молодогвардейцы давали показания на допросах [10]. И все же считается, что молодежное подполье вскрыто по доносу молодогвардейца Почепцова. По свидетельству бывшего юриста Краснодонской городской управы и следователя полиции М. Кулешова, он лично видел этот донос 24–25 декабря 1942 г. на столе начальника полиции В. Соликовского. Арестованный и допрошенный в НКВД УССР Кулешов привел дословный текст:

*Начальнику шахты № 1-бис
Господину Жукову
От Почепцова Геннадия Прокофьевича*

З а я в л е н и е

Господин Жуков, в городе Краснодаре организована подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия», в которую я вошел ее активным членом. Прошу Вас в свободное время зайти ко мне на квартиру, и я подробно расскажу Вам об этой организации и её членах.

Мой адрес: улица Чкалова, дом № 12, вход 1, кв[а]ртира] Громова В.Г.

20.12. [19]42 г. Почепцов [11].

Как доказательство преступной деятельности Почепцова и Громова выписка из протокола допроса Кулешова за подписью наркома внутренних дел УССР В. Сергиенко была направлена первому секретарю ЦК КП(б)У Н. Хрущеву. Ясно, что в ситуации поиска изменников и предателей «Молодой гвардии» фигуранты заведенного уголовного дела были обречены. Анализ текста доноса на имя Д. Жукова свидетельствует о несоответствии множества деталей в показаниях Кулешова, Жукова, Громова, Почепцова во время допросов в НКВД УССР. Особенно это касается показаний Кулешова и Жукова [12]. В связи с этим возникает ряд вопросов. Мог ли Г. Почепцов в своем заявлении написать название подпольной организации, которого не знал? Название «Молодая гвардия» он впервые услышал в камерах полиции после своего задержания 5 января 1943 г. До этого ему было известно название только своей группы – «Молот» [13]. Мог ли Почепцов указать домашний адрес: ул. Чкалова, д. 12, вх. 1-й? Как свидетельствуют документы Краснодарской биржи труда, полиции и райотдела НКВД, все члены его семьи до войны и во время оккупации проживали по ул. Чкалова, д. 9, вх. 2 [14].

Чем объяснить такие несовпадения? Только тем, что фальсифицируя дело предателя-provokatora «Молодой гвардии», следователи НКВД сфабриковали и заявление Почепцова. Они вписали в него наименование подполья известное им, но неизвестное в то время Почепцову, и бездумно переписали его домашний адрес из анкеты арестованного. Ибо на момент ареста Почепцова Краснодарским райотделом НКВД его семья действительно проживала в д. 12, вх. 1-й по ул. Чкалова [15]. В показаниях Почепцова и Кулешова следователям НКВД диаметрально противоположны время написания и появления предательского заявления. Со слов Почепцова известно, что его заявление, датированное 20 декабря, на самом деле написано 28 декабря 1942 г. [16]. Каким же образом мог его увидеть в полиции Кулешов, если оно туда еще не поступало?

Не совпадают их показания и в отношении событий, происходивших тогда в Краснодаре, как и причин появления доноса. Свой донос Почепцов аргументировал тем, что после «разгрома» молодогвардейцами в ночь с 28 на 29 декабря автофургона с почтой и рождественскими подарками солдатам вермахта полиция провела массовые аресты молодежи. Документально подтверждено, что аресты начались не 28 декабря 1942 г., а 1 января 1943 г. Следовательно, причин

письменно сообщать в полицию о действовавшем в Краснодоне подполье и тем самым спасти себя и свою семью, как это вытекало из следственных материалов НКВД, у Почепцова не было. Не было у него также возможности написать заявление и ночью 28 декабря 1942 г. и отнести его Жукову.

Во время проведения следствия в Краснодоне и Старобельске Кулешов неоднократно изменял свои показания. Заявлял, что донос Почепцова, датированный 20 декабря видел 24, 25, 26 декабря 1942 г., 2, 3 января 1943 г. [17]. И только после этого доставленный в полицию Почепцов сообщил все, что ему было известно о подпольщиках. Эти факты, добытые следователями НКВД, не уличают Почепцова, а свидетельствуют лишь о том, что показания Кулешова сознательно подгонялись ими под предварительные показания Почепцова. Из материалов, добытых органами НКВД, видно, что М. Кулешов незначительное время привлекался полицией к следствию по уголовным, а не политическим делам и не мог вести расследование по делу «Молодой гвардии». Во время расследования его преступной деятельности в НКВД УССР он, вследствие морального и физического давления, оговорил себя, Почепцова и других, о чем неоднократно заявлял следователям НКВД и самому Почепцову. Во время заседания военного трибунала войск НКВД Ворошиловградской области он не только рассказал об этом, но и отказался от своих предварительных показаний [18].

Вот почему возникает еще один вопрос, а кого же из молодогвардейцев выдал полиции Г. Почепцов? Из материалов органов НКВД следует, что никаких объяснений в полиции от него не требовали. Все, известное о подпольщиках, им было изложено в переданной записке Жукову [19]. Но на самом деле в записке не упоминается ни одна фамилия членов организации. К тому же Почепцова полицейские задержали только 5 января 1943 г., а руководителей подполья – 1 января. Только отсутствие Почепцова дома не позволило начальнику полиции В. Соликовскому арестовать его одновременно с другими членами первомайской группы.

Арестованный 25 сентября 1943 г. Горловским городским отделом НКВД Жуков не подтвердил получение им заявления о существовании «Молодой гвардии» от Почепцова, с которым вообще был не знаком, как и не подтвердил, что проживал с ним в одном доме [20]. Во время заседания военного трибунала он также заявлял, что не получал и не передавал в полицию донос на подпольщиков. Аргументировано пояснил, что незнание особенностей оккупационного режима приводит к его оговору свидетелями. В свою очередь, свидетели заявили, что им ничего неизвестно о поиске Жуковым участников «Молодой гвардии» [21]. Проверка, проведенная Управлением КГБ УССР по Луганской области в 1959–1960 гг. факта предательства Жуковым подпольной организации не подтвердила. Вот почему ее прекратили, а материалы передали в архив. Документы не подтверждают версию о передаче в полицию предательского заявления Почепцова через Жукова.

Анализ архивных источников свидетельствует о предвзятости следствия по отношению к отчиму Почепцова В. Громову, который не признавал себя виновным в предательстве подпольщиков вместе с пасынком [22]. На заседании трибунала в Краснодоне Громов заявил, что отказывается от своих неправдивых

показаний, ибо давал их по принуждению и опроверг причастность к провалу и гибели молодых подпольщиков. В последнем слове также не признал своей вины, заявив, что его оговорили [23]. 19 августа 1943 г. в ходатайстве о помиловании Г. Почепцов собственноручно записал, что организация «Молодая гвардия» раскрыта и уничтожена по иным причинам [24]. Арестованные после войны следователи Краснодарской полиции И. Черенков, Т. Усачев, полицейский В. Давыденко не подтвердили органам КГБ СССР фактов написания Почепцовым предательского заявления и передачи его Жуковым оккупантам.

В конце 1960-х гг. появились свидетельства, что немецкому контрразведывательному органу «Мельдекопф-Тан» было известно о деятельности молодогвардейцев – выпускников спецшколы НКВД. В их розыске принимали участие руководитель этого органа Фельске, его заместитель Куно, предатели Козюбердин, Шаповалов, Павлик Анатолий и др. Анализ ряда закрытых для исследователей документов в архивах спецслужб свидетельствует, что именно этим подразделением абвера и было вскрыто краснодонское молодежное подполье «Молодая гвардия».

Таким образом, анализ документов свидетельствует, что формы и методы проведения следствия органами НКВД в деле предательства Г. Почепцовым Краснодарского подполья «Молодая гвардия» те же, что и в 1930-е гг.: моральное и физическое давление следователей, применение обмана, шантажа, провокаций, многочасовых ночных допросов, рассылка руководству страны материалов и копий протоколов «*признания предателей*» и прочих незаконных методов ведения следствия, произвольная интерпретация фактов, непонимание и отсутствие желания понять конкретную ситуацию. Следствие не установило аргументированных доказательств преступной деятельности Г. Почепцова, В. Громова, Д. Жукова и др. О предательстве молодогвардейцев известно только со слов Почепцова и Громова. Данные следствию под моральным и физическим давлением, они были отброшены как во время расследования, так и на открытом заседании военного трибунала войск НКВД Ворошиловградской области в Краснодаре. Очевидно, что выполняя социальный заказ, органы НКВД в 1943 г. сфальсифицировали дело предателя «Молодой гвардии» Г. Почепцова и других. Настоящими же причинами разоблачения оккупантами и гибели молодых подпольщиков никто и никогда основательно не занимался, так как существовавший в СССР режим вполне устраивала сфабрикованная спецслужбами в 1943 г. версия обширного предательства и гибели молодежной подпольной организации.

Примечания:

1. «Молодая гвардия» (г. Краснодар) – художественный образ и историческая реальность. Сб. документов и материалов. М., 2003. С. 298–300.
2. Российский государственный архив социально-политической истории. (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 53. Д. 326. Л. 3.
3. Там же. Л. 6.
4. Там же. Л. 39–40.

5. Там же. Л. 47.
6. Там же. Д. 338. Л. 8–9об.
7. Там же. Л. 10.
8. Государственный ведомственный архив СБ Украины, Луганск (далее – ГВА СБУ, Луганск). Д. 26499. Л. 62.
9. Там же. Л. 34об., 40об.
10. Там же. Л. 90.
11. Центральный государственный архив общественных организаций Украины. Ф. 7. Оп. 10. Д. 179. Л. 205–208.
12. ГВА СБУ, Луганск. Д. 10399. Т. 1. Л. 16, 59, 82; Т. 2. Л. 104.
13. Там же. Т. 2. Л. 103, 111.
14. Там же. Т. 2. Пакет 1; Д. 21813-р. Л. 12 об.
15. Там же. Т. 2. Л. 152, 199; Д. 21813. Л. 10–11.
16. Там же, Д. 10399. Т. 1. Л. 16, 59, 82; Т. 2. Л. 97 об., 98, 104.
17. Там же, Д. 10399. Т. 1. Л. 82.
18. Там же. Т. 1. Л. 190; Т. 2. Л. 300.
19. Там же. Т. 2. Л. 36, 58. 20. Д. 6006. Л. 31.
20. Там же. Л. 79, 83, 84.
21. Там же. Д. 10399. Т. 2. Л. 121 об.–263об.
22. Там же. Л. 347.
23. Там же. Л. 345.

Н.А. Евдокимов, П.В. Добров

**ИЗ ИСТОРИИ О РУКОВОДИТЕЛЯХ И ПРЕДАТЕЛЯХ
КРАСНОДОНСКОЙ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
(к 70-летию создания организации)**

В настоящее время историческая наука продолжает оставаться в состоянии неопределенности. С развалом Советского Союза в 1991 г. и крахом марксизма на одной шестой части Земли, как «универсальной всеобъясняющей теории», канули в Лету многие исторические концепции, основанные на ней, утвердился принцип плюрализма в теории и методологии истории. Как подчеркнул И.В. Довжук: «Подобная ситуация зачастую вызывает негативное отношение к сколь-нибудь широким обобщениям. Осмысление новых фактов все более отстает от их накопления» [1].

Нечто подобное, на наш взгляд, происходит и с обобщением истории создания 70 лет назад в г. Краснодаре и боевой деятельности комсомольско-подпольной организации «Молодая гвардия». Общих выводов, исчерпывающих ответов на эти и другие вопросы до сих пор нет ни в научной, ни, тем более, в учебной литературе. Цель данной статьи – глубже осмыслить ряд новых фактов, которые появились во время горбачевской «перестройки» и обретением Украиной независимости, а вместе с ней ее новой Конституции, в которой запи-

сано положение о коренном изменении того строя, при котором совершали свои подвиги молодогвардейцы, а затем излагалась история их жизнедеятельности в довоенные годы и во время немецко-фашистской оккупации Донбасса.

По нашему мнению, именно изменение строя в Украине и других странах, образовавшихся после крушения СССР, вызвало ожесточенную идеологическую борьбу за «Молодую гвардию», усиливающуюся в канун ее знаменательных дат. Особенно она обострилась с принятием Конституции Украины, в статье 15-й которой записано: *«Суспільне життя в Україні ґрунтується на засадах політичної, економічної та ідеологічної багатоманітності»* [2]. Гарантированная основным законом Украины свобода слова, плюрализм мнений способствовали появлению в газетах и журналах различной идеологической ориентации «сенсационных» публикаций о краснодонском молодежном подполье. «В них речь идет о том, – утверждает директор Краснодонского музея «Молодая гвардия» А.Г. Никитенко, – что «Молодая гвардия» была насквозь ОУНовской организацией и являлась одним из наиболее боеспособных подразделений разветвленного националистического подполья, якобы действовавшего в годы гитлеровского нашествия на территории оккупированного Донбасса» [3]. В доказательство сказанному директор музея процитировал абзац из статьи В. Левченко, опубликованной 8 мая 1992 г. в газете «Житомир», в которой говорится буквально следующее: «Тепер встановлено, що у Краснодоні діяло самостійницьке підпілля “Молода гвардія” під гаслом “Радянська Влада без більшовиків”. Але всі подвиги підпілля і славу приписано «комсомольцям на чолі з О. Кошовим».

Далее В. Левченко не приводит ни одного документа, ни одного факта в подтверждение того, кто установил «що у Краснодоні діяло самостійницьке підпілля “Молода гвардія” під гаслом “Радянська Влада без більшовиків”»? По нашему мнению, эти публикации в начале 1990-х гг. появились из-за идеологической борьбы между националистически озабоченными о дальнейшей судьбе получившей независимость Украины радикальными элементами и еще недавно правящими этой республикой представителями коммунистической партии. Цель у первых была (и по-прежнему остается) – полностью устранить вторых с пути к достижению верховной власти, дискриминировать их в глазах новых поколений украинцев. «Молодая гвардия» как организация, показавшая пример стойкости и мужества в далеко неравной борьбе с хорошо вооруженным регулярным фашистским войском, имевшим опытный пропагандистский аппарат, стала сегодня объектом непримиримой идеологической борьбы, для победы в которой для ОУНовцев, на наш взгляд, все средства хороши. Если не удалось доказать, что такой организации вовсе не существовало, что она лишь «выгадка комунык» и их «борзописца» А. Фадеева, то следует «присвоить» подвиг молодогвардейцев, отыскать «очевидцев» тех военных лет, которые и сами, пропагандируя среди комсомольцев идеи «самостийности» без большевиков, участвовали в их подвигах и даже... (надо же до такого додуматься!) нашелся такой, который и предал, выдал фашистам членов «Молодой гвардии». Речь идет о некоем Евгении Павловиче Стахиве [4]. Кто же это такой, не побоявшийся громогласно в наши дни объявить себя предателем, изувером?

Отвечая на этот вопрос, А.Г. Никитенко, глубоко изучивший историю «Молодой гвардии» и истоки идеологической борьбы вокруг этой организации, пришел к выводу, что началась она в Украине с публикаций «некоторых газет и, в частности, львовской “За вільну Україну” от 12 июля 1991 года, киевской “Україна молода” от 3 января 1992 года и донецкой “Акцент” от 11 февраля 1992 года. В этих газетах, – констатирует директор музея, – в материалах “Олег Кошовий – фігура видумана”, “Важко сказати...” и “«Молодая гвардія» под желто-синим флагом?” речь шла об американском гражданине Евгении Павловиче Стахиве... Как сообщала о нем львовская газета, “Євген Стахів, відомий в колах ОУН, як організатор націоналістичного підпілля в Донбасі”. В интервью с заокеанским гостем и прозвучала впервые абсурдная мысль о том, что “Молодая гвардия” является составной частью донбасского националистического подполья» [5].

Видимо, чтобы высказать такое заключение необходимы не газетные статьи, а глубокие научные исследования авторитетных историков – членов Национальной академии наук Украины, так как это касается важной исторической вехи в жизни и борьбе украинского народа. Пока подобных исследований нами не обнаружено. Остается в канун 70-летнего юбилея «Молодой гвардии» в большей мере доверять и устным выступлениям, и многочисленным письменным заявлениям директора музея А.Г. Никитенко. На протяжении многих лет, глубоко изучая историю «Молодой гвардии» в архивах бывшего СССР и, особенно в годы независимой Украины, когда стали доступными для ознакомления секретные данные архивов бывшего Комитета государственной безопасности, не нашел ни одного документа, более того, не встретил ни одного слова о связи «Молодой гвардии» с ОУН и участии в нем пана Стахива.

Однако следует учесть, что сегодня многое тайное становится явным, справедливо уточняются факты подлинной истории Украины. Не стала исключением и «Молодая гвардия». Работа Луганской областной комиссии по исследованию проблемных вопросов в истории краснодонского подполья дает основание утверждать главное: «Молодая гвардия» – это не миф коммунистической идеологии, и создана она не воображением писателя А. Фадеева, а самой потребностью большей части населения Донбасса и, не в последнюю очередь, его молодых людей – комсомольцев, отстаивать честь и независимость именно советской Родины, а не националистических идей ОУНовцев. Хотя та же комиссия констатировала, что «Молодая гвардия» возникла стихийно, и ее организатором была сама патриотически настроенная молодежь, а не коммунисты. Среди молодогвардейцев большинство были комсомольцами [6].

Таким образом, сегодня «Молодую гвардию» справедливо следует называть комсомольско-молодежным подпольем. По свидетельству современников, А. Фадееву трудно далась переделка первоначального варианта романа «Молодая гвардия», в котором правдиво был показан стихийный энтузиазм, в первую очередь, комсомольцев по созданию своего молодежного подполья. Во втором варианте уже «возвышалась» над правдой жизни руководящая и направляющая роль краснодонских коммунистов в создании и руководстве «Молодой гвардии». *«В бытность мою пионером, – вспоминает известный поэт Евгений*

Евтушенко, – неподалеку от метро “Кировские ворота”, в еще не снесенной тогда библиотеке имени Тургенева, шла читательская конференция школьников Дзержинского района [города Москвы – Н.Е., П.Д.] по новому варианту романа «Молодая гвардия». Присутствовал автор – молодо-седой, истощенно красивый. Переделка романа, очевидно, далась ему нелегко, и он, с заметным напряжением вслушивался в каждое слово, ввинчивая кончики пальцев в белоснежные виски, как будто его скульптурную голову дальневосточного комиссара мучила непрерывная головная боль» [7].

Боль была не только головной, у маститого писателя произошел нервный срыв. Вот что об этом рассказала в одном из своих интервью член «Молодой гвардии», оставшаяся после войны в живых в числе восьми молодогвардейцев, Валерия Давыдовна Борц: «11 мая 1956 г. (вскоре после праздника 9 мая) нас, пятерых из бывших тогда в живых молодогвардейцев, а также А.А. Фадеева пригласил к себе на дачу под Москвой Н.С. Хрущев. Там он завел разговор о... прощении (за давностью лет) предавшего (под пытками) членов штаба “Молодой гвардии” Виктора Иосифовича Третьякевича. Оказывается, он был сыном друга Н.С. Хрущева, земляка из с. Калиновка Курской области... Мол, никто из нас не гарантирован, что выдержит пытки. Четверо из нас высказались, от неожиданности, видимо, как-то неопределенно. Я же сказала, что, конечно, не могу ручаться, что выдержала бы пытки. Но... мы же давали клятву, в которой говорилось, что если кто-то из нас даже под пытками выдаст товарищей, то – “пусть будет проклятье ему на всю оставшуюся жизнь” и т.д. Хрущеву это не понравилось. Он стал горячо что-то несвязное говорить. Мы молчали. Вдруг вскакивает А.А. Фадеев и гневно бросает в лицо Хрущеву, что он – бывший троцкист и еще что-то. Хрущев страшно покраснел. Фадеев жутко побелел. Произошла очень некрасивая сцена... Я, – уточнила Валерия Борц, – об этом еще не рассказывала... И не знаю, надо ли говорить... Но встреча та была прервана. “До лучших времен”, – как сказал Хрущев. (Он очень был взволнован). Встреча так и не повторилась». 13 мая, т.е. через два дня, как известно, А. Фадеев застрелился [8].

Т.е., внутри идеологической машины СССР начались сбои, перекручивание фактов в угоду отдельным лицам. В 1958 г. тогдашний директор Краснодонского музея «Молодая гвардия» А.М. Литвин сначала устно, а потом и печатно совершенно бездоказательно назвал В. Третьякевича комиссаром «Молодой гвардии» [9]. «Лучшие времена для Н. Хрущева наступили именно в тот год, т.к. уже в 1961 г. в «Истории Великой Отечественной войны» В. Третьякевич назван комиссаром “Молодой гвардии” уже официально [10]. Наконец, 9 мая 1965 г. на его родине в с. Ясенки Курской области (рядом с селом Калиновка) на средства местного колхоза был открыт памятник с надписью «Виктор Третьякевич (1924–1943 гг.), комиссар Краснодонского комсомольского подполья “Молодая гвардия”». В том же интервью Валерия Борц утверждала, что только после того, как ей удалось в 1981 г. дойти до Ю.В. Андропова и после годичной проверки по его указанию в феврале 1983 г. на памятнике надпись «комиссар» была заменена на надпись «член штаба». А бравший интервью у В. Борц А. Голенков при этих словах заметил: «Все-таки и “членом штаба” он не был; он был связным» [11].

Выступая на читательской конференции в библиотеке им. А.С. Грибоедова в Москве 19 декабря 1946 г. Фадеев говорил: «Я абсолютно всех членов “Молодой гвардии” вывел под их собственными именами... Стахович изображен под вымышленной фамилией. Он выходец из хорошей советской семьи, и мне не хотелось оставлять неизгладимый след в сердцах его родителей от того, что сын их по слабости сердца оказался предателем» [12].

Однако Е. Евтушенко в 1985 г. назвал «истинного» предателя «Молодой гвардии», который живет в Венесуэле: «Предатель молодогвардейцев, / нет, / не Стахович, / не Стахевич, / теперь живет среди индейцев и безнаказанно стареет. / Владелец грязненького бара / под вывеской: / “У самовара”, / он существует худо-бедно / и все зовут его / “Дон Педро...” / и просит он беззубо скалясь, / его фамилии не трогать...» [13]. «Дон Педро» признался поэту, что всех молодогвардейцев он предал, дойдя под пытками до точки, не разом, а поодиночке. Здесь уместен вопрос, могут ли историки использовать художественные произведения для подтверждения тех или иных выводов? По нашему мнению, нет. Евтушенко начал свою поэму «Фуку!» в 1963 г., в то время, когда шла на «высоком уровне» «реабилитация» В. Третьякевича, а закончил ее в 1985 г., когда в Украине повеяли другие идеологические ветры. Кто прав? Где истина?

По нашему мнению, необходимы еще более глубокие и правдивые исследования ученых-историков, не zaangażированных идеологическими постулатами многочисленных партий. А пока приходится сожалеть, что в 2012 г., в год 70-летнего юбилея «Молодой гвардии» кто-то из числа, видимо, озлобленных националистов, сорвал с памятника табличку «Олег Кошевой», установленного в сквере имени «Молодой гвардии» г. Луганска.

Примечания:

1. Довжук И.В. История и теория мировых цивилизаций: учебник. Луганск, 2010. С. 3.
2. Конституція України. Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року. Из змінами, временними згідно із законом № 2222 IV від 8.12.2004. ВВР. 2005. № 2. Ст. 44. Харків, 2006. С. 5.
3. Никитенко А. Была ли «Молодая гвардия» ОУНовским подпольем? URL: <http://www.molodguard.ru>.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Евтушенко Е.А. Фуку! Поэма // Евтушенко Е.А. Граждане, послушайте меня...: Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 109.
8. Голенков А. «Молодая гвардия» // Патриот. 2003. № 3.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Там же.
13. Евтушенко Е.А. Указ. соч. С. 107–109.

*А.П. Стасюк, А.Ю. Друговская,
А.Н. Манжосов, В.А. Совакова*

НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ О «МОЛОДОЙ ГВАРДИИ» КАК СИМВОЛЕ МОЛОДЕЖНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 гг.

Деятельность патриотических подпольных организаций и групп является особой формой сопротивления оккупационному режиму. Возникновение подполья чаще всего происходило уже в условиях вражеской оккупации и являлось следствием патриотического порыва его участников, не принявших «новый» нацистский порядок и осознававших всю необходимость своего личного участия в борьбе за освобождение родной земли. В отличие от партизанских отрядов, подпольные организации формировались и действовали в городах и селениях, находившихся под непосредственным контролем войск противника и полицейских подразделений, что было связано с повседневным риском для жизни, а зачастую приводило к разоблачению и гибели их участников.

Недавнее (в 2008 г.) присвоение городу Ростову-на-Дону почетного звания «Город воинской славы» комитетом «Победа» стало возможным благодаря наличию в городе действующей системы патриотического воспитания подрастающих поколений, сохранения реликвий и традиций недавнего героического прошлого. Важнейшую роль в этой системе играют школьные музеи, при создании которых решается несколько задач. Учащиеся знакомятся с теоретическими и практическими основами музейного дела и исследовательской деятельности, приобретают новые знания по истории нашей Родины, приобщаются к национальным и мировым культурным традициям. В процессе занятий в музее воспитывается гражданин и патриот, ценностно-ориентированная личность, обладающая нравственными качествами, способностями к самореализации в условиях современной российской социокультурной ситуации. Вместе с тем, у детей развиваются индивидуальные способности, творческий потенциал, диалектическое мышление, умение использовать в практической деятельности различные источники знаний. Музеи проводят большую пропагандистскую работу, во многих из них созданы лекторские группы из числа учащихся.

С 1957 г. в ростовской средней школе № 32 начал создаваться, а в 1962 г. был открыт школьный исторический музей «Молодая гвардия» [1]. Это стало возможным благодаря осознанному стремлению городской общественности, педагогов и учащихся, жителей города сохранить память о героических и трагических событиях недавно закончившейся Великой Отечественной войны. Тем более что многие сами пережили это суровое время и не хотели допустить, чтобы чиновники и функционеры, возмнившие себя победителями, писали и трактовали историю по своему усмотрению. Именно история делает человека гражданином. Народ, переживший величайшую трагедию, имеет право на правдивую память о ней.

Создание школьных музеев, как хранителей народной памяти, было в конце 1950-х – начале 1960-х гг. массовым общественным явлением. В нем проявлял-

ся протест против фальсификации истории недавнего прошлого. Это остро чувствовали жители Ростова-на-Дону и всей Ростовской области, на территории которой действовало в годы войны много партизанских отрядов и групп народного сопротивления оккупантам и коллаборационистам. Жертвы, принесенные в этой борьбе ради общей Победы над врагом, были неизмеримо большими, чем в ставшем широко известном городе Краснодоне, где действовала молодежная организация народного Сопротивления «Молодая гвардия». Только в городе Шахты Ростовской области, освобожденном 12 февраля 1943 г., на два дня раньше Краснодона, в ствол шахты им. Красина гитлеровцы сбросили живыми более 3,5 тыс. патриотов. Этот варварский способ умерщвления непокорных – сбрасывание людей в ствол шахты – гитлеровцы и их местные союзники применяли во многих горняцких городах Донбасса.

Поэтому, когда участница молодежного Сопротивления Надежда Ивановна Стасюк, пережившая вместе со своими ровесниками в г. Краснодоне все невообразимые тяготы жизни и борьбы, предложила педагогам и учащимся ростовской средней школы № 32 создать музей в память о юных земляках-патриотах – это было без колебаний принято. Огромную роль в этом сыграли: замечательный педагог, фронтовик, директор школы В.К. Тяпкин; учитель математики А.И. Лазарева, потерявшая в годы войны трех сыновей и мужа, ставшая первым руководителем музея; бывший старший научный сотрудник Государственного Краснодонского музея «Молодая гвардия», дочь прокурора Краснодона в 1943–1959 гг., ростовчанка с 1966 г. Л.И. Изварина; талантливый педагог и бесстрашный человек, остающийся до сих пор в учительском строю, Е.Г. Буртылева и многие другие педагоги и учащиеся.

Уже тогда в общественном сознании людей всех поколений сформировалась ответственность за свою судьбу вместе с судьбой Родины. А молодогвардейцы стали символом борьбы, силы духа и коллективного проявления истинного патриотизма молодежи в годы великих испытаний. Уже тогда стало известно, что первая молодежная организация сопротивления врагу «Молодая гвардия» возникла в начале ноября 1941 г. в городе Льгове Курской области, активно действовала до августа 1942 г. и героически погибла почти вся, передав незримую эстафету борьбы с врагом, за свободу Родины молодежи шахтерского городка Краснодон.

Другой важной причиной, повлиявшей на создание и развитие музея, стало то, что город Краснодон – в недавнем прошлом хутор Сорокин станицы Гундоровской, входил в состав Донецкого округа Области Войска Донского, как и вся территория нынешнего Краснодонского района Луганской области Украины. Так что очень многие из молодогвардейцев – погибших и оставшихся в живых – являются земляками жителей Ростовской области как «правопреемницы» Области Войска Донского после революции и административно-территориальных преобразований 1920–1930-х гг.

Работа музея изначально строилась на достоверных фактах, живом общении с участниками и очевидцами событий народного Сопротивления, активной поисковой работе и экскурсионной деятельности. Популярность музея была

настолько высока, что решением № 1112 от 28 ноября 1968 г. Ростовского областного совета депутатов трудящихся средняя школа № 32 получила имя «Молодой гвардии», а школьный музей в 1971 г. – статус народного.

После ухода из жизни А.И. Лазаревой (1985) руководителем музея в 1985–1990 г. была М.Я. Касаткина, которая сохранила и дополнила музейную экспозицию. В 2000 г. при участии директора школы Е.В. Белоноговой музей пережил второе рождение. После десятилетия безвременья 1990-х гг. работу музея возглавляли настоящие подвижники: учитель химии М.О. Ефремова и педагог городского центра детско-юношеского туризма и экскурсий Н.Н. Иванушкина. С 2011 г. музеем руководит молодая педагог-историк О.В. Сердюкова, обновляется Совет музея, начата реконструкция экспозиции с реставрацией экспонатов на основе полученного из Российского государственного архива социально-политической истории (далее – РГАСПИ) сборника документов и материалов о «Молодой гвардии» [2]. В нем содержится обращение к молодому поколению третьего тысячелетия последнего молодогвардейца В.И. Левашова, в котором говорится: *«Сейчас нам пытаются ставить в вину наш энтузиазм и жертвы, принесенные во имя процветания Родины. Но иначе мы не могли. Мы любили свою Родину»*. По словам В.И. Левашова, молодогвардейцы *«ничем не отличались от других юношей и девушек нашей Родины: также учились, дружили, ссорились, гоняли голубей. Почти все принимали активное участие в школьной жизни. Мои друзья всегда были готовы прийти на помощь товарищу, были порядочными, честными и справедливыми. Они не могли не встать на путь борьбы за свою Родину, ее свободу, даже врагов удивляя своей необычайной стойкостью, мужеством, верой в свой народ и его победу!»*. Он также обратил внимание на многонациональный характер «Молодой гвардии»: *«рядом были русские и украинцы, молдаванин Борис Главан и азербайджанец Али Дадашев, белорус Виктор Третьякевич и еврей Юрий Виценовский, армяне Жора Арутюнянц и Майя Пегливанова»*.

В.И. Левашов призвал *«обязательно воссоздавать эти страницы, рассказывая обо всем, что пережил наш народ в тяжелые годы войны, правдиво доказывая, почему и во имя чего отдавали люди свои жизни, ни на минуту не забывая о живых, которым они кровью писали слова приветя, как это делали молодогвардейцы»*. В завершении своего обращения он пожелал *«молодому поколению стать истинными патриотами и не забывать, что тысячи их сверстников не пожалели свои молодые жизни для того, чтобы оно было именно таким, чтобы любило Родину, как и они, и отдавало все силы для ее процветания»*. Обращение было написано 22 июня 2001 г., а В.И. Левашов скончался 10 июля 2001 г.

В феврале 2011 г. школа № 32 имени «Молодой гвардии» встретила свое 75-летие, а школьный исторический музей «Молодой гвардии» готовится встретить в октябре 2012 г. свое 50-летие. Воспитание патриотизма было и остается важнейшей задачей школьных музеев, а музейная педагогика – основным компонентом в этом благородном деле.

Педагоги и учащиеся благодарны поддержке, которую оказывают музею Управление образования Администрации города Ростова-на-Дону, Дворец

творчества детей и молодежи, Ростовский городской клуб молодежи и ветеранов «Патриот», Городской совет ветеранов, Южный научный центр РАН, исторический факультет Южного федерального университета, Институт российской истории РАН, РГАСПИ, Росвоенцентр при Правительстве Российской Федерации, Государственный Военно-исторический музей «Юные защитники Родины», Федеральный центр детско-юношеского туризма и краеведения, Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, Ростовское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее – ВООПИК), Министерство культуры Ростовской области и многие другие неравнодушные люди и организации. Эта поддержка – залог того, что школа № 32 будет с достоинством носить гордое имя «Молодой гвардии», а исторический музей «Молодой гвардии» будет ее уникальным достоянием и символом. Школьные музеи, выполняющие благородную миссию сохранения народной памяти и воспитывающие новые поколения граждан России, должны быть не только инициативными организациями, но получать материальную, финансовую поддержку от властных структур, органов образования. Это наше общее дело во имя будущего России.

20 лет назад 19 сентября 1992 г. в г. Льгове открыт памятник льговским молодогвардейцам. С 3 марта 1968 г. работает музей «Молодая гвардия», посвященный подвигу молодежной организации Сопротивления [3]. Деятельность ее началась на территории этого важного стратегического железнодорожного узла в начале ноября 1941 г. и продолжалась 10 месяцев, до августа 1942 г. Организация состояла из трех подпольных групп, в которых состояло свыше 50 чел. После освобождения Льгова в августе 1943 г. стало известно, что 19 сентября 1942 г. в Рыльской тюрьме было расстреляно около 50 жителей.

Начало Льговской подпольной организации «Молодая гвардия» положил машинист В.И. Грудинкин (партизанская кличка «Гром»). В группу также входили С.С. Аниканов, И.С. Романенко, Н.А. Секерин, В.И. Петров, А.Ф. Романенко, С.А. Костюченко, В.С. Шкандин, М.П. Пасько и др. Но в январе 1942 г. на 11-м км железной дороги Льгов – Готня, у рабочей казармы, в неравном бою погибли 7 участников группы. После этого подпольную организацию возглавил С.С. Аниканов.

В с. Сугрово в нее вошли Коля Токарев, Миша Сеин, Сережа Брусенцов, Шура и Маруся Литвиновы. Они начали самостоятельно борьбу, спилив столбы линии связи и потопив паром. Затем на них вышел С. Аниканов. Стихийно организовалась группа и в деревне Шерекино. Среди ее участников были совсем мальчишки Вася Коростелев и Паша Грудинкин. Но стержнем организации стали комсомольцы железнодорожного узла (Льгов-1, Льгов-2, Льгов-3). Объединили их учитель железнодорожной школы В.А. Корнюшкин и бывший секретарь комсомольской организации школы С. Ильяшова.

Немецко-фашистское командование энергично готовилось к операции на воронежском направлении, откуда намеревалось начать потом летнее наступление на юг. Потому через Черноземье шли и шли эшелоны с живой силой и техникой, из Германии и Франции перебрасывались отборные дивизии.

Неоценимую помощь организации оказывала А. Молокоедова, устроившаяся на работу в комендатуру. Многим патриотам она спасла жизнь, своевременно предупредив об опасности, несмотря на то, что пришлось испытать на себе недоверие и презрение родных и друзей за работу на оккупантов. Часто слушала по радио сводки Совинформбюро, полученные сведения потом использовались как информационный материал для листовок. А умерла от сыпного тифа через две недели после освобождения Льгова нашими войсками. Через разведчиков-радиостов Н.А. Гриценко и А.М. Рябова, базировавшихся на нелегальной квартире Н.А. Малых в Коренево, льговские подпольщики были связаны с разведывательными отделами штабов Брянского и Воронежского фронтов. Главным объектом для подпольщиков являлся Льговский железнодорожный узел. По донесениям из Льгова советские самолеты не раз наносили бомбовые удары по станциям Льговского узла.

В августе 1942 г. оккупанты с помощью провокаторов напали на след подпольной организации. Первыми были схвачены и посажены в Рыльскую тюрьму М. Грудинкина, М. Бородина, С. Ильяшева, Н. Горлова, Н. Чефранов. В числе арестованных оказались и руководители организации С.С. Аниканов, Н.Т. Федулов. В течение двух недель гитлеровцы чинили расправу над молодыми патриотами. Их подвергали пыткам, но подпольщики держались стойко, не выдавали друг друга. Было арестовано свыше 30 чел. Дело подпольной организации было выделено в разряд особо важных, его вела военная окружная комендатура в г. Рыльске. 19 сентября 1942 г. в Рыльске, у здания тюрьмы были расстреляны С.С. Аниканов, М.В. Бородина, С.М. Брусенцев, М.Д. Грудинкина, П.В. Грудинкин, А.И. Галушкин, Н.М. Горлова, С.А. Ильяшева, В.А. Корнюшкин, В.Д. Коростелев, М.Е. Литвинова, А.П. Литвинова, А.С. Марминов, И.Д. Николаев, В.П. Нифонтова, З.П. Обыденных, А.А. Обыденных, Н.Е. Погребняк, М.Д. Сеин, Н.Н. Токарев, Н.Т. Федулов, Н.Я. Чефранов.

Жители старинного русского города Льгов каждый год 3 марта, 9 мая, 22 июня и 19 сентября приходят в центр города почтить память павших в годы Великой Отечественной войны. Сквер напротив Дома культуры, где проводятся траурные митинги, преобразился: в 1992 г. на месте памятника Неизвестному солдату появился памятник льговским молодоговардейцам. У него есть своя история, которую восстановила по воспоминаниям свидетелей и очевидцев старший научный сотрудник Льговского литературно-исторического музея Е.В. Гурьева. Ведь памятник этот открывали долго – процесс затянулся на 27 лет!

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 мая 1965 г. все 22 льговских подпольщика, расстрелянные в Рыльской тюрьме, были посмертно награждены орденами Отечественной войны за проявленное мужество в борьбе против оккупантов. И тогда же, в 1965 г. Курский обком КПСС и облисполком приняли решение об увековечении подвига земляков-молодогвардейцев. Эскизных проектов было несколько, не сразу определились и с местом мемориала. В первом проекте памятник планировали расположить на берегу реки, на месте торговых рядов городской автостанции, но из-за отсутствия нужных средств дело застопорилось. Активизировал работу по созданию памятника льговским подполь-

щикам ответственный секретарь районного отделения ВООПИК С.А. Хухрин. В своих воспоминаниях он назвал людей, без участия которых памятника могло и не быть. Это бывший председатель Льговского горисполкома Д.Е. Кончаков, бывший первый секретарь райкома партии А.М. Калинин, сменивший его на этом посту В.Н. Гуков, А.И. Ворожкин, В.Г. Костюченко и многие другие.

Большинство членов молодежной подпольной организации учились во Льговской железнодорожной школе. Воспитанники этой школы № 69 решили увековечить память своих замечательных выпускников еще в 1968 г. К тому времени вышла в свет книга С. Масленникова «Льговская республика», популярная среди школьников того поколения. 9 мая 1968 г. на территории 69-й школы был открыт обелиск. Это ее учащиеся стали инициаторами сбора средств среди комсомольских организаций школ всей области на постройку монумента во Льгове. Почин льговских комсомольцев поддержала областная комсомольская организация и молодежь Курской области на субботниках и воскресниках зарабатывала деньги, чтобы внести их в фонд строительства памятника во Льгове.

Выполнить работы по созданию скульптурной части мемориала было поручено Московскому художественному фонду РСФСР. Автором проекта и скульптором памятника стал В.А. Чухаркин – уроженец Курской области, выпускник Курского художественно-графического училища, окончивший впоследствии факультет скульптуры Московского Суриковского института. К числу его работ относятся памятники нескольким Героям Советского Союза, защитникам Отечества в годы Великой Отечественной войны, первоцелинникам, писателю Николаю Островскому и другие, установленные в разных городах бывшего СССР. Архитектор проекта – Р.К. Топуридзе.

Торжественное открытие памятника состоялось 19 сентября 1992 г. На открытии присутствовал владыка Курский и Рыльский Ювеналий, это событие сняли кинодокументалисты Ростовской студии кинохроники, выпустившие впоследствии документальный фильм «Мы – льговчане». Копию этого фильма приобрел потом Льговский краеведческий музей. К монументу высотой в 9 м, с боковых сторон которого стоят скульптурные изображения льговских подпольщиков – непокоренные, гордые, смелые – в дни государственных праздников собираются ветераны и школьники, сюда приходят поклониться молодежи в дни свадеб, призывники в дни отъезда на службу в армию. Ведь память о героях-земляках вечна.

Сохранение памяти о наших соотечественниках, проявивших истинный патриотизм и погибших в годы Великой Отечественной войны – этой национальной трагедии, не имеющей аналогов в мировой истории, как никогда актуальная задача. Это будет зримым напоминанием об огромной цене Победы и об ответственности ныне живущих за судьбу Родины.

Настала пора внести необходимые изменения и дополнения в энциклопедические издания, учебники, научно-популярную литературу и другие носители информации в отношении «Молодой гвардии», избавив их при этом от существующих до сих пор неточностей, искажений исторических фактов, открытых фальсификаций, лжи и клеветы. Этим мы исполним свой гражданский

и профессиональный долг перед героями-молодогвардейцами, остающимися в народной памяти символом истинного патриотизма и гражданского мужества, проявленных в борьбе за свободу и независимость нашей Родины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Примечания:

1. Адрес: 344012, Ростов-на-Дону, ул. Фрунзе, 12, МБОУ СОШ № 32 им. «Молодой гвардии». URL: www.32donschool.ru.
2. «Молодая гвардия» (г. Краснодон) – художественный образ и историческая реальность. Сб. документов и материалов. М., 2003.
3. Адрес: 307750, Курская область, г. Льгов, ул. Комсомольская, 49/47, Городской дом детского творчества, музей «Молодая гвардия» (руководитель – В.А. Совакова).

А.С. Мартынов

**КАРАТЕЛЬНЫЕ АКЦИИ ОККУПАНТОВ
В ДОНБАССЕ НАКАНУНЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ РЕГИОНА
КРАСНОЙ АРМИЕЙ (зима – лето 1943 г.)**

История Великой Отечественной войны включает в себя не только победные баталии, но и тяжелые поражения и потери, что особенно касается оккупированных районов Советского Союза, население которых в полной мере испытало на себе реакционный характер нацизма. Поэтому, встречая 67-летний юбилей Великой Победы, не стоит забывать, сколь высокую цену заплатил за нее многонациональный советский народ. На текущий год приходится также 70-летие Сталинградской битвы, Харьковской и Воронежско-Ворошиловградской операций Красной армии, которые сыграли важное значение в военной истории российско-украинского пограничья в период Великой Отечественной войны. Совпадение этих памятных дат отечественной и региональной истории побуждает к дополнительному осмыслению тех трагических событий на фронте и в тылу, что имели место на территориях по линии Днепр – Северский Донец – Дон – Волга. Эта задача тем более актуальна, что после развала СССР в ряде постсоветских республик, в том числе на Украине, не прекращаются попытки переписать историю в пользу местных коллаборационистов, сопричастных к гитлеровскому геноциду. Между тем, именно эти коллаборационистские формирования зачастую выступали прямыми пособниками нацистов в осуществлении карательных акций против партизан и мирного населения СССР.

Настоящая статья содержит краткий анализ репрессивно-карательной политики немецко-фашистских захватчиков в регионе Донбасса в период с января по август 1943 г. Именно в эти месяцы, после жестокого противостояния под Сталинградом и Курском, развернулись последние бои между Красной армией и вермахтом за стратегически важный Донецкий бассейн. Апогей этой борьбы

пришелся на лето – начало осени 1943 г. Как признали впоследствии германские генералы фон Типпельскирх и фон Бутлар, бои на Северском Донце, на Миус-фронте сыграли решающую роль в потере гитлеровцами Донецкого бассейна и вынудили их отступить к Днепру [1].

В ходе Донбасской стратегической наступательной операции (13 августа – 22 сентября 1943 г.) войскам Юго-Западного и Южного советских фронтов удалось продвинуть на 250–300 км, выйти в район Запорожья и взять плацдарм на правом берегу Днепра [2]. Эта потеря была тяжела для нацистов, и в течение восьми месяцев 1943 г. (с января по сентябрь) они всеми силами пытались оттянуть свое грядущее поражение, максимально укрепиться в Донбассе и «выжать» из края максимум материальных средств. Не случайно гитлеровский монополист Крупп, захвативший в свое владение заводы в Мариуполе и Краматорске, в 1943 г. предпринял полный разбор электрометаллургических прокатных станков и отгрузил их в Германию, на свои фабрики возле Бреслау [3]. Наступление Красной армии и активизация партизанского движения заставили оккупантов ужесточить свою репрессивную политику и, наряду с укреплением на Северском Донце и на Миусе, организовать масштабные карательные операции против партизан и для устрашения местного населения. Активное участие в этих акциях приняла украинская вспомогательная полиция, сформированная гитлеровцами из числа местных предателей при участии Организации украинских националистов (ОУН) Степана Бандеры и Андрея Мельника. Агенты ОУН еще в конце 1941 – начале 1942 гг. прибыли в Донбасс из Западной Украины и включились в местную оккупационную администрацию, насаждали политику русофобии.

Вооруженная репрессивно-карательная деятельность формирований украинских националистов в регионе Донбасса подробно рассматривалась автором в отдельных историко-архивных работах [4]. Данная статья является продолжением авторских исследований проблемы украинского коллаборационизма в Донбассе в период гитлеровской оккупации края. Основными источниками для нее послужили материалы из фондов Государственного архива Донецкой области (далее – ГАДО) и бывшего Партийного архива Донецкого обкома Коммунистической партии Украины (с 1991 г. – в составе ГАДО). Особое значение в данном случае имеют обзорные отчеты партийных комитетов, составленные сразу же после освобождения края, а также документы Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков – акты по Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской (Луганской) областям. Опираясь на эти данные, можно восстановить основные факты террора, развязанного гитлеровцами и их пособниками в Донецком крае в январе – августе 1943 г. Согласно материалам ЧГК, в Сталинской области к моменту освобождения было убито, замучено, расстреляно 174 416 чел., а также замучено и убито 149 367 военнопленных, кроме того, 252 259 чел. угнано на каторгу в Германию [5]. Конечно, эти цифры являются лишь приблизительными, однако ярко иллюстрируют масштабы и последствия «нового порядка», внедрявшегося гитлеровцами в Донбассе. Согласно тем же данным ЧГК, хозяйничанье нацистов причинило Донбассу ущерб на сумму 23,5 млрд руб. [6].

Понятно, что все эти человеческие и материальные жертвы приходится на весь период оккупации Донецкого края (с осени 1941 г. до конца лета 1943 г.), однако значительная их часть приходится именно на 1943 г., а некоторые – на самые последние дни оккупации. Столица Донбасса Сталино (в настоящее время – Донецк) был освобожден Красной армией 8 сентября 1943 г., а буквально накануне, 7 сентября, глава СС Гиммлер отдал руководителю войск СС и полиции на Украине Приюцману зверский приказ по уничтожению края: *«Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну»* [7]. Этот приказ так и не был полностью приведен в исполнение, однако разрушения и убийства населения на местах гитлеровцы все же произвели. Еще 3 сентября 1943 г. газета «Правда» в статье «Следы немецких злодеяний» отмечала чудовищные разрушения и массовые расстрелы мирных жителей, совершенные гитлеровцами в донецких городах Красный Луч и Снежное [8]. Освобождение от нацистских оккупантов и их пособников далось шахтерскому краю тяжелой ценой.

Как же разворачивалась карательная политика гитлеровцев в Донецком крае в 1943 г.? Прежде всего, она проявилась в общем ужесточении полицейского контроля на оккупированной территории и в создании дополнительных сил местной полиции, поскольку с 1942 г. гитлеровцы чрезвычайно страдали от деятельности партизан и подпольщиков, а наступления Красной армии в 1942–1943 гг. вынуждали их основные военные силы постоянно держать на фронте. По этой причине значительную роль играли вспомогательные коллаборационистские силы – полиция и агентура. Об одном из таких «помощников» в документах ЧГК по Горловскому району говорится: *«работал преподавателем в Горловке, украинский националист. С приходом немецких оккупантов добровольно поступил на службу в СД, занимался вербовкой агентуры, через которую выявлял скрывающихся коммунистов, партизан и советских граждан, проводящих работу против немецких властей. Он также был тесно связан с организацией украинских националистов»* [9]. В том же документе упоминается еще один коллаборационист – доброволец «украинского отряда», ставший затем командиром взвода полиции, который занимался арестами и избиениями граждан [10].

Следует отметить, что именно в Горловке находился областной штаб ОУН Бандеры, и там же был организован охранный пост Украинской службы порядка (УСП), документация которого сохранилась [11]. Схожая ситуация наблюдалась и в других донецких городах. Так, в Краматорске из числа предателей – русских и украинцев – была укомплектована жандармерия и полиция, причем полицейских было около 400 чел., не считая тайной агентуры [12]. В Макеевке, согласно данным областного управления НКВД, начальниками карательных органов немецких оккупантов являлись соответственно начальники отделов украинской полиции города [13]. В г. Чистяково в числе пособников немецких военных преступников также значатся начальники украинской полиции и украинской жандармерии города [14]. Организационным центром коллаборационистов в Донбассе был Мариуполь. По словам американского исследователя украинского национализма Джона Армстронга, в Мариуполе местное немецкое командование снисходительно относилось и, возможно, намеренно поощряло в

этом городе деятельность украинских националистов [15]. Согласно информации Сталинского обкома партии, все злодеяния и бесчинства гестапо и полиции в Мариуполе возглавляли шеф гестапо Вульф и руководитель вспомогательной криминальной службы предатель Бердичевский [16]. По данным областной ЧГК, Петр Бердичевский до войны работал учителем 40-й школы Мариуполя, но затем добровольно пошел в полицию [17]. В Мариуполе также находился центр формирования Украинской народной армии – военизированных подразделений, которые гитлеровцы создавали при помощи украинских националистов. Так, еще в 1942 г. в Мариуполе местными коллаборационистами был организован «Шевченковский праздник» с торжественным приемом желающих в Украинскую народную армию; семьям солдат этой армии обещалась денежная помощь от городской управы [18].

Все эти вспомогательные силы, получившие опыт в карательных операциях против партизан и гражданского населения, были дополнительно реорганизованы и подкреплены гитлеровцами к середине 1943 г. В начале 1943 г., в связи с временным наступлением Красной армии на Донбасс, в полицейско-охранной системе оккупантов произошли определенные изменения, связанные с реорганизацией подразделений полиции и усилением репрессий против оппозиционной части местного населения. Так, согласно данным Ворошиловградской областной ЧГК, 23 января 1943 г., накануне отступления, немецкой охраной и полицией в Ворошиловграде было расстреляно 117 советских военнопленных, которым местные жители давали пищу [19]. Согласно документам НКВД, в Ворошиловграде должности городского головы, начальника полиции и другие также занимали украинские националисты [20]. Как следует из отчета немецкой военной администрации за март-апрель 1943 г., во время наступления Красной армии в феврале немецкая полиция вместе с местными полицейскими силами вынуждена была отступить из Сталино и возвратилась только в марте, после чего началась реорганизация полицейских сил, которые от СС были переданы местному немецкому военному командованию [21]. Тогда же оккупационная администрация стала пополнять личный состав вспомогательной полиции. Например, в приказе районной управы Волновахи от 4 марта 1943 г. предписывалось всех бывших работников полиции и «добровольцев» немедленно направлять в районную полицию [22]. Однако пик этой своеобразной полицейской мобилизации, судя по имеющимся архивным материалам, пришелся на июль – август 1943 г., когда наступление РККА стало для донецкой группировки вермахта максимальной угрозой. В этот период часть местных коллаборационистов, которым от возвращения советской власти ничего хорошего ждать было нельзя, добровольно шла на службу в полицию.

Например, в районном управлении полиции Амвросиевки сохранился ряд автобиографий полицаяев, датированных июлем месяцем 1943 г., в которых они расписывались в своей антисоветской деятельности и просили принять их на полицейскую службу; в основном это были люди репрессированные или деклассированные, малограмотные [23]. Опираясь на это пополнение, гитлеровцы усилили охрану местности и даже призывали население к сотрудничеству с поли-

цией. Так, в оккупационной газете «Голос Донбасса» от 11 июля 1943 г. было объявлено: *«Эти германские полицейские отделения, усиленные местной полицией (Шума), оказывают местному населению всяческую помощь и содействие. Каждый гражданин и гражданка могут в любое время обратиться за помощью к любому германскому полицейскому»* [24]. Но этого пополнения полицейских структур было недостаточно.

Чтобы увеличить охранно-полицейские силы, оккупационная администрация продолжила набор «добровольцев» в Украинскую армию. В начале июля 1943 г. газета «Донецкий вестник» опубликовала заметку «Добровольцы – борцы за украинскую родину», где призвала украинцев бороться вместе с Германией. В том же номере было опубликовано соответствующее воззвание лидера одной из фракций ОУН – А. Мельника, в котором он прославлял национал-социализм и Гитлера и звал к борьбе с большевизмом [25]. Агитация «добровольцев» продолжалась и в августе 1943 г.: *«Украина – один из наших самых значительных союзников. Так пишет немецкая пресса»,* – писали мариупольские националисты [26]. Однако «добровольцев» воевать за уже теснимых Красной армией оккупантов не находилось, поэтому гитлеровцы и их пособники вынуждены были принудительно рекрутировать солдат в Украинскую армию. Районная управа Доброполя 3 августа 1943 г. издала характерный приказ старостам сельских управ и общин: *«На основании распоряжения немецкого военного коменданта в течение августа месяца проводится набор добровольцев в ряды Немецко-украинской освободительной Армии. Всем Вашим гражданам мужского пола от 17-и до 45-ти лет включительно, физически здоровым необходимо прибыть»* [27].

Следует отметить, что все же некоторые отряды донецкой Украинской армии» были брошены нацистами в бой: например, в окрестностях Волновихи партизанский отряд им. Сталина под командование В.Д. Авдеева (Донского) разгромил большое скопление войск противника и «добровольческих формирований» [28]. В это же время местные активисты ОУН предпринимали попытки организовать антисоветское сопротивление в Донбассе. Согласно секретному документу Управления НКГБ по Сталинской области от 20 сентября 1943 г., еще в период февральского отступления немцев в тылу Красной армии националисты планировали оставить боевые нелегальные группы, члены которых засылались даже на Кубань [29].

Однако предотвратить свой коллапс гитлеровцам так и не удалось, и в конце августа – первых числах сентября 1943 г. они вынуждены были отступать из Донбасса на запад к Днепру. В эти последние дни ожесточение и зверства оккупантов и их пособников достигли предела. В Артемовске орудовал начальник украинской жандармерии по фамилии Южный – в материалах областной ЧГК о нкм говорится: *«По разработанному им плану, он с помощью добровольцев немецкой армии произвел разрушение города перед бегством немцев из Артемовска»* [30] В Дружковке при отступлении оккупантов в начале сентября *«здание православной церкви было заминировано, а затем взорвано, причем из храма не дозволялось выносить ни одного из предметов религиозного культа».*

[31] После этого дружковские коллаборационисты сбежали: председатель городской управы Чупак, полицаи Костенко и Вакарченко, как отмечено в делах ЧГК, отступили с немцами. [32] В целом же, как отмечалось в соответствующей докладной записке на имя председателя ЧГК СССР Н.М. Шверника, за время оккупации в стволах шахт в Сталино и Горловке, в меловых и алебастровых карьерах в Краматорске и Артемовске, в лагерях военнопленных в г. Чистяков и г. Старобешево погибли десятки тысяч советских граждан. Особо жестокая расправа была проведена при отступлении немцев из Сталино 7 сентября 1943 г., когда в сарае дома профессуры Индустриального института (ныне – Донецкий национальный технический университет) были сожжены живьем 150 сотрудников института вместе с женами, детьми и внуками. [33] В Мариуполе расстрелы проводились вплоть до 5 сентября 1943 г.; в целом же в лагере военнопленных в Ильичевском районе было уничтожено до 36 тыс. военнопленных и мирных граждан, а по всему Мариупольскому району убито свыше 50 тыс. военнопленных и мирных граждан. Областная ЧГК не смогла установить точное количество убитых, поскольку люди уничтожались целыми семьями [34]. При этом мариупольские полицаи также старались бежать от суда. Так, по Ильичевскому району города некий полицай украинец Ткаченко отступил с немцами 5 сентября, а другой полицай, украинец Жиленко отступил 7 сентября [35]. Но сбежали, конечно, не все. Многие предатели из числа пособников оккупантов были арестованы органами НКВД – НКГБ и понесли наказание за участие в карательных акциях.

В целом, народ Донбасса заплатил высокую цену за свое освобождение от гитлеровских оккупантов и их пособников. Полицейские подразделения из числа коллаборационистов накануне своего бегства развернули на донецкой земле настоящую кровавую бойню. Выше изложенные зверства и разрушения производились в качестве превентивной меры, в рамках тактики «выжженной земли», применение которой явственно демонстрирует реакционную сущность фашизма и коллаборационизма. Население Донбасса и до 1943 г. понесло большие потери от рук оккупантов, однако эти потери стали намного значительнее вследствие той преступной политики, которую гитлеровцы и их пособники проводили в крае в 1943 г.

Примечания:

1. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939–1945. СПб.–М., 1998. С. 431; Мировая война. 1939–1945. М., 2000. С. 291.
2. Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 288–289.
3. Trials of War Criminals before the Nuernberg Military Tribunals. Nuernberg, October 1946 – April 1949. Vol. IX. The Krupp Case. Washington, 1950. P. 28–29.
4. Мартынов А.С. Проблема ОУН – УПА и Восток Украины на примере региона Донбасса // Украинский национализм и Донбасс. Историческая ретроспектива. Сб. материалов. Донецк, 2010. С. 186–345; Мартынов А. Националистические

- фальсификации истории Донбасса периода нацистской оккупации (1941–1943) // Проблемы региональной идентичности Донбасса. Сб. аналитических статей. Донецк, 2011. С. 124–146.
5. ГАДО. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 64. Л. 42об.
  6. Там же. Л. 43.
  7. «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 528.
  8. Твои освободители, Донбасс. Очерки, воспоминания. Донецк, 1973. С. 371–372.
  9. ГАДО. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 43. Л. 21а об.
  10. Там же.
  11. ГАДО. Ф. Р-1903. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–58.
  12. ГАДО. Ф. 326. Оп. 2. Д. 50. Л. 21–21 об.
  13. ГАДО. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 7. Л. 18.
  14. Там же. Д. 11. Л. 25.
  15. Armstrong J. Ukrainian Nationalism. 1939–1945. N.-Y., 1955. P. 274.
  16. ГАДО. Ф. 326. Оп. 2. Д. 51. Л. 71.
  17. ГАДО. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 9. Л. 74.
  18. Украинская Народная Армия // Константиновские вести. 1942. 3 июня.
  19. Луганщина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. материалов и документов. Донецк, 1969. С. 113.
  20. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 301.
  21. Титаренко Д.М. Донбас навесні 1943 року: німецькі документи свідчать // Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 12. Донецьк, 2006. С. 29.
  22. ГАДО. Ф. Р-1613. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
  23. ГАДО. Ф. Р-1619. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3, 30.
  24. Історія Горлівки в документах і матеріалах. Ч. 2. Донецьк, 2009. С. 29.
  25. Донецкий вестник. 1943. 4 июля.
  26. Мариупольская газета. 1943. 10 августа.
  27. ГАДО. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 5. Л. 40.
  28. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. документов и материалов. Донецк, 1980. С. 159.
  29. Герои невидимого фронта. Историко-документальные очерки. Донецк, 2007. С. 58–59.
  30. ГАДО. Ф. Р-1838. Оп. 1. Д. 58. Л. 327.
  31. Там же. Д. 20. Л. 3 об.
  32. Там же. Д. 55. Л. 11–11 об.
  33. Там же. Д. 64. Л. 41 об. – 42.
  34. Там же. Д. 52. Л. 1–2.
  35. Там же. Д. 9. Л. 121.

О ТРАКТОВКЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ГРАЖДАНСКОЙ

В последнее время у отдельных представителей исторической науки проявляется тенденция рассматривать все три отечественные войны как гражданские.

С момента вторжения армии Наполеона в Россию правительство и помещики опасались всплеска крестьянских волнений и повторения пугачевского бунта. Однако гражданской войны не произошло. Во многом это объясняется тем, что Наполеон не решился пойти на такую радикальную меру в России как отмена крепостного права. Этому так же способствовали грабежи крестьян наполеоновской армией. Поэтому война 1812 г. не переросла в гражданскую.

Начало Первой мировой войны вызвало взрыв энтузиазма в обществе и привело к спаду забастовочного движения. Единственной партией, которая сразу выступила против войны, была большевистская часть РСДРП. Именно в это время прозвучал знаменитый ленинский лозунг «превратим войну империалистическую в войну гражданскую». Однако первоначально этот лозунг не вызвал широкого отклика. Произошло сплочение либеральных партий, представители которых поддержали правительство по вопросу о войне. Поражения русских войск и кризис, охвативший промышленность, сельское хозяйство и транспорт привели к взрыву недовольства, но война так и не переросла в гражданскую до Февральской революции. Следует отметить и то, что эта война по существу так и не стала Отечественной.

Чаще всего как гражданскую трактуют Великую Отечественную войну. Наиболее последовательно эту точку зрения излагает А.М. Буровский. Он приводит факты участия казаков в военных действиях на стороне Германии и ее союзников. Не отрицая того, что казаки одновременно с этим несли службу в частях Красной армии, историк утверждает, что им приходилось воевать друг против друга, и это является ярким примером гражданской войны. При этом приводится только один пример такого противостояния, когда после занятия немцами Ростовской области казачий эскадрон был включен в состав 40-го танкового корпуса вермахта [1]. Наиболее крупное казачье соединение – 1-я казачья дивизия (позже – 15-й казачий корпус) под командованием Гельмута фон Паннвица сражалось в Югославии против партизан и не принимало участие в «гражданской войне». На самом деле, казачьи полки фон Юнгшюльца и «Платов» сражались против Красной армии на Северном Кавказе и на Дону в 1942–1943 гг. [2]. Всего в Красную армию было призвано около 70 тыс. казаков, а в вермахте служило до 50 тыс. чел. [3].

В войсках вермахта также сражались добровольцы из крымских татар. По разным данным, таких добровольцев было от 8 до 20 тыс. чел. В то же время 3–5 тыс. крымских татар сражались и в партизанских отрядах. Как яркие примеры гражданской войны А.М. Буровский рассматривает участие в боевых действиях

на стороне Германии карачаевцев, чеченцев, калмыков. Калмыцкий кавалерийский корпус принимал участие в боях на Северном Кавказе в январе 1943 г., а на Украине был задействован в репрессиях против местного населения. По мнению А.М. Буровского, крымские татары, чеченцы, карачаевцы, калмыки дали одинаковое количество добровольцев в вермахт и в Красную армию [4].

На Украине и в Белоруссии воинские формирования Организации украинских националистов воевали против партизан, но не самостоятельно, а вместе с частями вермахта. Между различными украинскими формированиями возникали конфликты в зависимости от того, кого их бойцы поддерживали – Степана Бандеру или Андрея Мельника.

Наиболее ярким проявлением гражданской войны многие историки считают существование так называемой Локотской республики. Численность вооруженных формирований этой республики – Русской освободительной народной армии (РОНА) составляла около 20 тыс. чел. Части РОНА вели ожесточенные бои с партизанскими отрядами. Во время одного из таких столкновений погиб «губернатор» Локотской республики К.П. Воскобойник. По мнению А.М. Буровского, партизаны применяли террор против жителей Локотской республики [5]. Наблюдались случаи перехода партизан на сторону РОНА и обратных переходов. После завершения операции «Цитадель» в районе Курско-Орловского выступа части РОНА вели оборонительные бои против частей Красной армии и партизан.

Уже осенью 1941 г. на Восточном фронте создавались вспомогательные части вермахта из советских граждан. Сначала они получили название «наши Иваны», затем их стали называть *hilfswillige* («желающие помогать») или «хиви». В частях вермахта «хиви» участвовали в боях за Сталинград и на Курской дуге. По мнению А.В. Исаева, они сражались в передовых частях германской армии [6]. В Белоруссии воевали против партизан и развернули террор против мирного населения части «Боевого союза русских националистов» (БСРН) во главе с В.В. Гилем (Родионовым). В августе 1943 г. части БСРН и сам В.В. Гиль перешли на сторону Красной армии. В.В. Гиль сражался уже против немцев и погиб в мае 1944 г. Вот такие явления действительно характерны для гражданских войн. Русская национальная народная армия (РННА) под командованием В.И. Боярского воевала против партизан.

Меньше под понятие гражданская война подходит существование Русской освободительной армии (РОА) под командованием А.А. Власова. Она начала создаваться только в ноябре 1944 г. РОА успела повоювать против частей Красной армии только с февраля или с апреля 1945 г. и не на территории СССР, а на Одере.

Как доказательство того, что Великая Отечественная война на самом деле была войной гражданской, в прессе в разное время приводились цифры советских граждан, воевавших на стороне Германии – 1 или 1,5 млн чел. [7]. Другие историки приводят цифры в 100–200 тыс. чел. [8]. Но многие из них не были гражданами СССР.

Несмотря на вышеприведенные факты, нельзя рассматривать Великую Отечественную войну как гражданскую. Можно только говорить об элементах

гражданской войны. В отличие от Гражданской войны 1918–1922 гг., которая сопровождалась иностранной интервенцией, во время Великой Отечественной войне сначала наблюдалась интервенция, а уже затем возникли элементы гражданской войны. Раскола общества не произошло. Представители оппозиции сражались против Красной армии не самостоятельно, а как вспомогательные части германской армии.

Примечания:

1. Буровский А.М. Не вторая мировая, а великая гражданская! Запретная правда о войне. М., 2012. С. 348.
2. Дробязко С., Романько О., Семенов К. Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2011; Нерсесов Ю. Геббельс из секонд-хенда // Псевдо-история второй мировой. Новые мифы Кремля. М., 2012. С. 271.
3. Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001.
4. Буровский А.М. Мединский и война. Создатель мифов или только пособник? // Псевдо-история второй мировой. Новые мифы Кремля. М., 2012. С. 203.
5. Буровский А.М. Не вторая мировая, а великая гражданская! С. 309.
6. Исаев А.В. Три «А» о книге Владимира Мединского «Война. Мифы СССР. 1939–1945 гг.» // Псевдо-история второй мировой. Новые мифы Кремля. М., 2012. С. 16.
7. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР 1939–1945 гг. М., 2102. С. 297.
8. Гареев М.А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4; Епифанов А.Е. Ответственность за военные преступления, совершённые на территории СССР в годы Великой Отечественной войны. Волгоград, 2005.

РАЗДЕЛ 3

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО, ВОЕННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

С.М. Сивков

ВЛИЯНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг. НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КУБАНО-ЧЕРНОМОРЬЯ

Первая мировая война (28 июля 1914–11 ноября 1918) – стала одним из самых широкомасштабных вооруженных конфликтов в истории человечества начала XX в. Данное название утвердилось в историографии после начала Второй мировой войны в 1939 г. В межвоенный период употреблялось название «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre), в Российской империи ее называли «Второй Отечественной», а также неформально (до и после революции) – «германской»; затем в СССР – «империалистической» войной.

Несмотря на то, что по территории Кубано-Черноморского региона не проходили фронты Первой мировой войны, за исключением обстрела черноморских портов, ее отзвуки отразились на экономике и социальной сфере. Последствия социально-экономического кризиса в регионе усилились и в связи с началом широкомасштабной Гражданской войны на Кубани и Черноморье в конце 1917–1918 гг.

К началу войны население Кубано-Черноморья по своему этническому составу представляло довольно пеструю картину. Большие различия по национальному и религиозному признакам в условиях начавшейся войны таили в себе опасность обострения противоречий и столкновений.

С точки зрения экономического развития огромную роль для Черноморья играли порты Новороссийск и Туапсе. Новороссийск являлся вторым по величине портом на юге страны. Отсюда вывозились за границу и в российские порты значительное количество леса, хлеба, а ввозились сельскохозяйственные

машины из-за границы для всего Юго-Востока России, чай для Средней Азии. Хлеб вывозился главным образом в Германию, Голландию, Италию, Данию, Англию, Францию. Грузооборот Новороссийского порта в 1912 г. составил 84 201 тыс. пудов погрузки и 10 195 выгрузки [1]. Накануне войны в первом полугодии 1914 г. немецкие экспортеры закупили и вывезли из России через Новороссийский порт 18 783 200 пудов хлеба, что значительно превышало закупки за весь предыдущий год.

Для Черноморья с началом войны прекратился экспорт сырья в Германию, а ведь в 1913 г. 14,7 % судов, пришедших в Россию, составляли корабли под германским флагом [2]. Да и в страны Антанты его пришлось существенно уменьшить, ибо германские военные корабли блокировали морские коммуникации, а Турция, как союзница Германии, захлопнула проливы Босфор и Дарданеллы [3]. В связи с их закрытием прекратился большой каботаж и в пять раз сократился малый. Увеличились нагрузки на железные дороги. Необходимо отметить, что Турция еще до начала Первой мировой войны предпринимала меры по ограничению российского экспорта. В 1912 г. турецкое правительство повысило таможенные пошлины, а затем закрыло Дарданеллы для экспорта российского зерна при значительном урожае на Кубани [4], чем поставило производителей хлеба в критическое положение. Единственный нефтеперерабатывающий завод в Новороссийске, стоимость продукции которого составляла в 1913 г. 2 854 654 рублей, был разрушен турецкой (немецкой) бомбардировкой еще в 1914 г. А ведь его продукция вывозилась главным образом за границу [5].

Заметно снижался жизненный уровень всего населения региона. Галопирующая инфляция, рост цен, нарастающий поток беженцев пагубно сказывался на социально-экономическом положении. Если первый год войны не принес изменений в уровне жизни населения Кубанской области, то каждый последующий вносил существенные коррективы. В 1915 г. цены на основные товары подскочили на 25 % или в 1,25 раза, в 1916 г. – уже на 35 % или в 1,9 раза, а в 1917 г. – на 21 % или в 2,62 раза. Таким образом, каждый год Первой мировой войны вел к обнищанию населения. Огромными темпами росла спекуляция. В сообщении Армавирского городского головы начальнику Кубанской области от 2 июня 1916 г. отмечался рост масштабов спекуляции продуктами и прежде всего сахаром [6]. 6 июня в хуторе Тихорецком Кавказского отдела «толпа женщин и мужчин до 10 тыс. человек, преимущественно работающих в депо и железнодорожных мастерских станции Тихорецкой, на почве дороговизны разных товаров и неимения в продаже сахара произвела погром четырнадцати торговых заведений, разграбив находившиеся в них товары». Волнения прошли также в Екатеринодаре и некоторых станицах Ейского отдела [7].

По данным Кубанского жандармского областного управления, волнения охватили 20 населенных пунктов Ейского отдела, 19 – Екатеринодарского и 7 – Кавказского. Только по предварительным подсчетам в Ейском отделе было разгромлено более 38 лавок и магазинов [8]. Через несколько дней после выступления в Тихорецкой, Армавирская городская управа уведомила жителей отдельского центра о прибытии двух вагонов сахара и предложила перейти к карточному

распределению продуктов первой необходимости [9], а атаман Лабинского отдела издал циркуляр, в котором говорилось: «*считать выработку мер борьбы с дороговизной одной из важных задач настоящего тяжкого времени*» [10].

Дестабилизирующим фактором для социально-экономической и политической обстановки в регионе стала волна беженцев. По мнению ставропольского исследователя Н.Д. Судацова, «*мощное наступление, начатое Германией в мае 1915 года сорвало с мест миллионы людей. На Северный Кавказ прибыли беженцы из 24 губерний. Северного Кавказа они достигли в среднем на 69-й день, и массовое прибытие их началось в конце августа – начале сентября*» [11]. Исходя из того, что Кубанская область являлась хлебопотребляющей, можно сделать вывод, что в хлебопотребляющей Черноморской губернии положение было еще сложнее.

Не менее значительным для Кубано-Черноморья являлись потери трудоспособного мужского населения. Произошел резкий его отток из сельского хозяйства и промышленности. По оценке И.Я. Куценко, под ружье было призвано около 200 тыс. кубанских казаков, хотя данная цифра вызывает некоторое сомнение. Кубанское войско выставило 37 конных полков, 1 отдельный пластунский дивизион, 24 пластунских батальона, 51 сотню, 6 батарей, в которых было около 89 тыс. чел. [12] По оценке майкопского исследователя В.Н. Мальцева, в действующей армии в годы войны находилось свыше 107 тыс. кубанских казаков [13]. Кубанское казачество составляло около 29,7 % призванных на войну казаков России.

Сложно складывалась ситуация в Черноморской губернии. Мобилизация коснулась мужской части населения, занятой преимущественно в сельском хозяйстве, так как не все рабочие подлежали призыву в связи с выполнением военных заказов на предприятиях. Об этом косвенно может свидетельствовать сохранение количества рабочих мест в губернии.

В сельском хозяйстве Кубани четко обозначилась тенденция сокращения посевных площадей. Резко уменьшилось производство овса и ячменя, сократились и посевные площади по этим культурам. В 1915 г. сильнейший удар сельскому хозяйству Черноморской губернии был нанесен погодными условиями. Несмотря на низкий урожай, погибла четверть всех фруктов [14]. К тому же резко сократились посевные площади под табаком и виноградом.

Сложные негативные процессы происходили и в промышленности Кубани. Мировая война отрицательно сказывалась на ее развитии. В ряде случаев государство взяло на себя руководство отдельными предприятиями, например, заводом «Кубаноль» в Екатеринодаре. Но такие меры не могли предотвратить общего упадка производства, хотя в отдельных отраслях, работавших на нужды военного ведомства, они способствовали увеличению выпуска продукции [15]. Многие предприятия становились банкротами. С 1914 по 1917 гг. количество предприятий в Екатеринодаре сократилось на 49,2 %, в Ейске – на 88,5 %, в Темрюке – на 87,3 %, а в Анапе – на 92 % [16].

Отсутствие достаточного количества запасов зерновых в России привело к принятию ограничительных мер в их потреблении. Экспертная комиссия

в период деятельности Временного правительства сделала оценку состояния запасов зерновых культур урожая 1916 г. и определила нормы потребления. В Черноморской губернии для сельского населения общие нормы потребления были на 35% ниже, чем на Кубани, а кормового хлеба предполагалось оставлять в 4 раза меньше. В результате животноводство Черноморья должно было значительно пострадать [17].

Несмотря на наличие сахарных заводов, регион испытывал значительные трудности с этим видом продуктов. Как и в 1916 г., острым оставался вопрос о снабжении столицы Кубани сахаром. При норме 1,5 фунта в месяц на душу населения город получил в мае всего два вагона сахара при потребности в 112 тыс. фунтов [18]. К 20 июня 1917 г. в Екатеринодаре был получен только один вагон сахара, поступивший населению тех станиц и аулов, которые не получили этот продукт в апреле-мае. Неудачей закончилась и поездка члена Екатеринодарской управы Пушкарева в Ростов для решения проблемы с углем [19]. С 21 мая 1917 г. запрещалась выпечка белого хлеба и сдобных булок [20].

Ситуация не изменилась и с приходом большевиков. За первые шесть месяцев 1918 г. при заниженной норме в 9,5 фунтов жители Екатеринодара получили только по 5,5 фунтов. В сельских районах области положение обстояло еще хуже. В мае совет станицы Кутаисской заявил, что население не получало сахара с декабря 1917 г., на хутор Черников продукт не поступал более полугода, столько же его не было в станице Приморско-Ахтарской [21].

31 мая 1918 г. Кубанская областная комиссия приняла решение о запрете провоза хлеба частными лицами свыше 10 фунтов. Началась борьба с мешочничеством. В телеграмме за подписью Я. Полуяна доводилась депеша наркома продовольствия Цурюпы о борьбе с ходоками в хлебопроизводящих губерниях [22]. Таким образом, крестьянство и казачество лишилось возможности продавать хлеб по более высоким ценам.

В июне циркуляром № 102 809 запрещалось станицам производить пожертвования в пользу голодающих на том основании, что *«весь хлеб является собственностью государства»* [23]. Руководители ЦИК Кубано-Черноморья монополизировали торговлю не только хлебом. С конца апреля решением Кубанского СНХ вводились твердые цены на 48 наименований продуктов питания [24].

Положение в регионе дестабилизировало и отсутствие мануфактурных товаров. В местной печати ситуация оценивалась так: *«В 1917 году запасы мануфактуры сошли на нет, а цены поднялись до огромных размеров. В 1918 году мануфактура совершенно исчезла»* [25]. Нельзя сказать, что советские органы не принимали мер к разрешению этого вопроса, но их эффективность оставалась весьма незначительной. События разворачивались по тому же сценарию, что и с продовольствием. Руководство Кубано-Черноморской советской республики выработало таксу на основные виды мануфактурных товаров [26], что привело к их полному исчезновению.

Попытки вести в условиях продолжающейся войны, несмотря на Брест-Литовский мирный договор, переговоры с Москвой об обмене мануфактуры на хлеб [27] завершились неудачей. Закупленные 18 вагонов мануфакту-

ры около месяца простояли на станции Тихорецкой [28]. Частью грузы были разграблены местными советскими и военными организациями. Так, в Новороссийске 20 июня 1918 г. караул, охранявший станционные пути, разграбил вагон ниток и мануфактуры. В газете сообщалось, что «*мануфактура разрывалась на куски*» [29].

В конце июня 1918 г. из Москвы на Кубань, по сообщениям прессы, была направлена еще одна партия мануфактуры [30]. Но, как и в случае с органами власти Временного правительства, нормального товарообмена между Москвой и Кубано-Черноморьем не получилось. Анализ газетных сообщений о поступлении мануфактуры за первые шесть месяцев 1918 г. показал, что имелись сведения о прибытии всего 31 вагона [31], в то время как хлеб из региона фактически уходил безвозмездно.

В области ценообразования краевое руководство пошло тем же путем, что и большевики. Уже 14(27) августа Екатеринодарская продовольственная управа установила таксу на мясо [32]. Остались без изменений цены на хлеб. По мнению Д. Скобцова: «твердые цены в обстановке того времени, когда отсутствовали эквивалентно оплачиваемые товары, потребные населению, это искусственно пониженные цены, чтобы меньше платить земледельцу» [33].

В конце лета – начале осени 1918 г. перед Кубанью и Черноморьем остро встал вопрос о реализации хлебных излишков и получении промышленных товаров. В условиях большевистского окружения Краевое правительство попыталось спасти положение путем эквивалентного обмена с соседними регионами. С этой целью 8–10 сентября 1918 г. (по старому стилю) прошла Конференция между представителями Дона и Кубани. В заключенной между их правительствами конвенции первые обязались поставить металл, изделия из него и уголь, а вторые в обмен на это – пшеницу и растительное масло [34].

Предпринималась попытка установления экономических связей и с Грузией. Делегация Грузии прибыла в Екатеринодар для переговоров 10(23) сентября. Встреча проходила с участием представителей Добровольческой армии. Между ними и грузинами возник спор из-за Сочинского округа, что помешало решить продовольственный вопрос. Переговоры были прерваны, а соглашение не достигнуто. Позиция Краевого правительства к Грузии после срыва переговорного процесса оставалась лояльной. В выступлении Л.Л. Быча на заседании Чрезвычайной Рады 11 ноября (по старому стилю) оправдывалось пребывание грузин в Сочинском и Туапсинском округах тем, что «они снабжают казаков оружием». Л. Быч заявил: «*между Грузией и Кубанью никаких недоразумений не было и нет*» [35].

В значительной мере страдало городское население. Рос денежный дефицит в местном бюджете. Пытаясь его ликвидировать, Краевое правительство 3 сентября 1918 г. отменило ставки, установленные при советской власти. Восстанавливались тарифы ноября 1917 г. [36], что вызвало серьезное недовольство среди рабочих. Решение об аннулировании «*денег всероссийских большевистских выпусков*» [37] нанесло еще один ощутимый удар по имевшимся у населения сбережениям.

Социально-экономические преобразования, проводимые в 1914–1918 гг. первоначально правительством Николая II, Временным и Краевым правительствами, затем большевиками, позже командованием Добровольческой армии и снова Краевым правительством не дали положительных результатов. В условиях продолжавшейся Отечественной войны и начинавшейся войны Гражданской так и не удалось найти компромиссного решения, способного умиротворить основную часть населения Кубано-Черноморья ни по одному из вопросов, в том числе земельному, продовольственному и мануфактурному.

Таким образом, выйти самостоятельно из социально-экономического кризиса, вызванного Отечественной войной, ни одной из противостоявших внутри России сторон не удалось, что и привело к дальнейшей эскалации войны Гражданской и еще более усугубило его последствия для жителей Кубани и Черноморья. Социально-экономическая политика руководства Кубани и Черноморья в течение всего рассматриваемого периода носила непоследовательный, а порой и разрушительный характер. Ни сельское хозяйство, ни промышленность не смогли достигнуть довоенных показателей, практически ни по одному из показателей. Даже заключение сепаратного Брест-Литовского мирного договора между Германией и Советской Россией не смогло спасти ситуацию.

Примечания:

1. Россия в 1913 году. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 142.
2. Статистический ежегодник России. 1915 г. Пг., 1916. Отд. XI. С. 6.
3. Козлов А.И. Дон и Северный Кавказ как объект экспансии международного империализма // Империалистическая интервенция на Дону и Северном Кавказе. М., 1988. С. 54.
4. Сельское хозяйство на Кубани. Екатеринодар, 1913. С. 1.
5. Улько Г. Октябрь на Черноморье. Краснодар, 1957. С. 8.
6. Армавирский филиал Государственного архива Краснодарского края (далее – АФ ГАКК). Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 39.
7. Кирьянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 5, 12.
8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 113. Л. 1–28 (подсчет автора).
9. АФ ГАКК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 10. Л. 42, 57.
10. Отклики Кавказа. 1916. 15 июня.
11. Судавцов Н.Д. Война и проблема беженцев // Историко-культурное наследие и современность. Краснодар, 1995. С. 80.
12. Куценко И.Я. Кубанское казачество. Краснодар, 1990. С. 133.
13. Мальцев В.Н. Кубанские казаки в первой мировой войне: к постановке проблемы // Проблемы истории казачества. XVI–XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 87.
14. Козлов А.И. Борьба трудящихся Черноморья за власть Советов (1917–1920 гг.). Ростов н/Д, 1972. С. 7.
15. Октябрь на Дону и Северном Кавказе. Ростов н/Д, 1977. С. 30.

16. Козлов А.И. Дон и Северный Кавказ как объект экспансии международного империализма. С. 54.
17. Листок войны. 1917. 16 марта.
18. Там же. 7, 9 мая.
19. Там же. 20, 21 июня.
20. Проблеск. 1918. 15, 20 июня.
21. Новая жизнь. 1917. 13 мая.
22. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-975. Оп. 1. Д. 4. Л. 53. Ф. Р-1118. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Проблеск. 1918. 4 апреля.
23. ГАКК. Ф. Р-729. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
24. День рабочего. 1918. 22 апреля.
25. Кубанский кооператор. Екатеринодар. 1919. 29 мая (11 июня). № 19–2. С. 19.
26. Проблеск. 1918. 18 мая; Известия Кубанского областного ЦИК. 1918. 10 мая.
27. Проблеск. 1918. 17 апреля.
28. Там же. 5 мая; Известия Кубанского областного ЦИК. 1918. 5 апреля.
29. Проблеск. 1918. 28 мая, 26 июня.
30. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Оп. 82. Д. 3. Л. 42.
31. Проблеск. 1918. 23 июля; День рабочего. 1918. 29 апреля; Известия Кубанского областного ЦИК. 1918. 5 апреля.
32. ГАКК. Ф. Р-411. Оп. 2. Д. 296а. Л. 135а; Кубанский край. 1918. 14(27) августа.
33. Скобцов Д.Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани // Кубань. 1991. № 8. С. 69.
34. Сборник конвенций, заключенных Правительством Всевеликого Войска Донского и Кубанского края на Екатеринодарской конференции 8–10 сентября 1918 года. Екатеринодар, 1918. С. 48–49.
35. Кубанская Чрезвычайная Рада. Стенографический отчет. Вып. II. Екатеринодар, 1918. С. 372–373.
36. Екатеринодар – Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар., 1993. С. 427–428

А.Н. Еремеева, А.П. Параскевотуло

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЮГА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одним из последствий Первой мировой войны стало изменение географии культуры. С западных территорий Российской империи вглубь страны, в том числе на юг, эвакуировались учреждения образования, науки, культуры. В Ростов-на-Дону переехал Варшавский университет (до этого в одном из крупных коммерческих центров России не было ни одного вуза), несколько месяцев в этом же городе располагалась эвакуированная Киевская консерватория во главе с Р.М. Глиэром. В Новочеркасск перебазировалась псковская Художественно-промышленная школа Н.К. Фан-дер-Флита, в Харьков с поль-

ских территорий – Новоалександрійский институт сельского хозяйства и лесоводства. И этот список можно продолжить.

Перспектива эвакуации крупных университетов, правительственные проекты организации новых вузов стимулировали соперничество российских городов за право стать вузовским центром. По инициативе общественности, органов городского самоуправления, администрации создавались соответствующие структуры, составлялись аргументированные ходатайства с обоснованием необходимости подготовки в регионе кадров высшей квалификации, подтверждением наличия материальной базы, культурной инфраструктуры и т.д.

Желая скорейшего переезда в Воронеж Юрьевского университета, составитель соответствующего доклада даже упомянул о том, что близость Воронежа к Украине *«порождает появление даровитых великорусских – малорусских помещей среди воронежских уроженцев»*, поэтому воронежская молодежь больше других способна к учебе в университете [1]. В ходатайстве Екатеринодарской городской думы о переводе в столицу Кубани *«находящегося временно в Харькове»* Новоалександрійского института сельского хозяйства отмечалось, что *«собственный рассадник высшего образования»* будет способствовать превращению Кубанской области в русский Тироль, *«могущий завалить Россию и соседние страны продукцией плодоводства»*. В центре Екатеринодара для будущих зданий института планировалось отвести 20 десятин земли, а в пригороде – 200 десятин для учебного хозяйства [2].

В газетах военного времени, наряду со сводками о ходе боевых действий, публиковались, казалось, несвоевременные заметки о подготовке к открытию новых вузов. «Кубанские ведомости» в июне 1916 г. в рубрике «Кавказские вести» сообщали об объединенном совещании члена комиссии по народному образованию Милютина, других компетентных лиц, в том числе представителя Августейшего наместника на Кавказе – попечителя Кавказского учебного округа Н.Ф. Рудольфа по вопросу об учреждении Тифлисского политехникума [3].

Не все проекты военного времени воплотились в жизнь (например, Новоалександрійский институт так и не переехал в Екатеринодар), однако их можно рассматривать как импульс, породивший вузовский «бум» 1918–1919 гг. Появление новых вузов, факультетов, кафедр в российских регионах вызвало переезд туда столичных молодых талантливых ученых, надеявшихся на быстрое получение профессорских должностей и возможность возглавлять кафедры. Такого рода культурная миграция не могла не воздействовать на интеллектуальную атмосферу провинциальных городов.

Большинство российских ученых в годы войны видело свой первостепенный патриотический долг в военной мобилизации науки, в содействии милитаризации научно-технических, химических, медицинских разработок, идеологической поддержке воюющей страны. Как верно заметил историк науки А.Б. Кожевников, бывшие «чистые» академики обращались к важной в экономическом и военном отношениях работе, создавая базу для новых исследовательских институтов, подготавливая программы и предложения для расширенной послевоенной деятельности по всем направлениям [4].

Для достижения сырьевой независимости военной промышленности и мобилизации ресурсов, необходимых для обороны, была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС), председателем которой в октябре 1915 г. был избран минералог и геохимик В.И. Вернадский. Центральное место в работе КЕПС занимали проблемы обеспечения фронта и тыла стратегическим сырьем. Ученые выезжали в геологические экспедиции, решали вопросы продовольственного снабжения и т.д. Результаты исследований они обобщали в серийных изданиях КЕПС: «Естественные производительные силы России», «Богатства России», «Отчеты о деятельности КЕПС» и др. [5].

Коммуникация столичных и провинциальных ученых активизировалась в связи с деятельностью экспедиций КЕПС, Военно-химического, Геологического комитетов, а позже – учреждений, созданных по инициативе Временного правительства. В 1916–1917 гг. на Таманском полуострове работала комиссия в составе академика Н.И. Андрусова, профессора (будущего академика) А.Е. Ферсмана, Э.А. Штебера (впоследствии основавшего кафедру химии в Северо-Кавказском институте цветных металлов во Владикавказе). Выяснялась возможность добычи бора, йода и серы, а также использования метановых струй в районе Темрюка. В связи с обнаружением запасов природного газа был построен электрохимический завод. Работа комиссии привлекла внимание местных специалистов, дала толчок дальнейшим научным изысканиям, уже под патронажем областных властей.

На Кубани проходили экспедиции по исследованию природных богатств с целью поставки сырья заводам Главного артиллерийского управления, располагавшимся на Северном Кавказе. Участники экспедиции – в основном местные специалисты – были хорошо осведомлены об аналогичной деятельности КЕПС в различных регионах, знакомы с оперативно публиковавшимися и аккуратно рассылавшимися в провинцию отчетами Комиссии, а также Геологического комитета. В то же время в «Трудах» Императорского Русского технического общества (ИРТО) за 1915 г. приводились сообщения, опубликованные в «Известиях Общества любителей изучения Кубанской области».

В фондах Редакционного комитета КЕПС отложилась переписка руководителей Комитета с учеными юга России и документы об изучении природных ресурсов региона. Интересен доклад приват-доцента Дыбского и студента Григоровича «Йод на Керченском и Таманском полуостровах» с подробным описанием грязевых вулканов на косе Чушка, мысе Малые пеклы, у Бугазского гирла (40 верст западнее Анапы), вулканов «Синяя балка», «Цимбалы» у станции Ахтанизовской и др. По мнению составителей доклада, гора Гнилая у Темрюка *«может служить для лечебных целей, для получения чистого йода»* [6]. Копия доклада была отправлена академику В.И. Вернадскому.

По инициативе КЕПС профессор Донского политехнического института П.П. Сущинский написал очерк «Месторождение вольфрамов и оловянных руд в России». 12 ноября 1915 г. П.П. Сущинский в письме сообщал А.Е. Ферсману, что заканчивает данный труд [7]. А уже в 1916 г. 45-страничный иллюстрированный очерк был издан в Петрограде. В.М. Будрик – химик управления

Кавказскими минеральными водами, исследовавший процессы грязеобразования на Тамбуканском озере, предоставил в распоряжение КЕПС *«все материалы о соленых бромо-иодистых родниках»* [8].

В январе 1916 г. КЕПС и Военно-химический комитет провели совместное заседание, посвященное *«природе майкопской нефти и возможности ее использования для некоторых социальных задач»*. На заседание из Екатеринодара в Петроград по приглашению академика Н.С. Курнакова прибыл горный инженер В.И. Винда. В докладе *«Майкопский нефтеносный район»*, а впоследствии в письме академику В.И. Вернадскому Винда изложил собственное видение вопроса [9].

Большую роль в поиске полезных ископаемых сыграл блестящий знаток геологии Кавказа В.Н. Робинсон. В.И. Вернадский после знакомства с материалами В.Н. Робинсона по изучению каменного угля Кубанского края записал в дневнике: *«Робинсон работал в Геол[огическом] музее Академии еще при Чернышове через В.И. Воробьева, местного екатеринодарца. В 1916 г. он вместе с Никшичем нашли [на Кубани] камен[ный] уголь в тех же каменноуг[ольных] слоях, как и донецкий. Помню то впечатление, какое сделало это открытие. Это один из тех крупных результатов, подобно новгородским бокситам, забайкальск[им] висм[утовым] рудам и т.д., которые дала нам научная работа после 1915 в эпоху изучения произв[одительных] сил страны»* [10].

В годы войны в среде научной общественности развернулось широкое движение за создание и усовершенствование русских лечебных местностей. 6 января 1915 г. в Петербурге был проведен съезд Императорского Русского Технического общества. Работа съезда была направлена на то, чтобы *«освободить русских больных от необходимости ездить на заграничные курорты и положить начало упорядочению русских курортов»*. На помощь должны были прийти как частная инициатива, так и общественные организации [11]. Для объединения усилий технических организаций в войне ИРТО учредило Комитет санитарно-технической помощи участникам войны. Комитет осуществлял материальную помощь и образовал особую комиссию для технического содействия в войне. Кубанское отделение ИРТО *«способствовало производству необходимых материалов для облегчения развития нужных отраслей промышленности, организовывало ремонтные мастерские, предпринимало различные меры по предохранению войск от болезней»* [12].

Кубанское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности, действовавшее с 1912 г., выступило инициатором объединения *«прогрессивных сил Кубани, стремившихся найти выход из критического положения экономики края в годы Первой мировой войны»*. В 1915 г. Общество приняло решение об учреждении почвенного и метеорологического комитетов. Перед первым была поставлена задача по созданию почвенной карты области, а перед вторым – устройство самостоятельной метеорологической сети. Кубанское общество сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности не только создало комитеты, но и направило своих представителей в местные структуры власти – в военно-промышленный комитет председателя совета А.К. Коля, в комитет о беженцах – С.М. Мащенко [13].

В годы войны Общество вело широкую издательскую деятельность. С декабря 1915 г. по сентябрь 1917 г. ежемесячно выходил «Вестник Кубанского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности», имевший целью *«свести вместе знание и труд агронома и хозяина для общей работы над укреплением и развитием»* экономики края. В журнале помещались статьи и материалы А.И. Бахметенко, В.Я. Бибилашвили, Л.Н. Демьяненко, А.И. Комянченко, С.Т. Костенко, С.Ф. Манжулы, В.Д. Савицкого, В.С. Турищева, А.В. Отрыганьева (стоявшего у истоков Екатеринодарской лаборатории опытного табаководства), А.А. Червонецкого, А.Д. Юдина и др. Именно в этом издании был опубликован очерк будущего действительного члена АН СССР и ВАСХНИЛ В.С. Пустовойта *«Результаты опытов по испытанию сортов озимой пшеницы в Кубанской войсковой сельскохозяйственной школе в 1915 г.»*

Продолжалась деятельность научных учреждений сельскохозяйственного профиля, несмотря на призыв молодых сотрудников в действующую армию. Как сообщал директор лаборатории А.В. Отрыганьев члену Кубанского краевого правительства по делам земледелия 13 января 1918 г., *«хотя Лаборатория табаководства и является специальным научным опытным учреждением по табаководству, но работы ее в значительной мере охватывают и общие сельскохозяйственные вопросы, и вопросы по основному естественноисторическому исследованию края. В этом отношении ею исполнено: обследование почв 3-х отделов Кубанской области и закончена сводка материалов по характеристике климата всей Кубанской области. В 1918 г. Лаборатория табаководства станет во главе крупной опытной организации по постановке опытов с подсолнечником, в состав которой входит, кроме постоянных опытных участков (лаборатория табаководства, войсковая сельскохозяйственная школа, Кубанская войсковая опытная станция и другие) – до 60 участков. В химической лаборатории в большом масштабе произведены исследования общего сельскохозяйственного характера: подверглись анализу образцы хлебов, свеклы, подсолнечника разных мест Кубанской области. Кроме того, выполнен ряд работ для нужд военного ведомства в связи с деятельностью местного артиллерийского завода»* [14].

В 1916 г. на опытно-селекционном поле «Круглик» при Кубанской войсковой сельскохозяйственной школы В.С. Пустовойтом был выведен новый сорт подсолнечника, который вскоре получил широкое распространение на Кубани [15]. На Сочинской сельскохозяйственной и садовой опытной станции проводились исследования по декоративному садоводству и цветоводству. Изучался почвенный покров уникальной субтропической зоны: влажность почвы, процессы нитрификации, состав грунтовых вод [16].

Как известно, свой вклад в победу над врагом старались внести и представители гуманитарных наук. В газетах и журналах печатались публицистические сочинения, посвященные военной теме, читались публичные лекции. Общество любителей изучения Кубанской области (ОЛИКО) в годы Первой мировой войны играло активную роль в организации культурной жизни региона: сохранении, репродуцировании, распространении ценностей науки и искусства. Война оказала негативное влияние на экономические возможности ОЛИКО, но не приостановила его активную научную деятельность [17].

ОЛИКО принимало непосредственное участие в обслуживании нужд военного времени. Оно снабжало раненных, прибывших в Екатеринодар, книгами по кубановедению, организовывало для них экскурсии по осмотру достопримечательностей Кубани. На девяти заседаниях общества в 1914 г. были заслушаны доклады А.И. Литовкина «Общественные организации помощи раненым воинам и их семьям в Екатеринодаре», Б.М. Городецкого «О порядке открытия местных отделов Всероссийского общества развития и усовершенствования русских лечебных местностей», А.К. Коля «Предстоящие задачи Кубанской сельскохозяйственной выставки» и др.[18]

В декабре 1917 г. (еще до установления на Кубани советской власти) возник Совет обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), объединивший представителей различных областей знания. СОИКК представлял собой по статусу и характеру деятельности нечто среднее между научным обществом и исследовательским институтом. Подобные учреждения были основаны и в других регионах бывшей Российской империи. Так, Таврическая научная ассоциация, созданная в том же 1917 г., объединила многочисленные крымские естественнонаучные и гуманитарные научные учреждения.

В целом, кризис, вызванный Первой мировой войной, осознание необходимости расширения и модернизации высшего образования, бурное развитие прикладной, ориентированной на войну, науки, миграция научных учреждений и вузов из западных регионов, активная коммуникация столичных и провинциальных ученых способствовали «интеллектуализации» многих российских регионов, в том числе и южнороссийского. Процесс этот получил продолжение в годы революции и Гражданской войны вследствие массовой миграции интеллигенции из столиц на окраины бывшей Российской империи.

Примечания:

1. Карпачев М.Д. Воронежский университет: вехи истории. 1918–2003. Воронеж, 2003. С. 46.
2. Кубанская мысль (Екатеринодар). 1915. 10 октября. С. 2.
3. Кубанские ведомости (Екатеринодар). 1916. 10 июня. С. 3.
4. Кожевников А.Б. Первая мировая война, Гражданская война и изобретение «большой науки» // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 97.
5. Колчинский Э.И. Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX в. (между либерализмом, коммунизмом и национал-социализмом). СПб., 2006. С. 170.
6. Петербургский филиал Архива Российской академии наук. Ф. 132. Оп. 1. Д. 113. Л. 65–73.
7. Там же. Л. 28.
8. Там же. Л. 34.
9. Архив Российской академии наук. Ф. 518. Оп. 3. Д. 333. Л. 1–3.
10. Вернадский В.И. Дневник. 1917–1921. Кн. 1. Киев, 1994. С. 203–204.

11. Труды Кубанского Отделения Русского Технического общества. Съезд по улучшению отечественных лечебных мест. Екатеринодар, 1915. Вып. 5. С. 36–37.
12. Там же. С. 5–6.
13. Бридня О.П. Работа Кубанского сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности в годы Первой мировой войны // Российское общество и войны XX века: материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2004. С. 24.
14. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 37. Л. 1об.
15. Пустовойт В.С. Краткий обзор работ с масленичным подсолнечником за период 1912–1925 гг. Краснодар, 1926. Вып. 38. С. 13.
16. Субтропики и южное садоводство России. Науч. тр. межд. науч.-практ. конф. ВНИИЦиСК. Вып. 42. Т. 1. Сочи, 2009. С. 5; Малоюкова Л.С., Бушин П.М. Итоги работы лаборатории агрохимии и почвоведения за 110-летний период и перспективные направления агрохимических исследований // 110 лет в субтропиках России: сб. науч. тр. Вып. 39. Сочи, 2004. Ч. 1. С. 39.
17. Золотарева И.Д. Роль интеллигенции в патриотическом воспитании на Кубани в годы Первой мировой войны // Российское общество и войны XX века. С. 48.
18. Ратушняк Т.В. Краеведческая деятельность на Кубани в годы Первой мировой войны // Российское общество и войны XX века. С. 218.

А.И. Тетюев

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Война многонационального Советского Союза против нацистской Германии была отечественной для всех его народов. Каждый из них внес посильный вклад в борьбу с фашизмом. Укрепление братского содружества советских народов в период войны было важнейшей идеологической задачей. Вместе с тем, на практике именно накануне и в период войны была нарушена социалистическая законность в сфере межнациональных отношений и осуществлена депортация некоторых народов СССР.

Исследование опыта национальной политики СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны представляется актуальным. Этот опыт позволяет оценить, во-первых, меры использования государством национального фактора в решении социально-политических и военных проблем, реагирования на процессы, происходящие в национальных отношениях в «экстремальные» периоды истории, во-вторых, взаимовлияние мер национальной политики противостоящих сторон, в-третьих, истоки ряда современных межэтнических

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 12-11-07007 а/Ю «Проблемы зарубежной диаспоры карачаевцев и балкарцев: возникновение, эволюция и современность».

конфликтов и проблем в межгосударственных отношениях на пространстве бывшего СССР. Поэтому изучение и обобщение форм и методов реализации национальной политики в период Великой Отечественной войны имеет большое научно-практическое значение.

Анализ социально-экономического развития СССР накануне войны показывает, что обстановка в стране была неоднозначной, отдельные упущения вызывали недовольство проводимой национальной политикой. И утверждения известного партийного и государственного деятеля А.А. Андреева в 1935 г., что *«национальный вопрос в нашей стране может считаться окончательно решенным»* не отражало действительного положения вещей. Официально признавалось наличие двух тенденций – расцвета и сближения наций. Политика государства была ориентирована на форсирование межнационального сближения. Из принципа интернационализма оказалось изъятым национальное начало, а его реализация всецело подчинялась классовой идее. На деле «интернациональная помощь» нередко означала навязывание народам чуждых им моделей жизнеустройства; ускоренный подъем окраин страны одновременно наносил ущерб национальному развитию, как русского, так и других народов.

Накануне войны определенные противоречия имелись в политической, экономической, социальной и духовной жизни советского общества. В сфере политической главными недостатками были слабость, половинчатость процесса демократизации, постепенное усиление роли партийного аппарата, перенявшего в значительной части функции советов – органов власти трудящихся, длительное господство военно-командных методов управления. На характере взаимоотношений наций и народностей сказалось и грубое искажение самого смысла и облика социализма, утверждение под видом федерации жесткого централизованного государства. Отрицательно сказывалась и некоторая национальная отчужденность, отсутствие истинного доверия ранее угнетенных народов проводимым советским правительством мерам. В том же ряду стоит и неполное использование трудовыми массами, ввиду их хозяйственной и культурной отсталости, своих прав, хотя оно и было провозглашено.

В экономической сфере главной причиной являлось недовольство, в основном, крестьянского населения (а оно было преобладающим, особенно в районах, народы которых подверглись позднее депортации) проводимыми мерами по переводу мелкотоварного хозяйства на коллективные рельсы, когда полностью игнорировались ленинские принципы добровольности, недопустимости принуждения, отсутствие учета местных особенностей и традиций. Ленинская идея постепенного кооперирования крестьянства подменялась ориентацией на чуждые социализму методы и жесточайший командно-административный террор, грубую силу, которые не могли не вызвать сопротивление.

Острые противоречия в духовной среде были связаны с фактором поликонфессиональности. Пренебрежительное отношение к религии, как в национальных регионах, так и в русских, приводило к отрицательным результатам. Превалирующим оставался метод прямого отрицания и проведение жесткими мерами декрета об отделении государства и школы от церкви. К недостаткам

работы в духовной сфере нужно отнести и откровенные упущения в официальной пропаганде. Расхождение слова и дела в некоторых сферах общественной жизни, восхваление отдельных сторон действительности, а также формализм в агитационной деятельности (порой и полное ее отсутствие во многих национальных районах) приводили к искаженному восприятию идеи дружбы народов. Этому способствовал и догматизм, ограниченность всей идеологической работы пропагандой марксистско-ленинского мировоззрения, на деле сводившейся только к изучению произведений Сталина.

В сфере социальной имели место отступления от соблюдения принципа справедливости, отмечалось обострение национальных отношений, усугубляемые проведением репрессивных акций. Все эти факторы способствовали дестабилизации обстановки в национальных районах страны, обостряли криминальную ситуацию. В некоторых регионах страны активизировались действия бандитских групп, враждебные акции которых начинались еще в период проводимой коллективизации.

Развязывая войну против СССР, гитлеровцы возлагали большие надежды на то, что первые же неудачи Красной армии вызовут межнациональные распри, и многонациональное советское государство быстро распадется. Для достижения этой цели они стремились использовать националистические идеи. Некоторые националисты задолго до войны пошли на службу к иностранным разведкам. С началом войны они развернули на оккупированной гитлеровцами территории СССР националистическую пропаганду под флагом борьбы за «самостоятельность», «отделение от Москвы». Были созданы Организации украинских националистов, Белорусская центральная рада, Латышское и Эстонское самоуправление, «Особая партия кавказских братьев» и другие националистические организации. Руководители этих организаций и созданные ими вооруженные банды помогали осуществлять грабежи и разбои, террор и насилие над советскими людьми [1].

Германия старалась избежать сопротивления кавказских народов и даже привлечь их на свою сторону, разработав довольно либеральную политику, представлявшую возможность организации местного самоуправления. Планируя захват Кавказа, германское командование забрасывало сюда диверсионные и террористические группы. Среди части местного населения получило распространение уклонение от призыва в Красную армию, дезертирство. В числе главных целей партии «Кавказских братьев» назывались: ускорение гибели большевизма на Кавказе во имя поражения России в войне с Германией; создание по мандату Германской империи на Кавказе свободной федеративной республики; выселение из региона русских и евреев [2]. Но ход событий опрокидывал расчеты врага, показывал беспочвенность и несостоятельность его надежд. В борьбе с фашистскими захватчиками крепло политическое, военное и экономическое сотрудничество народов страны. Этому способствовала и пропаганда национального единства, направленная на защиту Отечества.

Поражения первых месяцев войны, многочисленные попытки противника дестабилизировать советский режим, используя политическое, национальное и социальное недовольство населения, оказало воздействие на некоторые

аспекты сталинской идеологии. Русские ценности, национальные и патриотические, реабилитированные во второй половине 1930-х гг., с новой силой прозвучали в речи Сталина от 3 июля 1941 г. Отказавшись от слова «товарищи», звучащего слишком по-революционному, Сталин избрал традиционное обращение к народу, которое на протяжении веков звало к национальному единению: *«Братья и сестры! Смертельная опасность нависла над Отечеством»* [3]. Ссылки на великий русский народ *«Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова»* прочно заняли свое место в идеологическом контексте «священной войны». Принимая 7 ноября 1941 г. парад уходивших на фронт войск, Сталин призвал их вдохновляться в сражениях *«мужественными образами наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Суворова и Кутузова»* [4]. Восстановление традиционных ценностей в армии, окончательный отказ от института политкомиссаров в пользу принципа единоначалия были шагами в том же направлении [5]. Вместе с тем последовательно проводилась мысль о том, что именно русский народ – первый среди равных – несет основную тяжесть Великой Отечественной войны. Чтобы нейтрализовать адресованную нерусским меньшинствам фашистскую пропаганду, подчеркивались исторические связи, объединившие Россию с другими народами, прославлялись такие исторические личности, как Богдан Хмельницкий, присоединивший Украину к России. В советских и партийных аппаратах республик в эти годы снова стали выдвигаться национальные кадры [6].

Использовались и другие стимулы для подъема чувства национальной гордости нерусских народов страны. В противоположность обычной, всегда практиковавшейся политике в области строительства вооруженных сил, были сформированы несколько национальных соединений, укомплектованных гражданами отдельных союзных или автономных республик. Так, по решению Государственного комитета обороны СССР в ноябре 1941 г. в Киргизской, Таджикской, Туркменской, Узбекской союзных, Башкирской, Калмыкской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской автономных республиках были сформированы 20 кавалерийских дивизий и 15 отдельных стрелковых бригад. В значительной степени они оснащались за счет местных бюджетов [7].

Политика национального единства нашла отражение также в компромиссе с Русской православной церковью. Антирелигиозная пропаганда была прекращена сразу же после начала войны как ответ на лояльность высших церковных властей. Два самых авторитетных митрополита, Московский – Сергей и Ленинградский – Алексей, призвали верующих молиться и сражаться за победу. В ноябре 1942 г. эти религиозных деятеля были удостоены первых официальных наград. В сентябре следующего года они были приняты Сталиным и получили разрешение на восстановление руководящих органов церкви. Был создан Собор, на котором Сергия избрали патриархом, образован синод. Одновременно был учрежден новый правительственный орган – Совет по делам православной церкви, на который возложили задачу сотрудничать с церковны-

ми властями (и надзирать за их деятельностью). Впервые были отпущены средства на ремонт нескольких храмов [8]. Аналогичные послабления, хотя и меньшего масштаба, были сделаны в отношении других вероисповеданий, прежде всего мусульманства. В октябре 1943 г. в Ташкенте было создано Центральное управление мусульман. Избрание муфтия, засвидетельствовавшее в глазах правозащитников добрую волю советской власти в отношении ислама, нарушило немецкие планы в Крыму и на Кавказе [9].

Патриотизм, большая терпимость, антифашизм – все эти компоненты политики СССР вызвали отклик и далеко за его пределами. Они углубили, в частности, уже существовавшее размежевание в русской послереволюционной эмиграции, насчитывавшей около 1 млн чел., в том числе 400 тыс. чел. во Франции. Нацистской Германии удалось завербовать к себе на службу лишь меньшую часть эмигрантов, самых оголтелых и готовых на все ради мести [10].

Наряду с мерами, направленными на объединение всего советского общества на защиту Отечества, режим Сталина предпринял злобные акции, связанные с наказанием целых народов. Политика репрессий против отдельных национальных групп в СССР отрабатывалась еще в предвоенный период, и находилось в зависимости от отношений с тем или иным государством. Так, еще до войны были выселены из районов их проживания советские корейцы, в 1939–1941 гг. – поляки. С началом войны депортации подверглись советские немцы и финны. В виде превентивной меры была ликвидирована автономная республика немцев Поволжья. Из-за подозрения, что захватчики получают поддержку с их стороны, все население республики (свыше 300 тыс. чел.) было согнано со своих земель и выслано в различные области Сибири и Казахстана. Всего за 1941–1942 гг. из Поволжья, Украины и Крыма было депортировано 1,2 млн немцев. Из них формировались трудовые армии и рабочие колонны, занятые на строительстве заводов и железных дорог.

В 1943–1944 гг. были депортированы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары. Все эти народности были лишены автономных государственных образований. В нарушение Конституции СССР были упразднены Карачаевская АО, Калмыцкая АССР, Чечено-Ингушская АССР, Крымская АССР, а Кабардино-Балкарская АССР переименована в Кабардинскую АССР. В Указах Президиума Верховного Совета СССР содержалась единая формулировка обоснования репрессивных мер – измена Родине, вступление в организованные немцами вооруженные отряды, оказание оккупантам помощи в качестве проводников на Кавказских перевалах, участие в бандформированиях на освобожденных территориях. Без попыток выяснения индивидуальной ответственности депортации подлежало все население указанных национальностей. Независимо от возраста или поведения все они, и коммунисты, руководители местных советов, были насильно выселены в малонаселенные районы Сибири и Средней Азии, где им пришлось селиться разрозненными группами.

По данным НКВД, к осени 1944 г. общее число выселенных за время войны составило 1 514 000 чел. Многие представители репрессированных народов –

карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы – воевали в рядах Красной армии. Однако репрессии затронули и их. По всем фронтам были изданы специальные приказы о направлении их на поселение или аресте по обвинению в измене родине. У них изымались военные билеты, им запрещалось ношение погон [11].

Балкарцы и карачаевцы были разбросаны на огромных просторах Средней Азии и Казахстана. В марте 1944 г. в Казахстане было расселено 25 тыс. балкарцев и 45,3 тыс. карачаевцев, в Киргизии – 15 тыс. балкарцев и 22,9 тыс. карачаевцев. Отдельные группы были направлены в Узбекскую ССР, Таджикскую ССР, Иркутскую область и в районы Дальнего Севера. Всего на спецпоселении в сентябре 1944 г. находилось 39,4 тыс. балкарцев и 78,8 тыс. карачаевцев [12].

Главная цель депортаций заключалась в предупреждении и профилактике возможных негативных проявлений, возникновения очагов нестабильности и социальной напряженности, представлявших угрозу государственной безопасности. Кроме того, депортации мусульманских народов были осуществлены с учетом планировавшихся сталинским режимом антитурецких акций, в том числе военных операций. Сталина настораживали не столько военные возможности основной массы мусульманских народов Северного Кавказа, тюркских народов Южного Кавказа и Крыма, сколько их возможная консолидация и солидарность против планов СССР в отношении Турции.

Проводя переселенческую политику, советское государство преследовало и экономические цели. Ставилась задача освоения трудодефицитных регионов страны путем увеличения численности населения и повышения производительности за счет дешевой рабочей силы. Неслучайно основными ареалами вселения депортированных были малозаселенные прежде Казахстан, Средняя Азия, Западная Сибирь.

Акцию депортации народов нельзя было оправдать даже ссылками на требования войны. Поэтому она была проведена без официального оповещения и достоянием гласности стала лишь 12 лет спустя, когда о ней рассказал Н.С. Хрущев в своем докладе на XX съезде партии. Лишенные государственности, репрессированные народы были переведены в статус спецпереселенцев, что имело тяжелые последствия для всей их последующей истории [13]. Бесправное юридическое и тяжелое социально-экономическое положение спецпереселенцев закреплялось нормативными актами высших органов государственной власти, противоречащими Конституции СССР 1936 г. Изменения территории проживания и природно-климатических условий, уклада жизни и питания резко повысили смертность, привели к негативным демографическим последствиям. По официальным данным, за 13 лет ссылки погибли 26,5 % депортированных балкарцев и карачаевцев. Однако в реальности эта цифра была значительно выше, так как применявшиеся методики подсчета не учитывали воспроизводства численности спецпереселенцев за счет воинов, демобилизованных по завершению Великой Отечественной войны, лиц, освобожденных из мест заключения, сосланных в 1930-х гг. кулаков. Поэтому демографические потери балкарцев составили 18,9 тыс. чел. (48 % депортированных), карачаевцев – 27,2 тыс. чел. (34 %) [14].

В новых местах жительства репрессированные народы объективно находились под угрозой исчезновения в силу тяжелых условий жизни и дисперсного расселения на огромной территории. Но попытка тоталитарного режима рассеять и ассимилировать народы привела в действие защитный механизм самосохранения этносов. Жизнестойкость, выносливость, сила воли, трудолюбие, высокий уровень толерантности, чувство собственного достоинства, коллективистский характер балкарцев и карачаевцев и их традиционной культуры, а также понимание со стороны местного населения обеспечили сохранность этносов и их этнокультурную целостность.

Смягчение режима спецпоселений и перемены в судьбах репрессированных народов наступили после XX съезда КПСС в 1956 г. В конце 1950-х гг. необоснованные обвинения с депортированных народов были сняты. 9 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указы «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР», «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область», «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». Была восстановлена государственность балкарского, карачаевского, чеченского и ингушского народов. Они возвратились на свою историческую родину [15].

Верховный Совет Кабардино-Балкарской Республики преобразовал 28 марта 1957 г. Кабардинскую АССР в Кабардино-Балкарскую АССР. В 1957–1959 гг. возвратились на историческую родину 9 327 балкарских семей, общей численностью в 35 274 чел. [16]. В Карачаево-Черкесскую автономную область вернулось 20 514 семей, 73 442 чел. [17].

Таким образом, одним из основных источников победы в Великой Отечественной войне стала политика национального единства, обеспечившая тесный союз народов СССР. Героями Советского Союза стали представители более 100 наций и народностей страны. Вместе с тем, в национальном вопросе были допущены серьезные ошибки, деформации и даже преступления. В нарушение социалистической законности в период войны отдельные народы были депортированы. Сталинский режим исходил из собственных представлений о национальной безопасности и геостратегических интересах страны.

Примечания:

1. Боффа Дж. История Советского Союза / Пер. с итал. М., 1990. Т. 2. С. 160; Касаткин М.А. В тылу немецко-фашистских армий. М., 1980. С. 31.
2. Алиев К.-М.И. В зоне Эдельвейса. М.–Ставрополь, 2005. С. 38–48.
3. «Совершенно секретно! Только для командования». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 150.
4. Верт Н. История советского государства. 1990–1991 / Пер. с фр. М., 1992. С. 285.
5. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1973. С. 218; Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1973. С. 253–254.
6. Верт Н. Указ. соч. С. 285.
7. История КПСС. М., 1970. Т. 3. Кн. 1. С. 311.

8. Куроедов В.Н. Из истории взаимоотношений Советского государства и церкви // Вопросы истории, 1973. № 9. С. 28–29.
9. Верт Н. Указ. соч. С. 287.
10. Боффа Дж. Указ. соч. С. 162–163.
11. Новейшая история Отечества. XX век: учебник для студентов вузов. М., 1998. Т. 2. С. 207–208.
12. Сабанчиев Х.-М.А. Балкарцы: выселение и возвращение. Нальчик, 2008. С. 132, 291, 292, 297; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 20.
13. Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004. С. 125; См. также: Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998; Аккиева С.И. Развитие этнополитической ситуации в Кабардино-Балкарской республике (постсоветский период). М., 2002 и др.
14. Сабанчиев Х.-М.А. Указ. соч. С. 132; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 20.
15. Шабаяв Д.В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик, 1994. С. 215–218.
16. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья... Нальчик, 1996. С. 78.
17. Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993. С. 143–144.

Ю.Ю. Клычников

ИСПЫТАНИЕ БЕДОЙ: ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для советской политики на Северном Кавказе. В ряды Красной армии были призваны тысячи выходцев с территории региона, многие из которых героически воевали против общего врага и были награждены орденами и медалями. Однако вскоре были изданы постановления ГКО и директивы НКО, ограничивавшие призыв в действующую армию представителей северокавказских народов (за исключением осетин), что мотивировалось их недостаточной благонадежностью. Эти ограничения не коснулись тех, кто уже находился на фронте [1]. Принятие подобных шагов объяснялось срывом мобилизационного плана и массовым дезертирством в национальных республиках. Уже в начале войны командование предпочитало укомплектовывать формировавшиеся части преимущественно славянским контингентом. Остро нуждаясь в пополнении и организуя призыв в ряды Красной армии после освобождения временно оккупированных врагом территорий, оперативные группы военкоматов ограничивались набором лишь представителей

«европейских» национальностей, в которые включали русских, украинцев, белорусов, евреев [2].

Из Главного управления формирования и укомплектования войск 29 июня 1943 г. поступило жесткое распоряжение: *«Карачай, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия, Дагестан, Северная Осетия – не горские национальности подлежат перерегистрации; горцев не перерегистрировать и не призывать»*. В итоге к ноябрю 1943 г. действующая армия недосчиталась около 95 тыс. чел. Этой практики будут придерживаться вплоть до конца войны. Узнав об отмене призыва, с фронта домой потянулись военнослужащие-карачаевцы. Как благо расценили это многие чеченцы и ингуши [3].

В качестве альтернативы обязательному призыву выступала добровольческая практика. Она имела разные результаты. Если в Адыгейском добровольческом кавалерийском полку и 115-й Кабардино-Балкарскую кавалерийскую дивизию проблемы с новобранцами не было, то формирование 114-й Чечено-Ингушской кавалерийской дивизию закончилось провалом. Из-за массового дезертирства она была преобразована в 255-й кавалерийский полк, но и это не изменило ситуации. Впрочем, были и исключения. Бросается в глаза поступок жителя селения Базоркино Магомеда Яндиева. Он был прапорщиком императорской армии и в годы Первой мировой войны награждался Георгиевскими крестами за проявленные в сражениях мужество и героизм. Когда встал вопрос о необходимости защищать Отечество, старый солдат потребовал, чтобы и его записали в число добровольцев. Но такого рода мировоззрение имели далеко не все его земляки. В селении, насчитывавшем более 1 тыс. дворов, на призывной пункт явилось 4 чел. [4].

Чтобы набрать «добровольцев» стали применять их конвоирование к призывным пунктам, брали заложников из числа родственников и т.п. В итоге, *«к середине марта 1943 г. по Чечено-Ингушетии удалось мобилизовать 4208 человек, прежде всего чеченцев. В войска (112-й запасной стрелковый полк и 30-ю кавалерийскую дивизию) удалось отправить только 1850 чел.»*. Большую сознательность проявляли дагестанцы, что было отмечено командованием в качестве примера удачной работы местных партийных органов [5]. Увы, судьба национальных формирований оказалась трагичной. Летом 1942 г. их вынуждены были использовать в безуспешной попытке остановить гитлеровские танки при ликвидации плацдарма на левом берегу Дона. В результате понесенных потерь и 115-я кавалерийская дивизия, и 255-й кавалерийский полк прекратили свое существование. Часть оставшихся в живых бойцов посчитали свой воинский долг выполненным и, пользуясь близостью родных мест, разошлись по домам. Некоторые из них в дальнейшем скрылись в горах и оказались в рядах бандформирований [6].

Узел местных проблем затянулся еще туже после того, как линия фронта пролегла по территории Северного Кавказа. Прекратился подвоз продовольствия для нужд населения краев и республик. Более того, они теперь должны были сами снабжать фуражом и питанием отряды Красной армии, участвовать в возведении оборонительных рубежей. В ходе проведения этих мероприятий имели

место произвол и самовольные реквизиции со стороны некоторых командиров и красноармейцев, что далеко не лучшим образом сказывалось на настроении местных жителей. Допускались перегибы, когда арестовывали и расстреливали людей, которые ранее не находились на оперативном учете. Этим успешно пользовалась нацистская пропаганда, позиционировавшая германские войска как освободителей от большевистской диктатуры. Уголовный бандитизм постепенно перерождался в профашистское движение, на борьбу с которым командование Красной армии приходилось отвлекать существенные силы. Наиболее проблемными районами считались Чечено-Ингушетия и Северо-Западный Дагестан. Кроме них местом сосредоточения бандгрупп с политическим уклоном в аналитических документах упоминались Карачаевская автономная область, Северо-Осетинская автономная республика и Кабардино-Балкария [7].

В докладной записке «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР» 9 ноября 1943 г. отмечалось, что в республике 38 сект численностью свыше 20 тыс. чел. вели активную антисоветскую работу, укрывали бандитов и немецких парашютистов. При приближении линии фронта в августе-сентябре 1942 г. бросили работу и бежали 80 членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов ВКП(б), 8 руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов. В октябре 1942 г. возникло вооруженное выступление в Шатоевском, Чеберлоевском, Итумкалинском, Веденском и Галанчожском районах. Согласно данному документу: *«Отношение чеченцев и ингушей к советской власти наглядно выразилось в дезертирстве и уклонении от призыва в ряды Красной армии... Группа чеченцев под руководством Алаутдина Хамчиева и Абдурахмана Бельтоева укрывала парашютный десант офицера германской разведслужбы Ланге и переправила его через линию фронта. Преступники были награждены рыцарскими орденами и переброшены в ЧИАССР для организации вооруженного выступления»*.

По данным НКВД и НКГБ ЧИАССР, на оперативном учете было 8535 чел., в том числе 27 немецких парашютистов, 457 чел., подозревавшихся в связях с немецкой разведкой, 1410 членов фашистских организаций, 619 мулл и активных сектантов, 2126 дезертиров. За сентябрь-октябрь 1943 г. было ликвидировано и легализовано 243 чел. К 1 ноября в республике продолжали действовать 35 бандгрупп с общей численностью в 245 чел. и 43 бандита-одиночки. Свыше 4000 участников вооруженных выступлений 1941–1942 гг. прекратили активную деятельность, но оружие не сдали, *«укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ»* [8].

Группа армии «А», продвигавшаяся на Кавказ, должна была обеспечить захват нефтяных районов и по возможности не допустить разрушения скважин и имеющегося оборудования [9]. С этой целью в советский тыл были заброшены диверсионные группы, укомплектованные помимо немцев еще и выходцами из числа кавказских народов [10]. Упомянутый в документе Ланге получил от командования задание высадиться в районе Грозного с целью захвата мест нефтедобычи. В его распоряжении находилось 10 немцев и 15 горцев из специально подготовленной команды «Шамиль», куда подбирались преимущественно выходцы из Чечни и Дагестана. Еще осенью 1941 г. в Германии на полигоне Нойхаммер была создана

особая часть «Бергманн» под командованием офицера разведки обер-лейтенанта Т. Оберлендера. Укомплектованная кавказскими добровольцами, она предназначалась для разведывательно-диверсионных акций в тылу советских войск. На базе «Бергманна» и была сформирована группа «Nordkaukasische Sonderkommando Schamil» [11]. По-видимому, для выполнения задачи обер-лейтенант должен был опираться на сторонников из числа местных жителей. Существует мнение, что только отступление гитлеровцев с Северного Кавказа предотвратило их массовое выступление [12]. Согласно официальной версии, именно это и стало побудительной причиной выселения с территории Кавказа ряда этносов [13].

Напряженная военно-политическая обстановка сложилась и на территории Карачаевской автономной области, где, по словам сотрудников НКВД, была «*наибольшая концентрация бандитско-повстанческих элементов*» [14]. Часть населения враждебно относилась к советским партизанам и помогала гитлеровцам в их ликвидации, что стало одной из причин краха партизанского движения уже к концу ноября 1942 г. [15].

Среди целей, поставленных гитлеровским командованием, была пропаганда по привлечению адыгов в ряды своих сторонников. Для этого привлекались их соотечественники из числа белоэмигрантов, в частности Клыч Шаханович Султан-Гирей. Однако при всем враждебном отношении к большевикам Султан-Гирей убеждал своих соплеменников не поддаваться на уговоры гитлеровцев и сохранять верность своей большой Родине. Пользуясь тем, что агитировать приходилось на черкесском языке, которого сопровождающие его немцы не знали, он фактически проводил пророссийскую линию и удержал своим авторитетом адыгов от опрометчивого выбора [16]. Представляется, что и без его участия население сделало выбор в пользу советского Отечества, которое немало сделало для роста экономического, политического и культурного развития их народа.

В ходе проведения спецопераций по уничтожению бандгрупп имели место жертвы среди гражданского населения. Так, трагические события произошли в Черекском ущелье в конце ноября – начале декабря 1942 г. Им предшествовало обострение ситуации в этом районе, которое заставило советское командование предпринять меры по ликвидации засевших здесь бандитов. При этом погибли и мирные жители [17]. Учитывая всю сложность ситуации, с которой пришлось столкнуться сотрудникам НКВД, представляется, что выводы о преднамеренном геноциде, который проводился в отношении проживающего здесь балкарского населения, являются спорными, а политизация этого вопроса лишь затрудняет исследование этой непростой темы [18]. Идея геноцида не подкрепляется и той практикой, которая проводилась в отношении балкарского населения в предвоенные годы [19]. Да и в годы войны, несмотря на имеющиеся экономические трудности, советская власть стремилась поддержать балкарцев, в частности в октябре 1942 г. им было выделено 600 т кукурузы [20].

Оказавшись в экстремальных условиях, небезосновательно опасаясь гитлеровской оккупации Кавказа, советское руководство вынужденно было прибегать к военным методам решения проблемы, что, впрочем, не означало отказа от попыток применять мирные способы влияния на население. Они включали

переговоры с использованием авторитета стариков и членов семей участников бандформирований, амнистии тем, кто добровольно отказался от вооруженной борьбы. По мере вытеснения немцев с территории Северного Кавказа появилась возможность активизировать усилия по ликвидации бандгрупп [21]. Учитывая экстремальный характер ситуации, в которой находилась страна, действия властей отличались радикализмом и бескомпромиссностью.

В Указе Президиума Верховного Совета СССР о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории от 7 марта 1944 г. говорилось: *«Всех чеченцев и ингушей, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР, а также в прилегающих к ней районах, переселить в другие районы СССР, а Чечено-Ингушскую АССР ликвидировать»* [22]. Аналогичные формулировки присутствовали и в указах о депортации других народов Северного Кавказа [23]. Сама по себе подобная практика не являлась изобретением сталинского правительства и имела прецеденты в российской и мировой истории [24]. С территории региона были выселены и другие народы. На сегодняшний момент однозначно назвать побудительные мотивы, приведшие к депортации, не представляется возможным. Видимо в каждом конкретном случае они были индивидуальны.

Хотя в настоящее время проблема этнических депортаций и является одним из наиболее приоритетных направлений в исторической науке, но здесь сохраняется немало неизученных сюжетов, а ряд уже имеющихся работ в связи с отсутствием ссылок делает сомнительной их научную состоятельность [25]. Нельзя исключать и откровенную фальсификацию и спекулирование на этой весьма болезненной теме. Примером может стать деятельность С.С. Кашурко [26], чье исследование, посвященное выселению жителей Хайбаха, заставляет усомниться в приводимых фактах [27].

Обобщая тенденции последнего времени, Т.П. Хлынина, как представляется, верно подмечает, что «в региональной историографии разгорается настоящая война по защите чести и достоинства депортированных народов, представители которых мужественно сражались на фронтах Великой Отечественной войны и самоотверженно трудились в местах нового поселения... В содержательном отношении современная аргументация мало чем отличается от предшествовавшей ей советской риторики. Хотя одно несомненное отличие все же есть, и проявляется оно в крайне неохотном обращении региональных исследователей к архивным первоисточникам, все чаще замещаемым цитированием работ своих предшественников» [28]. Все это позволяет достаточно вольно трактовать те или иные события в русле *folk-history*, при этом навешивая политические ярлыки, устанавливая медицинские диагнозы и даже предлагая избавляться от своих оппонентов [29]. Критикуя используемую источниковую базу, особенно если речь идет о документации органов безопасности, которые, по мнению сторонников «народной истории», искажают положение дел на местах, они не предлагают «скольконибудь серьезное альтернативное исследование, выполненное на “заслуживающих доверие” источниках» [30].

Практика депортации уже применялась советским руководством в отношении народов региона. В ходе выселения имелись жертвы, что было связано, прежде всего, с трудностями единовременной перевозки большого количества жителей, среди которых были женщины, старики, дети. Вместе с тем видится справедливым вывод о том, что «о какой-то «особой жестокости» депортации людей... говорить не приходится» [31]. В официальных распоряжениях давалось указание о выделении утепленных и приспособленных для перевозки людей вагонов, ставилась задача обеспечить депортируемых в пути горячей пищей и кипятком, медицинской помощью и т.п. [32]. На практике осуществление всех этих мер было затруднено. В одном из отчетов отмечалось, что «к недостаткам перевозок спецконтингентов следует отнести невозможность проведения санобработки их, в результате чего имели место случаи заболевания сыпным тифом. Однако в результате принятых мер эпидемия была предотвращена» [33]. Сохранилось немало воспоминаний, живописующих тяготы этого переезда [34]. Насколько они соответствуют действительности, сказать сложно. Нельзя исключать того, что в ряде случаев имеет место эмоциональное преувеличение, судя по отчетам, смертность «спецконтингента» у вайнахов составила 0,26 % (1272 чел.) их общей численности [35].

Возвращаясь к дискуссии о корректности термина «геноцид» по отношению к депортированным народам Кавказа, считаем возможным разделить точку зрения таких авторов, как Л.П. Белковец и Н.Ф. Бугай. Они отмечают, что «положение этнических общностей, подвергшихся специальному административно-правовому режиму, предполагало некоторое ограничение их прав (главным образом на свободу передвижения за пределы территории расселения). Однако они не лишались права на жизнь, права голоса (участвовали в выборах Верховного Совета СССР 1946 г.) и т.д.» [36]. В этой связи заявления о геноциде звучат надуманно и бездоказательно.

Примечания:

1. Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 151–152, 158–160 и др.
2. Там же. С. 171, 207–209.
3. Там же. С. 172, 180–181.
4. Там же. С. 395.
5. Там же. С. 181, 398–401.
6. Там же. С. 221.
7. Там же. С. 164–165, 167–168.
8. Цит. по: Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006. С. 35–36.
9. Скворцова И.В. Ресурсы Кавказа в планах Германии в 1941–1942 гг. // Война в истории и судьбах народов юга России (к 70-летию начала Великой Отечественной войны): Материалы Международ. науч. конф. (1–2 июня 2011 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2011. С. 54–55.

10. Раздольский С.А. Деятельность органов государственной безопасности на Кавказе в 1942 г. // *Война в истории и судьбах народов юга России*. С. 150–151.
11. Дробязко С.И., Романько О.В., Семенов К.К. Иностранцы формирования Третьего рейха. М., 2011. С. 388–389.
12. Шишов А.В. Двуглавый орел над Кавказом. 1804–2008 гг. М., 2009. С. 352–353.
13. Исаев А.В. Когда внезапности уже не было. История Великой Отечественной войны, которую мы не знали. М., 2005. С. 172.
14. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое и настоящее. М., 2011. С. 166.
15. Линец А.С., Линец С.И. Партизанское движение на Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации края (август 1942 г. – январь 1943 г.). Пятигорск, 2005. С. 103, 120–121.
16. Казанов Х.М. «Пред Родиной в вечном долгу...» // *Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона: Материалы регион. науч.-практ. конф.* Краснодар, 2002. С. 238–240; Беджанов М.Б. Генерал Султан-Гирей Клыч. Краснодар, 1999.
17. Лики войны: Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Нальчик, 1995. С. 158.
18. Азаматов К.Г., Темиржанов М.Щ., Темукуев Б.Б., Тетуев А.И., Чеченов И.М. Черекская трагедия: Сб. ст. и воспоминаний. Нальчик, 1994.
19. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 105.
20. Безугольный А.Ю. Указ. соч. С. 167.
21. Там же. С. 170.
22. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы (документы, факты, комментарии). Ростов н/Д, 1997. С. 117–118.
23. Там же. С. 127–128.
24. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. М., 1998. С. 26.
25. Кропачев С.А. Современная российская историография депортаций народов СССР в годы Великой Отечественной войны // *Война в истории и судьбах народов юга России*. С. 58.
26. Кашурко С.С. Кровавое зарево Хайбаха // *Дош*. 2003. № 2 (2). Ноябрь. С. 4–11.
27. Пыхалов И.В. За что Сталин Выселял народы. М., 2010. С. 309–314.
28. Хлынина Т.П. Героизм депортированных народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны в современной региональной историографии // *Война в истории и судьбах народов юга России*. С. 315–316.
29. См. например: Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. Грозный, 2009. С. 43, 127.
30. Хлынина Т.П. Указ. соч. С. 317.
31. Шишов А.В. Указ. соч. С. 354.
32. Осли Э. Покорение Кавказа: Геополитическая эпопея и войны за влияние. М., 2008. С. 418–419.
33. Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 115.
34. Джургаев М., Джургаев О. Круги ада. Грозный, 1989. С. 13–18; Осли Э. Указ. соч. С. 432–436.

35. Пыхалов И.В. Указ. соч. М., 2010. С. 315.

36. Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 268.

Е.Ф. Кринко

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ: ПРОСТРАНСТВО И ГРАНИЦЫ¹

Великая Отечественная война – одно из важнейших событий в истории России – закономерно вызывает широкий интерес различных исследователей, находящих все новые ракурсы в ее изучении. Долгое время считалось, что в годы войны советский человек все силы отдавал борьбе с противником, а если и оставалось в его сердце место для чувства, то оно представляло собой любовь к Родине, обратной стороной которой становилась ненависть к врагу. Подобная редукция значительно обедняла представления о чувствах и формах их выражения у советских людей, в жизни которых всегда оставалось место интимным переживаниям и межличностным коммуникациям, выходявшим за пределы «высоких» гражданских чувств и помыслов. Война не смогла полностью подавить «обычные» эмоции, выражавшиеся в симпатиях и антипатиях к другим людям, в любви и дружбе как базовых социально-психологических потребностях личности. При этом экстремальная ситуация военного времени способствовала выработке новых практик и условий взаимоотношений в частной сфере, характер и содержание которых определялись различными обстоятельствами субъективного и объективного порядка.

Современные историки приходят к выводам о том, что и в условиях войны существовали зоны автономного существования человека от государства и господствовавшей системы ценностей. Сохранялась частная жизнь – пространство, в рамках которого индивид самостоятельно принимал решения, удовлетворяя личные потребности. Это пространство локализовалось, в первую очередь, на микросоциальном уровне – в границах дома, семьи, круга близких, друзей и знакомых. В то же время на частной жизни сказывались как общие тенденции негативного отношения к приватному, сложившееся еще до революции и получившие новый импульс с приходом большевиков, так и сами условия военного времени, сокращавшие возможности индивидуального существования.

Необходимо отметить, что частная жизнь требует наличия у человека свободного времени и пространства. Поэтому увеличение рабочего дня, введение обязательных сверхурочных работ, расширение круга общественных

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)», проект № 12-01-00127а.

обязанностей, а также общее ухудшение материальных условий значительной части населения объективно сужали возможности реализации в данной сфере. Существенные затруднения возникали и вследствие ограниченности личного пространства в больших коллективах (будь то коммунальные квартиры, солдатские казармы, тюрьмы и лагеря – в каждом по-своему). Жесткая цензура и перлюстрация писем, общая регламентация всех сфер общественной жизни неизбежно вели к внешним проникновениям в частную жизнь, порождая соответствующие формы приспособления.

Основу частной жизни составляют семья и брак, интимность в широком смысле слова и сексуальность как ее более узкое проявление. Война оказала существенное воздействие на развитие брачно-семейных отношений. Главную роль в этом сыграли массовые миграции: мобилизация и добровольный уход на фронт, эвакуация, депортация и угон на работу в Третий рейх миллионов советских граждан, а также их гибель в ходе боевых действий, бомбардировок, голода и болезней. В результате многие семьи, в том числе и с большим стажем, распались, существенно выросли доля неполных семей и незарегистрированных браков.

Тем не менее, семья продолжала выполнять свои главные функции, поддерживая своих членов в трудных жизненных ситуациях. Главным источником изучения данных вопросов выступают источники личного происхождения, особенно частная переписка военного времени, отразившая широкую гамму чувств жен и мужей, родителей и детей по отношению друг к другу. Забота о родных и близких проявлялась в отправке денег, теплых вещей и продуктов, в постоянных вопросах о здоровье, условиях жизни, работы, учебе, свободном времяпровождении [1].

В условиях явного дисбаланса в численности мужчин и женщин на фронте и в тылу широкое распространение получили и внебрачные отношения, как правило, носившие случайный характер. В советское время о них не принято было говорить, и подобные примеры содержат в основном неопубликованные или опубликованные только в последние годы воспоминания и дневники военного времени. Так, прибывшего в командировку на базу майора В.И. Васильева утром после встречи Нового года разбудила женщина, которая быстро ушла. Необходимые разъяснения он получил от начальника базы: *«когда вчера мы вышли с вечера встречи Нового года и пошли домой, она немного погодя оделась и пошла вслед за нами, но пришла к Вам, когда Вы уже уснули. С согласия подруг, она решила хорошо проводить Вас. Она хотела, в постеле..., в близком общении с Вами вспомнить и в яве пережить реально душевно-телесную радость, что испытала в прошлой жизни с тем, от кого уже ничего не осталось, кроме воспоминаний и похоронки. Но Вы спали. Она всю ночь ждала, когда Вы проснетесь. Разбудить Вас она боялась, не зная, правильно ли Вы поймете и не отринете ее, с ее сильными желаниями, что в таком случае ей, молодой, здоровой и красивой причинило вы боль, более жестокую, чем боль от похоронки. Вы не проснулись, а она не разбудила Вас, а так задуманное, так мучившее ее желание осталось в ней горьким, обидным переживанием. Потому-то приготовив нам завтрак, она так быстро ушла»* [2]. Содержащиеся в описании ситуации детали не позволяют свести ее к тривиальному сюжету – женщина пришла к почти незнакомо-

му мужчине, чтобы вступить с ним в интимные отношения. Автор позволяет понять, что женщина – молодая вдова погибшего фронтовика, оставшаяся одна после гибели мужа, испытывавшая сильные и глубокие эмоции и, несмотря на обстоятельства, сохранявшая чувство стыда: ушла, посчитав себя отвергнутой. Именно так воспринимают эту ситуацию окружающие, не только не считающие ее аморальной, но и одобряющие поступок женщины.

Другой очевидец, Л.М. Моль, вспоминала, как в условиях госпиталя: *«Взаимоотношения персонала с ранеными были прекрасные (даже более того, были иногда от них дети). Между сотрудниками дело обстояло похуже, многие открыто стали жить парами, имея в тылу или оккупации семьи. Пары стали нормой у многих: врачи между собой или с сестрами, сестры с начальниками отделов госпиталя... Интересно вели себя легко раненные, ходячие бойцы. Летом они совершенно свободно ходили по улицам села, да и на свидание с девушками, а это было очень в ходу, одеты были... в кальсоны и нижние рубахи и назывались у нас “белоштанники”. Мне тоже случалось быть объектом внимания “белоштанников”»* [3].

Порой чувства становились сильнее общественного долга. В письме командира части майора В. Сергиевского первому секретарю Тамбовского горкома ВЛКСМ К.Е. Кирнос от 24 июня 1943 г. сообщалось о том, что студентка фармацевтического техникума г. Тамбова М. Скорова *«вела регулярную переписку с нашим военнослужащим Каменским Н.И. Последний в письме к ней попросил сочинить мне письмо с содержанием, что якобы она – военврач 2-[го] р[ан]га, работает в военгоспитале г. Тамбова, и у нее на излечении находится отец Каменского, который долгое время находился в партизанском отряде, а потом попал каким-то образом к врагу, его немцы пытали, избивали и пр. Затем он оказывается в военгоспитале г. Тамбова. Вся эта ложь была выдумана гр[ажданко]й Скоровой для того, чтобы я отпустил к ней в отпуск Каменского»*. Командир считал, *«что этот поступок недостойн советской девушки и должен быть осужден общественностью как вредный, излишний вымысел, направленный не на укрепление нашей мощи, а на подрыв»* [4].

Суррогатной формой семейно-брачных отношений стали «ППЖ» («походно-полевые жены»), когда фронтовики, как правило, старшие офицеры, заводили себе среди военнослужащих-женщин полуофициальных любовниц нередко при наличии оставшихся дома жен.

Всего в годы Великой Отечественной войны в действующей армии служили 800 тыс. женщин. Отношение к ним огромного большинства мужчин зависело от многих обстоятельств. По словам участника войны П.В. Синюгина: *«К женщине на войне по-разному относились. Смотря, на каком месте она была. У нас на батарее была санинструктор – девушка, одна на сорок человек. Так мы все благоволили к ней, все влюблялись, все ухаживали: Лена, Леночка. Охраняли, специально землянку поглубже выкапывали. Все думали, что она именно тебе предпочтение отдаст. Мы же пацаны, мало еще что понимали. Но возраст говорил, любить же надо было»* [5].

Следует отметить, что потребности в интимных отношениях испытывали все армии мира. В вермахте для этого существовали специальные бордели. Кроме того, на оккупированной территории открывались дома терпимости,

с раздельным посещением для солдат и офицеров Третьего рейха. Обслуживали их, несмотря на декларации о чистоте арийской расы, местные жительницы, в основном, пошедшие на это по причинам материального порядка, а также чтобы избежать угона в Германию. В СССР в условиях строгой социалистической морали не могло быть ничего подобного.

Но реальность брала свое, и «походно-полевые жены» стали широко распространенным явлением на фронте. По словам очевидца: *«А дальше в тыл – офицеры, им в сорок третьем году погоны дали. Они все женатые, у них в тылу жены и даже дети, а здесь они девочек бедных использовали, затем бросали. Даже сейчас знаю многих фронтовичек, которые после войны уже так и не вышли замуж»* [6].

Порой и мужчина ради любви был готов нарушить служебные обязанности, пожертвовать карьерой. 17 февраля 1945 г. командир 81-го гвардейского стрелкового полка полковник Жуков обратился к начальнику отдела кадров 2-го Украинского фронта с письмом. В нем сообщалось, что бывший заместитель командира полка гвардии капитан В.Г. Лотвинов *«при своем отъезде из дивизии самовольно забрал с собой санинструктора санитарной роты гв. старшину медслужбы Феклисову Зинаиду Ивановну и своего ординарца гв. красноармейца Бешляга Александра Ивановича, без разрешения и увез пароконную повозку с 2 лошадьми»*. Расценив данное действие *«как дезертирство из части»*, командир просил вернуть военнотружущих и *«привлечь к ответственности капитана Лотвинова, в корне нарушившего дисциплину Красной Армии»*. Вскоре беглецы нашлись, и 4 марта штаб фронта сообщал командиру 25-й гвардейской стрелковой дивизии о том, что Бешляга и пара лошадей возвращены: *«Что же касается старшины Феклисовой Зинаиды Ивановны, то таковая в силу ее беременности и вызванных в связи с этим некоторых осложнений, вынуждена была лечь в госпиталь. Поэтому до ее выздоровления возвращена в Ваше распоряжение быть не может»*. Капитану Лотвинову было сделано *«сделано соответствующее внушение»* [7].

Власть к концу войны пошла на ограничение внебрачных отношений, следуя курсу на сохранение семьи. 8 июля 1944 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР *«Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и утверждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”»*. Указ отменил равенство фактического и юридического брака: только зарегистрированный брак порождал права и обязанности супругов. Не состоявшая в зарегистрированном браке женщине не могла устанавливать отцовство и отыскивать алименты с фактического отца. В паспорте появилась специальная отметка о семейном положении, усложнялась процедура развода, ставшая многоступенчатой (через суды различного уровня), дорогостоящей (государственная пошлина составляла от 500 до 2 тыс. руб.) и публичной (объявления о разводе печатались в местных газетах). Положительный образ женщины-матери, родившей много детей-защитников Родины, широко пропагандировался средствами массовой информации. Таким образом, в годы войны проявилась тенденция к дальнейшей регламентации государством брачно-семейных отношений.

Еще одной сферой частной жизни в годы войны оставалась религия. Несмотря на откровенно антицерковную политику воинствующего атеизма, проводимую большевиками в 1920–1930-х гг., к началу войны около половины жителей страны признавали себя православными, значительной оставалась численность приверженцев ислама, католицизма, иудаизма и других религиозных конфессий, а с учетом того, что многие просто опасались указывать свое вероисповедание, доля верующих была еще выше, особенно среди старших поколений. Официальные запреты вели к вытеснению церкви из публичной сферы, но демонстрация религиозных чувств в рамках личного пространства (например, в домашнем кругу) также могла серьезно осложнить жизнь человека. Активно пропагандировавшаяся новая система ценностей нашла широкое количество приверженцев, прежде всего, среди молодежи, нередко порождая раскол среди членов семьи.

С начала войны церковь заняла патриотическую позицию, поддержав советскую власть в борьбе с врагом. В свою очередь, и советское руководство пошло на смягчение прежней политики. Спустя несколько месяцев после начала войны были разрешены сборы средств, сняты ограничения на некультовую деятельность, проведение массовых богослужений и церемоний, стали открываться молитвенные здания, расширился выпуск церковной литературы. В сентябре 1941 г. были закрыты все антирелигиозные периодические издания, распущен «Союз воинствующих безбожников».

В то же время местные руководители не всегда успели за изменениями правительственного курса, и разрешения соседствовали с запретами. Так, 13 марта 1942 г. исполком Лабинского районного совета принял решение о ликвидации молитвенного дома. Уже попавшие в поле зрения правоохранительных органов религиозные активисты в условиях быстрого продвижения вермахта подвергались репрессиям. В августе 1942 г. С.А. Терзиян, 1886 г.р., проживавший в колхозе им. Свердлова Адлерского района Краснодарского края, обвинялся в *«читке религиозных книг – библии, из которой контрреволюционные измышления пораженческого характера, направленные против Советской власти... высказывает в кругу своего знакомства»* [8].

Все это не позволяло церкви удовлетворять возросшие потребности населения в духовной поддержке в связи с ухудшением материального положения, опасениями за судьбу призванных на фронт родных и близких. В результате широкое распространение получили различные суеверия и мистицизм, массовая вера в гадалок и прорицателей. Архивные документы фондов правоохранительных органов рассказывают о борьбе власти с данными явлениями, считавшимися «идеологически чуждыми». В сентябре 1941 г. прокуратура Краснодарского края докладывала о появлении в станицах Апшеронского, Лабинского, а затем и других районов Кубани большого количества листовок религиозного содержания, в которых сообщалось о *«голосе спасителя в городе Иерусалиме»*, призывавшем молиться. Верующим предлагалось переписать 9 раз текст полученной записки и раздать его окружающим: *«через два дня получите радость, а напишите “спаси меня, господи, силою честного и животворящего креста твоего, Господи”*». Для распространения листовок в станице Имеретинской негра-

мотные старухи использовали родственников-школьников. Отмечалось также появление многочисленных гадалщиков-ворожей, определявших при помощи карт, колец, стука стула живы ли родственники, находившиеся в рядах Красной армии. Бывший коммунист Попов с 1 по 15 ноября 1941 г. гадал 30 гражданам, на вопрос о смерти родственников нескольким гражданкам дал утвердительный ответ, «*чем заставил их плакать и волноваться*». Определенной платы он не взимал, брал столько, сколько давали. Все гадалщики привлекались к уголовной ответственности по статье 58–10 за «*распространение контрреволюционной агитации и пропаганды*» [9].

Настоящий подъем религиозной жизни начался на захваченной противником территории. Оккупационная администрация в собственных интересах прямо поощряла возрождение церковной деятельности. Но немало жителей, прежде всего, старшего возраста, из искренних чувств, добровольно и без всякой оплаты трудились над восстановлением церквей, приносили им в дар уцелевшие иконы и богослужебные книги.

После освобождения советской территории многие церкви вновь были закрыты, значительная часть религиозных общин перешла на полулегальное существование, количество богослужений сократилось до минимума. После встречи с И.В. Сталиным 4 сентября 1943 г. высших иерархов Русской православной церкви, власть разрешила избрание патриарха и открытие церквей. В то же время вся религиозная деятельность ставилась под контроль специальных созданных структур и должностных лиц – советов по делам Русской православной церкви и других религиозных культов при СНК СССР и их уполномоченных на местах. Документы данных органов свидетельствуют о том, что испытывавшие недоверие к власти не желали легализоваться и после 1943 г. [10]

К частной жизни относилось и проведение досуга: чтение книг, газет и журналов, кино, театр, выезды и выходы на природу, коллекционирование и другие виды хобби, азартные игры, пение и игра на музыкальных инструментах, танцы, общение, дружба и любовь. Советская власть стремилась взять под свой контроль проведение досуга не только путем навязывания его определенных форм и направлений, формируя пропагандистскими средствами те или иные предпочтения, но и расширяя общественную нагрузку граждан.

Таким образом, война стала острым потрясением для советского общества, изменив не только образ жизни значительной части советских граждан, но и само соотношение приватного и публичного. Частная жизнь сохранила значенные сферы, в которой реализовывались индивидуальные потребности советского человека, но ее пространство сузилось. Власть стремилась расширить пределы своего влияния, как прямым вмешательством, административно-правовым регулированием, так и при помощи косвенных приемов, использования мобилизационных и агитационно-пропагандистских средств.

Обращение к частной жизни советского человека в 1941–1945 гг. актуализируется появлением новых подходов в современной историографии и вводом в научный оборот новых источников. Они позволяют переосмыслить представления о самом советском обществе, его характере и степени подконтрольности

государству, а также поведение и психологию человека на войне как экстремальной ситуации. В то же время их изучение в достаточной степени затруднено как социально-психологическими обстоятельствами, выражающимися в сохранении многочисленных табу на изучение военной темы, так и сугубо профессиональными трудностями, связанными со сложностями сбора необходимого эмпирического материала о данной сфере, нередко и сегодня сохраняющей «закрытый» характер.

Примечания:

1. См. подробнее: Кринко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Письма военного времени в Архивном фонде Российской Федерации // Отечественные архивы. 2011. № 2. С. 87–96 и др.
2. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005. С. 99–101.
3. Там же. С. 352–353.
4. Письма Великой Отечественной (из фондов ГУ «ЦДНИТО»): Сб. документов. Тамбов, 2005. С. 316.
5. Воспоминания Петра Васильевича Синюгина, 1924 г.р., записаны 5 ноября 2001 г. Е.Ф. Кринко в г. Майкопе.
6. Там же.
7. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 240. Оп. 2795. Д. 310. Л. 199, 208.
8. Центр документации новейшей истории Краснодарского края. Ф. 1774-а. Оп. 2. Д. 403. Л. 144–150.
9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1544. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–3, 31–34.
10. См.: Фефилин С.В. Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х – середине 50-х гг. (на материалах Краснодарского края). Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2002.

И.Н. Гридина

«НАРОДНЫЕ НОВОСТИ»: РОЛЬ СЛУХОВ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

«Докатились слухи... с Бессарабки, что на рассвете бомбили киевские военные заводы. Якобы наш дворник видел, как в штаб округа на Банковской привели сбитого летчика, и летчик тот был – немец. Самолет якобы сбили над Аскольдовой могилой. Слухи сплетались в “народные” новости. Вскорости деятельность “агентства ОБС” (одна баба сказала) приобрела всеохватывающего распространения. Потому что в начале войны вся огромная страна целых восемь часов ничего не знала о том, что на самом деле случилось» [1]. Именно эти воспоминания известного украинского краеведа Д. Малакова наиболее ярко иллюстрируют

ту конкретно-историческую ситуацию, в которой оказались советские люди в начале войны и какое значение для них играли слухи. Великая Отечественная война слухами начиналась, слухами она и заканчивалась.

Слухи считаются «экзотическим» объектом исторического исследования [2], об их ценности, как исторического источника ведутся активные дискуссии, но нельзя отрицать очевидного – слухи неизменно оставляют следы в истории. Будучи способом передачи социально значимой информации, они являются ценным источником. Без обращения к слухам и их последствиям невозможно объяснить отдельные исторические явления и процессы. Особенно это касается советской истории, испытывающей дефицит источников, фиксирующих жизненный опыт и практики в художественном, эпистолярном, дневниковом виде. Постоянно находясь под «всевидящим оком» репрессивного аппарата, рядовой советский человек не мог себе позволить самовыражение в подобной письменной консервации. По мнению В.В. Кабанова, слухи создают огромное информационное поле, и они являются порой единственным источником информации [3]. Не будет слишком большим преувеличением считать слухи своеобразным зеркалом развития общества. Поэтому в определенной степени можно согласиться с выводом о том, что вся «наша история – это во многом история слухов» [4].

В данной статье не ставится задача источниковедческого анализа, изучения методологических подходов и методических приемов использования слухов в качестве исторического источника, так как в последнее время российские и украинские исследователи уделяют этому вопросу большое внимание [5]. Ее задача показать ценность слухов, которые циркулировали в украинском обществе во время Великой Отечественной войны, использовались в идеологической борьбе трех политических сил – советской, нацистской и националистической, в изучении общественного сознания людей в экстремальных условиях военного времени.

По своим коммуникативным функциям слухи относятся к типу таких информативных сообщений, ядро которых составляют сведения о реальных или вымышленных событиях. Понятие «информативность» здесь используется в качестве термина коммуникации и не предполагает достоверности сообщаемых сведений. Напротив, факты, ставшие сюжетами слухов, в процессе передачи искажаются, иногда до неузнаваемости, в соответствии с выявленными закономерностями изустной передачи сообщений. Для слуха характерно то, что передаваемое сообщение эмоционально значимо для аудитории. Основным критерием слуха, как такового, считается феномен межличностной, но не массовой коммуникации. Тот факт, что каналы советской и нацистской пропаганды – печать, радио – становились во время войны источниками слухов или отражали в своей продукции уже циркулировавшие слухи, способствуя их дальнейшему распространению, не меняет главного – обязательности критерия межличностного общения. Непосредственное восприятие реципиентом сообщений средств массовой информации не относится к собственно циркуляции слухов. О слухах можно говорить лишь после того, как некоторый сюжет, даже почерпнутый из продукции массовых средств, становится фактом межличностного общения.

Таким образом, под слухами и их циркулирующей понимаются процессы межличностного общения, при которых некоторый эмоционально значимый сюжет становится достоянием обширной и чаще всего рассредоточенной аудитории. Сам факт появления слуха – стихийно возникшего или преднамеренно распространенного – свидетельствует о том, что интерес людей к важной (по их представлениям) проблеме остался не удовлетворенным через средства массовой коммуникации [6].

Говоря о том, что война начиналась со слухов, мы имели в виду не только тот факт, что, несмотря на договор СССР с Германией (а может, и благодаря ему), возможность будущей войны повсюду муссировалась в обществе, а когда она началась, в это никто не верил. *«Не верю, чтобы Германия выступила и объявила нам войну», «откровенно говоря, больше думаю, что это не они на нас напали, а мы», «мы первые начали войну против немцев, заранее имея с Англией тайный договор»,* – подобные слухи повсюду гуляли в первые дни войны в Киеве [7]. Выступление И.В. Сталина спустя почти две недели после начала войны, его содержание, больше похожее на слух, в котором лучшие дивизии фашистской Германии уже разгромлены, а целью захватчиков провозглашалось возобновление царизма, породило огромное количество сомнений и, естественно, слухов. *«Вот настали времена, так времена. Все перевернулось вверх дном. Нет ничего ясного, один – в одну сторону, другой – в другую. Само правительство растерялось и подозревает друг друга в предательстве, а Ворошилов грызется со Сталиным»,* – так комментировали киевляне информационную неразбериху начала войны [8]. Д. Малаков вспоминал, что люди *«ждали новостей. Радио повторяло одно и то же, а слухи ходили невероятные, их пугались, но исправно передавали дальше. Провозгласили очередную кампанию – борьбу со слухами и паникерством»* [9].

Действительно, возникновение огромного количества слухов вынудило советскую власть пойти на карательные меры. Специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» предусматривал тюремное заключение сроком от двух до пяти лет. Понятно, что такими методами бороться со слухами было нереально, тем более что вскоре советская власть сама стала активно использовать слухи в пропаганде и контрпропаганде. Иногда такие слухи давали прямо противоположный ожидавшемуся эффект. В начале войны агитаторами активно распространялись сведения о злодеяниях нацистских оккупантов, сознательно преувеличенные и «усовершенствованные». Ванда Василевская накануне оккупации Донецка в выступлениях перед населением, остававшемся на рабочих местах до последнего, рассказывала, что во Львове нацисты устроили выставку замученных жертв, среди которых была мать, с приколотым штыком к груди ребенком [10]. Вместо предполагаемой ненависти к захватчикам людьми овладевали страх и паника. Наблюдая спешно отступавшие войска Красной армии, они чувствовали себя брошенными советской властью, не способной их защитить. Мотивацией поведения в таких условиях становился инстинкт самосохранения, толкавший

на аморальные поступки, осознание которых провоцировало распространение еще более преувеличенных слухов-«страшилок», чтобы как-то оправдать свое поведение. Случаи бегства партийных и советских руководителей, безусловно имевшие место, множились, обрастали художественными подробностями: «семьи начальников ехали под зонтиками, брали даже комнатных собачек» [11]. «Если уж они бегут, то чем мы хуже?», – рассуждали обыватели.

Активно использовали распространение слухов и нацистские власти, называвшие такого рода пропаганду «пропагандой шепотом». Основной целью распускавшихся нацистской пропагандой слухов было убеждение населения в том, что завоевания немецкой армии навсегда, что Красная армия никогда не вернется, что близка победа Германии, следовательно, населению необходимо безропотно принять «новый порядок»: «*Войне конец. Москва взята без боя. Ленинград разбомбили и заняли. В Москве сформировано новое правительство во главе с Молотовым. Сталин бежал за границу. Ворошилов сдал город Ленинград немцам, за это получил два немецких креста*» [12].

Растерянное ошеломляющими событиями первого периода войны – чуть ли не бегством Красной армии, хаосом эвакуации, стремительным продвижением врага, оккупацией – население Украины было склонно впитывать любую информацию, которая хоть каким-то образом могла прояснить их дальнейшую судьбу. В Богуславском районе Киевской области нацисты распространяли сплетни о том, что при отступлении из Киева Красная армия отравила воду, в связи с чем там гуляет чума. На занятой территории разбрасывались листовки, в которых говорилось о сдаче в плен немцам сына Сталина. «*Ну, если уж сын Сталина сдался в плен, значит, немцы победят и с ними воевать не стоит*», – судачили между собой крестьяне [13].

Однако, чрезмерно «раздувая» свои первые военные успехи, нацистская пропаганда часто играла себе во вред, распуская слухи о взятии городов, к которым войска вермахта так никогда и не приблизились, о бегстве советского правительства и Сталина то в Северную Америку, то в Аргентину, о тяжелой болезни вождя СССР, аресте Ворошилова, Буденного и Тимошенко [14], о полном уничтожении Красной армии где-то возле Урала, о параде немецких войск в Ленинграде и Москве [15]. В городах и селах оккупированной Украины нацисты устраивали праздники в честь взятия главных городов СССР. Однако в Новгород-Северске с таким праздником вышел курьез. Местному радисту захотелось послушать Москву. Он настроил радиоприемник на советскую волну, а сам отлучился. И именно в это время из Москвы передавали торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Октябрьской революции, и на нем выступал Сталин. Радиста потом расстреляли, а слухи о том, как немцы празднуют вымышленные взятия советских городов, распространились далеко за пределы города [16].

Специфика распространения слухов также играла важную роль. Одной из характерных особенностей повседневной жизни населения в оккупированной Украине стал обмен товарами, торговля на стихийных рынках, поиск продовольствия. На дорогах возникли огромные потоки тех, кто двигался за хлебом,

кто скрывался от принудительных мобилизаций и репрессий. И если в городах, как справедливо отметил Е.Ф. Кринко, слухи особенно часто распространялись в очередях [17], то украинские дороги превратились в массовые клубы, в которых рождались и распространялись слухи, происходил обмен не только продуктами и товарами, но и информацией [18].

Интересные сведения о слухах, формировавших общественное мнение в отдельной социальной среде, содержат спецсообщения о политических настроениях украинской интеллигенции в эвакуации (г. Уфа) [19]. Замкнутая среда общения, оторванность от «большой земли», вынужденное безделье, злоупотребление спиртным создавали благоприятную обстановку для распространения слухов и сплетен о положении на фронтах, в оккупированной Украине, о государственных и партийных деятелях, своих коллегах. Так, например, в писательской среде активно муссировались слухи о пьесе Корнейчука «Фронт»: *«Это больше, чем смело... Корнейчук написал ее по заданию ЦК»; «Уже сейчас эту пьесу обыватель носит в руках как евангелие и в недоумении задает вопрос: как пропустили? И Корнейчук еще до сих пор не арестован? И пьеса пойдет на сцене? Мое мнение таково, что эта пьеса не является личным творчеством Корнейчука, а что она выполнена им по заданию партии»* [20].

Известно, что в основе слуха может лежать реальный факт («нет дыма без огня»), либо факт искаженный, порой до неузнаваемости, до абсурда. Слух может вообще не иметь под собой никакой реальной основы. Однако при всей возможной нелепости слуха, он не может быть абстрактным, как, например, анекдот. Слух обязательно каким-то образом привязан и ко времени, и к событиям, которые происходят в стране. Слух – своеобразная реакция на прошлое, на происходящее или это предвосхищение будущего, отмечал В.В. Кабанов [21]. Справедливость этих слов подтверждает изменение содержания слухов на разных этапах войны, что стало наглядной демонстрацией смены общественного настроения.

После коренного перелома в войне возникли оптимистические слухи о скором ее окончании и дальнейшей жизни. Наиболее полно эти слухи отражены в вопросах, которые задавало население освобожденных районов на встречах с агитаторами и пропагандистами и зафиксированы в виде секретных сводок. В этих вопросах нашли свое продолжение слухи, использовавшиеся советской и нацистской пропагандой. Имея в виду распускавшиеся нацистами слухи о советских полководцах, люди спрашивали, почему в печати нет упоминаний о товарищах Буденном и Ворошилове? Не осталась без последствий нацистская пропаганда о «жидо-большевистской» природе советской власти. *«Правда ли, что у нас засилье евреев?»*, – спрашивали агитаторов [22].

Слухами обрастали новые явления и процессы в общественно-политическом, международном положении СССР, вызванные войной. Так, коррекция официальных идеологических формул, сместивших акценты с идеи классовой борьбы на «советский патриотизм» и соответствующие этому нововведения породили слухи о том, *«что в СССР создается своя новая аристократия, а генералам, например, не разрешается жениться на простых девушках»; «после введения погонов больше не будет коммунистов и комсомольцев»* [23].

В связи с изменением религиозной политики среди населения активно циркулировали слухи, подогревавшиеся священнослужителями различных конфессий, об отношении советского государства к религии. Так, в связи с назначением митрополита Николая членом Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, были распушены слухи, что *«советская власть возвращается к старым порядкам, ибо и раньше государственными делами совместно с царем правили митрополиты»*. Открытие церквей сопровождалось разговорами о том, что это результат давления союзников [24]. Уступкой союзникам объяснялось и то, почему, якобы, советское правительство наградило орденом Ленина архиепископа Кентерберийского, что, кстати, было не так далеко от истины. Исследователь истории взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства В. Алексеев считал, что в их «замирении» во время войны определяющую роль сыграл именно внешнеполитический фактор (Тегеранская конференция) [25]. Приветствия Сталину со стороны духовенства и ответы на эти приветствия истолковывались как отказ партии и правительства от прежней линии в религиозном вопросе: *«через год в школах будет введено обучение закону божьему, будут восстановлены церковно-приходские школы, будет разрешен колокольный звон и освобождены все арестованные священники; комсомольцам разрешат венчаться в церкви»* [26].

После освобождения Украины первые ласточки недоверия власти к населению оккупированных областей породили слухи-прогнозы, которые впоследствии с лихвой оправдались: *«Правда ли, что учителя, прибывшие с востока, заменят тех учителей, которые оставались на оккупированной территории? Будет ли предоставлена возможность после войны гражданам бывших оккупированных областей поселяться в тех местах Советского Союза, где они пожелают жить? Правильны ли слухи о том, что населению освобожденных районов не будут давать в течение трех месяцев карточки и зарплату?»*. Случаи расправы с женщинами, сожительствовавшими во время оккупации с немцами, породили слухи-«страшилки» (некоторые были недалеки от истины): *«Правда ли, что в Киеве расстреляли всех девушек, которые жили с немцами? Правда ли, что у нас убивают детей, родившихся от немцев? Правда ли, что всех женщин направят на работу, а детей заберет НКВД на воспитание?»* [27].

Но, наверное, наибольший разрыв между абсурдом и правдой содержался в слухах о международном положении СССР, отношениях с союзниками: *«Правда ли, что мы отдали англичанам в аренду на 99 лет Баку и Грозный? Верно ли, что Мурманск и Баку Советский Союз отдал союзникам? Правда ли, что мы после войны пять лет будем работать на Англию и США? Не попадет ли СССР в кабалу Англии и Америки за их поставки?»* и (!) *«Не могут ли возникнуть между СССР и союзниками серьезные разногласия и разрыв?»* [28].

Наиболее стойкие слухи трансформировались, приобретая формы новых поговорок, шуток на актуальные темы. Например, по поводу переговоров об открытии

«второго фронта», в которых участвовали Сталин, Черчилль, Рузвельт, а также Уилки и Хелл, о которых, наверное, ходило наибольшее количество слухов, родилась шутка: *«Посталиновали открыть второй фронт, начертили план, а рузвельтатов нет. И вообще все это вулками по воде писано, ну и хелл с ним»* [29].

Таким образом, слухи, создавая определенное информационное поле, оказывали вполне конкретное воздействие на общество. Они формировали общественное мнение, настроение и поведение (общества в целом, его отдельных социальных слоев, возрастных групп, регионов, местностей). Слухи на оккупированной территории Украины отражали особенности положения населения, влияние на его сознание идеологической борьбы противоборствующих сторон, меняли свою тональность в зависимости от разных периодов войны, реагировали на происходящее и предвосхищали будущее. А закончить статью хотелось бы историей о том, как слух, навеянный нацистской пропагандой, стал впоследствии официальной концепцией советской историографии о потерях СССР в Великой Отечественной войне: *«Правда ли, что Советский Союз потерял убитыми и пленными 20 млн. человек, как об этом говорили немцы?»* [30].

Примечания:

1. Малаков Д.В. Кияни. Війна. Німці. К., 2008. С. 23.
2. Слухи в истории России XIX–XX веков. Неформальная коммуникация и крутые повороты российской истории. Сб. ст. Челябинск, 2011. С. 4.
3. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. С. 361.
4. Кабанов В. Советская история в слухах // История. 1997. № 29. С. 1–3.
5. Кринко Е.Ф. Слухи Второй мировой войны // Диалоги с прошлым. Исторический журнал. Майкоп, 2002. № 2. С. 58–63; Его же. История Второй мировой войны в слухах // Вестник Сочинского государственного университета туризма и курортного дела. Сочи, 2008. Вып. 1/2 (3/4). Март-июнь. С. 194–203; Его же. Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе: слухи военного времени (1941–1945) // Новое литературное обозрение. 2009. № 12 (100). С. 494–508; Орбан-Лембрик Л. Чутки як соціально-психологічне явище // Соціальна психологія. 2004. № 3(5). С. 47–62 и др.
6. Шерковин Ю.А., Назаретян А.П. Слухи как социальное явление и как орудие психологической войны // Психологический журнал. 1984. № 5. Т. 5.
7. Київ у дні нацистської навали за документами радянських спецслужб. К. – Львів, 2003. С. 100.
8. Там же. С. 145.
9. Малаков Д. Указ соч. С. 26.
10. Государственный архив Донецкой области. Ф. 326. Оп. 1. Д. 1896. Л. 23.
11. Дружба О.В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов н/Д, 2000. С. 31.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 1105. Л. 44.

13. Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 52. Л. 36.
14. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 57. Оп. 4. Д. 132. Л. 57.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 136. Л. 72.
16. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. КМФ-8. Оп. 2. Д. 339. Л. 74.
17. См.: Кринко Е. Неформальная коммуникация в «закрытом» обществе: слухи военного времени (1941–1945).
18. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 22. Д. 10. Л. 44.
19. Там же. Оп. 23. Д. 125.
20. Там же. Д. 24. Л. 3.
21. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. С. 366.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 64, 101.
23. Там же.
24. Там же. Л.102.
25. Алексеев В. «... Маршал Сталин доверяет церкви» // Агитатор. 1989. № 10. С. 28–29.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 64–65.
27. Там же. Л. 15–17, 101.
28. Там же. Л. 2–12, 100.
29. Бореев Ю.Б. Сталиниада. М., 2003. С. 318.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 242. Л. 100.

И.Г. Тажидинова

ФЕНОМЕН ФРОНТОВОЙ ДРУЖБЫ¹

Круг дружеских связей комбатанта мог быть широким или узким, что зависело, прежде всего, от психологических особенностей личности, но, в немалой степени и от того, каким образом складывались обстоятельства его фронтовой судьбы. Хотя контакты с друзьями, завязанные еще в довоенный период и поддерживавшиеся в годы войны при помощи переписки, тщательно оберегались, на первое место для «человека воюющего» выдвигалась связь особого рода – фронтовая дружба. В рассказах о ней, являющихся неременной частью автобиографических повествований комбатантов, а также литературных произведений о Второй мировой войне понятия «дружба», «братство», «товарищество» употребляются как синонимы, и исключительно с положительными коннотациями.

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)».

Научных разработок на данную тему немного; феномен фронтовой дружбы обычно попадает в поле зрения исследователей психологии и быта комбатантов, но как-то вскользь, преимущественно, благодаря сюжетам, иллюстрирующим практики взаимопомощи в армейской среде. А. Людтке выяснил, что ряд исследователей подразумевает под воинским товариществом сотрудничество в небольших подразделениях (группах) для выполнения боевых задач. Однако, по мнению Т. Кюне, этот тип взаимоотношений все же относится к «иным формам доверия». «Солдаты испытывают особое “безликое” доверие, вырабатываемое и воспроизводимое в небольших группах (подразделениях), в рамках которых они воюют, а фактически и живут». Поддерживая точку зрения Кюне, Людтке считает, что такой род отношений товарищей по службе был чрезвычайно значим. Во-первых, он имел решающее значение в борьбе с физическими и психологическими трудностями фронтовой жизни. Во-вторых, взаимоотношения, основанные на доверии, позволяли военнослужащим обходить военную иерархию с ее строгими дисциплинарными предписаниями [1].

Близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов (а именно такова суть дружбы) построить в армейском коллективе в условиях войны было одновременно и просто, и сложно. Трудности определялись, прежде всего, разнородностью контингента, который попадал на фронт. Москвич Л. Рабичев, записавшийся добровольцем осенью 1941 г. в Уфе (где находился в эвакуации), ощутил эту разнородность во время 115-километрового марша к Бирскому военному училищу: *«Колонна наша состояла из ребят, окончивших десятилетку или один-два курса института. По документам все были равны, а по существу – москвичи, ленинградцы, киевляне, одесситы по своему развитию намного превосходили ребят из башкирских и татарских деревень. Они плохо говорили по-русски, держались обособленно и по вечерам пели под гармошку свои грустные монотонные песни. Соображали они тоже не очень»*. По окончании училища Рабичев попал на Центральный фронт и как командир взвода получил под свое начало 46 военнослужащих, состав которых был примечателен. Половину представляли люди среднего возраста, с военным опытом, ранениями, медалями. Другая половина – молодые люди 18–20 лет, *«пороха не нюхали»*, попали в резерв из тюрем и лагерей. В 1943 г. в армии, по воспоминаниям Рабичева, царило *«то невыдуманное чувство локтя и солдатской взаимопомощи»*, которое было основано на уверенности в конечной победе и являлось важным фактором сплочения военнослужащих. Спустя 60 лет после войны Рабичев признавался, что, *«невзирая на различия образования, семейного воспитания и духовного опыта»*, воспринимал этих людей как своих друзей и, *«в какой-то мере, как офицер – как своих детей»* [2]. Однако негативные стороны этой молодежи – *«в основном, храбрых, способных на неординарные решения бойцов»* открылись в 1945 г. в Восточной Пруссии при взаимодействии с гражданским населением и в трофейных компаниях.

Военнослужащие с высоким уровнем образования, горожане (особенно – в нескольких поколениях) оказывались в меньшинстве, буквально растворялись среди основного контингента красноармейцев – выходцев из деревни,

не отличавшихся большой грамотностью. Е.С. Сенявская отмечает «почти поголовный по происхождению рабоче-крестьянский характер армии», явившийся следствием жесткого социального отбора и массовых репрессий довоенного периода [3]. Соответственно, возможности для удовлетворительных дружеских контактов у этого меньшинства были изначально сужены. Первыми впечатлениями 19-летнего Л. Андреева о сослуживцах были такие: *«Народ простой: деревенские, одноликие...»* [4]. В том же духе описывает товарищей, с которыми провел на передовой не один месяц, гвардии старшина В.В. Сырцылин: *«Темнота деревенская, многие совсем неграмотные»* [5]. При таких условиях контакты довольно часто складывались по линии «донор – реципиенты»: более образованные, начитанные рассказывали, разъясняли, в общем, вольно или невольно, расширяли кругозор тех, кому знаний не доставало. С другой стороны, рабочее или крестьянское происхождение закладывало иные навыки, которые также активно перенимались (к примеру, освоение плотницкого дела при постройке блиндажей происходила под руководством профессионалов, легко обнаруживавшихся в воинском коллективе). Взаимные интересы обычно перекрещивались в разговорах на досуге, что с некоторой иронией описывает военный переводчик В. Раскин: *«Сидим в землянке, разговариваем о войне и мире, девчатах, пушках, способах приготовления гречневой каши, первом законе Ньютона, ну и разумеется, поем “Синий платочек”»*. В другом письме Раскин выскажется яснее: *«Хочется чего-то повкуснее: сопромата, диалектики, хороших стихов»* [6].

На самом деле, беседы и дискуссии не обязательно выявляли точки соприкосновения, иногда, напротив – принципиальные разногласия. Возможности диалога существенно сокращались из-за *«трехэтажной словесности»*, которая была неприемлема для части военнослужащих. Эти люди, даже потерпевшись к мату как постоянному фону фронтовой жизни, держались отстраненно от изъяснявшихся таким образом. *«Когда-то мне снова придется провести часок-другой в разговоре без мата! – сетовал В. Раскин. – Он уже перестает быть бранью: “Выхожу из леса так растак перетак, а навстречу идет Х так его растак и вот этак”. А с этим Х спать под одной шинелью и делиться последним куском хлеба. Что поделаешь – война»*. Раскин упорно искал на фронте друзей «своего круга». Находил тех, с кем *«можно поговорить по-человечески»*, преимущественно, среди юристов и офицеров тяжелой артиллерии [7].

Впрочем, со временем реакция на грубую речь и недостаток культуры смягчалась, что было связано с интеграцией в сообщество комбатантов. Коммуникативные барьеры преодолевались силой того, что можно назвать «общностью участи»: от совместного проживания, типичных выполняемых обязанностей, повседневных проблем и основных рисков до разделяемого всеми (а фактически – разделенного на всех) «солдатского фатализма». Так, постоянное ожидание военнослужащими писем из дома и несинхронность в их получении приводили к тому, что повсеместно распространилась практика коллективного чтения переписки (т.е. приватная информация становилась

в той или иной степени общедоступной, делая личность адресата-сослуживца прозрачнее). Но главное, на фронте с большой частотой возникали сложные, опасные для жизни ситуации, которые стремительно и однозначно проявляли человеческие качества, а, значит, выбор соответствующего определенным запросам/притязаниям товарища был, в каком-то смысле, облегчен, и даже, в отдельных случаях, претендовал на безошибочность.

Судя по дневнику фотокорреспондента Е.С. Бялого, фронтовым другом был *«партнер по песням, собеседник, с которым чаще и больше всех приходится беседовать, и даже спать вместе»*. Из рассказа ополченца С.И. Лурье сыну о дружбе позволяла говорить *«еда из общего котелка»* и решение общих бытовых проблем [8]. Взаимное тяготение естественным образом возникало между земляками, людьми одной национальности.

Часто фронтовым другом становился более опытный или более практичный человек. Рядом с таким шансы выжить возрастали, а это имело для комбатанта первостепенное значение. Воспоминания пехотинца А.З. Лебединцева сохранили один из множества подобных примеров. Во время марша он познакомился со старшим лейтенантом Ельниковым. Оказалось, что оба были родом из Ставропольского края. *«Протянув руку, он сказал: “Будем дружить”. Далее предупредил, чтобы я держался ближе к нему»*. Пользу от такого товарищества Лебединцев ощущал на протяжении месяца, который и продолжались их отношения. Во время остановок *«новый друг»* организовывал жилье, доставал продукты и спиртное, проворачивал меновые операции. *«Так началась наша дружба, – вспоминал Лебединцев. – Он всегда являлся добытчиком, а я всего лишь хранителем. С такими людьми было удобно дружить, полагаясь на их контактность с местным населением»*. Когда распределение по разным армиям Закавказского фронта развело друзей, Ельников беспокоился, что Лебединцев *«сгинет без его опеки»* [9].

«Единственным военным другом» признает в своих воспоминаниях Н.Н. Никулин *«лейтенанта Лешу»*, оказавшего ему, не приспособленному к фронтовому быту новобранцу, жизненно важную поддержку. *«Мы познакомились еще в 1941 году. Я только что прибыл на фронт – с пополнением из блокадного Ленинграда, был дистрофиком и охвачен тяжелым унынием. Надо было воевать и работать, а я с трудом передвигал ноги. Лейтенант Леша, в противоположность всем остальным, проявил ко мне сочувствие, оберегал меня, как мог, даже приносил мне кусочки хлеба с маслом из своего дополнительного пайка... Сам дистрофик, тоже недавно из блокадного Ленинграда, он обладал замечательной силой духа и стремлением помочь ближнему»* [10].

Именно к друзьям обращались с *«последней»* просьбой – сообщить родным о гибели, если так случится. Им завещали дорогие вещи, которые у фронтовиков были буквально единичны (очки, трубку, книгу). Нередки случаи, когда фронтовые друзья помогали родственникам погибших, высылая им вещи, деньги, ходатайствуя об установлении пенсий детям, просто поддерживая общение.

Несмотря на жесткую армейскую иерархию, тяготы войны порой стирали различия командиров и подчиненных. Эта тенденция просматривается в сообщениях о гибели фронтовиков, которые писались неофициально. *«Он*

был моим адъютантом, – сообщал сестре своего товарища майор В. Ребколо. – *Мы сроднились друг с другом, мало того – полюбили друг друга, как родные братья, несмотря на то, что я офицер, командир части, а он всего-навсего подчиненный»* [11]. Впрочем, стратегия отношений командира с подчиненными могла быть иной, практически не оставлявшей шансов на возникновение дружбы. Гвардии лейтенант, командир танка И.С. Украинцев излагал ее так: *«Ведь здесь нет ни одного человека, с кем мог бы я поделиться, перед кем мог бы излить свою желчь. Кроме того, я и не ищу друзей, так как здесь существуют начальники и подчиненные, поэтому я заключил себя в определенные рамки, облекся в формальную личину офицера-службиста, для которого существует приказ и беспрекословное выполнение его»* [12].

Как становится ясно из фронтовых писем, дневников, воспоминаний, препятствием для дружеских отношений между подчиненными и командирами становились офицерские привилегии (дополнительный паек, доступ к трофеям и др.), меньшая загруженность тяжелой повседневной работой (как известно, рядовые строили землянки и блиндажи не только для себя, но, в первую очередь, для командного состава), возможность обеспечить себе более комфортные и безопасные условия жизни. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что дружеские отношения военнослужащих строились в обстановке социального контроля. На эту «неприятную сторону общения, включая социальный контроль и социальное давление» как характерную черту взаимоотношений солдат в армии обращает внимание А. Людтке [13]. Дополнительные «отягчающие» обстоятельства были связаны со спецификой политического режима, установившегося в стране. Речь о том, что взаимный надзор был элементом незаметного, но разделявшегося всеми фона советской власти. Сталинизм нес в общественную психологию армии атмосферу нетерпимости, вражды, подозрительности и страха [14]. Передким явлением фронтовой жизни были доносы. Развоенная мораль сеяла сомнения даже в тех, кто шел в атаку рядом.

Дружеские связи между мужчинами и женщинами, складывавшиеся в условиях фронта, заслуживают особого внимания. Характер этих отношений расшифровать не всегда просто в силу того, что смешение понятий «дружба» и «любовь», утвердившееся в риторике предвоенного десятилетия создавало специфическую почву для налаживания взаимопонимания между полами. Слова «дружба», «друг», «дружище», активно использовавшиеся фронтовиками и фронтовичками в частной переписке для описания своих отношений с противоположным полом, очевидно, не обязательно свидетельствуют о взаимоотношениях товарищества. О многом говорит, к примеру, отрывок из письма военнослужащей Е. Охрименко: *«Мамуся, есть много ребят хороших и каждый уговаривает дружить, но нет, держись и дружу только, как с товарищами и люблю, как братьев, а они меня, как сестру. А в армии, если дружить, то через неделю и замуж выйдешь»* [15].

Показательна, в этом смысле, история фронтовой дружбы, которую можно восстановить по десяткам писем санинструктора Анны Сологуб. Их адресат – ее боевой товарищ Лев Теплов, который и передал переписку в Российский

государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) в 1980 г. Из писем девушки следует, что на фронте между ней и Львом завязалась дружба, длившаяся, однако, недолго, так как раненая в 1943 г. под Сталинградом Анна оказалась в госпитале. Оттуда (и позже – снова с фронта) она отправила Льву множество писем, посвященных единственной теме – их дружбе. *«Что сблизило нас с тобой? – размышляла Анна. – Я не знаю. Ты сейчас мне самый дорогой человек. Я часто о тебе думаю. А почему? Не знаю. Мы были с тобой друзьями, делили кусочек сухаря пополам, пели вместе песни, спорили на комсомольском собрании и часто берегли друг друга. Я этого никогда не забуду. Мы не объяснялись с тобой в любви как другие, но наша дружба стала всего дороже и больше, чем любовь!»*. Поскольку Лев не только практически игнорировал переписку, но и отрицал факт самой дружбы, девушка упрекала его: *«Ты не хочешь моей дружбы простой солдатской. Мы ведь дружили с тобой, а не крутили»*. Умоляла: *«Родной, не порывай со мной связи»*. Объясняла: *«Пойми, я люблю тебя как солдата, как борца»*. Вероятно, такой порыв со стороны Анны объясняется и романтичностью натуры, и отсутствием в ее фронтовой жизни более сильной эмоциональной привязанности [16].

Дружеское сближение с женщинами-медработниками было, в известном смысле, predetermined. Находясь на грани жизни и смерти, раненые военнослужащие особенно нуждались в поддержке и участии, были в высшей степени эмоционально открыты. Если удавалось выжить, многие не только испытывали благодарность к врачам и сестрам, но и старались не прерывать с ними отношения. В Архиве Научно-просветительского центра (далее – НППЦ) «Холокост» сохранились письма *«сестрице Фриам»* (так называли медсестру Фриму Кривицкую раненые) от 15 корреспондентов – бывших пациентов полевого госпиталя № 587, где она служила с ноября 1941 г. Девушка проявляла участие к судьбе военнослужащих не только в госпитале. Однажды обратилась с просьбой к матери: *«Под Москвой лежит мой раненый партизан, у него ампутирована нога. По его письмам я поняла, что мальчик немного скучает. Белочка, сделай для меня приятное, съезди к нему и, если можешь, отвези ему что-нибудь вкусное. Это для меня будет большой радостью. Ты представь, что это для меня. Ладно?!»* [17]. Когда у Кривицкой начали отбирать переписку с ранеными *«для отчета госпиталя»*, девушка решила переправлять ее домой.

Условия осуществления межличностных взаимодействий на разных этапах войны отличались, т.е. были более либо менее благоприятными. Так, в начале войны свою роль играл фактор ошеломления отступлением, огромных человеческих потерь, которые несла армия. Обстановка отличалась крайней нестабильностью, ближайшее окружение военнослужащего не раз меняло свой состав, происходила «притирка» разнородного контингента. С точки зрения внешних условий наиболее благоприятным для развития дружеских контактов военнослужащих видится второй период войны, проходивший под знаком «коренного перелома». Подкрепленная военными победами вера в окончательный разгром врага подпитывала атмосферу солидарности бойцов. На завершающем этапе войны, как свидетельствуют источники

личного происхождения, проблема одиночества фронтовиков обострилась; сказывались усталость от войны, выход за пределы родной страны, новизна заграничной среды.

Комбатанты Великой Отечественной войны, свидетельствуя о бесчеловечности нравов войны, дают понять, что условия военного времени потенциально мало способствовали отношениям дружбы. Тем не менее, многие из них на своем личном примере доказывают, что взаимоотношения такого рода завязывались, и они были одним из источников Победы.

В условиях фронта были одинаково востребованы как эмоционально-экспрессивные, так и инструментальные (деловые) функции дружбы. Отсюда – многообразие самих форм дружеских отношений, вариативность их типов и параметров. Оставаясь индивидуально-избирательным межличностным отношением, фронтовая дружба развивалась на основе взаимной симпатии, доверия, взаимопонимания и взаимопомощи, общности интересов и увлечений, ценностно-ориентационного единства. Она являлась одним из основных факторов поддержания стабильности личности в экстремальных условиях. А поскольку отношения воинского товарищества и дружеского расположения порой переплетались, то известная поговорка могла бы быть перефразирована – «и в службу, и в дружбу».

Примечания:

1. Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010. С. 230–231.
2. Рабичев Л. «Война все спишет»: мемуары, иллюстрации, документы, письма. М., 2008. С. 69, 96.
3. Сениявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М., 1995. С. 74.
4. Андреев Л.Г. Философия существования. Военные воспоминания. М., 2005. С. 57.
5. Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов. Краснодар, 2010. С. 100.
6. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1400. Л. 74, 50об.
7. Там же. Л. 32об., 14, 102.
8. Сохрани мои письма...: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. Вып. 1. М., 2007. С. 61, 86.
9. Лебединцев А.З., Мухин Ю.А. Отцы-командиры. М., 2004. С. 122–128.
10. Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб., 2008. С. 163–164.
11. Письма из войны: сб. документов. Саранск, 2010. С. 133.
12. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 1208. С. 49.
13. Людтке А. Указ. соч. С. 231.
14. Сениявская Е.С. Указ. соч. С. 74.
15. Там же. С. 189.
16. РГАСПИ. Ф. М-33. Оп. 1. Д. 318. Л. 6об., 25, 9об., 17об., 39об.
17. Архив НПЦ «Холокост». Ф. 9. Оп. 2. Д. 122. Л. 28.

Н.А. Насонова, О.В. Рвачева

КАЗАЧЕСТВО СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

В середине 1930-х гг. начался новый этап взаимодействия казачества и власти, главной целью которого, как и в середине 1920-х гг., оставалась советизация казачества. Важнейшими причинами, вызвавшими к жизни этот новый этап, чаще всего называют необходимость демонстрации единства советского народа в связи с подготовкой к принятию Конституции 1936 г., желание использовать хозяйственные навыки казачества в деле восстановления животноводства, а также военно-патриотические традиции казачества для укрепления обороноспособности страны [1].

Начиная с конца 1935 г. по югу России прокатилась волна мероприятий, направленных на манифестацию военно-культурной традиции казачества. На юге России казачество в рассматриваемый период располагалось на территориях трех административно-территориальных единиц: Северо-Кавказского и Азово-Черноморского краев, Сталинградской области. На территории последней проживало преимущественно донское казачество. В Сталинградской области проказачьи мероприятия не имели столь широкого размаха, как в Северо-Кавказском и Азово-Черноморском краях, так как казачество здесь было представлено лишь тремя округами бывшей Области войска Донского (Хоперским, Усть-Медведицким и Вторым Донским) и составляло небольшую долю в населении края. Но и здесь краевое руководство в лице первого секретаря И.М. Варейкиса отметило важность поддержки казачества, прежде всего как возможного военного резерва: *«Мы ни в коей мере не преуменьшаем и превосходно понимаем все значение конницы в будущей войне... Нам необходимо воспитать для нашей конницы прекрасные кадры красных казаков»* [2].

Донское казачество районов Сталинградской области также, как и казаки Азово-Черноморского и Северо-Кавказского края, заявляли о преданности советской стране преимущественно через демонстрацию воинственного духа и готовности защищать советскую родину. Так в письме на имя И.М. Варейкиса казаки-колхозники Подтелковского района отмечали: *«Донские казаки – верные сыны нашей великой, советской родины! Мы всегда готовы грудью встать за свое отечество... Пусть попробует враг напасть – донской казак отобьет ему охоту!»* [3]. Большинство таких писем являлись частью политических кампаний, но в целом социально-политическая обстановка на юге России, вовлечение казаков в процесс колхозного строительства, их служба в территориально-милиционных частях свидетельствовали об успехах политики большевиков по советизации казачества.

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 12-11-34007а «Документы Архивного фонда Волгоградской области о политике советско-партийного руководства в отношении донского казачества на территории Волгоградской области в сер. 1920-х – нач. 1940-х гг.».

Успешно применялась и такая военизированная форма советизации казачества, как движение ворошиловских кавалеристов, сложившееся и функционировавшее через сеть кружков и клубов по аналогии с кружками ворошиловских стрелков. Специальные постановления о поддержке инициативы по созданию клубов ворошиловских кавалеристов в начале февраля 1936 г. были приняты Азово-Черноморским (1 февраля) и Северокавказским (13 февраля) крайкомами ВКП(б) [4]. Материалы газеты «Сталинградская правда», освещавшие процесс создания и работы таких клубов на территории казачьих округов Сталинградского края также свидетельствуют о поддержке движения в этом регионе. Результаты поддержки и развития партийно-советским руководством военизированных форм советизации казачества сказались в начале войны, когда пришлось в спешном порядке формировать кавалерийские части, ставшие своеобразной заменой моторизованным частям армии.

С началом Великой Отечественной войны на территории Сталинградской области, также как и в других регионах юга России, началось формирование кавалерийских дивизий из казачьего населения. Так, в станице Качалинской Сталинградской области в августе 1941 г. была сформирована 60-я кавалерийская дивизия [5]. Формировались и казачьи части народного ополчения. При этом в пропагандистских целях это нередко сопровождалось демонстрацией особого военно-патриотического настроения казаков, как, например, в случае с участием казаков Ново-Анненского района в формировании дивизии народного ополчения. В записке заведующего военным отделом в отдел пропаганды Сталинградского обкома ВКП(б) отмечалось: *«В хуторах и станицах Ново-Анненского района поднялись на борьбу с лютым врагом лихие казаки... Казаки заготовили лучших коней, отточили клинки, выехали на военные занятия для тренировки, чтобы в новой схватке с врагом показать свою казацкую удаль»* [6].

В июле-августе 1942 г. 14 районов Сталинградской области полностью или частично были оккупированы немецкой армией. По преимуществу это были казачьи районы, и политика немецкого военного руководства в этих районах заключалась не только в том, чтобы по максимуму использовать человеческие и экономические ресурсы, но и в том, чтобы привлечь казачье население на свою сторону, как возможных потенциальных союзников в войне.

На традиционно казачьих территориях Сталинградской области (также как и в других регионах юга России) немецкие оккупационные власти осуществляли определенное «заигрывание» с казачеством. В докладной записке начальника УНКВД по Сталинградской области (1943 г.) говорится, что: *«В процессе агентурно-оперативной работы по освобождению от немецких оккупантов районам Сталинградской области установлено, что немецкое командование рассчитывало создать себе опору в среде донского казачества и использовать казаков, как вооруженную силу в борьбе против Красной Армии»* [7].

По словам военнопленного, бывшего штандер-офицера Сталинградской комендатуры: *«Политика германского командования заключалась в том, чтобы полностью уничтожить партийный и советский актив, истребить всех евреев, обезвредить себя от всех недовольных германской армией и любой*

ценой завоевать на свою сторону казаков» [8]. По сообщению секретаря Верхнекурмоярского райкома ВКП(б), в этом казачьем районе немцы поначалу относились к казакам не так грубо, как к русским: «сразу не было грабежа, но у них была умная политика, они заставляли старост, полицейских для них отбирать, сами они не отбирали. Некоторые жители считали, что больше румыны брали, а не немцы..., когда немцы почувствовали, что все же не получили от казачества поддержки, они стали грабить в открытую» [9]. По сообщению секретаря Серафимовичского райкома ВКП(б), в этом районе немцы пытались заигрывать с казачеством: «В первую очередь они обещали казакам немедленно открыть церкви, раздать крестьянам землю, раздать скот, сделать колхозников Серафимовича и его района вольным придонским казачеством, как оно жило раньше... не успели немцы войти на территорию Серафимовичского района, они стали на своем пути все сметать – скот, птицу, хлеб, молоко, яйца и т.д. Казаки сразу стали убеждаться и настроение у некоторых создавалось, особенно у тех, кто поверил в эту “вольную жизнь”, это население сразу поняло» [10]. В сообщении секретаря Сиротинского райкома ВКП(б) указывалось: «Как у нас первоначально вели себя немцы. Во-первых, они старались внушить местному населению, что с их приходом будут открыты церкви... Во-вторых, они обещали, что будут розданы земли казакам» [11].

По информации из партийной организации Перелазовского района, в беседе немецкого майора с одной комсомолкой он ее спросил: кто вы, русская или казачка? Получив ответ: «казачка», стал ее убеждать, что казаки воинственный народ, могли быть союзниками немцев и т.д. [12]. На «беседах» в гестапо немецкие офицеры подчеркивали, что казачья молодежь отличается от русской молодежи своим воинственным духом, который сродни арийскому, и что казаки и казачья молодежь должны были стать союзником немецкой армии в борьбе с большевизмом [13].

В ряде случаев на занятых территориях оккупационные власти возмещали казакам убытки за изъятие птицы, скотины, оплачивали полевые работы. Например, в станице Клетской за 3 коровы было уплачено 20 марок (из расчета 1 марка=10 руб.) [14]. Особенно часто используемым и популярным среди населения был тезис немецкой пропаганды о роспуске колхозов. В Нижнечирском районе «с самого начала оккупации района комендатура, а после гестапо издали целый ряд приказов и решений об аннулировании колхозов, ...о том, что земли принадлежат будут частным лицам, знатным казакам Дона и Чира» [15].

Вероятно, из-за кратковременности оккупации в казачьих районах Сталинградской области немцы не организовывали казачьих органов управления, подобных Штабу войска Донского в Новочеркасске, не выявлено и случаев выборов станичных или хуторских атаманов. Система органов управления, помимо упоминавшихся в отчетах партийного руководства гестапо и различных комендатур, включала сеть старост с управлениями станичных и районных старост и вспомогательную полицию при них. Выделенные в стенограмме сообщения секретаря Нижнечирского райкома ВКП(б) категории населения, привлекавшие в эти органы управления – это «люди..., которые в прошлом, особенно до револю-

ции, до колхозного строительства были кулаками, зажиточными, знатными людьми этого казачества. Среди них имела и интеллигенция, даже учителя, агрономы и другие профессии» [16]. В другом документе, содержащем информацию о деятельности полиции в Тормосиновском районе, говорится о том, что личный состав полиции укомплектован из местных жителей, главным образом из числа изменников Родины, социально-чуждого элемента и лиц, репрессированных при советской власти [17]. Нередко подчеркивалась негативная деятельность таких людей в прошлом, например, в информации о деятельности одного из старост упоминалось, что он сидел раньше в тюрьме за хулиганство и растраты [18].

Вместе с тем, практически все категории местных жителей при помощи различных методов привлекались к сельхозработам, строительству дорог, работе в немецких госпиталях, обслуживанию офицерских квартир и пр. Методы воздействия были различными: за саботирование сельхозработ мог угрожать расстрел или телесное наказание (порка), а, за сотрудничество, наоборот, вознаграждение (например, записавшимся на курсы жандармов выплачивалась зарплата – 250 руб. в месяц и предоставлялся паек) [19].

После освобождения оккупированных районов в области началась работа органов НКВД по выявлению лиц, активно сотрудничавших с немецкой властью, изучению настроений населения. Сведения о настроениях населения, представленные органами НКВД и отделом агитации и пропаганды Сталинградского обкома ВКП(б), содержали данные и о поведении населения в период оккупации. Представленная информация свидетельствовала о том, что население вело себя по-разному и часто это обуславливалось ситуацией, а также элементарным желанием выжить.

Так, на оккупированных территориях Сталинградской области после выявления и регистрации комсомольцев с каждым из них беседовал немецкий офицер (как указано в документах – гестапо). Им поясняли, что принадлежность к комсомолу является компрометирующим обстоятельством, после чего, как правило, давали задания. В итоге свыше 80 % комсомольцев на оккупированных территориях уничтожили свои билеты. В Чернышковском районе после освобождения выяснилось, что из 130 комсомольцев только у 30 чел. были билеты. В ходе «чистки» на бюро райкома комсомола обсудили поведение 50 чел., и 8 чел. исключили из организации за работу на немцев (прислужгой у немецкого офицера, писарем в полиции, квартальной и т.д.). Отмечалось, что *«работы в пользу партии и советской власти никто из комсомольцев не вел»* [20]. По данным УНКВД по Сталинградской области около 50 % молодежи на оккупированной территории под воздействием как угроз, так и немецкой пропаганды сотрудничали с немцами.

Встречались и факты встречи немцев «хлебом-солью». Так, по информации Перелазовского райкома ВКП(б): *«Некоторые старики ждали прихода немцев»*. Приводился и факт встречи одним старым казаком немецких солдат: *«когда к его двору подошли немецкие танки, он им сказал: “Милые мои сыночки, я вас 20 лет ждал”*». Но потом быстро образумился, когда у него немцы забрали корову: *«Сукины сыны, советская власть этого не делала»* и т.д. [21].

Часть казаков во время оккупации вступила в добровольческие казачьи отряды, а затем ушла с отступавшими немецкими войсками. В Котельниковском районе добровольцами в немецкую армию ушло около 50 чел. В Клетском районе был сформирован добровольческий казачий отряд [22]. В Нижнечирском районе ушло с немцами около 200 чел. [23]. За период с 23 ноября по 16 декабря 1942 г. органами НКВД в освобожденных районах арестовано 450 чел., сотрудничавших с немцами (старост, полицейских, переводчиков при немецких комендатурах) и подозревавшихся в шпионаже [24].

Однако, несмотря на демонстрацию лояльности к казакам и призывы к сотрудничеству, в массе своей казачество не перешло на сторону немецкой армии и не спешило реагировать даже на обещание немцев распустить колхозы. Анализ ситуации на освобожденных территориях позволил представителям партийно-советского руководства сделать вывод о том, что *«ставка гитлеровских захватчиков в отношении получения поддержки Донского и Чирского казачества провалилась. Даже после приказов немецкой комендатуры колхозный инвентарь, находившийся на колхозных базах, никто из колхозников к себе во двор не взял»* [25].

Известны и многочисленные факты саботажа населением сельхозработ в период оккупации, организации подпольных групп. Ожидание освобождения и прихода Красной армии, возвращения советской власти проявлялось в разных формах. Например, в станице Нижнечирской *«старухи собирались и гадали в карты – когда вернется советская власть. Кто-то доказал. Взяли немцы старух и расстреляли»* [26]. В другом случае комсомолец, участвовавший до войны в кружке радиолобителей, сконструировал в условиях оккупации радиоприемник, *«с помощью которого стал принимать сводки Совинформбюро и последние известия... создал вокруг себя группу из комсомольцев и молодежи... С помощью этой молодежи... распространял среди населения, принимаемые им... сводки Совинформбюро и последние известия...»* [27].

В докладных записках в Сталинградский обком ВКП(б) содержались высказывания казаков типа: *«истинный казак – враг немцу»* [28], обязательно указывалось, как встречали Красную армию (радостно, восторженно и пр.), как на освобожденных территориях население собирали деньги на строительство танка и т.д.

В районах, не подвергавшихся оккупации, уже в ноябре 1942 г. начали формироваться казачьи кавалерийские дивизии народного ополчения. Создавались они по территориальному принципу, наименование сотен совпадало с названиями районов области: Михайловская, Кумылженская, Серафимовичская, Раковская, Березовская и Даниловская [29]. Практически весь личный состав этих сотен состоял из казаков непризывного возраста (средний возраст ополченцев был от 40 до 55 лет) [30]. Так, одной из сотен Березовского района командовал известный георгиевский кавалер К.И. Недорубов, которому на тот момент исполнилось 52 года. [31].

Итак, донское казачество Сталинградской области, так же как и казачество других территорий юга России, накануне Великой Отечественной войны явля-

лось частью советского общества. В период войны оно демонстрировало готовность сражаться и защищать Советскую Родину. Случаи добровольного перехода казаков в период оккупации Сталинградской области на сторону немцев немногочисленны. Вместе с тем, довольно часто то или иное поведение казачьего населения в районах оккупации обуславливалось, прежде всего, стратегией выживания, а также восприятием немцев, прежде всего как чужаков и врагов. Негативные стороны оккупации (разграбление хозяйств казаков, насилия, расстрелы), неизменно сопровождавшие любые военные действия, обостряли отрицательное восприятие немецкой армии и способствовали усилению патриотических настроений среди казачьего населения в Сталинградской области.

Примечания:

1. Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международ. (Всерос.) науч. конф. Ростов н/Д, 1995; Скорик А.П. Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д, 2008. С. 177–179.
2. Речь тов. Варейкиса на заседании Пленума Крайисполкома, посвященного чествованию орденосцев животноводов» // Сталинградская правда. 1936. № 52 (2366). 4 марта.
3. Советские донские казаки готовы к отпору врагам // Сталинградская правда. 1936. № 54 (2368). 6 марта.
4. Скорик А.П. Ворошиловские всадники на Юге России в 1935–1940 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 9. С. 31
5. Трут В.П., Курков Г.М. Военная энциклопедия казачества. М., 2009. С. 298.
6. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 98. Оп. 2. Д. 36. Л. 29.
7. Архив Управления Федеральной службы безопасности по Волгоградской области (далее – Архив УФСБ). Ф. 10. Д. 89. Л. 35.
8. ЦДНИВО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 61. Л. 35.
9. Там же. Ф. 113. Оп. 14. Д. 11. Л. 28, 28 об.
10. Там же. Л. 44.
11. Там же. Л. 47.
12. Там же. Оп. 12. Д. 71а. Л. 4об., 5.
13. Там же. Оп. 14. Д. 306. Л. 83.
14. Там же. Д. 53. Л. 22–23.
15. Там же. Л. 38, 38об.
16. Там же. Оп. 14. Д. 11. Л. 38об.
17. Там же. Оп. 12. Д. 117.
18. Там же. Д. 117. Л. 3.
19. Там же. Оп. 14. Д. 306. Л. 81–82.
20. Там же. Д. 49. Л. 43.
21. Там же. Оп. 12. Д. 71а. Л. 5.

22. Архив УФСБ. Ф. 2. Оп. 18. Пор. 29. Л. 69об.
23. Там же. Л. 87об.
24. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 31.
25. Там же. Оп. 14. Д. 11. Л. 38об, 39.
26. Там же. Л. 38 об.
27. Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 205. Л. 2–3.
28. Там же. Ф. 113. Оп. 14. Д. 306. Л. 38.
29. Там же. Ф. 90. Оп. 1. Д. 55.
30. Там же. Оп. 1а. Д. 1. Л. 20–21.
31. Там же. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

С.С. Белоусов

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ИХ ПОСЛЕДСТВИЯ

В годы Великой Отечественной войны в нижневолжском регионе произошли существенные административно-территориальные перемены, вызванные депортацией немецкого и калмыцкого народов. Накануне войны на территории Нижнего Поволжья располагались четыре административных субъекта: Саратовская и Сталинградская области, АССР немцев Поволжья и Калмыцкая АССР. В 1941–1943 гг. были ликвидированы республики немцев и калмыков и создано новое административно-территориальное образование – Астраханская область.

Первой была упразднена АССР немцев Поволжья: 28 августа 1941 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», а 7 сентября 1941 г. последовал другой указ Президиума Верховного Совета СССР под названием «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья» [1]. Против немцев Поволжья было выдвинуто обвинение в их нелояльности к советской власти и укрывательстве *«тысяч и десятков тысяч диверсантов и шпионов»*, готовых по первому сигналу из Берлина начать подрывную деятельность в тылу [2]. Советское руководство рассматривало переселение немцев в восточные районы страны в качестве превентивной меры, видя в них «пятую колонну», опасаясь, что сосредоточение большого количества немецкого населения в Поволжье недалеко от г. Куйбышева, который планировался новой столицей на случай сдачи Москвы, может при подходе фронта дестабилизировать ситуацию в регионе. Многие современные исследователи увязывают депортацию немецкого населения и ликвидацию автономии с перипетиями советско-германских отношений. Так, известные исследователи истории поволжских немцев А.А. Герман и И.Р. Плева пишут: «Советские немцы, в том числе и немцы Поволжья, не раз становились заложниками отношений двух великих держав, СССР и Германии.

Следствием крайнего обострения отношений между этими странами, принявших форму открытого военного столкновения, стала ликвидация АССР немцев Поволжья и депортация поволжских немцев в Сибирь и в Казахстан» [3].

Территория АССР немцев Поволжья (28,2 тыс. кв. км), согласно указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья», была разделена между двумя соседними областями: в состав Саратовской области вошло 15 кантонов, Сталинградской – 7 [4]. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., в автономии проживали 366 685 немцев, составлявших 2/3 всего населения республики. Переселение такого количества людей пагубно отразилось на экономике бывшей автономии, которая фактически выключалась из экономической сферы государства [5]. Первоочередной задачей власти на территориях, отошедших к Саратовской и Сталинградской областям, поэтому стало организация переселений населения из других регионов с целью восполнения огромной убыли в трудовых ресурсах. В 1941–1945 гг. на территорию бывшей АССР немцев Поволжья, включенной в Саратовскую область, было переселено 33 971 хозяйство, в совокупности с русскими старожилами они составили 40 294 хозяйства (вместо 91 570 хозяйств выселенных немцев) [6].

Обвинения в предательстве, прозвучавшие в адрес калмыцкого народа со стороны советского руководства, стали обоснованием для депортации калмыков и упразднения Калмыцкой АССР. В указе Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г. говорилось о том, что многие калмыки в период немецкой оккупации сотрудничали с врагом, воевали на его стороне, а после освобождения территории Калмыцкой АССР советскими войсками осуществляли диверсии против представителей государственной власти и мирного населения [7]. Хотя в данном указе речь шла о предательстве только части калмыков, репрессиям подлежал весь калмыцкий народ.

По теме депортации калмыцкого народа и ликвидации его республики написана обширная научная литература. Их причины обычно объясняются грубым извращением И.В. Сталиным ленинской национальной политики, личными качествами советского лидера, его стремлением переложить ответственность за военные поражения на плечи некоторых малочисленных народов. Некоторые историки склонны видеть причины депортации и ликвидации автономии в необходимости обеспечения бесплатной трудовой силой промышленных объектов Сибири и Средней Азии или даже в сущностном содержании советской национальной политики, направленной в итоге на смешение наций с целью формирования надэтнической общности – советского народа.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. ликвидировал Калмыцкую АССР и одновременно воссоздал Астраханскую область как субъект РСФСР. Одну из старейших губерний России – Астраханскую – ликвидировали в 1928 г., когда была создана Нижне-Волжская область, в которую была включена в качестве округа основная часть территории бывшей Астраханской губернии.

Отдельные астраханские исследователи упразднение и восстановление Астраханской области объясняют субъективными факторами – последствиями внутригрупповой борьбы советской элиты. Так, авторы монографии «Астрахань – XXI век: Социокультурная регионалистика» (2007), упразднение Астраханской губернии связывают с поражением в противостоянии с И.В. Сталиным С.М. Кирова, являвшегося, по их мнению, своего рода «ангелом-хранителем» Астраханского края. Даже факт создания в 1943 г. Астраханской области авторы интерпретируют как «утонченное коварство» Сталина, пошедшего на это якобы потому, чтобы не допустить дефежа огромных денег, выделенных правительством для восстановления Сталинградской области, в состав которой до 1943 г. входил Астраханский округ [8].

В состав новой области вошли 8 районов бывшего Астраханского округа (Владимировский, Володарский, Енотаевский, Икрянинский, Камызякский, Красноярский, Наримановский, Харабалинский) и г. Астрахань, а также восточные районы бывшей Калмыцкой АССР (Долбанский, Кетченеровский, Лаганский, Приволжский, Троицкий, Уланхольский, Черноземельский, Юстинский) и г. Элиста. Другие районы Калмыкии – Малодербетовский и Сарпинский – были включены в Сталинградскую область; Западный и Яшалтинский – в Ростовскую область; Приютненский – в состав Ставропольского края. Общая площадь Астраханская области составила 9318 тыс. га, на которых проживали 617,6 тыс. чел. [9].

На 1 апреля 1940 г. в Калмыцкой АССР насчитывалось 220 723 жителей, из которых половина были калмыками, республика занимала площадь в 74,2 тыс. кв. км. [10]. Депортация калмыцкого населения обезлюдила огромные территории, особенно в восточной части Калмыкии, где была сосредоточена большая масса калмыцкого населения. Чтобы покрыть убыль населения во включенных в Астраханскую область районах бывшей республики в них направили переселенцев из других российских областей. В колхозах Лиманского (бывшего Долбанского) района к сентябрю 1944 г. были размещены 424 семьи переселенцев, в Приволжском – 171 семья [11].

После образования области астраханская администрация стала прилагать усилия по расширению территории области. 17 марта 1944 г. председатель Астраханского облисполкома Н.И. Быхов по поручению обкома ВКП(б) и облисполкома обратился в ЦК ВКП(б) и Президиум Верховного Совета РСФСР с просьбой рассмотреть вопрос о присоединении к области Черноярского района Сталинградской области и Кизлярского округа Ставропольского края. Свою просьбу астраханское руководство мотивировало тем, что эти районы ранее входили в состав Астраханской губернии и их экономики были сходны с экономиками, прилегающими к ним астраханскими районами [12]. В данных действиях астраханской управленческой элиты просматривалось стремление хотя бы частично восстановить территорию Астраханской губернии, сильно урезанной в годы советской власти. Результатом этой деятельности стало возвращение в 1949 г. из Сталинградской области в Астраханскую Черноярского района, переданного в 1919 г. в качестве

уезда в Царицынскую губернию. Благодаря этому территория Астраханской области расширилась до 96,3 тыс. кв. км.

Депортации периода Великой Отечественной войны негативно сказались на социокультурном и демографическом развитии немецкого и калмыцкого народов. Историки репрессивной политики, как правило, акцентируют внимание на огромных материальных и культурных потерях немецкого и калмыцкого народов, ухудшении их социального статуса, указывают на огромную морально-психологическую травму, которую нанесла депортация народам.

В годы ссылки наиболее активные представители калмыцкого и немецкого народов пытались доказать неправомерность обвинений в предательстве своих народов и донести до советского руководства мысль о необходимости возвращения народов на свою Родину и восстановления автономных образований. Перемены к лучшему в положении репрессированных народов наступили после смерти И.В. Сталина. После исторического XX съезда КПСС началась реабилитация политических ссыльных и депортированных народов. Советское руководство признало неправомерными действия своих предшественников по выселению ряда народов в восточные районы страны и приняло меры по их реабилитации. В числе таких мер были разрешение ссыльнопоселенцев возвратиться на прежнее место жительства и восстановление национальных административно-территориальных образований. В конце 1950-х гг. были воссозданы автономии большинства репрессированных народов, за исключением немецкой и крымско-татарской.

Автономия калмыцкого народа была восстановлена указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края» от 9 января 1957 г. В Калмыцкую область вошли все ее прежние территории, кроме Лиманского и Приволжского (Долбанского) районов, большая часть которых остались в составе Астраханской области. В первоначальном проекте упомянутого указа Лиманский и Приволжские районы значились в составе Калмыцкой области, однако в окончательном его варианте они там уже не присутствовали.

В.Б. Убушаев и К.В. Убушаев высказывают предположение, что территория автономии была восстановлена без двух, входивших до 1943 г. в ее состав районов, главным образом потому, что у руководства Астраханской областью был свой покровитель в высших эшелонах власти – А.Б. Аристов, совмещавший в конце 1950-х гг. посты первого заместителя председателя Президиума ЦК КПСС по РСФСР и секретаря ЦК КПСС. Будучи уроженцем Астраханской области, Аристов, возможно, посодействовал землякам в просьбе оставить в ее составе Лиманский и Приволжский районы [13].

При рассмотрении обстоятельств, воспрепятствовавших возвращению двух восточных районов в состав республики, важно также учитывать и ряд других факторов, повлиявших на принятие данного решения. Свою роль здесь, безусловно, сыграл географический фактор: Лиманский и Приволжский районы располагаются в непосредственной близости от Астрахани, поэтому на протяжении своей истории они административно и экономически всегда были тесно с ней связаны. Во второй половине 1920-х гг. в состав Долбанского и Приволжского улусов был

включен ряд населенных пунктов с преимущественно некалмыцким населением, что усилило экономический потенциал республики, но одновременно привело к уменьшению в них доли калмыцкого населения. По переписи 1939 г. оно составило 44,5 % (18,4 тыс. чел.) от общего числа их населения [14]. В период депортации калмыцкого народа доля некалмыцкого населения в этнической структуре указанных районов, естественно, возросла еще больше, что, несомненно, было учтено при определении границ Калмыцкой автономной области.

В период восстановления калмыцкой автономии руководство Астраханской области делало все возможное, чтобы минимизировать территориальные потери области. В итоге ему удалось сохранить в составе Астраханской области большую часть Приволжского и Лиманского районов, которые ныне составляют треть территории области.

Астраханские власти пытались оспорить и административную границу с Калмыкией, установленную указом Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края» от 9 января 1957 г. Астраханская администрация высказала свое несогласие с проведением административной границы с Калмыцкой областью в западной части Лиманского района по линии железной дороги Кизляр – Астрахань на участке от станции Басинской до разъезда № 8. Ее не устраивало то обстоятельство, что граница разрезала надвое землепользование 5 колхозов Лиманского района, и последние лишались основной части своих угодий, которые отходили к Калмыцкой области. Астраханское руководство считало целесообразным установить границу по фактическому землепользованию колхозов и других землепользователей Лиманского района [14]. Можно предположить, что жесткая позиция астраханской администрации в этом вопросе повлияла на то, что описание административной границы между двумя субъектами так и не было утверждено Президиумом Верховного Совета РСФСР. Это дало основание областному руководству впоследствии оспаривать принадлежность территорий временного землепользования к Калмыкии.

Проведенные в годы Великой Отечественной войны административно-территориальные преобразования заметно изменили политико-административную карту Нижнего Поволжья. Упразднение двух национальных республик было вызвано обстоятельствами военного времени. Ликвидация немецкой автономии советским руководством рассматривалась в качестве предупредительной меры, а калмыцкой – в качестве наказания за сотрудничество части калмыцкого населения с германским оккупационным режимом. Это были действия исключительно политического характера, носившие ситуационный, а не стратегический характер, никак не связанные с продуманным планом административно-территориальных преобразований в регионе.

Примечания:

1. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья» // Сборник законов СССР. 1938–1967 г. Сб. документов в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 164.

2. Президиум Верховного Совета СССР. Указ от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». URL. <http://ru.wikisource.org/wik> (дата обращения 13.06.2012).
3. Герман А.А., Плева И.Р. Немцы Поволжья. Краткий исторический очерк. Саратов. 2002.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 года «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья». С. 164.
5. Бугай Н. Автономия немцев Поволжья: проблемы деструктурирования и социальной натурализации. URL. [http:// www.memo.ru/history/nem/Chapter3.htm](http://www.memo.ru/history/nem/Chapter3.htm) (дата обращения 12.06.2012).
6. Там же.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». URL. <http://www.lawmix.ru/sssr/15068> (дата обращения 13.06.2012).
8. Астрахань – XXI век: социокультурная регионалистика. Астрахань, 2007. С. 299.
9. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 5. Л. 1.
10. Там же. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2а. Л.148.
11. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф.2233. Оп. 6. Д. 26. Л. 22.
12. НА РК. Ф. Р-309. Оп. 7. Д. 5. Л. 7.
13. Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959 гг. Элиста, 2007. С. 388.
14. НА РК. Ф. 309. Оп. 1. Д. 2136. Л. 139.
15. Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 14.

Е.Е. Красноженова

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Начало Великой Отечественной войны привело к обострению социальных проблем в Нижнем Поволжье и потребовало от государства решительных действий по улучшению ситуации в социальной сфере. Степень решения социальных проблем в условиях войны во многом зависела от их состояния и эффективности принимаемых мер в довоенный период. В связи с этим, достигнутые результаты в вопросах обеспечения населения потребительскими товарами и услугами, жильем, медицинским обслуживанием, развития образования и культуры, оказали большое влияние на функционирование социальной сферы в годы войны.

Основными причинами обострения социальных проблем в регионе в условиях войны являлись: рост нужды и бедствий населения, сокращение произ-

водства продовольственных и промышленных товаров, масштабные разрушения объектов социальной сферы, снижение количественного и качественного уровня работников социального профиля, значительное уменьшение расходов государства в области жизнеобеспечения населения.

Большое значение в военный период приобрело оказание помощи наиболее нуждающимся категориям населения: семьям военнослужащим, инвалидам войны, многодетным матерям, детям, потерявшим родителей, эвакуированным. Социальная политика государства сконцентрировалась на таких основных направлениях, как продовольственное снабжение, поиск эффективных форм оплаты труда, совершенствование социального обеспечения и медицинского обслуживания, преодоление нехватки жилья, вызванное необходимостью размещения значительных масс эвакуированного населения.

Перестройка социальной работы была направлена на максимальную централизацию распределения потребительских товаров и услуг. С этой целью было введено нормированное снабжение продовольствием и промышленными товарами, которое осуществлялось в соответствии с дифференцированным принципом распределения. Это решалось посредством организации продажи продовольственных товаров на основе карточной системы. На основании решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 22 августа 1941 г. Сталинградский обком ВКП(б) принял постановление «О введении карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в городах Сталинград, Астрахань и Камышин» [1]. Нормы снабжения были дифференцированы по социально-производственному принципу. Все городское население подразделялось на 4 группы: рабочие и приравненные к ним лица; служащие и приравненные к ним; иждивенцы и приравненные к ним; дети до 12 лет.

Самые высокие нормы снабжения были определены для «*группы рабочих и приравненных к ним*». При этом привилегированное положение в обеспечении продовольственными и промышленными товарами занимали руководители партийных, государственных, хозяйственных органов и организаций. В условиях тотального дефицита они получали не только продовольственные карточки по группе рабочих особого списка, но и литерные обеды, сухие пайки и хлеб дополнительно сверх карточной нормы. Для руководящих работников открывались специальные магазины, в которых были организованы секции по торговле хлебом, гастрономией, бакалеей, галантереей, промышленными товарами и столы предварительных заказов. Широкое распространение получили столовые закрытого типа, обслуживающие руководителей различных ведомств.

В 1943 г. в связи с тяжелым продовольственным положением в городе Астраханский городской комитет обороны снизил нормы выдачи хлеба и установил вместо 800 г – 600 г, вместо 600 г – 400 г, вместо 400–300 г хлеба [2]. 29 октября в список нормированных продуктов в Сталинграде были включены мясо, рыба, жиры, крупы и макаронные изделия [3]. Принцип дифференцированного снабжения был положен и в основу обеспечения населения промышленными товарами. Так, для рабочих и инженерно-технических работников устанавливалась норма снабжения в 125 купонов-единиц, для служащих –

в 100 купонов-единиц, для иждивенцев, включая детей и учащихся – в 80 купонов-единиц [4].

В большой зависимости от организации системы снабжения оказались дети, инвалиды, эвакуированные, которые нуждались в особой поддержке государства. Формы снабжения детей в Нижнем Поволжье были достаточно разнообразными, начиная от открытия молочных кухонь и заканчивая проведением летних оздоровительных мероприятий. Для обслуживания инвалидов войны открывались специальные столовые и магазины, проводилась политика по их трудоустройству согласно постановлению СНК СССР «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» от 6 мая 1942 г. [5].

Существенную роль в продовольственном обеспечении городского населения сыграло коллективное и индивидуальное огородничество. Широкое развитие огородничества помогло городскому населению региона в какой-то степени избежать массового голода. Руководство страны и органы власти на местах придавали большое значение развитию индивидуального и коллективного огородничества, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли соответствующие постановления «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих», «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества рабочих и служащих в 1944 г.» [6].

Значительную роль в дополнительном обеспечении рабочих промышленных предприятий продовольственными товарами сыграли отделы рабочего снабжения (ОРСы), которые осуществляли торгово-бытовое обслуживание рабочих и служащих предприятий. Однако не всегда снабжение рабочих было хорошо организовано. Так, в течение двух месяцев питание рабочих астраханского автобронетанкового завода № 10 проводилось в большей части свежей рыбой при полном отсутствии жиров. Вследствие этого имелся ряд случаев почечных и других заболеваний на почве сильного истощения [7].

В условиях войны заметно возросла роль общественного питания. Столовые, кафе, буфеты стали составной частью жизни и быта советских людей. К услугам общественного питания в Нижнем Поволжье приобщались многие группы населения: члены семей военнослужащих и инвалидов войны, дети, рабочие и др. В последний год войны была открыта сеть коммерческих ресторанов, столовых и магазинов. Об их состоянии и качестве обслуживания посетителей шла речь на VII пленуме Саратовского обкома партии [8].

В военный период намного повысилось значение колхозной торговли как источника удовлетворения потребностей населения и важного фактора улучшения продовольственного положения городов региона. Состояние торговли Нижнего Поволжья иллюстрируют письма, адресованные местным органам власти региона. Так, на адрес Астраханского городского комитета обороны поступило письмо следующего содержания: «Кроме молока ничего на базаре нет... Цена от 30 до 40 руб. за литр. Табак у нас покупают спичечными коробками – 15 руб. коробка» [9]. Проверка торговых точек выявляла большие недостатки, завышение цен, обмер и обвес покупателей, продажу товаров «из-под прилавка», несоблюдение норм закладки продуктов в столовых. Астраханский городской комитет

обороны 29 ноября 1941 г. было принято постановление «О состоянии торговли на рынках Астрахани и мерах борьбы со спекуляцией» [10].

Жизнеобеспечение населения зависело от состояния социально-бытовой сферы. Война усугубила сложное положение здравоохранения и жилищно-коммунального хозяйства. В этих условиях комплекс санитарно-эпидемических мероприятий помог избежать осложнений санитарно-эпидемиологической обстановки. Местными органами власти Нижнего Поволжья не раз принимались решения об обязательной дезинфекции военных и санитарных поездов, строительстве вошебок, дезинфекционных камер, санпропускников для эвакуированных и раненых. Органы здравоохранения Нижнего Поволжья развернули профилактическую работу по борьбе с эпидемиями, возникавшими в военный период в регионе. В июле 1941 г. в Сталинградской области недоставало 17 государственных санинспекторов, 11 врачей санэпидемстанций [11]. В 1941–1942 гг. в Сталинградской области возникли локальные очаги заболеваний сыпным и брюшным тифом, малярией, цингой [12]. Была зафиксирована вспышка заболеваний холерой, отмечен рост на 11 % инфекционных заболеваний, на 44 % смертности от инфекций среди жителей из-за ухудшения санитарно-бытового и медицинского обслуживания [13]. Необходимость надежно оградить от эпидемий население страны вызвала к жизни постановление ГКО «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии» от 2 февраля 1942 г. [14].

В ходе боевых действий на территории Сталинградской области были уничтожены больницы, поликлиники, амбулатории, диспансеры, родильные дома, ясли, санэпидемстанции, молочно-контрольные станции, лаборатории. Острый недостаток лечебных учреждений ставил перед государством задачи развертывания большого количества эвакуационных госпиталей. К августу 1941 г. в стране было сформировано более 1,5 тыс. эвакуационных госпиталей на 658 тыс. больничных коек [15]. 7 июля 1941 г. ГКО по ходатайству медиков принял решение о создании в Нижнем Поволжье 1600 дополнительных госпиталей для лечения 750 тыс. раненых. Наличие на территории Сталинградской области двух медицинских институтов, 1330 врачей, 10 800 больничных коек позволило организовать в эвакуационных госпиталях оказание специализированной медицинской помощи [16].

Работники здравоохранения Саратовской области к апрелю 1942 г. добились хорошего медицинского обслуживания больных и раненых в лечебно-профилактических учреждениях и эвакуационных госпиталях (2-я Советская больница, госпиталь № 1691 г. Вольска, инфекционная больница им. Энгельса). Многие медицинские работники получили новые квалификации и овладели дополнительными специальностями. Более 2 тыс. медсестер, санинструкторов и сандружинниц подготовил за военный период Вольский горком общества Красного Креста [17].

В годы Великой Отечественной войны произошло крайнее обострение жилищного кризиса. Решение жилищной проблемы в военный период было основано на ряде решений центральных органов власти: постановлении ГКО «О создании индустриальной базы для массового жилищного строительства»

от 23 мая 1944 г., СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению индивидуального жилищного фонда в освобожденных районах и усилению индивидуального жилищного строительства в городах и рабочих поселках СССР» от 29 мая 1944 г. [18]. Жилищный вопрос обострился в Нижнем Поволжье в связи с прибытием огромного количества эвакуированного и мобилизованного населения. Обеспечение этих категорий населения жильем проводилось с применением чрезвычайных мер. Они охватывали, прежде всего, использование имевшегося наличного жилого фонда, а также зданий и помещений иного назначения. Вводилась система жесткого нормирования жилой площади. Производилось уплотнение жильцов и плановое перемещение нетрудоспособного городского населения для проживания в сельскую местность. Такие меры, обеспечивая наиболее рациональное с позиции общегосударственных интересов использование наличной жилой площади, по существу не учитывали интересы конкретного человека.

В военные годы усиленное внимание уделялось и индивидуальному жилищному строительству. Хотя государство постоянно отпускало кредиты индивидуальным застройщикам, однако, как свидетельствуют материалы архивов, выделявшиеся финансовые средства осваивались далеко не в полном объеме. Практически повсеместно срывались планы индивидуального жилищного строительства. Одновременно не прекращалась работа по улучшению коммунального обслуживания граждан. Большое внимание начинает уделяться к концу войны ремонту имеющегося жилого фонда.

Особое внимание в военный период было уделено таким социальным группам населения, как инвалиды войны, семьи военнослужащих и эвакуированные. Государство разработало и осуществило множество мер по их социальной реабилитации, вовлечению в трудовую деятельность, лечебному, жилищно-бытовому и материальному обслуживанию. Отсутствие жилья и имущества в момент прибытия в Нижнее Поволжье ставили эвакуированных в худшие условия по сравнению с местными жителями. Дополнительная помощь в обеспечении продовольствием и товарами первой необходимости, оказываемая эвакуонаселению местными властями, лишь частично компенсировала эту разницу. Согласно Постановлению СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения» наряду с индивидуальным жилищным строительством, проводимым рабочими и служащими эвакуированных предприятий, было развернуто строительство жилых помещений упрощенного типа (общежитий, барачков, казарм, полужемлянок) для эвакуированных [19]. Большинство прибывших были размещены, обеспечены необходимым и трудоустроены. Эвакуированному населению оказывалась единовременная денежная помощь. Так, в марте 1943 г. в Новоузенском и Базарнокарабулакском районах Саратовской области эвакуированным было выплачено по 2 тыс. руб., в Красавском – 5 тыс. [20]. Несмотря на это, уровень жизни значительной части эвакуонаселения, в силу объективно сложившихся обстоятельств, оказался ниже, чем у местных жителей. Но минимальные условия жизнеобеспечения были созданы, благодаря чему люди смогли выжить.

В условиях военного времени была осуществлена обширная программа обеспечения жизнедеятельности разных слоев общества. За годы войны матерям и детям были увеличены льготы в области медицинского обслуживания, материального обеспечения, организации отдыха. 8 июня 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства» [21]. Отделами государственной помощи многодетным матерям Саратовской области к весне 1945 г. было выплачено государственного пособия многодетным и одиноким матерям на сумму 3 457 940 руб., в том числе 1 649 800 руб. единовременной помощи одиноким матерям. Орденами «Материнская слава» и медалями «Медаль материнства» награждено 697 многодетных матерей, из них десяти многодетным матерям присвоено звание «Мать-героиня» [22].

Особое внимание приковывало воспитание детей фронтовиков. Для них была развернута сеть дошкольных детских учреждений: детские сады, ясли, площадки. Материально-бытовые условия жизни семей военнослужащих оставались тяжелыми, что иллюстрируют многочисленные жалобы, поступившие на адрес местных чрезвычайных органов власти Нижнего Поволжья [23]. В 1943 г. в Кировском районе г. Саратова 99 семьям военнослужащих предоставлена жилая площадь, 13 семьям сделан капитальный ремонт квартир. Кроме того, семьям фронтовиков оказывалась помощь в приобретении 1451 хлопчатобумажных вещей, 111 пар валенок, 71 детского пальто, 122 пар детской и взрослой обуви. 1249 детей военнослужащих были устроены в детские дошкольные учреждения [24]. За весь военный период семьям фронтовиков в Саратовской области выплачено пособий и пенсий на сумму 27 761 945 руб. [25].

Таким образом, принимаемые государством меры позволили ослабить существующие трудности и решить в целом главные социальные проблемы населения региона. В то же время тяжелые последствия войны, ограниченность материальных возможностей, приоритетность развития тяжелой промышленности, укрепления армии и военно-промышленного комплекса не позволяли в течение длительного периода добиться существенных результатов в социальном развитии Нижнего Поволжья.

Примечания:

1. Государственный архив современной документации Астраханской области (далее – ГАСД АО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 549. Л. 180–182.
2. ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 18. Л. 6
3. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 2115. Оп. 3. Д. 19. Л. 334; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82. Оп. 2. Д. 686. Л. 66
4. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. В 6 т. М., 1968. Т. 3. (1941–1952 гг.).
5. Там же.

6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. Т. 2: 1929–1945 гг. М., 1957; Храмов Л.В. Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1973.
7. ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 24. Л. 21
8. Ванчинов Д.П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов, 1976.
9. ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1164. Л. 5–7
10. ГАСД АО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 58.
11. ГАВО. Ф. 2115. Оп. 1. Д. 11. Л. 9–13
12. Центр документации новейшей истории Волгоградской области. Ф. 113. Оп. 12. Д. 67. Л. 7–12
13. Сталинградский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Волгоград, 2003.
14. Комаров Н.Я. Государственный Комитет Обороны постановляет... М., 1990.
15. Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1885.
16. Смирнов Е.И. Война и военная медицина. 1939–1945 гг. М., 1979.
17. Цемент. 1945. 11 марта.
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов. В 6 т. М., 1968. Т. 3. (1941–1952 гг.).
19. Колесник А.Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны. М., 1982.
20. Государственный архив Саратовской области. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 1078. Л. 137.
21. Горбунов А. Забота социалистического государства о матерях и детях. Ижевск, 1945.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 470. Л. 62–63.
23. ГАСД АО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1164. Л. 5–7.
24. Государственный архив Саратовской области. Ф. 594. Оп. 6. Д. 45. Л. 21–22.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 470. Л. 67.

Е.Н. Стрекалова

ВОЕННОЕ ДЕТСТВО 1941–1945 гг. ПО ДАННЫМ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Дети были частью социума, вышедшего из войны. Изучение военного детства и памяти о нем требует привлечения источников личного происхождения. Однако архивные поиски показали их практически полное отсутствие. Наиболее адекватной практикой сбора источников личного происхождения «детей войны» является устная история. Основными источниками для данной статьи послужили записи воспоминаний-интервью «детей войны». Они составили комплекс из более 20 записанных на цифровые носители устных воспоминания в формате интервью [1]. Это «вынужденные мемуары» людей, которые

не оставили бы после себя письменных источников. Доминирующая часть опрошенных «детей войны» никогда не сталкивалась с необходимостью или возможностью публичного изложения своего военного опыта. Они находились в тени ветеранов войны, что понятно и объяснимо, но переданный в ходе опросов индивидуальный опыт содержит богатый и практически не отразившийся в архивных источниках антропологический ракурс войны.

Рассказы информантов, которым в годы войны было от 7 до 17 лет, показывают, как их личный опыт соотносится с историей. Военное детство не занимало в официальном военном дискурсе значительное место, и у наших информантов не было возможности опираться на константные речевые конструкции, существовавшие в речевой культуре. Мы исходили из того, что воспоминания о прошлом передают много лет спустя и отражают трансформацию памяти, сегодняшнюю жизненную позицию рассказчиков. Критически относясь к источникам и учитывая избирательность памяти, мы опираемся на другие ее свойства, синтезирующую и обобщающую функции, а также способность к рефлексии, которые проявляются в интервью-воспоминаниях. Согласимся с одним из ведущих устных историков США М. Фришем, отметившим, что именно эти свойства памяти отражаются в процессе репрезентации человеком своего жизненного опыта и, вероятно, только устная история может дать возможность наблюдать, как культура общества и отдельного человека взаимодействуют во времени [2].

Основными темами, конструкциями, на которых базируется особая реальность в воспоминаниях поколения, пережившего фронтовую эпоху в детском и подростковом возрасте, являются тема войны и истории семьи. Если воспоминания фронтовиков больше отражают «я» на войне, то ее юные свидетели дают примеры репрезентаций «мы» в годы войны. В процессе передачи своего жизненного опыта транслируются культурные ориентиры и социальные практики общества и эпохи, в которой они прожили свою жизнь. В воспоминаниях переплетаются и взаимодействуют индивидуальный опыт и историческая память общества. В связи с этим важно выявить общие и особенные «места памяти». Под последним словосочетанием мы, вслед за П. Нора, называем не «места» в узко географическом смысле слова, а своеобразные точки пересечения (*lieux de mémoire*), из которых складывается и концентрируется память общества [3]. Самая главная функция этих «мест» в сохранении и поддержании коллективной памяти. Таким символическим смыслом могут быть наделены события, ритуалы, предметы, традиции, мифы, люди, географические населенные пункты и др.

Семиотическое значение Великой Отечественной войны заключается в том, что она является общим местом памяти для всего фронтового и послевоенных поколений граждан России. Обозначив крайние вехи системы представлений о войне (значимые для большинства членов нашего общества) как признание общего сакрального смысла победы и трагичности войны, остановимся на своеобразии символических образов нарративных повествований детей войны. В их рассказах наблюдаются собственные логические линии, которые мы относим к особым местам памяти этого фронтового поколения.

«Детские» воспоминания характеризует практически полное отсутствие боевых действий, память о которых в оценочном ключе присутствует в воспоминаниях ветеранов–фронтовиков. Исключения составляют повествования так называемых «детей полка» и подростков, встретивших войну в 15–16-летнем возрасте, к концу войны попавших на фронт. Следовательно, для большинства «детей войны» по причине их возраста масштаб боевых действий опосредован в структуре психологического времени более важными и близкими к ним процессами, связанными с семьей, работой в тылу, учебой во время войны, пребыванием на оккупированной территории.

Характерно, что припоминание боевых действий и своего участия в них в качестве действующих лиц передавали респонденты мужского пола. В ходе войны происходила их социализация, становление как мужчин и, хотя война в целом однозначно оценивается ими отрицательно, но связывается с идеалами мужественности и чести. В нашей коллекции воспоминаний есть два интервью «детей полка». Неизбежное столкновение с военной реальностью, со смертью глубоко потрясло их и привело к утрате мальчишеских иллюзий о войне. Насилие и массовое убийство представляло определяющую действительность, постоянную угрозу и даже обыденность для многих людей, но дети воспринимали это особенно остро: «*Страшно было, потому что человек всегда смерти боится*» [4].

Значимым событием начала войны, с точки зрения большинства «детей войны», стало начало, условно говоря, «времени потерь». Воспоминания о потерях родных и близких в годы войны характерно для миллионов людей. Однако в детском возрасте эти потери особенно болезненно ощутимы и приводят к разрушению основ самого представления о детстве. Отцы, а у многих и матери, ушли на фронт и не вернулись назад. Терялось привычное, связанное с детством течение жизни в семье. Практически все опрошенные (за исключением неполных семей; тех, у кого родители развелись или были репрессированы) подробно останавливались и эмоционально описывали моменты, связанные с уходом отцов на фронт [5]. Рефлексия о потерях близких и психологической цене войны лично для конкретного человека присутствует зачастую в конце устного воспоминания или смыслового блока внутри повествования, завершая рассказ о войне. Обращаясь к теории высказывания как единице речевого общения, можно объяснить это обращенностью к слушателю, объяснением оценочного поля предыдущего тематического блока. М.М. Бахтин обращал внимание, что высказывание характеризует его адресность, апперцептивный фон восприятия или ответного понимания слушателем [6]. Этими оценочными высказываниями информанты объясняли свое отношение к войне, к своему практически потерянному детству:

Интервьюер. Иван Дмитриевич, как вы узнали о конце войны, именно день победы, помните?

Информант. Помню... Я очень сильно забился в угол и плакал, что я не отомстил...

Интервьюер. Вы хотели отомстить за отца? То есть, вы хотели убить немца?

Информант. Нет, ни одного, а всех... Я плакал. И долгие годы в этот день... я плакал... впервые тогда... Узнал, объявили о конце войны. Все! Я не успел. А поче-

му [плакал], не знаю. За жизнь, отняли же, я считаю... У отца. Ну, значит, у нас... значит у нас» [7].

Неоднозначным по содержанию местом памяти «детей войны» являются события оккупации. Эта тема в воспоминаниях менее всего испытала влияния предыдущих высказываний, поскольку относится к числу обойденных коллективной, официальной памятью. Очевидно, что человек, рассказывая о своей жизни, обращается к сюжетным линиям, существующим в его сознании, к разным приемам рассказа, известным ему из множества источников: учебников, литературы, радио и телевидения. В этом смысле оккупация не была частью памяти советского общества о Великой Отечественной войне, поскольку оставалась за гранью героической в целом картины войны в метанарративной структуре советского официального дискурса.

Нахождение на оккупированной территории рассматривалось как потенциальное предательство и служило веским основанием для отклонения возможности попасть юношам в танковые войска или разведку еще в годы войны, а после – в военные училища. Повседневная коммуникативная память в силу сформировавшегося страха была настроена на вытеснение, сознательное забывание событий оккупации. Только спустя почти двадцать лет после развала советской системы, испытавшие на себе косвенную «вину» пребывания на оккупированной территории могут рассказать об этом [8]. Как замечет Я. Ассман, «стратегическое забывание» наблюдается в тех случаях, если общество оценивает это событие негативно [9]. В силу отсутствия стереотипных предшествующих высказываний воспоминания об оккупации сбивчивы, противоречивы и индивидуальны. Тем не менее, в них выделяются похожие описания и рассуждения о событиях.

Коллективная память «детей войны» закрепила представление об оккупации как об отсутствии выбора. Оккупация началась внезапно, и спастись, убежать, скрыться, эвакуироваться не было возможности. В построениях рассказов о собственной жизни четко выделяется начало и окончание этого периода, а внутри него память о солдатах: «своих» и «чужих». Солдаты отступавшей Красной армии вызывали с одной стороны горечь, жалость, с другой – сочувствие, сострадание. Отступление летом 1942 г. было стремительным, кровопролитным, тягостным для армии и населения [10]. Рассказы информантов не передают сомнения того времени о возможности победы. И трудно сказать, передают ли они действительно свои оценки тех лет или уже последующие. Можно предположить, что это стереотипные оценки веры в победу более позднего времени, характерные для массового сознания. Сомнения в победе уже после победы перешли в разряд «сознательного забвения».

Воспоминания о «чужих» солдатах передают, прежде всего, характерные для нашей культуры памяти представления о сущности войны, вине немецко-фашистской армии за миллионы человеческих жизней, разрушение страны. В первую очередь, немецкая армия запомнилась хорошо вооруженной, безоговорочно уверенной в своей победе, одновременно с этим армией мародеров и грабителей. В контексте воспоминаний об оккупации «чужие» солдаты

превращаются в образ «врага». Есть воспоминания, передающие слухи и свидетельства о зверствах, расстрелах и душегубках. В целом, это образ извергов, потерявших человеческое лицо [11].

Пласт воспоминаний о грабеже, зверствах, расстрелах и душегубках подтверждается архивными источниками [12]. Однако иногда образ «врага» в устных рассказах не соответствует традиционным представлениям и расходится с архивными источниками. Эти «казусы воспоминаний» никак не вписывались в официальную память и даже на уровне коммуникативной памяти стали передаваться только в постсоветскую эпоху. В индивидуальных воспоминаниях враг приобретает индивидуальные черты и наделяется «человеческими качествами». В одной из последних работ Е.С. Сенявская ставит проблему формирования и трансформации образа врага в истории России XX в. Она обоснованно подчеркивает, что во враге редко видели человека, на это влияли и ментальные стереотипы, и работа политической пропаганды, и реалии войны [13]. Однако в устных рассказах «детей войны» 1941–1945 гг. образ врага носит черты не только «фашистов-извергов», но и наделяется «человеческими качествами». Они могут не только расстреливать, но и угощать шоколадом, показывать фотографии своих детей, лечить, встречаться с девушками и это не считается предосудительным. Этому способствовало детское восприятие действительности. Очеловеченный, а не демонический образ нацистских солдат присутствует в воспоминаниях людей, чьи семьи и их близкие не были расстреляны и не пострадали от насилия в годы войны.

Яркой чертой части мужских воспоминаний о военном детстве является участие в сопротивлении в период оккупации. В нашей коллекции два интервью участников группы сопротивления – подростков из Ставрополя (И.Д. Лапина и Ю.П. Григорьева) и одно воспоминание об участии в подпольной группе в украинском городе Жмеринка (Б.А. Нечепорука). С одной стороны, воспоминания этих людей отражают наличие романтических представлений о борьбе с «врагом, пришедшим на нашу землю» и патриотизме, с другой – о простом мальчишеском хулиганстве. Патриотический дискурс является отличительной чертой большинства воспоминаний. Многие именно так объясняют свою смелость, бесстрашие или добровольный уход на фронт. Советский патриотизм обеспечивал в качестве коммуникативной практики единство общества [14]. Одновременно наличие в воспоминаниях причастности к «единому патриотическому порыву» доказывает, что большинство информантов вписывает свою биографию в соответствующее время.

Неотъемлемой частью памяти «детей войны» является тема труда. Труд, зачастую не по возрасту и не по силам, вынужденный, но обязательный, был привычным явлением детства для большинства юных советских граждан. В особенности это касается детей, проживавших в сельской местности. Война ускорила приобщение детей к напряженному «взрослому» труду с раннего возраста. Известно, что традиционно в крестьянских семьях с малолетства дети помогали родителям по хозяйству. Привлечение детей к труду было своеобразной «стратегией выживания», одним из способов социализации.

Во время войны сферы работ, к которым привлекали детей, расширились и носили далеко не детский характер. Большинство информантов к началу войны находились в подростковом возрасте и учились в школе. С осени 1941 г. до весны 1942 г. их привлекали к строительству оборонительных рубежей от Ростова-на-Дону до Невинномысска. Старшеклассников отправляли на достаточно далекое расстояние от дома, кормили достаточно скудно, а работа была тяжелой. Многие были вынуждены идти работать в колхоз после 7 классов, помогали матерям кормить семьи, поскольку отцов и старших братьев мобилизовали на фронт. Отметим, что воспоминания о трудной не по возрасту работе на колхозных полях характерны для людей разных широт нашей страны, чье детство пришлось на военные годы.

За годы войны подросткам, особенно девушкам, не призывавшимся на фронт, пришлось заниматься разным трудом: от выпаса скота до работы на тракторе. Такая ситуация при дефиците мужчин после войны приводила к своеобразной «вынужденной феминизации» молодых женщин в 1940-е гг. Они брали на себя мужскую работу, использовали приобретенные навыки командования, зачастую оставались одинокими. В целом, речевые формы, употребляемые «детьми войны» в ходе трансляции воспоминаний («*мы работали*», «*мы помогли*», «*нас привлекали на работы*») говорят о том, что они воспринимали работу как единство трагичности судьбы всего народа и, в частности, детей: «*Все было хорошо..., да хорошего мало!*». Традиционная жертвенность народа и мобилизация всех сил использовалась властью, но сам народ воспринимал это как единственный возможный выход [15].

Нельзя обойти тему, выявленную практически во всех воспоминаниях – это голод. Военная жизнь впроголодь в детском возрасте воспринималась особенно остро и болезненно. В сравнении с людьми, пережившими войну в более взрослом возрасте, «дети войны» в рассказах о военной жизни чаще и подробнее останавливаются на том, чем питались в это время. Если фронтовикам в интервью приходится задавать вопросы о еде, то «дети войны» сами начинают говорить об этой важной составляющей повседневной жизни человека. Пережившие оккупацию рассказывают, как матери закапывали в землю зерно и кукурузу, как спасали коров, как пекли лепешки из лебеды и крапивы, как питались корками от картошки. Голодным было время и после оккупации, когда из хлебных районов Ставрополя и Кубани все вывозилось на фронт. Для некоторых голодное существование подтолкнуло к добровольному уходу на фронт. Солдат кормили, и это воспринималось более важным в сравнении с опасностями фронтовой жизни [16].

Контент-анализ текстов воспоминаний-интервью позволяет выявить еще одну логическую линию, которую условно можно назвать незримым присутствием войны. Это рассказы о том, что было военного в жизни детей и подростков в период, когда «явная война» отступила. Для информантов, большая часть которых свое военное детство провели на территории Ставропольского и Краснодарского краев, это время после оккупации. В историографии за этим этапом войны с весны 1943 г. закрепилось название периода восстановления региона. Общеизвестно, что женщины и дети заменили мужчин и своим трудом

обеспечивали возрождение сельского хозяйства. Пахали на коровах, сеяли и жали практически вручную, поскольку и без того скудная техника была разрушена, а лошади мобилизованы на фронт. В силу этого многими «детьми войны» это время вспоминается в рамках уже показанных выше сюжетных линий полуголодного выживания и тяжелого, обязательного для всех труда на пользу фронту.

Наблюдаются и другие важные составляющие детской и подростковой жизни восстановительного периода войны, раскрывающие ментальные особенности советского/российского ребенка. Так, и для юношей, и для девушек было характерно желание попасть на фронт. Это стремление свидетельствует, на наш взгляд, об ощущении единства судьбы и испытания войной для всего народа, о склонности приобщиться к общему делу. В связи с этим не случайным представляется появление рассказов о дезертирах как антиподах фронтовикам. Возможно, это свидетельствует о трансформации памяти и приобщении себя к поколению победителей уже после победы. Используются устойчивые оценки в отношении работы детей в годы войны. Представляется, что через них «дети войны» имеют возможность вписать свой личный опыт в коллективное прошлое поколения «вышедшего из войны», соотнести свою историю с общегосударственной историей.

Итак, память о военном детстве – существенная часть биографии целого поколения. Воспоминания «детей войны» – это рассказы о выживании в чрезвычайных ситуациях, о травматическом опыте, который занял в биографии важное место. Почти все воспоминания указывают на болезненность их передачи и передают глубокие душевные потрясения времен войны, притупившиеся и трансформировавшиеся с течением времени. Во время трансляции наиболее болезненных воспоминаний информанты переходят к сухому перечислению фактов, к «хроникам» своей жизни, что ведет к нейтрализации прошлых утрат и тем самым к душевному дистанцированию от мучительного размышления о прошлом. Воспоминания говорят о незавершенности осмысления событий войны поколением «детей» вследствие их болезненности, крушения надежд, отсутствия детства в привычном смысле слова.

Примечания:

1. Преобладающая часть воспоминаний собрана автором в Ставропольском крае в ходе работы над несколькими проектами РГНФ в 2007–2009 гг. по проблемам трансформации коллективной памяти о Великой Отечественной войне. Они вошли в формирующийся Архив устной истории Великой Отечественной войны, который включает более 80 интервью с участниками и очевидцами фронтовой эпохи. Этот архив отражает работу исследовательского направления по устной истории при кафедре истории России Ставропольского государственного университета и центре «Новой локальной истории».
2. Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 65.
3. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Memoire. // Representations, Volume 0, Issue 26, Special Issue: Memory and Counter-Memory. Spring, 1989. P. 7–24.

4. Интервью с В.Я. Мовзолеевским. Ставрополь. 10 июля. 2008 г. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 4. 00412. РГНФ / ДВ-08. СК 02-ЕС.
5. Интервью с Н.А. Нечепорук. Ставрополь. 17 июня 2008 г. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 4. 00418. РГНФ / ДВ-08. СК 08-ЕС.
6. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 276.
7. Интервью с И.Д. Лапиным. Ставрополь. 11 августа 2008 г. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 4. 00415. РГНФ / ДВ-08. СК 05-ЕС.
8. Интервью с Ю.П. Григорьевым. 1 декабря 2008 г. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 4. 004113. РГНФ / ДВ-08. СК 13-ЕС.
9. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М., 2004.
10. Интервью с Н.Н. Апальковой. Ставрополь. 12 октября 2007 г. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 3. 0037.
11. Интервью с А.С. Гончаровым. Ставрополь. 9 июля 2007 г. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 3. 0032.
12. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 111–153.
13. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 75–76.
14. Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века. Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2003. С. 489–495.
15. Интервью с Н.П. Кучеренко. 10 февраля 2007 г. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 3. 00342; Интервью с Р.Я. Дворцовой. Ставрополь. 3 сентября 2007 г. Там же. Оп. 2. 00211.
16. Интервью с В.К. Карагодиной. Архив устной истории НОЦ «Новая локальная история» СГУ. Ф. 1. Оп. 3. 00343; Интервью с А.С. Гончаровым.

Т.М. Удалова

ПОДРАСТАЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ ДОНБАССА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

События Великой Отечественной войны наиболее трагически отразились на жизни подрастающего поколения, которое закладывает основу развития государства, а от физического и морального здоровья детей и подростков в целом зависит будущее нации. Поэтому изучение вопроса, связанного с формированием личностных качеств и ценностных ориентиров подрастающего поколения является чрезвычайно важным не только для объективной и полной реконструкции событий войны, но и для формирования государственной политики независимой Украины.

Длительный период времени вопросы, связанные с жизнью несовершеннолетних в годы войны, рассматривались через призму коммунистической идеологии, а некоторые аспекты проблемы вообще замалчивались. С принятием независимости Украины в современной исторической науке закрепились традиции антропоцентрических подходов и принципов гуманизма в изучении условий жизни подрастающего поколения. Современная украинская историография в значительной мере смогла восполнить информационный пробел в военной истории благодаря таким исследователям, как Г.М. Гольш и Т.В. Вронская [1]. Однако недостаточно внимания уделяется исследованию региональной специфики влияния экстремальных условий войны на жизнь детей и подростков, в частности, на территории одного из стратегических регионов СССР – Донбасса. Это позволяет сделать вывод об актуальности выбранной темы исследования.

Первые изменения в жизни подрастающего поколения произошли уже с началом Второй мировой войны, когда в условиях реформирования системы подготовки квалифицированных кадров юношей и девушек активно начали привлекать к данному процессу. Мобилизация подростков очень часто производилась в принудительном порядке и была подкреплена указами и распоряжениями, за нарушения которых подростков привлекали к криминальной ответственности сроком от одного года с направлением в трудовые колонии. Данные акты были прямым нарушением гражданских прав подростков, однако они способствовали обороноспособности государства, так как создавали качественно новую гарантированную систему подготовки рабочих кадров.

Подростки, которые учились в школе, активно вовлекались в оборонно-физкультурную работу. Так, например, в 1940/1941 учебном году только в Сталинской области функционировали такие кружки и секции по различным видам спорта и военной подготовки, как «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), «Юный ворошиловский стрелок» (ЮВС), «Готов к труду и обороне» (ГТО), которые охватывали 134 518 школьников. В соответствии с приказом, количество учебных часов на военно-физкультурную и военно-санитарную подготовку в 8-х классах было увеличено с 1 до 3 часов в неделю, в 9-х классах – с 2 до 4 часов, а в 10-х классах – с 2 до 5 часов [2]. Такое широкое вовлечение подростков в подобные секции и кружки, с одной стороны, способствовало милитаризации молодежи, а с другой – готовило их к экстремальным условиям жизни.

В связи с важностью обеспечения фронта продовольствием огромное значение приобрело изучение в школах основ сельского хозяйства, которое было введено на основании решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 17 ноября 1941 г. В течение 1941/1942 учебного года 15 298 учащихся старших классов учили основы сельского хозяйства, создавались также кружки по изучению сельскохозяйственных машин и агротехники [3]. Документы свидетельствуют о том, что в годы войны среди учебных дисциплин в школах, кроме программных предметов военной и спортивной подготовки, существенную роль стали играть основы агротехники и механизации.

Важной составляющей жизни подростков становилась их участие в различных патриотических движениях. С продвижением линии фронта на восток в 1941 г. возникла острая необходимость в оперативном возведении фортификационных сооружений. Так, на строительстве оборонительных сооружений на подступах к Донбассу в августе-октябре 1941 г. работало около 500 тыс. жителей региона, среди которых было «десятки тысяч молодых патриотов, которые вместе со своими старшими товарищами вырыли 17 млн м³ земли, возвели 20 тыс. военно-инженерных объектов» [4].

Дети и подростки, чувствуя сложность продовольственной ситуации, стремились не быть обузой для взрослых, выращивали овощные культуры на школьных приусадебных участках. Школьники активно собирали дикорастущие ягоды и лекарственные растения, а также проводили сбор продуктов питания. Так, молодежью Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области до оккупации было собрано 220 тыс. продовольственных подарков, которые отправили на передовую. Молодежь также занималась изготовлением одежды для фронта. Так, 450 комсомольцев Белолуцкого района связали около 2 тыс. пар рукавиц и носков, молодежь Старобельского района в период с декабря 1941 г. по июль 1942 г. изготовила и отправила на фронт 300 пар белья [5]. Вовлечение детей в различные кружки, секции, на сельскохозяйственную работу негативно сказывалось на их уровне знаний, а также на состоянии здоровья.

Значительную помощь дети оказывали медицинским работникам в обслуживании раненых, в организации питания больных, распределении подарков, организации концертов, написанию писем и чтении книг и газет. Одновременно дети для госпиталей среди населения собирали одежду, обувь, белье, продукты питания в фонд обороны. Так, в 1942 г. школьники Ворошиловградщины передали подшефным госпиталям более 81 тыс. яиц и 164 кг жиров, а в 1944 г. – 18 т овощей [6].

Желая помочь фронту, дети и подростки массово принимали участие в субботниках и воскресниках, а заработанные деньги перечисляли в фонд обороны. Так, в августе 1941 г. в стране было проведено первый Всесоюзный комсомольско-молодежный воскресник, в рамках которого только в Сталинской области работало 300 тыс. юношей и девушек, в том числе много несовершеннолетних.

Кроме того, среди учащихся проходили целевые сборы средств на сооружение военной техники, на помощь детям фронтовикам и сиротам, распространялись денежно-вещевые лотереи. Например, ученики Сталинской области в 1941 г. собрали на строительство танковых колон и авиационной эскадрильи «Освобожденный Донбасс» 13 878 992 руб., а для детей фронтовиков и сирот перечислили 779 291 руб. Школьники Ворошиловградщины в 1942 г. собрали 363 985 руб. на строительство танковых колон «Пионерия», «Комсомолец», провели денежно-вещевую лотерею на сумму 114 453 руб. А в апреле 1944 г. школьники Сталинской области из своих заработков перечислили 13 878 992 руб. на строительство танковой колонны и авиаэскадрильи «Освобожденный Донбасс».

Много сил и энергии дети и подростки затрачивали на сбор металлолома. На протяжении только первых двух с половиной месяцев войны школьники Сталинской области собрали около 40 тыс. т металлолома, который был переплавлен для изготовления военной техники и оружия [7].

Очень негативно отразились на подрастающем поколении эвакуационные процессы, которые проводились неорганизованно из-за вражеских обстрелов и приводили к необоснованным людским потерям. Так, например, при эвакуации 275 учеников школы ФЗО № 13 Ворошиловградской области в дороге погибло 8 чел., 11 чел. было ранено, а 200 подростков разбежались или отстали от эшелонов в поисках еды [8]. Такие случаи, к сожалению, были не единичными.

Подростки добровольно вступали в ряды Красной армии, а также присоединялись к партизанскому движению. Однако до сих пор исследователям не удалось установить точные цифры участия несовершеннолетних в партизанском движении. Юноши и девушки собирали оружие и боеприпасы на полях сражений, проводили антифашистскую агитацию, выпускали и распространяли листовки, добывали секретную военную информацию, саботировали приказы фашистов, срывали их экономические планы, бойкотировали отправку молодежи в Германию.

Оккупанты проявляли чрезвычайную жесткость по отношению к детям. Так, например, на хуторе Суходол Ворошиловградской области, где располагался интернат для детей-инвалидов, в июле 1942 г. оккупанты расстреляли 19 лежащих больных, остальных 66 детей-калек умерли от голода, потому что все продукты были изъяты оккупантами [9].

В условиях войны дети и подростки особенно страдали от ухудшения качества и объема питания. Для распределения продуктов питания была введена карточная система, по которой дневная продуктовая норма для несовершеннолетних была меньше, чем у работающего населения и составляла 400 г хлеба, 1200 г макаронных изделий и круп.

Негативно отразилось на состоянии здоровья несовершеннолетних и качество медицинского обслуживания, что объяснялось нехваткой медикаментов и медперсонала, а также антисанитарным состоянием населенных пунктов. Несмотря на военное время, государственные органы стремились к тому, чтобы дети могли оздоровиться и отдохнуть. Для этого, например, летом 1944 г. детям Донбасса на оздоровление было выделено 110 тыс. руб. Детям фронтовиков оказывалась материальная помощь, устанавливалось шефство над детьми-сиротами, количество которых в апреле 1944 г. в Сталинской области составляло 5 203 чел. В сентябре 1945 г. таких детей в УССР на учете было 162 тыс. чел. [10]. Однако дети фронтовиков, пропавших без вести или оказавшихся в плену, всех льгот лишались.

После освобождения территории Донбасса дети и подростки активно включались в различные движения по восстановлению региона и оказанию помощи пострадавшим от военных действий: детям-сиротам, раненым, людям преклонного возраста. Так, например, до декабря месяца 1943 г. усилиями детей

и молодежи Ворошиловградской области в фонд помощи детям-сиротам было собрано около 1 млн руб. А в апреле 1944 г. на специальный счет ЦК ЛКСМУ поступило 5 611 469 руб.

Дети, несмотря на то, что сами нуждались во внимании, активно брали шефство над ранеными бойцами. Для поднятия боевого духа раненых ученики Ворошиловградщины до 15 января 1944 г. собрали 8 661 подарок. Дети понимали важность своего участия во всенародных движениях и поэтому шли на осознанные риски для своей жизни: собирали патроны и оружие на поле боя, вели сбор разведывательной информации, проводили диверсионную работу, вытягивали из-под пуль раненых бойцов и даже не жалели собственной крови ради спасения воинов Красной армии. В апреле 1943 г. 1,3 тыс. девушек Ново-Айдарского района Ворошиловградщины сдали около 3 тыс. л крови. До мая 1943 г. в освобожденных районах Ворошиловградской области среди молодежи уже насчитывалось 9 тыс. доноров [11].

Таким образом, архивные документы дают возможность сделать вывод о том, что дети и подростки в годы войны оказались в экстремальных условиях и получили существенные психологические травмы, которые проявились в изменении ценностных ориентиров. Все это приводило к быстрому взрослению детей, пониманию их ответственности за собственные поступки и формированию чувства собственной значимости. Несмотря на свой юный возраст, несовершеннолетние ответственно подходили к выполнению возложенных на них очень обязанностей, продемонстрировали стойкость и героизм, за что были награждены государственными наградами.

Примечания:

1. Голиш Г.М. У вирі війни. Становище неповнолітніх громадян України в 1941–1945 рр. Черкаси, 2005; Вронська Т.В. В умовах війни. Життя та побут населення України (1943–1945). К., 1995.
2. Центральный государственный архив высших органов власти Украины (далее – ЦГАВОВ Украины). Ф. Р-166. Оп. 15. Д. 2. Л. 112.
3. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 7. Оп. 3. Д. 1183. Л. 19.
4. Тронько П. Подвиг твоих отцов. М., 1970. С. 44.
5. Государственный архив Луганской области (далее – ГАЛО). Ф. 311. Оп. 1. Д. 46. Л. 9, 19.
6. ЦГАОО Украины. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1183. Л. 22.
7. ГАЛО. Ф. 179. Оп. 3. Д. 30. Л. 12.
8. Терещенко Г.І. Організаторська діяльність Комуністичної партії по підготовці робочих кадрів України. За матеріалами навчальних закладів професійно-технічної освіти 1939–1970 рр. К., 1974. С. 17, 25.
9. ГАЛО. Ф. Р. 424. Оп. 1. Д. 217. Л. 45–57.
10. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 30. Д. 99. Л. 10, 13.
11. Там же. Ф. 7. Оп. 10. Л. 38, 221.

С.А. Хубулова

НЕГАТИВНЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В ТЫЛУ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на материалах СО АССР)

К числу наиболее изучаемых проблем истории Великой Отечественной войны относятся вопросы ратного подвига советского народа. Война стала своеобразным поворотным моментом новейшей истории. Высочайший уровень патриотизма и героизма сыграл, без всякого сомнения, одну из главных ролей в разгроме фашистской Германии. Небывалая степень готовности к самопожертвованию, глубочайшая вера в свой народ, любовь к своему Отечеству пронизывали все слои населения. Наше нынешнее время отдалено от войны, однако она дает возможность понять сегодняшние явления и события вернее, чем при прямом взгляде на них. Правда, для этого необходимо именно верное понимание Великой Отечественной войны.

Не обойдены вниманием исследователей и процессы, имевшие место в советском тылу. Но до недавнего времени они исследовались схематично и однообразно, не вписывавшиеся в «официальную» историю войны факты практически не попадали в орбиту научного изучения. Только в последние десятилетия в связи с переосмыслением темы, появлением новых подходов, доступностью ранее засекреченных источников российские ученые по-новому стали изучать историю Великой Отечественной войны. Однако до сих пор остаются за кадром негероические факты, противоречия и конфликты, которые вызвала предельная мобилизация советского людского потенциала. В рамках данной статьи предпринято изучение этих аспектов на материалах Северной Осетии.

Немецкая группа армий «А» в 1942 г. отчаянно рвалась к Грозному, Орджоникидзе, Военно-Грузинской дороге. Не добившись успеха на Малгобекском направлении, германское руководство поменяло направление удара и начало искать обходные пути в районе Моздока и Эльхотовских ворот. Сюда противник подтянул большие резервы, перебросил с других фронтов крупные соединения и авиацию. Врагу удалось пробиться в направлении Нальчик – Чикола – Дигора, с последующим выходом на Орджоникидзе. В конце октября 1942 г. противник захватил населенные пункты Чикола, Дигора, Дур-Дур, Ардон и Алагир. 2 ноября севернее села Дзуарикау вражеские войска прорвали линию нашей обороны и заняли Гизель. Над столицей Северной Осетии нависла смертельная опасность, Орджоникидзе-Дзауджикау был объявлен на осадном положении.

В ситуации быстрого приближения противника, когда вполне реальной оказалась перспектива смены власти, в отдельных колхозах, учреждениях и предприятиях снизилась трудовая дисциплина, что в определенной мере объясняется возникшим чувством безнаказанности. Оно появилось оттого, что в военной обстановке произошло ослабление властного контроля над населением. Данное обстоятельство обусловило увеличение числа отдельных видов правонаруше-

ний и преступлений, в том числе дезертирства, хищений, мародерства. Часть людей подчинилась желанию воспользоваться открывшимися в условиях неразберихи и бесконтрольности возможностями для личного обогащения [1].

В осенние месяцы 1942 г. не все было благополучно в советском тылу, особенно в прифронтовой полосе. В октябре – начале ноября 1942 г. создалась крайне неблагоприятная атмосфера как среди работников партийного и советского аппарата, так и среди руководителей предприятий Северной Осетии. Партийный актив многих колхозов повел себя не вполне патриотично, часть руководителей поддавалась паническим настроениям: некоторые бросили свои посты и бежали в горы, другие же, воспользовавшись суматохой, использовали государственные средства в личных целях. В спецсообщении на имя секретаря Северо-Осетинского обкома ВКП(б) Н. Мазина указывалось: *«Руководство Правобережного района в лице секретаря РК ВКП(б) Цидаева и председателя райисполкома Бабенова в день первой бомбежки райцентра в приказном порядке заставили весь районный актив покинуть посты в течение 24 часов, вместе с руководством района бежать в г. Орджоникидзе и далее в Грузинскую ССР. Получив такое приказание, председатели сельисполкомов и колхозов бросились в панику, бросив все на произвол судьбы»* [2]. Директор сушзавода Мзиков сбежал, после его побега *«завод сгорел, где имелось 45 тонн кукурузы и горючего на целый год работы завода»* [3]. Во время бегства руководителей Правобережного района все *«ценности РК ВКП(б) райисполкома и советских организаций целиком уничтожены и разграблены. Партийные документы, списки членов ВКП(б) и другие совершенно секретные документы были брошены в открытых столах и часть валялась на улицах»* [4].

В материалах Орджоникидзевского горкома партии отложились документы, из которых явствует, что даже занимавшие высокие посты в партийных и советских органах работники совершали антипартийные поступки. Директор конезавода сбежал, взяв с собой подручных. Перед побегом они взломали замки, взяли 1 мешок сахара, джем, 125 кусков хозяйственного мыла, 32 пары ботинок [5]. Такое положение дел, разумеется, негативно сказывалось на настроении масс.

За годы войны морально-психологический климат в обществе сильно изменился. При анализе обстановки институты политического контроля и, прежде всего органы госбезопасности, специально выделяли так называемые «негативные» настроения населения, к которым относилась вся совокупность сомнений, критики или же неприятия внутренней и внешней политики советского государства, выраженных в качестве чувств или умонастроений. Отступление советских войск, кровопролитные бои, трагические рассказы очевидцев, многочисленные похоронки вызывали растерянность и подавленное состояние духа, неуверенность в силах Красной армии у некоторой части населения: *«В ноябре месяце 1941 г. в парторганизацию завода “Красный строитель” поступило письменное заявление от бывшего секретаря парторганизации тов. Касаева о том, что на заводе говорят о слабости Красной Армии, – указывал инспектор организационно-инструкторского отдела обкома ВКП(б), – против Советского Союза – Турция, Германия. Если бы не заключенный с Финляндией мир, то Финляндия разбила бы Советский Союз»* [6].

Уполномоченный НКВД указывал на ненормальность ситуации, сложившейся в прифронтовых районах Осетии в 1942 г. В сельских районах автономии многие колхозы вообще прекратили свое существование, «*совершенно разграблены*». По мнению наркома внутренних дел СО АССР Текаева, это было связано с тем, что «*отдельные руководители районов позорно бежали сами и давали указания председателям колхозов, партактиву бежать вместе с ними, несмотря на то, что реальной угрозы для них не было*» [7]. Более того, руководство колхозов бросилось в панику, стали раздавать в счет трудодней колхозникам добро, «*а оставшуюся часть отдать любой проходящей воинской части*». Участились случаи хищения колхозного скота и хлеба, в связи с чем, например, в Правобережном районе, были привлечены к уголовной ответственности трое охранников. Однако одних репрессивных мер для предупреждения случаев хищения колхозного имущества было недостаточно: «*Прокурор, органы милиции и РК партии должны были принять необходимые меры к укреплению охраны на местах, что ими не сделано*» [8].

Ослабляли мотивацию труда неправильные действия колхозной администрации. Так, колхозникам колхоза имени XVII партсъезда на каждый выработанный трудодень было выдано всего лишь по 1,3 кг пшеницы, по 1,5 кг картофеля и по 4 кг овощей. Такое распределение вызвало справедливое возмущение хлеборобов. Например, колхозники колхоза имени Томаева Правобережного района Аликов и Бзиков заявляли местным коммунистам: «*Если мы ничего не получим на трудодни, то мы больше в колхозе работать не будем*». Колхозник колхоза имени Ворошилова Дарг-Кохского района Чшиев призывал сельчан: «*Нас морят голодом, не нужно ждать ничего, а привезти всю кукурузу и распределить ее между колхозниками, а то все заберет государство*» [9].

Таких слухов становилось все больше, и Верховный Совет СССР издал указ «*Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения*», где определялось и наказание за них: нарушители карались «*по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет*» [10]. За второе полугодие 1941 г. – первое полугодие 1942 г. только по Ирафскому району было привлечено к уголовной ответственности и отдано под суд по ст. 59–6 УК РСФСР 12 чел. Это были люди, как отмечалось в документах, «*злостно уклоняющиеся от государственной трудоемкости, саботировавшие колхозную работу и не выполнившие обязательные госпоставки и налоги*» [11].

По мнению исследователей, свое влияние на мотивацию к труду оказывало материальное и моральное стимулирование [12], а также законы военного времени, ужесточившие дисциплину. В Постановлении СНК СССР «*О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней*» была определена мера наказания для уклонистов: «*Трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней по периодам сельскохозяйственных работ, предаются суду и караются исправительно-трудовыми работами в колхозах на срок до 6 мес. с удержанием из оплаты трудодней до 25 % в пользу колхоза*» [13].

Серьезную проблему представляли незаконные реквизиции сельскохозяйственной продукции и имущества колхозов частями Северной группы войск Закавказского фронта. Она была создана для управления боевыми действиями в предгорьях приказом Ставки Верховного Главнокомандования 8 августа 1942 г. и включала 44, 9, 37, 58-ю и 4-ю воздушную армии под общим командованием генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. Несмотря на героическую оборону Северной Осетии, в ее войсках имелось немало случаев девиантного поведения личного состава. «Человек с ружьем» становился опасным ввиду ненаказуемости и неразберихи военного времени. Так, пьяная ватага во главе с лейтенантом Тимошенко отбирала овец, выделенных на питание колхозников, занятых на строительстве Архонского участка дороги, когда же колхозники оказали сопротивление, бойцы открыли стрельбу из автоматов, был убит стахановец села Коста И. Мамиев. Как указывал в письме председатель СНК СО АССР К. Кулов, *«подобных фактов мародерства много. Они дезорганизуют тыл и нормальную работу колхозов, на которые сейчас возложена ответственная задача по форсированию уборки урожая, обмолота и вывозки зерна и создают нездоровую политическую обстановку среди населения республики»* [14].

В официальном письме руководства республики на имя командующего Северной группой И.И. Масленникова были приведены многочисленные факты, *«характеризующие отдельные группы бойцов и командиров 9-й Армии и других проходящих частей, как недисциплинированных, занимающихся антигосударственными делами, мародерством, незаконным изъятием колхозного и государственного имущества, в отдельных случаях с угрозой применения оружия»* [15]. Среди приведенных случаев были и такие: в селе Ларс Гизельдонского района *«проходившие части забрали почти все горючее, перевозимое с 1-й МТС, выкопали картофель на площади 1 га. На предложение немедленно прекратить эти незаконные действия, командиры угрожали наганами»* [16].

Претензии со стороны населения были предъявлены и командующему группой войск по обороне Мамисонских перевалов генерал-майору Сергацкову, чьи бойцы отличились откровенным мародерством. Размещенные в санатории «Цей» бойцы расхищали собственность санатория и окрестных домов. Не гнушались они также присвоением имущества эвакуированных детей и престарелых. Командным составом 104-го батальона *«были сорваны пломбы с дверей комнат, где находились имущественные ценности»*. В поселке Бурон хищнически вырубался на топливо сосновый лес, имевший огромное значение для здравоохранения. В документах приводились и другие случаи мародерства и преступного поведения. Так, командование части запретило вывозить дрова, предназначенные для эвакуированного населения и забрало их для своих нужд; повар части сорвал доски с крыши дома, залез в склад и полностью похитил кухонную посуду; неизвестный боец этой же части влез в окно библиотеки, разбросал книги, похитил 2 гитары.

Если подобные действия еще можно объяснить военной целесообразностью, то факты откровенного хулиганства не поддаются разумному объяснению. В селе Зильги воинские части без всяких нарядов с применением оружия из-под ком-

байна забрали и вывезли 25 т зерна; в водный бассейн сбросили ручные гранаты, побили всю рыбу, уничтожили колхозную пасеку. В селе Новый Батакоюрт при уходе бойцы 12-го автополка взломали дверь парткабинета колхоза, открыли несгораемый шкаф, изъяли и уничтожили все партийные документы, также уничтожили акт колхоза на бесплатное вечное закрепление за колхозом земли [17]. Бойцы 104-го полка, воровавшие у населения картофель, неизвестно для какой цели оставили боевые гранаты в огороде лесника Айлярова [18].

Эти факты не могли не отразиться на формировании нездоровых настроений среди отдельных групп населения: *«пользуясь сложившейся обстановкой, антисоветские элементы пытаются активизировать свою антисоветскую деятельность, причем какие-то результаты в этом направлении ими достигнуты»* [19]. Так как подобные факты роняли честь советского солдата, 17 августа 1942 г. было издано Постановление Военного совета 9-й армии, в котором указывалось: *«Виновных в самовольном задержании автомашин и изъятии народных ценностей немедленно арестовывать и предавать суду Военного трибунала как мародеров и дезорганизаторов работы войскового и армейского тыла... Лиц, пойманных на месте, как мародеров и оказывающих сопротивление при попытке приостановить мародерство – расстреливать на месте»* [20].

Итак, обстановка в тылу в 1941–1943 гг. была достаточно сложной и непродолжительной. Неудачи Красной армии создавали напряжение в тыловых районах, отражались на сознании и поведении граждан. В совокупности факторов, влиявших на настроения жителей Северной Осетии в 1941–1942 гг., главным следует признать информацию о событиях на фронтах, а также усилия пропаганды, препариовавшей сведения с передовой. Взгляд отдельных людей на случившееся также определяли их возрастные и социальные характеристики, уровень образования, отношение к режиму. Огромное значение имели конкретные жизненные обстоятельства, с которыми сталкивался человек. На этом фоне все более открыто проявилось недовольство режимом. Критические настроения подогревало недостойное поведение части партийных и хозяйственных руководителей на местах, не сумевших выполнить свои обязанности в условиях военного времени, проявивших некомпетентность, нежелание брать ответственность на себя, трусость. В этих условиях каждый сам выбирал линию поведения. Война заставила людей сплотиться, проявить участие в судьбах окружающих. Подавляющее большинство принимало решение внести в борьбу с врагом личный вклад, который мог выражаться по-разному. Меньшая часть жителей проявила низкие моральные качества, поддавшись панике и желанию поживиться за счет других.

Примечания:

1. Болокина Л.А. Настроения и поведение населения Калининской области в начальный период Великой Отечественной войны. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Тверь, 2010. С. 20.
2. Центральный государственный архив историко-политической документации РСФСР-Алания (далее – ЦГА ИПД РСФСР-А). Ф. 1. Оп. 3. Д. 798. Л. 7.

3. Там же. Д. 799. Л. 4.
4. Там же. Оп. 2. Д. 787. Л. 17.
5. Там же. Оп. 3. Д. 799а. Л. 25.
6. Там же. Оп. 2. Д. 657. Л.8.
7. Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне. Владикавказ, 1992. С. 18.
8. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 742. Л. 38.
9. Там же. Оп.2. Д. 788. Л. 131.
10. Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 32.
11. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 2. Д. 744. Л. 62.
12. Сомов В.А. Война и люди: «нездоровые настроения» советского населения в 1941–1942 гг. // Новый исторический вестник. М., 2008. № 1. С. 95–105.
13. Собрание постановлений Правительства СССР. 1942. № 4.
14. ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 3. Д. 743. Л. 9.
15. Там же. Оп. 2. Д. 795. Л. 70.
16. Там же. Д. 791. Л. 3.
17. Там же. Оп. 3. Д. 790. Л. 62.
18. Там же. Д. 792. Л. 13.
19. Там же. Д. 793. Л. 10.
20. Хубулова С.А. Другая война (на материалах ЦГА РСО-А) // Историческое обозрение. 2012. Сб. ст. Владикавказ, 2012. С. 56–71.

И.Е. Татаринов

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ И НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ УКРАИНСКОЙ ССР В 1943–1945 гг.

В современную эпоху перед отечественной исторической наукой открылось множество возможностей в изучении проблематики, которую длительное время считали неактуальной. Одним из таких перспективных направлений является исследование материально-бытовых аспектов прошлого, без которых невозможно эффективное воссоздания целостной картины развития общества. Именно потребности и интересы людей занимают ключевое место в историческом процессе, а одной из главных задач государства является обеспечение гражданам надлежащих условий существования.

Важнейшим критерием оценки эффективности социально-экономической политики власти является уровень жизни населения. По мере освобождения Украинской ССР от немецких оккупантов и в связи с принятием государственной программы восстановления и экономического развития, обоснованной послевоенными пятилетними планами, приоритетным стало задача восстановления промышленного комплекса. Значительные ресурсы направлялись в тяжелую промышленность. Правящая коммунистическая партия считала, что эта отрасль экономики обеспечит экономическую подоплеку гонки вооруже-

ний, начатой сразу после окончания Второй мировой войны. Вот почему туда направлялось до 80 % всех капиталовложений и практически весь имевшийся потенциал рабочей силы. Находясь в эпицентре сложных восстановительных процессов, рабочие и служащие на своих плечах вынесли основную тяжесть восстановления промышленного комплекса республики. В то же время у исследователей возникает множество вопросов об уровне жизни населения в 1943–1945 гг., материальной составляющей послевоенной повседневности, о том, как решались жилищно-бытовые проблемы, какое влияние оказывала окружающая действительность на массовое сознание трудящихся.

Длительное время отсутствие доступа к архивным документам существенно снижало возможности историков исследовать определенные проблемы. Как результат, научная база большинства работ советского периода была ограничена официальными документами, которые не всегда объективно отражали окружающую действительность. Наиболее ценные документы хранились под грифами «секретно» и «совершенно секретно» в закрытых спецфондах. После распада СССР начался процесс рассекречивания архивных документов, что существенно расширило возможности историков по исследованию послевоенной повседневности. Значительные достижения в этом вопросе имеют российские ученые. В частности, отметим работы Е. Зубковой [1], М. Зинич [2]. Используя малоизученные документы Государственного архива Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российского государственного архива экономики, областных архивов, авторы создали исследования отдельных аспектов повседневной жизни населения в 1940–1950-х гг. Отдельно отметим сборник документов «История советской политической цензуры. Документы и комментарии. 1917–1993» [3], где содержатся документальные сведения по исследуемой проблематике.

Достаточно плодотворно работают и украинские историки. Выделим исследования Т. Вронской [4], М. Лободы [5], Е. Хойнацкой [6], осветивших широкий круг вопросов, связанных с материально-бытовыми условиями жизни рабочих и служащих, введших в научный обиход значительный массив ранее неизвестных архивных документов. Кроме этого, с 1994 г. украинские ученые выпускают содержательный сборник «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ». Страницы этого издания содержат документальные материалы из закрытых архивов спецслужб, правоохранительных органов, биографические очерки о деятелях диссидентских движений в Украине, которые стали жертвами политических репрессий, мартиролог имен погибших в тюрьмах и лагерях НКВД и др. [7].

На сегодняшний момент архивные материалы остаются одними из ключевых источников по изучению повседневной жизни украинских рабочих и служащих в 1943–1945 гг. Наиболее многочисленную группу составляют документы государственных и партийных органов. В частности, значительной информационной насыщенностью отличаются документы Центрального государственного архива общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Для нашей проблематики интерес представляют материалы фонда П-1 (ЦК Коммунистической партии Украины). Среди документов этого фонда интересны протоколы, докладные записки и постановления центральных, местных

партийных и государственных органов УССР. Наиболее полная информация содержится в документах описей № 23–24 (особый сектор – секретная часть). Эти уникальные документы оказали значительную помощь в исследовании бытовых проблем трудящихся, установлении уровня и качества их жизни [8]. Архивный комплекс ЦГАОО Украины содержит также информацию об условиях труда, уровне производственного травматизма, охране здоровья трудящихся, характеризует основные мероприятия по предотвращению несчастных случаев на производстве [9].

Особый интерес вызывают документы военной цензуры НКГБ УССР, которые частично хранятся в ЦГАОО Украины. Сотрудники госбезопасности негласно проверяли корреспонденцию трудящихся и составляли по материалам проверок соответствующие отчеты. На фоне общего позитивного отношения населения к власти выявлялось значительное количество критических высказываний в адрес нерадивых руководителей предприятий. Например, только за декабрь 1944 г. по всей территории Украинской ССР было выявлено 4582 письма с жалобами на тяжелые условия труда и жилищно-бытовые проблемы. Годовая статистика была еще более впечатляющей: зафиксировали свыше 40 тыс. аналогичных писем. Материалы оперативно-следственной работы военной цензуры НКГБ УССР позволяют выявить наиболее острые проблемы послевоенной повседневности [10]. Особенно много нареканий у населения вызывала нерешенность жилищно-бытовых проблем. Так, на начало 1945 г. было восстановлено не более половины довоенного жилищного фонда. В результате каждая вторая украинская семья не имела крыши над головой. В конце 1944 г., т.е. на момент окончательного освобождения территории Украинской ССР, только столица республики – Киев могла похвалиться позитивными результатами восстановления. В то же время в Черниговской и Сумской областях не было ни одного города, который бы имел канализационную сеть [11]. Не лучше ситуация была и в других городах.

Одной из характерных особенностей исследуемого нами периода было то, что восстановительные работы начинались сразу же после освобождения определенного района УССР от оккупантов. Предстояло выполнить одну из наиболее сложных задач – возродить промышленные предприятия, разрушенные в годы войны, и достичь довоенного уровня производства. Обездоленному населению предстояло решить множество повседневных проблем: найти пригодное для проживания жилье, продукты, одежду, топливо, лекарства и пр. Следует отметить, что в чрезвычайно насыщенные трудностями послевоенные годы именно на плечи простых тружеников лег основной груз восстановления страны. В исследуемый период восстановительные процессы в экономике республики на фоне малоэффективной социальной политики стали основой формирования у украинских рабочих и служащих специфических стратегий повседневного поведения, которые позволили бы выжить в экстремальных условиях разрухи. А принадлежность к определенной категории населения была одним из основных факторов, оказывающих влияние на формирование поведенческих реакций, восприятие условий военной и послевоенной повседневности.

Власть пыталась отвлечь население от тягот разрухи широким использованием пропагандистских акций. Ежедневно, методично используя все доступные средства массовой информации, проводя многочисленные «агитационно-разъяснительные» мероприятия, руководству страны удалось сформировать у населения определенный стереотип «правильного» восприятия окружающей действительности. Культивировались мифы о «враждебном внешнем окружении», снова появились многочисленные «враги народа», «вредители», «шпионы» и «саботажники». Однако следует заметить, что даже в условиях максимального напряжения усилий пропагандистской машины не все граждане верили советскому официозу. Так, исследование корреспонденции трудящихся позволяет узнать об их повседневной жизни, проанализировать их оценки происходящему, изучить их социальные настроения. В письмах люди жаловались на тяжелые условия труда, отсутствие денег, что порождало недостаточное питание, бытовую неустроенность. В письмах родным порой прослеживается безнадежность, ожидание голодной и холодной смерти, крик о помощи. Например, в письме домой от 27 декабря 1944 г. молодая девушка писала: *«Мамочка, подходит зима, а я голая, босая, пишу это письмо со слезами и ничего не вижу. Работа наша тяжелая, работаю по 18 часов, а питание плохое, так что не знаю, выживу ли я в зиму»* [12]. Ей вторила другая работница: *«Родные, если вы мне не поможете, то придется здесь положить голову. Работаю целыми днями в холоде и голодная, кроме того босая. С работы прихожу уставшая, не могу даже разговаривать. Работаем по 12 часов. Кормят один раз жиденьким супом»* [13].

В редакции газет также поступало значительное количество писем, содержащих критические высказывания в адрес нерадивых руководителей предприятий, которые не заботились о нуждах трудящихся, черство и грубо относились к проблемам рабочих и служащих. Наиболее критическую и в то же время объективную информацию передавали в партийные и государственные органы. Как правило, такие письма можно встретить в архивах среди документации официальных государственных учреждений. При этом они сопровождаются соответствующими резолюциями и распоряжениями о необходимости выяснения ситуации, которая описывается, а также справками, подготовленными на местах в ответ на официальные запросы. После просмотра писем цензурой некоторая часть публиковалась на страницах газет. Заметим, что в центральных республиканских изданиях, рассчитанных на широкие массы населения, публиковались письма в основном агитационного характера. В ярких красках изображались условия жизни и труда рабочих, печатались хвалебные отзывы трудящихся в адрес партии и правительства об «очередном проявлении заботы» о них, о безоговорочном одобрении решений государственных органов.

Например, в письме от 8 апреля 1945 г. одного из рабочих Донбасса (судя по содержанию письма – мобилизованного из Западной Украины) высказывалась мысль о приемлемых условиях труда и быта: *«...о Донбассе мне приходилось слышать, как о чем-то страшном. Эти ложные слухи распространяли гитлеровские наемники – бандеровцы. “Пойдешь – не вернешься”, – говорили нам враги – украинско-немецкие националисты. За 5 месяцев работы на восстановлении*

Донбасса мне пришлось работать на стройке гаража треста “Артемуголь”, на шахте “Кочегарка”. Был чернорабочим, стал плотником... Каждому из нас выданы кровать, матрац, подушка, одеяло и простыня. Здесь же при общежитии работает прачечная. В комнате всегда тепло, уютно. Приехали мы сюда легко одеты. Здесь я получил белье и теплую одежду. При больших общежитиях есть красные уголки. После работы мы здесь отдыхаем. Читаем газеты, играем в шахматы, домино...» [14].

Из переписки официального характера, которая велась между государственными и партийными органами, можно также определить отношение власти к отдельным категориям трудящихся, определить приоритеты в проводимой государством политике. В докладной записке от 20 октября 1944 г. шла речь о будущем трудоустройстве так называемых спецконтингентов: «1. *Всех бывших военнопленных рядового и сержантского состава, находящихся в настоящее время на проверке в спецлагерях, работающих одновременно в промышленности, закрепить на этих работах и по мере окончания проверки оставлять в рабочих кадрах промышленности» [15].*

На фоне значительных капиталовложений в производство, руководство предприятий основное внимание уделяло выполнению производственного плана. В тоже время немало организационных проблем оставались не решенными. Так, некоторые металлургические и горнорудные предприятия Кривого Рога тянулись на несколько десятков километров, а эффективного подвоза работающих на предприятия не было налажено, поэтому трудящиеся немало сил и времени тратили на то, чтобы добраться на работу. Эти вопросы находились в компетенции именно руководителей предприятий. Как следствие, усталый работник не всегда был достаточно мотивированным, внимательным на производстве, снижалась эффективность его работы. Например, работница Харьковского электромеханического завода Н. Черная в феврале 1945 г. писала родным: «*На ХЭМЗ вынуждены ходить пешком. Зарплату на заводе задерживают по месяцу и больше. С хлебом перебои. Жизнь все такое же трудное и напряженное... Рабочих используют не по назначению в разных местах» [16].* Бухгалтер одного из металлургических заводов Днепропетровской области О. Карагодская жаловалась родственникам на плохие условия в общежитии, не приспособленном для проживания в нем женщин. Она писала: «*...живу в общежитии, но жить здесь очень трудно. Стирать негде, в комнатах очень холодно, нет света и отопления. Поесть приготовить негде – замучилась совсем, не знаю, как жить дальше.... Относительно питания все очень плохо: один раз в день горячее и 400 г хлеба. Одеться не во что...» [17].*

Бытовая неустроенность негативно влияла на трудовую дисциплину. Мобилизованные работники очень часто самовольно покидали предприятие и возвращались домой. Партийная комиссия, которая обследовала предприятия тяжелого машиностроения, проверила ход подготовки к зимнему сезону 1945/1946 гг. рабочих общежитий Харьковского турбогенераторного завода. Было выявлено, что на эти цели ассигновали 4 827 тыс. руб., а использовали лишь 720 тыс. руб. или около 15 % от плана. Профсоюзная организация заво-

да ни разу не заслушала отчет директора о подготовке ведомственного жилья к зиме. Характерно, что вместо того, чтобы на собрании привлечь внимание к насущным жилищно-бытовым или производственным вопросам, рабочие сидели и молча одобряли очередные постановления партии и правительства. Как следствие, в рабочих общежитиях иногда не было дверей и оконных рам, комнаты не имели электроосвещения. К местной котельной не было завезено достаточное количество топлива, поэтому комнаты общежития не отапливались. В дополнение к этим проблемам около 300 жителей проблемных общежитий не имели возможности пользоваться неисправной канализацией [18].

В своем письме от 8 января 1945 г. В. Фидериков – работник харьковского завода № 75 – высказывает возмущение такими явлениями: *«В комнате у меня очень холодно, как приехал, ни разу не был в тепле. Сейчас с приятелем сожгли табуретку и немного согрелись. Хуже всего дела с деньгами, заработка нет вовсе.... Ордер на проживание совсем не дают. В общежитии все рваное и грязное, мыла вовсе не выдают, все очень плохо»*. Секретарь Харьковского обкома КП(б) У С. Чураев отмечал: *«На предприятиях машиностроительной отрасли до сих пор имеют место недостатки в бытовом обслуживании работников. Многие рабочие имеют острую необходимость в белье, одежде, обуви. По мере реализации фондов выдается необходимое тем, кто нуждается в этом прежде всего... Рост населения и работников предприятий опережает темпы восстановления разрушенного жилого фонда, где ощущается острый дефицит жилья. На предприятиях города до сих пор еще не искоренены случаи бездушного отношения руководства предприятий к бытовым нуждам работников»* [19].

Заметим, что при анализе повседневности украинских трудящихся и их материально-бытовых проблем для объективности, достоверности и полноты картины следует учитывать все происходившие в исследуемый период социально-экономические, политические, культурные процессы, а также разносторонне подходить к выбору источников, стараясь их максимально разнообразить. Общественное сознание в первые послевоенные годы характеризуют патриотизм, оптимизм, трудовой энтузиазм, осуждение корыстолюбия и мещанства. Поэтому, несмотря на катастрофическую нехватку жилой площади, отсутствие водоснабжения, неудовлетворительное санитарно-эпидемиологическое состояние населенных пунктов УССР, продовольственные затруднения, крайне низкий уровень жизни, большинство трудящихся были уверены, что после страшных военных лет существующие материально-бытовые трудности носят временный характер и не так уж страшны, в сравнении с трагичными военными буднями. Характерно, что трудящиеся практически не связывали медленное решение многочисленных материально-бытовых проблем с какими-либо ошибками или недоработками партийно-государственных структур. Поэтому в этот период часто прослеживаются проявления лояльности и поддержки сталинскому режиму, которому удалось мобилизовать население и в чрезвычайно сжатые сроки восстановить народное хозяйство. Именно несгибаемый оптимизм населения позволил им победить послевоенные трудности.

Примечания:

1. Зубкова Е. Мир мнений советского человека 1945–1948 годы. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 25–38; Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945–1953 гг. М., 1999.
2. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994. Вып. 1.
3. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. 1917–1993. М., 1997.
4. Вронська Т. В умовах війни. Життя та побут населення України (1943–1945 рр.). К., 1995.
5. Лобода М.К. До проблеми відбудови важкої промисловості 1943–1950: охорона та умови праці робітників і службовців // Український історичний збірник. К., 2006. Вип. 9. С. 247–259.
6. Хойнацька Л.М. Відновлення машинобудівної індустрії України та його соціальні наслідки (1943–1950 рр.). К., 2003.
7. З архівів ВУЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. URL: <http://www.history.org.ua>.
8. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2359, 3581, 3962, 4103, 4587, 4626, 4674, 4872, 5130, 5190. Оп. 24. Д. 113, 115, 118–122, 148, 410, 1206.
9. Там же. Оп. 30. Д. 1662, 2126, 2340, 2681, 2776, 3093, 3456, 3818. Оп. 31. Д. 193, 583.
10. Там же. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2359.
11. Там же. Д. 3962. С. 320–322.
12. Лобода М.К. Повсякдення працівників важкої промисловості України 1940-х рр.: огляд поштової кореспонденції // Історія повсякденності: теорія і практика: матеріали всеукр. наук.-практ. конф. (Переяслав-Хмельницький, 14–15 травня 2010 р.). Переяслав-Хмельницький, 2010. С. 170–172.
13. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 23. Д. 1391. С. 1–2.
14. «Живемо культурно, забезпечено» // Вільне життя. 1945. 8 квітня.
15. ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 68. С. 231–231.
16. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2359. С. 8.
17. Там же. С. 10.
18. Хойнацкая Л. Указ. соч. С. 98.
19. ЦГАОО України. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2359. Л. 6–7.

А.В. Броварь

**УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ШАХТЕРОВ
В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОССТАНОВЛЕНИЯ
УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА
(1943–1945 гг.)**

Война – это не только крупные стратегические операции, бои местного значения, круглосуточная работа штабов и фронтовой разведки. Отечественные историки, официальная советская пропаганда всегда подчеркивали ее общенародный

характер. И в сознании простых людей она всегда оставалась и останется именно Великой Отечественной войной. Лозунг «все для фронта, все для победы» только констатировал тот факт, что тыл осознанно и добровольно отдавал фронту максимум ресурсов, оставляя буквально на грани выживания гражданское население – женщин, детей, стариков, демобилизованных фронтовиков-инвалидов. Поэтому научный интерес к социально-экономической тематике необходимо сфокусировать на стратегии выживания народа в такой экстремальный период его истории.

Условия быта и повседневная жизнь населения, особенно отдельных его категорий в масштабах локальных регионов в послеоккупационный период, являются одной из наименее изученных проблем истории Великой Отечественной войны. В советской историографии она исследовалась в общем, негативные явления ретушировались, тяжелые условия быта оставались часто «за кадром», на первый план выдвигался трудовой героизм и всенародная помощь фронту. Жизнь простого труженика с ее ежедневными проблемами и бедами оставалась в тени, что объясняется общей идеологической направленностью официальной исторической науки того времени, когда рядовой солдат-фронтовик и рядовой рабочий тыла рассматривались в качестве «обезличенных винтиков» громадной государственной машины.

Среди исследований советского периода можно отметить работы И.Г. Чернявского, А.В. Любимова, А.Ф. Ларина, Я.Е. Чадаева [1]. Более детально по отдельным направлениям, но в масштабах всей Украины тема освещена в монографиях и статьях Т.В. Вронской, С.И. Гальченко [2].

Только по самым приблизительным подсчетам материальный урон, нанесенный Сталинской (в настоящее время – Донецкой) области за время оккупации, исчислялся в 50 млрд руб. [3]. Больше всего пострадала угольная промышленность: были полностью разрушены и выведены из строя 487 шахт, оборудование и производственные корпуса шахтостроительных комбинатов, заводов горного машиностроения, жилищный фонд и объекты социально-культурного назначения.

Материальное положение горняков после освобождения региона оставалось чрезвычайно тяжелым. Значительно сократилась продовольственная база [4]. Производство отдельных категорий продовольствия и промышленных товаров сократилось в 10–12 раз [5]. Осенью 1943 г. из 108 хлебопекарен Донбасса, действовавших до войны, осталось 20, были разрушены все мясокомбинаты, другие предприятия пищевой промышленности [6]. Подверглись разрушению и другие составляющие материально-бытового обслуживания населения: магазины, бани, прачечные.

Меры по нормализации системы бытового обслуживания населения шахтерских городов и поселков начали проводиться государственными органами почти сразу после освобождения региона. Продолжавшаяся война и крайне ограниченные материальные ресурсы не позволяли резко изменить ситуацию к лучшему, хоть и были некоторые успехи. В 1944 г. в Сталинской области были построены и сданы в эксплуатацию 58 швейных и ремонтных мастерских, 27 парикмахерских, 7 бань-санпропускников и 7 прачечных [7].

Вместе с тем, далеко не везде местные партийные, советские, профсоюзные органы ответственно подходили к бытовым нуждам горняков и членов их семей. В отчетах ВЦСПС об обследовании работы профсоюза каменноугольной промышленности Донбасса приводились многочисленные факты, свидетельствовавшие о равнодушии местных профорганизаций к этому важному участку работы [8].

Продовольственная ситуация в Донбассе в первые годы после освобождения была крайне сложной. В конце 1944 г. норма хлеба для рабочих составляла 400–800 г, служащих – 300–400 г, иждивенцев и детей – 200–300 г [9]. На предприятиях угольной промышленности Ворошиловградской (в настоящее время – Луганской) области часто возникали перебои со снабжением горняков хлебом [10]. В 1944 г. рацион горняка Донбасса был наполовину меньше, чем до войны [11].

Особенно в тяжелом положении оказались семьи погибших, пропавших без вести или находившихся на фронте горняков. Чтобы улучшить их положение, государственные органы пытались наладить систематическое обеспечение их продовольствием и промышленными изделиями [12]. Хуже всего питался «спецконтингент», мобилизованный для работы на угольных шахтах Донбасса. В основном, это были юноши 1926–1927 гг. рождения, выходцы из Западной Украины и Правобережья [13].

Ситуация с продуктами была лучше на тех угольных предприятиях, где имелись собственные продовольственные базы. Это, в частности, касалось комбината «Сталинуголь» [14]. В конце 1944 г. горняки Донбасса пользовались услугами 964 столовых, 922 магазинов и 98 продовольственных баз. Калорийность продуктового набора работников угольных шахт составляла в этот период в среднем от 1387 до 1592 ккал, дневной рацион служащих 1074–1076 ккал, а иждивенцев – 780 ккал. Шахтеры Донбасса на протяжении всего периода 1943–1945 гг. ощущали острый недостаток мяса, масла, сахара, соли, овощей. Значительные перебои наблюдались в снабжении хлебобулочными изделиями. Горняки вместо положенных 900 г хлеба в сутки получали только 600 г [15].

Существенному увеличению потребительских возможностей горняков в тяжелый период 1943–1945 годов способствовало создание предприятиями подсобных хозяйств. К концу войны на шахтах Донбасса их насчитывалось 225, им было выделено 109 тыс. га земли [16]. Развитию индивидуального хозяйства способствовали государственные и профсоюзные органы. При ВЦСПС в 1943 г. был создан Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству. Индивидуальное огородничество позволило смягчить остроту продовольственного вопроса. Весной 1945 г. 2,5 млн рабочих и служащих Украины имели коллективные и индивидуальные огороды общей площадью 385,5 тыс. га [17].

Важной составляющей материально-бытовой жизни работников угольной промышленности являлось их обеспечение товарами широкого потребления. «Узким» местом в этот момент было снабжение шахтеров одеждой и обувью. Так, более или менее нормальную обувь имели меньше половины горняков комбината «Сталинуголь» [18]. В таком же нищенском состоянии находился и домашний быт горняков, особенно тех, которые проживали в рабочих общежитиях. Часто горняки не имели постоянного постельного белья. В рабочих общежитиях не

хватало одеял [19]. Часто жители горняцких общежитий в первые послевоенные годы не имели ламп, воды, кроватей [20]. Не хватало даже набитых соломой матрасов, поэтому люди были вынуждены спать на голом полу [21].

Таким образом, бытовое положение шахтеров Донбасса в послеоккупационный период было крайне тяжелым: постоянно не хватало продуктов питания, необходимой одежды, предметов быта. Такое положение было типичным для всего рабочего класса в период войны, но в Донбассе оно имело свои особенности. Они выражались, во-первых, в заметном диссонансе между относительно высокой зарплатой шахтеров и низкими реальными возможностями реализации их бытовых потребностей. Во-вторых, в значительно более массовом, по сравнению с другими индустриальными центрами, индивидуальном огородничестве. Эта особенность объясняется тем, что крупнейшие шахтерские города Донбасса – Донецк, Макеевка, Горловка, Краснодон, Красноармейск и другие – исторически сложились как совокупности шахтерских поселков, где всегда частный сектор с традициями приусадебного хозяйства был преобладающим.

Примечания:

1. Чернявский И.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945). М., 1964; Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968; Ларин А.Ф. Восстановление снабжения продовольственными товарами городского населения УССР после освобождения гитлеровских оккупантов // Украинский исторический журнал. К., 1974. № 7; Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985.
2. Вронская Т.В. В условиях войны: жизнь и быт населения городов Украины (1943–1945 гг.). К., 1995; Гальченко С.И. Обеспечение населения продовольственными товарами в годы Великой Отечественной войны.
3. Великая Отечественная война 1941–1945. М., 1985.
4. Советская Украина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. К., 1985. С. 234, 265, 266.
5. Любимов А.В. Указ. соч.
6. Заблоцкая К.В. Профессионально-квалификационные слои работников угольной промышленности Украины в 1960–1985 гг. // Исторические и политические исследования. Донецк, 2001. № 4. С. 141.
7. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 4. Д. 415. Л. 3.
8. Там же. Оп. 30. Д. 316. Л. 9.
9. Ковпак Л. Социально-бытовые условия жизни населения во второй половине XX столетия (1945–2000 гг.). К., 2005. С. 84.
10. Государственный архив Луганской области (далее – ГАЛО). Ф. П-179. Оп. 3. Д. 252. Л. 37.
11. Социальная политика Советского государства. М., 1985. С. 139–140.
12. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 46. Д. 415. Л. 85.

13. Там же. Оп. 30. Д. 316. Л. 89.
14. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. Р-2895. Оп. 1. Д. 288. Л.28.
15. Чернега П. Производственная деятельность и материально-бытовое положение рабочих Украины в годы Второй мировой войны. К., 2006. С. 236, 257.
16. Бровар О.В. Вугільна промисловість Донбасу у 40–60 роках ХХ ст.: проблеми соціального розвитку. Донецьк, 2009. С. 272.
17. ЦГАОО Украины. Ф. 4957. Оп.1. Д. 23. Л. 129–130.
18. ГАДО. Ф. Р-2895. Оп.1. Д. 288. Л. 28.
19. ГАЛО. Ф. П-179. Оп. 3. Д. 137. Л. 42.
20. Там же. Д. 252. Л. 37, 120, 122, 137.
21. ГАДО. Ф. 3426. Оп. 1. Д. 11. Л. 89.

И.М. Есун

СОВЕТСКАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ЖЕНЩИН В ПРОЦЕССЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ДОНБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1943–1945 гг.)

«Кадры решают все!», – этот лозунг, ставший одним из ключевых в большевистской политической идеологии, успешно использовался и советской пропагандой, особенно тогда, когда необходимо было в кратчайшие сроки, не взирая ни на какие ограничения и трудности, решить вопросы трудовых ресурсов, обеспечить стройки, заводы, колхозы, транспорт необходимой рабочей силой. Этот лозунг, ставший ключевым в советской кадровой политике, позволил СССР в предвоенные годы создать достаточно мощную угольно-металлургическую базу в Донбассе, обеспечив тот потенциал советской власти, который позволил ей не только удержать власть, но и начать активное строительство советского государства.

Значительная роль в этой кадровой политике отводилась женщинам, а их приобщение к традиционно «мужским» профессиям, к тяжелому физическому труду, к занятиям военно-прикладными видами спорта преподносилось как величайшее достижение социализма, проявление подлинного «равенства полов» и освобождение женщины от «домашнего рабства». Идеи эмансипации были наиболее популярны в молодежной среде, а массовые комсомольские призывы, наборы и мобилизации под лозунгами «Девушки – на трактор!», «Девушки – в авиацию!», «Девушки – на комсомольскую стройку!» явились своего рода психологической подготовкой к массовому участию советских женщин в грядущей войне. С ее началом сотни тысяч женщин устремились в армию, не желая отставать от мужчин, чувствуя, что способны наравне с ними вынести все тяготы воинской службы, а главное – утверждая за собой равные права на защиту Отечества.

Проблема рабочей силы в годы Великой Отечественной войны до сегодняшнего дня остается дискуссионной. Ряд авторов трактует ее в духе традиционного для консервативной историографии тезиса о «русском численном превосходстве»: «СССР не испытывал недостатка в рабочей силе» [1]. Однако на самом деле эта проблема была чрезвычайно острой. Другое дело, что советскому руководству ее удалось решить, и СССР победил. Неспособность же Германии решить аналогичную проблему, наряду с другими факторами, привела ее к поражению [2]. Резкое сокращение числа работавших вследствие мобилизации в армию поставило важнейшую задачу в краткие сроки создать новые трудовые резервы. Ведь только потеря западных территорий и мобилизация в армию привела к резкому сокращению числа рабочих и служащих в 1942 г. до 18,4 млн чел., в том числе в промышленности – 7,2 млн чел., что составляло соответственно 59 % и 65,6 % к уровню 1940 г. [3].

Именно поэтому лозунг «Кадры решают все!» как нельзя лучше подходил советской пропаганде в условиях военного времени, где недостаточность обеспечения тыловых районов трудовыми ресурсами очень остро ощущалась, да и будущие победы на фронте напрямую зависели от того, насколько тыловая инфраструктура могла обеспечить армию вооружением, продовольствием и обмундированием. Однако тотальная подчиненность всей тыловой инфраструктуры и общественной жизни военному фактору, с одной стороны, и ограниченность в продовольственных и социально-бытовых ресурсах, с другой, привели к дальнейшему утверждению основных форм режима «военного коммунизма». В экономической и социально-политической сферах жизни тыловых районов преобладали методы командно-административной системы управления с характерными для нее сверхцентрализацией, диктатом высших инстанций. Мобилизация населения производилась насильственными методами по повесткам, порой без учета физических возможностей и здоровья человека (особенно в отношении женщин), нередко с привлечением сотрудников милиции и органов НКВД.

Однако женщины не могли находиться в стороне в столь трагический для страны период, когда их отцы, мужья, сыновья, братья ежеминутно рисковали жизнью на фронте, приближая день Победы. Понимая, что металл необходим фронту, женщины трудились под девизом: «Больше, лучше, быстрее! Все для фронта, все для Победы!». Вслед за горняцкими женщины стали овладевать индустриальными профессиями в других отраслях промышленности и транспорта. В числе первых женщин-металлургов была дочь расстрелянного фашистами начальника мартиновского цеха Ждановского завода им. Ильича Н.М. Толмачева Тамара. Вместе с подругами – Р. Бурындой, В. Светченко, М. Паргалой – она стала к мартену. Только за три месяца бригада выплавилась свыше 500 т стали. За успехи в труде Т. Толмачева была награждена знаком «Отличник социалистического соревнования», а к апрелю 1944 г. на заводе в 30 комсомольско-молодежных бригадах насчитывалось уже 80 % девушек [4].

Определенную роль в восстановлении металлургической промышленности в Донбассе сыграло развернувшееся социалистическое соревнование, в которое широко были вовлечены и женщины. Однако не стоит идеализировать такую

форму организации труда. Тем более что в условиях тоталитарного режима, оно было сильно заорганизовано и заидеологизировано, а внешние формы проявления, такие как обилие лозунгов и транспарантов, стенных газет и молний, всевозможных митингов и собраний были куда важнее, чем конечный результат и внутреннее содержание работы. Это нередко, особенно в массовом масштабе, порождало формальное его проведение. Результаты и показатели часто завышались местными руководителями, стремившимися желаемое выдать за действительность, отрапортовать перед вышестоящими органами власти о высоких показателях в труде. В конечном итоге, простые рабочие равнодушно относились к призывам партии и правительства, а те результаты, которые были достигнуты в ходе соцсоревнований, отражали истинное стремление местных жителей к быстрейшему восстановлению народного хозяйства своего края.

11 сентября 1944 г. ЦК ВЛКСМ и Народный комиссариат черной металлургии СССР приняли постановление «О социалистическом соревновании молодежных бригад предприятий Наркомчермета». А уже 26 октября 1944 г. приказом № 247 по Сталинскому металлургическому заводу было объявлено о начале соцсоревнования на заводе. Среди тех, кто первым вступил в социалистическое соревнование, была женская бригада слесарей Марии Евсеевой, которая еще в декабре 1943 г. выполнила задание на 172,5 %. В этом же месяце в соцсоревнование вступили бригады бетонщиц жил- и энергостроя Александры Сысоевой и Екатерины Комисаровой, а всего на заводе было образовано 59 комсомольско-молодежных бригад, которые охватили соревнованием 479 чел. В целом на заводах металлургической и коксохимической промышленности Донбасса соревновалось 383 комсомольско-молодежные бригады с охватом 3064 чел. [5].

При всех минусах и недостатках соцсоревнования трудно спорить с тем фактом, что в результате самоотверженного труда, рабочего энтузиазма, а подчас и трудового героизма женщины показывали высокие результаты своей работы, а производительность труда выросла в несколько раз. Бригады намотчиц электроцеха С. Коломийцевой и И. Ходосоевой, каменщицы цеха каменных работ Е. Наумовой и А. Матвеевой, бетонщицы мартеновского цеха И. Сорокиной и многие другие добились высоких показателей в работе, ежемесячно перевыполняя сменное задание в среднем на 150 % [6]. Таким образом, всего на предприятиях черной металлургии количество рабочих, не выполнявших нормы выработки, составляло 9,9 % в мае 1945 г. против 13,2 % в мае 1944 г. [7].

Активное участие приняли женщины и в развернувшемся соцсоревновании между металлургами Константиновского завода им. Фрунзе и Краматорского завода им. Куйбышева [8]. Уже в августе 1944 г. сверлильщица Константиновского завода А. Остахова рапортовала о выполнении за 1 полугодие десятимесячного годового плана. Больших успехов добились и формовщики литейного двора этого же завода А. Крючкова, У. Дубина, М. Шаповалова, Г. Бондаренко, которые своевременно готовили двор для литья, выполняли норму на 150 %. VII общегородская конференция г. Константиновки, оценивая работу женщин по восстановлению завода им. Фрунзе, отметила, что во многом успех восстановительных работ зависит от активного участия в них женщин и девушек [9].

В целом за период с 1943 г. по 1945 г. удельный вес женщин среди рабочих и служащих СССР значительно вырос. Если в 1942 г. женщины составляли 52 % производственно-промышленного персонала, занятого в промышленности [10], то в 1943 г. они уже составляли 57 % среди общего числа рабочих и служащих, причем их удельный вес в промышленности составил 53 % [11]. В ряде отраслей, таких как черная и цветная металлургия, женщин насчитывалось от 51,1 % до 59,3 % [12]. В Донбассе, где уровень развития индустрии был гораздо выше, чем по другим регионам Украины, эти данные были еще выше примерно на 5–7 %. Ведь в условиях военного времени мужских рук на производстве катастрофически не хватало, а такие отрасли промышленности, как черная и цветная металлургия, коксохимическая промышленность стали стратегически важными для страны, тем более для Донбасса, в непосредственной близости от которого проходила линия фронта. Поэтому на их восстановление были брошены все силы и средства, людские резервы, в том числе и женщины.

Активизации женского движения по возрождению тяжелой промышленности Донбасса способствовали общегородские конференции стахановцев – работников промышленности и транспорта, проходившие в г. Константиновка. Многие женщины в дни подготовки к конференциям стремились перевыполнять плановые показатели. Например, бригада шихельниц Краматорского завода Е. Ключковой выполняла сменное задание на 170–200 %, а Е. Брежнева, работница этой бригады, довела ежедневную выработку до 200–230 % [13].

И все же, несмотря на значительные успехи в деле восстановления народного хозяйства региона, наметились и некоторые проблемы. Так, на совещании, проходившем на металлургическом заводе «Азовсталь» в Мариуполе и посвященному методу работы Екатерины Барышниковой, отмечалось, что он не нашел должного внедрения в работе предприятия и только 45 бригад работало по данному методу. А ведь метод Е. Барышниковой по сокращению числа рабочих за счет повышения производительности труда только на заводе «Азовсталь» позволил высвободить 53 молодых рабочих [14]. Повсеместное внедрение данного метода позволил бы решить одну из самых сложных проблем, особенно в условиях военного времени, кадровую. Недостаточное внедрение объяснялось тем, что в большинстве своем члены бригад совсем не работали ранее на заводе или имели низкую квалификацию.

Острый дефицит рабочей силы заставлял правительство принимать самые решительные меры. Постановления по металлургической промышленности следовали одно за другим [15], однако они не приносили желаемого результата. Принятого решения ГКО о мобилизации только по Сталинской области 38 тыс. рабочих для восстановления черной металлургии было недостаточно. Во-первых, потому что данное решение осталось только на бумаге, будучи выполнено лишь на 18%. Во-вторых, предприятия в первую очередь нуждались в квалифицированных специалистах, а большинство мобилизованного населения, из которых до 40 % составляли женщины, никогда не работали в индустрии и не имели опыта в данной отрасли до войны [16].

В этих условиях инициатива жительницы г. Енакиеве К. Яхонтовой, ставшей инициатором перехода женщин, работавших на предприятиях металлургической промышленности, с менее важных на более важные участки работы, получила широкий размах. На ее призыв: «Подруги, переходите из контор и подсобных цехов на производство!», – сразу же откликнулось 100 женщин [17].

Но и этого оказалось недостаточно, требовались более масштабные мероприятия. Сразу с освобождением стали создавать школы и курсы подготовки кадров массовых квалификаций [18]. Уже 13 октября 1943 г. газета «Артемовский рабочий» сообщала о том, что каменщик С. Орлов выступил инициатором обучения женщин индустриальным профессиям [19]. В ноябре-декабре 1943 г. на Сталинском металлургическом заводе было подготовлено новых кадров массовых квалификаций 319 чел. [20]. В 1 квартале 1944 г. на металлургическом заводе в Мариуполе подготовку прошли 549 чел., из них 253 женщины (46 % общего количества обученных) [21]. А в 1944/45 учебном году в Донбассе открылось 57 новых школ рабочей и сельской молодежи с охватом более 10 тыс. молодых рабочих и колхозников [22]. О подготовке новых кадров и обучении женщин в 1945 г. на металлургических предприятиях Донбасса можно судить по следующей таблице [23]:

Таблица 1. Производственное обучение женщин на металлургических предприятиях Донбасса в 1945 г.

	План	Всего обучено	В том числе женщин	%
Подготовлено в 1945 г.	25 108	25 826	14 527	56,2
Из них важнейших профессий	5 006	7 774	4 452	57,3

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод о том, что и в год окончания войны женщины играли существенную роль в воссоздании кадров для металлургических предприятий Донбасса, ибо продолжали составлять 56% обучаемых в этот период. Но наиболее полно представить вклад женщин в возрождение металлургической промышленности Донецкого бассейна дает возможность таблица, отражающая динамику численности женщин, работавших на предприятиях черной металлургии в годы Великой Отечественной войны [24]:

Таблица 2. Численность женщин на предприятиях черной металлургии Донбасса в 1944–1945 гг.

	1944 г.			1945 г.		
	Всего	В т.ч. женщины	%	Всего	В т.ч. женщины	%
Промышленно-производственный персонал	62 541	23 527	37,6	61 449	24 343	39,6
В том числе рабочих	41 599	16 559	39,8	45 454	21 175	46,5
Всего рабочих и служащих	76 235	31 367	41,1	72 614	29 777	41

Эти цифры красноречиво говорят о том, какую роль сыграли женщины Донбасса в восстановлении металлургической промышленности региона. Ведь и в 1945 г. они составляли 46,5 % рабочих, а в общем составе трудящихся их численность снизилась лишь на одну десятую процента от показателей 1944 г. и они продолжали составлять 41 % от общего количества тех, кто своим трудом возрождал былую славу металлургии Донбасса.

Труд женщин дал положительные результаты. В октябре 1943 г. выплавка чугуна выросла на 28,1 %, выплавка стали – на 17,9 % [25]. 23 декабря 1943 г. на Енакиевском металлургическом заводе первой в Донбассе была восстановлена доменная печь № 6. 24 декабря 1943 г. или на 9 дней раньше правительственного срока она дала первую плавку [26]. Успешно возрождался и Макеевский завод, который в феврале 1945 г. полностью выполнил государственный план по всему металлургическому циклу [27]. В 1945 г. были восстановлены и введены в эксплуатацию 2 мартеновские печи на Сталинском металлургическом заводе, причем мартеновская печь № 2, как и стан 350 мм, были пущены досрочно [28].

За успешное проведение восстановительных работ и эксплуатацию во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятиям Наркомчермета Сталинской области 39 раз присуждались переходящие знамена ГКО, из них: Сталинскому металлургическому заводу – 7 раз, Енакиевскому металлургическому заводу – 5, Макеевскому металлургическому заводу – 3. Вторые места во Всесоюзном социалистическом соревновании предприятиям Наркомчермета Сталинской области присуждались 39 раз, третьи места – 37. Значительную роль в достижении данных успехов сыграли женщины. Именно женщины стали той силой, на плечах которых возрождались гиганты металлургии. Женщины составляли более половины промышленного персонала на предприятиях коксохимической промышленности [29], до 70% в промышленности боеприпасов и вооружения, 41% на металлургических предприятиях Донбасса [30].

Таким образом, активное участие женщин явилось одним из важнейших условий успешного и быстрого восстановления тяжелой индустрии региона. Однако не следует забывать, скольких усилий и здоровья стоили женщинам эти успехи. Как часто местные власти забывали о том, что женщине необходимы особые условия труда, а тяжелый физический труд был под силу далеко не всем даже мужчинам. В конечном итоге, это губительно сказалось не только на здоровье самой женщины, но и на здоровье будущих поколений.

Примечания:

1. Мировая экономика и международные отношения. 1980. № 5. С. 133–136; История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. М., 1982. Т. 12. С. 199–203.
2. История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 12. С. 199.
3. Там же. М., 1975. Т. 5. С. 50. Сравнить: Там же. М., 1976. Т. 7. С. 41. Т. 12. С. 159, 199.
4. Государственный архив Донецкой области (далее – ГАДО). Ф. 326. Оп. 12. Д. 16. Л. 36. Оп. 10. Д. 28. Л. 252. Оп. 1. Д. 628. Л. 40; Социалистический Донбасс. 1944. 11 февраля.
5. ГАДО. Ф. Р-231. Оп. 2. Д. 18. Л. 2, 6, 19; Ф. 424. Оп. 3. Д. 63а. Л. 10, 12.
6. Там же. Ф. Р-231. Оп. 2. Д. 18. Л. 41.

7. Правда. 1945. 26 апреля; Морехина Г.Г. Рабочий класс – фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1962. С. 439.
8. Знамя индустрии. 1944. 8 июля.
9. Там же. 1944. 25 августа; 8 декабря; 1945. 31 января.
10. Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1970. С. 226.
11. История второй мировой войны Т. 7. С. 43. М., 1977. Т. 8. С. 363; Советский тыл в период коренного перелома в Великой Отечественной войне (ноябрь 1942 г. – 1943 гг.). М., 1989. С. 29.
12. Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1971. С. 365.
13. Знамя индустрии. 1944. 18 июля; 24 октября; 1945. 25 июля.
14. ГАДО. Ф. 424. Оп. 3. Д. 63а, Л. 7–8.
15. КПСС в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986 гг.). М., 1985. Т. 7. С. 286–288, 365, 532.
16. ГАДО. Ф. 326. Оп. 2. Д. 32. Л. 53–56, 74–76.
17. Коваль М.В. Подвиг жінок Радянської України у Великій Вітчизняній війні (1941–1945 рр.) // Український історичний журнал. 1975. № 12. С. 44.
18. Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВО Украины). Ф. 2. Оп. 7. Д. 655. Л. 69, 93–94.
19. Артемовский рабочий. 1943. 13 октября.
20. ГАДО. Ф. Р-231. Оп. 2. Д. 6. Л. 1, 3.
21. Там же. Ф. Р-1278. Оп. 3. Д. 52. Л. 3.
22. Социалистический Донбасс. 1944. 28 октября.
23. Подсчитано автором по: Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 23. Д. 58. Л. 21; ГАДО. Ф. Р-4249. Оп. 3. Д. 347. Л. 1–41.
24. Подсчитано автором по: ГАДО. Ф. Р-4249. Оп. 2. Д. 43. Л. 60; Оп. 3. Д. 99. Л. 1–182; Государственный архив Луганской области. Ф. Р-2519. Оп. 2. Д. 9. Л. 1–26.
25. Советская Украина. 1945. 6 марта.
26. ЦГАВО Украины. Ф. 2. Оп. 7. Д. 654. Л. 72; Советская Украина. 1943. 26 декабря.
27. Правда Украины. 1945. 6 марта.
28. ГАДО. Ф. Р-231. Оп. 2. Д. 68. Л. 42.
29. Киселев В.И. Воссоздание рабочих кадров Донбасса в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1975. № 4. С. 115.
30. ГАДО. Ф. Р-4249. Оп. 3. Д. 99. Л. 182.

М.А. Быстрая

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ УССР В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

Важнейшим фактором формирования общественного сознания является научно-педагогическая интеллигенция, которая посредством профессиональной деятельности способствует личностному и профессиональному становлению

молодежи. Роль научно-педагогической интеллигенции особенно возрастает в экстремальный период развития общества, которым, безусловно, является Великая Отечественная война. Обращение к стратегиям выживания представителей системы образования в условиях военного времени позволит приблизиться к пониманию сущности процессов, происходивших в обществе, прояснить сам механизм его существования, реагирования на экстремальные условия.

Согласно сложившейся в отечественной историографии традиции, стратегии выживания выделяются в соответствии с видами угроз: психологической, материальной, физической. Представляется логичным воспользоваться этой схемой в рассмотрении стратегий выживания научно-педагогической интеллигенции и рассмотреть способы преодоления данных угроз.

В период социальных катаклизмов все члены общества одинаково испытывают чувство растерянности, неуверенности в будущем, лишаются надежных ориентиров. Это сопровождается не только усложненной адаптацией, но и более глубокими реакциями индивида на разрушение социальных связей и норм, которые регулировали его социальное поведение. Период Великой Отечественной войны представлял собой время огромных потрясений, когда будущее представлялось весьма туманным из-за непредсказуемости итога противостояния и невозможности предвидеть последствия победы той или иной стороны.

В военных условиях перед представителями научно-педагогической интеллигенции стал выбор: вступить в ряды Красной армии, эвакуироваться в тыл или остаться жить на оккупированной территории. Такой выбор многими делался по наитию вследствие того, что не все педагоги осознавали серьезность военной угрозы, а также под влиянием советской агитации и личностных характеристик. Оказавшись в разных условиях, представители научно-педагогической интеллигенции вырабатывали различные механизмы выживания, психологической и физической защиты от реалий жизни.

Для тысяч представителей научно-педагогической интеллигенции единственным моральным выходом в данной ситуации оказалась служба в рядах действующей армии. Эвакуироваться удалось только незначительной части представителей интеллектуального труда. Перед оставшимися на оккупированной территории возникло, по сути, только две альтернативы: сотрудничество или борьба с оккупантами. Основной целью политики нацистов в отношении интеллигенции было уничтожение ее как духовной элиты общества. Однако можно говорить о различных подходах к разным поколениям представителей интеллектуального труда. Отношение нацистов к «советской» интеллигенции было однозначным: ее нужно уничтожить. Четкой политической позиции относительно «старой» и националистически настроенной интеллигенции у оккупантов не было. Поэтому данные категории чаще шли на сотрудничество с врагом.

Интеллигенция, осознававшая преступный характер оккупационного режима, оказывала сильное сопротивление властям. Значительную роль сыграли преподавательские кадры в организации и деятельности партизанских формирований, как советских, так и националистических. Согласно статистическим данным, среди 62,5 тыс. советских партизан представители интеллектуальных

профессий составляли 11 тыс. чел., или 17,3 %. Преподаватели, привыкшие к лидерству в обществе, часто были руководителями партизанских и подпольных групп [1].

Немало представителей научно-педагогической интеллигенции, которых принудили пойти на службу к оккупантам, держались достойно и оказывали пассивное сопротивление врагу: саботировали выполнение должностных обязанностей и распоряжения властей, прятали культурные ценности, спасали от угона в Германию соотечественников, вели разъяснительную работу [2].

Однако в значительной степени для представителей интеллигенции в условиях оккупации были характерны аполитичные настроения. Причиной этого были тотальные репрессии, преследования, ограничение интеллектуальной свободы, унижения, психологическое давление. К тому же интеллигенция имела некоторые иллюзии относительно оккупантов, считая террор с их стороны явлением временным. Нередко на предательские, по сути, поступки морально нестойких людей толкали такие чувства, как авантюризм, страх, желание отомстить. Нашлись и такие, что рассчитывали «хорошо устроиться». Часть интеллигенции из альтруистических побуждений вошла в состав оккупационных органов или работала в учебных заведениях с целью послужить на благо своих соотечественников.

Идеалистически настроенные представители интеллигенции, надеясь на украинское национальное возрождение под эгидой Германии, выступали инициаторами возрождения сети учебных заведений, научно-исследовательских учреждений [3]. Архивные материалы с довольно высокой степенью вероятности позволяют утверждать, что именно благодаря инициативе научно-педагогической интеллигенции в школах Украины вводилось обязательное обучение детей. В условиях запрета на использование советских учебных пособий педагоги прилагали усилия для создания новых учебников. Их готовили во многих городах Украины, таких как Львов, Харьков, Славянск, Мариуполь [4]. Обращает на себя внимание, что в большинстве таких изданий не было произведений, которые бы восхваляли немецких «освободителей». Это является свидетельством сознательной позиции ее составителей. Активная профессиональная деятельность давала осознание выполненного перед обществом долга, отвлекала от бытовых проблем, ужасов войны, а также позволяла выжить.

В условиях резкого сокращения количества учебных заведений лишь немногим педагогам удавалось устроиться на работу по специальности. Однако многие скорее готовы были умереть от голода, чем согласиться работать на нацистов. Например, доктор медицинских наук, профессор Л.П. Николаев с семьей во время оккупации Харькова жил исключительно за счет продажи собственных вещей [5].

Многие представители интеллектуального труда, не имея возможности или не желая работать по специальности, избрали для себя иной путь выживания, они занялись доступным им ремеслом. Так, 70-летний профессор Г. Черноморченко изготавливал гробы, а известный педагог П. Тутарский делал спички [6].

Одним из способов психологической защиты для представителей научно-педагогической интеллигенции стало обращение к религии, что давало воз-

возможность не только получить психологическую разрядку, но и определенную уверенность в завтрашнем дне. Своеобразным способом ухода от тяжелой действительности для наиболее психологически неустойчивых представителей научно-педагогической интеллигенции стало употребление табака, алкогольных напитков и даже наркотиков.

С освобождением территории Украины от нацистских захватчиков представители научно-педагогической интеллигенции оказались перед лицом иной реальности, связанной с возвращением к мирной жизни. Однако педагогам, которые пережили ужасы оккупации, теперь необходимо было доказывать свою невиновность перед советским режимом. Коллаборационисты сочли за лучшее для себя покинуть территорию республики вместе с оккупационными войсками. Остальные попали под подозрение и подвергались постоянным проверкам со стороны властей. По отношению к ним предпринимались репрессивные методы воздействия, которые чаще всего были необоснованными. Это унижало достоинство представителей интеллектуального труда, создавало атмосферу страха, неуверенности в завтрашнем дне, а также способствовало конформизму в среде преподавателей.

Плата за преподавание в учебных заведениях и работу в научно-исследовательских учреждениях, как правило, являлась основным источником доходов научно-педагогической интеллигенции. Однако в условиях тотальных дефицитов, отсутствия регулярного снабжения по карточкам и очень высоких цен на продукты и предметы первой необходимости в свободной продаже зарплата не обеспечивала представителям интеллектуального труда достойного уровня жизни. Педагоги вынуждены отказывались от элементарных бытовых удобств, привычного рациона питания, предметов быта, одежды, обуви. Это в совокупности с другими факторами способствовало размыванию традиционных морально-этических норм в среде профессорско-преподавательских кадров. Взятничество и коррупция стали повседневным явлением. Для некоторых педагогов это было одной из возможностей доступа к материальным благам, хотя им и приходилось поступаться моральными ценностями.

Большая часть научно-педагогической интеллигенции, чтобы пополнить семейный бюджет, работала в нескольких учреждениях. Власти старались по возможности это пресекать, однако из-за нехватки квалифицированных кадров часть педагогов нарушала установленные правила. В крупнейшем вузовском центре УССР – Харькове – нормой для преподавателей стало работать одновременно на трех кафедрах [7].

Однако наличие денег не гарантировало приобретение необходимых товаров. Характерной чертой жизни общества военного времени были очереди и повальные дефициты. Поэтому, чтобы «достать» необходимое, нужно было тратить много времени на очереди, заводить «нужные» знакомства, уметь «прогнуться» и «договориться».

Проблема преодоления продовольственных трудностей частично решалась совместно, в рамках государственных мероприятий по организации подсобных хозяйств, буфетов, столовых. Еще одним способом улучшить качество жизни, доступным для большинства, стала не совсем характерная для представителей

интеллектуального труда деятельность: выращивание овощей на выделенных под огороды участках. О значении огородов свидетельствует тот факт, что большинство педагогов любой ценой старались получить участки [8].

Ощущая на себе в полной мере тяготы военного времени, большая часть представителей научно-педагогической интеллигенции именно в интенсивной профессиональной деятельности видела чуть ли не единственный способ физически выжить и сохранить устойчивую психику. Процесс передачи знаний и для преподавателей, и для студентов в экстремальных условиях имел помимо прочих, терапевтический эффект, поскольку позволял хотя бы на короткое время забыть обо всем.

Важнейшим фактором психологической адаптации к экстремальным условиям было воссоздание прежней сети социальных связей, организация и проведение праздничных мероприятий. Важнейшей частью жизни научно-педагогической интеллигенции стала активная общественно-патриотическая деятельность. Вообще, любые мероприятия и торжества в годы войны становились важным фактором осознания собственной значимости и психологически приближали интеллигенцию к такой желанной мирной жизни.

Итак, экстремальные условия войны потребовали от научно-педагогической интеллигенции выработки стратегий, обеспечивавших физическое, материальное и психологическое выживание. Важнейшей составляющей преодоления психологической опасности была интерпретация происходящего как явления временного. Персональный алгоритм поведения выстраивался исходя из данной интерпретации. Выполнение своего гражданского и профессионального долга помогало большинству представителей научно-педагогической интеллигенции солидарно вырабатывать практики противостояния военным угрозам, выстраивать перспективы ближайшего будущего. Часть педагогов избрала для себя путь аморального поведения. Однако физическое выживание в условиях войны, когда власть менялась, в наибольшей степени гарантировала политическая мимикрия, конформизм, к чему часто и прибегла научно-педагогическая интеллигенция. Ставка на продолжение в любой ситуации профессиональной деятельности была характерна для подавляющего большинства педагогов независимо от выбора основной стратегии поведения, что в конечном итоге способствовало сохранению украинской науки и образования. События Великой Отечественной войны создали для научно-педагогической интеллигенции возможность вариативно мыслить, критически осмысливать действительность.

Примечания:

1. Нариси історії української інтелігенції: (перша половина ХХ ст.): У 3 кн. Кн. 3. К., 1994. С. 93.
2. Центральный государственный архив общественных организаций Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 16. Д. 110. Л. 108, 127.
3. Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф. Р-2982. Оп. 4. Д. 237. Л. 3–8.

4. ЦГАОО Украины. Ф. 166. Оп. 3. Д. 244. Л. 38.
5. ГАХО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 404. Л. 9.
6. ЦГАОО Украины. Ф. 3676. Оп. 4. Д. 276. Л. 436.
7. Там же. Ф. 1. Оп. 73. Д. 37. Л. 27об.
8. Там же. Оп. 70. Д. 52. Л. 54.

Т.В. Зеленская, Т.В. Шилова

ФРАГМЕНТЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ИСТОЧНИКАХ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Каждый год все больше и дальше отдаляет нас от событий самой страшной и самой беспощадной в истории человечества Второй мировой войны. Все меньше остается ее свидетелей, время беспощадно стирает из памяти многие факты военной действительности. У современных историков еще есть шанс успеть собрать то немногое, что позволит наполнить историю войны ее человеческим восприятием, понять и передать будущим поколениям все пестроту и неоднозначность преломления военных реалий в сознании «простого» человека военного времени – ребенка, солдата, труженика тыла, свидетеля оккупации, узника концлагеря.

Обращение к народной памяти призвано не только сохранить всю эклектику ушедших дней, но и приблизить прошлое к современному человеку, в руках которого будущее нашей страны. В этой связи привлечение к поисковому процессу молодого поколения россиян, сведение их лицом к лицу с уходящей в историю реальностью, обращение их к прошлому своей семьи, к жизненным этапам их предков несет в себе не только патриотическое, гражданское, но и человеческое воспитание.

На протяжении нескольких лет на факультете истории и права Таганрогского государственного педагогического института им. А.П. Чехова ведется работа по сбору материалов повседневной жизни и семейной истории советского прошлого. Особое место в них отводится уникальным свидетельствам периода Великой Отечественной войны. Активно включаются в эту научно-поисковую и исследовательскую работу и студенты факультета.

События прошедшей Великой Отечественной войны будут представлены глазами Евдокии Ивановны Ш., 1927 г.р., жительницы города Таганрога. В этом году ей исполнилось 85 лет. В ее изломанной судьбе отпечатались все трагические повороты непростого XX в. Она не любит вспоминать дни войны, считая, что «*дети не должны знать весь этот ужас*». Возможно, многое уже стерлось из ее памяти, а может, просто она не желает ворошить прошлое, наверное, очень больно снова и снова все это переживать.

Родилась Евдокия Ивановна 15 марта 1927 г. в хуторе Боркин Неклиновского района Ростовской области. Многодетная семья ее отца, Ивана Федоровича,

крепко стояла на ногах. Под одним кровом умещалось несколько поколений, возглавляемых «*большаком*» – дедом Федором Ивановичем. Он сам построил просторный дом, следил за «*сохранностью хозяйства*». Под его неусыпным оком была мельница, продуктовая лавка, домашний скот и угодня. Такое многочисленное хозяйство требовало неустанной работы, которой была занята вся семья. Там, где «*управляться не успевали*», нанимали сезонных работников. Их семья считалась зажиточной в селе.

Когда до хутора докатилась коллективизация, семья Евдокии однозначно попала в разряд «*кулаков*». Федор Иванович, не пожелавший вступать в колхоз, был раскулачен. Его хозяйство, нажитое годами, было «*обобществлено*». Евдокия Ивановна вспоминает: «*разломали дом, выгнали всю семью. И мы голы, босы, отправились на Украину. Я была тогда еще мала, не помню всего, об этом мне рассказывали мама с отцом. Поселились мы в хуторе Красный луч. Дед Петро там построил нам хату, батька пошел на шахту работать. Словом, потихоньку стали жить в таких условиях. Здесь же родились еще мои братья и сестры: Анатолий, Виктор, Нина. Я отучилась в первом классе, а после мы вернулись в Таганрог. Поселились в селе Николаевка. Отец устроился в Военвед, мама-домохозяйка, да нас пять душ детей. Мы с Надей старшими были, вот и помогли следить за остальными. Там, в Николаевке, семья и встретила войну*» (стилистика авторской речи сохранена – Т.З., Т.Ш.).

Выступление по радио В.М. Молотова, объявившего о нападении Германии на СССР, стало неожиданной и страшной вестью для старших членов семьи. Дуся, будучи тогда еще школьницей, на всю жизнь запомнила эти дни, первые дни Великой войны: «*и стар, и мал – все в ужасе. Взрослые друг по другу, и на производстве, и дома – везде говорили об этом. Страх обьял всех людей. Я девочка была, и понятия не имела, что там, на войне, делается*». Это ее «непонимание» вскоре сменилось печальной действительностью.

Первые месяцы войны были наполнены драматическими событиями. Началась мобилизация. Правда, из семьи Шиловых никого не призвали. Иван Федорович имел «*бронь*» (он работал на военном предприятии), а его дети были еще малы. Но Евдокия Ивановна до сих пор не может забыть, как соседка слезно прощалась со своими сыновьями: «*Видя все это, я тоже не сдерживала своих слез, страшно было за них, да и за всех нас*». Стремясь хоть как-то помочь своей воюющей Родине, родители Дуси сдали все теплые вещи и ценности, имевшиеся в их небогатой семье. Евдокия с друзьями участвовала в сборе металлолома, организованном по инициативе администрации школы. Это было нужно для фронта.

В конце сентября 1941 г. война, ранее казавшаяся далекой и непонятной, приблизилась вплотную к Таганрогу. Еще летом в городе появились первые раненые, беженцы из соседней Украины, которые несли ошеломляющие слухи о событиях на фронте и ужасах немецкого наступления. Вскоре стал слышен гул приближающегося фронта, над городом все чаще и чаще летала вражеская авиация, каждую ночь Таганрог тревожно замолкал, словно ожидая страшной, но неизбежной развязки.

Ухудшилось продовольственное снабжение мирных жителей. «В магазинах ни чего не стало, есть нечего. Поначалу выручало у кого, что было в огородах, а как закончилось, так голодны все стали». В это же время в городе появились советские воинские части, направлявшиеся на фронт. Евдокия Ивановна вспоминает: «У нас во дворе возле колодезя повар варил есть солдатам нашим. А вдруг как бахнули в кухню, вся еда выплеснулась, и солдаты попадали». Враг стремительно приближался к Таганрогу, и вскоре началась оккупация...

17 октября фашисты вошли в город. Для жителей начались страшные и бесконечные 22 месяца «нового порядка», унесшего жизни десятков тысяч мирных таганрожцев. «Помню, как мы в погреб залезли – попрятались, так как слышали, что немцы расстреливают. А тут из самолетов бомбежка. Бабы тогда кричали: “Опять Военвед бомбят!”. То ли это немцы, то ли это наши – все равно. Если наши бомбят немцев, так и свои ж люди погибают. Открывается тут двери в погреб, и немец с автоматом: “Матка, яйко, млеко!”. А у нас его и живности никакой не было. Мы так перепугались все, прижались друг к дружке, с ужасом думаю: “Сейчас всех перебьет!”. Но Бог усмотрел для нас другое...»

Захватив город, «освободители» сразу же стали устанавливать новый режим. «А как немцы пришли, так вообще худо стало. Началась “новая жизнь”. Зазвучала чужая речь, входили в силу фашистские порядки...». Вскоре по приказу германского командования все таганрогские евреи должны были собраться у школы № 26. Всего пришло свыше 1800 чел. – мужчин, женщин, детей. «Помню, как евреев гнали. Самое страшное, когда там деточки малые идут за руку с мамами! Их в Петрушино, в “балку смерти” вели [в этом месте покоятся останки почти 10 тыс. жителей города, погибших от рук немецко-фашистских оккупантов – Т.З., Т.Ш.], стреляли всех там. Я заметила, как одна женщина из этой толпы своего дитя вытолкнула до дворов: там люди повыходили смотреть. Так и спасся ребеночек. Сердце на части разрывалось, видя это! И хотелось верить, что такой “подкидыш” был не один, что еще многие детки избежали расстрела! Тогда слухи ходили, что с этой балки вылезали уцелевшие евреи, ведь их слегка присыпали землей, и скрывались по соседям где-то».

В дом, где до войны жила многодетная семья Евдокии Ивановны, были определены на постой бравые солдаты фюрера. «Заняли большую комнату, а мы всей гурьбой в кухоньке – прямо на доливке спали, тогда же полов, как сейчас, не было. Вели они себя по-хамски, как свиньи. Одно слово – фашисты! Помню, на Новый год напились, по столу скачут, ржут, как лошади, цветы в горшках перетоптали все! Осенью мы кукурузу убирать ходили, во дворе разостлали, так они, изверги, отобрали, нам крохи достались. Бывало, несу с огорода шкорок капустных, вижу, стоят немцы на улице: все рослые и чистые, кладут штабелем убитых своих. На немецком кладбище хоронили их. На нем после построили дом какие-то люди».

Однако память респондента сохранила и другие примеры: попадались среди немцев и те, кто не утратил человеческих черт: «Один все время приносил что-нибудь вкусное и подкармливал мою младшую сестру Нину. Ей тогда года три было. Он брал ее на руки и твердил: “mein liebe Kind, mein liebe Kind!”. А я смо-

трела и думала, что, может у него тоже семья есть и дочка того же возраста!». Но общее впечатление от фашистов и их деятельности было все-таки крайне тяжелым. И воспоминания о тех днях даются Евдокии Ивановне очень тяжело. При проведении интервью она периодически замолкала, плакала. Продолжая, с горечью отмечала, что ее любимый город стал «немецким». По ее словам, в открывшиеся кафе, рестораны, театр разрешалось входить только немцам. Однако это было не совсем так, с сентября 1942 г. музей, а затем и городской театр были открыты для местного населения [1]. В городе действовал комендантский час: «По улицам ходили [немцы – Т.З., Т.Ш.], и днем и ночью дежурили. Кричали своим: “Achtung! Achtung!”, и мы знали, что надо прятаться в погреб от бомбежки».

Оккупация Таганрога была одной из самых длительных на юге России. Евдокия Ивановна помнит и страх, и ужас, и ненависть к захватчикам, разорвавшим ее родной город, мучившим ее соотечественников: «Было как-то: привел нашего разведчика немец, открыл дверь и докладывает, а солдатик-то смекнул быстро и тикать! Тут комендант подошел к немцу, и ножом – раз, два – сорвал погоны. Наверное, поймали тогда нашего солдата – не знаю. Потом в погребе нашем еще разведчика держали. Мы по двору летом гуляем, а мама кушать варит. Так он, бедненький, запах через форточку чувствует. Нам-то запретили его кормить. А мне жалко. Иду как-то, думаю, воды хоть в кружке принесу ему, сразу тут подлетают и пистолетом машут, мол, не давать ни есть, ни пить. Я перепугалась всмерть! Еще один пленный был, Борис-грузин. А у немцев поляк, как раб, сапоги чистил. Слышала, разговаривали они между собой. Борис говорил: “Не эти расстреляют, так свои – все равно!”».

Таганрожцам пришлось пережить массовый угон трудоспособного населения в Германию: «Баба Паня – тетя моя, Прасковья, в мае 1942 г. была угнана из Таганрога в Германию. А мы думали, что ее и в живых нет уже. Это потом, через несколько лет после окончания войны, мы получили письмо из Австралии и узнали обо всем. Как она работала в Германии, как там же познакомилась с будущим мужем, который сам был из Краснодара. Вот так и соединились сердца. Домой они не вернулись – боялись расстрела, а тут как раз в Австралию звали заселять, вот они и отправились туда. Там живет она и по сей день. Разлучила нас война, и общаться получается не так часто, как хотелось бы».

Самые светлые и радостные воспоминания Евдокии Ивановны относятся к событиям, связанным с освобождением города. 14 февраля 1943 г. советские войска освободили областной центр Ростов-на-Дону, но еще полгода шли бои на Миус-фронте, чтобы принести свободу таганрожцам. Известно, что именно летом 1943 г. были арестованы и расстреляны все в той же «балке смерти» герои Таганрога – бесстрашные подпольщики. В июле оккупанты стали вывозить рабочих заводов через Украину. Вместе с оккупантами бежали и те, кто запятнал свою честь добровольным и осмысленным сотрудничеством с немцами. Фашисты вывозили материальные и культурные ценности. Понадобилось несколько грузовых автомашин, чтобы разместить на них разграбленные фонды городского краеведческого музея, ценные иконы, кресты, облачения священников, картины

Шишкина, Маковского и других авторов. Всего из Таганрогского краеведческого музея было похищено 4 624 предмета на сумму около 220 тыс. руб. [2]

«Когда наши погнали немцев, дома освободились от фашистов. И казалось бы, можно вздохнуть спокойно... Но как тут вздохнешь? – кругом стрельба, страх! А когда война и вовсе кончилась, сколько было радостных криков и слез! Все друг друга обнимали, поздравляли! И не верилось, что все это мы пережили! Но отголоски войны давали о себе знать, когда людям еще долго нечего было есть, когда соседям приходили известия о смерти сыновей, разбивая последнюю надежду матерей. Мы с сестрой стали ходить в ремесленное училище, там нас кормили три раза в день, давая по куску хлеба в пол-ладошки. Да что там говорить! Весь ужас той поры остался в наших сердцах».

Война ушла в прошлое – среди живых с каждым днем все меньше и меньше тех, кто сам участвовал в войне, трудился в тылу и встречал весну 1945 г. Для современной молодежи это уже история. О Великой Отечественной войне рассказывают в школе, о ней пишут книги, показывают фильмы. Но ничто не передаст той атмосферы, тех чувств и переживаний былого, как искренность воспоминаний родных и близких людей, живущих рядом с нами, от чьих слов содрогается душа. Такие человеческие свидетельства расширяют наши знания о действительности военного времени. Этого нет в учебниках, но это так важно для нас, потомков тех, кто пережил ужасы войны, чьи детские и юношеские годы пришлось на тяжелое для нашей страны военное и послевоенное время. Это живой опыт, живая история. Обо всем этом следует помнить всегда, хотя бы для того, чтобы такое больше не повторилось. Никогда не сотрутся в памяти народа суровые годы Великой Отечественной войны.

Примечания:

1. Зеленская Т.В. Учреждения культуры Таганрога в период немецкой оккупации // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. Таганрог, 2006. № 2. С. 162–165.
2. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области. Ф. Р-513. Оп. 1. Д 6. Л. 72.

М.И. Гуров, Т.С. Пуха

«ЕСЛИ ТОЛЬКО ВЫ ПОНЯТЬ МОГЛИ...» (по материалам личного архива Лидии Ивановны Б.)

В течение ряда лет на факультете истории и права Таганрогского государственного педагогического института им. А.П. Чехова активно проводятся мероприятия по сбору и обобщению устных и письменных свидетельств очевидцев Великой Отечественной войны. Зачастую эта работа носит «спасательный» характер. Отдельные документы, фотографии, письма и вещи ушедшей

эпохи попадают в руки исследователей «россыпью» в отрыве от исторического контекста. Редкостной удачей можно считать наличие хронологически связанных письменных свидетельств, подкрепленных личными воспоминаниями и комментариями их автора.

События более чем шестидесятилетней давности до сих пор отражаются болью в сознании пожилых уже людей. Далекое не все из них, пережившие 1941–1945 гг., говорят о них вслух, а тем более оставляют письменные записи. Многие личные воспоминания уже никогда не будут зафиксированы. Однако бывают и исключения. В основу данной публикации положены материалы личного архива Лидии Ивановны Б., проживавшей в Таганроге. Архив включает в себя письма, датируемые 1940–1960 гг., газетные вырезки, содержащие публикации о членах семьи, семейные «газеты», фотографии и интереснейший «эго-документ», условно названный нами «дневник-исповедь».

Интересна сама история появления этого источника. Он датируется 1968–1969 гг. Судя по воспоминаниям членов семьи, в 1940-е – начале 1960-х гг. Лидия Ивановна вела дневник, в котором фиксировала самые важные, по ее мнению, моменты жизни. Записи велись в тетрадях, на обрывках бумаги, попавшихся под руку листках. Спустя четыре года после скоростной смерти мужа Лидия Ивановна бережно собрала все рукописи и перенесла их в хронологическом порядке в объемную тетрадь. Как отмечают ее родственники, она стремилась дословно и точно все воспроизвести, считая это единственной возможностью сохранить память о любимом, так рано ушедшем из жизни. После ее смерти дневник хранился в семье дочери Елены Владимировны П. и, с ее любезного разрешения, вместе с другими документами стал доступен для изучения.

Судя по тексту, записи систематически велись не только на протяжении всей войны, но и после ее окончания. Отдельные фрагменты снабжены более поздними комментариями автора, сделанными в момент переписывания текста. Отметим, что они четко выделяются из общего текста, наполнены обобщениями и являются попыткой осознать произошедшее с высоты прожитых лет. К сожалению, даты, присутствовавшие в оригинальной записи, не везде воспроизведены при позднем переписывании. Сама рукопись строго хронологична, совпадает с историческим контекстом, что позволяет представить картину жизненных траекторий девушки, в шестнадцать лет встретившей войну, угнанной в германскую неволю и нашедшей там свою единственную любовь.

Лида родилась в 1925 г. в Таганроге, в многодетной рабочей семье. Накануне войны она училась в седьмом классе вечерней школы и уже работала на таганрогской обувной фабрике. Первая запись датируется 22 июня 1941 г. Это был воскресный день. Шестнадцатилетняя Лида решила с подругами пойти в ТЮЗ на сказку «Тридцать три богатыря». Утро было пасмурным, после спектакля, когда девчата вышли на улицу, выглянуло солнце, но лил сильный летний дождь. Однако это не остановило подростков: *«мы сняли свои прорезинки, пошли по лужам, бежали, смеялись, кричали, радовались дождю и насквозь были мокрые. Когда я зашла домой, моя мама готовила обед, а я веселая смеялась, что вся мокрая, и тут я увидела, что мама плачет и говорит – “Разве ты не знаешь,*

что война с немцами и нашего Ваню забирают на войну?» ... Конечно было страшно подумать, что война» (здесь и далее сохраняется стилистика и орфография автора дневника. – Прим. авт.).

Первые летние месяцы, вместо радостного тепла несли с собой все в большей степени приближавшееся дыхание войны. Лида, как и все ее сверстники, продолжала работать, а по вечерам бегала на занятия организованного при заводе всеобуча. Она с подругами ускоренными темпами проходила курс медицинских сестер, познавала азы оказания первой медпомощи, делала перевязки, училась ставить уколы. Стремясь помочь своей Родине, Лида вместе со знакомыми фабричными мальчишками и девочками пошла в городской военкомат, надеясь сразу попасть на фронт. Усталый военный, выслушав заявления подростков, отправил их домой, сказав, что сейчас на своей работе они принесут больше пользы Родине.

Вскоре гремящая где-то далеко война стала более осязаемой. В июле-сентябре таганрожцев стали посылать на строительство оборонительных сооружений, возводившихся на подступах к городу. Лида с тысячами других мирных жителей до невероятной усталости рыла бесконечные противотанковые рвы и окопы, пряталась от барражировавших самолетов люфтваффе: *«Было очень тяжело... Когда я работала на окопах, нас бомбили, немцы кидали листовки такого формата “Дорогие мадамочки, не копайте нам ямочки, пойдут наши таночки и заруют ваши ямочки”. Конечно, нас очень было много, и мы смеялись. Которые были постарше, говорили – надо уходить, немец близко – попадем в плен. Все насторожены были, спросили комбата, говорит нет машин довести до станции. А днем немцы с самолета нас обстреляли, ну конечно паника, а ночью кто как мог – ушли до станции пешком»*. Судя по дневниковым записям, Лида добралась домой непосредственно накануне начала оккупации.

Этот день острой занозой врезался в ее память. *«Днем дали 3 больших тревожных гудка, это означало, что город сдан немцам. Все плакали, шли в порт наши солдаты, наверно отступали. Мама ушла к дяди Васи, своему брату, он в этот день умер. Она говорит, что уже по Ленинской идут немецкие танки. Мы с девочками вышли на Дзержинскую улицу, смотрели идут танки и повыходило столько народу, много мужчин, и встречают их с хлебом и солью, ребята говорят, был бы наган – застрелил бы гада»*. Танки, которые видела Лида, принадлежали 4-му танковому полку 13-й танковой дивизии, направленному на усиление отдельной моторизованной бригады СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», вступавшей в город. Таганрог был окутан дымом. В порту горели зерновые склады, взрывы раздавались на отдельных предприятиях, начиналась оккупация...

Первые оккупационные недели для семьи Лиды были наполнены поиском продовольствия. Снабжение мирных жителей, и так ухудшившееся с началом войны, в конце октября приобрело просто угрожающий характер. Лида вместе с сестрой ходила по окрестным деревням и меняла семейные вещи на продукты. На бывших колхозных полях собирали неубранную еще картошку и свеклу. Наведывались девочки и в порт, к складам, где нашли горелую пшеницу, ставшую хорошим пищевым подспорьем семьи: *«Мама перебирала ее и я тоже,*

потом замачивали водюю на ночь, она набухала, а утром мололи на мясорубку и пекли пышки на рыбьем жиру, были очень вкусные». Однако поиски еды были только началом испытаний Лиды.

В оккупированный Таганрог, ставший для немцев прифронтовым городом, переместились различные тыловые и воинские организации нацистов. Была создана ортскомендатура, возникли ее отделы и подотделы, началось установление нового порядка. В структуре ортскомендатуры особое место занимал отдел труда (с 1942 г. – биржа труда). Находилась биржа труда в угловом трехэтажном здании на пересечении улицы Петровской и Итальянского переулка. Сотрудники биржи проводили регистрацию трудоспособного населения города с 14 до 65 лет. В зависимости от возраста и семейного положения люди направлялись на работы в Германию или на городские предприятия. Отправке на чужбину подлежали незамужние женщины и холостые мужчины в возрасте с 17 до 45 лет, а также не обремененные большими семействами граждане, не устроившиеся на работу. [1] Лида, с началом оккупации продолжившая работать на кожзаводе, надеялась, что ей «призыв» в рейх не грозит, но вышло иначе.

«Однажды, – пишет Лида в своем дневнике, – пришла я с работы принесла фаршмак и кусочек хлеба, а мама мне говорит: – Лида, тебе повестка явиться на биржу труда, а это означало, что надо ехать в Германию. Я пошла сказала что я работаю, а кто работает – того не берут, пока я это объясняла, подошел жандарм, у него впереди висел на груди железный орел, на голове каска железная. Я как его увидела, сразу забыла, что говорить. А он взял меня за подбородок и сказал: – Ты что не хотел ехать в большой Германию? – я махаю головой, а он оттолкнул меня, взял повестку, погрозил на меня пальцем и сказал через переводчика: завтра в 8 утра с вещами придешь, а не то отец, мать – капут!».

Дома ее мама проплакала всю ночь, а утром так и не смогла подняться с постели. Лишь пожилой отец утром вышел из спальни, «обнял и говорит, ну дочка береги себя, может больше не увидимся и крепко меня поцеловал и заплакал». Из вещей у Лиды не было почти ничего: чемодан ей дали с дыркой, которую она сама заклеила, одно платье, старые туфли и еще немного вещей. Провожали ее сестра с мужем, да и дальше городских окраин их не пустили. «Что тут было, все плакали, кричали, хватали своих детей, не пускали, немцы родных отталкивали, а нас швыряли в сторону. И вот наша колонна двинулась пешком до города Мариуполя (Жданов)».

Измученные голодом и обессиленные, люди шли пешком до Мариуполя пять суток. Ели только то, что у них было... Прибыв к месту назначения, получили паек (по булке хлеба и полкило колбасы). Дальше несчастных погрузили в эшелоны и отправили в Германию. Второй раз Лиду и ее товарищey немцы покормили только на польской границе. Чем они питались в пути, дневник не сообщает.

Конечной точкой следования стала Западная Германия. Попав на немецкую биржу труда, молодые юноши и девушки подверглись унижительному осмотру. Измученных, их оценивали, как живой товар потенциальные хозяева. К полуобнаженной Лидии подошел пожилой немец, потрогал её волосы, заставил пока-

зять зубы, проверил крепость мышц на руках, осмотрел со всех сторон. Видимо, оставшись довольным, он передал через переводчицу: *«высокая, зубы красивые, значит добрая и смеялся»*. Новый хозяин жил в деревне со своей матерью, молодой женой и приемным сыном.

На плечи хрупкой и юной девушки, вес которой не превышал тогда 48 кг, свалилась вся работа в доме. Каждый день Лида вставала в четыре утра и шла доить коров, кормить свиней, кур и кроликов. Были у хозяев и пчелы, находившиеся на ее попечении. Но ни молока, ни меда, ни яиц Лида не ела. Большую часть продуктов у хозяев забрали на фронт. Чтобы не сойти с ума, она ночами делала карандашные записи на бумажных обрывках, в глубине души надеясь вернуться дамой. Изредка утомительные будни прерывались, если этого желали новые хозяева. *«На краю деревни было красивое место: вокруг деревьев, а посередине лужайка. Там по воскресеньям собиралась русская молодежь, пели песни, играли на гармошке, танцевали, отдыхали от изнурительного труда на хозяев. Если была посевная пора, выходных не было и вовсе»*.

В неволе юная таганроженка не раз была на краю гибели. Однажды с Лидой произошел следующий случай. В одно из воскресений, увидев двух девушек, отправлявшихся молиться в костел, она *«взяла и ляпнула. Что же вы идете за Гитлера молиться, вы лучше за Сталина молитесь, скорей бы война кончилась и мы бы домой поехали»*. Девушки не ответили ни слова. Вскоре к ее хозяину пришел «рабовладелец» этих девушек, передал слова юной Лиды, затем с угрозами явился жандарм. Случай этот был не простым. Решалась ее дальнейшая судьба: либо жизнь и надежда когда-нибудь вернуться домой, либо ссылка в концлагерь, откуда *«возвращаются только в мешках для удобрений»*. Через неделю к дому хозяина подъехала немецкая машина, из которой вышло уже трое жандармов. Ужасные мысли крутились в голове юной девушки. Она плакала от безысходности и молилась: *«мамочка моя, родненькая, заberi меня, сейчас увезут меня, убьют и вы не будите знать об мне ничего, мамочка родненькая, прощай, прощайте дорогие сестрички, отец мой и брат мой. Господи, спаси меня невинную, спаси ради моей бедной матери. Мать Божья спаси меня»*. Видимо, Господь услышал молитвы Лидии. Через окно чердака она увидела, как незваные гости, груженные мукой, салом и окороками, сели в свои машины и уехали. К счастью, люди, у которых работала Лида, оказались добры к ней. Хозяин поднялся к ней в комнатку: *«Испугалась, но не плачь, все обошлось хорошо, но больше никогда никому ни о чем, Лидия, не говори. У нас суровые законы, особенно сейчас»*. Судя по тексту дневника, этот случай произошел в 1943 г. Ну а доброта пожилого немца имела вполне прагматичное основание. Красная армия неумолимо двигалась на запад – раздавить осиное гнездо фашизма.

Новые хозяева заметно подобрали, стали более тактично относиться к своим рабам. Да и сами рабы не утратили своего человеческого достоинства, и при малейшей возможности помогали своим: *«Прятали мы двоих военнопленных. Я приносила им курево, сало, хлеба, маргарина, смальцу, варенье яйца, картошку, все кто и что мог. Нам они говорили, что вечером они были у дяди Васи на чердаке, он жил один со старой хозяйкой, ему удобно их прятать. Говорили, что*

поперли фрицов, американцы нашим помогают. Потом собирали харчи в дорогу, дали им хорошую одежду и они ушли, сказали ближе к фронту».

И вот наступил 1945 г. Утром 18 марта 1945 г. Лида, как обычно, вышла из дому, по глубокому снегу отправилась доить коров и увидела, что по дороге едут машины: *«Смотрю, едут огромные-преогромные машины. Я таких сроду не видела!»*. Из них вышли солдаты, подошли к их дому, покидали в фартук девушки-ке шоколада, печенья и конфет. Оказалось, что это были американцы. Лидия, удивленная таким теплым отношением союзников, была рада происходящему. В этот день она завтракала за одним столом с хозяевами. *«Хозяйка достала очень красивую бутылку вина, сказала ей 18 лет и называется она “Кольт васер” (Золотая вода). И правда, на дне маленькие тоненькие кусочки золота лежали... И мне дали что-то очень райского напитка, не могу описать»*.

Вскоре пришло освобождение. *«И скольких лагерях мы перебыли. Американцы наши союзники кормили нас до отвала. В каше было почти одно мясо, и сухое сгущенное молоко, шоколад, галеты, разные консервы колбасные давали нам. Негры нас любили. Если едит на машине, встанет позовет и обязательно даст плитки шоколада, а мы в свою очередь за волосы пощупаем, уж очень они у них красивые были кучерявые-кучерявые. Один лагерь помню был самый большой там были русские, поляки, французы, итальянцы, румыны, чехи вообще всех наций. Мы не работали если не считая на кухне чистили картошку, овощи делали очень много домашней лапши, наверно для американцев тоже. Но это делалось по желанию кто хотел»*.

Летом Лиду, как и многих других восточных рабочих, отправили в советскую оккупационную зону. Она попала в советский пересыльный пункт, находившийся около г. Черновцы. Там она и познакомилась со своим будущим мужем Владимиром Александровичем Б. Дневник пестрит романтически-наивными строками. Ребята крепко влюбились друг в друга, а 1 августа зарегистрировали свой брак. Единственным подарком, который мог сделать молодой муж, был кулек *«разноцветных конфет подушечек»*, сильно обрадовавших Лидию.

Из лагеря в Черновцах репатриированных перебазировали эшелонами в следующий *«русский лагерь»*, который находился рядом с деревней Шлюсе. Влюбленные Лида и Володя жили здесь два месяца. Владимир работал в сапожной мастерской – шил офицерам сапоги, рисовал красками портреты наших вождей, генералов. Его назначили *«командиром и политруком, так как перед войной он учился в высшем военном училище»*. В один день пришел приказ угнанных в Германию вывозить в Советский Союз, а бывших военнопленных оставляли служить здесь. Лидия уже сама, без мужа отправилась на Родину.

Ее путешествие затянулось на несколько месяцев. В Таганрог она смогла вернуться только поздней осенью, застав дома живых родителей. В городе Лидия Ивановна устроилась на работу в типографию. Жили крайне бедно, еле еле сводили концы с концами. *«Сегодня весь день я не ела, у меня голова кружится, но я пишу дневник. Постоянно мучает голод... Брат стилил во дворе акацию. Я ела корни – они сладкие, но потом сильно тошнило... Давно не писала. Сегодня у меня ни кусочка, ничего есть. Я ела клей, который наклеиваем газеты в станок,*

но от него тошнота, и я упала без сознания, ударилась об станок сильно... И вот радость мне дали талоны на завтраки бесплатно. Хоть и плохой дают борщ в типографии без хлеба, но зато не так голодно».

...Прошло около двух лет, и Лида получила письмо от Владимира, а вскоре он сам приехал в Таганрог. Они повторно зарегистрировали свой брак и стали налаживать послевоенный быт, растили детей, мечтали о внуках. В 1964 г. Владимир Александрович скоропостижно скончался. Лидия Ивановна так и не смогла принять его смерть. До своей кончины в 1989 г. она постоянно ходила на его могилу и все о чем-то говорила с ним...

В завершение отметим, что представленный источник является уникальным эго-документом, позволяющим реконструировать личностное восприятие войны автором, показать изменения в отношении к пережитому с течением лет. Его изучение дает представление о повседневных практиках «обычного» человека в необычных условиях, понимание стратегий поведения и механизмов принятия решений в стремительно менявшейся ситуации.

Записи, не предполагавшие чужого внимания, предельно откровенны, разнообразны по содержанию и эмоционально насыщены. Нет там и героико-патетических сюжетов. В центре внимания человеческое общение: дружба, любовь, предательство, жертвенность во имя жизни других. Дневник стал для Лидии Ивановны отдушиной, отражая стремление самой разобраться в происходящем, его написание было продиктовано острым желанием жить. В жизни автора, непростой и изломанной, отчетливо запечатлелась судьба военного поколения, вынесшего все тяготы войны, выжившего и не потерявшего веру в себя.

Примечания:

1. Волошин В., Ратник В. Вчера была война. Таганрог в годы немецко-фашистской оккупации (октябрь 1941 – август 1943 гг.). Таганрог, 2008. С. 145–146.

А.Ю. Волькович

ВОЕННО-МОРСКОЙ ВРАЧ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ: Ф.М. ДАНОВИЧ

Федор Маркович Данович (1910–1976) – полковник медицинской службы, доктор медицинских наук (1959), профессор, заслуженный деятель науки, известный отечественный хирург, внесший заметный вклад в развитие медицины Ленинграда и Карелии. С 1940 г. – военно-морской врач, в годы блокады – начальник хирургического отделения, затем – ведущий хирург 1-го Ленинградского военно-морского госпиталя.

Ф.М. Данович родился в местечке Селец, в 10 км от Могилева. Селец был местечком сельскохозяйственного типа с подавляющим еврейским населением. В качестве основного занятия родителей – Менахем-Мендла Абрамовича

(1873–1941) и Фрумы Шлемовны (1878–1950), урожденной Вертлиб, указывалось «земледелие». С 1929 по 1941 г. они были членами колхоза «Колос» Гребневского сельсовета Могилевской области БССР.

По окончании школы в Могилеве в 1927 г. Ф.М. Данович приехал в Ленинград, работал и учился в промышленно-экономическом техникуме (1927–1930). В 1930 г. по ходатайству Василеостровского райкома ВЛКСМ был зачислен в 1-й Ленинградский медицинский институт. В 1930–1935 гг. обучался на отделении хирургии лечебного факультета института, окончил его с отличием. Был оставлен в аспирантуре в клинике госпитальной хирургии профессора Ю.Ю. Джанелидзе, которую окончил в 1940 г. В том же году был принят в кадры Военно-морского флота и назначен ординатором клиники военно-морской хирургии Военно-морской медицинской академии (ВММА).

С началом Великой Отечественной войны в июле 1941 г. Ф.М. Данович был командирован в Ладожскую военную флотилию, где исполнял обязанности хирурга маневренной группы и участвовал в боевых операциях, оказывая помощь пострадавшим под артиллерийским и минометным огнем. В сентябре 1941 г. вернулся в Ленинград к месту постоянной службы. Базой клиники был 1-й Военно-морской клинический госпиталь (1 ВМГ) (располагался по адресу: проспект Газа (в настоящее время – Старо-Петергофский проспект), 2). В дальнейшем, после эвакуации ВММА в Киров, был оставлен в числе других сотрудников клиники в Ленинграде, в 1 ВМГ.

Работа в госпитале в 1941–1942 гг. проводилась в особенно сложных условиях. В связи с постоянными обстрелами 1 ВМГ, находившийся у самой линии фронта, был рассредоточен. Его филиалы были открыты в бывшей больнице им. Ф.Ф. Эрисмана (ныне – поликлинический корпус Санкт-Петербургского государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова, улица Л. Толстого, 4) и в школе на улице Егорова, 24. Осенью-зимой 1941 г. здания госпиталя были лишены электричества, стали регулярными перебои с топливом и горючим для госпитального транспорта. Расстояния по 10–15 км между отделениями командованию, врачам и даже пациентам приходилось преодолевать пешком, что затрудняло всю деятельность госпиталя, и к началу января 1942 г. он был полностью возвращен в здание на проспект Газа. В подвалах всех перечисленных зданий размещались стационары для тяжелораненых, неспособных спускаться в убежище по тревоге. Одним из таких стационаров (улица Егорова, 24) заведовал в 1941 – начале 1942 гг. Ф.М. Данович.

Следует подчеркнуть, что место службы Ф.М. Дановича в годы блокады имело особую специфику. 1-й Ленинградский военно-морской госпиталь был не просто стационарным лечебным заведением в блокадном городе. Это старейший в стране военно-морской госпиталь, основанный Петром I, с богатой и непрерывной историей. Основными вехами этой истории являлись петровская эпоха, годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Именно с описаний традиций госпиталя начинается любой отчет или статья о его работе. Морские врачи – это профессиональная корпорация, складывавшаяся в Российской империи с XVIII в. [1], достаточно устойчивая и спаянная, обла-

дающая собственными традициями. Госпиталь всегда описывается как кузница врачебных военно-морских кадров, собиравшая «все лучшее, что было в медицине на флоте», гордившаяся своими сотрудниками – выдающимися морскими врачами, принимавшими участие во множестве сражений. Можно утверждать, что коллектив 1 ВМГ представлял своего рода замкнутую корпорацию, «пропуском» в которую являются как уровень профессионализма, так и принадлежность к «кадрам флота».

Интересно проследить, как вливался сравнительно недавно ставший кадровым военно-морским врачом молодой хирург Ф.М. Данович в эту замкнутую корпоративную общность, как формировался его «имидж» как профессионала и «части корпорации». О том, что подобная проблема существовала, свидетельствует, на наш взгляд, текст отчета «1 ВМГ в дни войны с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1942», анализирующий работу госпиталя в первые шесть месяцев Великой Отечественной войны [2]. Авторы отчета, военврачи 1 ранга С.К. Воробьев и В.И. Романовский, анализируя кадры госпиталя, хирургов, «*прошедших богатую опытом школу в кадрах флота*» – Б.К. Пунина, Н.В. Петрова, И.Д. Житнюка – противопоставляют им молодых врачей С.С. Пенькевича, Ф.М. Дановича и Б.К. Рабиновича, которые были, по их мнению, «*все уже с порядочным хирургическим стажем, вполне могущие нести ответственную хирургическую работу, но еще не вполне знакомые с условиями военно-морской службы и почти не плававшие на кораблях*» [3]. То, что это противопоставление носило не национальный, а именно «корпоративный» характер, может подтвердить тот факт, что в том же отчете при анализе кадрового потенциала госпиталя в целом в ряду других положительно характеризуются начальник физиотерапевтического отделения А.И. Гуршман и начальник аптеки А.С. Гуревич, относившиеся к «*старым кадрам*» [4].

Следует отметить, что по сведениям, приведенным А. Шнеером [5], количество евреев, служивших в Военно-морском флоте в годы Великой Отечественной войны, а также евреев – военных медиков было достаточно велико. Главными специалистами флотов были хирург Г.М. Хасис, терапевты Б.Н. Рубинштейн и М.И. Мастбаум, эпидемиологи А.С. Каплан, В.И. Иоффе и Я.К. Гиммельфарб [6].

О профессиональной деятельности Ф.М. Дановича в период блокады, росте его врачебного мастерства и постепенном вхождении в корпоративную общность свидетельствуют многочисленные упоминания в прессе военного времени, в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях участников обороны Ленинграда. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет машинописный 91-страничный сборник беллетризованных воспоминаний майора Нила Петровича Волкова, заместителя начальника 1 ВМГ по политической части «*Старейший на флоте. Жизнь первого ордена Ленина Военно-морского Госпиталя от начала до последнего дня Ленинградской блокады (картины и эпизоды)*». Воспоминания были записаны в период с июля по сентябрь 1944 г. Экземпляр, входящий ныне в собрание Военно-медицинского музея, снабжен дарственной надписью, адресованной «*непосредственному начальнику и бли-*

жайшему другу» – Георгию Ефимовичу Гонтареву – начальнику 1 ВМГ с 1941 по 1950 гг., и датированной 8 мая 1945 г. [7]. Текст представляет собой беллетризованное, полное бытовых и психологических наблюдений повествование, разделенное на отдельные главки – новеллы, не датированные, но расположенные в хронологическом порядке. Автор смотрит на только что окончившиеся дни блокады через призму радости недавно отгремевшего «Ленинградского Дня Победы» – дня ее полного снятия. И картины, запечатленные им, как кажется, еще не слишком сильно идеологически отретушированы, как это будет с воспоминаниями, созданными или отредактированными после разгрома Музея обороны и блокады Ленинграда и «Ленинградского дела».

Первое упоминание «хирурга Дановича» важно как свидетельство формирования его «имиджа». «В одно сентябрьское утро [1941 г. – А.В.] молниеносно распространился слух, будто немецкие танки чуть ли не у Кировского завода, будто заняты Пулковские высоты и немецкие автоматчики дерутся уже на Нарвской площади, на расстоянии двух трамвайных остановок от госпиталя... В травматологическом пункте молодая женщина-хирург шепнула Дановичу во время операции:

– Немецкие автоматчики у Нарвских ворот!

– А переливание крови успеем сделать, – откликнулся Данович, давая понять гримасой, как иронически относится он к такому известию.

– Я лично думаю успеть пообедать, с утра ничего не ела, – вспыхнув, ответила молодой хирург. Операция продолжалась» [8]. Характерно, что композиционно этот эпизод противопоставлен предыдущему, где описывается поведение неназванного врача, обшивающего форменные пуговицы тканью, вероятно, с целью в случае прорыва вражеских сил, укрыться среди гражданских лиц.

Значительную роль в формировании «профессионального имиджа» Ф.М. Дановича в 1 ВМГ, безусловно, сыграла наиболее яркая страница его научной биографии в годы Великой Отечественной войны – работа над кандидатской диссертацией и ее защита в заблокированном Ленинграде. В годы войны среди медицинского состава ВМФ было 84 доктора и 133 кандидата медицинских наук [9]. Диссертация Ф.М. Дановича на соискание ученой степени кандидата медицинских наук «Наркоз закисью азота» (клинические наблюдения и экспериментальные исследования) была защищена на заседании ученого совета 1 ЛМИ им. акад. И.П. Павлова 22 декабря 1941 г.

Н.П. Волков описывал работу над диссертацией находящегося на казарменном положении при госпитале хирурга: «В этой тяжелой обстановке не прекращалась научно-исследовательская работа. Один из хирургов госпиталя, Федор Маркович Данович, взялся за окончание начатой до войны кандидатской диссертации о газовом наркозе. В глубокой ночи, при свете парафиновой плашки, от которой было больше копоти, чем света, распухшими от холода пальцами писал он свою диссертацию, и когда закончил ее, был премирован начальником госпиталя редкостным по тому времени подарком – котлеткой из пшеничной крупы» [10]. В краткой пояснительной записке к экземпляру диссертации, хранящемуся в Военно-медицинском музее, Ф.М. Данович сообщал, что «защита

происходила во время артобстрела Петроградского района вражеской артиллерией. Ученые – члены совета сидели в шубах, закутанные в теплых платках... Председателем ученого совета был проф. Н.И. Озерецкий... Официальными оппонентами – профессор В.А. Шаак и доцент Б.П. Абрамсон. Защита прошла успешно, выступали неофициальные оппоненты проф. З.В. Оглоблина, проф. Б.В. Пунин» [11]. Следует отметить, что защита кандидатской диссертации в условиях блокады не была уникальным случаем для 1 ВМГ. В январе 1942 г. диссертация, посвященная ранениям, осложненным анаэробной инфекцией, была защищена, также под руководством проф. Ю.Ю. Джанелидзе, Борисом Константиновичем Рабиновичем. Факт защиты кандидатских диссертаций Ф.М. Дановичем и Б.К. Рабиновичем в самую страшную блокадную зиму стал важной частью истории госпиталя, предметом гордости пишущих о нем [12].

Весь период блокады в 1 ВМГ велась активная научная работа. И участие в этой работе и традиционных еженедельных врачебных конференциях 1 ВМГ, на которые, кроме врачей госпиталя, приглашались и сторонние ученые-медики, читавшие доклады на актуальные темы, связанные со спецификой оказания медицинской помощи в условиях блокадного Ленинграда, были важной частью профессионального роста. За 1942 г. в госпитале было подготовлено 25 работ 19 авторов, из них 12 по хирургии, включая стоматологию [13]. Ф.М. Дановичем было написано 3 работы, посвященные проблемам подачи наркоза, лечения инфицированных ран и анализу опыта работы маневренной хирургической группы. В 1943 г. количество работ, внесенных в план НИР, было значительно больше. В списке представлены 4 работы, которые Ф.М. Данович должен был выполнить самостоятельно или в соавторстве [14]. Всего за время блокады Ф.М. Данович подготовил 8 научных работ.

Естественно, формирование «профессионального имиджа» хирурга связано с успешно проведенными им уникальными и сложными операциями. Свидетельства об успешной деятельности Ф.М. Дановича как хирурга, и консультируемого более опытными специалистами, и оперировавшего самостоятельно, содержатся в статьях в периодической печати военного времени, в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях его коллег и пациентов. Так, об одной из операций, проведенных Ф.М. Дановичем (матроса Беякова, раненого в грудь и живот) в условиях «подвального стационара» в помещении школы на ул. Егорова, при свете коптилок, упоминает в своей книге «Врач на войне» генерал-майор медицинской службы А.В. Эдель-Смольников, с мая 1943 г. возглавлявший медицинскую службу Краснознаменного Балтийского флота [15]. О сложной операции, связанной с излечением металлического осколка из почечной области раненого летчика Ивана Худякова (судя по всему, речь идет не об И.С. Худякове (1913–1990), Герое Советского Союза (1940), а об его однофамильце), в ходе которой хирург рискнул не удалять поврежденную почку, свидетельствует Н.П. Волков [16]. Проводил Ф.М. Данович и операции в связи с сильными ожогами различных частей тела пострадавших [17]. Часто также упоминались сложные операции, при которых Ф.М. Дановичу удавалось сохранить поврежденную конечность – кисть [18] или ногу [19]. Уникальную

операцию, проделанную Ф.М. Дановичем в сентябре 1942 г., описали два мемуариста: летчик А.В. Пресняков, лечившийся в 1 ВМГ с 25 августа по 26 сентября 1942 г. [20], и В.Г. Митрофанов, авиационный врач 21-го истребительного полка ВВС КБФ [21]. Хирургу удалось не только спасти жизнь раненого летчика-истребителя Д.И. Зосимова, ноги которого были поражены гангреной, но и сохранить пораженные конечности. Оба мемуариста свидетельствуют о значительном мастерстве Ф.М. Дановича – хирурга.

Интересно, что пациент А.В. Пресняков рассказывает не только о той помощи, которую Ф.М. Данович оказал ему лично, но и об операциях, высоко оцененных коллегами хирурга. 3 сентября 1942 г. в госпиталь с передовой были доставлены два матроса. *«Видно, сошлись они врукопашную с фашистами и напоролись на автоматный огонь. Очередями в упор их почти пополам перерезали. Отбросил все дела Федор Маркович и пошел оперировать. Шесть часов простоял у стола. Ни на секундочку не присел, хотя, наверно, устал до предела. Сейчас оба раненых лежат в соседней палате. От наркоза еще не очнулись, но живы... Это, наверно, не мастерство, а искусство. Все врачи восхищаются, говорят, что он их воскресил»* [22].

В 1942 г. Ф. Данович стал кандидатом в члены, а в 1943 г. – членом ВКП(б). В начале июня 1943 г. главного хирурга 1 ВМГ Николая Варфоломеевича Петрова назначили главным хирургом КБФ, и было принято решение назначить главным хирургом 1ВМГ Ф.М. Дановича. Описывая это событие, Н.П. Волков отмечал: *«Гонтарев решил выдвинуть вместо Петрова молодого Дановича, имевшего, как говорится, верный глаз и счастливую руку. Федор Маркович заявил, что после целой плеяды заслуженных профессоров, умножавших славу старейшего во флоте госпиталя, он считает себя неподходящей кандидатурой. Профессор клиники имени Джанелидзе Зинаида Васильевна Оглоблина, учитель Дановича, поддержала предложение Гонтарева. Она говорила молодому хирургу: “Не бойся. Ты вырос за месяцы войны. А я, со своей стороны, возьму над тобой шефство, помогу”*» [23].

К 1944 г. деятельность Ф.М. Дановича все чаще упоминается в прессе, отмечавшей его деловые качества и все более возраставшее мастерство хирурга. В статье Г.Е. Гонтарева «Старейшая морская здравница», опубликованной в газете «Медицинский работник» 3 августа 1944 г., подводились итоги деятельности 1 ВМГ за время блокады. Роль Ф.М. Дановича в этот период оценена следующим образом: *«После эвакуации из Ленинграда Военно-медицинской академии и ее клиник вся тяжесть пала на молодежь, во главе с талантливыми врачами и организаторами Петровым и Дановичем. Они с честью выдержали испытание и повысили репутацию госпиталя рядом блестящих операций»* [24].

После снятия блокады Ф.М. Данович продолжил практическую и научно-исследовательскую работу как кадровый военно-морской врач. По возвращении Военно-морской медицинской академии из Куйбышева в Ленинград весной 1944 г. он снова приступил к обязанностям младшего преподавателя кафедры военно-морской хирургии ВММА. В апреле 1945 г. в порядке обмена опытом был откомандирован на Дальний Восток, где пробыл до октября 1945 г.

В годы Великой Отечественной войны Ф.М. Данович был награжден орденами Красной Звезды (1943) и Отечественной войны II степени (1944), медалями «За оборону Ленинграда» и «За участие в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945). В ноябре 1946 г. Ф.М. Данович был назначен флагманским хирургом Северного флота и исполнял эту должность до 1949 г. В 1949 г. по ходатайству начальника кафедры генерал-майора медицинской службы, профессора Б.В. Пунина, Ф.М. Данович возвратился на кафедру военно-морской хирургии ВММА, где и преподавал до выхода в отставку.

Примечания:

1. Богданов А.Б. Врачи морского ведомства Российской Империи, 1762–1822 гг. Проблема официального статуса. Автореф. дисс.... канд. ист. наук, СПб., 2003.
2. Военно-медицинский музей (далее – ВММ). КВФ-3783. 1 ВМГ в дни войны с немецко-фашистскими захватчиками 1941–1942. Машинопись, 36 с.
3. Там же. С. 5.
4. Там же. С. 6.
5. Шнеер А. Плен. Иерусалим, 2003. В 2 т. Т. 2.
6. Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л., 1985. С. 141, 151.
7. ВММ. ОФ-63953. Волков Н.П. Старейший на флоте. Жизнь первого ордена Ленина Военно-морского Госпиталя от начала до последнего дня Ленинградской блокады (картины и эпизоды). Машинопись. 91 с.
8. Там же. С. 5–6.
9. Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Указ. соч. С. 152.
10. Волков Н.П. Указ соч. С. 35.
11. ВММ. Паспорт к ОФ-60685.
12. См.: ВММ. КВФ-3927. Из газет. Коллекция машинописных копий статей о 1 ВМГ периода Великой Отечественной войны.
13. ВММ. КВФ-3935/4. Материалы научной, лечебной и воспитательной работы в 1 ВМГ 1942–1943 гг. Машинопись. 10 с. С. 1–3.
14. Там же. С. 4–10.
15. Смольников А.В. Врач на войне. Л., 1972. С. 95.
16. Волков Н.П. Указ. соч. С. 19–20.
17. Пресняков А.В. Над волнами Балтики. М., 1979. С. 175.
18. Красный флот. 1943. 21 октября. № 249 (1506).
19. Львов М.Л. Пароль – Балтика. Калининград, 1984. С. 213; Пресняков А.В. Указ. соч. С. 171–172.
20. Там же. С. 174–175.
21. Митрофанов В.Г. С крылатыми героями Балтики. Л., 1988. С. 66–67.
22. Пресняков А.В. Указ. соч. С. 173.
23. Волков Н.П. Указ. соч. С. 66.
24. Цит. по: ВММ. КВФ-3927. Из газет. Коллекция машинописных копий статей о 1 ВМГ периода Великой Отечественной войны.

ПОРТРЕТ ФРОНТОВИКА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Как бы некоторые не относились к Отечественной войне, ничто и никогда не затмит величия подвига народа, подвига солдата, одолевшего нечеловеческое зло. Общеизвестно, что история – горькое лекарство, народ может выжить, а государство – укрепиться, лишь извлекая уроки истории. И поэтому каждое поколение обращается и будет снова и снова обращаться к героическим и трагическим страницам минувшего, воздавать должное бессмертному подвигу победителей фашизма. Одним из них и является Музафар Ахметович Жумагузин. Он принадлежит к тому поколению людей, которые совершили бессмертный подвиг, навечно запечатленный в книге истории, освободив свою страну и весь мир от фашистской чумы.

В Советской армии М.А. Жумагузин служил с 1939 по 1973 гг., прошел славный путь защитника Родины от рядового красноармейца до полковника. На фронтах Великой Отечественной войны находился с июня 1941 г. по июль 1944 г. Комиссар батальона, секретарь партбюро полка, политработник легендарной 8-й гвардейской стрелковой дивизии им. И.В. Панфилова – таковы этапы его военной биографии. М.А. Жумагузин участвовал в обороне Вязьмы, Сычевска, Гжатска, Ельни, Москвы, затем в освобождении городов Калинина, Ржева, Белого, Великих Лук, села Михайловского, где покоится прах А.С. Пушкина. За проявленные в войне храбрость, мужество, отвагу был награжден 18 правительственными наградами, в их числе 2 ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны 1-й степени, 2 медали «За боевые заслуги» и многие другие награды.

Военная судьба М.А. Жумагузина тесно переплеталась с его научно-преподавательской судьбой. Будучи в армии, сочетая и совмещая службу с учебой, он окончил военно-политическое училище и военно-политическую академию им. В.И. Ленина. Затем проходил войсковую службу в военкоматах Казахской ССР в должностях инструктора, пропагандиста, начальника политотдела. Последние 12 лет до увольнения в запас работал Акмолинским областным и Целинным краевым военным комиссаром. Воинское звание – полковник. В 1973 г. был уволен в запас и стал работать старшим преподавателем, доцентом ЦГПИ им. С. Сейфуллина. В этой должности он проработал 22 года. Звание доцента получил в 75 лет по рекомендации Московского педагогического института им. В.И. Ленина. Ученый совет института дал высокую оценку научному вкладу М.А. Жумагузина и принял решение без защиты диссертации присвоить ему звание доцента.

В институте в наибольшей степени проявились способности М.А. Жумагузина как терпеливого воспитателя, мудрого наставника. Имеется много свидетельств о его лекционном мастерстве, большой популярности среди студенческой молодежи. Коллеги-доценты ЦГПИ В. Муравьева и В. Саковцев

опубликовали в 1987 г. статью о человеческих и профессиональных качествах М. Жумагужина [1].

С именем Музафара Ахметовича связана одна из замечательных страниц истории кафедры и университета. Музафар Ахметович преподавал науку о прошлом, а студенты выносили из его лекций веру в свое будущее. История, сохраняя в лекциях ветерана свой строгий характер науки, становилась учителем жизни. Лекции о подвигах героев в годы Великой Отечественной войны нашей общей Родины-бывшего СССР, созидательный труд людей в мирное время воспитывали любовь к Отечеству. Он смотрел на свою аудиторию как на школу воспитания и щедро делился тем, что знал и пережил лично.

Примечания:

1. Партийная жизнь Казахстана. 1987. № 1. С. 101–103.

РАЗДЕЛ 4

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВОЙНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

С.Ю. Иванова

КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ПОБЕДОНОСНЫХ ВОЙН РОССИИ

Основы культуры народа вытекают из исторического наследия. Именно социокультурные процессы связывают воедино поколения, поэтому практика отбрасывания истории, вечные переписывания ее ввиду «неотвратимой» проекции текущей политики в прошлое разрывают культуру народа, разрушают его ментальность. Действительно, большинству наших соотечественников сегодня крайне трудно разобраться: где правда, а где ложь в освещении истории нашей страны, в том, что действительно необходимо для ее возрождения. Поэтому важно подчеркивать органическую связь между патриотическим и историческим сознанием. Нельзя любить Отечество вне его истории. На этот счет уместно вспомнить содержание письма А.С. Пушкина П.Я Чаадаеву, в котором речь идет о том, что есть истинный патриотизм. Критически оценивая окружающую действительность, великий поэт и патриот России писал: «клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал». Неуважение к собственной истории – это не патриотизм, а по образному выражению Л.Н. Гумилева – национал-мазохизм.

В сложные исторические периоды, когда идет смена ценностных ориентиров, меняется социальное положение и интересы всех слоев и групп, патриотизм, основанный на исторической памяти, становится стержнем, вокруг которого возможно достижение социального согласия и интеграции. Огромные изменения последних лет, проблемы воспитания подрастающего поколения обусловили переосмысление его сущности, места и роли в общественной жизни. В данном контексте важную роль приобретает актуализация исторической памяти российского народа, обращение к памятным датам российской истории,

к подвигу народа и отдельных героев. В двух Отечественных войнах 1812 г. и 1941–1945 гг. российское общество оказалось как никогда тесно связано единой национальной идеей и достигло широкой консолидации между различными слоями, взаимопонимания и единения между гражданами и властью.

Многочисленные материалы об отношении населения к Отечественной войне, о небывалом патриотическом подъеме наиболее точно сформулировал уроженец Кавказа, герой Отечественной войны 1812 г., выполнивший свой долг на Бородинском поле, П.И. Багратион, сказавший, что «война теперь не обыкновенная, а национальная». В полной мере относится это определение и к войне 1941–1945 гг. Память о Победе нужна для внутренней консолидации современного российского общества, формирования российской идентичности и патриотизма как ее социокультурного воплощения, в первую очередь, у молодых поколений, у тех, кому предстоит стать защитником Отечества. По утверждению Н.Г. Чернышевского, одной из главных причин победы в войне 1812 г. был патриотизм народа [1]. Патриотизм есть явление наиболее древнее, а в период смертельной опасности для страны и более прочное, в сравнении с иными явлениями общественной жизни.

«Образ отечества» обязательным образом сочетается с памятниками истории и культуры народа. Памятник истории представляет собой один из видов охраняемого наследия. Основной критерий – синхронность конкретного объекта или места (постройки, ландшафта) с историческим фактом (событием) или жизнью и деятельностью ведающегося лица. Например, Бородинское поле – даже если бы на нем не было ни одного памятника, остается памятным местом. В более широком смысле памятник истории обобщает терминологически культурное наследие, накопленное народом или государством.

Образ родины во многих случаях связан (а иногда и отождествлен) с образами людей – матери, отца, национальных героев. Нельзя отказать в психологической меткости такому наблюдению: «Как таковой, коллектив вне любви. Вот почему терпят неудачу филантропы. Здравый смысл прав. Невозможно отдаться анонимному множеству. Но пусть, напротив, универсум обретает впереди лицо и сердце, пусть он, если можно так выразиться, персонифицирует для вас. И тотчас же в атмосфере, созданной этим очагом, начнет увеличиваться притяжение элементов» [2].

Действительно, представление Отечества в лицах, становящихся символами семейной либо политической ориентации, придает особую интимность патриотическому чувству и увеличивает его роль в мотивации поведения. Есть такие знаковые элементы, которые имеют смысл для больших групп людей. Например, для многих русских людей представление о своем Отечестве неразрывно сочетается с образом М.И. Кутузова. Всенародный характер защиты Отечества, огромное внутреннее достоинство, свободолюбие и способность поступиться личными благами и самой жизнью во имя независимости – таковы слагаемые побед России. Они не могли быть учтены противником, потому, что находятся не в логической, а в психологической сфере. Формирование патриотизма как основы духовного возрождения и стабилизации России невозможно сегодня

вне актуализации исторической памяти. Известно, что народ, отрицающий свое прошлое, исторически обречен.

Опыт и уроки истории служат целям освоения настоящего и прогнозирования будущего. Преподавание исторических дисциплин позволяет сделать исторический опыт достоянием молодежи и предметом гордости для них. История всегда нравственна, ибо, постигая историческое событие, действие, человек производит своеобразный моральный выбор, осуществляет оценку современных событий.

С точки зрения формирования патриотических установок сознания задача исторического воспитания двуедина. Во-первых, разбудить в душе молодого человека любовь к истории, и, в первую очередь, отечественной. Во-вторых, добиться нравственной ориентации, может быть даже неосознанной, на прекрасные образцы и гуманистический опыт истории. Помимо практического и теоретического освоения мира, человечество имеет еще один его вид, который можно назвать духовным, художественным. Он предполагает яркую эмоциональную окраску освоения и преобразования мира. В этом случае действительность рассматривается аксиологически, через призму ценности. Ценное – значит дорогое нашей душе. Но дорогое ценно своими подробностями. Узнать о дорогом все – это одна сторона подробности в истории и одновременно потенциальная возможность данной науки. Эта возможность когнитивно-аксиологическая, но одновременно она предполагает деятельность по расширению круга познания.

Вторая сторона – формирующая, узнавание подробностей само по себе повышает интерес к объекту. Без знания об объекте не может быть и отношения к нему. Чем больше подробностей, тем больше знания, тем больше интереса и уважения. Но эти подробности должны быть эмоциональны. Эмоциональны любовь, ненависть, противоборство, коллизии. Вся история драматургична вдвойне. Материалов для диспута, столкновения мнений и гражданских, нравственных, патриотических позиций история дает сотни. И ценность их только возрастает оттого, что, готовясь к диспуту, молодой человек узнает еще множество деталей и подробностей об этих людях и событиях.

Ценностные отношения формируются современным обществом. Актуализация тех или иных событий истории зависит от «социального заказа». Кроме этого, дифференциация ценностей велика: общечеловеческие, государственные, этнические, групповые, личные. Отсюда проистекает выборочный интерес к историческим фактам, событиям, целым эпохам. В данном контексте очень важно обратить внимание на то, что победа в Отечественной войне 1812 г. должна быть обозначена символами, ритуалами, местом в календаре памятных дат не только в связи с 200-летием, а в силу позитивной значимости для наших современников. О значимости этой победы в коллективной памяти российского народа свидетельствует обращение к образам войны 1812 г., ее героям в пропаганде, искусстве в труднейшие моменты Великой Отечественной войны. Например, во множестве карикатур и агитационных листовок Гитлер был изображен в наполеоновкой треуголке.

Само содержание исторического образования должно быть связано с ходом общественно-исторического процесса, с реальным состоянием взаимосвязанных

проблем – «патриотизм – национализм». В конце концов, все происходящее с нами сегодня, уже завтра станет историей. Следует также отметить желательность включения в знания молодого человека особенностей своей малой Родины – своего региона в формирование патриотических знаний на занятиях по истории и во внеучебной деятельности.

Сама история подсказывает, каким образом можно и нужно формировать патриотическую личность. Взаимосвязь собственного и общего благополучия соотносится как частное к общему, т.е. одно не только не противоречит другому, но и детерминирует его в определенной мере. «Любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству, – писал Н.М. Карамзин, – а личное самодлюбие – гордость народную, которая служит опорой патриотизма». Безусловно, бережное отношение к природе, памятникам истории и культуры тоже предполагает человеческое неравнодушие и труд.

Из деятельности развивается и способность критического восприятия отечественного бытия. Но здесь деятельность иного порядка, предполагающая серьезную работу духа, рефлекссию, высокий образовательный и культурный уровень. Только тогда критика из сферы отрицательных эмоций переходит в сферу сознания и обретает конструктивность.

Особо следует выделить проблему истории развития объединяющей государственной или суперэтнической идеи. Важно отметить, что в современной России идея такая еще не выработана. Может быть именно потому, что «весь XX век жестоко проигран нашей страной», а «разрушение наших душ за три четверти столетия – вот, что самое страшное» [3]. А если искать великую идею в веках минувших, в истории?

Ряд авторов решительно отвергает «мессианскую роль России», считая ее утопической, вредной, способствующей бездействию созерцанию лениности русского человека [4]. Другие по-прежнему ищут великое назначение. В действительности сегодняшней его не видно. В этом контексте уместно привести высказывание Ф.М. Достоевского, который считал, что в России возникает «высший культурный тип, которого нет в целом мире, тип всемирного боления за всех». Этот новый человек, по его мнению, вырастает из «почвенника». Чем сильнее привязанность к родной земле, тем скорее она перерастает в понимание того, что ее судьба неотделима от судеб всего мира. Забота о собственном доме заставляет думать о том, как живет твой сосед. Недоступная духовная мощь, пример духовного благородства, воплощенная красота помыслов и отношений?

Подтверждение этой мысли можно найти и у другого великого русского человека нашего времени – А.И. Солженицына: «государственное устройство – второстепенное самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве допустим любой государственный строй». И далее: «Политика не должна поглощать духовные силы и творческий досуг народа. Кроме прав человек нуждается отстоять и душу, освободить ее для жизни ума и чувств» [5]. Если нам не дано дать миру образцы государственного и экономического строя, то может, и не было этого предназначения? Может быть, именно в духовном

творчестве, как это было в двух предыдущих веках (а если рассматривать только эту сферу, то и в XXI в.), Россия призвана являть свое первенство миру.

Таким образом, основные направления, по которым следует формировать патриотизм в ходе изучения российской истории: Отечество и народ; мир и другие народы. Причем в трех сферах: знание (когнитивная), чувство (эмотивная), деятельность. Каким образом делалось это в отечественной истории, какие применялись приемы и способы там, где удавалось получить высокий уровень патриотического сознания?

В сфере знания исторический опыт дает нам широкий спектр действий государственного руководства, форм и методов патриотического обучения и патриотического воспитания. При всей разности подходов к историческим событиям и их оценок объединяет Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Е.В. Тарле и других историков разных времен несколько характерных черт. Во-первых, это безусловная и ясно выраженная любовь к Родине. Во-вторых, глубочайшее знание фактического материала. В-третьих, эмоциональная оценка, показатель личного отношения, переживания. Иногда они могут у них не совпадать, противоречить друг другу, но их позиция всегда ясная и выраженная. Для воспитания гордости за свою причастность к свершениям предшествующих поколений необходимо больше рассказывать молодежи о вкладе россиян в мировую культуру, науку; раскрывать всю сложность процесса формирования российского государства, ставшего общей ценностью для прошлых поколений и поколения нынешнего; осмысливать причины кризисов российской государственности в прошлом и пути их преодоления, давать с позиций патриотизма оценку действиям политиков не только прошлого, но и настоящего. Все это необходимо, чтобы избавиться от исторического и социального пессимизма, ныне широко распространенного.

Формированию патриотизма призваны способствовать не только изучение истории, но и вся национальная система образования. «Совершенно необходимо в программе средней школы ввести преподавание краеведения с основами природной и культурной экологии, шире создавать в школах кружки по истории и природе родного края, – писал Д.С. Лихачев. – К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать» [6]. Недостаток духовности в воспитании личности обесценивает такую социальную силу человека, как чувство. Преобладание рационалистической односторонности (знания, эрудиция) над духовностью приводит к деформации самого процесса воспитания. Ничто так не содействует совершенствованию культуры чувств, как художественные ценности, духовная культура.

Памятники также способствуют формированию чувства патриотизма, нравственному и эстетическому воспитанию людей. Война с памятниками совсем не безобидна, она уничтожает историю народа. Памятники культуры составляют основу национальной культуры, они носители общечеловеческих, вечных истин. Они отражают материальную и духовную жизнь прошлых поколений, историю страны. Например, памятник Тысячелетию России, стоящий в центре Новгородского кремля в Великом Новгороде. Тревогу вызывает то, что

в России за 10 лет утрачено 2,5 тыс. памятников, и ежегодно исчезает еще 150 историко-культурных памятников [7].

Есть места, тесно связанные с историей и культурой народа. Они дают возможность ощутить величие духа народного и чувство национальной гордости за творения предков. К их числу относятся и Бородинское поле, и Мамаев курган, и другие места страны. Произведения искусства, памятники культуры являются носителями памяти о былом. Таковыми являются живопись, архитектура, как отдельные памятники, так и ансамбли, в камне и красках которых застыли философские идеи и политические веяния. Памятники военных лет надо вводить в сферу воспитания молодежи. Без знания и осмысления прошлого невозможно построить будущее. Одна из страниц истории – архитектура, в формах и образах которой всегда отражалась жизнь народа, уровень духовной и материальной культуры. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны – он, как правило, равнодушен и к своей стране.

Не менее важны в формировании патриотических чувств традиции. Для одной части россиян в качестве традиционных выступают советские ценности; именно на них в таком случае и следует опираться при осуществлении нынешних инноваций (реформ). Для других советская эпоха означает полный разрыв с традиционными основами российского общества; поэтому в поисках данных основ необходимо обращаться к досоветскому периоду. При этом истинно традиционными (и вместе с тем особенно важными) в досоветский период провозглашаются самые разные социокультурные времена, пространства и явления российской истории. В зависимости от ценностных ориентации сегодняшних идеологов статус «подлинной» традиционности (и вместе с ней «естественности», укорененности, органичности, «русскости» и т.п.) приписывается одним явлениям и принципам и отвергается у других. В то же время существует неосознанное влияние определенных традиционных образцов на сознание и поведение современных россиян, и здесь опять-таки актуален вопрос о том, каковы эти образцы и влияние: идет ли речь о «советском», «досоветском» или «постсоветском» человеке и каковы характерные черты каждого из них.

Учитывая прерывистый характер исторического развития России, актуализация традиций по своему механизму практически тождественна инновационным процессам. В нынешних социальных трансформациях опираться на традиции возможно далеко не всегда. Постоянная апелляция к традиционным образцам может даже усложнять адаптацию к социальным изменениям, так как в этом случае может происходить по существу наслоение собственно инноваций на «инновации-традиции». Глубокие изменения, происходящие в России, привели почти к полной смене пантеона национальных героев. Пантеон героев позволяет не только выявить поворотные, ключевые вехи национальной истории, но и довольно четко определить, что народ больше ценит – силу или насилие, ум или хитрость.

Опыт героической защиты Родины востребован сегодня, как никогда остро. Это обусловлено внутривнутриполитическими задачами по консолидации полиэтничного российского общества и внешнеполитическими задачами по росту международного авторитета России и обретения ее места в мир, адекватного ее

ресурсам и историко-культурному наследию. Победа в Отечественной 1812 г. и в Великой Отечественной войнах не была дарована великой личностью или счастливым случаем. Она была достигнута кровью и жертвами народов России. Среди ресурсов победы в войне на первый план справедливо выдвигается массовый героизм. Однако в книгах он до сих пор представляется как подвиги отдельных личностей. Следует обратить внимание на главное – коллективный подвиг многонационального народа в годы войны. Таким образом, для россиян день Победы остается важным мостом, соединяющим историю и сегодняшний день. Многими ощущается органическая, активная связь с военным временем или же с «сообществом опыта», сформированным войной: ветераны, воевавшие родители или родители родителей, дети военной поры. С течением времени чувство причастности к определенной эпохе неизбежно ослабевает, на смену приходит память и историческое знание, требующие объединения усилий общественных организаций и государственных структур в активизации патриотической работы с населением, и, прежде всего, с молодежью допризывного возраста. К сожалению, нынешнее поколение знает о подвигах своих прадедов примерно столько, сколько и о войне 1812 г.: две-три фамилии военачальников, несколько названий битв. По школьной программе историю Второй мировой войны изучают только в 9 классе, Отечественной войне 1812 г. уделено еще меньше внимания. Педагоги признают, что изучению истории Великой Отечественной войны в программе выделяется настолько мало времени, что они успевают дать ученикам лишь минимум знаний. Раньше система воспитания молодежи была насквозь пропитана патриотизмом: уроки мужества, фильмы и книги о войне, походы по местам боевой славы. Потом эту систему стали критиковать за перегибы, ничего не предложив взамен. В итоге получаем поколение, растущее вне почтения к героям. За последнее десятилетие много утрачено, нарушена связь времен и преемственность поколений. За короткий исторический срок значительные слои молодежи оторвались от своих исторических корней, от истории Отечества. Молодежь – важнейший ресурс государства и общества. Следует признать, что часть поколений вырастает и уже выросла без веры в идеалы и авторитеты. Возрождение гордости за свою страну, за населявших ее героев, может способствовать духовному возрождению нации и успешному воспитанию граждан.

Примечания:

1. Чернышевский Н.Г. Полн.собр.соч. в 15 т. М., 1947. Т. 3. С. 137.
2. Шарден П.Т. Феномен человека. М., 1965. С. 270.
3. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию. (Посильные соображения) // Комсомольская правда. Спец. вып. 1990. 18 сентября. С. 8.
4. См., например: В раздумьях о России. М., 1998. С. 205.
5. Там же.
6. Лихачев Д.С. Экология культуры // Культура и судьба мира. Универсализм регионального. М., 1997. С. 15–16.
7. Морозов А. Беды малых городов // Литературная газета. 2004. 4–10 февраля. С. 3.

ВОЙНА 1812 ГОДА В ОБРАЗНОЙ ПАМЯТИ НАРОДА (по материалам изобразительного искусства Калмыкии)

Анализируя художественный процесс во времени, отметим, что 1960-е гг. стали десятилетием возрождения в постдепортационном периоде истории Калмыкии. В это время наблюдается обращение к теме Отечества, которое народ вновь обрел после 13 лет забвения, прошедших в тяготах и лишениях высылки в Сибирь и другие отдаленные регионы. В ускоренном ритме развития культуры и искусства автономной республики, атмосфере творческого созидания развивалось изобразительное искусство Калмыкии второй половины XX в., представленное старшим поколением, сегодня полностью ушедшим, но оставившим нам творческое наследие.

Развитие живописи Калмыкии происходило в сфере взаимовлияний реализма и условности искусства – рационально-логической и мифопоэтической систем мировосприятия. Традиция одухотворяла художников в поисках не только национальной темы, но и форм ее выражения в искусстве, объединяющем прошлое и настоящее в обширном евразийском поле культуры. Этническое самосознание авторов явственно проецировалось в патриотической теме, реализуемой средствами живописи, скульптуры и других видов изобразительного искусства Калмыкии. Это воплотилось в особое качество творческой индивидуальности с живым ощущением своей истории и культурных истоков. Произведения К. Олдаева и Г. Рокчинского, Б. Данильченко, Н. Санджиева и Д. Сычева, других авторов заложили основы изобразительного искусства Калмыкии последних десятилетий XX – начала XXI вв.

Обращение к теме Отечественной войны 1812 г. происходило в атмосфере творческого подъема искусства Калмыкии. В это время появилось известное полотно «Мать-земля родная» народного художника РСФСР Гаря Рокчинского (1923–1993), сконцентрировавшее энергию патриотического духа калмыцкого общества. К всероссийской выставке произведений, посвященных 150-летию войны с Наполеоном, он создал полотно «Герой Отечественной войны 1812 года, рядовой Цо-Манджи Буратов», впоследствии представленное на республиканской («Советская Калмыкия») и зональной («Большая Волга») художественных выставках [1].

О событиях 1812–1814 гг. калмыками сложены различные предания, легенды и песни. В них ярко и красочно выражен народно-освободительный характер войны 1812 г., воспеваются ее герои. Таковым был и рядовой 2-го калмыцкого полка Цо-Манджи Буратов, отличившийся храбростью и мужеством. Его имя мы не найдем в официальных документах того времени, но оно запечатлено в народной памяти [2]. Живописный образ классика калмыцкого изобразительного искусства посвящен патриотическому долгу, достойно исполненному народом в годы суровых испытаний Отечественной войны 1812 г.

Художника всегда волновала тема исторической судьбы калмыков. Он не был летописцем, детально запечатлевшим события прошлого. В осмыслении истории он выявлял типичные черты бытия народа, частью которого всегда себя ощущал. Поэтому так емки в содержании и художественной форме его запоминающиеся исторические образы. В этом ряду живописному полотну «Герой Отечественной войны 1812 года, рядовой Цо-Манджи Буратов» отведено особое место. Оно стало первым опытом обращения к данной теме в калмыцком искусстве, отмеченной своеобразием творческого воплощения.

В анализе сюжета и его художественного претворения выделим композиционный и колористический строй произведения. Взаимосвязаны рисунок и композиция в изображении конкретного сюжета. Мастерски владея средствами перспективного воспроизведения формы, художник особое значение придал линии, гибкой и певучей, выразительно упругой в динамике броского рисунка. В многочисленных натуральных зарисовках, сопровождавших появление полотна, формировалась чуткая и чувственная основа изображения, оконтуренной линией. Штриховка в светотеневой моделировке объема отходит на задний план: автор добивается декоративной выразительности формы, применяя различную толщину контура, расцвеченного в красочном колорите полотна. Это придает полотну графическую выразительность реалистической живописи.

Произведение представляет собой сюжетную картину, совмещающую элементы портрета и пейзажа и, в определенной степени, натюрморта. В исторической композиции запечатлен походный быт одного из трех калмыцких полков, участвовавших в Отечественной войне 1812 г. Первый план отведен изображению главного действующего лица – рядовому Цо-Манджи Буратову. Его мощный торс развернут в $\frac{3}{4}$ повороте слева направо; голова повернута в профиль к центру композиции. За его спиной, спиралеобразно замыкая композиционный стержень картины, изображен боевой конь воина-калмыка.

Противостояние Цо-Манджи (в простонародном бешмете), устремившего взгляд на молодого воина-калмыка в офицерском кавалерийском мундире, держит, соединяя и разъединяя скрытую спираль человеческих отношений, создавая изнутри динамику сюжета. Диалог персонажей происходит на фоне расположения калмыцкого полка в средней полосе России: белеют в отдалении православный храм и трепещущая на ветру березка. Походный быт показан в движении людей, сноровисто снующих и распрягающих лошадей и верблюдов с поклажей, установивших переносное калмыцкое жилище «ишка гер», войлочный купол которого возвышается в правой части полотна.

Действие, обозначенное фигурами воинов в замкнутой последовательности композиции, происходит в хмурый серый день. Ветер гонит по небу свинцовые грозовые тучи, треплет желтое боевое знамя калмыцкого полка, буйную гриву солового коня Цо-Манджи. Это создает выразительное сопряжение форм в органичном взаимодействии цветовых пятен, объединенных зеленым фоном равнины. Все дышит вольным ветром и наполнено движением, передающим тревожный дух военного времени.

Пространство, развернутое вглубь композиции, объемлет фигуру главного героя, представляющую собой вертикаль монументальной выразительности. Цо-Манджи изображен в полном боевом вооружении воина-калмыка того времени. Правой рукой он крепко держит древко копья, за кожаным поясом, плотно охватывающим торс, заложена боевая плеть маля, подвешен нож в ножнах, видна рукоять сабли. За его широкой спиной просматривается подвешенный к седлу коня лук с кожаным футляром для стрел. Предмет этот акцентирован узором накладного узора «зег», голову коня украшает узда с металлическим декором, рядом свисает металлическое стремя. Мужественный профиль смуглого лица калмыка с серебряной серьгой в ухе и в обрамлении смоляных волос, выбритых спереди и собранных сзади в косу, венчает шапка с отворотом желтого сукна и красной кистью «зала» на макушке, самой высокой точке сюжетной композиции.

В анализе художественной формы выявим акценты, расставленные автором в изображении походного бивуака и вызывающие эмоциональное восприятие зрителя. Это не только монументальное представление главного персонажа, но и создание ситуации в построенном пространстве. Центральное расположение героя в соотношении и взаимосвязи элементов изображения составляет главное в прочтении композиции, углубляемое в нюансах восприятия его дальних планов. Оно сосредоточено в преобладании существенных для произведения средств построения глубины сюжетной линии. Перспектива сюжета получает линейную выразительность формы в контурном изображении деталей пространства. Деление его на планы, распределяющие наше внимание, создает круговую последовательность их восприятия, формируя точку зрения. В совокупности это создает нужный художнику ракурс взаимодействия зрителя и изображенного пространства. Автор полотна, подобно оператору и режиссеру кинематографического действия, мастерски выбирает в воспроизведении живописного сюжета нужный ему стоп-кадр, реализуемый в тематической композиции.

Пропорциональное распределение масс в пределах полотна создает доминирующее направление в прочтении-развитии художественного образа. Сюжет, лишенный пафосной динамики батального действия, вместе с тем содержит динамику и статику взаимодействия основных элементов композиции – героя и других персонажей – в пространстве живописи. Структура ее выстраивается в аналогиях и контрастах форм и колорита, объединенных темпераментной кистью автора. В прочтении сюжетной картины, представляющей, по сути, развернутый портрет героя, важны позы, жесты, движения персонажей в пространстве композиции. Воспроизведение их наполнено динамикой походного быта кочевников, мобильных в адаптации к природной и культурной среде. Это подчеркнуто в сюжетной линии изображения, разворачиваемого по калмыцкой традиции слева направо – по ходу солнца «зов эргад».

Большую роль в восприятии композиции играет колорит произведения, вытянутого по горизонтали и фиксированного вертикалью фигуры героя, осевого стержня картины. Живопись Г. Рокчинского своеобразна тонко развитым чувством цвета. Как когда-то калмычка-вышивальщица выкладывала радуж-

ный контур узора «зег», покрывая им одежду и предметы быта, так живописец выстраивает на полотне тональные аккорды цвета, соотносимого со спектром другого. Это могли быть сближенная по цвету тональность или полнозвучный цветовой контраст. Белый (материнский цвет в семантике монгольских народов), являясь основой спектра, разлагается на все цвета во множестве тональных переходов. Все это самобытно соединяется в живописной палитре.

Цветовая насыщенность полотна образует ритмическое своеобразие колорита. Оно сопряжено с выразительной фактурой красочного мазка, не расплывающегося под прямыми лучами степного солнца. Цветовая гамма письма выстраивается в подборе тональных аккордов цвета: сближенная по цвету тональность или полнозвучный цветовой контраст образуют трепетную ткань красочного слоя. В основе спектра соединены все цвета радуги, формирующей палитру живописи, соединяемой с контурной линией рисунка. Опыт традиционного цветовидения, самобытно переосмысленного, определяет особенности живописного языка [3].

Не случайно автор одевает героя в красного цвета бешмет: в колорите живописи это создает смысловой, а в калмыцкой традиции – символический акцент в прочтении образа. Подчеркнутый декоративизм живописи отводит светотени второстепенную роль в воссоздании художественной формы, выразительной в оконтуренном изображении фигур людей, животных, деталей. Распределение цветовых масс, дифференцируемых на крупные и мелкие цветовые пятна, и их соотношения создают богатейший колорит в контрастах, переходах и переключениях цветовой гаммы. В живописи превалируют теплые декоративные тона, и в этом состоит ее эффект – пастозно сочной в характерной добротной фактуре красочного слоя, накладываемого на полотно под разным углом.

Расстановка цветовых и немногих светотеневых акцентов органично соотносится с линейной композицией, создавая ее эмоциональный строй. Зритель погружается в цветовую ткань полотна, ведомый колористическим чутьем художника. Вкупе создается впечатление дышащей и движущейся массы, формирующей живое и в целом позитивное настроение произведения. В разнообразии и в то же время унификации элементов живописного почерка автора создан запоминающийся художественный образ.

Стилевые особенности реалистической живописи образует «круговая» последовательность размещения деталей изображения. Это характерно для древней изобразительной системы, отмеченной мифопоэтическим жизненным чувством [4], одухотворяющим многослойную композицию.

Полотно насыщено этнической символикой традиционной художественной культуры. Она зримо присутствует в историческом сюжете, запечатлевшем походный быт калмыцкого полка. Фиксированная выразительными средствами живописи красная кисть «улан зала» на голове рядового Цо-Манджи прочитывается гелиоцентрическим символом: этноним народа «улан залата хальмгуд» в образном выражении перевода – «дети Солнца» [5]. На защиту Отечества выступили калмыцкие полки, внесшие славную страницу в воинскую историю России. Интересную параллель теме Отечества, представленного русским

пейзажем, обнаруживаем в картине кочевого лагеря. Это желтое боевое знамя калмыцкого полка, возвышающееся в правой части многофигурной композиции походного бивуака. Оно воспринимается символом этнической культуры калмыков, органично вписанным автором в пейзаж средней полосы России.

Многозначен в прочтении патриотический сюжет, озаменованный калмыцким боевым стягом. Чтобы его изобразить, художник прочитал немало литературы, из которой ориентиром было выбрано сочинение Г.Н. Прозрителева «Военное прошлое наших калмыков» [6]. Здесь дано наиболее подробное описание древнего знамени «Дайчин-Тенгри», покровителя воинов. Под такими знаменами калмыки, войдя в состав Российского государства, выступали во всех его военных кампаниях. В реалистической трактовке конкретного исторического сюжета выражается главная идея картины – народ и его ведущая роль в истории Отечества.

Знамя 2-го Калмыцкого полка, участвовавшего в Отечественной войне 1812 г., воином которого являлся Цо-Манджи Буратов, хранилось в главном здании (сюме) Тюменевского хурула [7]. По свидетельству Г.Н. Прозрителева, это было изображение всадника, покровителя воинов. С величавым спокойствием несет он знамя, над ним три птицы, внизу пять животных, символизирующих его власть на небе и земле [8]. Старинные иконописные изображения Дайчин-Тенгри, связанные с добуддийским культом предков, были описаны Г.Н. Потаниным у дербетов Северо-Западной Монголии [9], вышитые иконы у астраханских калмыков – И. Житецким [10] в XIX в.

Обобщая, отметим: в создании художественного образа сюжетной картины-портрета, в передаче внешнего облика, деталей одежды и вооружения, походного снаряжения и кибиток автор документально точен. Художник-исследователь в исторической правде видит наиболее полное отображение жизни и быта народа, игравшего в истории российского государства немаловажную роль защитника Отечества. Он не выдумывает героя, а берет его из доблестной воинской летописи, запечатленной в фольклоре. Рядовой Цо-Манджи Буратов в воинском содружестве одного из калмыцких полков брал Париж в 1813 г. Этнографическая достоверность трактовки образа сочетается с психологической выразительностью характеристики человека из народа. Не иллюстративная описательность сюжета, а его органичное переосмысление получает глубинную художественную разработку в портретном жанре произведения.

Полнокровная звучная живопись сродни яркому персонажу полотна, рожденному в размышлениях о прошлом, настоящем и будущем. Художник приходит к важному для себя и нас выводу: историю делают люди, народ. В его живописной интерпретации эта мысль воплощена в личности, характеризуемой самобытностью и глубиной духовного мира и внешнего облика. Созданный автором живописный образ одухотворен символической выразительностью калмыцкой традиционной культуры.

Путеводная нить самосознания связывает творческое бытие этноса на переломном рубеже веков, выстраивает его культурные ориентиры на будущее, не дают ему раствориться в современном мире с его попытками все унифицировать и стандартизировать. Процесс идентификации, составляющий суть деятель-

ности творческой личности, в целом можно охарактеризовать зрелым осознанием уникальности своего культурного наследия [11]. В соединении разных художественных традиций рождено творческое наследие народного художника РСФСР Г. Рокчинского, генерирующее этнический код культуры. Этим обозначена его живопись в калмыцком изобразительном искусстве данного периода, где в самобытной репрезентации феномена сюжетной картины исторического жанра претворена образная память народа.

Анализ изобразительных форм медиатизации социальной памяти дает возможность выявить их значимость в конструировании и трансформации исторического события. Введение в научный и общекультурный оборот малоизвестных произведений изобразительного искусства России, представляющих его национальные школы, может существенно дополнить общую картину отечественной художественной культуры. Ее развитие происходит в процессе создания коллективных «образов-воспоминаний», формирующих культурную память российского общества.

Примечания:

1. Курган В.П. Г.О. Рокчинский. Элиста, 1983.
2. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины (XVII – начало XIX вв.). Элиста, 1965; Шовунов К.П. Участие калмыков в Отечественной войне 1812 года. Элиста, 1979; Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста, 1992.
3. Батырева С.Г. Образная память предков. Живопись Г. Рокчинского во времени и пространстве калмыцкой традиционной культуры. Элиста, 2004.
4. Тишков В.А. Культурный смысл пространства // V конгресс этнографов и антропологов России. Омск, 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М., 2003. С. 17.
5. Кичиков А.Ш. Образная память народа как знак культуры // Образная память народа. Библиографическое пособие. Элиста, 1998.
6. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков: Ставропольский Калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года / Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. Ставрополь, 1912. Вып. III.
7. Батырева С.Г. Старокалмыцкое искусство. Альбом. Элиста, 1991. С. 34; Хошеутовский хурул: история и современность // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: сб. материалов 1-й Международ. науч.-практ. конф. Ч. 1. Кызыл – Красноярск, 2008. С. 75–83.
8. Прозрителев Г.Н. Указ. соч. С. 90–92.
9. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 2. Материалы этнографии с 26 табл. и рис. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах. СПб., 1881.
10. Житецкий И.И. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. / Репринт. изд. 1893 г. Элиста, 1991.
11. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. С. 141.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ВОСПОМИНАНИЯХ КАЗАКОВ

Первую мировую войну начали 8 европейских держав, а к моменту окончания в ее орбиту были вовлечены уже 33 государства с населением в 1,5 млрд чел. Размах военных действий был доселе невиданным, на войну мобилизовали около 70 млн чел. [1]. Россия входила в систему сложившихся в Европе военных союзов и выполняла свой долг. Активное участие в боевых действиях принимали казачьи войска, составлявшие в военное время 7,2 % численности всей российской армии. Из 120 млн жителей страны ежегодно служил 1 %, а у казаков – 3 %, т.е., процент участия мужчин-казаков в защите страны был значительно выше, чем у остального населения империи [2].

Кубанское казачье войско направило в действующую армию в годы войны 37 конных полков, что составляло 23 % всех конных полков, 1 отдельный конный дивизион из трех, 24 пластунских батальона из 39, имевшихся во всех казачьих войсках, 51 сотню (19 %), 6 артиллерийских батарей (11 %) [3]. Количество мобилизованных на Первую мировую войну было велико и в сравнении с предшествующими войнами. Например, в Крымской войне принимали участие два пластунских батальона кубанцев, в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. – три конных полка, один пластунский батальон, две конные батареи, царский конвой. В ходе русско-японской войны кубанцы выставили на Дальневосточный фронт 2-ю пластунскую бригаду из шести пластунских батальонов, 1-й Уманский и 1-й Екатеринодарский конные полки, 1-ю Кубанскую казачью батарею, всего более 7 тыс. чел. [4].

Воевать казакам пришлось на разных фронтах, но везде они сражались доблестно, ведь уклад их жизни и система воспитания были пронизаны долгом служения Отечеству. Казаки были преданы монарху, для большинства из них служба гарантировала сохранение всех привилегий и доходов. Но данные статистики, приказы и другие официальные документы не могут дать целостной картины событий войны. Поэтому историки привлекают в качестве важного источника документы личного происхождения. Героические и трагические стороны военной повседневности предстают в мемуарах казачьих офицеров.

Свои воспоминания об участии в войне оставил Евгений Сергеевич Тихоцкий. Он происходил из кубанских казаков, по окончании Ставропольского юнкерского училища начал военную службу в 1-м линейном генерала Вельяминова казачьем полку Кубанского казачьего войска в звании подхорунжего. Первую мировую войну начал в чине подъесаула. 10 августа 1914 г. возле села Джурин (сейчас – Тернопольской области) во главе своей сотни первым ворвался на батарею 7-го австро-венгерского конно-артиллерийского дивизиона, захватил четыре пушки вместе с зарядными ящиками. За этот подвиг 7 октября 1914 г. подъесаул Тихоцкий был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени.

Тихоцкий отмечал в своих мемуарах, что уже 4 августа 1914 г. на реке Збруч у местечка Сатанов городок произошла встреча двух эскадронов австрийских гусар с двумя сотнями 1-го линейного полка кубанцев: *«Кзаки на ходу стреляли из винтовок. Сблизившись на расстояние около 400 шагов, Линейцы забросили винтовки за спину и ударили “в шапки” на венгерских гусар. Гусары приняли атаку... Линейцы атаковали в разомкнутом строю (левой) и это позволило им охватить фланги австрийцев и проникнуть в образовавшиеся интервалы, окружив отдельные группы гусар. В 400–500 шагах впереди пулеметов завязалась жестокая рукопашная схватка»*.

По словам Тихоцкого: *«Смешавшись друг с другом, в густой пыли, Линейцы и гусары с ожесточением рубили друг друга. Рукопашный бой продолжался недолго, но носил чрезвычайно кровопролитный характер. Гусары защищались отчаянно: их сабли причиняли чувствительные потери Линейцам, но, окруженные со всех сторон, они были изрублены и остатки их бросились назад, преследуемые казаками. Большое количество убитых и раненых гусар осталось на месте боя»*. Но и линейцам победа досталась дорогой ценой: *«в горячей схватке убит Есаул Виталий Червинский, ранены сабельными ударами Командир 5 сотни Есаул принц Шах-Рух-Дораб-Мирза, сотник Лисевецкий и Труфанов, Хорунжий Мурзаев и около 25–30 казаков выбыли из строя убитыми и ранеными»* [5].

Атаку кубанских казаков описал и Андрей Григорьевич Шкуро, который в 1914 г. служил офицером в 3-м Хоперском полку, входившем в 3-й Кавказский армейский корпус, воевавший в Галиции. В своих «Записках белого партизана» он пишет, что первая встреча полка с врагом у произошла в августе 1914 г. под Тарнове. Казаки подошли в самый разгар боя, выгрузившись из вагонов прямо в поле. С места, в конном строю, прорвались в атаку на немецкую гвардию и австрийскую пехоту. Казаки бешено рубились, нанося удары врагу, и неприятель не выдержал, побежал. Казаки преследовали, беря много пленных [6].

Примеры мужества и героизма казаков во время атак противника приводит в своих записках Павел Максимович Маслов. Он был родом из станицы Кардоникской Кубанского казачьего войска, служил подхорунжим 1-го Хоперского Е.И.В. Великой Княгини Анастасии Михайловны полка Кубанского казачьего войска. В годы Первой мировой войны стал георгиевским кавалером, за боевые отличия в 1914 г. произведен в офицеры, к концу войны был уже подъесаулом. Записки Маслова «С Хоперцами» представляют собой короткие рассказы о неизвестных эпизодах боевой жизни одного из старейших казачьих полков, прошедшего всю войну 1914–1917 гг. на Кавказском и Западном. Так, когда 1-й Хоперский полк перебросили с Кавказского фронта на Запад, он расположился в поле южнее городка Серадзь. За десять дней стоянки полк непрерывно, днем и ночью, вел усиленную разведку, оружиемными выстрелами сбил два немецких аэроплана, взял в плен полуэскадрон черных гусар и отбил у немцев новый шестиместный автомобиль, принадлежавший какому-то штабу германских войск [7].

Позже полк атаковал немецкую пехоту в районе Костельца. По словам П.М. Маслова: *«В голове полка шла 5-я сотня. Командир полка вызвал командира*

5-й сотни и приказал ему атаковать противника. Есаул Ильин, осмотрев местность и двигающуюся немецкую роту, рассыпал сотню в лаву и вихрем полетел на врага. Немцы, увидев несущихся казаков, залегли в кювет и открыли по лаве сильный огонь. Сотня продолжала молнией нестись, потом, загнув фланги, казаки блеснули шашками и начали рубить немцев. В этот момент командир роты подал свисток и приказал сдаться; немцы, как один, стали на колени и подняли руки. Вся рота и два офицера были взяты в плен. Были ранены четыре казака». За лихую атаку командир сотни был награжден Георгиевским оружием, его помощник хорунжий Ларионов – орденом Святого Владимира с мечами и бантом, 12 казаков – Георгиевскими крестами. По словам автора, «вскоре в полку появилась песня, прославляющая хоперцев за эту атаку под Костельцем в октябре 1914 года» [7].

Казакам часто приходилось вести разведку боем. П.Н. Краснов описывает эпизод 2 ноября 1914 г. на турецком фронте. Русские войска вели наступление на ванском направлении к Мелазгерту. Было решено провести усиленную разведку и оттеснить отряд курдов. В эту группу попали артиллеристы 1-й кубанской казачьей батареи под командой подьесаула Певнева и пулеметчика 1-го Запорожского императрицы Екатерины Великой полка сотника Артифексова. Артиллеристы и пулеметчики были кадровыми казаками с двух- и трехлетним обучением, горели желанием померяться силами с врагом. Встретившись в горах с курдами, разведка вступила в бой. Появились убитые и раненые. Подьесаул Певнев быстро развернул свои орудия за небольшими буграми, они стали бить на поражение. Курды не дрогнули, а вот казаки-терцы отступили. Остались лишь 15 чел. и два орудия, яростно бившие по курдам. Им на помощь послали пулеметный взвод сотника Артифексова. С пулеметами на выюках он выехал вперед и сейчас же стал косить пулеметным огнем противника. Курды отхлынули, но стали обходить русский отряд с флангов. Как писал П.Н. Краснов, два молодых офицера, подьесаул Певнев и сотник Артифексов с горсткою все позабывших и доверившихся им казаков бились за честь русского имени. Офицеры и казаки даже поднялись в атаку на врага. Только после получения приказа об отступлении казаки отошли с позиций. Артифексов был при этом ранен. Два казака-терца, Кабальников и Высококобылка, спасли офицера, вывезя его с поля боя [9].

Летом 1915 г. русское командование приняло решение о создании казачьих партизанских отрядов. На румынском направлении было создано 2 отряда кубанцев, на западном – 1, на юго-западном – 2. В январе 1916 г. А.Г. Шкуро возглавил Кубанский конный отряд особого назначения, стоявший в это время на реке Шаре. В одну из зимних ночей отряд в маскхалатах отправился в тыл врага. Шли гуськом, ступая, друг другу вслед. После часа движения подошли к немецкому посту, сняли часового и взяли в плен 6 чел., от которых узнали, что недалеко находится немецкая главная застава, и решили ее захватить. Казаки разделились на две группы. Одна без крика с кинжалами кинулась на врага и уничтожила 30 немцев. Другая группа, под командованием хорунжего Галушкина, открыла ружейный огонь. Всего убили 70 чел., 30 чел. взяли

в плен, захватили 2 пулемета, винтовки. Сами кубанцы потеряли 2 чел. убитыми и 18 ранеными. Отходя на свои позиции, казаки вновь попали под обстрел немцев, однако сумели уйти. Вслед за этой вылазкой последовали другие. Через каждые двое суток казаки ходили ночью в набеги, постоянно беспокоя немцев, много приводили пленных. Позднее к отряду Шкуро присоединились еще 2 сотни Хоперского полка Кубанского войска [10].

Среди разнообразных мемуаров об участии казаков в Первой мировой войне выделяется серия работ полковника Федора Ивановича Елисеева. Он родился 11(24) ноября 1892 г. в станице Кавказской Кубанского войска в многодетной казачьей семье. После окончания Оренбургского казачьего училища вышел хорунжим в 1-й Кавказский наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк Кубанского казачьего войска в Туркестанский военный округ (г. Мерв). С началом Первой мировой войны служил на Кавказском фронте с 19 октября 1914 г. младшим офицером сотни, полковым адъютантом, командиром 2-й сотни, награжден шестью боевыми орденами, включая орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Труд Елисеева «Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах» написан с искренней любовью к братьям-казакам. Он раскрывает историю и структуру кубанских полков и пластунских батальонов, традиции взаимоотношений в казачьем сообществе, особенности казачьей психологии. Ярко и эмоционально охарактеризованы генералы Врангель, Шкуро и др.

Ф.И. Елисеев описал, как, прибыв в Персию в местечке Шах-тахты, кавказцы впервые встретились с входившими с ними в одну бригаду 1-м Таманским полком и 4-й Кубанской казачьей батареей: *«После вечерней зари, когда запели песни казаки-таманцы и батарейцы, проявилась и их врожденная музыкальность. Разные “выкрутасы” в гопаке у таманцев были артистические, но зато в лезгинке кавказцы – вне конкуренции. Лезгинка черноморским казакам просто не давалась. Этот танец надо любить и понимать психологически, чего у них не было. Наш полк, как полк линейных казаков, всегда был с уклоном на шик горцев Кавказа, а таманцы говорили так: “Мы таманьци... запорожци... Украина наша маты”. Вот отсюда и вытекала разность психологии и быта этих двух полков одной бригады. Интересно, что подобная психология у таманцев исходила от многих старших господ офицеров, которые не только что с казаками, но и в жизни говорили на своем языке черноморского (запорожского) казачества».*

Отмеченные автором различия проявились и на войсковом празднике 5 октября: *«Молебен и парад всей бригады – в пешем строю тут же на биваке. Головным полком проходили таманцы. В хороших, новых темно-серых черкесках разного оттенка и в черных высоких папахах. Вид отличный. За ними проходят кавказцы. Все сотни в абсолютно одинаковых светло-серых черкесках, в небольших, одинакового размера светло-серых папахах и с красными башлыками за плечами. Картина была, безусловно, выигрышная».*

1-й Таманский полк, как и всякий первоочередной полк Кубанского войска, был отличный и очень интересный по своему внутреннему укладу жизни, где воинский

устав занимал как бы второе место. У них в полку – многое от Запорожской Сечи. Мы же, кавказцы, были “служаки”, как острили над нами офицеры-таманцы. Поэтому неудивительно, что штаб бригады считал наш полк более дисциплинированным, что так и было» [11].

Ф.И. Елисеев писал о трудной фронтовой жизни с обилием деталей и подробностей: *«Пластуны, отбиваясь 4 часа, еще 20 часов бегом спешили на выручку Сарыкамьша. А снег по пояс. Мороз до 30 градусов. И на каждом шагу “чертовы мосты”... От сапог – ни воспоминаний. Черкески в лохмотьях. Ноги с обмороженными пальцами»* [12]. В его необычайно живописных и наглядных записях предстает величие природы, городов, сел, храмов, выразительные портреты жителей тех мест, где воевали казаки: *«Город Ван был занят 6 мая 1915 года... Проснувшись поутру 7 мая, мы увидели, что бивак бригады раскинут среди роскошных сеяных трав люцерны. У лошадей – масса фуража. Торговцы-армяне продают казакам табак, вино, фрукты и сладости. Все это неожиданно и совершенно не соответствовало той Турции, по которой мы ходили раньше семь месяцев. Мы попали буквально в райский оазис»* [13].

«Записки» Ф.И.Елисеева проникнуты глубокой любовью к Родине: *«Разведочная служба началась на второй день от нашего полка... Выйдя из Макинского ущелья, мы вновь увидели наш библейский Большой Арарат... Его нарядная белая шапка никогда не таящего снега дышала суровостью, недоступностью и какой-то мистической таинственностью. Малый Арарат, темный, мрачный, почти конусообразный... страшил своею дикостью. В провале между ними сходилась стык трех государств – России, Турции и Персии. За ними было наше Отечество... Это, конечно, заговорило, пронизало организм любовное чувство к Родине, так как здесь мы почувствовали себя так далеко и сурово отрезанными горами от России, до которой, казалось, и не доскачешь»* [14].

На всех фронтах Первой мировой казаки действовали бесстрашно, а главное – умело, показывая свою высокую боевую выучку, умение быстро ориентироваться в нестандартной и даже критической ситуации. Правительство по достоинству оценило храбрость и мужество кубанских казаков. Так, 202 казака 3-го Таманского полка, воевавшего на Турецком фронте, были награждены Георгиевскими крестами, а 257 чел. – Георгиевскими медалями. Награжденные были и среди других полков и батальонов [15]. Благодаря этому кубанцы ощущали свою значимость, их собственная самооценка своих заслуг также была достаточно высокой, о чем говорят и воспоминания самих казаков.

Примечания:

1. Урланис Б.Ц. История военных потерь. СПб., 1994. С. 392.
2. Рукоусев Е.Ю. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 142.
3. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 310.
4. Бардадым В. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 83,100.

5. Тихоцкий Е. Атака австро-венгерской конницы на 2-ю Сводную каз. дивизию под м. Городок 4–17 авг. 1914 г. // Русская армия в Великой войне. URL: <http://www.grwar.ru/library/Tikhotsky-Gorodok/index.html> (дата обращения 7.02.2012).
6. Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Трагедия казачества. М., 1996. Т. 1. С. 10.
7. Записки полковника-хоперца П.М. Маслова // Дневники казачьих офицеров. М., 2004. С. 181.
8. Там же. С. 183.
9. Краснов П.Н. Венок на могилу неизвестного солдата императорской российской армии // Трагедия казачества. Т. 2. М., 1996. С. 17–19.
10. Шкуро А.Г. Указ. соч. С. 13–15.
11. Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001. С. 19–20.
12. Там же. С. 57.
13. Там же. С. 98.
14. Там же. С. 22.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 25.

В.В. Смеюха

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКОЙ ЖЕНСКОЙ ПРЕССЫ НАЧАЛА XX в.

Женские журналы, издававшиеся в период с 1914 по 1917 гг., представляют обширную источниковедческую базу изучения роли женщины в Первой мировой войне, влияния военных событий на общественную и частную жизнь женского населения. По мнению П.П. Щербинина, пресса периода Первой мировой войны оперативно освещала изменения в образе жизни женского населения [1]. Женская пресса в рассматриваемый исторический период характеризуется социально-политической активностью. Авторы женских журналов следили за военными событиями, отражали модификацию деятельности женского населения, что меняло проблемно-тематические характеристики изданий, вело к появлению новых разделов и рубрик. Кроме того, редакции женских журналов инициировали общественную деятельность женской аудитории в помощь русской армии, солдатским семьям.

Отечественная женская пресса в начале XX в. представляла собой элемент массовой периодики, не дифференцированный на сословно-аудиторные группы, соответствующий широким информационным потребностям гендерной аудитории, активно участвующий в ее идентификации. Проблемно-тематический спектр женских периодических изданий определялся социально-политическими, экономическими, культурными трансформациями общества. Распространение женского образования, активизация женской общественной и профессиональной деятельности, популяризация женского движения вели

к изменениям ментальных, гендерных характеристик феминной аудитории. Редакции журналов определяли концепции функционирования изданий с учетом эволюционных процессов в обществе, изменявшихся ролей женской аудитории, вследствие чего тематика журналов затрагивала различные сферы жизни современницы: политику, экономику, образование, общественную, профессиональную деятельность, быт, домашнее хозяйство, моду и др. Начало Первой мировой войны оказалось тем информационным событием, которое было отмечено женскими изданиями, независимо от их социально-культурной и политической направленности, как историческое явление, последствия которого отразятся на состоянии русского общества, женщине, семье.

В августе 1914 г. женские журналы вышли с сообщениями о начале войны: «Кровавая година» (Женское дело, № 15), «Война» (Журнал для хозяек и женская жизнь, № 16; Дамский мир, № 8). Редакция издания «Дамский мир» сообщила читательницам, что ее сотрудники узнали о начале войны, когда номер уже готовился к печати (*«в последнюю минуту нами получено сообщение»*), информация о чрезвычайном событии была опубликована, в ней редакционный коллектив дал оценку последствиям военных действий с позиции возможного расширения женских занятий и инициативы: *«Вот то благородное попрание, на котором каждая жаждущая деятельности женщина найдет достойное применение своей энергии»* [2].

Примечательно, что женская пресса начала века активно поддерживала требования предоставления женщинам права на труд и образование, исходя из чего начало войны расценивалось периодикой, как начало нового этапа в жизни русских женщин, которые будут оказывать помощь армии, заботиться о своих семьях, займут освободившиеся рабочие места. *«Война совершила в так называемом “женском вопросе” переворот, благодаря которому женщина сразу почти вплотную подошла к заветной цели своих стремлений и почувствовала себя равноправным товарищем мужчины»*, – писал «Журнал для женщин» в 1915 г., когда уже стали заметными изменения в жизни женского населения [3]. Однако постепенно тяготы военного периода ослабляли восторженно-патриотический настрой изданий. Так, автор «Женского вестника» А. Мансветов предположил, что если бы женщины участвовали в государственном устройстве наравне с мужчинами, то воинственность народов удалось бы уменьшить, и войны, как следствие, удалось бы избежать: *«Я никогда не поверю, что все немки с радостью посылают своих сыновей и мужей на войну»* [4].

Редакции изданий проявили активность в процессе организации женского труда в помощь военнослужащим: печатали обращения, письма, объявления общин сестер милосердия, лазаретов, различных обществ с просьбой присылать вещи, а также жертвовать средства на нужды армии. «Дамский мир» поместил выкройки военных курток, рубашек, халатов, его авторы разъясняли, что можно отправлять в действующую армию и как упаковывать посылки. Редакция издания «Журнал для хозяек и женская жизнь» организовала в своих закрытых мастерских пошив белья для раненых, материал был приобретен на средства издателя (1914). Журнал «Женский вестник» выступил с предложением

открытия кооперативных столовых, что частично решило бы проблемы женщин в условиях дороговизны и дефицита продуктов питания (1915).

Сообщения о военных действиях стали регулярными в женской периодике, выходили публикации с постоянными названиями «Война», «Женщина и война». Редакция издания «Журнал для хозяек и женская жизнь» считала, что для освещения событий, вызванных началом войны, необходимо специальное издание – был открыт журнал «Женская жизнь», при этом «Журнал для хозяек» продолжил свою деятельность, в нем также публиковалась информация об изменениях в стране и жизни женщины.

Тематический анализ публикаций, посвященных Первой мировой войне, вышедших в женских журналах, позволяет выделить несколько ключевых направлений в ее описании. Во-первых, журналисты освещали ход самой войны: в информационных обзорах, отчетах сообщалось о результатах боевых действий, печатались фронтовые письма. По мнению издателей женской периодики, материалы военной тематики способствовали воспитанию патриотических настроений в женской аудиторной среде («*Нечего доказывать, что и женщина вплетена в жизнь страны, и что от нее также требуется сознательное отношение*» [5]). Пресса информировала о непосредственном участии женщин в боевых действиях. Так, в 1915 г. журнал «Женский вестник» писал: сестра милосердия Костицына спасла полковника Ш., А.И. Широхова переделавшись в мужскую одежду и ушла на фронт, более трех месяцев никто не подозревал, что вместе с солдатами сражается девушка (№ 1) и др.

Во-вторых, значительное внимание уделялось описанию содействия женского населения русской армии. Российским обществом были продемонстрированы различные формы помощи фронту. Женская пресса освещала как коллективные благотворительные акции, так действия частных лиц. В начале войны периодика информировала о сборе пожертвований в помощь фронту, заготовке продуктов питания: в Москве было собрано теплой одежды, белья и продуктов питания на 2 млн рублей (Женская жизнь, 1914, № 4); артистка Александринского театра В.В. Пушкарева-Котляревская награждена Георгиевской медалью 4-й степени за помощь, оказанную российской армии, – артистка лично отвозила на передовые позиции собранные ею подарки (Женский вестник, 1915, № 9); сельскохозяйственные курсы устроили сушку плодов и овощей для раненых (Женская жизнь, 1914, № 4) и т.д. Примечательно, что В.В. Пушкарева-Котляревская, о которой писал «Женский вестник», являлась членом Русского женского взаимно-благотворительного общества и кружка «Помощь семьям защитников родины», ею был организован частный летучий (подвижный) питательный перевязочный отряд Красного креста (1913–1915). Женской прессой была отмечена благотворительная деятельность солистки императорского театра М.И. Горленко-Долиной: «*чуткой душой откликнулась на нужды войны. Она предприняла ряд грандиозных концертов в пользу “Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям”*» [6]. «Патриотические концерты» певицы проходили с 1914 по 1916 г., сборы с первого концерта составили 4 тыс. руб., впоследствии полученные средства перечислялись санитарным поездам, госпиталям, приютам. За

заслуги перед отечеством М.И. Горленко-Долина получила от имени императора браслет, усыпанный бриллиантами, и прибавку к пенсии в 1 тыс. руб. [7].

Женщины изготавливали материалы, одежду для лазаретов, госпиталей, медицинских санчастей: участницы общедворянской организации г. Москвы сшили белья «на 20 санитарных поездов» (Женская жизнь, 1914, № 3); Московское центральное бюро помощи пострадавшим организовало снабжение швейными машинами женщин, желавших шить белье для раненых (Журнал для женщин, 1915, № 4); ревельская Крестовоздвиженская община сестер милосердия Красного креста заготовила 10 345 предметов белья для армии по указу главного управления, сестры милосердия и «местные дамы», участвовавшие в производстве заказа, отказались от оплаты своего труда, 1 тыс. руб. была выслана обратно в Петроград (Женский вестник, 1915, № 2).

С первых дней войны женщины включились в организацию лазаретов и госпиталей. Как отмечает В. Ермолов, распространилась практика открытия частных госпиталей, к концу августа 1914 г. в Городскую управу г. Петрограда поступило более 2 тыс. заявлений от граждан, пожелавших взять в свои квартиры раненых бойцов [8]. Среди организаторов частных лазаретов были и женщины. Так, журнал «Женская жизнь» писал об известной балерине, отдавшей под госпиталь собственную квартиру: «Кто бы мог подумать, что одна из лучших звезд нашего балета Александра Михайловна Балашова будет мыть полы, таскать белье и вообще исполнять черную работу... решила устроить лазарет» [9].

Оказание помощи семьям военнослужащих – еще одна сфера деятельности женских благотворительных организаций и частных лиц. Затяжной характер войны отражался на уровне жизни населения, в первую очередь, это касалось солдатских семей. 25 июня 1912 г. был принят закон «О призрении нижних воинских чинов и их семейств». Однако размер пособия не покрывал всех расходов семьи, оставшейся без кормильца, к тому же не все солдатки знали о данном законе, следовательно, не обращались в соответствующие инстанции за полагавшейся им помощью [10]. Женские журналы информировали о формах помощи семьям военнослужащих: в Петрограде 15 городскими попечительствами до Рождества было выдано 39 687 пайков семьям запасных; в Одессе казенные пайки получали 20 тыс. семей; крестьянин Вятской губернии Зарин пожертвовал 9 десятин своей наделной земли для устройства приюта солдатских детей, за которыми будут ухаживать его жена и дочери (Женский вестник, 1915, № 7–8, 12, 2); слушательницы курсов Полторацкой организовали ясли для детей призванных из запаса (Женская жизнь, 1914, № 1); в Глазовском уезде организовано 22 приюта: 5 – московским обществом помощи жертвам войны, остальные – земством, однако, как отмечал «Женский вестник», открытие детских учреждений не проходило гладко из-за нечестного отношения жителей уезда: «Теперь же крестьяне смотрят на ясли, как на барскую затею, от которой можно поживиться» [11].

События Первой мировой войны изменили задачи женского движения. Феминистские организации выступали с инициативой проведения митингов, собраний, посвященных роли женщины в войне: в январе 1915 г. в г. Петрограде Русское женское взаимно-благотворительное общество провело публичное

собрание на тему «Женщина и война», а «Женский вестник» опубликовал произнесенную на нем речь общественной деятельницы А.Н. Шабановой (1915, № 2). «Журнал для женщин» сообщил об открытии в октябре 1915 г. Всероссийского съезда женских организаций на помощь нуждам войны, программа которого была опубликована в издании. Планировалось обсуждение следующих вопросов: оказание помощи солдатским семьям, раненым, больным и беженцам, забота о детях беженцев, женщине-крестьянке (1915, № 21).

В-третьих, пресса констатировала широкое включение женского населения в производственную деятельность. В связи с изменением материального положения семей увеличился приток женщин в профессиональную сферу. Их прием на работу упростился по той причине, что в ходе мобилизации освобождались рабочие места. Женские журналы информировали об изменениях в сфере женского труда: жены, взятых на фронт кондукторов и вагоновожатых, изъявили желание временно заменить своих мужей (Женское дело, 1914, № 15); Министерство путей сообщения признало возможным допустить женщин для работы на речных судах; в Самаре женщины начали исполнять обязанности кондукторов на трамвае; в Оренбурге городская Дума разрешила женщинам заниматься извозным промыслом; в Петрограде открылась биржа труда для рабочих, а в некоторых городских попечительствах стали действовать посреднические бюро по трудоустройству жен запасных (Женский вестник, 1915, № 9, 5–6). Сообщалось о желании женщин работать в сфере военного производства. В 1914 г. «Журнал для женщин» опубликовал сообщение: *«Группа женщин обратилась к председателю московского военно-промышленного комитета с просьбой открыть курсы для обучения женщин изготовлению оружия и боевого снаряжения»* [12].

В период войны численность женщин, занятых в производстве, значительно увеличилась: в металлообрабатывающей промышленности и в машиностроении с 1915 по 1917 гг. количество женщин возросло с 19 до 98 тыс., количество сельскохозяйственных работниц увеличилось на 35 % [13]. Женский труд стал применяться в самых различных профессиональных отраслях. Однако, как отмечал в 1915 г. журнал «Мир женщины», на работу стали принимать и несовершеннолетних, что объяснялось дешевизной их труда: *«специалисты по хлопчатобумажной промышленности говорят, что у нас наблюдается недостаток женских сил, и мы видим, что большие мануфактуры стремятся пополнить нужный комплект работниц подростками»* [14].

В-четвертых, женская пресса рассматриваемого периода отражала изменения в бытовой жизни российских семей. Отмечался рост цен на продукты: об этом писали Иванова в статье «К вопросу о дороговизне», М.И. Покровская в статье «Дороговизна и современная цивилизация» (Женский вестник, 1915. № 10, 12). Данной теме были посвящены статья «Влияние войны на вздорожание пищевых продуктов» (Мир женщины, 1915, № 1) и другие материалы. В периодике был прокомментирован запрет на продажу спиртного, автор «Женского вестника» Иванова оценила его как *«благодетельную меру»*. В своей статье «Жгучий для всех вопрос» она привела мнения женщин относительно введения обозначенной меры. Одна из респонденток призналась, что жизнь ее теперь стала лучше, вследствие

чего она сожалела по поводу временности введения запрета: «*боюсь только, как бы война не кончилась*» [15]. Военные события инициировали антинемецкие настроения, «Женский вестник» писал, что в 1914 г. перед святками началась кампания, направленная против новогодней елки, «*как обычая немецкого*» (1915, № 12).

Обязательным элементом в структуре массового женского журнала был раздел моды. После объявления начала войны редакции некоторых изданий выразили сомнение по поводу целесообразности его деятельности. «Женское дело» писало: «*Вряд ли кому из наших читательниц придет в голову заботиться о модах, туалетах теперь... Да и при всем желании мы не смогли бы сказать ничего нового из области мод, так как доставка из Франции необходимого товара приостановлена*» [16]. Авторы «Дамского мира» посчитали нужным обосновать продолжение работы модного раздела: «*Какая же тут "Хроника моды"? – скажут мои читательницы, – до нее ли теперь?! Правда жизненные запросы изменились, но... пока что Париж еще не уподобился Вене или Берлину, и жизнь в нем по-прежнему бьёт ключом*» [17]. Издания продолжили публикацию модных обзоров, однако война внесла изменения в модные тенденции: фасоны платьев стали более практичными, была введена миди-юбка, использовались легко стирающиеся ткани.

Таким образом, можно заключить, что отечественные женские журналы начала XX в. приняли активное участие в освещении жизни женского населения в период Первой мировой войны. Функционирование рассматриваемой прессы способствовало инициации различных форм деятельности в помощь фронту и солдатским семьям. Проблемно-тематические, структурные модификации женской периодики, вызванные социально-политическими и экономическими трансформациями общества, позволили не только информировать аудиторию о важнейших событиях, но и влиять на ее интересы, приоритеты. Внимание авторов было сконцентрировано на описании и анализе военных событий, патриотических акциях женского населения, комментировании изменения положения женщины, семьи.

Примечания:

1. Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2005.
2. Война // Дамский мир. 1914. № 8. С. 35.
3. Все для войны // Журнал для женщин. 1915. № 20. С. 1.
4. Мансветов А. Равноправие и война // Женский вестник. 1915. № 2. С. 35.
5. Итоги войны // Женская жизнь. 1914. № 1. С. 2.
6. Матова А. Патриотические концерты солистки Его Величества М.И. Горленко-Долиной // Дамский мир. 1914. № 10. С. 5.
7. Акулович В.И. Н.И. Привалов и солистка Его Величества М.И. Горленко-Долина // Петербургский ансамбль «Скоморохи». URL: <http://skomorokhi.narod.ru/art/art8.html> (дата обращения: 2.05.12).
8. Ермолов В. Женщины и дети в сражениях Первой мировой войны // История. 2003. № 9. URL: <http://his.1september.ru/2003/09/3.htm> (дата обращения: 30.04.12).

9. Деятельницы Москвы // Женская жизнь. 1914. № 1. С. 5.
10. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162.
11. Приюты, ясли в деревнях // Женский вестник. 1915. № 11. С. 197.
12. Все для войны // Журнал для женщин. 1915. № 20. С. 1.
13. Женское движение // Большая советская энциклопедия. Т. 25. М., 1932. С. 222–258.
14. Женский труд в современной России // Мир женщины 1915. № 3. С. 7.
15. Иванова. Жгучий для всех вопрос // Женский вестник. 1915. № 1. С. 19.
16. Вместо моды // Женское дело. 1914. № 15. С. 25.
17. Хроника моды // Дамский мир. 1914. № 9. С. 5

Т.Ф. Маслова

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Память как способность сохранять определенную информацию, основываясь, прежде всего, на психических функциях индивидов, является фундаментальным проявлением человеческой жизни и общества в целом. В непрерывном процессе социализации усваиваются знания и информация, которые на протяжении времени воссоздаются и социально распределяются в практиках взаимодействия конкретных личностей, этносов, классов и к которым обращаются новые поколения. Полагаясь на эти знания и информацию, люди конструируют социальную реальность.

Так, память о прошлом укрепляет национальное самосознание, поддерживает преемственность поколений, играет огромную роль в воспитании молодежи. Характеризуя память как феномен социальной жизни, исследователи различают память историческую и социальную. Такое разделение имеет достаточно условный характер в силу единства истории и состояния общества: историческая память всегда социальна, а социальная – исторически обусловлена.

Историческая память связана, прежде всего, с воспроизведением событий, дат, качественных характеристик исторических ситуаций, а социальная – отражает воспроизведение индивидами и группами норм и практик как результатов социального взаимодействия, ценностных ориентаций, характерных для определенного исторического периода общества и переносимыми субъектами и акторами в его настоящее и будущее.

Сегодня, в период социальных трансформаций социальная память о Великой Отечественной войне выполняет, с нашей точки зрения, как минимум две функции, действующие на уровне личности и общества. Она формирует духовность, по словам Павла Флоренского, «корневого человека», связанного со своей семьей, которую в той или иной мере коснулась война; она играет также важную роль в определении тех ценностей, которые выступают как консолидирующие, объединяя раз-

ные народы и поколения вокруг общих страданий и завоеванной победы. С данной точки зрения, память о войне для советского общества стала одним из духовных интеграторов, в котором соединилась и политика, и коллективная память, сформированная в процессе военного конфликта и ставшая фактором социализации всего населения Советского Союза, вобравшего духовные последствия Великой Отечественной войны. К ним относятся, прежде всего, следующие:

- приобретение опыта коллективной социокультурной рефлексии как совокупности способов оценки окружающей действительности и самооценки, интерпретации ценностей и смыслов, воплощенных в комплексе взглядов, образов и символов, которые используются для адаптации к сложившейся ситуации или для ее модификации [1], что выразилось в Победе и преодолении военной разрухи;
- утверждение ценностей и идеалов справедливости, патриотизма, интернационализма, роль которых в сплоченности, интегрированности общества трудно переоценить. По определению П.А.Сорокина, при отсутствии общепризнанных ценностей возрастает субъективный фактор рисков: люди превращаются в существа, управляемые, главным образом, бессознательными рефлексами и биосознательными регуляторами: своими страстями и вожделениями [2].
- утверждение в самосознании советской молодежи идентификаций с сильной державой-победительницей, преданности ее идеалам, что стимулировало ее активное участие в битвах «великих строек» и др.

Способность воспроизведения в обществе его субъектами не только хронологических и биографических сторон важных событий, но и формирования и развития идеалов, ради которых они состоялись, не может возникнуть спонтанно и требует целенаправленных действий. Надо признать, что память о прошлом страны, о Великой Отечественной войне складывается не только из событий государственной значимости, но и из маленьких, но очень важных составляющих – историй семьи, родов, фамилий, вобравших историю в жизнь конкретных людей. Эта сторона памяти поддержана Академией военных наук, при которой создан Институт социальной памяти. Пожалуй, это одна из немногих форм, институционально воплощающая идею сохранения социальной памяти, которая служит приобщению к вечному, вневременному, наиндивидуальному, решающая актуальные задачи воспитания современной молодежи.

В исследовании Л.Г. Сокурской, опирающейся на концепции формативных лет Р. Инглехарта, выделяется «поколение независимости (первое и второе)», начиная с 1990-х гг., которое является носителем главных жизненных ценностей постсоветского периода [3], сформировавшихся, прежде всего, при переходе современного российского общества к рыночной экономике. Старшее поколение – «хранители традиций» – уже не застало рыночных отношений; молодое поколение не может опираться на их опыт – он принадлежит не просто прошлому, но другому типу устройства общества, прежде всего в экономическом и политическом отношении [4].

Утверждение в советском обществе существенного дисбаланса духовных и материальных установок повлияла на стабильность социальной системы, харак-

теризуемой балансом между материальными и духовными ценностями, как гаранта социальной устойчивости [5]. Это исторически зафиксировано в своеобразии проявления ценностных противоречий, которые проявляются сегодня в стремлении новых поколений к материальным ценностям.

Таким образом, в настоящее время ценностно-символическая реконструкция связана с пониманием возможностей трансляции такого прошлого опыта, связанного с Великой Отечественной войной, который служит интересам самобытности и качества сообщества россиян. В этом смысле с научной и воспитательной точки зрения возникают важные по значимости взаимосвязанные вопросы: а) исследования и б) сохранения памяти о Великой Отечественной войне, попытки чего сегодня осуществляются. Первый блок вопросов (исследовательский) отражает проблематику отношения к этому событию в обществе и различных сообществах; второй – способы передачи информации, обеспечивающие ее полноту и поддерживающие адекватные методики анализа.

Остановимся на примерах практики в этой области. Нами были проведены социологические опросы российских мигрантов в США (100 чел., г. Цинциннати, 2010 г.), которые показали, что интегрируясь в жизненный мир, память о родине, которая «привязывает» субъекта к ней через отождествление с ее историей, связана с Великой Отечественной войной. Опрос показал, что в независимости от длительности пребывания в стране и степени интегрированности, иммигранты поддерживают российские традиции и исторические даты, где выделяется 9 Мая – День Победы. Эта дата, вызывающая общие воспоминания, коллективные переживания, способствует социокультурной равновесности мигрантов в новом сообществе. Данный вывод можно перенести и на другие сообщества, когда речь идет, например, о взаимодействии представителей разных народов, как участников войны, так и их потомков.

Другой пример, характеризующий ценности молодежи, иллюстрирует то, что свыше 40 % опрошенных (более 800 чел., г. Ставрополь, 2010 г.) среди наиболее значимых событий в истории своей родины называют Победу в войне над фашизмом в ходе Великой Отечественной войны. 60 % сказали, что это «*событие в истории моей Родины, которое вызывает гордость*», 45 % – «*великий подвиг, достойный подражания*» и т.д. Только 1,3 % опрошенных не задумывались над этим. Однако, как показывает более глубокий поиск информации, это во многом связано с поверхностным восприятием пропаганды юбилейной даты. Студенты обладают очень слабыми фактическими знаниями о войне, о чем свидетельствуют ответы на вопросы о людях и городах-героях, низкий уровень охвата молодых людей военно-патриотическими мероприятиями.

По данным другого исследования, проводимого совместно с СГУ, Национальным университетом им. Каразина (более 500 студентов, Харьков, Украина, 2008 г.) на ответ: «Я готов защищать Россию в случае угрозы ее суверенитету», указало только 35,5 %. Исходя из этих и некоторых других моментов, можно сделать вывод о риске утраты духовного арсенала социальной памяти о Великой войне и Победе.

Социологические исследования позволяют сделать важный вывод о зависимостях позиций молодежи относительно памяти о войне от ее информированности не

только о выдающихся фактах военного времени, но и о судьбах людей, отдельных личностей. Это заставляет задуматься о методах получения и анализа информации, об активности самих ее носителей. Конечно, следует иметь в виду биографический метод, а также так называемый автоэтнографический, где исследователем выступает сам участник событий, который сосредотачивается на социальных и культурных аспектах личного опыта, на своем жизненном, духовном мире. Именно это даст образцы социальной памяти в жизни индивидов. Распространенными видами такой практики являются изданные в последнее время такие работы [6]. Следует обратить внимание на ретроспективные заметки ветеранов, записи, мемуары. Они способствуют формированию и сохранению памяти о Великой Отечественной войне в российском обществе, благодаря чему она не утратит своего уникального духовного опыта.

Примечание:

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальной формы социокультурной рефлексии // Социс. 2010. № 1. С. 111.
2. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М., 1993. С. 351.
3. Сокурская Л.Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода. Харьков, 2006. С. 288–289.
4. Боечко Н.И. Экономическая культура: проблемы и тенденции развития. СПб, 2005.
5. Лян Л. Условия и факторы формирования ценностных ориентаций студенческой молодежи в изменяющемся обществе (на примере Российской Федерации и Китайской Народной республики). Дисс... канд. социолог. наук. СПб., 2003.
6. Книга Памяти Украины по увековечению участников боевых действий в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Донецк, 2009; Эхо великой войны. Воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны, труженников тыла, блокадников, документальная проза о войне. СПб., 2010 и др.

Т.П. Хлынина

«ЭТОТ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ ПУБЛИКОВАЛСЯ ДВА РАЗА»: ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК¹

Интерес современного исследователя к эпистолярному наследию Великой Отечественной войны необычайно высок. Он вызван, прежде всего, теми возможностями, которые предоставляет профессиональному сообществу обнов-

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 12-01-00127а «Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство, границы и механизмы реализации (1941–1945)».

ленное историческое знание, пережившее за последнее десятилетие не один методологический поворот. В его пространстве история войны постепенно обретает не достававшее ей длительное время антропологическое измерение, превращаясь из идеологически выдержанного официоза в подлинную человеческую драму. Со страниц исторических сочинений война все чаще предстает не столько масштабным столкновением противоборствующих систем, сколько коллизией человеческих судеб. Судеб, воплотивших в себе горечь военных поражений и отчаяние первых побед; безыскусность быта тыловой жизни и какое-то неиссякаемое, исподволь дающее о себе знать стремление к его эстетизации; всепоглощающее чувство страха и головокружительной легкости. Война перестала восприниматься сплошной чередой преступлений, уступив место представлениям о ней как о жизни в чрезвычайных условиях.

Своему новому историографическому облику профессиональное знание о войне не в последнюю очередь обязано и начавшейся исследовательской реабилитации источников личного происхождения. Вплоть до начала 1990-х гг. они находились в тени признаваемых более достоверными официальных документов, безраздельное господство которых в исторической науке, собственно, и привело к утрате ею не только вкуса к деталям, но и «запаху человечины» (М. Блок). Однако процесс превращения историка войны в «сказочного людоеда» оказался долгим и не лишенным изрядной доли драматизма. Великая Отечественная война стала для нашей страны не просто трагическим событием недавнего прошлого, память о котором не подлежит забвению. Она стала символом безусловных преимуществ советского строя и исторической оправданности его существования, прежде всего, в сознании поколения победителей. Приобретая со временем статус общенационального мифа, война из исторического события превратилась в место памяти. В отличие от истории, память «не взывает к критическому дискурсу», а «помещает воспоминание в священное» [1], лишая его, тем самым, присущей обыденной жизни логики здравого смысла и прозрачности понимания. Именно поэтому любая попытка приблизиться к иному видению событий военного времени встречает противодействие не только со стороны государства и общественных организаций, но и самого профессионального сообщества, являющегося зеркальным отражением происходящих в стране перемен.

Начавшаяся вслед за методологическим обновлением знания о прошлом источниковедческая революция буквально взорвала единое пространство официальной памяти о войне, сделав достоянием гласности множество иных памятей о ней. Со страниц дневников и писем того времени война нередко предстает не столько патриотическим порывом советского человека, сколько повседневной рутинной налаживанием быта и восстановления хотя бы какого-то подобия довоенной мирной жизни. Тематически и сюжетно расширяя исследовательский нарратив о войне, источники личного происхождения, вернее практики их использования, демонстрируют не только познавательные возможности источника, но и разнообразные коллизии его жизни в потоке времени. Речь, прежде всего, идет о неоднозначном и крайне противоречивом процессе взаимодей-

ствия исследователя с находящимися в его распоряжении источниками личного происхождения военного времени. Подверженные цензуре и сосредоточенные по преимуществу на передаче личных ощущений переживаемого момента, они с большим трудом встраивались в панорамные полотна беспримерного боевого и трудового подвига советского народа. И лишь со смещением исследовательского интереса к микроистории, повседневной жизни советского общества эта группа источников обрела свое второе рождение.

При этом исследовательская экспансия их освоения сосредоточилась в основном на неопубликованных архивных документах. Использование же опубликованных источников натолкнулось на стойкое недоверие к ним со стороны профессионального исследователя. Оно вызвано, прежде всего, тем, что при подготовке к печати тексты воспоминаний и писем проходят литературную обработку, превращая «наивное» письмо в строго продуманное сочинение на заданную тему; они избавляются от деталей и ненужных подробностей, тем самым, лишая источник подлинности и созвучности породившего его времени. Однако даже в таком «исправленном» виде дневники и письма не теряют своей исследовательской привлекательности, сохраняя для историка возможность, получить ответы на многие интригующие его воображение вопросы, нередко выходящие за пределы возможностей самого исторического познания.

Так, дневники и письма Героя Советского Союза Е.М. Рудневой публиковались трижды [2]. Как отмечает в предисловии к последнему изданию И.В. Ракобольская, усилиями которой они стали достоянием памяти о войне, «объем книги, да и собственный взгляд редактора предыдущих изданий привели к тому, что было сделано много купюр в тексте, особенно ограничены материалы, охватывающие годы учебы в университете». Ряд «тоненьких тетрадок» с воспоминаниями Е.М. Рудневой осел по окончании войны в школах и пионерских дружинах, носивших ее имя, а дневники 1940–1941 гг. оказались и вовсе утерянными [3]. Накануне 50-летия Победы начальник штаба 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка И.В. Ракобольская, штурманом которого была Е.М. Руднева, попыталась вновь собрать все сохранившиеся о ней материалы. Предыдущие издания пополнились письмами подруги, архивными документами и комментариями, «чтобы понятнее стала обстановка, в которой они (дневники и письма – авт.) писались». В книге появились «небольшие фрагменты из того, что написано было о Жене ее однополчанами и полнее раскрывает ее образ» [4]. Итогом этих усилий стало появление полноформатного метадокумента, выходящего далеко за пределы собственно биографического повествования.

Необходимость переиздания «этого поразительного человеческого документа» для И.В. Ракобольской была вызвана не только желанием «снова оглянуться назад, пока еще живы свидетели тех трудных лет и подвигов наших дорогих подруг, пока не растеряны их свидетельства», сколько стремлением прояснить нынешнему поколению «много странного и непонятного» из событий того времени. В частности, сквозь призму живого свидетельства помочь ему приблизиться к пониманию того, «откуда у молодой студентки-астронома могло

появиться желание быть в комсомоле, партии, готовить себя к обороне Родины, а когда грянула война – добровольно уйти на фронт» [5]. Представляется, что опыт подобного понимания полезен и профессиональному исследователю, для которого человеческое измерение войны остается плохо освоенной и в ряде случаев все еще непроходимой территорией.

Показательно, что в последние годы в профессиональных изданиях появляются нотки скепсиса в оценках природы патриотического порыва и искренней веры многих советских людей в защищаемое ими правое дело. Сегодняшнее знание о большой войне, выигранной чрезмерным напряжением жизненных сил и воли миллионов советских граждан, зачастую переносится на реалии совершенно иного времени, когда *«кругом столько ужаса и крови, а у меня, наверное, сейчас самое счастливое время. Во всяком случае, жизнь в полку будет для меня самым светлым воспоминанием, так мне кажется. И вот у меня двойная жизнь: в мыслях о будущем все рисуется туманно, но очень светло. Ведь главное – кончится война»* (2 декабря 1942 г.) [6]. Время, очевидцы и творцы которого запомнили его не столько тяжелым испытанием на прочность первого в мире государства победившего социализма, сколько проверкой на крепость своих чувств, привычек, отношений с родными и близкими им людьми. Их «наивное» повествование о войне, порой лишённое высокого устремления к мести «за поруганную честь родины», в качестве исторического источника не менее ценно, чем статистически выверенные сводки боевых действий отдельных подразделений Красной армии или партизанских соединений. Именно благодаря этой наивности мы понимаем, что жизнь не остановилась, а находила все новые формы своих проявлений, для которых война оставалась всего лишь временным фоном.

Евгения Максимовна Руднева родилась в 1920 г. в Бердянске. В 1929 г. семья переехала в Подмоскowie. По окончании школы она поступала на механико-математический факультет МГУ, а в октябре 1941 г. наряду со многими сверстницами ушла на фронт. Ее фронтовая жизнь оказалась тесно связанной с авиацией: школьное увлечение астрономией переросло в сознательный выбор штурманской школы, откуда она попала в легендарную эскадрилью «ночных ведьм». Как впоследствии писала И.В. Ракобольская: *«В годы Великой Отечественной войны был такой необыкновенный полк – 46-й гвардейский, Таманский, дважды орденоносный полк ночных бомбардировщиков, летавший на самолетах По-2. В этом полку мужчин не было. От техника до командира полка – одни только женщины. В основном девочки от 17 до 22 лет... Штурманам... стали в основном студентки вузов – математики, физики, историки, уже проявившие способность к науке и пожертвовавшие ею, чтобы помочь Родине. Они быстро освоили новую специальность и внесли в полк особую атмосферу: в краткие перерывы между боями проводились философские и тактические конференции, выпускались литературные журналы, писались стихи...»*. Е.М.Руднева стала для полка *«звездочетом и сказочником»*, *«милой, нежной, любимой подругой»* [7], которой совершенно не шла военная форма, а на *«маленьких ногах болтались сапоги 41-го размера с задранными вверх носами»* [8].

Едва ли ее дневники и письма расскажут нам больше о боевом пути полка, чем сухая отчетность его командного состава. Однако она не может заменить собою ни остроты впечатлений, ни апатии усталости тех, кто вопреки инстинкту самосохранения и приказам начальства жертвовал собою во имя оставленной мирной жизни. Жизни, наперекор войне, бравшей свое и властно требовавшей обустройства быта, элементарной гигиены и досуга. В этом отношении эпистолярное наследие Е.М. Рудневой, равно как и многие другие опубликованные дневники, письма и воспоминания участников войны, может оказать историку неоценимую услугу, став для него проводником в мир военного повседневья, пространство которого удивительным образом напоминало о не прерывавшейся связи с довоенным временем, проясняло его течение и наполненность.

Дневники Е.М. Рудневой охватывают 1934–1944 гг., письма датируются октябрём 1941 – апрелем 1944 г. Дневниковые записи, которые она стала вести с 14-летнего возраста, вплоть до 1941 г. носили регулярный и в тематическом отношении очень разносторонний характер. В годы войны они стали менее регулярными, более подробными и в содержательном отношении очень цельными. Обращает на себя внимание их временная выверенность и точность: помимо привычной даты записи, всегда присутствует время, выражаемое либо часами, либо определенной частью суток: *«Вчера утром я летела на разведку с Надей. Туда – почти до Сергеевского – 32 минуты, а обратно 8 минут... С Мартой мы два раза взлетали и садились, а на третий раз набрали 200 м и полетели в Красное. Знала я малую путевую скорость, но такой! 60 км летели 1 час 50 минут! А всего в воздухе были 2.08»* (25 января 1943 г.)» [9]. *«3 часа дня. Вчера вечером мы, наконец-то, убрались оттуда. Пытались заблудиться и даже сбили с пути истинного братиков, но скоро опомнились. Прибыли в Варваринское поздно вечером, помылись, поужинали всухомятку и уснули – крепко-крепко. Ночью кто-то стянул с меня шинель... В 5 часов утра тронулись в Абинскую. Там была трехминутная остановка»* (30 августа 1943 г.) [10].

В письмах отчет времени велся от момента получения или отправки предыдущего письма: *«Милые мои, золотые! Мамуленька! Папист! Я на верху блаженства – сегодня получила, наконец, вашу открытку от 13.11.41 г. Я знаю ее почти наизусть, столько уже раз читала всем вслух...»* (1 декабря 1941 г.) [11]. *«Мамочка, получила вчера вечером твое письмо от 17 декабря, а два дня перед этим – за 18 и 21 декабря»* (17 января 1943 г.) [12]. Однако под воздействием происходящих событий время из меры и количественной характеристики нередко превращалось в индикатор эмоционального состояния: *«Но злая я сейчас такая, какой ты меня еще ни разу не видела, – они, проклятые гады, разбомбили мой университет, мой любимый университет. Мне хочется выучиться и как можно злее им отомстить за университет, за сожженное Пулково, за разгромленный Екатерининский дворец, за все, может и за вас, мои родимые, потому что я ничего о вас не знаю»* (14 ноября 1941 г.) [13]. *«Сегодня у нас хорошее настроение – Совинфторбюро сообщило о прорыве на Северо-Западном фронте...»* (24 января 1942 г.) [14]. *«У меня сейчас очень хорошее настроение: получила от Лени письмо на английском языке. Довольна, потому что все поняла, а то уж я боялась, что совсем английский язык забыла»* (21 февраля 1942 г.) [15].

Плотность, разреженность и направленность времени всецело зависели от местонахождения «человека воюющего», выполняемых им задач и возможностей располагать собою. Оказавшись осенью 1941 г. в Энгельсской военной авиационной школе пилотов, курсанты столкнулись с жесткой дисциплиной и распорядком дня. В письмах к родителям Е.М. Руднева, привыкшая к покорению любых научных вершин, с огорчением отмечала, что ей очень плохо дается освоение азбуки Морзе, и она тратит на нее все свое свободное время: *«Я готовлюсь к празднику 7 ноября и усиленно изучаю азбуку Морзе. Папист, мне осталось выучить всего лишь шесть букв. Остальные принимаю на слух, но еще плоховато, вот вчера пропустила Л и Ц, сегодня их путала»* (5 ноября 1941 г.). *«Папист, завтра пишу контрольную работу по приему цифр. Буквы я принимаю все, но плохо»* (14 ноября 1941 г.) [16]. Немного пугали холода и боязнь с их наступлением потерять хорошую физическую форму: ежедневную зарядку на свежем воздухе заменили 15-минутной пробежкой. Однако больших изменений, резко менявших привычное течение жизни, она в тот момент времени еще не ощущала. Из небольшой подборки опубликованных за 1941 г. писем мы узнаем о капризах погоды (*«погоды у нас стоят чудные – тепло, солнышко совсем летнее, ходим раздетыми»*); выданной теплой форме (*«особенно хороши шапки с ушанками»* и *«чудные ватные варежки»*); хорошей еде (*«селедка, масло, сахар, хлеб, был даже сыр»*). Е.М. Руднева отмечала, что война поменяла статус денег, которые как-то вдруг утратили свое прежнее материальное обаяние: *«Пишешь о деньгах – мне их девать некуда, интересное у нас к ним отношение теперь – деньги абсолютно не представляют ценности, потому что нам из еды или одежды ничего не нужно. Я трачу их на карандаши, духи, больше отдала в фонд обороны. Теперь, как только Гитлера отгонят от Москвы, я буду присылать их вам – вам-то они, наверное, не помешают»* (1 декабря 1941 г.) [17].

Практически для всех девушек, соприкоснувшихся с армейской жизнью, куда большим потрясением, чем еще не виденные ими ужасы войны, оказалось их внешнее преобразование. По этому поводу И.В. Ракобольская вспоминала: *« Нам выдали военные обмундирование. Но как мы неловко чувствовали себя в форме, когда надели ее в первый раз! Большие гимнастерки и брюки, длинные мешковатые шинели и – самое мучительное – сапоги от 40-го до 43-го размера... Нарочно нельзя было придумать одежды, так сильно лишаящей девушек привлекательности! Если еще добавить противогаз и флягу на боку». Первый приказ, который выслушали на перроне г. Энгельса 23 октября курсанты летной школы, касался всеобщей стрижки «под мальчика», где дозволительной длиной волос «спереди» выступало пол-уха [18]. Расставание с косами шло со слезами, а уже через месяц Е.М. Руднева писала домой: *«Интересно – узнали бы вы меня теперь – ведь я совсем мальчишка. Похожа на папу в молодости. Интересно, вчера я подумала о том, что как по всему привыкаешь – я вполне легко прыгаю по лестницам на четвертый этаж в сапогах 41 размера. Когда их нам в Москве выдали, мы не умели в них ходить, а теперь я наворачиваю портянки и прекрасно себя целый день чувствую. Из юбки я сделала четыре портянки, а остальные вещи сдала здесь на хранение»* (1 декабря 1941 г.) [19].*

С переходом в действующую армию и получением определенных обязанностей война из дела, к которому готовили («я занимаюсь, но не в университете, как ты, мамуля, думаешь, а готовлюсь для ухода на фронт. Мы сидим в тылу для того, чтобы овладеть грозным оружием»), стала реальностью повседневной жизни. Тональность писем и дневниковых записей меняется в сторону оценок людей, повышается требовательность к себе. Е.М. Руднева много размышляла о прочитанных книгах, просмотренных кинокартинах, делилась новыми бытовыми открытиями. Так, 24 октября 1942 г. на день рождения «одной из многих, одинаково дорогих» она получила «своего рода боевое крещение»: впервые в своей жизни выпила шампанского. «А сегодня мы с перерывами выпили по два стакана этого шипучего, но вовсе не такого вкусного, как я думала, вина» [20].

Дневники и письма Е.М. Рудневой как источник по истории далекого и теперь уже малопонятного нам времени рисуют не совсем привычный образ войны. Она предстает перед читателем временем, в котором не только воевали, но и жили люди с твердой верой в то, что жизнь вопреки всему продолжается. Привыкание к этому образу для профессионального сообщества пока еще сродни «умению носить сапоги 41-го размера». Однако путь к освоению истории войны никогда еще не был столь извилистым и одновременно многообещающим.

Примечания

1. Нора П. Франция – память. СПб., 1999. С. 20.
2. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1954; 1958; 1995.
3. Ракобольская И.В. Предисловие к третьему изданию // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С. 7. Как отмечала сама Е.М. Руднева 2 декабря 1942 г., «потом приезжал этот идиотский писатель Купер, утачивший у меня дневник» // Там же. С. 128.
4. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 8.
5. Там же.
6. Там же. С. 123.
7. Ирина Ракобольская: Ночные ведьмы. URL: tamanskipolk46.narod.ru/p285aa1.htmlhttp://nova.rambler.ru/saved?text=%22%D0%9F%D0%BE%D0%BA%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%83%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B4%D1%86%D0%B5%22&url=http%3A%2F%2Ftamanskipolk46.narod.ru%2Fp285aa1.html&fmode=inject&mime=html&l10n=ru&sign=173d1118b1056664123ffd1eab77b27f&keyno=0 (Дата обращения: 10.05.2012).
8. Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 15.
9. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. М., 1997. С. 147.
10. Там же. С. 195.
11. Там же. С. 91.

12. Там же. С. 144.
13. Там же. С. 90.
14. Там же. С. 96.
15. Там же. С. 97.
16. Там же. С. 89, 91.
17. Там же. С. 91.
18. Кто они, герои войны? // Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 14, 15.
19. Пока стучит сердце: Дневники и письма Героя Советского Союза Евгении Рудневой. С. 91.
20. Там же. С. 119.

Е.А. Нальчикова

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА В ЖЕНСКОМ ВОЕННОМ БЫТУ¹

Военная проблематика, привлекательная для историков с событийной точки зрения (сражения, подвиги, героизм и предательства), в этнографические исследования проникла не так давно. Первыми стали работы, опирающиеся на эпистолярный материал: фронтовые письма, дневники и неопубликованные источники, в которых затрагивались проблемы фронтового быта периода Отечественной войны 1941–1945 гг. При этом будничная жизнь тыла и женская военная повседневность только в последние десятилетия приобрела популярность в качестве объекта исследования.

Изначально женский вклад в победу оценивался с позиций производственных успехов. На периферии оставались вопросы нематериального плана: формирование боевого духа армии не обращениями и лозунгами, а привычной «женской заботой», письменной «женской поддержкой» и долгим «женским ожиданием».

Военная жизнь в Кабардино-Балкарской АССР практически ничем не отличалась от остальной страны. Относительно недолгая фашистская оккупация республики (от 3 до 5 месяцев в разных районах) разделила военную жизнь на три этапа. Дооккупационный – тяжелый, но с верой в скорую победу и активным письменным общением. Оккупационный период – трудный как в моральном, так и физическом планах, период простого «существования», «выживания», голодный информационно (отсутствие известий от близких, как с фронта, так и тыла). Послеоккупационный период – с твердой уверенностью в победе, растущим беспокойством о воюющих мужьях, сыновьях, братьях, оплакиванием похоронок и поиском без вести пропавших.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Кавказская женщина: трансформации этнической ментальности и гендерных статусов в годы Великой Отечественной войны», проект № 12-11-07004а/Ю

Письменная весть с фронта могла вызвать самые разнообразные эмоциональные реакции – от бурной радости до глубокого отчаяния, и наоборот: «Вести от Масадина приходили в родительский дом все реже, а затем вовсе прекратились. В тревожном ожидании переживала тяжелое военное время супруга Масадина Женя Касеевна. И как-то, в 42-ом, почтальон принес письмо – похоронка. Родные горевали долгие дни и ночи... но вдруг – радость: нежданно-негаданно муж вернулся с фронта после тяжелого ранения» [1]. Военная повседневность определяла кратковременность эмоциональных переживаний и событий. Радость от получения «благополучного письма» всегда была с примесью грусти и ноткой недоверия: *«письмо получили, но жив ли сын, все ли в порядке, ведь столько времени в пути»* [2].

Апеллируя к воспоминаниям информантов, бывших младшими школьниками в военные годы, попытаемся описать женскую военную повседневность, воссоздать общую картину женского восприятия, отношения к военным письмам (ожиданию, получению, коллективному прочтению), которые имели как личную, так и общественную значимость, становясь «страшным горем» или «праздничным событием» в жизни всего села.

Женские письма на фронт практически не дошли до наших дней – плохая сохранность их объяснима многими объективными и субъективными причинами: гибелью на войне, невозможностью их длительного хранения в военных условиях и др. Сходная судьба части «сдержанных» мужских писем с фронта вызвана постепенным послевоенным уходом из жизни тех, кому непосредственно они были адресованы. Так, невестка Гошпаго Булатовны Фиапшевой вспоминает, что после смерти свекрови сбереженное ею последнее (и единственно сохранившееся после фашистской оккупации) письмо мужа *«где-то затерялось, не помню, куда положила, а тут еще переезд»* [3]. Но многие из ценных свидетельств военной жизни «дожили» до наших дней. Вспоминает племянник погибшего на войне Нури Уначева Алексей Уначев: «Все документы, связанные с его именем, у нас дома хранятся как реликвия... Этот бесценный архив перейдет моему старшему сыну Роману. Все наши дети досконально знают историю дяди» [4]. Семья Соховых бережно хранит все 19 писем Барасби Сохова, пришедшие за полуторагодичную военную биографию [5].

Очевидно, размеры личного военного архива («дядя писал очень много, почти каждый день...» [6], *«получила всего несколько писем от мужа с фронта»* [7]) и степень сохранности в силу ряда причин различны, но всех объединяет одно – безразличие близких, потомков.

Письма с фронта отличала информационная и эмоциональная насыщенность. Поэтому: «Письма читали всей семьей, да что там – всей улицей читали вслух. Очень патриотичные вещи писал. Справлялся обо всех: о своих учениках, о соседях, старушках, стариках в селе» [8]. В них всегда содержались известия о воюющих односельчанах и приветы тем, кто остался дома – авторы знали, что письма читать будут вместе, всем кварталом. *«Получение писем становилось важным для всего села (В. Акбаш), односельчане совместно читали их, как роман, это было что-то из другой, событийной, незнакомой и непонятной жизни»* [9].

Р.Т. Афаунова вспоминает, что все сельчане «жили от письма до письма», а первым массовым мероприятием, последовавшим сразу за почти полугодовой оккупацией стало «коллективное паломничество» к почте: «Когда пришли наши сразу, сразу все побежали на почту за письмами, но получили больше похоронок» [10].

Анализ мужских писем показывает – практически все они содержат выражение искренних патриотических чувств, новости и главное – сдержанную традицией заботу о близких: родителей, сестрах: «Здравствуй, уважаемый брат Керим-Гирей Аскерханович! В такой страшной, ужасной войне мы остались живы, значит мы все счастливы, а теперь все зависит от нас. Мы должны уважать и любить друг друга...» [11]. Далее идут вопросы о здоровье всех близких, приветы соседям и наказания сестрам беречь родителей. Вот так выглядело сообщение о гибели друга: «Здравствуй, дорогой брат Керим-Султан. С приветом к вам Муталип... ваш младший брат сам себя случайно застрелил по ошибке... повезли в госпиталь, там уже через сутки он кончился. Забрал, привезли к себе. Помыли его, надели хорошо тесноватая брюки и гимнастерку и так он кончил свою службу со мной навсегда» [12].

Помимо содержательной части эти тексты являют собой иллюстрацию состояния грамотности кабардинского села накануне и во время войны. Язык трогательно неумелый, с использованием чужеродных эпистолярных штампов. Мы обращаем на это внимание, потому что низкий уровень грамотности затруднял вербальное выражение чувств, беспокойства за близких на фронте, заботу о родных, оставшихся в голодном тылу или на оккупированных территориях. Язык писем – кабардинский, но в большинстве случаев – русский, которым основная масса кабардинских крестьян только начала овладевать.

Для национальных окраин России, для народов, достаточно поздно обретших письменность, письменная культура, письменное общение было несвойственным, вернее, непривычным явлением, и это порождало ряд сопутствующих проблем, но также добавляло праздничную нотку в процедуру получения, прочтения, обсуждения писем.

Известно, что первые попытки разработки национальной адыгской письменности были предприняты в середине XIX в. Созданная в первые годы советской власти молодая адыгская письменная традиция характеризуется неоднократной сменой графической основы (от арабской к латинской и, в конечном итоге, русской). Последние трансформации (перевод на кириллицу) произошли в 1935 г. Все это создавало дополнительные сложности в овладении грамотой на русском (незнакомом, непонятном) и родном языках.

В круг исследовательских задач в ситуации многонациональной республики с сильным влиянием традиции можно включить проблему языковых предпочтений (на каком языке – родном или русском писались военные письма), рост популярности образования (практически все дети, невзирая на необходимость трудиться наравне со взрослыми, посещали школу), усиление влияния женщин и молодежи в жизни общества, трансформация традиционной обрядности и взаимоотношений.

Обычно при получении письма неграмотные сельчане – чаще это женщины всех возрастов, жены, сестры и матери (в условиях большесемейного про-

живания письмо адресовалось последним) – обращались к соседям, умевшим читать. Как правило, таковые находились в пределах одного квартала (*хаблэ*). Авторитет «ученых» резко вырос в военные годы, к ним обращались не только по вопросу прочтения и перевода, но и позже (после обсуждения с родственниками) для написания ответа.

Среди грамотных кабардинцев военной поры можно выделить незначительное число мужчин, получившие духовное, религиозное образование в дореволюционный период, а также представителей советской интеллигенции (в т.ч. первые образованные женщины-учителя) и самую многочисленную категорию – школьников. Несвойственное традиционному обществу обращение старших за советом и помощью к младшим стало проникать в повседневную жизнь села вследствие необходимости поддержания письменного общения в экстремальных условиях. Школьники в годы войны играли еще одну роль – сами выступали «источником» ценной информации. Именно дети разносили новости по селу, в том числе лучшую из возможных вестей – получение «хорошего» письма, «на которое собирались все соседи» [13].

Не только нарративные источники, но и архивные материалы позволяют нам нарисовать примерную картину грамотности кабардинского села военных лет. В частности, «Посемейный список с. Аргудан Лескенского района КБАССР, составленный в 1943 г.» [14] демонстрирует: из приблизительно 1,5 тыс. жителей грамотными считались около 100 (включая от 1 до 8 классов образования, чаще 5), малограмотных («они умели только расписываться» [15]) более 40. В процентном отношении грамотные составляли около 10%. Получается, что при средней численности семей в 5 чел. грамотный должен был жить через дом, но это на практике распределение было неравномерным (грамотность или неграмотность в то время, как правило, была характеристикой целых семей).

Приблизительный характер подсчетов определяется свидетельствами информантов, что сам список не совсем полный и в некоторых моментах содержит неверную информацию. Например, А.К. Нальчиков утверждает, что его мать, заявленная как в рассматриваемом документе, как неграмотная, «умела читать и писать еще с периода девичества». Другая проблема письменной коммуникации военных лет для жителей Кабардино-Балкарии заключалась в том, что неграмотными были и сами призывники (особенно средних лет). Они часто «не знали ни слова по-русски» [16]. Информаторы из с. Аргудан, бывшие школьниками в первые послевоенные годы вспоминают яркий пример, приводимый старшими всем нерадивым ученикам: «Из селения был отправлен на фронт Хасан Танов, молодой неграмотный парень, не умевший не только писать, читать, но и говорить на русском языке. Поэтому на спине призывника были записаны его данные: фамилия, имя, Северный Кавказ, с. Аргудан» [16]. Опровергает некоторые детали этого рассказа С.Б. Кажарова, которая слышала несколько аналогичных свидетельств: «неграмотным, уезжавшим на фронт или возвращавшимся чаще на шею вешали трафарет, именно трафарет, на котором писали пункт назначения, на спине надпись долго не сохранилась» [17].

Среди уходивших на фронт жителей встречались и такие, как Хасан Танов, и немного знавшие по-русски, которые могли попросить однополчан написать им письмо. Встречались и те, кто сами могли выразить мысли на бумаге на родном или русском языке. В результате, мы обладаем сегодня ценным для этнографических исследований эпистолярным материалом, сыгравшим роль нового средства общения и эмоционально-чувственного развития мужчин и женщин в суровых условиях Великой Отечественной войны.

Таким образом, фронтовые письма играли знаковую роль в женской военной повседневности. Ожидание вестей с передовой, надежда на возвращение мужчин, забота о тех, кто остался – все вкладывалось в эти письма. Поэтому грамотность для кабардинских крестьян (особенно женщин) из разряда абстрактного умозрительного знания перешла в настоятельную практическую потребность.

Примечания:

1. Гедгафов Б.Н. Аргудан: история селения (XVII–XX вв). Нальчик, 2010. С. 264.
2. Информатор Афаунова Раиса Туловна, 1932 г.р., с. Куба, КБР.
3. Информатор Кажарова Светлана Бдиновна, 1939 г.р., с. Аргудан, КБР.
4. Юдина И. Говорят, что мы скоро домой приедем... // Газета Юга. 2012. 3 мая. № 18. С. 3.
5. Информатор Афаунова Раиса Туловна.
6. Юдина И. Указ. соч.
7. Информатор Хакунова Рамета Лялюевна, 1961 г.р., с. Псынабо, КБР.
8. Юдина И. Указ. соч.
9. Информатор Техажева Раиса Каурбековна, 1930 г.р., с. Верхний Акбаш, КБР.
10. Информатор Афаунова Раиса Туловна/
11. Информатор Текуева Мадина Анатольевна, 1958 г.р., г. Нальчик, КБР.
12. Юдина И. Указ. соч.
13. Информатор Хакунов Лялю Асхадович, 1930 г.р., с. Псынабо, КБР.
14. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. 212. Оп. 2. Д. 6.
15. Информатор Нагоева Лейла Кушукковна, 1929 г.р., с. Карагач, КБР.
16. Информатор Дзагова Хангуаша Зулкарнеевна, 1910 г.р., с. Герменчик, КБР.
17. Информаторы Нальчиков Аниуар Карохович, 1939 г.р., с. Аргудан, КБР; Нальчиков Жамбулат Казбулатович, 1937 г.р., с. Аргудан, КБР.
18. Информатор Кажарова Светлана Бдиновна.

С.А. Кропачев

ДИСКУССИИ О ЦЕНЕ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Для современного российского общества Победа в Великой Отечественной войне была и остается одним из величайших событий XX в. Важнейшей науч-

ной, нравственной и общественно-политической задачей является точное установление потерь советского населения в самом крупном вооруженном конфликте в мировой истории, определение той цены, которую народы СССР заплатили за достижение Победы. Однако на протяжении всего развития советской историографии данный вопрос подвергался политизации, а новые цифры потерь озвучивали руководители страны. В феврале 1946 г. И.В. Сталин впервые обнародовал обобщенную численность погибших советских граждан – около 7 млн чел. [1] В ноябре 1961 г. Н.С. Хрущев указал, что война унесла 20 млн. жизней советских граждан [2]. Данные цифры находили подтверждение в обобщающих фундаментальных и специальных работах о Великой Отечественной войне.

Современная историография проблемы берет свое начало в эпоху «перестройки», но новые оценки потерь появились не сразу. В очередной юбилей Победы 8 мая 1985 г. новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев, как и прежде, утверждал, что война унесла жизни 20 млн советских людей [3]. Только с 1987 г. появились критические материалы о Великой Отечественной войне и ее результатах, в которых назывались новые цифры прямых и косвенных потерь СССР в 1941–1945 гг. В частности, А. Кваша предположил, что прямые и косвенные потери населения СССР в Великой Отечественной войне составили 48–50 млн чел., в том числе прямые потери – 26–27 млн чел. [4] Д.А. Волкогонов также определил общую численность погибших военнослужащих, партизан, подпольщиков, мирных граждан в годы Великой Отечественной войны в пределах 26–27 млн чел., из них, по его словам, около 10 млн чел. «пали на поле боя и погибли в плену» [5].

Общественно-политическая ситуация заставила лидеров государства принять меры к выявлению истинных масштабов потерь СССР в Великой Отечественной войне. В 1988–1989 гг. в Генеральном штабе Вооруженных сил СССР работали две комиссии по анализу и подсчету военных потерь в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: одна – по личному составу, другая – по вооружению и боевой технике. Комиссию по определению потерь личного состава возглавлял заместитель начальника Генерального штаба генерал армии М.А. Гареев. Согласно полученным результатам, Советские Вооруженные силы потеряли в годы Великой Отечественной войны (в том числе в кампании на Дальнем Востоке против империалистической Японии в 1945 г.) убитыми, пропавшими без вести, попавшими в плен и не вернувшимися из него, умершими от ран, по болезни, от несчастных случаев 8 668 400 чел. Члены комиссии утверждали, что «потери фашистской Германии были несколько не меньшими», чем СССР, определив их в 5,5 млн чел. [6], а общие потери вооруженных сил стран фашистского блока в 8 649 500 чел [7]. Получалось, что потери РККА были всего лишь на 18,9 тыс. солдат и офицеров больше, чем у противника. Позже безвозвратные потери вермахта определялись в 7 181,1 тыс. чел., а вместе с союзниками – в 8 649,3 тыс. чел [8].

Еще одна комплексная государственная комиссия по уточнению числа людских потерь СССР в Великой Отечественной войне работала в 1989–1990 гг. Она состояла из ученых и специалистов Госкомстата СССР, Министерства

обороны СССР, АН СССР, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. По ее расчетам и оценкам прямые людские потери в 1941–1945 гг. составили примерно 27 млн чел [9]. Опираясь на результаты работы данных комиссий, Президент СССР М.С. Горбачев 8 мая 1990 г. заявил, что война унесла почти 27 млн жизней советских людей [10]. Таким образом, за 45 послевоенных лет официальная оценка цены Победы СССР в Великой Отечественной войне увеличилась почти в четыре раза.

В 1993 г. вышла книга «Гриф секретности снят: Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Она включила основные результаты комплексного статистического исследования, проведенного в 1988–1993 гг. коллективом военных историков под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. В ходе исследования изучались архивные документы и другие материалы, содержавшие сведения о людских потерях в армии и на флоте, пограничных и внутренних войсках НКВД. Использовались результаты работы комиссии Генерального штаба по определению потерь, возглавляемой генералом армии С.М. Штеменко (1966–1968 гг.) и аналогичной комиссии Министерства обороны СССР под руководством генерала армии М.А. Гареева (1988 г.). Коллектив был допущен к рассекреченным в конце 1980-х гг. материалам Генерального штаба и главных штабов видов Вооруженных сил, МВД, ФСБ, пограничных войск, а также различных архивных учреждений бывшего СССР.

В результате исследования был сделан вывод о том, что в ходе Великой Отечественной войны, с учетом пропавших без вести и оказавшихся в плену, из строя безвозвратно выбыло 11 444,1 тыс. военнослужащих [11]. Общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне методом демографического баланса были определены в 26,6 млн чел. Сюда включались все погибшие в результате военных и иных действий противника, умершие вследствие повышенного уровня смертности в период войны на оккупированной территории и в тылу, а также лица, эмигрировавшие из СССР в годы войны и не вернувшиеся после ее окончания.

В 2001 г. тот же коллектив сотрудников Генерального штаба и Военно-мемориального центра Вооруженных сил Российской Федерации подготовил и издал новое обобщающее исследование «Россия и СССР в войнах XX века». Здесь были названы новые общие безвозвратные потери Красной армии и Военно-морского флота на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны и в целом в 1941–1945 гг. (с учетом советско-японской войны) – соответственно, 11 285 057 чел. и 12 400,9 тыс. чел. [12].

Однако приведенные данные вызвали критику ряда авторов. Так, бывший начальник Генерального штаба Вооруженных сил СССР, президент российского фонда «Реквием» генерал армии В.Н. Лобов сообщил, что к началу 1994 г. электронный банк его фонда содержал 17 млн имен погибших, при этом ожидалось его пополнение еще 5 млн имен. В свою очередь, генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев критически прокомментировал цифру в 17 млн чел., назвав ее «сырьем для последующей статистической работы» [13].

Попытки уточнить потери Вооруженных сил СССР в 1941–1945 гг. были предприняты в ряде публикаций. Так, С.Н. Михалев и А.В. Толмачева,

используя материалы статистических сборников «Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» и неопубликованные документы Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), предложили собственные оценки военно-оперативных и демографических потерь РККА в годы войны. Согласно их исследованиям, они составляют, соответственно, от 13 698,2 тыс. чел. до 13 896,6 тыс. чел. и от 10 921,9 тыс. чел. до 11 120,3 тыс. чел. [14].

Современный этап в развитии историографии характеризует и появление альтернативных исследований, предлагающих совершенно иные данные о людских потерях СССР во время Великой Отечественной войны [15]. Среди них особенно выделяются работы Б.В. Соколова, который остается на протяжении почти двадцати лет основным критиком официальных данных о потерях в годы Великой Отечественной войны. По его мнению, потери Советских Вооруженных сил в войне составили 8,5 млн чел. убитыми, 2,5 млн чел. умершими от ран и болезней и 3,7 млн чел. скончавшихся в плену. Всего, по мнению Б.В. Соколова, погибло 14,7 млн военнослужащих. «Чистую убыль населения» за военные годы автор определил в 29,6 млн чел. Действительные и потенциальные потери СССР в Великой Отечественной войне, согласно Б.В. Соколову, составляют около 46 млн чел., из них 16 млн – не родившихся детей [16].

В 1998 г. Б.В. Соколов назвал новые цифры потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны. Теперь он утверждал, что в рядах Советских Вооруженных сил погибло в общей сложности 26,4 млн чел., а безвозвратные потери мирного населения составили 16,9 млн чел. Суммарную величину военных потерь населения СССР он определил в 43,3 млн чел. Автор оценил общие безвозвратные потери Германии в 5,95 млн чел. Согласно Б. В. Соколову, общие безвозвратные потери Германии в 7,3 раза были меньше советских безвозвратных потерь [17].

В 2005 г. Б.В. Соколов уточнил цифру общих людских потерь СССР в 1939–1945 гг., определив ее в 43 448 тыс. чел. При этом он указал, что потери немецких солдат на советско-германском фронте составили 2,6 млн. чел. Общую численность погибших военнослужащих вермахта и СС (включая иностранные формирования) он оценил в 3 950 тыс. чел., сохранив неизменной цифру общих людских потерь Германии в 1939–1945 гг. в 5,95 млн. чел. (включая 300 тыс. погибших в концлагерях евреев, цыган и противников нацистов). В этом случае, согласно его расчетом, соотношение советско-германских потерь на фронте достигает 10:1 [18].

А.Г. Вишневский и другие критики Б.В. Соколова указывают, что он включает в потери СССР демографические потери (т.е. тех, кто мог бы родиться, но не родился), а для Германии нет. К тому же подсчет общих потерь СССР основан на откровенной фальсификации: численность населения СССР на середину 1941 г. указана в 209,3 млн чел., что на 12–17 млн чел. выше реальной, на начало 1946 г. – в 167 млн чел. или на 3,5 млн чел. выше реальной. В результате и возникает разница между его оценками и официальными данными [19]. Тем не менее подсчеты Б.В. Соколова широко повторяются во многих изданиях и средствах массовой информации.

Другой жесткий критик сталинизма и официальных цифр потерь СССР в Великой Отечественной войне В.Г. Первышин оценил общие потери населения СССР в 1941–1945 гг. 38 794 тыс. чел., из которых 17 841,7 тыс. чел. составляли военнослужащие. По его мнению, сухопутные войска Германии (без ВВС и ВМФ) потеряли погибшими 6 332 466 чел., кроме того, жертвами войны стали 2,15 млн мирных граждан [20].

Существенную роль в выяснении численности погибших советских граждан в годы Великой Отечественной войны сыграла подготовка Книг памяти. В разное время в различных населенных пунктах, в основном, по инициативе ветеранов войны, стали составлять поименные списки жителей, не вернувшихся с фронта или погибших при их освобождении. 17 января 1989 г. ЦК КПСС принял решение о подготовке и издании с 1989 по 1995 гг. Всесоюзной Книги Памяти, состоящей из Книг Памяти областей, краев, республик. Издание должно было включать фамилии военнослужащих, партизан и подпольщиков, погибших и умерших от ран в годы Великой Отечественной войны и в боях против японских милитаристов. Инициаторами и участниками создания книги стали Министерство обороны СССР, Всесоюзный комитет ветеранов войны и труда, ЦК ВЛКСМ, Госкомиздат, Советский фонд мира, другие ведомства и общественные организации.

Своим указом Президент СССР М.С. Горбачев придал созданию Книги Памяти статус важного государственного мероприятия [21]. Однако политические и экономические преобразования в стране на рубеже 1980–1990-х гг. не позволили в большинстве регионов своевременно взяться за данную работу. Всероссийский масштаб она приобрела после принятия Постановления Правительства Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 1004 «Вопросы подготовки и издания Книг Памяти» [22] и закона Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» [23].

В алфавитные списки погибших, включая пропавших без вести, умерших от ран и болезней, фамилии заносились по месту их призыва или рождения. В качестве источников использовались документы по персональному учету безвозвратных потерь ЦАМО РФ, Центрального военно-морского архива, Военно-медицинского музея; военкоматские книги (карточки) учета призванных на действительную военную службу и алфавитные книги по учету погибших военнослужащих и назначению пенсий; дворовые книги учета и карточки проживающих в домах городских домоуправлений; книги захоронений; документы региональных и местных органов власти, архивов и музеев; материалы, собранные советами ветеранов войны, отделениями Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, краеведами и поисковиками. Существенную помощь рабочим группам по созданию Книг памяти оказали публикации предварительных списков погибших в районных и городских газетах, позволившие внести в них исправления и добавления. Обработкой военных документов и подготовкой материалов занимался Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. К 50-летию Победы в 1995 г. в России было издано более 700 томов поименных Книг памяти.

Однако установить точную судьбу многих участников войны оказалось невозможно к моменту издания Книг памяти из-за отсутствия необходимых документов. Почти половина советских военнослужащих, не вернувшихся с войны, по-прежнему числились пропавшими без вести. Нередко в документах военного времени встречаются ошибки и опiski. Наиболее сложно установить имена погибших со своими соединениями в «котлах» 1941 г., похороненных за пределами России, а также находившихся в немецком плену. Поэтому составление и издание Книг памяти продолжилось. Благодаря инициативе отдельных энтузиастов, поисковых отрядов, привлечению родных и близких участников войны удалось уточнить сведения о потерях советского населения в 1941–1945 гг., опубликовать дополнительные и исправленные списки погибших. Всего в России к концу первого десятилетия XXI в. вышло 1,5 тыс. томов Всероссийской книги памяти.

Чтобы вывести проводимую работу за рамки государственных границ России, значительно отличающихся от тех, в которых существовал СССР, 21 октября 1994 г. была принята Межгосударственная программа мероприятий по увековечению памяти граждан, погибших, защищая Родину, и жертв Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. В соответствии с этой программой издаются Книги памяти в республиках СНГ. Например, на Украине было издано 400 томов Книги памяти Украины, в которых содержатся сведения о 10 млн украинцев, погибших в войне. С целью обобщения опубликованных сведений разработан общественный интернет-проект «Электронная Книга Памяти Украины». Однако во многих бывших советских республиках эта работа не получает серьезной финансовой и организационной поддержки. К тому же поиск новой национальной идентичности нередко сопровождается активным пересмотром исторических событий, особенно Великой Отечественной войны, приводит к забвению памяти об ее участниках и, напротив, апологии тех, кто воевал с «другой стороны».

Примечания:

1. Большевик. 1946. № 5. С. 3.
2. Международная жизнь. 1961. № 12. С. 8.
3. Бессмертный подвиг советского народа. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища М.С. Горбачева // Сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Документы и материалы. М., 1985. С. 6.
4. Кваша А. Цена побед // СССР: демографический диагноз. М., 1990. С. 245–249.
5. Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. М., 1989. Кн. 1. Ч. 1. С. 26–27.
6. Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 14, 16.
7. См.: Туритов Ф.Н. О Великой Победе только правду // 60 лет битвы под Москвой в Великой Отечественной войне. М., 2005. С. 76; Бельков О.А. Помнить войну // Власть. 2005. № 5. С. 4 и др.
8. Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 514–515.
9. Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3 т. М., 2001. Т. 2. 1940–1959. С. 131–132; Россия и СССР в войнах XX века... С. 229.

10. Горбачев М. С. Уроки войны и победы // Известия. 1990. 9 мая.
11. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М., 1993. С. 129–130.
12. Россия и СССР в войнах XX века... С. 239–240.
13. Красная звезда. 1994. 18 марта.
14. Михалев С.Н., Толмачева А.В. К вопросу об исчислении потерь Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Военно-исторический архив. 2004. Вып. 1 (49). С. 116–130.
15. Козлов В.И. О людских потерях Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // История СССР. 1989. № 2; Гуркин В.В. О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 3 и др.
16. Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 11–15.
17. Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (сб. ст.). СПб., 1998. С. 208, 225, 230, 231, 257, 310.
18. Соколов Б.В. Вторая мировая: факты и версии. М., 2005. С. 340, 343.
19. Демографическая модернизация России 1900–2000. М., 2006. С. 440
20. Первышин В.Г. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2004. С. 367–370, 343–344.
21. Указ Президента СССР от 8 февраля 1991 г. «О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг» // Известия. 1991. 9 февраля.
22. Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 26. Ст. 2406.
23. Закон Российской Федерации «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 7. Ст. 245.

О.В. Петровская

СОЦИАЛЬНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В НАЧАЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ (РОССИЯ, БЕЛОРУССИЯ, ПОЛЬША)

Тема Второй мировой войны не теряет своей актуальности во всех странах – участницах конфликта. Между тем память о войне у разных европейских народов, как и развитие национальных историографий, имеет свои особенности. Анализ литературы о начальном периоде Великой Отечественной войны в России, Белоруссии и Польше отчетливо показывает различие методологических подходов, присущее историкам этих стран.

Российские исследователи традиционно уделяют начальному периоду Великой Отечественной войны относительно мало внимания. В соответствии с особенностями национальной историографии о войне, центральным сюжетом остается Победа. Сохраняется влияние традиции советской историографии, в соответствии с которой внимание концентрировалось исключительно на позитивных и победных событиях и явлениях. Начальный же период войны, когда «патриотическая ментальность не была задействована» [1] не вписывается в этот тезис. Вытеснение из исторической памяти «травматических моментов» ведет к тому, что характерной чертой российской историографии является уход от трагического периода начала войны.

В соответствии с идеологическими установками приоритетными объектами изучения и в настоящее время являются государство, его политика, массы и глобальные события. В начальном периоде Великой Отечественной войны историков больше привлекают причины военных поражений и оценка действий руководства СССР. Такой подход отвечает социальному заказу. Именно в этой плоскости сталкиваются позиции двух лагерей российских историков. Одна группа ученых пошла по пути радикального переосмысления концептуальных положений советской историографии о событиях 1939–1945 гг., другая – не нашла оснований для их пересмотра и интерпретирует появившиеся новые документы в соответствии с прежними представлениями. Отдельные исследователи называют такую ситуацию кризисом новейшей российской историографии, другие – выходом из застоя. В любом случае это свидетельствует о концептуальной неоднородности российской историографии Великой Отечественной войны.

Во второй половине 1990-х гг. – первой половине 2000-х гг. в Российской Федерации произошел определенный методологический поворот, базирующийся на западном опыте, появилось такое направление исследований, как историческая антропология, а в научный оборот стали активно вводиться документы личного происхождения. Однако ни социальная психология, ни механизмы адаптации общества к чрезвычайным обстоятельствам, ни противоречия внутри советского социума в начальный период войны не стали предметом целостного и всестороннего исторического анализа. Новые сюжеты «тонут» в традиционных темах, а новые подходы с трудом пробивают себе дорогу. Слишком сильна привязанность к событийной, политической истории, что особенно заметно на примере военно-исторической антропологии. В частности, с 2000 г. в России издавался ежегодник «Военно-историческая антропология» (редактор Е.С. Сенявская), но его последний выпуск относится к 2005/2006 г. Имеющиеся работы антропологического характера мало известны широкой публике, носят фрагментарный характер и региональную направленность. Местный материал при изучении настроений советского общества в начале Великой Отечественной войны вводят в оборот историки Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону), Нижнего Новгорода, Иваново и некоторых других провинциальных научных учреждений. Однако их усилия сконцентрированы преимущественно на исследовании взаимоотношений *государство-общество* (или отдельные социальные группы).

В целом, из исследований российских историков следует, что *значительная часть* граждан, настроенная против советской власти, особенно в западных районах страны, дала волю эмоциям. Страх, неуверенность в завтрашнем дне, крушение идеологического мифа о быстрой войне малой кровью на чужой территории, а главное, резкое ухудшение продовольственного снабжения, приближение фронта и начало бомбежек вели к панике, волнениям, появлению «пораженческих настроений». В Белоруссии они имели место в июне-июле, в Ленинграде – приобрели массовый характер в августе, в Москве – в октябре и т.д. В начале войны советские граждане демонстрировали нелюбовь, а местами и ненависть к советской власти, стремление к ее смене. Сложная гамма чувств объяснялась не только реакцией на внешнюю информацию, но и внутренними ценностными установками индивида, в том числе уровнем его образования и интеллекта, типом личности [2]. Характерной чертой первых месяцев войны стал резкий рост религиозности.

Вместе с тем в российской историографии практически нет работ об отношениях между людьми, социальными и национальными группами в начале Великой Отечественной войны. Помимо методологических проблем сказывается и то, что начальный период войны плохо вписывается в официально признанную и пропагандируемую концепцию духовного национального единения советских людей перед лицом врага, поэтому его анализ менее востребован современным российским обществом и государством. Об этом свидетельствует, например, то, что сборник документов «Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945» (М., РОССПЭН, 2003) практически обходит этот период.

В целом, отечественная историческая наука способствует тому, что триумф СССР в годы Второй мировой войны элиминирует трагедию начального периода из коллективной памяти россиян.

Анализ развития *польской историографии* после 1989 г. показывает, что поляков, давно ориентированных на западные подходы «очеловечивания истории», напротив, в изучении начального периода «советско-немецкой» войны больше интересуют изменения отношений, произошедшие в экстремальных условиях, между людьми, социальными и национальными группами, а также выяснение причин конфликтов, имеющих глубокие исторические корни. В центре внимания здесь отношения между поляками, литовцами, белорусами и евреями. Хотя польские историки полагают, что они пока мало продвинулись в решении этих проблем. Наиболее ярким примером этнических столкновений в Польше остается трагедия в Едвабне (местечко в Ломжинском повате, в 150 км от Варшавы) 10 июля 1941 г. Споры о событиях не утихают в этой стране с 2000 г., когда вышла в свет книга американского историка польского происхождения Яна Томаша Гросса «Соседи: История уничтожения еврейского местечка» [3], в которой было доказано, что массовое убийство евреев было совершено поляками, жившими в том же населенном пункте (ранее считалось, что евреев в Едвабне уничтожили немцы).

С этого времени польская историческая наука начала делать шаги в направлении изучения этого самого постыдного для поляков факта в истории Второй

мировой войны, специалистами было написано много объективных научных публикаций о событиях в Едвабне. По данным расследования Института национальной памяти в Белостоке (2000–2004 гг.), как минимум 300 чел. были сожжены заживо в сарае, и не меньше 40 чел. были убиты ранее на рынке неустановленным способом. Дальнейшее следствие Института национальной памяти было прекращено из-за отсутствия свидетелей, помимо тех, которые уже ответили за преступление перед судом в Ломже в 1949 г.

Однако, как считают сотрудники Института национальной памяти в Белостоке, в польском обществе существует серьезная проблема с принятием правды об этих событиях. По их мнению, правда об убийствах евреев остается для поляков по-прежнему неудобной, существует недоверие к ней и желание самоустраниться. Социологическое исследование 2009 г. показало, что 57 % опрошенных полагают, что убийство совершили немцы при возможном сотрудничестве с ними поляков. В тех учебниках, где излагается правда о событиях, прослеживается стремление «смягчить» воздействие тем, что рядом помещается информация об убийствах евреев литовцами в Ковно. Руководство системы образования трактует события в Едвабне как эпизод региональной истории и полагает, что его не надо вводить в обучение всех школьников. Анализ польских учебников свидетельствует о том, что, объясняя причины негативного отношения поляков к евреям в начале войны, авторы склонны обвинять в этом органы советской власти. В частности, фаворизацию ими евреев, которые заняли места в органах администрации на присоединенных к СССР в 1939–1941 гг. территориях. Этот же аргумент, объясняющий военные и послевоенные погромы, выявлен как основной в мнении поляков в социологическом исследовании 2009 г.

Польские учителя считают, что история должна будить национальную гордость, а не рассказывать о темных страницах собственного прошлого, которых ученики не поймут. Поэтому в школах больше заинтересованы показывать примеры спасения евреев поляками. Подобные образы закрепляет искусство. Так, на Московском международном кинофестивале 2011 г., например, приз за лучшую женскую роль получила актриса У. Грабовска, сыгравшая в фильме польского режиссера Ф. Фалька «Йоанна» женщину, которая, рискуя жизнью, спасала еврейскую девочку во время войны.

В итоге, как показало социологическое исследование 2009 г. в Польше, 40,9 % лиц в возрасте до 25 лет не слышали об убийствах в Едвабне, более 50% респондентов считает, что в Польше слишком много говорится о Холокосте, только 7,3% – назвали Едвабне местом памяти о жертвах еврейского населения в годы войны. Тем самым, судьба иудейского населения в годы войны для католиков-поляков остается абсолютно другим миром. Они продолжают рассматривать жертвы Холокоста прежде всего как евреев, а не как польских граждан.

Тем не менее, серьезных польских историков беспокоит нынешняя поверхностность, однозначность, тенденциозность, польскоцентричность коллективной памяти поляков о Второй мировой войне, формирующаяся во многом под воздействием СМИ и политических манипуляций. Профессор Варшавского университета Мартин Куля полагает, что работа профессиональных исследова-

телей должна более отчетливо отделяться от компрометирующего «рыночного мусора». Вместе с тем, по его мнению, не поступаясь принципами, в настоящее время все же надо искать компромисс, а не стремиться к радикальным изменениям, так как общество привыкло к определенному канону мышления о прошлом, элементы которого выполняют определенные функции в общественной жизни, и нарушение этого канона может вызвать отпор [4].

Следует учитывать, что характерной чертой профессионального корпуса польских историков является стремление к независимости. Если в эпоху социализма значительная их часть всеми доступными средствами стремилась противодействовать давлению марксистской методологии, то в настоящее время они сопротивляются навязыванию праворадикальных концепций исторического прошлого и считают необходимым изменить массовое сознание.

На **белорусских историков** польское методологическое влияние оказывает значительно большее воздействие, чем на российских. Об этом свидетельствуют работы о межнациональных отношениях в начале войны [5], согласно которым вакуум власти в регионе каждый раз (и в 1939, и в 1941 гг.) вызывал деструктивную активность потенциально «привилегированной» части населения. Следствием стала волна еврейских погромов, в которых участвовали не только поляки, но и определенная часть белорусов.

В то же время белорусские историки более охотно, чем в России и Польше, идут на сотрудничество с властью. Для официальной историографии Республики Беларусь, поддерживаемой государством и инкорпорировавшей основную массу научного потенциала страны, к тому же характерно традиционное повышенное внимание к начальному периоду войны как к событиям, происходившим именно на белорусской территории и имевшим решающее значение для срыва «блицкрига» и остановки продвижения немцев к Москве. Одним из доказательств является, по сути, уникальный по подбору материалов и по хронологическим рамкам сборник документов «Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны» [6]. Вместе с тем, основным направлением антропологических исследований начального периода войны в Белоруссии, как и в России, остается ракурс власть-население. Согласно доминирующей в литературе версии официальной историографии жители БССР с первых Великой Отечественной войны начали создавать партизанские отряды и истребительные батальоны для отпора врагу.

Белорусская «национал-романтическая» историография не поддерживает этот тезис официальной науки о всеобщем патриотизме. Историк И. Ляльков на основе статистических данных о партизанских отрядах делает вывод о том, что менее 2% жителей Беларуси в первый период германо-советской войны активно выступили на стороне коммунистов. Он считает, что в начале войны значительная часть населения Беларуси «была психологически готова к поддержке нового режима» [7]. Другой историк с сожалением отмечает, что уже в первые недели белорусские националисты стремились к сотрудничеству с немцами, но, за исключением Минска и Минской округи, им не удалось взять местные органы администрации в свои руки из-за конкуренции с поляками в Западной Беларуси [8]. Встречали немцев как освободителей и уцелевшие узники тюрем [9].

В целом, белорусская историография данных проблем начального периода войны менее аналитична и рефлексивна не только по сравнению с польской, но и с российской наукой. Вместе с тем, по сравнению с восточным соседом она более открыта для выявления, обеспечения доступа исследователей и публикации разного рода документов начального периода войны, хранящихся в архивах Белоруссии.

Таким образом, не только в Белоруссии, но и в Польше существуют условия и перспективы для объективного изучения начального периода Великой Отечественной войны. Концептуально белорусская историческая наука, подерживаемая государством, более близка к российской, чем польская. Однако стремление белорусских историков к укреплению позиций нынешней власти и защите суверенитета ведет к некоторым перекосам в освещении начального периода Великой Отечественной войны.

Между тем, различия современной польской и российской историографии в методологических подходах не могут служить препятствием для сотрудничества. Напротив, представляется, что следует поддерживать стремление большинства польских историков к объективным комплексным исследованиям, преодолению однозначных, негативных по отношению к СССР оценок прошлого. Чаще всего подобные труды остаются в тени не только в Польше, но и в России, так как противоречат устоявшимся и копируемым в СМИ и сети Интернет стереотипам польско-российских отношений и памяти о войне в обеих странах. Опыт работы российско-польской группы по трудным вопросам свидетельствует о первых шагах в этом направлении. Однако этот проект пока имеет ограниченный круг военно-политических проблем, широко исследованных в обеих странах [10].

Представляется, что для Института национальной памяти, заинтересованного в документах российских архивов, существуют темы для совместных разработок с родственными структурами в России. Мониторинг современной польской историографии, проведение совместных конференций, перевод и издание трудов польских историков в России могут способствовать популяризации альтернативных массовому польскому общественному сознанию точек зрения на проблемы истории Второй мировой войны, ускорению трудного процесса смены стереотипов, а также содействовать развитию российской исторической науки, расширению ее методологического и тематического пространства, неизбежному поиску серьезных аргументов в профессиональном споре российских историков с польскими коллегами.

Примечания:

1. Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов // Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 68.
2. Сомов В.А. Война и люди: «нездоровые настроения» советского населения в 1941–1942 гг. // Новый исторический вестник. 2008. № 1(17). С. 97.
3. Gross J. T. Sasiedzi: Historia zaglady zydzowskiego miasteczka. Pogranicze Sejny, 2008.

4. Między codziennością a wielką historią. Druga wojna światowa w pamięci zbiorowej społeczeństwa polskiego. Gdańsk – Warszawa, 2010. S. 273–276, 294–295.
5. Разэнблат Я. Стаўленне польскага і беларускага насельніцтва да яўрэяў на Палессі ў першыя тыдні пасля нападу Германіі на Савецкі Саюз // АРСНЕ. 2010. № 5. С. 565–575; Розенблат Е., Струнец С. Погромная волна. Польско-еврейские отношения на Белосточчине накануне и в первые недели Великой Отечественной войны // Проблемы еврейской истории. Ч. 2. Материалы науч. конф. Центра «Сефер» по иудаике, памяти профессора Р.М. Капланова. М., 2009. С. 96–109.
6. Беларусь в первые месяцы Великой отечественной войны (22 июня – август 1941 г.): документы и материалы. Мн., 2006.
7. Ляльков И. Настроения населения БССР перед войной // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Вып. 1. Мн., 2009. С. 116.
8. Гелагаеў А. Арганізацыя беларускіх узброеных адзінак на тэрыторыі Генэральнай акругі «Беларусь» у 1941–1944 гг. // АРСНЕ. 2010. № 5. С. 443.
9. Матюх В. Эвакуация ...на тот свет // Деды: дайджест публикаций о белорусской истории. Вып. 3. Мн., 2010. С. 111–121.
10. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010.

М.Ю. Крысин, Р.Р. Андрейчук

ХОЛОКОСТ И РЕВИЗИЯ ИСТОРИИ

После того, как гитлеровские войска были остановлены под Москвой и Ленинградом, летом 1942 г. вермахт продолжил наступление на юге России. На оккупированных территориях развернулся массовый террор. 11–14 августа 1942 г. зондеркоманда 10а (командир – штандартенфюрер СС Г. Зеетцен) из состава эйнзатцгруппы D (командующий – группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции О. Олендорф) при участии немецкого резервного полицейского батальона уничтожила все еврейское население города Ростов-на-Дону в Змиевской балке [1].

О том, сколько людей было убито тогда, есть противоречивые данные. «Энциклопедия Холокоста» упоминает о 2 тыс. погибших [2]. Другие историки называют цифры в 15–16 тыс. [3] или даже около 18 тыс. чел. [4]. Разница в цифрах, возможно, объясняется тем, что очень многие еврейские семьи вместе с отступавшими красноармейцами успели переправиться через Дон. Гитлеровцы развернули в окрестностях Ростова ширококомасштабную «охоту» на скрывавшихся евреев, коммунистов и красноармейцев, которая продолжалась еще несколько дней, а возможно, и месяцев [5]. С конца августа 1942 г. этим занимался 2-й батальон 6-го немецкого полицейского полка и 311-й немецкий полицейский батальон [6]. Число арестованных за это время неизвестно. Всех захваченных доставляли в Ростовскую городскую тюрьму, хотя некоторых, возможно, расстреливали на месте.

Это было только началом массового Холокоста на юге России. 12 августа было уничтожено примерно 3,5 тыс. евреев в Ворошиловске (в настоящее время – Ставрополе). Для этого был задействован весь персонал эйнзатцкоманды 12 (командир – оберштурмбанфюрер СС Г.А. Носке), и приданные им служащие 3-го немецкого резервного полицейского батальона. В Новочеркасске 2-й батальон 6-го немецкого полицейского полка также провел «зачистку» окрестных районов от евреев и красноармейцев, которые были впоследствии переданы в руки полевой жандармерии или СД. Захваченных также использовали для разминирования некоторых районов, а всех уцелевших затем расстреляли [7].

В Кропоткин на Кубани «отдельная команда» (нем.: Teilkommando) зондеркоманды 11b (командир – оберштурмбанфюрер СС В. Брауне) из состава все той же эйнзатцгруппы D уничтожила всех евреев и коммунистов. Проведение расстрела было поручено 3-й роте 3-го немецкого резервного полицейского батальона. 5 сентября в Пятигорске и окрестностях (населенных пунктах Горячеводске, Свобода, Ново-Пятигорске и Красная Слобода) эйнзатцкоманда 12 при поддержке той же 3-й роты 3-го полицейского батальона уничтожила с помощью «газвагенов» еще от 800 до 1 тыс. евреев. 7 сентября эйнзатцкоманда 12 с приданными ей служащими 3-го полицейского батальона уничтожила в г. Минеральные Воды еще 200 евреев. В конце сентября зондеркоманда 11b при участии служащих все того же резервного полицейского батальона убила в «газвагенах» 300 евреев. В Армавире в октябре 1942 г. 3-я рота 3-го полицейского батальона расстреляла примерно 80 или 90 евреев, отобранных из числа пленных красноармейцев, а затем еще около 1 тыс. евреев – в «газвагенах». Акция осуществлялась под руководством «отдельной команды» из состава зондеркоманды 11 [8].

В связи с этим можно вспомнить еще о нескольких исторических датах. 22 июня 1941 г., Перемышль. Город на границе уже оккупированной Гитлером Польши и СССР (точнее, Львовской области Украинской ССР). Западная часть города с сентября 1939 г. стала немецкой и называлась Премзель (по-польски Пшемысль), восточная (советская) – Перемышль. К тому времени в советской части города практически не было регулярных войск. Только гарнизон 1-й роты 66-го полка 10-й дивизии железнодорожных войск НКВД, взводы 150-го отдельного пулеметного батальона 8-го укрепрайона, комендатура, штаб 99-й стрелковой дивизии РККА и заставы Перемышльского 92-го погранотряда НКВД.

В 3.30 утра 22 июня 1941 г. две дивизии вермахта общей численностью в 12 тыс. чел. при поддержке артиллерии атаковали восточную часть города. Однако с первых минут наступление в самом прямом смысле захлебнулось. Подразделение в составе пяти пограничников под командой младшего лейтенанта Нечаева при поддержке бойцов железнодорожных войск НКВД не давало немцам захватить стратегически важный мост и удерживало его в течение нескольких часов. Переправы через реку Сан оказались под прямым огнем советских дотов 8-го укрепрайона на берегу реки.

К 10 часам утра подразделение пограничников, оборонявшее мост через реку Сан, было полностью уничтожено. Лейтенант Нечаев взорвал себя послед-

ней гранатой вместе с окружившими его солдатами вермахта. К полудню немцы под огнем ДОТов все-таки переправились через реку и заняли почти весь центр города, хотя на окраинах города пограничники и гарнизоны ДОТов еще продолжали сопротивление. Благодаря их героической обороне, советское командование успело сформировать сводный батальон из пограничников и красноармейцев под командованием старшего лейтенанта пограничных войск НКВД Григория Поливоды, который 23 июня начал контратаку. Уже к середине дня, при поддержке первого в истории Великой Отечественной войны отряда народного ополчения Перемышля из немногочисленных коммунистов и комсомольцев, батальон Поливоды не только очистил большую часть советской части города, но и ворвался в его западную часть за рекой Сан – в Прёмзель.

Таким образом, Перемышль стал первым советским городом, отбитым у немцев уже 23 июня 1941 г. Более того, Прёмзель стал первым захваченным вражеским городом. 24 июня о возвращении Перемышля было объявлено в сводке Совинформбюро. 26 июня военный комендант и начальник гарнизона Перемышля старший лейтенант погранвойск НКВД СССР Г. Поливода совершил церемонию торжественных похорон до 40 павших советских бойцов на площади Мицкевича (площадь Рынка Старого города). Только из-за общего ухудшения ситуации на фронте (прорыв немцев к Львову) советские войска и пограничники оставили Перемышль 27 июня 1941 г. Гарнизон капонира на берегу Сана под командованием младшего лейтенанта Чаплина держался до 30 июня и был полностью уничтожен [9].

Впоследствии нацисты организовали в оккупированном Перемышле еврейское гетто, в котором содержалось в общей сложности около 20 тыс. чел. 27 и 31 июля и 3 августа 1942 г. по приказу начальника штаба немецкого фюрера СС и полиции в Кракове начался вывоз евреев из Перемышльского гетто. Этим занимались три роты 307-го немецкого полицейского батальона. Под началом командира 2-й роты гауптмана охранной полиции (шупо) Шведера, командира батальона, майора шупо Бинца, местного коменданта вермахта майора Лидтке, его адъютанта обер-лейтенанта Баттеля и начальника городского отдела охранной полиции обер-лейтенанта Шаллера они организовали вывоз всех евреев в концлагерь Бельжец, где их уничтожили. Тех, кто был неспособен передвигаться, расстрелял в лесу в 10–15 км от города тот же 307-й полицейский батальон [10].

Возведенный после войны памятник лейтенанту Нечаеву, оборонявшему Перемышль, был снесен по распоряжению польских властей в начале 1990-х гг. Тем не менее, польские историки-энтузиасты на свои собственные средства и частные пожертвования по-прежнему сохраняют тот самый советский ДОТ (karopiera 8813), который оборонял город до 30 июня 1941 г.

Еще одна дата – 27 января 1945 г. В этот день части Красной армии освободили концлагерь Аушвиц (по-польски – Освенцим), расположенный вблизи одноименного польского городка близ Кракова, где нацисты уничтожили более 4 млн чел. 27 национальностей [11]. Уцелевших освободили войска 1-го Украинского фронта [12]. Еще 25 января эвакуировалась эсэсовская охрана концлагеря [13],

составлявшая с то время около 4,5 тыс. чел. [14]. Они должны были конвоировать 58 тыс. заключенных, а примерно 700 чел. уничтожили непосредственно перед эвакуацией. В лагере осталось лишь около 7 тыс. слабых и больных узников [15]. Войска Красной армии оказали первую помощь больным и истощенным узникам (примерно 4,5 тыс. чел. нуждались в медицинской помощи [16]), некоторые из которых не могли даже идти. Одно их появление вселило в уцелевших узников уверенность. *«Мы были освобождены»*, вот и все, что мог сказать в своем дневнике 27 января узник лагеря Карл Орнштейн, чешский еврей, впоследствии вместе со многими другими бывшими заключенными сражавшийся против гитлеровских войск в составе 1-го чехословацкого корпуса [17].

Освобождение концлагеря, откуда уже была эвакуирована вся эсэсовская охрана, в действительности было не легким делом. Красная армия вела жесткие бои против частей вермахта, о чем многие узники просто не могли знать. *«В 15 часов услышали шум у главных ворот, – записал в своем дневнике Карл Орнштейн. – Помчались туда. Там мы увидели первых советских солдат»* [18]. Это был патруль 100-й Львовской кавалерийской дивизии, которой командовал Ф.М. Красавин. Патруль пробыл в лагере недолго, сразу двинувшись на запад. Лагерь обороняли части германской армии, которые, возможно, даже не знали, что за стратегически важный объект этот пункт – «Аушвиц». В боях за освобождение Освенцима и его филиалов, фактически принадлежавших германским компаниям «Фарбениндустри» и фирме Круппа, погиб 231 советский солдат, в том числе командир 472-го стрелкового полка подполковник С.Л. Беспрозванный. 66 красноармейцев погибли непосредственно в бою за сам лагерь, в том числе подполковник Г.Б. Баширов [19]. Именно поэтому 27 января 2006 г. президент Центрального совета евреев Германии П. Шпигель справедливо подчеркнул, что *«Красная Армия освободила Аушвиц, открыв миру зверства нацистов»* [20].

В Освенциме содержались и советские военнопленные. Первые эшелоны с ними начали прибывать в Освенцим 7 октября 1941 г. [21]. Уже в конце октября 1941 г. их насчитывалось около 12 тыс. чел. Для них была огорожена особая зона из 9 бараков. На некоторых сразу же был испытан газ циклон-Б, впоследствии широко применявшийся для уничтожения узников в газовых камерах. Затем у них отняли униформу – якобы, для дезинфекции, но никакой одежды взамен не выдали. Большинство умерло от голода и холода. В итоге к марту 1942 г. из 12 тыс. советских солдат выжили около 450 чел. Их отправили в лагерь Аушвиц-2 (Биркенау), где использовали на тяжелых строительных работах. *«Первым восставшим узником был советский военнопленный, – рассказал узник Освенцима № 20904 И. Берановский из Праги. – Во время работы на деревянном складе он зарубил топором эсэсовца, избивавшего заключенных. Эсэсовцы в ответ на это убили всех заключенных из этого отряда, и долгое время советских военнопленных на работы вообще не посылали.*

После полугодичного пребывания в Биркенау из всей группы советских военнопленных уцелело всего 100 человек. Тогда в отношении к ним со стороны эсэсовцев произошли странные изменения. Оставшиеся в живых советские военнопленные

стали предметом особой заботы эсэсовцев! Из числа военнопленных была создана особая команда, работавшая исключительно на продовольственном складе. Их кормили довольно сносно.

Цель этих мероприятий сводилась к тому, чтобы подкупить советских людей и использовать против заключенных из других стран. Эсэсовцы думали уже, что им это удалось, поэтому доверили советским военнопленным очень важное задание: если исчезал кто-либо из заключенных, то их одних, без сопровождения эсэсовцев, посылали на поиски в пределах большой цепи заграждений.

Как же эсэсовцы ошиблись! Однажды, когда советские пленные искали беглеца за лагерем, на самой границе большой цепи заграждений они неожиданно свалили сторожевую вышку вместе с находившимися в ней эсэсовцами, убили их и, забрав оружие, бежали. Их было 60 человек, и побег удался большинству. Ни живых, ни мертвых из этой группы мы в лагере уже никогда не видели. Отважный побег поднял самосознание всех заключенных. Побегу участвовали, несмотря на все крутые меры эсэсовцев» [22].

С 1 ноября 2003 г. 27 января был утвержден Генеральной Ассамблеей ООН как Международный день памяти жертв Холокоста (Рез. № 60/7) и начал отмечаться с 2006 г., хотя в некоторых странах отмечался и ранее, например, в Германии и в России, где он именуется также Днем памяти жертв нацизма. Тогдашний генеральный секретарь ООН К. Аннан назвал эту дату «напоминанием об имеющих всеобщее значение уроках Холокоста – этого беспрецедентного проявления зла, которое нельзя просто оставить в прошлом и предать забвению». Президент В.В.Путин сказал по этому поводу: «Вижу в этом единогласно принятом решении твердую волю мирового сообщества передать будущим поколениям правду о варварских преступлениях нацизма, защитить человечество от пороков ксенофобии, расизма и экстремизма».

Сегодня, к сожалению, ревизия истории стала уже не единичным, а массовым явлением. Причем, не только на Западе, в странах Балтии, на Западной Украине, или в странах Восточной Европы, но и в самой России. Почти год назад, 23 августа 2011 г., Евросоюз впервые отметил так называемый «Европейский день памяти жертв тоталитарных режимов», известный также как «День памяти жертв сталинизма и нацизма». Министры ряда стран Евросоюза собрались в здании Музея Варшавского восстания в Варшаве, чтобы впервые отметить эту дату. 23 августа – дата подписания пакта Молотова – Риббентропа – была провозглашена «днем памяти» не решением ООН, а на основании резолюции Европарламента от 2 апреля 2009 г. «О европейской совести и тоталитаризме» и заключения Совета Европы от 9–10 июня 2011 г. «О памяти о преступлениях, совершенных тоталитарными режимами в Европе». Собравшиеся – премьер-министры Латвии и Венгрии, министры юстиции Польши, Литвы, Эстонии, Хорватии, Румынии, Чехии, Испании, Швеции, Словакии и Мальты, а также представители Дании, Нидерландов, Франции, Италии и Португалии – подписали по случаю этого дня документ, ставший известным как «Варшавская декларация».

В преамбуле этого документа отмечается: «*Европа страдала под властью тоталитарных режимов, независимо от того, был ли это коммунизм, национал-*

социализм или любой другой, которые привели к невообразимому нарушению основных прав и полному отрицанию человеческого достоинства, среди которых Холокост является самым страшным примером...» [23].

Характерно, что первым «тоталитарным» режимом в Варшавской декларации был назван коммунизм, который авторы декларации, видимо, не просто приравнивают к нацизму, а считают даже худшим злом, несмотря на то, что в самой декларации не содержится никаких фактов преступлений советской власти. Таким образом, два слова – «национал-социализм» и «Холокост», использованные в «Варшавской декларации», очевидно, были нужны лишь для того, чтобы успокоить общественность стран Запада, а прежде всего – России и Израиля, и замаскировать истинное содержание Варшавской декларации от 23 августа 2011 г., которая, как следует из ее содержания, направлена исключительно против России. В заявлении посла США в Эстонии от 23 августа 2011 г., размещенном на сайте посольства и посвященном «Варшавской декларации», говорится, что *«подписанием более 70 лет назад договора о ненападении, Германия и Советский Союз поставили Европу и весь мир на путь неминуемой войны»* [24].

Очевидно, что составители «Варшавской декларации» руководствовались тем же принципом, что и многие коллаборационисты. Зачем нужна фальсификация истории России США, странам Евросоюза и, особенно, новым членам ЕС из стран Восточной Европы? Для того чтобы частично поднять за счет России экономику новых членов ЕС – стран Восточной Европы, попавших в неоплатную долговую яму всевозможных международных банковских корпораций.

Примечания:

1. Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weissrussland 1941–1944 / 2. durchgesehene Auflage. Paderborn, Muenchen, Wien, Zuerich, 2006. S. 822.
2. Enzyklopaedie des Holocaust. Die Verfolgung und Ermordung der europaeischen Juden. Muenchen, 1995. S. 1243.
3. Об этом пишут Василий Гроссман и Илья Эренбург в немецкоязычном издании «Черной книги» 1994 г., а также известный историк Ицхак Арад. См.: Curilla W. Op. cit. S. 822.
4. Gilbert M. Endloesung. Die Vertreibung und Vernichtung der Juden. Ein Atlas. Reinbek 1995. S.119; Longerich P. Politik der Vernichtung. Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. Muenchen, 1998. S. 512.
5. Гроссман В., Эренбург И. Черная книга / Репринт. изд. по печат. тексту, представл. изд-вом «Тарбут», Иерусалим, 1980. Запорожье, 1991. С. 231.
6. Tessin G. Die Stäbe und Truppeneinheiten der Ordnungspolizei // Neufeldt H.-J., Huck J., Tessin G. Zur Geschichte der Ordnungspolizei 1936–1945. (Schriften des Bundesarchives, 3. Als Manuskript gedruckt). Koblenz, 1957. S.90, 100. См. также: Curilla W. Op. cit. S. 822.

7. The Einsatzgruppen Reports. N.-Y., 1989. P. X–XI; Hilberg R. The Destruction of the European Jews / Revised and definitive edition. Vol. 1. N.-Y., 1985. P. 287; Curilla W. Op. cit. S. 823.
8. Curilla W. Die deutsche Ordnungspolizei und der Holocaust im Baltikum und in Weissrussland 1941–1944. S.823.
9. Гасанов В. История великой войны. Крепость на Сане // ИА Penza-Online. 18 апреля 2012. URL: <http://penza-online.ru/news.28300.htm>).
10. Curilla W. Op. cit. S. 582–583; Tessin G. Op. cit. S. 99.
11. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 518.
12. 1418 дней войны. Из воспоминаний о Великой Отечественной. М., 1990. С. 677.
13. Краус О., Кулка Э. Фабрика смерти. М., 1960. С. 282.
14. Альтман И. Аушвиц // Центр и Фонд Холокост: память и предупреждение. URL: <http://www.holocf.ru/pages/64>.
15. Там же. По словам Карла Орнштейна, лагерный номер 180 578, из Праги, их было 2819 чел., в том числе 200 детей и 1,5 тыс. больных из лагеря Аушвиц-2 (Биркенау), а расстрелянных 25 января было 180 чел. Но, очевидно, речь шла только об одном из филиалов концлагеря – Аушвиц-1. См.: Краус О., Кулка Э. Указ. соч. С. 279, 283.
16. Альтман И. Указ. соч.
17. Краус О., Кулка Э. Указ. соч. С. 282–283.
18. Там же. С. 282.
19. Альтман И. Указ. соч.
20. Spiegel P. Holocaust Remembrance Day More Relevant Than Ever // Die Deutsche Welle. 2006. January 27.
21. Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. С. 518.
22. Краус О., Кулка Э. Указ. соч. С. 201–203.
23. Warsaw Declaration on the occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes, 23rd of August, 2011 (ipn.gov.pl/).
24. США возложили на СССР ответственность за Вторую мировую войну // ИА REGNUM. 24 августа 2011. См. также: информационный портал русской общины в Эстонии Baltija.eu.

И.Ю. Юрченко

КАЗАЧЕСТВО В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В НОВЕЙШЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Освещение боевых действий кавалерийских и казачьих частей на фронтах Великой Отечественной войны занимает видное место в историографии. Это касается, прежде всего, советской историографии. Здесь можно назвать как общие работы по истории всей Великой Отечественной войны [1], так и ряд специальных исследований, мемуаров и публикаций, посвященных именно казачьим частям [2]. В послевоенные годы казачья проблематика в советской историогра-

фии в целом находилась, образно говоря, «в загоне». Количество специальных исторических исследований по истории казачества вообще и его роли в Великой Отечественной войне было очень незначительно. С другой стороны, еще была свежа «живая» историческая память о войне. Поэтому центральное место в советской послевоенной историографии занимала военная мемуаристика.

Обширная мемуаристика Великой Отечественной войны занимает особое положение – промежуточное между историографией и источниками. В послевоенные десятилетия издавались и переиздавались в основном воспоминания советских военачальников в серии «Военные мемуары». Многие из этих воспоминаний имеют отношение к борьбе за Кавказ, Сталинградской битве и другим сражениям, в которых важную роль сыграли северокавказские казаки. Кроме мемуаров старших командиров в послевоенные годы увидели свет воспоминания политических, инженерных и творческих работников фронта и тыла – партийных руководителей и комиссаров, выдающихся военных конструкторов, журналистов, актеров фронтовых театров и т.п. Как правило, такие воспоминания отличались политизированностью в большей степени, чем военные мемуары. Они более литературны, но менее содержательны. В качестве примера можно привести сборник воспоминаний Всероссийского театрального общества «О времени и о себе» [3]. В нем воспоминание А. Агеевой «Донская казачка Зинаида Разбежнова» представляет собой короткий эпизод из фронтовой жизни актрисы в период битвы за Северный Кавказ, когда ей доводилось изображать из себя донскую казачку, якобы бежавшую от гитлеровцев за линию фронта к казакам, чтобы поднять их на борьбу за освобождение Дона от зверств оккупантов. По признанию самого автора воспоминаний, всю ее «историю» и обращение к казакам составил руководитель фронтового театра [4].

Если не брать такие классические произведения, как знаменитые «Воспоминания и размышления» Г.К. Жукова [5], который был не только военной, но и крупной политической фигурой, то в целом послевоенная советская мемуаристика продолжала оставаться под жестким цензурным контролем. Мемуары советских военачальников проходили в большинстве случаев профессиональную литературную обработку и историческую корректуру, что, несомненно, снижает их статус в качестве исторических источников.

Новым направлением в мемуаристике стала массовая публикация воспоминаний рядовых участников конфликтов, что стало возможным благодаря нескольким обстоятельствам. Во-первых, это резкий рост грамотности и общекультурного развития широких слоев населения в Европе и советской России в XX в. Во-вторых, это широкое распространение новых информационно-коммуникационных технологий, в том числе разнообразных интернет-технологий и сервисов. В-третьих, это общемировой тренд современной исторической науки к познанию «малой истории», истории личности, истории бытовой культуры отношений и т.п. Уже в советскую эпоху начали собирать и публиковать солдатские мемуары известные советские писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов [6]. Однако в то время указанные выше условия еще не сложились, поставленная задача технически не могла быть решена в полном объеме.

В начале 2000-х гг. подобный проект был запущен под эгидой Академии исторических наук в Москве по инициативе ее президента Е.И. Шоля и группы ветеранов Великой Отечественной войны. Начало практической реализации проекта было осуществлено при помощи ветеранской организации 4-й гвардейской танковой армии, Московского комитета ветеранов войны, преподавателей и студентов факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета). Затем к работе подключилась кафедра истории МАИ, позднее целый ряд вузов и молодежных организации Москвы, Московской, Смоленской, Тамбовской областей и Краснодарского края [7]. По инициативе директора Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации доктора исторических наук, профессора В.С. Порохни Федеральное агентство по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации письмом от 1 октября 2008 г. № ФАО-14868/12–16 рекомендовало учреждениям высшего профессионального образования России провести работу по привлечению преподавателей истории и студентов к участию в проекте [8].

В настоящее время этот открытый волонтерский некоммерческий проект активно развивается и расширяется. Уже издано 11 томов сборников воспоминаний, в том числе тома 7, 8 и 11 при участии автора данной статьи [9]. Каждый том, начиная с 7-го, издается тиражом в 1 тыс. экземпляров, которые бесплатно рассылаются по 4 экземпляра в ведущие библиотеки каждого субъекта Российской Федерации, ряда зарубежных государств, а полный текст «вывешивается» в бесплатном доступе для чтения и копирования на сайте Академии исторических наук [10].

С сожалением приходится констатировать, что основное внимание новейших российских публикаторов и издателей в постперестроечные годы было обращено на немецко-фашистскую мемуаристику Второй мировой войны. В это время широкими тиражами публиковались воспоминания Манштейна, Меллентина, Гудериана, Типпельскирха, дневники Гальдера и других немецких военачальников Третьего рейха. Похожая ситуация складывается и с публикациями по казачьей проблематике. В бурные годы конца прошедшего столетия основное внимание уделялось чаще всего участию в войне казачьих эмигрантских организаций и коллаборационистских формирований [11]. Было опубликовано значительное количество материалов о службе казаков в вермахте [12], из последних публикаций такого рода можно назвать богато иллюстрированное «глянцево» переводное издание Ф. де Ланнуа «Казачья Пяньвица. 1942–1945» [13]. Особенно популярной подобная тематика стала сегодня в неонацистских кругах России и Украины.

Специальное внимание в отечественной историографии сегодня уделяется казачьим формированиям в составе вермахта. Например, можно выделить публикации С.И. Дробязко [14], С.Г. Чуева [15]. Достаточно заглянуть в список научных диссертаций, защищенных в последние годы, чтобы убедиться в том, что новых материалов за последние годы собрано немало, хотя, к сожалению, среди них нет специальных исследований, посвященных истории казачества в целом в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Среди диссертаций, защищенных за последние годы по данной теме, можно назвать кандидатскую работу Л.В. Табунщиковой, рассматривающую донские антисоветские казачьи структуры в период двух мировых войн [16]. Близкой проблемой занимался П.Н. Крикунов, посвятивший казачьему коллаборационизму в годы войны диссертацию на соискание степени кандидата политических наук и объемную монографию [17]. Г.М. Курков в своей диссертации исследовал историю кубанских и донских казачьих кавалерийских частей в предвоенные и военные годы [18]. Из докторских диссертаций, посвященных казачьей тематике, некоторое отношение к проблеме Второй мировой войны имеют работы Д.Д. Пеньковского, Г.И. Малышенко и А.П. Скорика [19].

Из обобщающих трудов необходимо отметить издание в серии «История казачества» работы Г.Л. Воскобойникова, написанной на богатейшем архивном материале [21], книги В.И. Пятницкого [22]. В этом же ряду можно назвать монографию А.Г. Бурмагина [23], исследовавшего участие в войне кубанских казаков, а также книгу Г.М. Куркова [24], другие публикации по частным вопросам истории отдельных казачьих частей или личностей. В качестве примера можно привести книги, посвященные Краснодарской пластунской Краснознаменной дивизии, 39-му гвардейскому Донскому казачьему полку, а также известному казачьему герою двух мировых войн – К.И. Недорубову [25]. Затрагивалась тема участия казачества в Великой Отечественной войне и на нескольких тематических конференциях [26], а также в ряде статей в научных рецензируемых журналах [27]. Вопросы участия казаков во Второй мировой войне рассматривалась и зарубежными авторами. Можно отметить работу П. Шустера и Х. Тьеда, посвященную униформе казачьих частей вермахта, и книгу П. Деотто о пребывании казаков в Италии в 1944–1945 гг. [28]. Участию казаков в Великой Отечественной войне было специально посвящено и учебное пособие А.А. Бершанской [29]. Кроме того, об этом рассказывалось в ряде других популярных и художественных произведениях современных авторов.

Таким образом, в последние годы теме участия казачества в Великой Отечественной войне уделялось определенное внимание в диссертационных исследованиях, научных и иных публикациях. Но сравнение количества публикаций по казачьей тематике в целом с количеством специальных работ об участии казаков в Отечественных войнах 1812 г. и 1941–1945 гг. позволяет увидеть совершенно другую картину. Как показало специальное исследование автором всего массива публикаций по казачьей тематике, отложившихся в фондах Российской государственной библиотеки и Научной электронной библиотеки за период 2001–2010 гг., общее число публикаций по казачеству составило 1294 наименования. В то же время количество специальных работ по истории казачества в войне 1812 г. составило 10 наименований, а по проблеме участия казаков в Великой Отечественной войне – 31 наименование. Другими словами, в общем массиве исследований и публикаций по казачеству Отечественной войне 1812 г. отводится лишь 0,77 %, а теме Великой Отечественной войны – 2,4 % от общего числа работ. Таким образом, мы можем с сожалением констатировать, что сегодня в отечественной историографии

рассматриваемые проблемы находятся на самой дальней периферии научных исследований и популярных изданий.

Примечания:

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. М., 1960–1965; История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. М., 1973–1982.
2. См. например: Иванов Г.П. Подвиги гвардейцев Кубани. Майкоп, 1957; Белов П.А. За нами Москва. М., 1963; Добрушин Д.С. Конногвардейцы. Волгоград, 1963; Мироненко М.З. Под гвардейским знаменем. Ставрополь, 1965; Плиев И.А. В боях за освобождение Румынии, Венгрии, Чехословакии. Орджоникидзе, 1971; Ставропольская имени Блинова. Ставрополь, 1971; Овчаренко И.В. От Кавказских гор до Австрийских Альп. Ростов н/Д, 1972; Батов Д.И. Кубанцы в битве под Москвой. Краснодар, 1981; Зверев К.В. По тылам врага. М., 1983; Гучмазов А.Г. Генерал армии Плиев. Цхинвали, 1984; Райгородецкий Е.Я. Огненные берега Роси: 5-й гвардейский Донской казачий кавалерийский корпус. Мемуары. Киев, 1984; Советская кавалерия. М., 1984; Плиев И.А. Дорогами войны. М., 1985; Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской гвардейский. Ростов н/Д, 1985; Румянцев Н.М. Красные лампы: Боевой путь 150-го гвардейского истребительного противотанкового артполка 5-го гвардейского Донского казачьего корпуса с осени 1943 по 1944 гг. 2-е изд. доп. Элиста, 1985; Воскобойников Г.Л., Дандажапов С.Б. Кавалеристы в боях за Родину. Улан-Удэ, 1990; Краснознаменный Северо-Кавказский. М., 1990; Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1993 и др.
3. О времени и о себе. Сб. 1941–1945. М., 1977.
4. Там же. С. 244–245.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3 т. 11-е изд., доп. М., 1992.
6. От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Т. 11. М., 2008. С. 8.
7. Там же. С. 10.
8. Там же. С. 11.
9. От солдата до генерала. Воспоминания о войне. Т. 7. М., 2006. Т. 8. М., 2007. Т. 11. М., 2008.
10. URL: www.ainros.ru (дата обращения 14.05.2012).
11. Келин Н.А. Казачья исповедь. Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996; Науменко В.Г. Великое предательство. Стрелянов (Калабухов) П.Н. Как погибали казаки. М., 2009.
12. Например: Алферьев Б., Крук В. Походный атаман батько фон Паннвиц. М., 1997.
13. Ланнуа Ф., де. Казаки Панвица. 1942–1945 / Пер. с фр. М., 2007.
14. Дробязко С.И. Казачьи части в составе Вермахта // Материалы по истории Русского освободительного движения 1941–1945 гг. М., 1997; Его же. Казаки в Вермахте 1941–1945 гг. // На казачьем посту. 1997–1998. № 2–3; Его же: Вторая мировая война 1939–1945 гг. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999 и др.
15. Чуев С.Г. Кавказ 1941–1945. Война в тылу // Обозреватель, 2002. Май; Его же: Казачьи формирования немецких спецслужб 1941–1945 гг. // Станица. 2002. № 6 и др.
16. Табунщикова Л.В. Донские антисоветские казачьи структуры и Германия в 1918 и 1941–1945 гг. Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2003.

17. Крикунов П.Н. Идеология и политика коллаборационизма в среде казачества в годы Второй мировой войны. Дисс... канд. полит. наук. М., 2004; Его же. Казаки. Между Сталиным и Гитлером: крестовый поход против большевизма. М., 2006.
18. Курков Г.М. Кубанские и донские казачьи кавалерийские формирования в 1936–1945 гг.: историческое исследование. Дисс... канд. ист. наук. М., 2006.
19. Пеньковский Д.Д. Эмиграция казачества в составе белых войск из России и ее последствия: 1920–1945 гг. Дисс... д-ра ист. наук. М., 2006; Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции: 1920–1945 гг. Дисс... д-ра ист. наук. Омск, 2007; Скорик А.П. Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Дисс... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009.
20. Воскобойников Г.Л. Советская конница в Великой Отечественной. М., 2008.
21. Пятницкий В.И. Казаки в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 2007.
22. Бурмагин А.Г. Кубанские казаки на фронтах Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Краснодар, 2009.
23. Курков Г.М. Верные долгу: казаки юга России в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар, 2011.
24. Краснодарская Краснознаменная: 90 лет ратного пути Краснодарской Краснознаменной орденов Кутузова и Красной Звезды 9-й мотострелковой дивизии – 131-й отдельной мотострелковой бригады. Майкоп, 2009; Урюпинский 37-й Гвардейский, орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого 2-й степени, Дебреценский, Донской казачий кавалерийский полк. Урюпинск, 2009; Константин Иосифович Недорубов. Волгоград, 2009.
25. Россия в войнах XX века: материалы 7-й Всерос. науч.-практ. конф. «Российское общество и войны XX века», посвященной 100-летию Русско-японской, 90-летию Первой мировой войн и 60-летию освобождения территории СССР в Великой Отечественной войне. Адлер, 27–30 мая 2004 г. Краснодар, 2004; Великая Отечественная война в контексте истории XX века: материалы Международ. науч.-практ. конф. (г. Адлер, 27–31 мая 2005 г.). Краснодар, 2005; История Великой Отечественной войны в судьбе моей семьи: материалы науч. конф. преподавателей и студентов Сибирского казачьего юридического колледжа, 27 апреля 2005 г. Омск, 2006.
26. Бабчук Н.А. Доблесть и слава кубанских казаков в период Великой Отечественной войны. (Герои 4-го гвардейского Кубанского казачьего кавалерийского корпуса) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 3; Афанасенко В.И. Казачья кавалерия РККА в боях на юге СССР в первый период Великой Отечественной войны // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2010. № 4. С. 5–9; Трут В.П. Особенности формирования казачьих частей в период Великой Отечественной войны // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 3. С. 90–94.
27. Schuster P., Tiede H. Uniforms and insignia of the Cossacks in the German Wehrmacht in World War II. Schiffer, 2004; Deotto P. Stanitsa Tèrskaja: l'illusione cosacca di una terra: (Verzegniss, ottobre 1944 – maggio 1945). Udine, 2005.
28. Бершанская А.А. Казачество в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: учеб. пособие. Азов, 2005.

ПЕРВАЯ ОККУПАЦИЯ г. РОСТОВА-НА-ДОНУ (1941 г.) В ДОКУМЕНТАХ ОФИЦИАЛЬНОГО И ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ФОНДОВ ГКУ РО «ЦДНИРО»

Государственное казенное учреждение Ростовской области «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (далее – ГКУ РО «ЦДНИРО») создано на базе бывшего Партийного архива Ростовского обкома КПСС решением № 242 Ростовского облисполкома от 11 октября 1991 г. в соответствии с Указом Президента РСФСР «О партийных архивах» от 24 августа 1991 г. № 83. Документальное наследие закрытого ведомственного архива КПСС было интегрировано в систему Государственной архивной службы России. По состоянию на 1 января 2012 г. в ГКУ РО «ЦДНИРО» хранится 3 702 фонда, 1 196 501 единица хранения. Общие хронологические рамки документов, отражающих социально-политическую историю Юга России, охватывают период с конца XIX в. по 2005 г.

В этом документальном массиве есть много документов по истории Великой Отечественной войны, в том числе о первой оккупации г. Ростова-на-Дону в ноябре 1941 г. Эти трагические события нашли отражение в документах фондов Ростовских обкомов и горкомов КПСС и ВЛКСМ, 7 горрайкомов КПСС, а также в специально сформированных фондах Р-3 «Документы и материалы о партизанском движении в Ростовской области в годы Великой Отечественной войны» и Р-1885 «Ростовский стрелковый полк народного ополчения 56 армии». С точки зрения видовой принадлежности здесь есть и управленческая документация и документы личного происхождения. Эти документы, дополняя друг друга, помогают воссоздать картину того периода до оккупации, 9 дней оккупации и ликвидации ее последствий.

Остановимся более конкретно на некоторых из них. Хроника боев за Ростов-на-Дону в ходе Ростовской наступательной операции (1941) довольно подробно освещена в советской и российской историографии [1]. Документы из фондов ГКУ РО «ЦДНИРО» дают возможность дополнить и детализировать некоторые ее моменты. В частности, в документах фонда Р-1885 (приказах о зачислении, перемещении и исключении из списков личного состава полка; строевых записках и оперативных сводках [2]) можно получить сведения о потерях личного состава в ходе боев с немецко-фашистскими захватчиками [3] и о самих боевых действиях, в которых участвовал полк народного ополчения. Оперативная сводка на имя командующего 56-й Отдельной армией генерал-лейтенанта Ремезова и председателя Комитета обороны г. Ростова-на-Дону Кипаренко информирует об участии Ростовского стрелкового полка народного ополчения в боевых действиях по освобождению города с 17.00 27 ноября до 12.00 30 ноября 1941 г. [4]. Воспоминания командиров и политработников подразделений полка народного ополчения, написанные как сразу после боев за освобождение Ростова-на-Дону [5], так и в послевоенные годы [6], более полно раскрывают картину, скрывающуюся за сухими строками приказов и оперсводок.

Помогают детализировать картину боевых действий под Ростовом-на-Дону в ноябре 1941 г. и отложившиеся в фонде Р-3 письма, захваченные у немецких солдат и офицеров частями и подразделениями 56-й армии во время освобождения города от немецких оккупантов [7]. Вот выдержки из двух таких документов, датированных 23 ноября 1941 г. и существенно дополняющих картину боевых действий 70-летней давности.

Герман Зомменегер: *«Утром мы отступили на несколько метров в окопы, где мы оставались до следующего дня. Затем наступление продолжалось. В этот день мы наконец достигли города Ростова и вместе с этим и нашу цель. Здесь был славный уличный бой... Улицы были все забаррикадированы... Были построены противотанковые заграждения и вырыты рвы, но всё было взято и занято. Вечером мы подошли к большому мосту и должны были перейти для укрепления остова моста, что сделали 30 человек из нас. В этот вечер все же русские атаковали нас... Мы уже не могли больше держаться, тогда был дан приказ: все назад, на другую сторону. Русские стреляли из всех углов и бросали ручные гранаты. Мы бежали, чтобы уцелеть...»* [8]. Павел Шлегельмильх: *«...Несколько дней тому назад мы взяли гор. Ростов... Мы захватили много пленных... У нас много убитых и раненых. Отряды очень слабы. Первый батальон состоит из 90 человек. Можете себе представить сколько у нас потерь...»* [9].

О боевых действиях также рассказывают номера красноармейских газет, отложившиеся в данном фонде. «Красный кавалерист на фронте», «Героический поход», «Красное знамя», «На боевом посту», «Щорсовец», «Боевые соколы», «Красноармейская правда» и специальное издание газеты «Молот» – «На защиту Ростова» [10] информировали обо всех этапах Ростовской наступательной операции вплоть до ее победного завершения; о разрушениях, причиненных захватчиками городу, и о жертвах среди мирного населения. В этом же фонде хранится дело, поступившее из отдела агитации и пропаганды 56-й Отдельной армии с выдержками из политдонесений о героизме бойцов и командиров в период боев за город Ростов-на-Дону с 24 по 30 ноября 1941 г. [11]. *«... Командир 3 батареи 127 ОЗАД лейтенант тов. Сагутдинов Кашаф Гизетдинович под огнем противника вывел с острова “Зеленый” [так в документе – Л.Л.] одно поврежденное орудие и людей, оставшихся в траншеях, в том числе и раненых, сам сделал им перевязки и сохранил полностью их оружие»* [12]. *«... Младший лейтенант тов. Запорожский, 75 СП, после того, когда командир батальона был ранен, взял на себя командование батальоном и несмотря на ранение повел батальон в бой. Батальон под его командованием 27.11.1941 г. ворвался в Н. Гниловскую, занял 2 квартала и в течение нескольких часов вел бой с противником...»* [13].

В документах ГКУ РО «ЦДНИРО» нашли свое отражение сведения о жизни гражданского населения в условиях оккупации и о причиненном ущербе городу и его жителям. Эту информацию можно почерпнуть из официальных документов Ростовского городского комитета обороны [14], Ростовских обкомов и горкомов ВКП(б) и ВЛКСМ, а также протоколов заседаний бюро 7 ростовских горрайкомов партии. Ростовский городской комитет обороны уже на следующий день после освобождения города призвал все взрослое население города выйти

на работы по очистке города и восстановлению разрушенного, прежде всего – водопровода, электрохозяйства, хлебопечения и переправ (мостов) [15].

Докладные записки на имя секретаря Ростовского обкома ВКП(б), составленные людьми, оставленными для организации подпольной работы в дни первой оккупации города немецко-фашистскими войсками, содержат информацию о жизни гражданского населения в эти тяжелые дни, о поведении фашистов и настроениях населения [16].

Большой интерес для всестороннего изучения вопросов жизни мирных граждан в дни оккупации представляют документы личного происхождения, отложившиеся в фонде Р-3, которые до настоящего времени не публиковались и не использовались в специальных исследованиях по истории Великой Отечественной войны. Это рассказы жителей города о зверствах фашистов в период оккупации и письменные работы учеников средних школ города о зверствах и разрушениях, произведенных оккупантами в период их пребывания в Ростове-на-Дону [17].

Весь ужас событий, происходивших в период оккупации города, особенно ощущаешь, читая незатейливые детские работы. В фонде сохранились 52 работы учеников 2, 3, 4 и 7 классов школ города. Так, учащаяся 7б класса Лида Игнатенко писала: *«...Ворвавшись в город, немцы стали грабить магазины, склады и даже мирных жителей, Но немцы не только грабили, они расстреливали население, поджигали дома. Зарево огня пылало по Ростову...»* [18]. Ваня Ковтунов, учащийся 3б класса, отмечал: *«...Заходили в дома, выводили мирных жителей и сводили у школьную ограду [так в документе – Л.Л.] и расстреливали. Всех людей русских армян и цыганов [так в документе – Л.Л.]. Я видел как несли убитых и раненых...»* [19]. В сочинении ученика 4б класса М.Б. Чебанова говорилось: *«...Немецкие захватчики издевались над ростовским народом [так в документе – Л.Л.]. Один мальчик нес голубя в руке. Немцы расстреляли мальчика. Наша доблестная Красная Армия освободила Ростов от немецких оккупантов и теперь расцветает как цветок наш Родной Ростов. Немцы опять прилетают на самолетах, наши зенитки отгоняют их...»* [20].

Ростов-на-Дону был освобожден 29 ноября 1941 г. на 161-й день войны. Официальные бюллетени и акты о разрушениях, зверствах и произволе, насилии над мирным населением, учиненных немецко-фашистскими захватчиками в городе Ростове-на-Дону, отложившиеся в фондах ГКУ РО «ЦДНИРО», запечатлели страшную картину 9-дневного хозяйничанья оккупантов в городе. В письме председателя исполкома Ростовского горсовета П. Андреева Совету народных комиссаров РСФСР от 19 февраля 1942 г. приведены следующие данные: *«...сгорело и полностью разрушено 100 крупных и наиболее ценных зданий жилых и общественного назначения, частично повреждены авиабомбами и артиллерийским обстрелом 825 зданий... Общая картина городского хозяйства Ростова к моменту возвращения Красной Армии может быть характеризована состоянием полного паралича во всех отраслях»* [21].

Расправы над мирными жителями и красноармейцами исчислялись сотнями. Информация судебно-медицинских экспертов от 12 июня 1942 г. содержит сведения об этой трагической странице истории города. *«Сбор трупов по горо-*

ду производился с 30 ноября 1941 г. по 06–07 декабря 1941 г. После чего трупы бойцов были погребены в братской могиле, в клиническом парке мединститута (между Театральным пр. и Нахичеванским пер.), а трупы мирных жителей – в саду им. Фрунзе» [22]. Сейчас на этом месте установлен мемориальный комплекс, горит Вечный огонь, несут вахту учащиеся школ города.

В заключение хотелось бы отметить, что даже спустя 70 лет документы, хранящиеся в ГКУ РО «ЦДНИРО», помогают достаточно разносторонне воссоздать картину боев за Ростов-на-Дону в 1941 г., первой оккупации города и его освобождения от захватчиков. В настоящее время в Центре документации созданы фонды-коллекции документов личного происхождения «Ветераны Великой Отечественной войны» и «Дети войны», которые ежегодно пополняются воспоминаниями ветеранов о том тяжелом историческом периоде. Для исследователей эти документы представляют интерес уже потому, что воспоминания написаны по истечении большого временного промежутка, отделяющего авторов от рассматриваемых событий. В течение этого времени изменились критерии и оценки некоторых событий, появилась возможность высказать свое мнение без оглядки на строгого цензора. Совместная работа архивистов и ветеранов превращает их воспоминания в ценный исторический источник по истории Великой Отечественной войны для будущих исследователей. Только бы время позволило продолжать эту работу как можно дольше.

Примечания:

1. Огненные рубежи. Ростов н/Д, 1976; Краснознаменный Северо-Кавказский. Ростов н/Д, 1978; В боях за Дон 1941–1945 гг. Ростов н/Д, 1983; В первый год великих сражений. Историческое повествование. Ростов н/Д, 1997; Статюк И. От обороны к наступлению. 1941. М., 2006 и др.
2. ГКУ РО «ЦДНИРО». Ф. Р-1885. Оп. 1. Д. 1. Л. 189–217. Д. 25. Л. 1–4об. Д. 82. Л. 43–48. Д. 85. Л. 1–4.
3. Там же. Д. 1. Л. 199, 201, 211. Д. 25. Л. 1об.–3об.
4. Там же. Д. 85. Л. 1–3.
5. Там же. Д. 74. Л. 2–47. Д. 83. Л. 12–30.
6. Там же. Д. 75. Л. 1–41. Ф. Р-3. Оп. 3. Д. 25. Л. 1–13. Д. 28. Л. 1–13.
7. Там же. Оп. 2. Д. 81. Л. 51, 53–56, 63, 65, 69. Д. 100. Л. 42, 55, 80.
8. Там же. Л. 55.
9. Там же. Л. 42.
10. Там же. Д. 61. Л. 32–47. Д. 62. Л. 2–28. Д. 46. Л. 19–22. Д. 52. Л. 12–16. Д. 48. Л. 95–98. Д. 60. Л. 3–10. Д. 122. Л. 51–56.
11. Там же. Д. 11. Л. 1–11.
12. Там же. Л. 1.
13. Там же. Л. 7.
14. Там же. Д. 2. Л. 203–207. Ф. Р-9. Оп. 8. Д. 8. Л. 2–7.
15. Там же. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
16. Там же. Оп. 1. Д. 4. Л. 2–39.

17. Там же. Оп. 8. Д. 27. Л. 37–109. Оп. 3. Д. 6. Л. 1–10. Д. 7. Л. 2–67.
18. Там же. Оп. 3. Д. 7. Л. 3–3об.
19. Там же. Л. 8–8об.
20. Там же. Л. 38–38об.
21. Там же. Оп. 2. Д. 26. Л. 7–7об.
22. Там же. Л. 16, 17.

М.Х. Гугова

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ¹

Великая Отечественная война оценивается исторической памятью как наиболее значимое событие, во-первых, потому, что она связана с историей каждой семьи, ибо затронула самые существенные и сокровенные стороны в личной жизни людей. Во-вторых, это событие определило не только будущее нашей страны, но и всего мира, поэтому его оценка базируется не только на осознаваемом, но и на интуитивном признании роли войны в истории всего человечества. В-третьих, Великая Отечественная война, как справедливо утверждает Л.Д. Гудков, стала «символом, который выступает... важным элементом позитивной коллективной идентификации, точкой отсчета, мериллом, задающим определенную оптику оценки прошедшего и отчасти понимания настоящего и будущего» [1].

Война относится к тем событиям, которые оставляют особый след в судьбе народа, формируют стержень его исторической памяти. Для понимания исторической памяти необходимо иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, это «живая», непосредственная память народа, хранителями которой выступают семья, нации, государство, отдельный член общества. Каждый второй из ныне живущих россиян знает о войне из свидетельств ее участников – своих близких, из оставшихся от них писем, их рассказов. Документы, фотографии, вещи доносят до народа красочность, конкретику и многообразие данного события. Во-вторых, в формировании памяти участвуют историческая литература, телевидение, кинофильмы, в которых факты, процессы и события более систематизированы и обобщены. В-третьих, она включает оценочный компонент, представляющий спектр оценок конкретных исторических объектов и субъектов и самого знания о них, а также суждения по поводу того или иного исторического факта, события, действия.

Пересмотр истории Великой Отечественной войны, который начался в годы перестройки в исторической науке, практически не затронул память о войне у женщин. Актуальность исследуемой проблемы состоит в обращении к северо-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Образы прошлого в социально-политических и этнокультурных процессах у народов Северного Кавказа (на примере Кабардино-Балкарии)» Программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности».

кавказскому материалу в контексте Великой Отечественной войны. Спецификой данного региона являются особенности менталитета коренного населения, основанного на патриархально-родовых традициях и отягощенного психологическим наследием Кавказской войны, на что, в том числе, делали ставку фашистские идеологи. Постановка данной проблемы позволит существенно дополнить официальные источники, увидеть войну глазами северокавказских женщин, как субъектов ее истории, изучить прежде скрытые для науки свидетельства «обыденного человека», не всегда солдата войны, но всегда ее очевидца, участника, жертвы, изменившего в чрезвычайной ситуации привычные нормы и выработавшего опыт выживания и продления жизни. В науке и обыденном сознании сложилось мнение, что горянка Северного Кавказа, в основном, отстраненная от активных боевых действий, осталась в стороне от военных событий. Необходимо образовать лагуну, «вписав» северокавказских женщин в общее полотно женской военной повседневности – того фона, на котором совершается героика войны.

К сожалению, на современном этапе память народа о Великой Отечественной войне ослабевает и растворяется. Этому могут служить различные факторы:

а) временные: годы войны и Победа все больше отдаляются по времени.

С момента окончания Второй мировой войны прошло уже 67 лет;

б) политико-идеологические, связанные с негативной оценкой многих аспектов Великой Отечественной войны, особенно с начала трансформации общества;

в) естественные (и противоестественные): с каждым годом Россия теряет тех, кто с честью и достоинством защищал нашу Родину, тем самым народ теряет бесценную, «живую» память о войне.

По мнению М.В. Соколовой, с естественным уходом современников исторических событий историческая память меняется, приобретает новые оттенки, становится менее достоверной и более насыщенной «реальностями» дня сегодняшнего. Т.е. историческая память со временем еще больше политически и идеологически актуализируется [2]. Трудно не согласиться с данным мнением. Чем дальше будет уходить в прошлое Великая Отечественная война, тем актуальнее и острее будет вставать проблема исторической памяти о ней. Эпохальность этого события в мировой истории настолько велика, что осмысление его значения станет для следующих поколений важной задачей, от которой зависит недопущение повторения подобного события впредь. Наличие внешнеполитического и внутривнутриполитического дискурса по поводу исторической памяти о войне доказывает, что она никогда не будет только прошлым экстремальным историческим опытом – она присутствует в настоящем. В исторической науке возникают новые интерпретации происшедших событий, а на уровне обыденного сознания – новые чувства, ощущения и т.п.

Экстремальные условия войны увеличили социальную и политическую активность женщин, на плечи которых легли все тяготы тыла, перестройки различных отраслей экономики на нужды фронта. Работа властных структур по вовлечению женщин в общественное производство встречала понимание и инициативу со стороны самих женщин. Тысячи «горянок» пришли в промышленность и сельское

хозяйство, освоили тяжелые и вредные для женского организма специальности. Любовь к родине, патриотизм стали сильными моральными стимулами, вызвавшими к жизни героизм, возможность преодолеть трудности военного времени.

Сотни тысяч женщин Северного Кавказа, проявляя патриотический порыв, заявили о готовности пополнить ряды воинов Красной армии, из них на службу было привлечено более 80 тыс., преимущественно комсомолки в возрасте до 25 лет. Главными мобилизационными факторами было высокое чувство патриотизма и гражданского долга, организаторская деятельность государства, партии и комсомола. Высокий образовательный и идейно-политический уровень, хорошая физическая подготовка помогли женщинам вынести тяготы воинской службы, освоить практически все военные специальности, проявить прекрасные боевые и командные качества, изменить социальное восприятие женщины-воина – защитника Отечества. Примеры боевых подвигов женщин являются свидетельством их военного мастерства, смелости, выносливости. В целом факт массового участия женщин в военных событиях – показатель их социальной зрелости и значимости в обществе, свидетельство огромного физического и духовного потенциала. Но когда началась женская мобилизация, то выяснилось, что армия к ней не готова. Не было соответствующей униформы, обуви, средств гигиены. На фронте женщины столкнулись также с проблемами, связанными с плохими условиями их размещения: холодом и сыростью в жилищах, отсутствием отдельных помещений для них.

В боевых войсках, а также в специальных войсках боевого обеспечения основным местом ночлега и отдыха для военнослужащих были землянки, блиндажи, палатки. Участницы войны по-разному оценивали условия проживания в них. Например, Е. Османова утверждала, что благодаря буржуйкам в землянках было достаточно тепло [3]. Наоборот, Ф. Иванова отмечала, что в землянках, где они проживали, было холодно, поскольку тепла буржоек не хватало [4].

Женская молодежь региона направлялась преимущественно в части Краснодарского, Грозненского, Закавказского, Ростовского, Сталинградского дивизионных районов ПВО. Так, в апреле 1942 г. более 1,5 тыс. девушек региона было направлено в Сталинградский район ПВО. Значительная часть была направлена в районы базирования Закавказской зоны ПВО, где общая численность женщин составила более 15 тыс. чел., среди них 1754 офицеров и сержантов. В апреле-июне 1942 г. в части ПВО СКВО из Северной Осетии и Дагестана было мобилизовано 1480 девушек. Краснодарская комсомольская организация направила в апреле 1942 г. в войска ПВО 3910 комсомолок. В общей сложности в войска ПВО за годы войны было мобилизовано более 10 тыс. женщин и девушек из СКВО [5]. Только в 714-м зенитно-артиллерийском полку ПВО Северо-Кавказского фронта, дислоцировавшемся в Грозном, служило более 1 тыс. девушек из Дагестана и Ставрополя 19 национальностей и народностей. Это аварка Рабият Кебетова, лачка Шамалай Файзуева, кумычки Зайнат Алибекова и Машнат Ильясова, даргинка Аня Мирзабекова, лезгинка Пализат Эмирбекова, татка Аня Абрамова, азербайджанка Ася Абикеримова, русские Галя Осипова, Лида и Валя Поповы, Оля Козина, татарка Хадича Дербедеева, еврейка Женья Пресбургер, полька Инна Ястржембская [6].

После окончания войны, согласно приказу «О демобилизации женщин из Красной Армии по СКВО» от 26 июня 1945 г., увольнению подлежали женщины всех возрастов, кроме радисток, телеграфисток, прибористок ПВО и медработников. К 9 августа 1945 г. количество демобилизованных женщин в округе составило около 12,5 тыс. чел. Многие женщины продолжали службу, часть сменила место жительства. Демобилизация была завершена лишь к 1948 г. Тысячи женщин региона не вернулись, погибнув на полях сражений, умерли от ран. Вернувшиеся с фронта в кругу своих сверстниц чувствовали себя намного старше, потому что смотрели на жизнь совсем другими глазами – глазами, видевшими смерть. Послевоенная реабилитация у женщин проходила сложнее, чем у мужчин в силу особенностей женского организма и психики. Отстаивая свободу и независимость Родины, женщины принесли самую большую жертву во имя Победы – жизнь, здоровье, молодость.

Женские воспоминания о войне пока что остаются именно отдельными воспоминаниями, не превращаясь в групповую, коллективную память. В одном из своих интервью Светлана Алексиевич размышляла о причинах этого феномена: «Какие слова найти, чтобы от мысли о войне человека тошнило... Вот женщины и говорят об этом, у их войны другие слова, запах другой и цвет другой. Для них война – это, прежде всего убийство. О такой войне мужчины нам не рассказывают, и вот почему они долго не хотели, да и не хотят по сей день, чтобы женщины говорили...».

Примечания:

1. Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М., 2004.
2. Соколова М.В. Что такое историческая память // Преподавание истории в школе. 2008. № 7. С. 17–23.
3. Информатор Е.Х. Османова, 1921 г.р., записана в селе Красный Восток Малокарачаевского района Карачаево-Черкесской республики в ноябре 2011 г.
4. Информатор Ф.Х. Иванова, 1920 г.р., записана в селении Черная Речка, Урванского района Кабардино-Балкарской республики в апреле 2012 г.
5. Смирнов А. Верные дочери народа. О женщинах-бойцах войск противовоздушной обороны страны // Вестник противовоздушной обороны. 1982. № 3.
6. Кирсанов Н.А., Черемисов В.Ф. Женщины в войсках противовоздушной обороны в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1975. № 3. С. 63.

В.Ю. Гром

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Датой рождения советской военной литературы можно считать 22 июня 1941 г. Именно тогда писатели в форме статей, стихов и других литературных произведений стали обращаться к народу, для того чтобы поддержать, укрепить его веру в победу (К.М. Симонов, А.Н. Толстой, М.А. Шолохов, А.Т. Твардовский,

А.А. Фадеев, Б.Л. Горбатов). В пример приводились новые герои – летчики, партизаны, бойцы, которые принесли свои жизни на алтарь победы, главными героями произведений стал народ, его стойкость и героизм в борьбе с врагом. Действия разворачивались на фронте, в тылу тыл, в лагерях партизан. Авторы настолько ярко и эмоционально рисовали картины военной жизни, что большинство героев воспринимались как существовавшие в действительности. Наиболее ярким персонажем стал Василий Теркин – бывалый солдат, веселый и жизнерадостный человек, герой одноименной поэмы А. Твардовского.

Художественные произведения стали своего рода моральным оружием, помогавшим сражаться с захватчиками. Авторы все чаще обращались к героическому прошлому русского народа – это придавало бойцам силы и мужество. На страницах газет, рядом с военными сводками и фронтовыми корреспонденциями все чаще стали появляться такие стихотворения, как «Мужество» А. Ахматовой:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.*

*Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.*

*Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова, обращаясь к читателю, просила его встать на защиту страны. Само название стихотворения – призыв к гражданам – они должны быть мужественными в защите Родины. «*Мы знаем, что ныне лежит на весах*» – солдатам вверена судьба не только нашей Родины, но и всего мира, это усиливало ответственность советских людей, которые сменили орудия труда на винтовки и пулеметы. Далее автор писал об идеологии, которая действительно существовала: люди не боялись бросаться под пули, а уж без крова оставались почти все. Все стихотворение звучит как клятва. России должна остаться свободной.

Одной из самых острых и тяжелых тем стала судьба юношей и девушек, которые со школьной скамьи уходили на фронт. Они почти не видели жизни, а им уже пришлось защищать страну и принимать взрослые решения. Наиболее ярко эта тема отразилась в стихотворении Б. Окуджавы «До свидания, мальчики».

*Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли,
повзрослели они до поры,*

*на пороге едва помаячили
и ушли, за солдатом – солдат...
До свидания, мальчики!
Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.
Вы не прячьтесь, вы будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат.
И себя не щадите вы...
И все-таки
постарайтесь вернуться назад.
Ах, война, что ж ты, подлая, сделала:
вместо свадеб – разлуки и дым!
Наши девочки платица белые
раздали сестренкам своим.
Сапоги... ну куда от них денешься?
Да зеленые крылья погон...
Вы наплюйте на сплетников, девочки!
Мы сведем с ними счеты потом.
Пусть болтают, что верить вам не во что,
что идете войной наугад...
До свидания, девочки!
Девочки,
постарайтесь вернуться назад!*

Из озорных мальчишек, которые шумели во дворах, мальчики поэта превратились в суровых воинов, которым Родина дороже всего на свете. Поэт прощался с ними, еле сдерживая слезы, и давал напутствие:

*Вы не прячьтесь, вы будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат.
И себя не щадите вы!*

Затем тональность меняется, и за этими чеканными строками опять звучит искренне и нежно самая большая просьба поэта, которую, к сожалению, выполняют не все ребята, ушедшие на фронт: *«постарайтесь вернуться назад»*. Вторая часть – это разговор с девочками, которые, сменив белые платица на шинели, ушли на фронт вслед за мальчиками. А они так мечтали о большой любви, о свадьбах! Но вместо них – *«разлуки и дым»*. Вместо изящных туфель – сапоги. Напутствия своим девочкам поэт не дает, только спорит с теми «злыми языками», которые говорят, что, мол, война – не женское дело и что они идут *«войной наугад»*. И он ставит многоточие. Провожая на войну девочек, у Окуджавы нет слов. Он только просит их вернуться живыми.

Поэзия военного поколения раскрывает такой накал высоких человеческих чувств, такой патриотический подъем, что становится понятным, почему люди

стояли насмерть под Москвой, под Сталинградом, на Курской дуге, на каждом клочке русской земли. И может быть, самое пронзительное в этом смысле произведение – знаменитое стихотворение А. Твардовского «Я убит подо Ржевом», слово погибшего, обращенное к живым.

В годы военных испытаний писатели и поэты тоже воевали на фронте, многие из них так и не вернулись с полей сражений. Эти люди были в разной степени талантливы, с разными судьбами, но их всех объединила Великая Отечественная война – одна из самых страшных страниц в российской истории.

В целом, литература периода войны отличалась своей агитационной направленностью. В ней в большей мере отразился тот официальный «социальный заказ», который имел место и в предшествующее войне десятилетие. Условия культа личности наложили известный отпечаток на многие произведения тех лет. В них необоснованно преувеличивалась роль Сталина в победах, одержанных народом. Однако умение вовремя сказать нужное слово, сказать так, чтобы подействовать на умы, волю и сердца читателей, сделало литературу огромной духовной силой в жизни народа, помогло выстоять в войне.

Сегодняшнего читателя в произведениях о войне не может не заинтересовать вопрос, как среди ужасов военного времени людям удалось сберечь в себе истинно человеческое – доброту, любовь, сострадание. Ответ на этот вопрос дают произведения, написанные в тяжкие годы Великой Отечественной войны. Литература и искусство неизменно выступают как хранители памяти поколений. С особой силой это проявляется в произведениях, запечатлевших героические страницы жизни нации. Никогда связь искусства с жизнью народа, сила воздействия писательского слова на события огромного исторического значения не проявлялись так наглядно и так впечатляюще, как в годы войны. Писатели утверждали свое право говорить «от имени Родины». Произведения, созданные в годы войны, обладают ныне силой документа – прямого свидетельства непосредственного участника событий. Своей жестокой рукой война коснулась каждой семьи. Сегодня мы обращаем слова благодарности и чтим память тех, кому мы обязаны счастьем жить на Земле, тех, кто отстоял наши жизни на полях войны.

М. Ч. Ларионова

ОБРАЗЫ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: ТАНКИ И САМОЛЕТЫ

Главным героем произведений о Великой Отечественной войне, конечно, является человек, от рядового бойца до генерала, от ребенка до старика, от непосредственного участника военных действий до жителя глубокого тыла. Но художественная образность военной литературы гораздо шире. Она включает образы боя и труда, пространства и времени, дома и природы и т.д. Все эти образы приобретают дополнительное символическое значение, рисуя общую панораму войны и противостоящего ей в качестве идеала мира.

Важными персонажами военной прозы и поэзии стали танки и самолеты. Это не просто изображения военной техники, вспомогательные по отношению к человеку, не только иллюстрация к рассказу о достоинствах и недостатках вооружения враждующих сторон – это образы-символы, апеллирующие к культурной памяти каждого человека, вызывающие определенные ассоциации, создающие предсказуемый художественный контекст.

Военная техника в сознании людей наделялась несвойственными ей чертами, олицетворялась и метафоризировалась (пушка – «царица полей», самолет – «стальная птица»), попадала в загадки и пословицы: «Вот стальная птица в небеса стремится, а ведет ее пилот. Что за птица? Самолет», «Танк любишь – победу добудешь», «Там погибнет фашист, где проедет наш танкист», «Противник храбрится за танком, а без танка его трясет лихоманка», «От врагов одни останки оставляют наши танки», «В бою стоянка хуже всего для танка», «К нам – на танках, а назад – на санках» и др. Иначе говоря, самолеты и танки – это не только предметы и понятия, их обозначающие. Это концепты и мифологемы национального сознания, включенные в традиционную картину мира.

Структура этих образов сложна. В первую очередь, она зависит от того, о «своем» или «чужом» танке и самолете идет речь. «Свое», как известно, принадлежит человеку, освоено им; чужое – нечеловеческое, звериное, сфера смерти [1]. Принадлежит «своим» или «чужим», танки и самолеты наделяются почти полностью противоположными характеристиками. «Свои» боевые машины – это своего рода военный «дом», пространственная точка отсчета, центр мира, как в стихотворении Сергея Орлова 1941 г.:

*От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.
А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина,
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.*

Экипаж танка или самолета представляет собой дружную семью:

*Там живут – и песня в том порукой –
Нерушимой крепкою семьей
Три танкиста, три веселых друга,
Экипаж машины боевой.
(«Три танкиста». Б. Ласкин)*

*Три балтийца, три героя,
Три воздушных храбреца,
Как всегда, готовы к бою
И дерутся до конца!
Не пугает их ни вьюга,*

*Ни зенитной пули свист,
Смотрят весело три друга:
Штурман, летчик и радист.
(«Три воздушных храбреца». В. Лебедев-Кумач)*

Танк и самолет наделяются антропоморфными признаками, уподобляются человеку, сливаются с человеком, обмениваясь свойствами и функциями. В песне «Марш советских танкистов», написанной Д. Покрассом на стихи Б. Ласкина еще до войны для фильма «Трактористы», появились метафоры-олицетворения «*гремя огнем*», «*пойдут машины*», «*яростный поход*», ставшие устойчивыми для всей военной и послевоенной литературы. Отношение к танку как к человеку, товарищу ярче всего проявилось в стихотворении С. Орлова 1944 г. «После марша»

*Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча –
И в тень, в траву, но только прежде
Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой –
Мы люди, а она стальная...*

В стихотворении В. Лебедева-Кумача «Подруга летчика» «*ястребком*» сначала называется самолет-истребитель, затем следует метонимический перенос «*летит самолет*» – «*летит летчик*», при этом летчик обладает «*ястребиными*» свойствами – ясностью взгляда, храбростью, и, наконец, сам летчик становится смелой птицей:

*И вернется невредимый,
Всем врагам задав урок,
Мой веселый, мой любимый,
Мой отважный ястребок!*

Уподобление человека самолету, восприятие человека как механизма, негнибачего, не устающего, не поддающегося износу, сложилось еще в эпоху конструктивизма, в 1930-е гг., в песне Ю. Хайта на стихи П. Германа:

*Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор –*

и оказалось очень востребованным и актуальным в военной литературе, о чем свидетельствует песня В. Соловьева-Седова на стихи С. Фогельсона к фильму «Небесный тихоход»:

*Пора в путь-дорогу,
Дорогу дальнюю, дальнюю, дальнюю идём,
Над милым порогом
Качну серебряным тебе крылом... [2]*

Так, образ танка или самолета сливается, с одной стороны, с образом героя, а с другой – с образом дома и Родины. И здесь хочется вернуться к песне «Марш советских танкистов», больше известной как «Броня крепка и танки наши быстры», текст которой не только пробуждал патриотический энтузиазм, граждански бодрил и активизировал, но и являлся образцом подлинной героической поэзии.

Прежде всего, напомним, что эта песня была написана для фильма вовсе не о танкистах, а о трактористах. Но связь между трактором и танком зафиксирована в пословицах: «*Трактор в поле, что танк в бою*», «*Нынче в поле тракторист, завтра в армии танкист*». Эта связь имеет исторический характер: действительно, кто лучше других был подготовлен к вождению танка, как не тракторист, тем более что некоторые модели танков, выпускавшиеся в первые военные годы, например, Т-16, представляли собой обшитый броней трактор. Но связь эта – еще и мифологическое, закрепленное в культурной традиции представление о битве как о севе и пахоте. В народной песне: «*Не сохами-то славная землюшка наша распахана... Распахана наша землюшка лошадиными копытами, А засеяна славная землюшка казацкими головами*» [3] или в «Слове о полку Игореве»: «*Черная земля под копытами костьми была засеяна, а кровью полита; горем взошли они по Русской земле*», «*На Немиге снопы стелют из голов, молотят цепами харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. У Немиги кровавые берега не добром были засеяны – засеяны костьми русских сынов*». Таким образом, в песне устанавливается преемственность мира и войны и утверждается готовность к мирному, но и ратному труду и подвигу.

Метафора «*танк – дом*» приобретает в песне не просто «*всесоюзный*», а поистине космический размах. «*Крепкая броня*» охватывает машины и людей, заводы и колхозные пашни и, в конечном счете, отделяет «свой» мир от «чужого», где в засаде притаился враг. Врагу отводится не просто обособленное, но inferнальное место: в лесу, в овраге, в яме – традиционные зоны обитания мифологического противника, мирового зла.

Строки о своей и чужой земле возводят к словам Сталина, сказанным в 1930 г. на XVI съезде партии: «*Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому*». Хотя, по-видимому, не меньшую популярность имела фраза из фильма 1938 г. «Александр Невский» С. Эйзенштейна, восходящая в свою очередь к Евангелию от Матфея: «*Кто к нам с мечом придет (в Евангелии «войдет»), от меча и погибнет! На том стоит и стоять будет Русская Земля!*».

Как известно, после разоблачения «культы личности» имя Сталина из песни исчезло. Припев исполнялся в двух вариантах: «*Когда суровый час войны наступит И нас в атаку Родина пошлет*» и «*Когда нас в бой пошлет страна родная*

И первый маршал в бой нас поведет». Оправданная, возможно, с исторической точки зрения, эта замена была совершенно неоправданной с точки зрения художественной. Из песни сразу выпали два образа, создающие монументально-эпический колорит. Образ Сталина, посылающего в бой танкистов, опирается на былинную традицию, где в ранних героических песнях «киевского цикла» князь Владимир, будучи сам статичен, посылает богатырей на подвиги (то же делает, кстати, король Артур в британском, точнее – валлийском, эпосе и многие другие эпические властители). Этот мотив объясняется ценностью и заботой о неприкосновенности древнего вождя [4] и вновь становится актуальным в литературе о Великой Отечественной войне (в романе-эпопее Л. Толстого эту роль парадоксальным образом выполняет Кутузов, см. эпизод военного совета в Филях). Такая аналогия «работает» не на возвеличивание Сталина, а на установление исторической преемственности прошлого и настоящего, отсюда и обращение к исторической теме в советском искусстве предвоенного и военного времени, как в начале Отечественной войны 1812 г. В.А. Жуковский написал большое стихотворение «Певец во стане русских воинов», где создал широкую картину русского героизма и патриотизма от Дмитрия Донского до участников современной ему войны.

Упоминание в песне «первого маршала», т.е. кавалериста Клима Ворошилова (именно так – Клим – зовут главного героя фильма, тракториста-танкиста) тоже рождает богатые ассоциации. Трактор-танк – это боевой конь («Клим Ворошилов» – это имя одного из танков, вошедшее в историю, как вошел в историю Буцефал – конь Александра Македонского). В песне В. Лебедева-Кумача происходит объединение и слияние этих трех образов: «*Ой, вы, кони, вы, кони стальные, Боевые друзья трактора, Веселее гудите, родные, Нам в поход отправляться пора*». Фигура всадника, побеждающего врагов, известна мировой культуре еще со времен античности и из фольклора разных народов. Св. Георгий, убивающий змея, – один из любимых и наиболее почитаемых русских святых. Любопытно, что он укрепился в национальном сознании именно в виде всадника, хотя в житии Георгий совершает подвиг по укрощению (не по закалыванию копьём!) змея пешим.

«Свои» танки и самолеты защищают родину по горизонтали и вертикали, образуя круг, который не может преодолеть вражеская «нечисть». Во всех мифологиях «верх» и «низ» противопоставлялись. В военной литературе они объединились по принципу «свой» – «чужой». «Свои» танки и самолеты образуют защитный круг, «чужие» – вражеский. Однако важнейшие мифологические характеристики персонажей «верха» и «низа», неба и земли самолеты и танки сохранили. Только «свои» самолеты уподобляются ястребу, танки – коню, а «чужие» наделяются демоническими признаками.

В одном из самых сильных и впечатляющих произведений о Великой отечественной войне, романе Ю. Бондарева «Горячий снег» действие происходит во время боев под Сталинградом. Танковая атака противника и ее отражение артиллеристами, героями романа, – это кульминация повествования (11 глава). Вражеские самолеты – это настоящие чудовища, звероподобные, устрашающие,

несущие смерть: «Что-то сверкающее, огромное, с ярко видимыми черно-белыми крестами – неужели это головной “юнкерс”? – на секунду остановилось, споткнулось в воздухе и, хищно вытягивая черные когти, оглушая визжащим звуком зазубренного железа по железу, стало отвесно падать на батарею, ослепляя блеском мчавшегося вниз многотонного металла, под кровавыми лучами еще не поднявшегося над горизонтом солнца. Из-под этого сверкания и рева выпали, отделились черные продолговатые предметы и тяжело, освобождение пошли к земле, врасстая пронзительным визгом в рев “юнкерса”». Вражеские самолеты ассоциируются одновременно с гарпиями и стимфалийскими птицами античной мифологии: у них медные или железные клювы и когти, они сыплют перья-стрелы и поедают людей.

Танки – это огненные живые существа: «Кузнецов совсем ясно различил в дыму серые туловища двух передних машин прямо перед огневыми позициями взвода...». В романе они сравниваются то с волками («– Волки, – с придыханием выговорил наводчик Евстигнеев, стоя на коленях перед прицелом. – Чисто звери окружают!..»), то с пауками («орудие безостановочно било по подставленному еще живому боку с белым крестом, по этому смертельно опасному, чудилось, огромному пауку, пришедшему с другой планеты»), то со скорпионами («скорпионно-желтые бока танков»), то вообще со зверями («Немецкие танки, как разбуженные, поднятые облавой звери, злобно огрызаясь, в одиночку и сбитыми в отдельные стаи группами отползали от берега под натиском наших “тридцатьчетверок”»). «Свои» танки – это объект любви и заботы (см. выше стихотворение С. Орлова «После марша»), «чужие» – вражды и ненависти. Генерал Бессонов в романе Ю. Бондарева говорит: «Главное – выбивать у них танки. Свои танки введем в бой лишь в кризисный момент. А до этого будем беречь их как зеницу ока». И это объясняется не только тактикой боя; то есть для героев – тактикой, но для читателя вражеские самолеты и танки неизбежно приобретают свойства и функции змеи и птицы. Одновременное их присутствие в эпизодах романа – это не только военная реалья, но и художественный образ, организующий пространство как по горизонтали, так и по вертикали.

Мифологические черты самолетно-танковой образности активизируют в военных произведениях еще один мотив, восходящий к народному героическому эпосу. В былинах богатырь, выходящий на бой, нарочито изображается слабее, физически меньше противника. Ничего будто бы не предвещает его победы. Он даже часто безоружен, как в былине «Добрыня и змей», где Добрыня бьется со змеем «шапкой земли греческой». В одном из культовых произведений о войне, романе М. Бубеннова «Белая береза» [5], действие которого происходит в первые месяцы войны, один из героев так объясняет свое настроение перед боем: «Немцев наши ребята не боятся, говорить не приходится, а вот их танков да самолетов – побаиваются, это верно. Многие ведь и в бою как следует еще не были, не нюхали еще порошу, а машины – они... От одного вою, распрямив их, оторопь берет!». Однако такой страх объясняется не только историческими причинами. В былине первоначальная слабость богатыря должна усилить, подчеркнуть значимость его победы. То же мы наблюдаем в ветхозаветном сюжете

о Давиде и Голиафе. Это «общее место» эпоса. В первый бой против танков герои романа идут с бутылками с зажигательной смесью, причем сначала надо зажечь фитиль и только потом бросить этот «снаряд». Стоит ли удивляться, что поначалу у них ничего не получается: *«На бутылку была натянута резинка, она держала запал – длинную щепочку, обляпанную какой-то янтарной смесью. Андрей выхватил из кармана спички. Одной спичкой он чиркнул по коробке три раза и только после этого заметил, что на ней нет серы... С другой спички вся сера враз обкрошилась»*.

Однако каким бы ни был враг: огромных размеров, крылатый, огнедышащий – герой все равно победит его, потому что на стороне героя не сила, а правда. В финале первой части романа М. Бубенного солдаты, уже побывавшие в танковом бою, вместе с артиллерией отражают танковую атаку: *«С необычайным облегчением, от которого душа будто стала крылатой, Андрей разом выпрямился над бруствером. Танк пересекал как раз ту линию, на которой мечтал поймать его Андрей. Андрей со всей силой бешенства и торжества всадил гранату под днище танка»*. Образ «крылатой души» восходит к древнерусской «Повести о разорении Рязани Батыем», где русские ратники, погибшие при защите города названы *«крылатыми людьми»*.

Таким образом, даже первоначальный обзор образов военной техники в произведениях о войне раскрывает их художественный потенциал и культурные корни. Именно обращение литературы советского периода к опыту фольклора и древнерусской литературы делало ее убедительной и близкой национальному сознанию.

Примечания:

1. См.: Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 3–17.
2. В послевоенной поэзии эти метафоры приобрели философский и космический смысл:

*Мы вовсе не тени безмолвные,
Мы ветер и крик журавлей,
Погибшие в небе за Родину
Становятся небом над ней.
Мы дышим, согревая птичьи гнезда,
Баюкаем детей в полночный час,
Вам кажется, что с неба смотрят звезды,
А это мы с небес глядим на вас.
Мы стали небом, стали облаками,
И видя сверху наш двадцатый век,
К вам тихо прикасаемся руками,
И думаете вы, что это снег.*

(Е. Евтушенко)

3. Эту песню М.А. Шолохов сделал эпиграфом к роману «Тихий Дон».

4. См.: Пропп В.Я. Русский героический эпос. М., 1958.
5. Этот роман, написанный в 1947 г., был очень популярен после войны. Но вторая книга романа, 1952 г., целиком была посвящена прославлению личности и военного гения Сталина, за что весь роман позже был подвергнут обструкции и изъят из круга чтения. На самом деле первая книга романа, посвященная началу войны, отступлению, организации сопротивления и партизанских отрядов, представляет исторический и художественный интерес.

И.В. Киселев

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ НА КУБАНИ В ИСТОРИЧЕСКИХ КАРТАХ

Актуальной проблемой для современной исторической науки является общественная память о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Одной из форм такой памяти стали исторические карты, отразившие ход войны. Рассматривая этот аспект, необходимо отметить, что историческая география имеет междисциплинарный характер. Поэтому ее трактовка в исторической и географической науках несколько отличается. Так, для географии это, прежде всего, история географических представлений людей, т.е. развитие знаний о природе, государстве, населении, экономике и т.п. на разных исторических этапах, облеченные в форму карт [1]. В то же время историкам интересны не только вышеуказанные карты, ставшие историческими источниками, но и современное представление о прошлом, оформившееся в виде исторических карт [2].

Вполне естественно, что такое глобальное историческое событие, как Великая Отечественная война, дало нам широкое поле для историко-географических исследований. Поэтому представляется важным проследить эволюцию картографических представлений о войне. А более подробный анализ такого опыта на примере Краснодарского края позволит продемонстрировать частные примеры изучения отдельного региона с позиции исторической географии.

Как известно, фиксирование хода боевых действий на картах стало происходить непосредственно во время самой войны. Планирование и ведение операций любого масштаба требовало использования карт, которые со временем превратились в ценный источник для исследователей. Вместе с тем, штабные карты отражают представление воюющих сторон о складывавшейся обстановке, тогда как реальное положение дел на фронте могло быть иным. Особенно часто неверными оказывались представления о противнике, этим «грешат» и советские, и немецкие карты. Другой проблемой в годы войны была нехватка качественных карт, особенно на дивизионном уровне и ниже. Зачастую вместо них использовались выполненные от руки схемы, нанесенные на всевозможные виды бумаги.

С окончанием Великой Отечественной войны ее ход стал воспроизводиться на картах и схемах. Последние требовали меньше трудозатрат и поэтому получили широкое распространение. В большинстве случаев ход боевых действий на Кубани отражался на обобщающих схемах, посвященных битве за Кавказ. Такие схемы публиковались в различных энциклопедических изданиях или в обзорных работах о Великой Отечественной войне. Так, издание «Вторая мировая война» (1958) сопровождалась целым альбомом схем различных операций, включая Северо-Кавказскую оборонительную операцию и наступление советских войск на Кавказе в 1943 г. [3]. Наряду с ними в отдельных монографиях получили распространение и достаточно подробные схемы отдельных операций на Кубани в 1942–1943 гг.: обороны и освобождения Новороссийска, Туапсинской оборонительной операции, борьбы за перевалы Главного Кавказского хребта, Краснодарской наступательной операции, освобождения Тамани [4]. Наконец, в целом ряде специализированных работ, посвященных обобщению опыта Великой Отечественной войны, публиковались схемы нескольких тактических эпизодов в боевых действиях на территории Краснодарского края. Примером таковых были оборона Тамани в сентябре 1942 г., освобождение Крымской в апреле 1943 г., высадка десантов в районе Благовещенской и Голубицкой в сентябре 1943 г. и т.д. [5]. Анализ данных событий с точки зрения военного искусства требовал создания соответствующих схем.

Более сложным делом стало создание карт истории Великой Отечественной войны. Первым значимым изданием с таковыми оказался «Атлас офицера» (1947) [6]. Один из его разделов объединял обзорные карты боевых действий и важнейших операций советских войск. К сожалению, бои на Северном Кавказе и на Кубани в частности, были представлены там в самом общем виде. Вместе с тем, «Атласом офицера» была заложена определенная основа для последующего картографирования истории Великой Отечественной войны. Ее важным этапом стало создание фундаментального «Морского атласа», содержавшего отдельный том о военной истории и описание к нему [7]. Наряду с обзорными картами сражений на южном крыле советско-германского фронта в нем нашли свое отражение оборона Новороссийска и Туапсе, десанты в Южной Озерейке и Новороссийском порту, Новороссийско-Таманская наступательная операция. Отдельные карты касались действий Черноморского флота и Азовской военной флотилии. Дальнейшая эволюция картографического образа Великой Отечественной войны происходила в рамках общеизвестных трудов «История Великой Отечественной войны Советского Союза» и «История второй мировой войны». В них сложился тот набор карт боевых действий на Северном Кавказе, который с некоторыми изменениями используется до сих пор. Это оборона Кавказа в июле-декабре 1942 г., Северо-Кавказская наступательная операция в январе-марте 1943 г. и Новороссийско-Таманская наступательная операция 10 сентября – 9 октября 1943 г. Их, как правило, сопровождали вставки с изображением десантов под Новороссийском в феврале и сентябре 1943 г. [8]. Практически в том же

формате указанные карты перекочевали в Советскую военную энциклопедию и энциклопедию «Великая Отечественная война» [9]. В начале 1980-х гг. появились оригинальные карты в описании боевого пути 18-й армии, которая участвовала в обороне и освобождении Краснодарского края. Создание именно карт, а не схем, а также высокое качество самого издания, по-видимому, обусловила служба в этой армии Л.И. Брежнева [10].

В постсоветский период условия для развития исторической географии Великой Отечественной войны существенно изменились. С одной стороны, в оборот отечественных исследователей вошли новые источники и зарубежные работы, появилась возможность использовать цифровые технологии. С другой стороны, недостаток средств и разнообразие взглядов на историю войны делали создание новых исторических атласов затруднительным. Поэтому в 1990-е – 2000-е гг., в основном, продолжалось тиражирование советских карт и схем, хотя они не в полной мере соответствовали новым представлениям о Великой Отечественной войне [11]. Даже изданный под эгидой Министерства обороны сборник военно-исторических карт «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» представлял собой краткое описание войны, иллюстрированное фотографиями и картами. Последние, в большинстве своем, повторяли то, что было создано в 1970–1980-е гг., и нового к описанию боевых действий на Кубани не добавили [12]. Пожалуй, единственным фундаментальным трудом в сфере исторической и военно-политической географии стал «Военно-исторический атлас истории России. IX–XX века» (2003). Работавший над ним коллектив сумел связать наследие советского периода с современными представлениями о военной истории и возможностями цифровых технологий. Результатом стало создание ряда новых карт, в том числе и о событиях Великой Отечественной войны на Кубани, дополненных описанием и иллюстрациями [13].

Работа по созданию карт и схем велась и в самом Краснодарском крае. В 1993 г. был издан «Атлас Туапсинской оборонительной операции», состоящий из уникальных схем боевых действий на туапсинском направлении [14]. Карты боевых действий на территории края публиковались в сборниках «Кубань в годы Великой Отечественной войны» и «Краснодар в годы Великой Отечественной войны», в некоторых учебных изданиях [15].

В целом, ход боевых действий в Краснодарском крае в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. отражен на самых разнообразных картах и схемах. Они позволяют получить общее представление об изменениях на фронте и достаточно точные данные о некоторых операциях. Вместе с тем, ряд других событий не был картографирован с должной подробностью. К таковым относятся оборонительные действия советских войск в Прикубанье в августе 1942 г., позиционные бои на участке 47-й и 56-й армий осенью 1942 г. и зимой 1942–1943 гг., попытки прорыва «Голубой линии» весной-летом 1943 г. Слабым местом многих отечественных карт и схем остается отображение действий противника. Впрочем, последний недостаток относится и к тем немногим зарубежным изданиям, которые подробно описывают противостояние на Кубани.

Даже в них схемы либо имеют обобщающий характер, либо затрагивают лишь отдельные операции войск Германии и ее союзников [16]. А вот с доступностью к топографическим картам 1940-х гг. сложилась обратная ситуация. Достаточно подробные немецкие и американские карты находятся в свободном доступе в сети Интернет [17], тогда как аналогичные советские карты представлены фрагментарно. Нечасто встречаются и карты с нанесенной оперативной обстановкой, хотя в последние годы их цифровая обработка ведется в рамках социального интернет-проекта Общедоступного электронного банка документов «Подвиг народа» [18].

Говоря о боевых действиях, необходимо вспомнить и об иных аспектах истории Великой Отечественной войны. К сожалению, события социально-экономической жизни Краснодарского края в военное время практически не нашли отражения на картах. Экономический потенциал региона и районы партизанского движения лишь в самом общем виде были показаны на соответствующих картах европейской части СССР. Между тем, состояние экономики края, действия партизан и подпольщиков на его территории, эвакуация людей, предприятий и ценностей, проявления оккупационной политики и многое другое вполне могут быть картографированы. Поэтому применение историко-географического подхода при изучении истории Кубани в период Великой Отечественной войны остается актуальным.

К этому подталкивает и развитие цифровых технологий. Они позволяют производить карты на новом качественном уровне и тиражировать их в большем масштабе, нежели это было 15–20 лет назад. Более того, сегодня технически возможно создание не только двухмерных и статичных карт, но и трехмерных моделей пространства с динамически меняющейся обстановкой. Это особенно важно для просветительской работы, требующей наглядности (документальные фильмы, музейные экспозиции, интерактивные учебные пособия и т.п.).

Наконец, необходимо обратить внимание на то, что даже за прошедшие 70 лет география Краснодарского края значительно поменялась. Без учета указанных ниже факторов карты могут неверно представить местность на момент событий военного времени:

- изменение административных границ, связанное с ликвидацией и последующим восстановлением Карачаевской автономии, расширением территории Адыгейской автономной области, переменами в районном делении Кубани;
- переименование ряда населенных пунктов, увеличение их площади, исчезновение ряда хуторов, поселков и станиц;
- появление новых водных объектов (водохранилища, каналы и т.п.), изменение русла рек и береговой линии;
- развитие инфраструктуры (новые железные и шоссейные дороги, портовые и станционные сооружения, аэропорты, трубопроводы, линии связи и электропередачи);
- расширение посевных площадей, садов и виноградников, сокращение лесных массивов;
- уточнение данных о высотности той или иной местности.

Знание отмеченных нюансов в совокупности с использованием разнообразных исторических источников позволит продолжить совершенствование карт отдельных исторических событий и целых процессов прошлого. Это необходимо для научно-исследовательской и просветительской работы, так как информативные и доступные для восприятия карты сделают исторические образы войны более полными и объективными.

Примечания:

1. Максаковский В.П. Историческая география мира. М., 1997. С. 5–6.
2. Историческая география. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:01417:article> (дата обращения: 30.04.2012).
3. Вторая мировая война 1939–1945: Альбом схем. М., 1958.
4. Горшков С.Г. На южном приморском фланге. М., 1989; Гречко А.А. Битва за Кавказ. М., 1967; Завьялов А.С., Калядин Т.Е. Битва за Кавказ. М., 1957; Кирин И.Д. Черноморский флот в битве за Кавказ. М., 1958; Шиян И.С. На Малой земле. М., 1974.
5. Баданин Б.В. На боевых рубежах Кавказа. М., 1962; Военно-морской флот Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В 4 т. Т. 2: Черноморский флот. СПб., 2005; Колесник П.В., Нога Н.Ф. Сборник тактических примеров действий сил ВМФ по опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Л., 1982; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Альбом схем. М., 1960; Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 3–4. М., 1948.
6. Атлас офицера. М., 1947.
7. Морской атлас. Т. 3. Ч. 2. [Б. м.], 1963.; Морской атлас: Описание к картам. Т. 3. Ч. 2. [Б. м.], 1966.
8. История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2–3. М., 1961; История второй мировой войны. Т. 5–7. М., 1975–1976.
9. Советская военная энциклопедия. В 12 т. М., 1976–1980. Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985.
10. Восемнадцатая в сражениях за Родину. Боевой путь 18-й армии. М., 1982.
11. Жильцева Е., Стоянов В. На Кубанском плацдарме. Танковые бои на Кубани 5 февраля – 9 сентября 1943 г. М., 2002; Мощанский И.Б. Оборона Кавказа. Великое отступление. 25 июля – 31 декабря 1942 года. М., 2009.
12. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Сборник военно-исторических карт. В 3 ч. М., 2003–2006.
13. Военно-исторический атлас истории России. IX–XX века. М., 2003.
14. Атлас Туапсинской оборонительной операции. Август – декабрь 1942 г. [Б. м.], 1993.
15. Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Рассекреченные документы. Хроника событий. В 2 кн. Краснодар, 2000–2005; Краснодар в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сб. статей и документов. Краснодар, 2008; История Кубани с древнейших времен до конца XX века: Учебник для высших учебных заведений. Краснодар, 2004.

16. Axworthy M., Scafes C., Craciunoiu C. Third Axis, fourth Ally: Romanian Armed Forces in the European War, 1941–1945. L., 1995; The German campaign in Russia – planning and operations (1940–1942): Department of the Army pamphlet № 20–261a. Washington, 1955; Тике В. Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942–1943 гг. М., 2005.
17. URL: http://english.marywig.org/viewpage.php?page_id=42 (дата обращения: 1.05.2012); URL: http://www.lib.utexas.edu/maps/ams/eastern_europe/ (дата обращения: 1.05.2012).
18. URL: <http://www.podvignaroda.ru/> (дата обращения: 2.05.2012).

Г.К. Рейхман, Л.А. Терушкин

**ОТРАЖЕНИЕ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ СМИ ИЗРАИЛЯ
ВОПРОСОВ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ
О ВОЙНЕ И ХОЛОКОСТЕ
(сотрудничество ветеранских организаций и НПЦ «Холокост»)**

К середине 1990-х гг. русскоязычная пресса в Израиле, благодаря не только журналистам, постоянно пишущим на темы Катастрофы и героизма, но и ветеранам, носителям «живой» истории, обрела свой голос, стремясь донести до массового читателя правду о Второй мировой войне. В Израиле оказалось самое большое количество евреев-участников Второй мировой, родной язык которых – русский. Среди направлений работы организаций ветеранов и инвалидов важнейшим признано просветительское, военно-педагогическое. Ветераны выступают в школах и перед солдатами Армии обороны Израиля. Именно русскоязычная пресса Израиля стала активным борцом за признание Дня Победы не как общинной, «русской», а как общенациональной даты, которую следует отмечать на государственном уровне. Уже с начала 1990-х гг. говорилось не только о необходимости проведения ежегодных парадов ветеранов, но и объявлении 9 мая праздничным днем.

Предметом нашего анализа служат публикации двух ведущих русскоязычных газет Израиля – «Вести» и «Новости недели», а также еженедельника «Секрет». Во второй половине 1990-х гг. обе газеты поддержали общественно-политическую компанию Союза ветеранов Израиля за скорейшее принятие Кнессетом закона о ветеранах Второй мировой войны. С его принятием в мае 2000 г. Союз ветеранов был признан равноправным в израильском обществе, а великая Победа стала частью боевой истории еврейского государства. Следует учесть «обостренную» мотивацию ветеранов не только рассказать о себе и личном участии в войне, опровергнуть антисемитские стереотипы «евреев, сражавшихся в Ташкенте», но и выступить против опасных тенденций переписывания истории в угоду политическим интересам в некоторых странах СНГ и Балтии. Они активно выступают против отрицания Холокоста, возрождения, реабилитации и героизации пособников нацизма, войск СС, вермахта, нацистской идеологии, постоянно следят за тем, что происходит в странах Исхода. В этом плане приоритет принадлежит газетам издательского дома «Новости недели».

Публикации в СМИ некоторых воспоминаний потрясают. Например, исповедь Л. Янковского о Холокосте на его родной Брянщине, где погибла семья. И он же – боец истребительного батальона, потом комсорг 504-го полка 107-й стрелковой дивизии, участник освобождения Аушвица-Биркенау в 1945 г. – рассказывает об этом [1].

Разумеется, встает вопрос об уровне достоверности газетных публикаций как первоисточников, будь то воспоминания или очерки о героях войны. Носителей «живой истории» подводит память, иной раз смещены акценты и оценки в освещении тех или иных событий, возможны всевозможные наслоения. Случается, воспоминания не подкреплены архивными или личными документами, сторонними свидетельствами. Журналистам и редакторам следует учитывать все эти факторы, быть готовыми к откликам с уточнениями, дополнениями, комментариями коллег, специалистов-историков. Следует проявлять тактичное, бережное отношение к свидетельствам последнего поколения, помня, что у каждого была «своя война». Одновременно критически относиться к присланным материалам, не стесняться советоваться с историками, учиться задавать вопросы, помогать углублять воспоминания. Грубые ошибки снижают уровень доверия к авторам и самим изданиям. Но в большинстве своем публикации заслуживают внимания и служат источниками для историков, позволяя «зацепиться» за интересных людей.

В обеих газетах ведутся рубрики «вести из отделений» с логотипами союзов инвалидов и ветеранов. Это своеобразная летопись организаций. Рассказы о героях публикаций – воинах-евреях (приложение к «Новостям недели» – «Еврейский камертон») вошли в изданные книги. Например, текст М. Пекаровского о художнике и воине Э. Грабовецком – в книгу И. Рейтмана и Г. Фельдмана «Судьбы и думы русских израильтян» (Израиль, 2008) [2].

На кого рассчитаны газетные публикации воспоминаний о Второй мировой войне? Вопрос далеко не праздный – эксклюзивный материал (воспоминания ветеранов), прекрасно иллюстрированный документами из домашних архивов, фактически не востребован ни государством, ни широкой аудиторией ивритоговорящих израильтян. Значит, для самих себя, т.е. фронтовиков? Или своих детей, кому далеко за «сорок плюс» и кому не всегда это интересно? Остается следующее поколение – внуки. Как сделать тему подвига дедов привлекательной для них? Ответ дает публикация пресс-секретаря Реховотского отделения Союза ветеранов А. Гумниц «"Шаршерет" в Реховоте» [3]. «Шаршерет» – в переводе с иврита означает «цепочка». Это крупная акция под эгидой ветеранов Израиля. Статья посвящена общению школьников 8–11 классов – русскоязычных израильтян – с участниками войны. Автору удалось передать интерес детей к прошлому этих людей, например, написать о дружбе 8-классницы Р. Кобозевой и бывшей партизанки из Вильнюса Р. Марголис. В другой публикации о сборнике воспоминаний блокадников «Как это было...» указано, что воспоминания Е. Борщевской, пережившей блокаду в 14-летнем возрасте, подготовлены внучкой, 14-летней И. Хургель из Ашдода [4].

Вызывает интерес подборка «Внуки пишут историю». Школьник Р. Шлюбский из Ришон Ле-Циона пишет: «Мой дед, Симон Гальперин, участвовал в Киевской операции в октябре-ноябре 1943 года. Он форсировал Днепр и на правом берегу принимал участие в боях с немецкими танками. Пришло одно письмо, в котором он сообщал, что вступил в комсомол, подбил два немецких танка». Другая публикация из этой подборки названа «Дедушка Миша». Фотокарточка из семейного альбома вызвала вопросы Д. Чувайкина, дед которого, М. Тихоновский, не успел написать книгу о том, как партизанил, но рассказал, как сожгли родных в местечке близ Ивано-Франковска и как ушел воевать в партизаны. Исповедь внука – памятник деду [5]. Участие израильских школьников – новых репатриантов – в проектах по увековечению памяти о героическом прошлом дедов способствует не только еврейской самоидентификации, служит профилактикой от участия в выходках антисемитского, неонацистского характера («свастика на синагогах»). В канун дня Катастрофы и героизма 2010 г. евреям «пожелали сдохнуть» в Ашдоде, а в Димоне в дни Победы был осквернен памятник жертвам Холокоста.

Если эти события были поданы на уровне информации, то арест неонацистов в Петах-Тикве в 2007–2008 гг. освещался со всей серьезностью журналистами В. Найманом («Вести») и П. Люкимсоном («Новости недели») [6]. В. Найман привел жесткое высказывание парламентария К. Авиталь: «Человек, занимающийся нацистской пропагандой, коллекционирующий атрибутику, покупающий или продающий связанные с этим материалы, не имеет права на израильское гражданство. Такому человеку просто нечего делать в еврейском государстве» [7]. П. Люкимсон обращается к исторической памяти: «Мы все, в конце концов, помним о том, какую беду нацизм принес не только еврейскому народу, но всему миру. Помним мы, что наши отцы и деды бок о бок сражались с «коричневой чумой» и победили ее».

Неслучайно руководители Союза ветеранов войны, принимающие участие в заседании комиссий Кнессета, ратуют за изменение приоритетов в системе школьного образования, за введение курсов истории, раскрывающих проблематику Второй мировой войны и роль СССР в разгроме нацистского агрессора, достоверного рассказа о героизме многонациональной Красной армии. Роль государственных структур в таком деле – необходимость, и она пока недостаточна. Об этом идет серьезный разговор на страницах русскоязычной израильской прессы, в выступлениях руководителей Союзов инвалидов и ветеранов. В их выступлениях прозвучала важная мысль – на фоне происходящих сегодня в мире отрицания Холокоста, ревизии уроков Второй мировой, не прислушиваться к свидетельствам последних участников тех событий, не использовать бесценные материалы в образовательных государственных программах – не умно и расточительно.

Русскоязычная израильская пресса уделяет пристальное внимание сохранению памяти с помощью музеев – базовых центров просветительской и военно-патриотической работы. Сегодняшние школьники, не забывшие «великий и могучий», не потерявшие духовную связь с победившими в Великой Отечественной дедами – завтрашние защитники Израиля.

Журналисты обеих крупных газет – И. Стессель, Е. Кравчик («Новости недели»), Ш. Шрайман, Е. Ласкина («Вести»), а также ивритоговорящие – ведущее перо «Гаарец» Л. Галили, нештатные авторы не раз рассказывали об этапах становления и развития и работе музея еврейской военной традиции «Энергия мужества» в Хадере. Подход у не владеющей русским языком Л. Галили и у русскоговорящих коллег – абсолютно разный. Чего стоит заголовок «Мы победили в Катастрофе»? Журналистке трудно понять, что «русские» участники Второй мировой войны и дети солдат (создатель музея, военный историк Д. Зельвенский – сын погибшего офицера) несут с собой знание не о «победе в Катастрофе», не только о выживании в гетто и концлагерях, но и об участии в сражениях минувшей войны, о Победе в ней.

Даже по двум взаимодополняющим друг друга публикациям Ш. Шрайман в «Вестях» («Окна»), и Е. Кравчик «Новости недели» («Репортер»), вышедшим примерно в одно время, можно составить себе представление, как о его целевом предназначении, так и о проблемах. До недавнего времени у музея не было ни статуса, ни постоянного помещения. За короткое время музей 7(!) раз менял место дислокации, с болью констатировала Ш. Шрайман. Вероятно, статьи в прессе сыграли свою роль в том, что три года назад музей получил статус муниципального [8]. Публикация Е. Кравчик высвечивает такой важный аспект, как влияние увиденного на молодые умы. Журналистка использовала книгу посещения: «Пришел со своей учительницей Рути, чтобы взять материал для сочинения о героизме евреев... Оказывается, сколько их!» (В. Сотников, средняя школа «Хадера»). «Я очень, очень благодарен, что дали возможность гордиться собой и народом» (А. Гребень, 10-й класс той же школы) [9].

Экспозиция «На линии огня» – пример того, как научно, доступно, ярко рассказать об участии евреев войны с нацистами с использованием новейших источников. Но мало лишь подготовить экспозицию, ее следует уметь преподнести зрителю. Нельзя не отметить заслуги радиожурналиста Ф. Бен-Натана, подготовившего цикл передач-бесед с Д. Зельвенским. Чтоб довести ее до организаций участников войны, каждой еврейской семьи, руководство «Новостей недели» в лице главного редактора газеты Л. Белоцерковского – сына участника войны – согласилось отдать 24-ю цветную страницу приложения «Еврейский камертон». В течение трех месяцев, еженедельно с 29 сентября 2005 г. по 18 января 2006 г. «музей в газете» увидел свет. Перед началом презентации было опубликовано интервью с автором Д. Зельвенским [10]. Читатели собирали, подшивали страницы, отправляли за рубеж, в страны Исхода. Таким образом, опыт коллективного портрета воинов-евреев в годы Второй мировой войны становится известен и в диаспоре.

24 мая 2009 г. впервые в Израиле в музее «Энергия мужества» состоялись ежегодные в Научно-просветительском центре «Холокост» в Москве чтения, посвященные памяти историка Федора Давыдовича Свердлова (1921–2002). Обсуждались конкретные вопросы преподавания истории Второй мировой войны, Катастрофы и героизма в России и Израиле. Об этом израильтяне были информированы газетами «Вести» и «Новости недели» [11], как и о презен-

тации в музее энциклопедии «Холокост на территории СССР» [12]. В 2011 г. в Москве на чтениях памяти Ф. Свердлова выступил внук директора музея Давида Зельвенского Максим, представивший израильскую разработку о героизме «На линии огня», что нашло отражение в израильской прессе [13]. Таким образом, прослеживается преемственность традиций в поколениях и странах.

Более года существует новый музей еврейского Героизма и Холокоста в Ашдоде, созданный при инициативе ашдодского отделения Союза инвалидов Второй мировой войны и при поддержке муниципальных властей. Пресс-служба муниципалитета Ашдода и один из авторов данной статьи, участвующий в муниципальных проектах историк и журналист Г. Рейхман регулярно освещает наиболее значимые мероприятия, проводимые в музее на страницах регионального приложения к газете «Вести» («Вести-юг») [14].

Возможности прессы используются для информирования русскоязычных израильтян о направлениях деятельности и проектах Российского научно-просветительского центра «Холокост» (примерно с 2001 г.). Поначалу это были сообщения об участии российских учителей в семинарах Международной школы по изучению Холокоста в аннотации, рецензии на литературу «Российской библиотеки Холокоста». Весной 2003 г. газеты «Новости недели» и «Вести» одновременно информировали русскоязычных израильтян о старте международного проекта – «Энциклопедии Холокоста на территории СССР», а спустя шесть лет – о его логическом завершении – презентации в институте «Яд Вашем» (15 октября 2009 г.). Русскоязычная пресса оказывает постоянную информационную поддержку проекту Российского НПЦ «Холокост» по сохранению и изучению писем и дневников советских евреев в годы войны (только «Еврейский камертон» опубликовал в 2004 г. 10 статей погибших воинов). Есть и примеры обратной связи – публикация инвалидом войны М. Милявским отрывков из фронтовых дневников майора С. Мостова [15] вызывала профессиональный интерес архивистов НПЦ, в результате чего его сын, И. Мостов, передал оригинал дневника и целый ряд сопутствующих ему документов в Архив НПЦ для подготовки к изданию.

На страницах «Новостей недели» и «Вестей» читатель может узнать о судьбах людей, чьи письма дождался сегодняшнего дня, донеся до нас исторические коллизии, духовно-нравственную атмосферу, в которой оказалось поколение, пережившее годы Второй мировой войны и Холокоста. Достаточно привести примеры совсем недавних. О судьбе жительницы Ашдода, малолетней узницы Э. Гадасик, бежавшей из гетто Лиозно (Белоруссия) перед расстрелом и доказавшей благодаря переписке между родителями (фронт и тыл) сам факт пребывания в оккупации, рассказали две публикации в газетах «Вести» и «Новости недели» [16].

По документам из личного архива жителя города Беер-Шевы А. Полуянова, отец которого, русский по национальности, едва освободившись из лагеря военнопленных, в конце войны писал родным в Россию, видна его тревога за судьбу еврейки-жены [17]. Другой темой являются публикации документов, готовящихся к печати в третьем сборнике «Сохрани мои письма...». Пример – документальный очерк, посвященный еврей-офицеру Красной армии Григорию Терушкину – участнику Братского сотрудничества военнопленных, казненному в Маутхаузене

в 1944 г. [18]. Публикации фронтовых писем приводят к поразительным результатам – восстановлению недостающих звеньев в людских судьбах. Недавние публикации писем красноармейца М. Шмирина в еврейской прессе России, Израиля и первом сборнике НПЦ «Холокост» [19] способствовали не только идентификации обнаруженных останков и установлению личности погибшего под Киевом воина, но и поиску его родных в США [20]. Публикация списка погибших воинов-евреев помогла активизации израильских поисковиков-ветеранов и их детей. Так, житель Ашкелона полковника в отставке А. Заславский создал «Электронную Книгу Памяти». Газета «Новости недели» рассказала о судьбе одного военнотружашего из списка – рядового А. Томпакова, чьи родные живут в Москве [21].

Еще одно направление деятельности НПЦ «Холокост» находит отражение в израильской прессе – совместные с Российским еврейским конгрессом и с «Яд Вашем» проекты – «Вернуть достоинство» и «Эстафета памяти». В сентябре 2009 г. «Вести» опубликовали статью о захоронении жертв Холокоста в пригороде Ставрополя [22], спустя две недели обзорную статью о поездке сопредседателя НПЦ «Холокост» И. Альтмана в Ставрополье и об открытии памятника жертвам Холокоста в Брянске с участием Л. Терушкина [23]. Отдельные статьи посвящены событиям в Любавичах Смоленской области, где в ноябре 2011 г. на месте расстрела еврейской общины был установлен памятник, а также памятным мероприятиям в Таганроге [24].

Самым свежим событием, нашедшим широкое отражение в прессе, стало открытие в израильском городе Нетания 25 июня 2012 г. Мемориала в честь Победы Красной армии над нацистской Германией. В торжественной церемонии приняли участие президенты России и Израиля. НПЦ «Холокост» оказал помощь творческой группе, создававшей Мемориал, предоставив архивные документы и фотоматериалы.

Опыт работы ветеранских организаций и созданных участниками Второй мировой войны, их детьми и внуками военно-исторических музеев должен находиться в центре внимания русскоязычной израильской прессы. Публикации воспоминаний и документов должны активно использоваться как мощный потенциал в лекторской, пропагандистской и воспитательной работе. Пока это в полной мере не наблюдается.

Примечания:

1. Такое не забывается // Вести (приложение «Ветеран и воин»). 2010. 10 мая. С. 7–8.
2. Новости недели (приложение «Еврейский камертон»). 2006. 3 августа. С. 12
3. Гумниц А. «Шаршерет» в Реховоте // Ветеран и воин. 2008. 21 мая. С. 10–13.
4. Вести (приложение «Воин и ветеран»). 2009. № 34. С. 4.
5. Ветеран Второй мировой войны. 2010. № 65. С. 45.
6. Нейман В. Темная история. URL: http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=2264; Люкимсон П. Свастика на еврейской могиле». URL: http://www.kontinent.org/article_rus_47a3a47a93725.html. 10 июля 2012 г.

7. Антисемитизм в Израиле. URL: http://pogrom.org.il/rus_articles.php?art_id=106.
8. Шрайман Ш. Музей Давида Зельвенского // Вести (приложение «Окна»). 2010. 14 февраля. С. 7.
9. Кравчик Е. Что написали дети, покидая музей // Новости недели (приложение «Репортер»). 2011. 8 марта. С. 9–10.
10. Еврейский камертон. 2005. 22 сентября. С. 14–15.
11. Рейхман Г. О героизме евреев говорили в Хадере и в Москве // Ветеран и воин. 2009. 17 июня. С. 9; Его же. О героизме еврейского народа // Новости недели (приложение «Время НН»). 2009. 25 июня. С. 10.
12. Гиришман Р. О Холокосте и героизме // Ветеран и воин. 2010. 3 февраля. С. 13.
13. Рейхман Г. Энергия мужества. Из Хадеры в Москву // Ветеран и воин. 2011. 15 июня. С. 20.
14. Рейхман Г. Урок мужества плюс урок английского // Вести-юг. 2012. 19 января. С. 4.
15. Фронтовой дневник майора Семена Мостова // Ветеран и воин. 2007. 7 февраля. С. 4, 8–9.
16. Чудом вырвались из рук фашистов... // Ветеран и воин. 2011. 3 августа. С. 4–5; «Напишите папе, что я жива...» // Время НН. 2011. 28 июля. С. 8–9.
17. Рейхман Г. «Особенно я боюсь за жену и детей...» // Время НН. 2011. 2 сентября. С. 12–15.
18. Рейхман Г. Номер 71656... Казнен как участник Сопротивления // Ветеран и воин. 2012. 11 января. С. 6–7. С. 8–9.
19. Сохрани мои письма...: Сб. писем и дневников евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2007. С. 39–40.
20. Рейхман Г. Человек за строкой документа // Время НН. 2012. 23 февраля. С. 11.
21. Рейхман Г. Как мы искали Альку... Поиск родных одного из списка погибших воинов завершен // Время НН. 2012. 28 апреля. С. 12.
22. Рейхман Г. «Еврейские находки» Русского леса // Ветеран и воин. 2009. 16 сентября. С. 5.
23. Рейхман Г. Памятник жертвам Холокоста // Ветеран и воин. 2009. 7 октября. С. 14–15.
24. Обязывает память // Ветеран и воин. 2011. 24 ноября. С. 2; Это было в Таганроге // Там же. 2011. 26 ноября. С. 9; Помнят о жертвах Холокоста // Время НН. 2011. 10 ноября. С. 4.

А. Черкасски

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА ПАМЯТИ О ЖЕРТВАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: РАЗВИТИЕ МЕМОРИАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА

В настоящей статье используется предложенное Ф. Тенбруком понятие «репрезентативной культуры», обозначающее частицы историко-общественной действительности, которым приписывается непосредственно общественное значение, представительный запас, созданный из интерпретации реальности [1].

Памятники и мемориальные комплексы, которые можно сегодня увидеть в каждом городе, пригороде и селе, являются яркой частицей репрезентативной культуры, имеющей общественное значение. Они свидетельствуют о той или иной эпохе их установления и развитии мемориального ландшафта. По памятникам и мемориальным комплексам – местам и времени их создания, формам и надписям, по инициативным группам, ходатайствовавшим об их установлении, по инстанциям, которые были вовлечены в их создание и, не в последнюю очередь, по их состоянию можно сделать выводы о политике памяти, формах памяти (официальной или частной), а также об их значении в государстве и в обществе.

Исходя из этого, следует провести различие между официальными, общественными, хорошо доступными местами, с одной стороны, и кладбищами, либо тяжело доступными местами массового уничтожения и захоронения, с другой. Официальные центральные места (площади и скверы), которые находятся у всех на виду, а также места массовых захоронений в пригородах, где регулярно в рамках образовательных и воспитательных программ проводятся экскурсии, являются частью государственной памяти. Кладбища или места без стабильной инфраструктуры, где не проходят экскурсии, не включенные в образовательные программы, носят частный характер. Т.е., они все же являются составной частью общественной культуры, которая вытеснена из официальной памяти в частную.

В административном отношении памятники и памятные места до середины 1950-х гг. относились к компетенции органов коммунального хозяйства. С созданием в марте 1953 г. республиканских министерств культуры они попали под надзор его отделов [2]. Так как СССР, а также УССР и БССР с 1954 г. стали членами ЮНЕСКО [3], то на увековечивание памяти стало оказываться влияние с международной стороны [4].

Следует обратить внимание на категории жертв, а также на то, как они отражались в советском нарративе. Первую группу составляют военные жертвы. К ним относятся все военнослужащие. Но среди них можно провести разделение между теми, кто погиб в бою и теми, кто попал в плен и лагерь. Первые считались героями, освободителями. Вторые до конца 1950-х гг. считались подозрительными элементами либо даже предателями, спасшими свою жизнь ценой работы на немецких захватчиков [5]. Вторая группа – жертвы среди гражданского населения. К этой группе можно причислить евреев, цыган, душевно- и физически больных, членов коммунистической партии, семьи военнослужащих действующей армии и партизан. Сами партизаны идеологически относились к первой группе и обладали статусом героев [6].

В данной статье рассматривается эволюция мемориального ландшафта с середины 1940-х гг. до начала 1990-х гг. При этом в нем выделяется три этапа: первый, послевоенный – до середины 1950-х гг.; второй – с середины 1950-х до конца 1970-х гг.; третий – с 1980-х гг. до 1991 г. Безусловно, единичные памятники той или иной группе жертв встречаются в каждом из

этих этапов, но в рамках данной статьи внимание обращается только на их основные тенденции.

При освобождении советских территорий от немецкой оккупации Красная армия и ее специальные органы приступили к работе по документированию понесенных человеческих потерь. В том числе были установлены места массовых уничтожений и захоронений советских военнопленных, партизан и мирного населения. Впоследствии сотрудники Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их пособников проводили исследования и также документировали все материальные и человеческие потери [7]. Позже эти материалы были использованы при проектировке и установке памятников.

Еще во второй половине 1940-х гг. было принято постановление по увековечению памяти солдатам, партизанам и населению, погибшим в борьбе с оккупантами [8]. В июле 1946 г. Совет Министров СССР постановил, что установление памятников, стоимость которых превышала 50 тыс. руб., должно быть им согласованы и одобрены [9]. Таким образом, решение об установке дорогостоящих монументальных памятников стало преимущественно государственным, принималось на союзном уровне, даже если предложения поступали со стороны республик. Так были установлены, например, памятники генералу армии Н.Ф. Ватутину в Киеве и лейтенанту-танкисту П.Ф. Никитину в Черновцах [10]. Первый – пример памятника, изображавшего воина-освободителя с крепким спортивным телосложением, в военной форме, с мужественным гордым взглядом и мощными, сильными жестами, иногда с оружием в руках. Порой также устанавливались образцы военной техники: в основном, танки и самолеты (так, в честь П.Ф. Никитина был установлен танк). В тоже время памятники и обелиски на местах захоронений военнослужащих, партизан и мирных граждан обычно имели достаточно скромный, а то и вообще неудовлетворительный вид [11].

Чаще всего установлением памятных знаков на местах братских могил и последующим уходом за ними занимались либо родственники, близкие погибших, либо бывшие сослуживцы убитых. Были также установлены памятники на территориях кладбищ, как военнослужащим, так и мирному населению [12]. Со стороны еврейских групп, в том числе религиозных общин, предпринимались попытки установить памятники на местах массовой гибели еврейского населения [13]. Однако в связи с тем, что религиозные еврейские общины были подчинены уполномоченным Совета по делам религиозных культов, а позже – по делам религий, сфера их влияния ограничивалась только стенами синагоги и частично еврейскими кладбищами, которые были переданы еврейским религиозным общинам для ухода местными властями и отделами коммунального хозяйства [14]. Таким образом, мемориализация еврейских жертв происходила в основном в форме религиозного обряда, чтения молитв в синагогах [15]. Лишь в отдельных местах на еврейских кладбищах были установлены памятники общим или еврейским жертвам, уничтоженным во время войны. Отдельные памятники

были несанкционированно воздвигнуты в 1940-е гг. за пределами еврейских кладбищ, как в Понарах (Литва) в 1945 г. [16] и в Минске в 1947 г. [17]. Однако в связи с кампанией против «безродных космополитов» активисты установления таких памятников в общественных местах, носивших явно национальный характер, подверглись репрессиям [18]. Памятник в Понарах был снят в 1952 г. [19].

Места массового уничтожения и захоронения, а также бывшие лагеря, рядом с которыми находились государственные либо стратегически важные объекты, были изолированы от посещений населения [20]. Бывшие нацистские концентрационные лагеря, являвшиеся местами массового уничтожения мирного населения и военнопленных на территории СССР, в большинстве своем даже не упоминались вплоть до конца 1940-х – начала 1950-х гг. в этом контексте по причинам как идеологическим, так и прагматическим. Вплоть до конца 1950-х – начала 1960-х гг. тема военнопленных в СССР была не в почете, так как они считались политически подозрительными и неудобными элементами [21]. В тоже время помещения некоторых бывших концлагерей продолжали использоваться в качестве мест изоляции и содержания заключенных [22]. Но теперь там содержались не советские, а немецкие и другие (например, венгерские) военнопленные, воевавшие против СССР. Их использовали в послевоенном строительстве городов и инфраструктуры [23]. В числе таких лагерей Сырец [24] и Дарница в Киеве на Украине [25], Масюковщина в Белоруссии [26], а также Саласпилс в Латвии, о чем до сегодняшних дней свидетельствует кладбище немецких военнопленных, умерших в лагере.

После международной конференции в Женеве по рассмотрению конвенций о защите жертв войны и пересмотра ранее принятых конвенций об обращении с военнопленными, ранеными и с мирным населением государств от 12 августа 1949 г., где принимали участие советская делегация [27], и после возвращения военнопленных домой, лагеря были ликвидированы. Постепенно они становились частью общественной памяти. Некоторые лагеря указывались в списках областных властей в качестве памятных мест, требовавших ухода и надзора. На их территории воздвигались мемориальные доски, памятники и мемориальные комплексы. Так, на территории бывшего шталага № 352 в Масюковщине была установлена искусственная стена с мемориальной доской в 1949 г. [28].

К концу 1950-х гг. появилось множество разных памятников республиканского и союзного значения. В Понарах в 1959 г. открылась маленькая выставка, а памятник жертвам фашистского террора был установлен в начале 1970-х гг. Это была часть Вильнюсского музея, позже – отдел Музея Революции [29]. В 1958 г. в 9-м форту в Каунасе был открыт республиканский музей. Год спустя несколько карцеров форта стали использоваться непосредственно в качестве музейного помещения, в них была создана выставка, рассказывавшая о жестоком режиме германской оккупации в 1941–1944 гг. [30].

В рамках международных мероприятий обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами были организованы встречи бывших узников лагерей и гетто на территории СССР и за границей [31]. Широко развивалась деятельность обществ по охране памятников на республиканском уровне [32]. Они поставили на учет многие памятники и памятные места, провели паспортизацию и, таким образом, создали систему контроля над памятниками и мемориальными местами. К разным праздникам, в особенности к юбилейным датам, прежде всего к 7 ноября и 9 мая поступали ходатайства о сооружении памятников и закладке камней на местах, где происходили значимые события Второй мировой войны [33]. Увековечивание памяти погибших к годовщине Октябрьской революции отражало идеологический подход к Великой Отечественной войне. Победа в войне рассматривалась как логическое следствие революции 1917 г. и строительства социализма в СССР. Фашизм (термин «национал-социализм» употреблялся значительно реже, так как считалось, что социализм не мог быть национальным (Г. Димитров) [34]) считался крайней формой капитализма. Поэтому увековечивание памяти борцов и жертв, павших во имя социализма и в борьбе против варварского капитализма было естественным процессом. К 20-летию юбилею, когда День Победы стал праздничным, проектировалось и сооружалось множество памятников, связанных с событиями Второй мировой войны и отражавших героизм и славу Красной армии и советского народа. Памятники и мемориальные ансамбли жертвам войны имели значительно более скромный вид. Одной из наиболее широко распространенных скульптур являлась «Скорбящая мать». В связи с юбилеями осуществлялись мероприятия по уходу и благоустройству мест массовых захоронений и уничтожения советских граждан в годы войны.

Дифференциация жертв в то же время была не принята. Различия допускались только в самых общих чертах: между героями – военнослужащими и партизанами – и жертвами – мирным населением. В отличие от послевоенного периода, жертвы были включены в официальную память. Так, мемориальные комплексы на месте деревни Хатынь в Белоруссии или бывшего лагеря Саласпилс с памятными знаками, символизовавшими детские бараки, были широко отражены в советских и заграничных печатных изданиях и в советской школьной программе [35]. Они также служили широко посещаемыми туристическими местами. Надписи на памятниках и памятных местах были в основном на двух языках, на общегосударственном (русском) и республиканском.

С середины 1980-х гг. в ходе «перестройки» широкое общественное внимание привлекли неизвестные до этого времени вопросы истории Второй мировой войны. В том числе договор Молотова – Риббентропа о ненападении и разделе сфер влияния Германии и СССР, а также вопрос об уничтожении польских офицеров в Катыни, которое пытались по окончании Второй мировой войны также отнести к злодеяниям германских оккупантов. Численность и категории жертв войны были заново пересмотрены [36]. В эти годы появились различные неформальные общественные организации, имевшие целью увековечивание памяти жертв советской эпохи. Некоторые концентрирова-

лись на жертвах советского режима. К ним, в частности, относится Всесоюзное добровольное историко-просветительское общество «Мемориал», зарегистрированное в 1989 г. [37]. Другие пытались увековечить память тех жертв национал-социалистического режима, которые прежде скрывались под универсальными категориями «мирное население», «мирные жители» или просто «жертвы фашизма». Так, цель Общественного историко-просветительского центра «Бабий Яр» заключалась в освещении трагедии евреев во время Второй мировой войны (на примере уничтожения их в Бабьем Яру в 1941 г.) [38]. Заслугой этих обществ являлось вынесение индивидуальной, частной памяти, на протяжении 40 лет вытесненной из общественного пространства, на государственный и общественный уровень. Результатом их деятельности стало установление разных памятников или памятных досок на памятных местах с указанием разных категорий жертв – по политическому, профессиональному (военнослужащие Красной армии) или национальному признаку.

В целом, мемориальный ландшафт Второй мировой войны развивался на протяжении всего рассматриваемого времени под влиянием внутренних и внешнеполитических факторов. В этом процессе были активно задействованы разные инстанции: государственные и республиканские учреждения, общественные и международные организации. В первые послевоенные годы памятники Второй мировой войны отражали в общественном пространстве героизм и славу, и только в частных пространствах – на кладбищах и заброшенных местах – чтит память жертв. С середины 1950-х гг. памятники и мемориалы жертвам войны начали постепенно входить в советское официальное общественное сознание. На третьем этапе, с середины 1980-х гг., усилиями общественных организаций индивидуальная, частная память о жертвах выходит на общественный и государственный уровни.

Примечания:

1. Tenbruck F. Repräsentative Kultur // Sozialstruktur und Kultur. Frankfurt am Main, 1990. S. 20–53.
2. Государственный архив г. Киева (далее – Госархив г. Киева). Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 143. Л. 121–122.
3. URL: <http://www.unesco.org/new/en/unesco/about-us/who-we-are/history>.
4. Госархив г. Киева. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 143. Л. 121–122; URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0008/000824/082464mb.pdf>.
5. Черноглазова Р. А. Плен в лагерях вермахта и лагерях НКВД // Война и плен. Мартиролог. Минск, 2005. С. 32–37.
6. Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 540.
7. Постановление об образовании ЧГК/ ЧПК. Государственный исторический архив Латвии (далее – LVVA). Ф. П-132. Оп. 29. Д. 1. Л. 1–34.
8. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). Ф. 4п. Оп. 61. Д. 119. Л. 15–16. Д. 269. Л. 11–13, 27–28.
9. Там же. Ф. 123. Оп. 3. Д. 87. Л. 23–24.

10. Frunchak S. Commemorating the Future in Post-War Chernivtsi // East European Politics and Societies. 2010. №. 24. S. 445.
11. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 4929. Л. 5–6. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6.
12. Frunchak S. Op. cit. S. 445.
13. Мемориализация Холокоста // Холокост на территории СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 2011. С. 578–581.
14. НАРБ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–6.
15. Altshuler M. Jewish Holocaust Commemoration Activity in the USSR Under Stalin // Yad Vashem Studies. 2002. №. 30. Jerusalem. P. 271–296.
16. Аграновски Г., Гузенберг И. Вильнюс. По следам Литовского Иерусалима. Памятные места еврейской истории и культуры. Путеводитель. Вильнюс, 2011. С. 601–603.
17. Герасимова И. Новая история старого памятника. URL: <http://mishpoha.org/n22/22a21.shtml>.
18. Там же.
19. Аграновски Г., Гузенберг И. Указ. соч. С. 601.
20. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 125. Д. 66. Л. 2–15.
21. Черноглазова Р.А. Указ. соч. С. 32–37.
22. Там же.
23. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 981. Л. 7–10. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 61. Д. 271. Л. 11–15, 48–55.
24. Евстафьева Т. Сырецкий концентрационный лагерь // Бабий Яр: Человек, Власть, История. Кн. 1, Киев, 2004. С. 186.
25. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 23. Д. 982. Л. 1–2. Д. 3857. Л. 16–17.
26. Государственный архив Минской области. Ф. П-69. Оп. 1. Д. 77. Л. 63, 71–72, 79. Yad Vashem. Ф. М. 33. Л. 26–27.
27. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 81. Д. 154. Л. 3–4.
28. Лагеры смерці. Масюкоўшчынскі лагер смерці // Памяць. Мінск. Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раенаў Беларусі. У 4 кн. 4 кн. Мінск, 2005. С. 83–86.
29. URL: <http://www.jmuseum.lt/index.aspx?Element=ViewArticle&TopicID=157>.
30. URL: <http://www.9fortomuziejus.lt/istorija/muziejus>.
31. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 11. Оп. 1. Д. 10. Л. 28, 35, 55–56.
32. Там же. Ф. 5. Оп. 36. Д. 49. Л. 74.
33. Там же. Д. 26. Л. 8–12.
34. URL: <http://www.marxists.org/deutsch/referenz/dimitroff/1935/bericht/index.htm>
35. Сауснитис К. Саласпилс. Рига, 1975; Ананьин А., Ананьин М., Велюгин А. Хатынь. Мемориал жертвам фашизма. Фотоальбом. 2-е изд. Минск, 1973.
36. Hösler J. Aufarbeitung der Vergangenheit? Der Große Vaterländische Krieg in der Historiographie der UdSSR und Russlands // Osteuropa. 2005. №. 55, 4–6. С. 120.
37. URL: <http://www.memo.ru/d/24.html>
38. ЦГАОО Украины. Ф. 1. Оп. 25. Д. 2558. Л. 106–107.

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОСТОВА-НА-ДОНУ: ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ (1943–1953 гг.)

Современные исследования советской и постсоветской политики памяти, как правило, фокусируются на брежневском периоде как времени формирования монументального культа Великой Отечественной войны, ключевые структуры которого продолжают работать и по сей день [1]. Героический нарратив сохраняется как основная форма публичного высказывания о войне, а сама Победа остается краеугольным камнем различных вариантов патриотического мифа в современной России [2]. Существенным ресурсом воспроизводства официальной памяти являются и городские пространства, ставшие ареной для застывших в камне и бронзе персонажей героической драмы. Наиболее масштабные из них появились на свет именно в 1970–1980-е гг. [3]

Процессы формирования памяти о войне в начальный послевоенный период редко оказываются в центре внимания исследователей. Между тем, анализ сталинской мемориальной политики может пролить свет на способы конструирования коллективной памяти в тоталитарном обществе, которые в хрущевский и брежневский периоды заметно трансформировались. Наиболее интересной представляется проблема соотношения официального дискурса, задававшего рамки для воспоминаний о недавнем прошлом, и непосредственной практики обращения к пережитому, которая рождалась в ходе социальной интеракции в обществе, преображенном войной.

Ростов-на-Дону – один из областных центров РСФСР, подвергшихся вражеской оккупации – может служить ярким примером того, как государство сразу после войны пыталось обрести контроль над прошлым, работая над преобразованием городского пространства. Можно указать на такие зоны символической активности власти, как уничтожение следов вражеского присутствия в городе; работу комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами; упорядочение захоронений военного времени; установка памятников и других мемориальных объектов; послевоенное восстановление и градостроительная планировка.

К числу наиболее сложных и противоречивых вопросов относится политика замалчивания Холокоста на территории Ростова-на-Дону. Публичная информация о еврейских жертвах нацизма уже в ходе войны имела в СССР отчетливый конъюнктурный характер, так как оказалась в центре переплетения разнонаправленных внутри- и внешнеполитических мотивов. С одной стороны, картины уничтожения евреев были частью более общего нарратива об оккупации, который создавался для поддержания ненависти к врагу. С другой, власть должна была считаться с традиционным антисемитизмом казачьих регионов, усиленным гитлеровской пропагандой [4]. На международном уровне подни-

мать тему еврейских жертв было выгодно для стимуляции союзников к решительным действиям, однако часть партийной элиты разделяла антиеврейские настроения и выступала за выдвигание русского национализма в качестве мобилизующей военно-патриотической идеи [5].

Освобождение Ростова-на-Дону (1943) оказалось событием, знаковым для формирования памяти о Холокосте во всесоюзном масштабе. Это был первый город, освобожденный Красной армией, в котором до войны проживала большая еврейская община – однако официальное сообщение газеты «Правда» о зверствах захватчиков в Ростове не содержало упоминания о евреях [6]. В документах Комиссии по учету ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими оккупантами учреждениям, предприятиям и гражданам г. Ростова-на-Дону и Ростовской области, проблема уничтожения евреев долгое время не находила однозначного решения. Документы 1943 г. содержат свидетельства об уничтожении евреев в Змиевской балке и других частях города [7], однако в актах 1945 г. по Ростову-на-Дону исходный нарратив предстает в отредактированном виде, где речь идет уже исключительно о мирных советских гражданах [8].

Тем не менее, Змиевская балка была включена в число официальных мест памяти как братское кладбище, и сразу после войны здесь был установлен стандартный памятник с фигурами двух солдат Советской армии со знаменем. На примере этой ростовской окраины можно проследить, как одно и то же место стало означать для двух различных систем памяти, которые до сих пор параллельно функционируют в общественном сознании. Наряду с обобщенно-безличным подходом ростовских властей, который за редким исключением преобладал в сталинский период в отношении ко всем братским могилам, еврейская община Ростова воспринимала Змиевскую балку как место памяти именно еврейского сообщества. Так, в 1953 г. Уполномоченный Совета по делам религиозных культов Байков сообщал, что представителям еврейской синагоги было отказано в проведении панихиды 12–13 августа 1953 г. на месте трагедии, так как *«здесь похоронены евреи и население других национальностей»*. При этом отмечалось, что *«ранее панихида на братском кладбище (Змеева балка) привлекала верующих евреев до 5000 тыс. человек, благодаря чего оживлялась религиозная деятельность духовенства и отдельных групп верующих»* [9].

Отношение государства к погибшим было предметом общественного диалога и вне еврейского контекста. Официально признавая наличие в городе трех или четырех братских кладбищ, советское руководство во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. проводило целенаправленную политику переноса туда малых и индивидуальных захоронений [10]. Уже в 1961 г. на заседании горисполкома дискутировался вопрос об этичности перемещения могил [11]. Основными мотивами оставались, однако, не пожелания фронтовиков, а соображения удобства, за которыми могло скрываться и стремление убрать с глаз эти знаки травмы, изолировать их.

Важнейшим механизмом конструирования памяти о войне стала послевоенная реконструкция. Можно говорить о нескольких подходах к решению этой задачи, которые проявились в обсуждениях генерального плана города в испол-

коме совета и специализированных комиссиях. Одной из альтернатив было восстановление разрушенных зданий и кварталов в их первоначальном виде (как попытка стереть с лица города следы оккупации, вернуть утраченное). Между тем в подавляющем большинстве случаев руководство предпочитало воспользоваться открывшейся возможностью исправить недостатки старой планировки, преобразуя Ростов в соответствии с современными идеалами советского градостроения.

Уже в 1947 г. документ, по-модернистски озаглавленный «Справка о будущем г. Ростова-на-Дону», предполагал, что тема войны и Победы станет центральной в архитектурном облике города. Сообщалось, что на Зеленом острове будет создан парк Победы, а на центральной площади у Дома Советов воздвигнут «монумент «Победа», на пьедестале которого стоит высокая статуя – женщина из белого мрамора, держит в одной руке знамя, в другой – золотой герб Советского Союза. Голову статуи украсит лавровый венок из светящейся бронзы. Барельеф, скульптура, горельефы составят одно целое, отображающее исторические даты борьбы и победы» [12]. Почему обе идеи так и не были реализованы – предмет для дальнейшего исследования.

Проблема памяти о войне в послевоенное десятилетие находит решение в контексте общей репрессивной политики позднего сталинизма, направленной на обуздание оживившихся из-за войны общественных настроений. В этой связи тенденция к обезличиванию военного подвига, тесной привязке Великой Победы к имени Сталина, общей унификации коммеморативных практик отвечали задачам сталинского правления. И все же, есть основания полагать, что именно память о войне стала одной из зон, в которых дисциплинарные технологии оказались не полностью эффективны, и начали складываться новые социальные практики, характерные уже для позднесоветского периода.

Примечания:

1. См., например: Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М., 2011. С. 102–105.
2. Там же. С. 162–168.
3. Русинова О. Долговечнее камня и бронзы: образы блокады в монументальных ансамблях Ленинграда // Память о блокаде: Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества: Материалы и исследования. М., 2006. С. 335–364.
4. Jones J.W. «Every Family Has Its Freak»: Perception of Collaboration in Occupied Soviet Russia // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 4. (Winter). P. 767–770.
5. Люкс Л. Антисемитизм в политике Сталина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2008. № 2. С. 44–47.
6. Зверства немецко-фашистских людоедов: Акт // Правда. 1943. 13 марта. С. 3.
7. Государственный архив Ростовской области. Ф. 3613. Оп. 1. Д. 441. Л. 2. Д. 450. Л. 8.
8. Там же. Д. 25. Л. 15–18.
9. Там же. Ф. 4173. Оп. 3. Д. 10. Л. 6.
10. Там же. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 138. Л. 213.
11. Там же. Ф. 1817. Оп. 4. Д. 812. Л. 108–109.
12. Там же. Ф. 4329. Оп. 1. Д. 24. Л. 4–5.

ОБРАЗ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ПАМЯТИ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Для последних десятилетий российского общества характерно «переписывание» истории, связанное с переоценкой прошлого, свержением прежних кумиров и создание новых, что разрывает хрупкую нить исторической памяти, изменяет энергетический потенциал культуры. Великие «отцы» превращаются в забытых «дедов», новые памятники противоречат прежним ценностным ориентирам, мемориалы становятся бесхозными, книги оказываются ненужными. В такой ситуации вспоминается древнегреческий миф о Мнемозине – богине воображения и богине памяти одновременно – который, как считается, точно представляет два лика памяти, воспроизводящей прошлое и придающей ему новые оттенки – от почтения до цинизма. Такая же ситуация сложилась и в отношении людей к Великой отечественной войне: память о ней память вызывает широкий спектр эмоций у ныне живущих поколений – от восхищения и поклонения, скорби и страдания до пренебрежения и скептицизма.

В то же время еще Д.С. Лихачев считал, что «память истории священна» и что «память – основа совести и нравственности, память – основа культуры. Хранить память, беречь память – это наш нравственный долг перед самим собой и перед потомками. Память – наше богатство» [1].

Такое понимание памяти свойственно и датам, связанным с одним историческим событием – Великой Отечественной войной: светлой дате – 9 мая и скорбной дате – 22 июня. Память о Великой Отечественной войне как память о Победе имеет наибольшее значение для сохранения единства национального самосознания для российского народа, для его консолидации [2].

Действительно, в истории современной России едва ли есть другой государственный праздник, который так объединяет всех людей. Этот праздник отмечают практически в каждом российском доме. Уходит время, уходят ветераны. Молодое поколение в большинстве своем судит о войне по фильмам и книгам, зачастую даже не зная, как эти тяжелые годы пережили их близкие и родные. В то же время во многих семьях и сегодня хранятся письма с фронта, фотографии военных лет, пожелтевшие газетные вырезки из далеких 1940-х гг., ордена и медали, «похоронки». По-прежнему живы воспоминания о тех, кто воевал, трудился в тылу, был в плену или оккупации; о тех, кто не вернулся с полей сражения, отдал свою жизнь за независимость Родины, спасение человечества от фашизма.

С целью приобщения молодежи к памяти о героических и трагических событиях Великой Отечественной войны к 60-летию и 65-летию со Дня Победы студентам Ставропольского государственного университета было предложено записать воспоминания своих близких о военном лихолетье. Рассказы бабушек, дедушек, родителей, соседей, переживших военное время – это фундамент,

на котором в огромной мере зиждется историческая память. Именно через непосредственное общение с очевидцами событий многолетней давности наиболее интенсивно функционирует «живая», событийная историческая память. Именно здесь горячо и эмоционально, подробно, до мелочей и деталей рассказывается то, что было и как было.

Однако с годами воспоминания о Великой Отечественной войне истощаются, бледнеют, растворяются во времени, меркнут в живой человеческой памяти. И чтобы сохранить, насколько это возможно, героический дух народа, его самоотверженное служению Отечеству, которыми были пронизаны военные годы, многие студенты приняли участие в издательском проекте и записали воспоминания своих близких о том, где и как они воевали, как работали и жили в тылу, как смогли пережить оккупацию. Итогом такой работы стали издания к этим датам сборников семейных преданий «Никто из нас войны забыть не сможет».

Необходимо отметить, что в сборе материала приняли участие студенты разных факультетов, приехавшие на учебу в Ставрополь из различных уголков Северного Кавказа, представляющие разные национальности. Значительным итогом данного исследовательского проекта стало то, что юношам и девушкам через семейные предания удалось прикоснуться к самым трагическим страницам современной истории нашей страны. Важным явилось и то духовное единство молодежи со старшим поколением, которое ощущается при знакомстве с данными изданиями. Современные 18–20-летние граждане России на примере близких им людей познавали важность простых человеческих истин – доброты, гуманизма, дружбы, страдания, стойкости духа. Студенты восхищались тем, как в невероятно сложных условиях их прадедушки и прабабушки смогли не только выжить, но и сохранить в себе лучшие человеческие качества.

И примеров этому много. «Убеждена, что каждый уважающий себя, своих родных и дорогих ему людей, – написала Ольга Белых, студентка факультета романо-германских языков, – должен знать, кто его предки, откуда родом, где и как жили, что оставили после себя... Хочу сказать всем ветеранам, мы всегда будем помнить о Ваших боевых и трудовых подвигах во имя живущих ныне. Низкий поклон Вам и вечная память тем, кого уже нет с нами рядом» [3].

Другой пример: «Долго я не могла уснуть после беседы с ветераном войны Иваном Ивановичем, – вспоминает студента факультета филологии и журналистики Светлана Клипчаева, – Закрою глаза и вижу то, что никогда не видела: немцев, “Катюшу”, почтальона Кондрашку. Вместо военных самолетов, обстреливающих поселения, сегодня в небе яркие звезды, Млечный путь, луна. Днем – яркое солнце, голубые облака. Какое же все-таки небо разное!!!» [4]

Кроме этого издательского проекта для определения отношения современного студенчества к Великой Отечественной войне нами было проведено исследование в форме написания студентами эссе «Великая Отечественная

война – крупнейшее событие XX века». Несмотря на давность этого события, молодое поколение оценивает Великую Отечественную войну как героический символ, высочайшее проявление патриотизма всех народов, проживающих в то время на территории Советского Союза. Так думают, согласно социологическому опросу, более 80 % студентов. Вот некоторые высказывания студентов «победа в Великой отечественной войне – это наглядный пример настоящего патриотизма, позволившего героически выстоять в борьбе с фашистской Германией», «ни одно событие нашей отечественной истории так ярко не свидетельствует о единении народов, входящих в состав СССР, в их борьбе с общим врагом, как Великая Отечественная война».

Необходимо подчеркнуть, что значительная часть молодых респондентов понимает, насколько тяжелым испытанием была Великая Отечественная война: «советский народ долгие пять лет шел дорогами тяжелейшей из войн, чтобы спасти свою Родину и все человечество от фашизма. Все: будь то русский, осетин или казах, стар и млад – встали на защите своего Отечества. Нет семьи в нашей стране, которой бы не коснулась эта война!». В основе такого восприятия Победы лежат не только объективные, но и субъективные обстоятельства: здесь и генетически присущий российскому (советскому) народу патриотизм, и сопереживание истории своей семьи, неразрывно связанной с историей Великой Отечественной войны.

Великая Победа нашего народа обладает огромным воспитательным зарядом, потенциалом для формирования патриотизма, гордости за свою Родину, уважения к другим народам. Многие студенты в своих эссе подчеркивали, насколько значима Победа в войне для сегодняшнего российского общества, отмечая необходимость сохранять память о тех, кто ковал эту победу, и особенно о тех, кто обеспечил ее ценой своей жизни. Один из студентов написал: «Мы должны быть достойны памяти своих дедов и прадедов, учиться у них преданности и мужеству, достойно хранить завещанное нам богатство, скрепленное кровью, пролитой на полях сражения Великой Отечественной войны».

Примечания:

1. Лихачев Д.С. Память истории священна. М., 1986. С. 14.
2. См., например: Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3; Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологический журнал. 2002. № 4; Абдулаев Э.Н., Морозов А.Ю. Изучение темы «Вторая Мировая война» в школьном курсе истории // Преподавание истории в школе. 2009. № 7; Морозов А.Ю., Пучков П.А. Вторая мировая война в Интернете // Преподавание истории в школе. 2009. № 7 и др.
3. Никто из нас войну забыть не сможет. Вып. 2. Ставрополь, 2010, С. 11–12.
4. Там же. С. 51.

Г.Ф. Вершинин

ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (опыт работы совета ветеранов Таганрогского НИИ связи)

По данным Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, в 2011 г. Россия вышла на первое место по количеству веб-пользователей в Европе, обогнав Германию. Численность интернет-аудитории достигла 70 млн чел. [1]. Д.А. Медведев поставил задачу обеспечения каждой семьи компьютером. Заканчивается эра бумажной цивилизации, и в этих условиях приходится менять устоявшиеся веками принципы документирования материалов, их распространения и сохранения для истории. Наша молодежь давно живет в социальных сетях и, чтобы установить с ней надлежащее взаимопонимание, необходимо научиться общаться на этой площадке. Этой же позиции придерживается нынешнее руководство страны, поставившее задачу перевести все управление, а значит, и общение, на электронный документооборот.

В этих условиях совет ветеранов Таганрогского НИИ связи, представляющий собой первичную организацию, насчитывающую на учете 1302 чел., старается использовать современные инновационные технологии в своей работе. 140 ветеранов имеют личные электронные адреса и регулярно получают выпуски электронной газеты, называемой «Новости совета ветеранов ТНИИС». К настоящему времени вышло 149 ее выпусков. Особую ценность в этих материалах представляют документы, имеющие отношения к Великой Отечественной войне. В качестве примера уместно привести фотоснимки 1943 г. Невозможно без трепета в душе рассматривать фотографии освобождения детей таганрогского приюта из фашистского рабства. Их предоставила узник фашистской неволи Майя Андреевна Курасова [2]. В распоряжении совета ветеранов имеется снимок, сделанный в гестапо в Германии в 1945 г. На нем несовершеннолетний узник фашизма Валентина Ивановна Шапиро [3]. Она перенесла все муки и унижения фашистской неволи. Кроме снимка, у нас имеются ее свидетельства оккупации Таганрога. Несомненный интерес представляет снимок, сделанный в 1944 г. на крейсере «Севастополь». На нем еще один наш ветеран – Олег Иванович Клименко [4]. Галерею детей войны продолжает снимок сына полка 14-летнего Василия Васильевича Червонева [5].

Отдельного разговора заслуживает наш ветеран Вадим Михайлович Терновой. Он участник Парада Победы 1945 г., встречался с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. Дважды видел самого И.В. Сталина [6], участник встречи 23 февраля 2012 г. в Кремле с президентом Д.А. Медведевым. Материалы о его легендарной судьбе размещены на нескольких сайтах. Его автобиография насчитывает 30 страниц. В 90 лет он прошел обучение на компьютерных курсах и теперь регулярно общается с молодежью и коллегами в социальных сетях.

Среди женских военных историй представляют интерес судьбы Виктории Николаевны Симкиной, которая была радистом на Волховском фронте [7],

и Галины Николаевны Пономаревой, военного водителя, участника битвы на Днестре [8]. Ряд женщин дополняет еще один интересный человек – участник боевых действий в Афганистане Наталья Викторовна Ушакова [9].

Социальные сети, где размещены упомянутые материалы, служат мостиком для людей разных поколений как современное средство коммуникаций, и таким способом наш совет ветеранов оставляет их в памяти потомков. Наиболее приемлемым для этих целей наш совет считает участие в проекте «Наследники славы» [10]. Этот сайт не отвлекает рекламой и существует на деньги правительства Москвы, без ограничений по географии пользователей. На сегодняшний день совет ветеранов поддерживает на нем 60 страниц об участниках Великой Отечественной войны и рекомендует всем желающим к нему присоединиться. Число просмотров наших страниц достигло 1050. Особую надежду дает то, что среди пользователей этой сети появились внуки и правнуки наших ветеранов.

На каждой странице совет размещает краткую военную историю, фотографии тех лет, современные и другие материалы. К ним относятся и оцифрованные аудиозаписи воспоминаний ветеранов. С использованием облачных технологий советом ветеранов оцифрованы и сохранены на разных сайтах несколько тысяч фотографий. Из нашего опыта можно рекомендовать сайты общенациональных серверов прозы и поэзии [11]. Там размещаются творческие работы ветеранов. Для размещения фотографии различной тематики и музыки наиболее приемлемым оказался «Мой мир» [12]. Для видеороликов – видеохостинг «Youtube.ru.» [13]. Для фильмов продолжительностью более 15 минут – различные файловые хранилища [14]. Много внимания наш совет уделяет вопросам пропаганды семейных ценностей. Они начинаются с истории каждой семьи и ее генеалогии. Данной теме посвящено несколько книг [15].

Важнейшее место в сбережении памяти занимают музеи. Созданный в институте музей располагает современным мультимедийным комплексом, где можно демонстрировать все оцифрованные материалы [16]. В работе наших ветеранов с молодежью важное место занимают интерактивные сервисы, например, мультимедийная карта Великой Отечественной войны. По ней студентам и учащимся можно показать, что происходило в любой день войны. Она иллюстрирована фотографиями, фильмами и рассказами свидетелей тех лет. Скачать ее можно с сайта [17]. Кроме того, каждый ветеран должен иметь доступ к сайту «Солдат.ru», посвященному военной истории [18] и Обобщенному банку данных «Мемориал», который содержит информацию о защитниках Родины, погибших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период [19].

Проблема сбережения памяти медленно выходит из декларативных заявлений и во многих случаях не перешла еще стадию практической реализации, не стала общегосударственной. Так, по НТВ 22 июня 2010 прошел сюжет о захоронении в Воронежской области останков участников Великой Отечественной войны в пластиковых мешках [20]. Под Воронежем в хуторе Сибирском хоронили 437 красноармейцев, погибших во время войны. Идентифицировали по медальонам только четверых. Организовать перезахоронение районные

власти обязали сельсовет. Обелиск и надгробную плиту сделали за счет родителей школьников. 10 гробов взяли в долг, но в них поместились лишь останки 120 погибших. 300 остальные уложили в могилу в целлофановых пакетах. Солдатам, которые маскировали гору останков еловыми ветками, было стыдно. Идентификацией тех, кто не имел медальонов, никто не занимался.

Представляется, что научное сообщество вместе с ветеранскими организациями должны поставить вопрос перед правительством об изменении порядка обращения с останками павших. Кроме достойных похорон, они заслуживают идентификации. Для этого необходимо создание общегосударственного банка данных с материалами перезахороненных для того, чтобы рано или поздно через расшифровку генома этих останков была установлена их принадлежность. Они отдали своей родине долг. Пора отдать его и нам.

Примечания:

1. По материалам РИА Новости. URL: <http://net.compulenta.ru/653090> (дата обращения: 16.05.2012).
2. Мой мир. URL: <http://foto.mail.ru/mail/vgf46/1105> (дата обращения: 18.05.2012).
3. Наследники славы. URL: <http://www.naslednikislavy.ru/veterans.php?id=4416> (дата обращения: 18.05.2012).
4. Там же. URL: <http://www.naslednikislavy.ru/veterans.php?id=7696> (дата обращения: 18.05.2012).
5. Там же. URL: <http://www.naslednikislavy.ru/veterans.php?id=4412> (дата обращения: 18.05.2012).
6. Там же. URL: <http://www.naslednikislavy.ru/veterans.php?id=4033> (дата обращения: 18.05.2012).
7. Там же. URL: <http://www.naslednikislavy.ru/veterans.php?id=4378> (дата обращения: 19.05.2012).
8. Там же. URL: <http://www.naslednikislavy.ru/veterans.php?id=4301> (дата обращения: 20.05.2012).
9. Стихи.ру – национальный сервер современной поэзии. URL: <http://www.stihi.ru/2012/02/21/3393> (дата обращения: 20.05.2012).
10. Наследники славы. URL: <http://www.naslednikislavy.ru/vgf/> (дата обращения: 19.05.2012).
11. Стихи.ру – национальный сервер современной поэзии. URL: <http://www.stihi.ru/avtor/vgf46> (дата обращения: 19.05.2012); Проза.ру – национальный сервер современной прозы. URL: <http://www.proza.ru/avtor/vgf46> (дата обращения: 19.05.2012).
12. Мой мир. URL: <http://my.mail.ru/mail/vgf46/> (дата обращения: 19.05.2012).
13. Youtube.ru. URL: <http://www.youtube.com/> (дата обращения: 19.05.2012).
14. Файловое хранилище. URL: <http://www.uploading.com/> (дата обращения: 20.05.2012).
15. Проза.ру – национальный сервер современной прозы. URL: <http://www.proza.ru/2009/02/09/549> (дата обращения: 20.05.2012).

16. Стихи.ру – национальный сервер современной поэзии. URL: <http://www.stihi.ru/2012/01/29/8494> (дата обращения: 20.05.2012).
17. Победители. URL: <http://www.pobediteli.ru/flash.html> (дата обращения: 20.05.2012).
18. Солдат.ру. URL: <http://www.soldat.ru/> (дата обращения: 20.05.2012).
19. Обобщенный банк данных «Мемориал». URL: <http://www.obd-memorial.ru/> (дата обращения: 20.05.2012).
20. Для похорон красноармейцев не хватило гробов. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/196461/> (дата обращения: 20.05.2012).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акоева Наталья Борисовна – кандидат исторических наук, доцент (Северо-Кубанский гуманитарно-технологический институт)

Алмазов Исса Геннадиевич (Государственная архивная служба Республики Ингушетия)

Андрейчук Роини Роиниевич – майор полиции (г. Пенза)

Апанасенко Николай Николаевич (Аксайский военно-исторический музей)

Афанасенко Владимир Иванович (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Батырева Светлана Гарриевна – доктор искусствоведения, доцент (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Белоусов Сергей Степанович – кандидат исторических наук, доцент (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Бич Юлия Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет физкультуры, спорта и туризма)

Броварь Александр Витальевич – доктор исторических наук, доцент (Киевский университет банковского дела Национального банка Украины)

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор (Институт российской истории РАН)

Быстрая Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент (Донецкий национальный университет, Украина)

Венков Андрей Вадимович – доктор исторических наук, профессор (ЮНЦ РАН)

Вершинин Геннадий Фёдорович (Совет ветеранов первичной организации ОАО «Таганрогский НИИ связи» Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов)

Волькович Анна Юрьевна – кандидат культурологии (Военно-медицинский музей, Санкт-Петербург)

Вшивцева Юлия Викторовна – кандидат исторических наук (Кубанский государственный университет)

Горожанина Марина Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Гридина Ирина Николаевна – доктор исторических наук, профессор (Донецкий национальный университет, Украина)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Гришин Виктор Владимирович – генерал-майор авиации (Союз ветеранов войны и военной службы 4-й воздушной армии ВВС и ПВО)

Гром Вероника Юрьевна – аспирант (Кубанский государственный технологический университет)

Гугова Марина Хабасовна – кандидат исторических наук, доцент (Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН)

Гуров Максим Иванович – кандидат исторических наук, доцент (Таганрогский государственный педагогический институт)

Добров Петр Васильевич – доктор исторических наук, профессор (Донецкий национальный университет, Украина)

Дьякова Елена Васильевна (Харьковский национальный педагогический университет, Украина)

Друговская Александра Юрьевна – доктор исторических наук, профессор (Курский государственный медицинский университет)

Евдокимов Николай Александрович – доктор исторических наук, профессор (Луганский национальный университет, Украина)

Еремеева Анна Натановна – доктор исторических наук, профессор (Краснодарский государственный университет культуры и искусств)

Есин Игорь Михайлович – кандидат исторических наук, доцент (Донецкий национальный университет, Украина)

Журавлев Евгений Иванович – кандидат исторических наук, доцент (Ростовский государственный строительный университет)

Зеленская Татьяна Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент (Таганрогский государственный педагогический институт)

Зеленский Юрий Викторович (Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник)

Иванова Светлана Юрьевна – доктор философских наук, профессор (ЮНЦ РАН)

Искакова Кульзира Идрисовна – кандидат философских наук, профессор (Евразийский национальный университет, г. Астана, Республика Казахстан)

Кашеварова Наталья Григорьевна – кандидат исторических наук (Институт истории Украины Национальной академии наук Украины)

Кириллов Павел Васильевич – полковник (Союз ветеранов войны и военной службы 4-й воздушной армии ВВС и ПВО)

Киселев Илья Викторович – кандидат исторических наук (Колледж права, экономики и управления, г. Краснодар)

Кислякова Галина Гавриловна (Новочеркасский музей донского казачества)

Клычников Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный лингвистический университет)

Красноженова Елена Евгеньевна – кандидат исторических наук, доцент (Астраханский государственный университет)

Крысин Михаил Юрьевич – кандидат исторических наук (Общество изучения истории отечественных спецслужб, г. Пенза)

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Кропачев Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент (Краснодарское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество “Мемориал”» (Российский Мемориал))

Култышев Павел Геннадьевич – кандидат исторических наук (Педагогический институт Южного федерального университета)

Курбат Татьяна Георгиевна (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Лазарев Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент (Новочеркасский музей истории донского казачества)

Ларионова Марина Ченгаровна – доктор филологических наук, доцент (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Левендорская Людмила Валентиновна (Центр документации новейшей истории Ростовской области)

Линец Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор (Пятигорский государственный лингвистический университет)

Макаренко Мария Юрьевна – доктор исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Максимов Константин Николаевич – доктор исторических наук, профессор (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Мальцев Денис Александрович – кандидат исторических наук (Российский институт стратегических исследований, г. Москва)

Манжосов Александр Николаевич – кандидат исторических наук (Курское областное научное краеведческое общество)

Мартынов Алексей Сергеевич – аспирант (Донецкий национальный университет, Украина)

Маслова Татьяна Федоровна – доктор социологических наук, доцент (Северо-Кавказский социальный институт, г. Ставрополь)

Морозова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, доцент (Донской государственный технический университет)

Нагаева Гильда Александровна – кандидат исторических наук (Новороссийский политехнический институт (филиал) Кубанского технологического университета)

Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент (Кабардино-Балкарский государственный университет)

Насонова Наталья Александровна (Центр документации новейшей истории Волгоградской области)

Параскевопуло Анна Петровна (Краснодарский государственный университет культуры и искусств)

Некрасов Сергей Геннадьевич (Ростовский-на-Дону строительный колледж)

Очиров Уташ Борисович – доктор исторических наук, доцент (Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН)

Петровская Оксана Васильевна – доктор исторических наук (Российский институт стратегических исследований, г. Москва, Брестский государственный университет, Республика Беларусь)

Пуха Татьяна Сергеевна (Таганрогский государственный педагогический институт)

Раздольский Сергей Александрович – доктор философских наук, доцент (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Ратушняк Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Рвачева Ольга Владимировна – кандидат исторических наук (ЮНЦ РАН)

Рейхман Григорий (Российский научно-просветительский центр «Холокост», г. Ашдод, Израиль)

Роменский Анатолий Филиппович (Социально-реабилитационный центр Куйбышевского района Ростовской области)

Санев Сергей Александрович (Новороссийское городское историческое общество)

Седой Евгений Юрьевич – аспирант (Кубанский государственный технологический университет)

Селюнин Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор (Таганрогский государственный педагогический институт)

Селюнина Наталья Владимировна – доктор исторических наук, доцент (Таганрогский государственный педагогический институт)

Семистяга Владимир Федорович – кандидат исторических наук, доцент (Луганский национальный университет, Украина)

Сивков Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент (Южный институт менеджмента, г. Краснодар)

Скорик Александр Павлович – доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор (Южно-Российский государственный технический университет (Новочеркасский политехнический институт))

Смеюха Виктория Вячеславовна – кандидат филологических наук (Южный федеральный университет)

Совакова Вероника Анатольевна (Музей «Молодая гвардия», г. Львов Курской области)

Стасюк Александр Павлович (Ростовский городской клуб молодежи и ветеранов «Патриот»)

Столбовская Ольга Ивановна (Средняя общеобразовательная школа № 1 Матвеево-Курганского района Ростовской области)

Стрекалова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, доцент (Ставропольский государственный университет)

Тажидинова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент (Кубанский государственный университет)

Татарinov Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук (Луганский институт Межрегиональной академии управления персоналом, Украина)

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук (Институт гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского научного центра РАН)

Терушкин Леонид Абрамович (Российский научно-просветительский центр «Холокост», г. Москва)

Тикиджьян Руслан Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент (Ростовский технологический институт сервиса и туризма (филиал) Южно-Российского государственного университета экономики и сервиса)

Титаренко Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук (Донецкий юридический институт, Украина)

Трут Владимир Петрович – доктор исторических наук, профессор (Южный федеральный университет)

Удалова Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент (Донецкий национальный университет, Украина)

Хандожко Роман Игоревич – кандидат исторических наук (Донской государственный технический университет)

Хлынина Татьяна Павловна – доктор исторических наук (ИСЭГИ ЮНЦ РАН)

Хубулова Светлана Алексеевна – доктор исторических наук, профессор (Северо-Осетинский государственный университет)

Черкасски Александра – магистр артиум (Рурский университет, Бохум, Федеративная Республика Германия)

Чугунцова Нина Алексеевна – доктор исторических наук, профессор (Кубанский государственный технологический университет)

Чушков Виктор Иванович (Ростовский духовно-патриотический центр святого Георгия Победоносца)

Шилова Татьяна Витальевна (Таганрогский государственный педагогический институт)

Юрченко Иван Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент (Московский авиационный институт (Национальный исследовательский университет))

Януш Сергей Владимирович – доктор исторических наук, доцент (Ставропольский государственный аграрный университет)

СОДЕРЖАНИЕ

Академик Матишов Г.Г. Предисловие.....	5
Раздел 1. Участие в отечественных войнах жителей и вооруженных формирований, созданных на юге России.....	9
Венков А.В. Отечественная война 1812 года в судьбах донских казачьих офицеров (по материалам ГАРО).....	9
Лазарев А.В. Донской Атаманский графа М.И. Платова полк: год 1812-й.....	12
Кислякова Г.Г. Герой Отечественной войны 1812 года генерал от кавалерии граф В.В. Орлов-Денисов.....	16
Мальцев Д.А. Войска Кавказской линии и Отечественная война 1812 года.....	20
Роменский А.Ф. Наши земляки в Отечественной войне 1812 года.....	23
Очиров У.Б. Ставропольский и 2-й калмыцкие полки в сражениях августа–сентября 1813 года.....	27
Чугунцова Н.А., Седой Н.Я. Вооруженные формирования юга России в Отечественных войнах 1812 г. и 1941–1945 гг.	34
Горожанина М.Ю. Войсковое духовенство Кубани в войнах XIX – начала XX вв.	41
Скорик А.П. 36-й Донской казачий полк и его участие во Второй Отечественной войне 1914–1917 гг.....	47
Алмазов И.Г. К истории формирования ингушского конного полка Кавказской туземной конной дивизии (1914–1917 гг.).....	54
Култышев П.Г. Феномен обесценивания человеческой жизни в сознании солдат русской армии в годы Первой мировой войны.....	61
Морозова О.М. Офицерская фронтовая переписка 1914–1917 гг. о желанной победе и препятствиях на пути к ней.....	67
Нагаева Г.А. Женщины Черноморской губернии в годы Первой мировой войны.....	74
Трут В.П. Массовая борьба с врагом и сотрудничество советских граждан с оккупантами советских граждан в годы Великой Отечественной войны: сравнительного анализ.....	77
Тикиджьян Р.Г. Советское государство и особенности военной службы донских казаков накануне Великой Отечественной войны.....	83

Селюнина Н.В., Селюнин В.А. Ополченческие формирования на юге России в 1941–1942 гг.	90
Санеев С.А. Рожденная в Новороссийске: боевой путь 353-й стрелковой дивизии	96
Некрасов С.Г. 33-я гвардейская: сын отвечает за отца (две книги об одной дивизии).	101
Бугай Н.Ф. Кубанские казаки в строительстве транспортных коммуникаций в период Великой Отечественной войны и послевоенное время	130
Чуцков В.И. Народы-победители в боях на территории Ростовской области	107
Бич Ю.Г. Военно-прикладные традиции казачества юга России на ратной службе Отечеству	110

Раздел 2. Боевые действия, оккупация и сопротивление противнику на юге России 115

Януш С.В. О вопросах оккупации, сопротивления и коллаборационизма, возникающих в изучении битвы за Кавказ.	115
Журавлев Е.И. Коллаборационизм и его политические проявления на юге России в годы войны (1941–1943 гг.)	122
Ратушняк О.В. Казаки на стороне Третьего рейха	128
Кириллов П.В. ВВС РККА накануне и во время Великой Отечественной войны и меры по совершенствованию их состояния	134
Гришин В.В. Действия советской боевой авиации на юге России (1941–1942 гг.)	140
Кашеварова Н.Г. Деятельность оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в области сбора и изучения информации об оккупированных территориях СССР (1941–1945 гг.)	147
Максимов К.Н. Деятельность эмиграции по привлечению калмыков в союзники нацистов в годы Второй мировой войны: иллюзии и реальность	153
Апанасенко Н.Н. Боевые действия у станции Аксайской в 1941–1943 гг.	160
Столбовская О.И. Фронтовой быт на Миусе (1941–1943 гг.) глазами детей	165
Дьякова Е.В. Бои за освобождение Харьковщины в 1942 г.	171
Афанасенко В.И. К вопросу о силах и средствах войск группы армий «А» в операции «Эдельвейс» (июль – сентябрь 1942 г.)	176
Раздольский С.А. Корреспондент на войне. Ожесточенные бои на Дону в июле 1942 г. (по материалам газеты «Красная звезда»)	180
Титаренко Д.Н. Организация радиопропаганды среди населения СССР в период нацистской оккупации (зона военной администрации)	186
Макаренко М.Ю., Вшивцева Ю.В. Социально-экономическая политика оккупационных властей на Кубани (1942–1943 гг.)	192

Линец С.И. Госпитальная база городов-курортов Кавказских Минеральных Вод при немецком оккупационном режиме (август 1942 г. – январь 1943 г.)	198
Курбат Т.Г. Оккупация Таганрога (1941–1943 гг.): основные направления социальной политики.	204
Семистяга В.Ф. Молодежное антинацистское подполье «Молодая гвардия» (г. Краснодар): причины провала и гибели	210
Евдокимов Н.А., Добров П.В. Из истории о руководителях и предателях Краснодарской комсомольско-молодежной организации «Молодая гвардия» (к 70-летию создания организации)	217
Стасюк А.П., Друговская А.Ю., Манжосов А.Н., Совакова В.А. Народная память о «Молодой гвардии» как символе молодежного Сопротивления в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	222
Мартынов А.С. Карательные акции оккупантов в Донбассе накануне освобождения региона Красной армией (зима – лето 1943 г.)	228
Зеленский Ю.В. О трактовке Великой Отечественной войны как гражданской.	235
Раздел 3. Государство и общество, военная повседневность и массовое сознание	238
Сивков С.М. Влияние Отечественной войны 1914–1918 гг. на социально- экономическое положение Кубано-Черноморья	238
Еремеева А.Н., Параскевопуло А.П. Научная жизнь юга России в годы Первой мировой войны	244
Тетуев А.И. Национальная политика советского государства накануне и в годы Великой Отечественной войны.	250
Клычников Ю.Ю. Испытание бедой: политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны	257
Кринко Е.Ф. Частная жизнь советского человека в условиях военного времени: пространство и границы	264
Гридина И.Н. «Народные новости»: роль слухов в изучении истории Великой Отечественной войны	270
Тажидинова И.Г. Феномен фронтовой дружбы.	277
Насонова Н.А., Рвачева О.В. Казачество Сталинградской области накануне и в годы Великой Отечественной войны	284
Белоусов С.С. Административно-территориальные преобразования в Нижнем Поволжье в годы Великой Отечественной войны и их последствия	290
Красноженова Е.Е. Социальное развитие Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны	295
Стрекалова Е.Н. Военное детство 1941–1945 гг. по данным устных источников	301

Удалова Т.М. Подрастающее поколение Донбасса в экстремальных условиях войны (1941–1945 гг.)	308
Хубулова С.А. Негативные настроения и поведение населения в тылу в годы период Великой Отечественной войны (на материалах СО АССР).....	313
Татаринов И.Е. Повседневная жизнь и настроения рабочих и служащих Украинской ССР в 1943–1945 гг.....	318
Броварь А.В. Условия жизни шахтеров в начальный период восстановления угольной промышленности Донбасса (1943–1945 гг.).....	324
Есип И.М. Советская кадровая политика по вовлечению женщин в процессы восстановления металлургического производства Донбасса в годы Великой Отечественной войны (1943–1945 гг.).....	328
Быстрая М.А. Стратегии выживания научно-педагогической интеллигенции УССР в экстремальных условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.).....	334
Зеленская Т.В., Шилова Т.В. Фрагменты повседневности Великой Отечественной войны в источниках личного происхождения	339
Гуров М.И., Пуха Т.С. «Если только вы понять могли...» (по материалам личного архива Лидии Ивановны Б.).....	343
Волькович А.Ю. Военно-морской врач в блокадном Ленинграде: Ф.М. Данович	349
Искакова К.И. Портрет фронтовика Великой Отечественной войны	356

Раздел 4. Отечественные войны в исторической памяти 358

Иванова С.Ю. Консолидирующий потенциал исторического наследия победоносных войн России	358
Батырева С.Г. Война 1812 года в образной памяти народа (по материалам изобразительного искусства Калмыкии).....	365
Акоева Н.Б. Первая мировая война в воспоминаниях казаков	371
Смеюха В.В. Первая мировая война в освещении российской женской прессы начала XX в.	376
Маслова Т.Ф. Великая Отечественная война как социальная память	382
Хлынина Т.П. «Этот поразительный человеческий документ публиковался два раза»: письма и дневники военного времени как исторический источник.....	385
Нальчикова Е.А. Фронтовые письма в женском военном быту.....	392
Кропачев С.А. Дискуссии о цене победы в Великой Отечественной войне в современной российской историографии	396
Петровская О.В. Социальные и национальные конфликты в начале Великой Отечественной войны: проблемы национальных интерпретаций (Россия, Белоруссия, Польша).....	402
Крысин М.Ю., Андрейчук Р.Р. Холокост и ревизия истории	408

Юрченко И.Ю. Казачество в Великой Отечественной войне в новейшей отечественной историографии	414
Левендорская Л.В. Первая оккупация г. Ростова-на-Дону (1941 г.) в документах официального и личного происхождения фондов ГКУ РО «ЦДНИРО»	420
Гугова М.Х. Война глазами женщины в исторической памяти народов Северного Кавказа: постановка проблемы	424
Гром В.Ю. Великая Отечественная война в художественной литературе	427
Ларионова М.Ч. Образы литературы о Великой Отечественной войне: танки и самолеты	430
Киселев И.В. Образ Великой Отечественной войны на Кубани в исторических картах	437
Рейхман Г.К., Терушкин Л.А. Отражение в русскоязычных СМИ Израиля вопросов сохранения памяти о войне и Холокосте (сотрудничество ветеранских организаций и НПЦ «Холокост»)	442
Черкасски А. Советская культура памяти о жертвах Второй мировой войны: развитие мемориального ландшафта	448
Хандожко Р.И. Память о Великой Отечественной войне в городском пространстве Ростова-на-Дону: официальный дискурс и социальные практики (1943–1953 гг.)	455
Гриценко Г.Д. Образ Великой Отечественной войны в памяти молодого поколения	458
Вершинин Г.Ф. Память о Великой Отечественной и информационные технологии (опыт работы совета ветеранов Таганрогского НИИ связи)	461
Сведения об авторах	469

TABLE OF CONTENTS

Academician RAS Matishov, G.G. Foreword	5
Section 1. Participation of civilians and armed units, formed in the South of Russia, in patriotic wars.	9
Venkov, A.V. The Patriotic War of 1812 in the destinies of the Don Cossack officers (based on the materials from the State Archives of Rostov Region (SARO))	9
Lazarev, A.V. The Count M.I. Platov Don Ataman Regiment: the year 1812	12
Kislyakova, G.G. A hero of the Patriotic War of 1812 General of Cavalry Count V.V. Orlov-Denisov	16
Mal'tsev, D.A. Troops of the Caucasus Line and the Patriotic War of 1812	20
Romenskiy, A.F. Our fellow natives in the Patriotic War of 1812	23
Ochirov, U.B. The Stavropol and the 2 nd Kalmyk regiments in the battles of August – September 1813.	27
Chuguntsova, N.A., and Sedoi, N.Ya. Armed units of the South of Russia in patriotic wars of 1812 and 1941–1945	34
Gorozhanina, M.Yu. The Kuban military chaplains in the wars of the 19 th – early 20 th centuries.	41
Skorik, A.P. The 36 th Don Cossack Regiment and its participation in the Second Patriotic War of 1914–1917.	47
Almazov, I.G. On the formation history of the Ingush cavalry regiment of the Caucasian Native Mounted Division (the Savage Division) (1914–1917).	54
Kultyshev, P.G. A phenomenon of human life devaluation in the consciousness of the Russian Army soldiers during the years of World War I	61
Morozova, O.M. Officers' front correspondence of 1914–1917 on the desired victory and obstacles on the way to it	67
Nagaeva, G.A. The women of the Black Sea Governorate in the years of World War I	74
Trut, V.P. Massive struggle against the enemy and collaboration of the Soviet citizens with the occupants during the Great Patriotic War: comparative analysis.	77
Tikidzh'yan, R.G. The Soviet state and specific features of the Don Cossacks' military service on the eve of the Great Patriotic War	83
Selyunin, V.A., and Selyunina, N.V. People's volunteer corps formations in the South of Russia in 1941–1942	90

Saneev, S.A. Born in Novorossiysk: fighting way of the 353 rd Rifle Division	96
Nekrasov, S.G. The 33 rd Guards Division: a son is responsible for a father (two books about one division)	101
Bugai, N.F. The Kuban Cossacks in the construction of transport communications during the Great Patriotic War and post-war period	103
Chutskov, V.I. Peoples-victors in the battles and fights on the territory of Rostov Region	107
Bich, Yu.G. Military-oriented traditions of the Cossacks of the South of Russia doing military service for the Fatherland	110
Section 2. Combat operations, occupation, and resistance to adversary in the South of Russia	115
Yanush, S.V. On the occupation, resistance, and collaborationism issues, emerging when studying the Battle of the Caucasus	115
Zhuravlev, E.I. Collaborationism and its political manifestations in the South of Russia during the war years (1941–1943)	122
Ratushnyak, O.V. The Cossacks on the side of the Third Reich	128
Kirillov, P.V. The Air Forces of the Red Army (WPRA) on the eve of and during the Great Patriotic War and measures to improve their state and conditions	134
Grishin, V.V. Actions of the Soviet air forces in the South of Russia (1941–1942)	140
Kashevarova, N.G. Activities of The Reichsleiter Rosenberg Taskforce on collecting and studying information on the occupied territories of the USSR (1941–1945)	147
Maksimov, K.N. Activities of the emigration on the involvement of the Kalmyk people into the alliance with the Nazis during World War II: illusions and reality	153
Apanasenko, N.N. Hostilities near the stanitsa of Aksaiskaya in 1941–1943	160
Stolbovskaya, O.I. Everyday front life in the Mius area (1941–1943) as perceived by children	165
D'yakova, E.V. Fighting for the liberation of Kharkov area in 1942	171
Afanasenko, V.I. On the issue of forces and means of the Army Group A troops in the Operation Edelweiss (July – September 1942)	176
Razdol'skiy, S.A. A correspondent at war. Fierce fights in the Don Region in July 1942 (based on the materials of the Krasnaya Zvezda (Red Star) Newspaper)	180
Titarenko, D.N. Organization of the radio propaganda broadcasts over the USSR population during the Nazi occupation period (military administration zone)	186
Makarenko, M.Yu., and Vshivtseva, Yu.V. Socio-economic policy of the occupation authorities in the Kuban Region (1942–1943)	192

Linets, S.I. Hospital base of resort towns of the Caucasus Mineral Waters Region during the German occupation regime (August 1942 – January 1943).....	198
Kurbat, T.G. Occupation of Taganrog (1941–1943): the main directions of social policy	204
Semistyaga, V.F. An underground youth anti-Nazi organization the Young Guard (the town of Krasnodon): reasons for a failure and treachery and execution.....	210
Dobrov, P.V., and Evdokimov, N.A. From the history of the leaders and traitors of the Krasnodon Komsomol Youth Organization the Young Guard (to the 70-year establishment of the organization)	217
Stasyuk, A.P., Drugovskaya, A.Yu., Manzhosov, A.N., and Sovakova, V.A. People’s memory of the Young Guard as a symbol of youth resistance during the Great Patriotic War of 1941–1945	222
Martynov, A.S. Punitive actions of the occupants in the Donbass on the eve of the region’s liberation by the Red Army (Winter – Summer of 1943).....	228
Zelenskiy, Yu.V. On the treatment of the Great Patriotic War as a civil war	235
Section 3. The State and society, everyday war life and mass consciousness. . .	238
Sivkov, S.M. The impact of the Patriotic War of 1914–1918 on the social-economic situation in the Kuban-Black Sea Region	238
Eremeeva, A.N., and Paraskevopulo, A.P. Scientific life of the South of Russia during World War I	244
Tetuev, A.I. The ethnic policy of the Soviet state on the eve and during the Great Patriotic War.....	250
Klychnikov, Yu.Yu. Ordeal of trouble: the policy of the Soviet state in the Northern Caucasus during the Great Patriotic War.....	257
Krinko, E.F. A private life of a Soviet person of the war period: space and boundaries.....	264
Gridina, I.N. “People’s news”: the role of rumour when studying the history of the Great Patriotic War.....	270
Tazhidinova, I.G. A phenomenon of front friendship	277
Nasonova, N.A., and Rvacheva, O.V. The Cossacks of Stalingrad Region on the eve and during the Great Patriotic War	284
Belousov, S.S. Administrative-territorial changes in the Lower Volga Region during the Great Patriotic War and their consequences.....	290
Krasnozhenova, E.E. Social development of the Lower Volga Region during the Great Patriotic War	295
Strekalova, E.N. The war childhood of 1941–1945 by data from oral sources. . .	301
Udalova, T.M. The rising generation of the Donbass under the extreme conditions of war (1941–1945).....	308

Khbulova, S.A. Negative sentiments and behaviour of the population in the rear during the Great Patriotic War (based on data on the North-Ossetia ASSR)	313
Tatarinov, I.E. Everyday life and sentiments of workers and servants of the Ukrainian SSR in 1943–1945.	318
Brovar', A.V. Life conditions of miners in the initial period of coal mining industry rehabilitation in the Donbass (1943–1945).	324
Esip, I.M. The Soviet personnel policy on the involvement of women in the rehabilitation processes in the Donbass metallurgy industry during the Great Patriotic War (1943–1945).	328
Bystraya, M.A. Survival strategy of scientific-pedagogic intelligentsia of the Ukrainian SSR under the extreme conditions of the Great Patriotic War (1941–1945)	334
Zelenskaya, T.V., and Shilova, T.V. Fragments of everyday life during the Great Patriotic War in the sources of personal origin.	339
Gurov, M.I., and Pukha, T.S. «If only you could understand...» (based on the private archives of Lidia Ivanovna B.)	343
Vol'kovich, A.Yu. A surgeon in blockade Leningrad: F.M. Danovich	349
Iskakova, K.I. A portrait of a front-line soldier of the Great Patriotic War	356
Section 4. Patriotic wars in historical memory.	358
Ivanova, S.Yu. Consolidating potential of historical legacy of victorious wars of Russia.	358
Batyreva, S.G. The war of 1812 in the image memory of people (based on the fine arts of Kalmykia)	365
Akoeva, N.B. World War I in the recollections of the Cossacks	371
Smeyukha, V.V. World War I in the Russian woman's press coverage of the early 20 th century	376
Maslova, T.F. The Great Patriotic War as a social memory	382
Khlynina, T.P. “This amazing human document was published twice”: letters and diaries of the war time as a historical source	385
Nal'chikova, E.A. Letters from the front-line in the everyday war life of women.	392
Kropachev, S.A. Discussions on the costs of victory in the Great Patriotic War in contemporary Russian historiography	396
Petrovskaya, O.V. Social and ethnic conflicts in the beginning of the Great Patriotic War: the problems of national interpretations (Russia, Belorussia, Poland).	402
Krysin, M.Yu., and Andreichuk, R.R. The Holocaust and revision of history	408
Yurchenko, I.Yu. The Cossacks in the Great Patriotic War in the recent national historiography.	414

Levendorskaya, L.V. The first occupation of the city of Rostov-on-Don (1941) in the documents of official and personal origins from the stocks of GKU RO „TsDNIRO“	420
Gugova, M.Kh. The war as perceived by women in the historical memory of the peoples of the Northern Caucasus: stating a problem	424
Grom, V.Yu. The Great Patriotic War in fiction and poetry	427
Larionova, M.Ch. The literature images of the Great Patriotic War: tanks and aircrafts	430
Kiselev, I.V. The image of the Great Patriotic War in the Kuban Region in historical maps and charts	437
Reikhman (Reichman), G.K., and Terushkin, L.A. Reflection of the war memory conservation and the Holocaust in the Russian speaking mass media of Israel (the coverage of the veteran organizations and NPTs „The Holocaust“ activities being exemplified)	442
Cherkasski, A. The Soviet culture of memory of the World War II victims: development of memorial landscape	448
Khandozhko, R.I. The memory of the Great Patriotic War in the municipal space of Rostov-on-Don: official discourse and social practices (1943–1953)	455
Gritsenko, G.D. The image of the Great Patriotic War in the memory of young generation	458
Vershinin, G.F. Memory of the Great Patriotic War and information technologies (activities’ practice of the Veteran Council of Taganrog Research Institute of Communications)	461
Information about the authors	465

Научное издание

**НАРОДЫ ЮГА РОССИИ
В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВОЙНАХ**
Материалы Международной научной конференции
(6–7 сентября 2012 г., Ростов-на-Дону)

*В оформлении обложки использованы фотографии исторических рекон-
струкций Бородинского сражения (Московская область, 2011 г.)
и прорыва Миус-фронта (Ростовская область, 2010 г.)*

Техническая редакция *А.А. Яковлева*
Верстка ???
Перевод *Р.Г. Михалюк*
Дизайн обложки *Е.Б. Орлова*

Подписано в печать 27.08.2012.
Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная.
Гарнитура ... Печать цифровая.
Усл. печ. л. ... Тираж 200 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21

Отпечатано DSM Group. ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. (863) 263-57-66
e-mail: dsmgroup@mail.ru